947.07
C752

1X.7
52

Ко
л 34 г.
На домъ не выдается
Э. К.
— М

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА

ИЗМАИЛА ИВАНОВИЧА СРЕЗНЕВСКАГО

ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

1839—1842.

Съ приложеніемъ карты.

914
С75
16074
6060
49 г.
947.07
С752
Центральное
Книгохранилище
Моск. Обл. Б-ки
Московская Центральная
Публичная Библиотека
1 л. карт.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1895.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

6
1074

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ	V.
Письмо 1-е (17 сент. 1839)	1
» 2-е (20 сент. 1839)	2
» 3-е (23 сент. 1839)	3
» 4-е (30 сент. 1839)	8
» 5-е (1 окт. 1839)	10
» 6-е (7 окт. 1839)	14
» 7-е (15 окт. 1839)	18
» 8-е (22 окт. 1839)	21
» 9-е (1 ноября 1839)	27
» 10-е (10 ноября 1839)	32
» 11-е (14 ноября 1839)	37
» 12-е (19 ноября 1839)	42
» 13-е (28 ноября 1839)	45
» 14-е (10 дек. 1839)	49
» 15-е (1 янв. 1840)	57
» 16-е (29 янв. 1840)	59
» 17-е (4 февр. 1840)	62
» 18-е (11 февр. 1840)	65
» 19-е (23 февр. 1840)	68
» 20-е (марта 13 нов. ст. 1840)	71
» 21-е (16 марта 1840)	74
» 22-е (2 апр. 1840)	76
» 23-е (7 апр. 1840)	79
» 24-е (26 апр. 1840)	81
» 25-е (4 мая 1840)	86
» 26-е (10 мая 1840)	89
» 27-е (14 мая 1840)	92
» 28-е (28 мая 1840)	97
» 29-е (9—10 іюня 1840)	104
» 30-е (17 іюня 1840)	111
» 31-е (26 іюня 1840)	118
» 32-е (25 іюля 1840)	122
» 33-е (6 авг. 1840)	129
» 34-е (10 авг. 1840)	132
» 35-е (23 авг. 1840)	134
» 36-е (6 сент. 1840)	141
» 37-е (20 сент. 1840)	144
» 38-е (26 сент. 1840)	147

стр.

159
Письмо 39-е (19 окт. 1840) 163
» 40-е (28 окт. 1840) 166
» 41-е (31 окт. 1840) 169
» 42-е (1 ноября 1840) 172
» 43-е (2 ноября 1840) 181
» 44-е (1 янв. 1841) 185
» 45-е (23 янв. 1841) 350
» 45-е а (11 февр. 1841) 188
» 46-е (26 февр. 1841) 194
» 47-е (20 марта 1841) 198
» 48-е (2 апр. 1841) 202
» 49-е (9 апр. 1841) 206
» 50-е (2 мая 1841) 211
» 51-е (3 мая 1841) 211
» 52-е (11 мая 1841) 217
» 53-е (16 іюня 1841) 224
» 54-е (7 іюля 1841) 236
» 55-е (4 авг. 1841) 243
» 56-е (18 сент. 1841) 249
» 57-е (1 окт. 1841) 261
» 58-е (1 ноября 1841) 265
» 59-е (дек. 1841) 269
» 60-е (4 янв. 1842) 279
» 61-е (4 марта 1842) 285
» 62-е (22 апр. 1842) 294
» 63-е (12 мая 1842) 309
» 64-е (8 іюня 1842) 323
» 65-е (1 авг. 1842) 331
» 66-е (30 авг. 1842) 335

Дополненія.

Варіантъ письма 35-го 341
Варіантъ письма 37-го 346
Варіанты письма 39-го 357

Приложенія.

Перечень мѣстъ, посѣщенныхъ И. И. Срезневскимъ въ 1839—1842 гг. 363
Указатель личныхъ именъ . . . . . .

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Путевыя письма Измаила Ивановича Срезневскаго, появляющіяся въ настоящее время отдѣльнымъ изданіемъ, ранѣе напечатанныя въ журналѣ «Живая Старина» за 1892 и 1893 гг., писаны ихъ авторомъ во время его ученаго путешествія по западно-славянскимъ землямъ въ 1839—1842 гг. Измаилъ Ивановичь былъ посланъ въ славянскія земли министерствомъ народнаго просвѣщенія для приготовленія къ занятію каѳедры «исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій» одновременно съ другими тремя русскими учеными; учрежденная еще съ 1835 г., но не замѣщавшаяся до конца 1830-хъ гг. во всѣхъ русскихъ университетахъ кромѣ Московскаго (гдѣ ее занималъ дряхлый въ тѣ годы Каченовскій), каѳедра эта нуждалась въ молодыхъ и умѣлыхъ силахъ. Лучшимъ средствомъ для приготовленія преподавателей славянovѣдѣнія министерство считало ознакомленіе ихъ съ языкомъ, исторіей и литературой западныхъ славянъ на мѣстѣ; занятія будущихъ славистовъ должны были производиться отчасти при помощи и руководствѣ туземныхъ ученыхъ, особенно же путемъ личныхъ наблюденій, посредствомъ (приводимъ слова инструкціи, данной И. И. Срезневскому) «не столько заимочнаго, сколько самодѣятельнаго и самопроизводящаго способа». Такое направленіе работъ инструкція оправдываетъ тѣмъ, что съ одной стороны «предметъ изученія славянскихъ нарѣчій, въ истинномъ ихъ ученомъ значеніи, еще слишкомъ мало обработанъ»; съ другой—«весьма не много можно встрѣтить ученыхъ, которые по призванію посвятили бы себя этому важному предмету»; наконецъ «рѣдки хорошія книги, руководства и пособія по этому роду занятій, а каѳедръ, учрежденныхъ по этому предмету и собственно для этой цѣли, кромѣ Россіи, нигдѣ, кажется, не находится». Въ виду такихъ условій инструкція обращаетъ особое вниманіе путешественника на личное практическое изученіе славянскихъ нарѣчій и очень тщательно подчеркиваетъ этотъ способъ, гдѣ только возможно. «Путешествуя по какой нибудь странѣ», говорится въ инструкціи, «онъ (т. е. путешественникъ) долженъ прежде всего стараться пріобрѣсть вѣрную и подробную карту оной

и раздѣлить свое путешествіе сколь возможно систематически, по направленію рѣкъ, горъ и т. п., и по этимъ направленіямъ преслѣдовать все, могущее характеризовать эту страну. Почему онъ имѣетъ обратить вниманіе на физическое положеніе оной, на ея климатъ, на ея изобиліе или скудость въ дарахъ природы, на степень цивилизаціи ея обитателей, на развитіе промышленности и т. п., потому что всѣ эти воззрѣнія имѣютъ весьма важное значеніе въ опредѣленіи характеристики каждаго народа. Сверхъ того, онъ вникнетъ въ діалектическія свойства, отличающія языкъ или нарѣчіе этой страны отъ языка или нарѣчія другой; онъ вслушается въ смыслъ и духъ народныхъ пѣсенъ и въ мелодію ихъ напѣва; соберетъ преданія и сказки; замѣтитъ физіономію племени. При такомъ условіи наблюдательности, само собою разумѣется, нашъ путешественникъ долженъ совершать свои ученыя экскурсіи пѣшкомъ, избирая для сего благопріятное въ году время: иначе, завися отъ тягостныхъ условій почты и дилижансовъ, онъ перепорхнетъ, такъ сказать, черезъ города, села и деревни, тщательное обозрѣніе которыхъ могло бы доставить обильную пищу его любознательности. Къ тому же изъ числа странъ, составляющихъ предметъ его изученія, есть и такія, посѣщеніе которыхъ нашъ путешественникъ и безъ того, по необходимости, долженъ будетъ совершать не иначе какъ пѣшкомъ, и минованіе которыхъ лишило бы его важныхъ пособій къ достиженію предположенной цѣли въ отношеніи къ практическому изученію своего предмета. Посему лѣтнее время года онъ долженъ проводить въ путешествіи по замѣчательнѣйшимъ и наименѣе изслѣдованнымъ странамъ, входить подъ мирную кровлю поселянина, сдружиться съ нимъ душой и бесѣдой и выпытать отъ него все, что только напоминаетъ въ немъ славянина, не оставляя безъ замѣчанія и чуждаго вліянія, которое стерло въ немъ черты его народнаго первообраза, ибо, исключая собственно русскія и польскія страны, слова поселянинъ и славянинъ значатъ почти одно и то же. Изъ наблюденій этого рода путешественникъ составитъ любопытныя записки и отмѣтки. Зимнее же время, какъ наименѣе благопріятное къ подобнымъ путешествіямъ, онъ постарается проводить въ такихъ городахъ, пребываніе въ которыхъ могло бы быть для него поучительно. Тамъ съ помощью библіотекъ, богатыхъ собраній, въ бесѣдѣ съ учеными мужами, онъ повѣритъ свои наблюденія, на досугѣ приведетъ въ порядокъ и систему собранные имъ матеріалы». Способы наблюденій, предложенные въ этой инструкціи, были вполнѣ примѣнены И. И. Срезневскимъ, примѣнены вѣроятно даже съ бо̀льшею тщательностью и бо̀льшей любовью, чѣмъ это рекомендовалось инструкціей: Измаилъ Ивановичъ съ юныхъ лѣтъ привыкъ обращаться съ простымъ людомъ, всю юность пропутешествовавъ по Украинѣ въ поискахъ за остат-

ками старины, и умѣлъ легко и попросту сходиться со всякимъ, безъ различія его общественнаго положенія—способность, сохранившаяся у него до послѣднихъ лѣтъ его жизни.

Путешествіе Измаила Ивановича длилось три года: 17 сент. 1839 г. онъ выѣхалъ изъ Харькова, 23 сент. 1842—вернулся. Въ эти три года И. И. посѣтилъ Пруссію, Саксонію, Чехію, Моравію, Лузацію, Хорватскія земли, Славонію, Черногорію, Сербію, Венгрію, Галицію и Польшу. Зимы, согласно инструкціи, онъ проводилъ въ городахъ, изучая славянщину чрезъ посредство ученыхъ ея представителей, разбирая матеріалы, собранные въ теплое время года, лѣта, весны и осени—въ путешествіяхъ то съ кѣмъ нибудь изъ друзей-славянъ, то въ одиночку, по бо́льшей части пѣшкомъ, изрѣдка верхомъ, на почтовыхъ, въ лодкѣ.

Время путешествія И. И. Срезневскаго было временемъ широкаго развитія панславизма на славянскомъ западѣ. Срезневскому не разъ случалось въ глухихъ приходахъ словацкой земли, въ домахъ у священниковъ и крестьянъ встрѣчать портреты русскихъ царей Петра Великаго и Николая, не разъ случалось въ горахъ испытывать эхо кликомъ «да здравствуетъ русскій императоръ» и пить круговую чару за возрожденіе славянскаго народа. Пѣсня «Bože, živi sve slaveni» распѣвалась тогда по всему югу, сонеты Яна Коллара изъ «Slávy dcera» были на устахъ у всѣхъ и въ одно цѣлое, въ одну В с е с л а в і ю соединялись всѣ земли

«Od Carigradu k Petrovu...
Ode Prahy k Moskvě, Kyovu»...

Путешествіе И. И. Срезневскаго было радостно привѣствовано заграничными славянами; они были счастливы тѣмъ, что встрѣчаютъ въ путешественникѣ представителя русскаго племени, которое въ то время рисовалось въ глазахъ западныхъ собратій въ ореолѣ славы и, казалось, сулило имъ лучшую будущность подъ общимъ славянскимъ знаменемъ. Въ путешественникѣ видѣли не только ученаго, преслѣдовавшаго одни лишь научныя цѣли, но хотѣли придать его дѣятельности болѣе свѣжую, современную, иногда политическую окраску; о его путешествіи оповѣщали въ газетахъ за долго до проѣзда его по той или другой мѣстности, его встрѣчали и провожали съ объятіями, какъ друга и брата, какъ перваго русскаго, рѣшившагося пройдти пѣшкомъ по родной ему землѣ, находящейся въ подчиненіи у иноземцевъ, много ему говорили о братствѣ, о великомъ русскомъ народѣ. Крайне любопытно было бы знать, какъ самъ Измаилъ Ивановичъ относился къ этимъ увлеченіямъ

панславизмомъ, былъ ли у него чисто романтическій интересъ къ славянской старинѣ или крылась въ его чувствахъ къ славянамъ какая-нибудь болѣе современная струя. Хотя прямого отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ ни въ перепискѣ, ни въ ученыхъ трудахъ Измаила Ивановича, изъ нѣкоторыхъ намековъ, встрѣчающихся въ его письмахъ, видно, что онъ былъ врагъ всякой «политики», избѣгалъ политическихъ разговоровъ, всегда сердившихъ его (это было и въ Чехіи, и въ Польшѣ), и вообще держался правила „почитать власть политическую“. Но, признавая неприкосновенность этой власти, онъ высоко ставилъ уваженіе къ народности и считалъ обязанностью государства охранять духовную самостоятельность каждаго подчиненнаго ему племени. Пройдя шагъ за шагомъ славянскія земли, узнавъ про перенесенныя славянами невзгоды и несправедливости со стороны мадьяръ и нѣмцевъ, увидѣвъ, а иногда и испытавъ на себѣ тягость положенія угнетенныхъ племенъ, теряющихъ свою народность подъ давленіемъ властвующаго племени, онъ проникся непріязнью къ этому племени: это чувствуется въ его письмахъ, не смотря на то, что онъ и не любилъ это высказывать. Можно отсюда заключить, что литературно-научное увлеченіе Измаила Ивановича стариною славянъ, ихъ языкомъ, нравами и бытомъ, стремленіе его къ воскрешенію этой старины, не было чистымъ романтизмомъ: всѣми силами сторонясь политики, Измаилъ Ивановичъ въ то же время невольно поддавался общему теченію; желая литературной самостоятельности славянъ, открыто высказывая это, онъ глубоко сочувствовалъ ихъ тяжелому положенію, мечталъ объ улучшеніи печальной дѣйствительности и невольно увлекался мыслью объ ихъ племенномъ возрожденіи.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Измаила Ивановича къ матери его Еленѣ Ивановнѣ, которой писаны письма, объ отношеніяхъ, придавшихъ письмамъ особый характеръ сердечности и простоты. Е. И. Срезневская (рожд. Кускова; † 1856 г.) была съ юныхъ лѣтъ Измаила Ивановича его единственнымъ и воспитателемъ, и другомъ; Измаилъ Ивановичъ послѣ смерти отца —проф. Харьковскаго университета по каѳедрѣ краснорѣчія—Ив. Евс. Срезневскаго († 1819), оставшійся семилѣтнимъ ребенкомъ, выросъ почти исключительно на ея рукахъ, ею былъ подготовленъ къ пансіону, ею воспитывался до самаго университета и послѣ университета продолжалъ находиться подъ сильнымъ ея вліяніемъ, въ большой съ нею дружбѣ. «Передъ нею», писалъ Измаилъ Ивановичъ въ 1870-хъ гг., «не было у меня ничего затаеннаго», она «объятьями и слезами награждала меня за всякое откровенное слово, жила со мною одними радостями, одними горестями, тѣми же впечатлѣніями, сама отъ меня ничего не скрывая... Она была бы несчастна, если бы принуждена была затаить въ себѣ свое чувство и мысль;

а высказаться вполнѣ она могла только мнѣ: братъ былъ далеко, да съ нимъ она и не жила такъ долго и такъ постоянно, какъ со мною. Мы были только двое и жили другъ для друга. Не то чтобъ не было между нами невзгодъ; но вечеромъ при прощаньи слезами все омывалось; раньше или позже, иногда и очень поздно, мы всетаки оканчивали нашу бесѣду глубоко мирно,—и на утро для каждаго изъ насъ вставало свѣтлое солнце». Чтобы сохранить точнѣе и правдивѣе образъ матери И. И. Срезневскаго я приведу отрывокъ изъ замѣтокъ, записанныхъ по воспоминанію, со словъ Измаила Ивановича, отрывокъ довольно ясно ее характеризующій. «Е. И. Срезневская принимала горячее участіе въ дѣлахъ своего мужа и вотъ между прочимъ какъ умѣла помочь ему въ его служебныхъ обязанностяхъ. Иванъ Евсѣевичъ былъ инспекторомъ студентовъ университета; должность эта въ то время стояла гораздо выше чѣмъ теперь, и инспектору приходилось непосредственно сноситься съ каждымъ изъ студентовъ и на своихъ плечахъ выносить всѣ безпорядки, невзгоды и недоразумѣнія, возникавшія въ ихъ средѣ. Елена Ивановна постаралась приблизить къ себѣ студентовъ и съ позволенія И. Е. завела обычай, по которому каждое воскресенье къ инспектору собиралось обѣдать человѣкъ пять студентовъ по очереди. Послѣ обѣда Иванъ Евсѣевичъ уходилъ спать; разговоръ между тѣмъ продолжался; Елена Ивановна умѣла возбудить въ молодыхъ людяхъ довѣріе къ себѣ, искренность, разспрашивала ихъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ, объ ихъ нуждахъ, товарищахъ; они разсказывали ей чистосердечно многое такое, чего никому другому не сказали бы, даже сами стали приходить къ ней за совѣтомъ, наставленіемъ, съ жалобой, съ просьбой,—и она каждаго успокаивала, обнадеживала и, сколько могла, всѣмъ помогала. Она сдѣлалась посредницей между студентами и инспекторомъ, другомъ ихъ, и, благодаря ей, улаживалось многое такое, что въ прежнее время возбуждало сильныя волненія молодежи, которыя дѣлали инспектуру дѣломъ не только безпокойнымъ, но даже опаснымъ. Бывало прежде, что вечеромъ на письменный столъ къ инспектору являлся съ улицы брошенный неизвѣстной рукою камень съ осколками выбитаго имъ стекла, угрожая такимъ же разрушеніемъ и головѣ бѣднаго блюстителя порядка. Прежніе инспекторы заблаговременно принимали мѣры предосторожности противъ такихъ случайностей жизни; но Иванъ Евсѣевичъ ни за что не хотѣлъ отставить свой столъ отъ окна, не смотря на всѣ просьбы Елены Ивановны, которая сначала очень боялась за своего мужа. Измаилъ Ивановичъ въ это время былъ крошечнымъ ребенкомъ и во время студентскихъ посѣщеній сдѣлался баловнемъ университетской молодежи. Всѣ угоды, благодарности, которыя нелзвко было дѣлать Ивану Евсѣевичу и Еленѣ Ивановнѣ, сыпались на него съ братской любовью». Та-

ковы разсказы Измаила Ивановича о его матери, приблизительно записанные съ его словъ въ 1870-хъ годахъ. Отношенія между Еленой Ивановной и Измаиломъ Ивановичемъ, такъ хорошо очерченныя въ его замѣткѣ, написанной имъ исключительно для самого себя, рѣзко выказываются и въ длинномъ рядѣ его писемъ—съ 1829 г. по конецъ 1840-хъ. Эти отношенія даютъ письмамъ, вошедшимъ въ настоящее собраніе, совершенно особенный характеръ—характеръ скорѣе дневника, чѣмъ писемъ; Измаилъ Ивановичъ зналъ, что пишетъ свои письма такому человѣку, который съ нимъ ближе всѣхъ, что кромѣ этого человѣка письма будутъ прочтены только людьми, ему наиболѣе дорогими, которые остались послѣ его отъѣзда ближайшими друзьями его матери. Поэтому онъ не скрывался, писалъ, какъ говорилъ въ своемъ товарищескомъ кружкѣ, собиравшемся по вечерамъ на квартирѣ Елены Ивановны; благодаря этому письма Измаила Ивановича даютъ ясный его обликъ; всѣ его взгляды, мысли, желанья высказывались въ нихъ прямо и безхитростно, часто наскоро, неполно, будто только для памяти, чтобы потомъ, по пріѣздѣ домой въ семейномъ кружкѣ точнѣе и подробнѣе разсказать длинную повѣсть долгаго трехлѣтняго странствованія.

При печатаніи писемъ И. И. Срезневскаго редакція сохранила ихъ въ томъ совершенно видѣ, какъ они написаны. Исключеніе можетъ представить лишь возстановленіе нѣкоторыхъ испорченныхъ мѣстъ, гдѣ предполагаемое чтеніе поставлено въ скобки [ ]. Вслѣдъ за письмами подъ заглавіемъ «варіанты» помѣщены недоконченныя передѣлки трехъ писемъ, отчасти дополняющія ихъ содержаніе. Для удобства пользованія письмами приложенъ указатель личныхъ именъ, а для наглядности общаго хода путешествія—маршрутъ его и карта западно-славянскихъ земель съ обозначеніемъ дороги путешественника.

I.

№ 1 [1]). 17 Сент. 1839. Липцы. 8 часовъ вечера [2]).

Какъ бы я желалъ, милая, добрая моя Маменька, хоть разъ еще поцѣловать Вашу ручку, хоть разъ еще. Но—судьба надолго разлучила меня съ Вами. И 28 верстъ, отдѣляющія меня отъ Васъ, такъ-же грозны, какъ и тѣ тысячи, которыя долженъ я мчаться все далѣе, далѣе отъ Васъ. Мое путешествіе до сихъ поръ кажется мнѣ сномъ. Будто нѣсколько шаговъ стоитъ пройдти мнѣ, чтобы снова быть подлѣ Васъ. Будто!—Да сохранитъ милосердый Господь Богъ Ваше здоровье! Никогда не молился я такъ усердно, какъ теперь—въ продолженіе этой тяжелой станціи. Чѣмъ болѣе не вѣрилъ дѣйствительности моего отъѣзда, тѣмъ болѣе слезы капали невольно. Я плакалъ и молился. Въ молитвѣ была для меня единственная отрада. Чувствую, что причина моей разлуки съ Вами не какой-нибудь капризъ, чувствую въ себѣ и силы и ревность исполнить назначеніе,—и съ этимъ чувствомъ не мирится другое чувство, и болѣе тревожное и болѣе требовательное, чувство родственной любви. Одно время, или, лучше сказать, одна надежда, что счастіе наше еще будетъ, можетъ примирить эти чувства одно съ другимъ. Прощайте, прощайте, Маменька-душенька. Будьте здоровы, покойны.

Я опять пишу очень дурно. Пишу не своимъ перомъ, и спѣшу; при томъ же надобно смотрѣть и какъ перекладываютъ съ воза на возъ, а потому нельзя и не спѣшить. Какъ ѣхалъ я, можете судить изъ того, что только въ 8 часовъ вечера добрался до Липецъ. Ѣхалъ большею частію шагомъ.

Пока было видно все разсматривалъ виды, припоминалъ, гдѣ останавливались мы ворочаясь изъ Бѣлгорода,—и гдѣ арбузы ѣли, и гдѣ пѣшкомъ шли по песку, и гдѣ нашъ ямщикъ, нашъ Яшинька охъ—болѣлъ. Горькія воспоминанія! Горькія потому, что все это прошлое и можетъ быть надолго невозвратное.

Отъ всей души благодарю добрую, почтенную Марѳу Ивановну [3]) за участіе, которое она приняла такъ усердно въ нашей разлукѣ. Марьѣ Ѳедоровнѣ [4]) и

---

[1]) №№ на письмахъ принадлежатъ И. И. Ср—му; они иногда не точны, но удержаны нами, такъ какъ въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ письмахъ онъ говоритъ о прежнихъ, обозначая ихъ №№-ми. Настоящій, нами данный счетъ писемъ, обозначается Римскими цифрами.

В. С.

[2]) Сверху надписано рукою Е. И. Срезневской: «получено 19-го».

[3]) Фидлеръ. [4]) Питра, мать проф. Питры.

Аннѣ Ѳедоровнѣ благодарное сердце мое сохранитъ на всегда чувство неизгладимое. Спасибо и моимъ добрымъ друзьямъ. Побратски проводили они меня. Спасибо и Ивану Петровичу. Прощайте.

Прощайте, Маменька. Лошади готовы. Цѣлую ручку вашу.

Покор(ный) сы(нъ) Вашъ Из. Срезнев.

II.

№ 2. 20-е Сент. Половина 10-го послѣ полудня. Курскъ [1]).

Только что воротился—Вы, милая Маменька, не угадаете откуда. Изъ Коренной Пустыни. Она лежитъ въ 27 верстахъ отъ Курска. Мы, съ Григоріемъ Ивановичемъ Рыльскимъ, нанявши извощика за 4 рубля, отправились сегодня въ два часа послѣ обѣда,—и теперь уже дома. Въ какіе нибудь 7 часовъ съ небольшимъ проѣздили 54 версты, и успѣли тутъ же обозрѣть монастырь и ярморочную площадь и даже снять видъ монастыря. Мѣстоположеніе прекрасное. Монастырь лежитъ на полугорѣ почти въ лѣсу, и тянется къ рѣкѣ Тускари. Близь мѣста, гдѣ найдена икона Знаменія Божіей Матери построена церковка, и въ ней посреди колодезь чистѣйшей воды. За этой церковкой и остатки вяза, на корнѣ котораго найдена икона. Къ этой церковкѣ идти надобно съ горы по лестницѣ въ 150 ступеней, прекрасно обдѣланной въ родѣ той, какою всходишь въ домовую Архіерейскую церковь въ Харьковскомъ Кафедральномъ соборѣ. Выше маленькой церковки середи двора стоитъ главная церковь съ старинной колокольней. По сторонамъ домы архимандрита, келейный, трапезный съ теплою церковью и въ связи съ главными воротами зимнія кельи архимандрита очень старой постройки, разрисованные иконами снаружи сверху до низу. Еще выше по горѣ расположены линіями балаганы, занимаемы(е) во время ярмарки лавками: всѣ онѣ сосредоточиваются на площади круглой, вокругъ которой каменные ряды, прекрасно выстроенные. Лавки занимаютъ огромное пространство. Ярмонка начинается въ 9-ю пятницу послѣ пасхи. Въ этотъ самы(й) день чудотворная икона несется изъ Курска въ Коренную на особенныхъ носилкахъ въ кіотѣ, и сотни тысячь народа провожаютъ ее. Когда принесутъ, начнется ярмонка. Послѣ ярмонки икона остается въ Коренной до 18 сентября. Богъ дастъ, милая маменька, мы съѣздимъ съ Вами въ Курскъ во время Коренной ярмарки, и увидимъ торжественный ходъ.

Впрочемъ я не сказалъ вамъ еще ни слова какъ я добрался до Курска. Въ Липцахъ, за неимѣніемъ почтовыхъ лошадей, я нанялъ вольныхъ и ѣхалъ такъ до Медвянки. Проѣхалъ Бѣлгородъ ночью и на другую ночь, то есть

[1]) Сверху надписано рукою Е. И. Срезневской: «получено 24-го».

18 сентября пріѣхалъ въ Курскъ. Вотъ уже два дня я тутъ. На силу справился со всѣмъ, что хотѣлось увидѣть. Я былъ и на могилѣ Богдановича, и въ Лазаретскомъ саду, прекрасно обдѣланномъ Демидовымъ и у астронома Семенова, и въ гимназіи, и въ монастырѣ Знаменскомъ, и въ Сергіевскомъ Соборѣ, и весь городъ объѣздилъ и обходилъ, и т. д. Спасибо Рыльскому: онъ былъ всюду моимъ путеводителемъ. Курскъ прекрасный городъ. Мостовыя впрочемъ гадки, несносны для ѣзды, хоть и прочны.

Я, слава Богу, здоровъ. Яшка спитъ, ни о чемъ не заботясь, и уже успѣлъ потерять свитку.

Сегодня ночью предполагаю выѣхать изъ Курска съ тѣмъ, чтобы завтра поспѣть въ Орелъ.

Прощайте, милая маменька.

Из. Срез.

III.

№ 3. Мценскъ 7-й часъ утра. 23 Сент. 1839 [1]).

Я только что во Мценскѣ, еще въ 130 верстахъ отъ Тулы, еще далеко до Москвы,—и дай Богъ ко вторнику быть въ Москвѣ. Но сами посудите, милая Маменька: выѣхавши въ середу ночью изъ Курска, я ночевалъ въ четвергъ на пятницу въ 23 верстахъ отъ Орла съ тѣмъ что бы утро провести въ Орлѣ; выѣхалъ вчера послѣ обѣда изъ Орла и на ночь пріѣхалъ сюда съ тѣмъ, что бы хоть нѣсколько часовъ утра провести здѣсь, что бы осмотрѣть все любопытное. Если Богъ дастъ выѣду отсюда часу въ 11-мъ, то на ночь опять пріѣду въ Тулу и надобно будетъ провести хоть утро завтрашнее въ Тулѣ. Вы видите, милая Маменька: медленность моего странствованія не отъ меня, а отъ разстоянія городовъ, черезъ которые проѣзжаю. Сказать-ли же Вамъ что нибудь объ Орлѣ? Орелъ, если подъѣзжать къ нему изъ Харькова по проселочной обводной дорогѣ, мимо кирпичныхъ заводовъ, имѣетъ по виду сходство съ Харьковомъ, когда на него смотришь изъ за кирпичныхъ заводовъ: только нѣтъ такой колокольни, и церквей въ Харьковѣ гораздо менѣе. Въѣдете въ него,—и Васъ встрѣчаютъ—гадкая мостовая, по которой скачешь, какъ сумасшедшій, нечистота и толпы народа, движущагося туда и сюда, какъ на ярмаркѣ. И такъ по всему городу, между тѣмъ какъ есть въ Орлѣ полицмейстеръ и нѣтъ и не бываетъ никогда ярмарки. Пріѣхавши на станцію, я напился чаю, и пошелъ къ извощикамъ; взялъ одного, и велѣлъ везти себя по городу. Лучшія улицы Болховская и Московская: на Болховской болѣе вы-

[1]) Надписано сверху: «получено октб. 10».

вѣсокъ, на Московской болѣе лавокъ, тутъ же и гостинный рядъ и базаръ,— и крикъ, шумъ, брань, хохотъ, ѣдутъ телѣги, кибитки, коляски дрожки, инженерный офицеръ, гусаръ, губернаторша, идутъ съ яблоками, арбузами, виноградомъ, калачами, тряпьемъ. Гостинницъ пропасть: есть и Берлинъ и Лондонъ, и Саратовъ, и Вѣнская, и для пріѣзжающихъ, и Европа, и чуть-ли даже не Австралія. Изъ лавокъ я замѣтилъ болѣе всего овошныхъ и стекляныхъ. Лавчонокъ маленькихъ столько же сколько яблокъ, которыя въ нихъ продаютъ. Я сказалъ, что лучшія улицы—Болховская и Московская; впрочемъ не по красотѣ вида; мнѣ лучше нравится Садовая, гдѣ передъ каждымъ дворомъ широкій палисадникъ, а на площади бульваръ (=Липки) и за бульваромъ къ Окѣ городской садъ, довольно большой, не совсѣмъ чистый, но на чудесномъ мѣстѣ. Дома большею частію деревянные, обитые тесомъ и выкрашенные желтокирпичною краскою, а каменные большею частію уродливы, какъ курицы-безхвостыя: лучшій домъ есть домъ дворянства. Что до церквей, то между ними есть многія стараго покрою, а нѣкоторыя отличаются изяществомъ архитектуры наружной и внутренней. Лучшая по красотѣ—Архангела Михаила, въ которой есть и чудотворная икона Божіей Матери страстной, усыпанная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Лучшій видъ на городъ съ колокольни церкви св. Никиты. Самая занимательная колокольня—при церкви Покрова. Въ мужескомъ монастырѣ, гдѣ и Архіерейскій домъ, девять монаховъ, а на кладбищѣ тутъ же памятникъ Барону Корфу, бронзовый на гранитномъ пьедесталѣ. Въ женскомъ монастырѣ до 200 бѣлицъ, занимающихся разною работою. Что же еще сказать? Цѣна извощикамъ въ часъ 60 коп. какъ и въ Курскѣ; кички у бабъ съ рожками на переди подобраны вверхъ, между тѣмъ какъ въ Курскѣ рожковъ нѣтъ, и кромѣ кичекъ повойники, покрытые, платками, распущенными сзади по спинѣ въ родѣ мантильи, чего нѣтъ въ Орлѣ; калачи, которыхъ не видѣлъ по дорогѣ до Орловской губерніи, хороши, только отзываются дегтемъ; отседа и оттеда слышите вы на каждомъ шагу; и т. д.

Только что собрался было идти по Мценску, какъ дождь—первый дождь, какой я вижу въ дорогѣ. Теперь-то пригодится мнѣ моя бурка и башлыкъ, хоть впрочемъ башлыкъ много потерпѣлъ, какъ и вообще все, что у меня было клѣенчатаго. Впередъ буду умнѣе: надобно сверхъ клѣенки еще какую нибудь наволоку изъ толстаго полотна или чего нибудь подобнаго: тогда клѣенка не будетъ ломаться и рваться. Впрочемъ не подумайте, милая Маменька, что мнѣ придется бѣдовать; ни мало,—и вообще—что будетъ далѣе, то Богъ дастъ, а доселева все было хорошо. Мало по малу привыкъ къ страннической жизни и нахожу ее довольно удобною. Мальчикъ мой спитъ, ѣстъ, чиститъ мнѣ сапоги, бережетъ мои вещи, когда я отлучусь. У него на рукахъ или лучше сказать въ рукахъ мѣдныя деньги,—и когда я однажды

захотѣлъ ихъ взять у него соннаго, то онъ и мнѣ не далъ; спитъ, а деньги держитъ крѣпко. Иногда онъ мнѣ мѣшаетъ, но мало, и то только когда ѣдемъ; но вѣдь добро не безъ худа.

Дождь—сказалъ я, помѣшалъ мнѣ гулять по Мценску. Впрочемъ не надолго. Не смотря на небольшую слякоть, я довольно удобно побывалъ всюду, гдѣ могъ надѣяться найдти что нибудь для себя замѣчательное, даже снялъ въ Мценскѣ 4 вида. Мценскъ стоитъ на Зушѣ и Зуша вся покрыта барками, и народу пропасть. Большая улица довольно чиста, украшена хорошенькими домиками, не хуже Болховской въ Орлѣ, только чище, а мостовая такая же гадкая. Предъ нею бульваръ. Другія улицы грязны, можетъ быть потому, что дождь шелъ. Дѣятельность народа подобная Орловской, видно, что городъ Русскій, городъ населенный народомъ, играющимъ цѣлую жизнь роль хозяевъ и гостей гостинницы на большой дорогѣ. Церкви всѣ или прекрасныя, или старинныя. Соборъ стоитъ на горѣ и занимаетъ собою съ погостомъ всю верхушку горы, на которую есть только одинъ взъѣздъ, а то все тропинки, очень крутыя. Выстроенъ превосходно и очень великъ. Покамѣстъ готова только паперть съ двумя придѣлами. Въ этомъ соборѣ есть чудотворный образъ Св. Николая, рѣзной изъ камня, чудный и даже можно сказать страшный, и кромѣ того животворящій крестъ, тоже каменный. Сказываютъ, что и образъ и крестъ приплыли по Зушѣ и остановились у колодца подлѣ горы. Церковь тогда была деревянная. Образъ поставили было въ ней, а потомъ перенесли черезъ рѣку въ Воскресенскую,—что же: на другое утро образъ самъ собою очутился въ Николаевской. И такъ было нѣсколько разъ. Въ прежнее время носили образъ по домамъ; теперь запрещено. Носить было тяжело, камень огромнаго размѣра, но угодникъ—говорятъ—помогалъ, и было легко. Самыя старинныя церкви во Мценскѣ—Петра и Павла и Михайловская. Кромѣ того, есть еще очень старая часовня съ образомъ Кирика и Улиты, въ день ихъ служатъ въ часовнѣ молебенъ, на который собирается все духовенство крестнымъ ходомъ изъ монастыря лежащаго у самаго города.

Ѣду. Прощайте, Маменька,—до Тулы.

Тула, 25-е Сент.

Вчера утромъ очень рано я пріѣхалъ въ Тулу: ѣхалъ все послѣ обѣда и всю ночь. Остановился въ гостинницѣ Сисина и плачу по 70 коп. за комнату въ день и по 20 коп. за самоваръ. Комната во второмъ этажѣ съ Итальянскимъ окномъ, штукатуренная, раскрашенная, довольно чистая и на лучшей въ городѣ Кіевской улицѣ. — Разтасковавшись и напившись кофе, я отправился въ Петербуржскую гостинницу чтобы спросить о Пассековыхъ,—и

засталъ ихъ тамъ. Татьяна Петровна [1]) не такъ здорова, Катенька тоже, собираются ѣхать въ деревню къ дядѣ [2]). Кстати сказать, что они ѣхали гораздо скорѣе, такъ что черезъ Очки проѣзжали за три дни до меня; но прохворали въ Орлѣ два дни,—и такъ вышло, что я могъ съ ними встрѣтиться здѣсь. Они платили тутъ по 12 руб. въ сутки: комната лучше моей, но за то и деньги! Съ ними провелъ я цѣлое утро, обѣдалъ, и проводилъ. Они меня приглашаютъ также заѣхать къ ихъ дядѣ; не знаю, можетъ быть и заѣду. Во всякомъ случаѣ предполагаю выѣхать изъ Тулы завтра утромъ— и хотѣлось-бы какъ можно раньше. Мнѣ хочется побывать и въ Веневѣ монастырѣ, лежащемъ въ 32 верстахъ отъ Тулы, это старина 15-го вѣка. — Между тѣмъ я въ Тулѣ. Настоящій Русскій городъ, большой, почти весь каменный, многолюдный, многоцерк(о)вный, шумный, веселый. Тутъ уже отзывается Москвою. Когда я это пишу, мимо оконъ гремятъ экипажи и возы, продавцы и прохожіе безъ умолку, а колокола зовутъ къ вечернѣ, и гулъ ихъ раздается со всѣхъ сторонъ. Весело, даже черезъ чуръ весело. А вчера вечеромъ я долго сидѣлъ на окнѣ и глядѣлъ на городъ: фонари зажжены, кромѣ казенныхъ еще много частныхъ у лавочекъ, у столиковъ съ калачами, у воротъ гостинницъ, и изъ оконъ тоже всюду свѣтъ, и народъ волнуется, шумитъ, поетъ. Весело, даже черезъ чуръ весело. — Дѣятельность здѣшняя въ сравненіи съ Орловскою или Мценскою тоже, что великанъ въ сравненіи съ дитятью. Проходя сегодня изъ квартиры до Кремля, я прошелъ мимо 150 лавокъ, и встрѣтился по крайней мѣрѣ съ 500 народу; шелъ-же не болѣе 1/4 версты, и Гостинный дворъ въ сторонѣ. У воротъ въ Кремль народъ такъ всегда толпится, что надобно ждать; входишь какъ въ церковь, когда въ нее внесли что нибудь святое. Кремль окруженъ огромною каменною стѣною съ башнями и 4 воротами и занимаетъ очень пространную площадь. Середи площади высокій, массивный соборъ, кажется домикомъ. Кромѣ собора на площади ничего нѣтъ, кромѣ лавокъ у стѣнъ и лавочекъ, расположенныхъ кое-гдѣ у дорожекъ. Соборъ великолѣпенъ, старой Греческой архитектуры, и внутри весь раскрашенъ и разрисованъ. Вчера, я тамъ прослушалъ вечерню, и потомъ пошелъ по стѣнамъ Кремля, бродилъ, бродилъ, и снялъ видъ собора и площади. Ахъ, маменька-душенька, зачѣмъ тутъ нѣтъ васъ, зачѣмъ это не Бѣлгородъ! То-то бы весело было. Не наслажденіе то наслажденіе, которое не дѣлишь, съ кѣмъ радъ душею дѣлить все. Что ни вижу, что ни чувствую, все какъ будто въ половину. Такъ языкъ и хочетъ сказать: «маменька, а посмотрите вотъ на это!» Съ Кремля я пошелъ по городу, захо-

---

[1]) Жена Вадима Вас. Пассека, рожд. Кучина.

[2]) Александру Ивановичу Кучину.

дилъ и въ Гостинный дворъ, и на бульваръ, любовался заводскими строеніями, любовался Упой, полузапруженной; воротился на Кіевскую улицу, толкался съ народомъ, торговалъ калачи, торговалъ вамъ ножнички и наперстокъ, ничего не купилъ и пошелъ домой чай пить. Такъ грустно было, что и чай не пился. Сѣлъ на окошко, и хотѣлось бы посмотрѣть весело на веселое, да не моглось. Все казалось черезъ чуръ веселымъ.—Сегодня я брожу цѣлый день. Поброжу, ворочусь домой, а на столѣ у меня разложена бумага и на ней этотъ листокъ; сяду и пишу. Тутъ мое лучшее удовольствіе. Было, правда, и еще одно, смѣшное—отъ скуки: я подслушивалъ. Комната, мною занимаемая, средняя въ домѣ, въ родѣ гостинной; передняя моя отдѣлена отъ другой комнаты тоненькой перегородкой, и съ другой стороны, то-же комната, отдѣленная дверью: и такъ—и съ той и съ другой стороны у меня сосѣди, Тульскіе помѣщики съ женами и дѣтьми,—и ихъ-то разговоры я подслушивалъ. Толстая барышня—я встрѣтился съ нею на галлереѣ—разсказывала, какъ она танцовала и какъ у нея газовый шарфъ, новенькій и хорошенькій, зацѣпился за эполетъ офицера, разсказывала и смѣялась; усатый засѣдатель—я видѣлъ его въ щелку—увѣрялъ, что онъ не грабилъ народъ, и имѣетъ водицу на чудо, да готова будетъ не скоро, размалёванная барыня,—я столкнулся съ нею въ своихъ дверяхъ, когда она не попала въ свои и нечаянно хотѣла побывать у меня въ гостяхъ—спорила, что чепчикъ ея кривъ, а дочка увѣряла, что зеркало криво; и т. д. Ахаютъ и кричатъ, пищатъ и хохочутъ на смерть. Играли сегодня и въ карты. Хлопали и рюмки о стаканы. Ну, да Богъ съ ними. Въ Тулѣ есть дѣвичій монастырь съ маленькой церковью и до 200 бѣлянокъ. Церквей въ Тулѣ очень много, все каменныя (кромѣ развѣ 2-хъ или 3-хъ) и большею частью прекрасныя. Строится новая огромная—каменная. И домовъ строится много. Славный городъ, а все не то, что Ярославль, какъ сказывала мнѣ одна почтенная старушка, мать Сахарова (который издаетъ сказанія Русскаго народа); вотъ тотъ-то городъ такъ славный, и распрекрасный, и старинный, и все старое сохраняется.

Прощайте, маменька, душенька. Кланяйтесь моимъ добрымъ друзьямъ, кланяйтесь добрѣйшей Маріѣ Ивановнѣ [1]), Маріѣ Ѳедоровнѣ [2]), всѣмъ, всѣмъ. Прощайте.

Из. Срезневскій.

Если будете писать прежде 8-го Окт., то пишите въ Москву.

---

[1]) Фидлеръ. [2]) Питра.

IV.

№ 4 [1]). 30 Сент. 1839 г. Станція Лопасня въ 62 верстахъ отъ Москвы.

Съ горя буду писать къ Вамъ письмо, милая маменька. «Что за горе, Измайлуша?» спросите Вы. Горе, маменька, горе: съ полуночи вотъ до 2-хъ часовъ, сижу на станціи, и жду лошадей, жду и не дождусь: самъ не знаю что дѣлать. Какъ не горевать! И отъ этого, подумаешь, мелочнаго горя, все представляется въ такихъ черныхъ краскахъ, что самъ себя не узнаешь. До сихъ же поръ, милая маменька, какъ взгрустнется, непремѣнно вздумаю о Васъ, и для облегченія души примусь за перо писать къ Вамъ. Вотъ такъ и теперь.

Но я слышу, вы спрашиваете меня: что значитъ, что я еще не въ Москвѣ. 25-го я былъ въ Тулѣ, 26-го выѣхалъ изъ нея въ Вѣневъ монастырь съ намѣреніемъ оттуда проѣхать къ Кучину, дядѣ Татьяны Петровны; и пробывши часа три въ монастырѣ къ вечеру пріѣхалъ въ Чертовую, гдѣ живетъ Кучинъ. Тутъ надобно было прожить двое сутокъ съ половиною. Вчера ночью я проѣхалъ черезъ Серпуховъ и пріѣхалъ сюда... Вотъ какъ случилось, что я еще не въ Москвѣ.

О Вѣневѣ монастырѣ я писалъ довольно много къ Амвросію Лукіановичу [2]). Вамъ напишу о Кучинѣ и его домѣ, но уже не здѣсь, а въ Москвѣ. Наскучивши ждать, я нанялъ вольныхъ до Подольска, переплативъ имъ, сверхъ прогонныхъ 1 (р.)—80 коп. Что дѣлать! Благо и такъ. Прощайте до Москвы.

Подольскъ. 30 сент., въ 30 верстахъ отъ Москвы.

И все еще не Москва! Такъ-то тяжелъ приступъ къ Москвѣ. Вотъ уже вечеръ, осьмой часъ. И опять лошадей почтовыхъ нѣтъ, опять надобно нанимать вольныхъ. Явились они, давай торговаться. Насилу выторговалъ за 7 (р.)—50 к.,— и приходится слѣдовательно снова давать лишку 1 р. 50 к. Что дѣлать! Безъ малаго 125 рублей я долженъ буду издержать по пути изъ Харькова до Москвы. Сверхъ прогоновъ и кушанья, я не издерживалъ почти ничего, и платилъ притомъ большею частью за двѣ лошади. Иногда только, гдѣ считали и Яшку за человѣка, платилъ я за три лошади. Отъ Тулы до Москвы вѣрно пришлось бы платить всюду за три лошади; но я къ

---

[1]) Приписка рукою Е. И. Срезневской: «получено 15-го октября».

[2]) Метлинскій—въ то время помощникъ библіотекаря Харьковскаго унив., впослѣдствіи профессоръ того же унив.

счастію оставилъ Яшку въ Чертовой, потому что Татьяна Петровна предполагаетъ зимовать въ Москвѣ и слѣдовательно, напрасно было бы мнѣ везти Яшку далѣе. Безъ него мнѣ все равно, что съ нимъ. За издержки, которыя я долженъ былъ бы дѣлать для него, я могу въ Москвѣ нанять мальчика; а изъ Москвы предполагаю ѣхать въ дилижансѣ, слѣдовательно онъ былъ бы мнѣ совершенно въ тягость.

Между тѣмъ я обѣщалъ Вамъ, Маменька, сказать нѣсколько словъ о домѣ Кучина [1]). Позднимъ вечеромъ, въ дождь и ненастье я ѣхалъ въ Чертовую изъ Вѣнева монастыря; въ дождь и въ ненастье, позднимъ вечеромъ остановился я у крыльца господскаго дома. Спрашиваю: тутъ ли живетъ Александръ Ивановичъ Кучинъ [1])?—Отвѣтъ: «Тутъ. А какъ ваша фамилья?» — Срезневскій. «Да Васъ, кажись, ждали». Вхожу въ переднюю, въ прихожую, въ залу, обставленную лимонными и померанцевыми деревьями и ширмами изъ плюща; выходитъ на встрѣчу Вадимъ Васильевичъ [2]), Татьяна Петровна, дѣти, выходитъ съ ними старикъ въ халатѣ, довольно высокаго роста, сѣдой, мужественной, воинской физіономіи [3])... Рекомендуемся, меня принимаютъ радушно, поятъ чаемъ. Тутъ изъ незнакомыхъ встрѣчаю, кромѣ старика и двухъ малютокъ—его дѣтей, еще молодаго человѣка, который, какъ оказалось послѣ,—Сумароковъ, Петръ Панкратьевичъ, авторъ многихъ повѣстей и романовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя мы съ Вами читали съ большимъ удовольствіемъ; это молодой человѣкъ около сорока лѣтъ, очень моложавый, Тульскій помѣщикъ, и довольно образованный человѣкъ, бывшій въ хорошемъ обществѣ. Еще былъ тутъ Ѳедоръ Семенычъ, бѣдный помѣщикъ, старикъ, не имѣющій претензіи ни на что кромѣ «да». Вотъ общество, въ которое я попалъ изъ подъ дождя. Разговоръ установился уже къ ужину. Впрочемъ ознакомиться съ моими новыми знакомыми я успѣлъ уже утромъ, проболтавъ почти всю ночь, до 3-го часу, съ Вадимомъ Васильевичемъ. Утромъ я сдѣлалъ новое знакомство; Кучинъ имѣетъ жену—изъ собственныхъ дѣвокъ, и къ ней часто приходитъ гостить дочь священника приходскаго: вотъ мое новое знакомство. Можете судить, какова парочка. Тогда же я познакомился и съ самимъ домомъ. О залѣ я писалъ, прибавить нужно только то, что она вся кругомъ, и по стѣнамъ, и по ширмамъ, и всюду, облѣплена вырѣзанными картинками, и вся кругомъ обставлена клѣтками, между которыми нѣкоторыя чуть не въ сажень, и эти клѣтки тоже обставлены вырѣзанными картинками. Эти вырѣзанныя наклѣенныя на картонъ картинки чрезвычайно оригинально

---

[1]) Въ подлинникѣ по ошибкѣ: Кунчинъ.

[2]) Пассекъ—извѣстный литераторъ, издатель «Очерковъ Россіи».

[3]) См. о немъ въ воспомин. Т. П. Пассекъ («Изъ дальнихъ лѣтъ». I т. 14—16 стр.).

характеризуютъ убранство комнатъ: онѣ всюду, даже на печкахъ, даже на ширмахъ. Прибавьте къ этому разговоръ хозяина, вѣчно оживленный военными воспоминаніями, которыхъ не можетъ быть мало у того, кто служилъ подъ начальствомъ Ермолова и получилъ 14 ранъ,—и вы будете имѣть понятіе о домѣ, гдѣ я жилъ весело и прожилъ почти какъ дома почти три дни, такъ долго прожилъ потому, что не пустили. Въ это время я отдохнулъ отъ пути.—Теперь я въ Подольскѣ, и скоро, скоро въ Москвѣ. Прощайте, душенька Маменька—до Москвы.—Тамъ думаю окончить это письмо.

V.

№ 5. 1-е Октября 1839. 11-й часъ по полудни. Москва.

И наконецъ я въ Москвѣ, милая Маменька. Сегодня въ 5-мъ часу утра я дотащился до нея, дотащился не въ пору рано, и потому принужденъ былъ остановиться въ очень дорогой гостинницѣ «Лейпцигѣ», на Кузнецкомъ мосту. Плачу по 4 руб. въ сутки за комнату и 1 руб. за прислугу. Прибавьте къ этому, что надобно питаться, издерживаться на извощика... дорого, дорого! Меня утѣшаетъ одно: если я въ дорогѣ съ издержками на переѣздъ, могъ издержать 125 руб. до Москвы, то авось 250 станетъ на мѣсяцъ, а если станетъ, то и горя мало. Притомъ же за-границей, говорятъ, все дешевле, слѣдовательно я смѣю надѣяться, что 250 въ мѣсяцъ вдоволь достанетъ.

А между тѣмъ я въ Москвѣ,—и день уже прошелъ. Вотъ какъ прошелъ онъ: утромъ, напившись чаю и обрившись, я направилъ путь къ Лѣшкову [1]), товарищу Семена Семеновича [2]), познакомился тутъ со Спасскимъ [3]), съ Мещерскимъ [4]), пилъ тутъ кофе, обѣдалъ, провелъ время по дружески—спасибо имъ; отъ нихъ пошелъ искать квартиру и сыскалъ комнату по 3(р.)—25 коп. съ прислугой на Большой Дмитровкѣ въ Мальцовской Гостинницѣ, близь Театральной площади, очень близко отъ Кремля и Университета. Потомъ поѣхалъ къ Снегиреву [5]), въ надеждѣ получить письмо отъ Васъ, душенька Маменька, не засталъ дома, завернулъ къ Цвѣтаевымъ [6]) и пилъ съ Андрей Львовичемъ чай; съ нимъ отправились мы въ театръ; теперь я воротился домой, и, послѣ

---

[1]) Лешковъ, Вас. Ник., проф. Московскаго унив.

[2]) Лукьяновичъ, впосл. проф. Харьковскаго университета.

[3]) Вѣроятно Мих. Өед., проф. Моск. унив.

[5]) Иванъ Михайловичъ, проф. Моск. унив.

[4]) Можно думать Алекс. Петр.—извѣстный путешественникъ по Европѣ.

[6]) Семья Льва Алексѣевича Цвѣтаева, проф. Московскаго университета († 1835 г.), бывшаго въ близкихъ отношеніяхъ съ Иваномъ Евс. Срезневскимъ, отцомъ И. И. С—го; у него былъ обласканъ и принятъ, какъ родной И. И. С. въ 1829 г.—въ первую его поѣздку въ Москву, по окончаніи универс. курса.

порціи бифстекса, сѣлъ за этотъ лоскутокъ бумаги. Что-же писать Вамъ о Москвѣ? Огромный городъ; много старины, много народу, дѣятельность кипитъ; всюду Русь—кое гдѣ вчистѣ, кое гдѣ съ приправой иностранства;—но не столица. Она дорога сердцу Русскому болѣе по воспоминаніямъ, и заслуживаетъ вниманіе болѣе потому что въ ней сосредоточивается Русская промышленность—удивительная промышленность. Не скрою однако, что когда я услышалъ, въѣзжая въ Москву, звонъ колоколовъ, зовущихъ къ заутрени, когда увидѣлъ башни Кремля и главы соборовъ, сердце мое затрепетало; мнѣ казалось, что я въ объятіяхъ матери. Брожу по Москвѣ какъ въ лѣсу, но люблю, люблю ее. Два пункта, съ которыхъ я видѣлъ до сихъ поръ Москву въ нѣкоторой подробности, это: Кузнецкій мостъ, мною обитаемый, и театръ. На Кузнецкомъ мосту и вокругъ него дѣятельность кипитъ какъ нигдѣ болѣе: комната моя на дворъ, но и тутъ трясеніе двери, отзывающейся на громъ экипажей, не смолкаетъ, и слышенъ крикъ, шумъ, свистъ, звонъ колокольчиковъ, говоръ Русскій, Французскій, Англійскій, Нѣмецкій; торговцы лѣзутъ въ дверь ежеминутно предлагая все отъ сальнаго огарка до книги и отъ яблока въ денежку до мраморнаго бюста въ нѣсколько сотъ, и т. д.; сосѣди мои пріѣзжаютъ, уѣзжаютъ, принимаютъ и показываютъ мнѣ всѣ свои звѣзды, свои жирные эполеты, свои блонды, свои милыя личики—смотря и на меня, какъ на сосѣда, не безъ почтенія, не зная того, что я нанимаю не отдѣленіе, а малый номеръ, и то вострю лыжи подалѣе, что нанимаю не карету посуточно, а ваньку туда-то или туда-то, что ѣмъ, что Богъ послалъ, а не заказываю ни обѣда, ни завтрака у Яра, до котораго отъ меня не болѣе 20 шаговъ. И вотъ входитъ ко мнѣ какой-то богато одѣтый лакей, выглядываетъ изъ за ширмъ, кашляетъ, и на вопросъ мой «что тебѣ надо, другъ мой?», отвѣчаетъ, что Князь Сидоръ Сидоровичъ—что-ли приказалъ Васъ спросить, во сколько часовъ вы будете у Княгини Александры Александровны, потому что желаетъ съ вами тамъ встрѣтиться;—что мнѣ отвѣчать?... отвѣчаю: «У княгини Александры Александровны я сегодня не предполагаю быть, а впрочемъ, другъ мой, ты вѣрно обчелся №-омъ—мой 25-й».—«Извините-съ». Потомъ бѣгу я по корридору въ свой №, бѣгу, бѣгу, а корридоръ нѣсколько тѣменъ,—и вдругъ ко мнѣ на встрѣчу молодая дама или дѣвица въ прелестной шляпкѣ и мантле съ блестящими, не знаю какого цвѣта, глазами—чуть то-же не бѣжитъ, перезванивая своимъ серебреннымъ голоскомъ: «Ah Monsieur Струйскій, on Vous attend!» Я останавливаюсь, снимаю шляпу—(кстати: я купилъ прекрасную складную шляпу), смотрю, всматриваются и въ меня, и съ пріятной улыбкой на распѣвъ отвѣчаютъ: «И-з-в-и-н-и-т-е!» Я тоже улыбаюсь, кажется, также довольно пріятно, и вбѣгаю въ свой №. Обращаюсь къ своей шляпѣ: да, я купилъ, потому что въ моемъ пирогѣ рѣшительно

стыдно ходить по Москвѣ; деньги же не пропали—она пойдетъ и за границу, потому что очень удобно складывается въ небольшомъ ящикѣ, и при небольшомъ усиліи выпрямляется на пружинахъ какъ обыкновенная. Теперь къ театру. Давали въ 5-й разъ сряду новую оперу музыки Верстовскаго «Тоска по родинѣ». Фарсъ, а не опера. Нѣкій помѣщикъ влюбляется въ нѣкую дѣвицу, по нѣкоимъ признакамъ догадывается, что она его обманываетъ, а влюблена въ другаго; ѣдетъ съ горя въ Испанію, живетъ тутъ два года, внушаетъ къ себѣ любовь жены Губернатора, внушаетъ въ сердце мужа и другихъ Испанцевъ жажду мщенія, хоть и не любитъ жены Губернаторской, напоминаетъ ей ея долгъ, а себѣ родину и Софію, наконецъ изъ подъ кинжаловъ Испанскихъ освобождается русскими матросами, нечаянно приставшими къ берегу, узнаетъ что любовникъ Софіи, его соперникъ не кто иной какъ ея родной братъ—онъ же и командиръ корабля, приставшаго къ берегамъ, узнаетъ что Софія любила и все еще любитъ его—и ѣдетъ въ Россію. Тутъ и Русскія пѣсни, и Испанскія пѣсни, и Русское ура, и болеро, и пестрота костюмовъ, и декораціи довольно великолѣпныя, и шумъ и громъ, и народныя толпы, и знать, все—только отсутствуетъ опера. Все натянуто и музыка очень часто несогласуется со смысломъ словъ. Москвѣ очень нравится эта пьеса: было много хлопанья, и много смѣху—и въ райкѣ, и въ ложахъ даже. Театръ былъ почти полонъ. Пользуясь прекрасной трубкой Цвѣтаева, я подносилъ къ своему носу лице за лицемъ всѣхъ пяти ярусовъ ложъ, и видѣлъ Москву—видѣлъ очень много усовъ, очень много изможденныхъ лицъ подъ чепчиками, очень много бѣлилъ и румянъ, очень мало хорошенькихъ. Теперь лягу спать, и думать, какъ бы уменьшить расходы, и прежде всего раскаиваться, что нынѣшній день много прожилъ, хоть и мало жилъ. Прощайте, Маменька. Покойная ночь! Пошли Вамъ Господь здоровья и спокойствія. Поклонитесь отъ меня всѣмъ, кто меня не забылъ; напомните обо мнѣ тѣмъ, кто забылъ меня. Я же помню всѣхъ ихъ памятью сердца...

3 Октября.

Вотъ и еще двухъ дней нѣтъ, какъ не бывало. Раскажу по крайней мѣрѣ, какъ они сплыли. Вчера утромъ я опять былъ у Снегирева, опять не засталъ, но письмо отъ Васъ получилъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ читалъ я его, съ какимъ удовольствіемъ перечитывалъ! Благодарю Бога, что Онъ сохраняетъ Ваше драгоцѣнное здоровье; благодарю отъ всего сердца Марфу Ивановну [1]), Григорія Григорьевича [2]), Марью Ѳедоровну [3]), Фанни [4]) и Маничку [5]), и всѣхъ моихъ друзей, что они васъ не оставляютъ. Охъ Маменька! Горько было разставаться, горько

[1]) Фидлеръ. [2]) Фидлеръ. [3]) Питра, мать проф. А. С. Питры. [4]) Питра, сестра проф. Питры [5]) Аничкова.

представлять себѣ, что я могу забыть это горе; но всего горше, что Вы страждете отъ этой разлуки. Быть такъ! Вѣдь я же ворочусь, обниму душеньку Маменьку опять, и опять заживу по прежнему съ нею, въ тѣсномъ кругу добрыхъ знакомыхъ. Не плачьте, Маменька! Берегите себя для насъ. Господь Богъ все устраиваетъ къ лучшему. Отъ Снегирева я направилъ путь въ Университетъ, посѣтилъ библіотеку, познакомился съ Рѣдкинымъ [1]), былъ на лекціи Каченовскаго [2]) и послѣ лекціи познакомился съ нимъ; оттуда обѣдать къ Цвѣтаевымъ; оттуда опять къ Снегиреву, и провелъ съ нимъ весь вечеръ. Благодарю Рѣдкина за расположеніе и помощь при обзорѣ библіотеки; Каченовскій читаетъ сухо, несвязно, но дѣльно (читалъ о различныхъ мнѣніяхъ касательно происхожденія Славяноцерковнаго языка); Снегиревъ много разсказывалъ, хорошо разсказывалъ, многихъ бранилъ, стараясь вывѣдать прежде мое мнѣніе,—и вообще показался мнѣ во-все не такимъ, какимъ я его надѣялся встрѣтить.— Сегодня утромъ я переселился на новую квартиру: она не такъ великолѣпна, но все-же прекрасная комната съ переднею изъ корридора, съ мебелью краснаго дерева, съ огромнымъ окномъ, украшеннымъ богатымъ драпри, на Большую Дмитровку, и что всего важнѣе—очень покойная, считая не въ счетъ уличный крикъ и громъ экипажей. Перебравшись и убравшись, отправился въ Университетъ, познакомился съ Морошкинымъ [3]) и Чивилевымъ [4]), былъ на лекціи Чивилева (читалъ о горахъ въ Германіи—не лучше какъ въ Харьковѣ читаютъ), видѣлся съ Даниловичемъ [5]), былъ имъ дружески обласканъ и просидѣлъ два часа на его лекціи (читалъ объ источникахъ Исторіи Законодательства Польскаго въ XII и XIII столѣтіи, читалъ, какъ читывалъ намъ, прекрасно). Обѣдалъ у Лѣшкова. Вечеръ провелъ у Каченовскаго, разговаривая съ нимъ о Македоніи, Славянщинѣ и т. д. Добрый, умный старикъ, и истинный ученый. И какъ онъ внимателенъ ко мнѣ: будучи самъ членомъ Англійскаго клоба, онъ повезъ и меня туда; мы поѣхали вмѣстѣ и пробыли до 10 часовъ. Англійскій клобъ занимаетъ огромный домъ, великолѣпно убранный. Въ прихожей отбираютъ шинели и шляпы. Комнатъ пропасть: тутъ играютъ въ карты, пьютъ чай, курятъ, тамъ играютъ въ бильярдъ, въ разныя другія игры; тамъ читаютъ молча газеты и журналы; тамъ разсуждаютъ о политикѣ, о Московскихъ новостяхъ, закушивая вѣсти

---

[1]) Петръ Григ.,—проф. Моск. унив., впослѣдствіи С.-Петерб. унив.; читалъ въ то время въ Моск. унив. Энциклопедію Законовѣд. и Россійскіе Госуд. Законы.

[2]) Мих. Трофим.,—проф. Моск. унив.

[3]) Өед. Лукичъ,—проф. Моск. унив. по каѳ. Гражданскихъ законовъ.

[4]) Алекс. Иван.; въ то время экстраорд. проф. по каѳедрѣ. Политич. эк. и Статистики.

[5]) Игнатій Николаевичъ, учитель И. И. Срезневскаго по Харьковскому университету; въ это время (1839—1842), онъ былъ профессоромъ Моск. унив., гдѣ читалъ Законы благоустройства и благочинія и мѣстные законы Западн. губерній.

арбузомъ, ананасомъ, яблокомъ, конфетой; сидятъ, ходятъ, лежатъ, финтятъ, крутятъ усы, спорятъ, хохочутъ, вертятъ головой въ знакъ согласія и несогласія, костыляютъ, вынимаютъ и вкладываютъ зубы,—что хотятъ то и дѣлаютъ—все впрочемъ чинно,—и все это люди «Люди»—то съ жирными эполетами, то съ сіяніемъ въ титулѣ, то съ десяткомъ тысячныхъ контрамарокъ въ карманѣ, то съ рогами на головѣ, съ пустотою въ сердцѣ и въ карманѣ, но съ надеждами на карту. Зрѣлище довольно любопытное.— И опять спать хочется: скоро полночь. Прощайте, Маменька.

И. Срезневскій.

PS. Напомните Августу Давидовичу [1]) о пересылкѣ моей Рапсодіи [2]), Амвросію Лукіановичу [3]) о пересылкѣ экземпляровъ Обозрѣнія Харьковс. губерніи [4])—въ Петербургъ.

Книги, которую просилъ меня достать Артемовскій [5]) нигдѣ не нашелъ.

VI.

№ 6. Москва 1839 Окт. 7-е.

Вотъ уже скоро недѣля, какъ я въ Москвѣ, и скоро 4 дни, какъ я не писалъ къ вамъ, милая Маменька. Пора написать хоть что-нибудь. Хоть изъ Россіи буду писать къ Вамъ почаще, если уже нельзя будетъ такъ часто писать, какъ бы хотѣлось, изъ за границы.—Да, скоро пройдетъ недѣля, какъ я въ Москвѣ, а еще не многое, очень не многое удалось сдѣлать. Покамѣстъ самое важное—знакомства. Я познакомился съ Каченовскимъ, Снегиревымъ, Строевымъ, Ранчемъ, Вольтманомъ, Погодинымъ, Гоголемъ. О Каченовскомъ и Снегиревѣ я уже писалъ къ Вамъ. Строевъ—очень моложавый и, кажется, очень занятый собою во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, хотя и очень ласковый и очень трудолюбивый, вѣчно дѣятельный. Я провелъ съ нимъ цѣлый вечеръ. Разсказываетъ умно и гладко. Онъ показывалъ мнѣ и труды свои: онъ приготовляетъ библіографическій словарь книгъ и писателей Церковно-Славянскихъ 5 огромныхъ томовъ; кромѣ того поправляетъ и дополняетъ Списокъ Епархій Архіереевъ, Монастырей и ихъ настоятелей,—1 также огромный томъ; и наконецъ кромѣ всего этого копается всякій день въ Сенатскомъ Архивѣ. У него надобно учиться быть дѣятельнымъ и акуратнымъ.

---

[1]) Порцель; у него жила Е. И. Срезневская во время путешествія И. И. С.

[2]) Rapsodia Sonatina (Моск. Наблюд. 1837, 3)—Повѣсть И. И. Срезневскаго.

[3]) Метлинскому.

[4]) Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украины. Статья И. И. С—го. Харьковъ, 1839.

[5]) Петръ Петровичь Артемовскій Гулакъ.

Раичъ [1])—старичковатый, маленькій, суетливый, но очень добрый и простой человѣкъ, ктому же довольно бѣдный. Живетъ журналомъ и учительствомъ. Я былъ у него два раза,—и не могъ не сожалѣть о его положеніи. Онъ имѣетъ большія познанія, умъ, вкусъ, умѣнье говорить; но все это задавлено судьбою и неумѣньемъ сводить концы съ концами. На память подарилъ онъ мнѣ свои переводы Тасса и Аріоста. Вельтманъ—истинный поэтъ, мужчина прекрасный собою съ свѣтлымъ, открытымъ лбомъ и блестящими глазами, пишетъ несравненно лучше нежели говоритъ, но говоритъ умно, весело и задумчиво вмѣстѣ, добръ, простъ, окруженъ книгами, безпрерывно работаетъ, чѣмъ и живетъ. Скоро будетъ окончена его опера «Волшебная ночь» изъ Шекспира: либретто окончено, Алябьевъ [2]) пишетъ музыку. У него я познакомился и съ Алябьевымъ: добрый, довольно образованный человѣкъ. Вельтманъ пишетъ еще нѣчто въ родѣ романа «Захарушка добрая душа.» Читалъ мнѣ отрывокъ: разсказъ живъ, уменъ, простъ. Постараюсь видѣться съ Вельтманомъ еще не одинъ разъ. Погодинъ—ничего не могу сказать о немъ: добръ и ласковъ, простъ и нецеремоненъ, но вынеси его изъ кабинета его, и его не узнаешь, кто онъ. И въ кабинетѣ своемъ онъ скорѣе надсмотрщикъ, библіотекарь, нежели хозяинъ, употребляющій въ дѣло все, что въ немъ есть. Постараюсь впрочемъ лучше узнать его. Онъ только что воротился изъ за границы, былъ въ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи,—и воротился вмѣстѣ съ Гоголемъ. Вотъ почему я имѣлъ случай увидѣться и съ этимъ Русскимъ Испанцемъ. Очень молодой человѣкъ, хорошенькій собою, умненькій, любящій все Славянское, все Малороссійское, но съ перваго виду мало обѣщающій. Сегодня вечеромъ они заѣдутъ ко мнѣ, и потомъ поѣдемъ къ нимъ. Сегодня же я буду, можетъ быть, обѣдать у Черткова, нумизмата и друга всѣхъ литераторовъ: по суботамъ у него литературные обѣды, и Андросовъ [3]) хотѣлъ меня везти къ нему. Познакомился и съ Андросовымъ: не ожидалъ, чтобъ онъ былъ такая птичка. Едва ли въ немъ есть что нибудь положительное; а желанье нравиться и играть роль человѣка съ умомъ и вкусомъ лишаетъ его и отрицательнаго. Еще видался съ Даниловичемъ, былъ у него на лекціи, былъ у него въ домѣ, былъ и онъ у меня. Не могу не уважать, не любить. Ученый въ полномъ смыслѣ слова, и добрый человѣкъ. Послѣ завтра буду у него обѣдать. На дняхъ обѣдалъ у Чевилева и передъ тѣмъ дни за два былъ у него на лекціи. Ласковый, умный человѣкъ въ родѣ всѣхъ

---

[1]) Сем. Егор.—переводчикъ Тасса, Аріоста, Виргилія, преподаватель Русской словесности въ Московскомъ благородномъ университетскомъ пансіонѣ; также издатель журнала «Галатея».

[2]) А. Ал. Алябьевъ (1802—1852).

[3]) Василій Петровичъ—извѣстный въ свое время работами по земледѣльческой статистикѣ, редакторъ журнала «Московскій Наблюдатель» († 1841).

новыхъ профессоровъ. Читаетъ Статистику сравнительно, обращая вниманіе на землю, народъ, промышленность и просвѣщеніе; но кажется темно понимаетъ Статистику какъ науку. Объ остальныхъ моихъ знакомствахъ не скажу пока ничего, потому что ничего дѣльнаго не могу сказать и боюсь ошибиться слишкомъ рѣзко.

Да и дурно-же я пишу къ Вамъ, душенька Маменька, все забываю, что пишу не для себя, а къ Вамъ. Простите меня. Пусть ужь кто нибудь изъ моихъ друзей читаетъ Вамъ мои письма, пока я исправлюсь. А вижу и изъ этого, какъ тяжело исправляться.

Простите Маменька, до вечера. Вечеромъ напишу, что случится сегодня. А пока прощайте, будьте здоровы, веселы, покойны. Однѣ ли вы живете или уже и Ефросинья Ивановна въ Харьковѣ? Поклонитесь ей отъ меня,—и пишите почаще въ Петербургъ, пока есть еще возможность получать мнѣ ваши драгоцѣнныя письма.

8-ое Октября.

Недѣля, какъ я въ Москвѣ, минула, и только теперь открывается для меня надежда что нибудь увидѣть. А между тѣмъ вотъ какъ провелъ я вчерашній день:—Въ 12-мъ часу утра я вышелъ изъ дому въ Университетскую библіотеку, провелъ въ ней болѣе двухъ часовъ, разсматривалъ книги по части Славянщины, и взялъ одну изъ нихъ для просмотра домой. Отвезши ее на квартиру, я поѣхалъ къ Андросову, и съ нимъ поѣхалъ на обѣдъ къ Черткову. Чертковъ проживаетъ 100,000 въ годъ, уменъ, образованъ, хочетъ казаться ученымъ и покровителемъ учености. Андросовъ—его домашній пріятель, и я былъ принятъ хорошо. Тутъ были, кромѣ насъ, Снегиревъ, Масловъ, Морошкинъ и Погодинъ съ женою и дѣтьми. Все богато, и все просто. Жена Черткова—женщина очень образованная, много путешествовала, изъ знати (дочь графа Чернышева), что впрочемъ вовсе не видно, мила собою, еще милѣе въ обращеніи. Она такъ проста и обходительна, что жену Погодина выбѣжала встрѣтить въ залу, и потомъ провожала въ переднюю. И какъ хорошо убранъ домъ: мраморы, картины, древности и рѣдкости всюду. Обѣдъ былъ довольно простой, но со вкусомъ приготовленный; послѣ обѣда всѣ вольно курили въ гостинной цигары, расположась, какъ кто хотѣлъ. Отъ Черткова, въ 6 часовъ, я поѣхалъ къ Погодину, и провелъ съ нимъ вечеръ, разсматривая его рѣдкости. Много очень важнаго. Гоголя не было дома. Погодинъ удерживалъ меня съ часу на часъ, говоря, что Гоголь будетъ его бранить, если онъ отпуститъ меня, и будетъ жалковать. До 9 часовъ онъ не пріѣхалъ, и я отправился домой, оставилъ тутъ, что взялъ у Погодина, и въ Нѣмецкій клубъ, куда пригласилъ и гдѣ хотѣлъ ждать меня Строевъ. Побродивши по

заламъ, посмотрѣвши на толпы ходящія и сидящія, на игроковъ въ лото, въ бильярдъ, въ карты, мы пошли въ столовую и ужинали. Тутъ присоединился къ намъ молодой человѣкъ, судья Граждан. Палаты, Лызловъ, скажу съ гордостью—мой почитатель за Рапсодію Сонатину, потомъ еще хозяинъ Оружейной Палаты Соколовскій, потомъ еще одинъ изъ знаменитыхъ артистовъ Гебель,—и мы ѣли, пили шампанское, болтали до 2-го часу. Лызлову непремѣнно хочется, чтобъ я былъ у него въ Субботу на квартетѣ, въ которомъ будутъ участвовать лучшіе артисты Москвы. Я бы и хотѣлъ, но боюсь жить такъ долго въ Москвѣ. Сегодня утромъ я проснулся со страшною головною болью,—не мудрено послѣ 8 рюмокъ у Черткова и 5 бокаловъ въ Клубѣ. Головная боль досадна; впрочемъ я благодаренъ Андросову и Строеву, не за то, что они накормили и напоили меня у Черткова и въ Клубѣ, а за то, что я имѣлъ случай еще сколько нибудь узнать лучше Московскій міръ.—Сегодня утромъ я думаю посѣтить соборъ, буду еще у Андросова, чтобы познакомиться съ Макаровымъ [1]), и обѣдаю у Строева; завтра утромъ ко мнѣ заѣдетъ Снегиревъ, и поѣдемъ въ Синодальную библіотеку, оттуда обѣдать къ Даниловичу; послѣ завтра утромъ буду съ Строевымъ и Лызловымъ въ Оружейной Палатѣ, и обѣдаю у Погодина. Остальное время какъ проведу—самъ не знаю. Прощайте, пора одѣваться.

Вечеръ.

И вотъ какъ провелъ я сегодняшній день: слушалъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, храмѣ, поразительномъ величиною, богатствомъ, мракомъ, остатками старины,—и мнѣ пришла снова мысль, зачѣмъ я тутъ одинъ, безъ Васъ, безъ возможности раздѣлить чувство; мнѣ взгрустнулось и я горячо помолился о Вашемъ здоровьи, да сохранитъ его Господь, да пройдутъ скорѣе годы разлуки—ухъ! годы, когда еще прошли только недѣли! Побродивши послѣ обѣдни по Москвѣ, я пошелъ къ Андросову, познакомился съ Макаровымъ, добрымъ старикомъ прошедшаго времени,—и, ворочаясь оттуда, встрѣтился съ Пассековыми, которые только въѣзжали въ Москву. Я проводилъ ихъ до квартиры, посидѣлъ съ ними, отправился отъ нихъ обѣдать къ Строеву, просидѣлъ у него до вечера, потомъ опять къ нимъ, и только что отъ нихъ. У нихъ видѣлъ брата ихъ Діомида Васильевича, свитскаго офицера [2]). Черезъ него думаю переслать къ Вамъ это письмо и съ нимъ билетъ сохранной казны, взятый мною на дняхъ на 1200 серебромъ, т. е. на 4200 ассигнаціями. Мнѣ хотѣлось остальное отдать платиною, но не принимаютъ, и вотъ почему я отложилъ это до другаго времени. Еще надобно будетъ Вамъ выслать

[1]) Мих. Ник. Макаровъ, литераторъ и археологъ-любитель 1830-хъ год. († 1847 г.).

[2]) Д. В. Пассекъ, впослѣдствіи генералъ-майоръ, Кавказскій герой; убитъ горцами при взятіи Дарго въ 1845 г.

Московская Центральная Публичная библиотека

билетъ въ 500 руб. серебромъ, т. е. въ 1750 р. ас. Такимъ образомъ всего будетъ 1700 сереб. т. е. 5950 р. ас. Я записываю такъ, что и Вы, и я можемъ получать по билету и проценты и капиталъ. Билетъ надобно очень беречь.

Прощайте, милая Маменька. Получу-ли то я письмо отъ Васъ въ Москвѣ? Ахъ, еслибы! Кланяйтесь Маріѣ Ивановнѣ, Маріи Ѳедоровнѣ, Григорію Григорьевичу, Ивану Петровичу, Аннѣ Ѳедоровнѣ, Семену Семеновичу [1]), Амвросію Лукіяновичу, Александру Петровичу [2]), Александру Ивановичу, Поликарпу Васильевичу [3]), Августу Давидовичу, Ѳедору Ивановичу, и всѣмъ, всѣмъ, кто меня помнитъ.

Цѣлую ручку Вашу.

Из. Срезневскій.

Взялъ и еще билетъ въ 515 р. сер., т. е. въ 1800. Слѣд. всего капиталу отдано 6000 ас. Посылаю оба.

VII.

№ 6 [4]). 15 Окт. 1839. Воскресенье.

Москва.

Дравствуйте, маменька!

Вы, конечно, получили уже письмо мое съ разными приложеніями, посланное черезъ Діомида Васильевича Пассека, и въ Петербургѣ надѣюсь получить Вашъ отзывъ объ этомъ. Пассекъ Вамъ сказалъ, между прочимъ, что я выѣхать намѣренъ изъ Москвы въ Воскресенье. Случиться однако должно не такъ, какъ я предполагалъ: выѣзжаю не сегодня, а во Вторникъ. Еще надобно быть кое у кого и кое гдѣ; да и мѣста въ дилижансахъ всѣ до Вторника заняты.

Какъ бы то ни было, я еще въ Москвѣ, милая маменька, и надобно мнѣ написать Вамъ что нибудь о ней, о томъ, что видѣлъ въ ней, и о тѣхъ, съ которыми въ ней познакомился.

И прежде всего о Вельтманѣ. Всматриваясь въ литераторовъ Московскихъ, я не могъ не получить впечатленій, самыхъ горестныхъ, самыхъ досадныхъ. Не то думалъ я найдти въ людяхъ, обязанныхъ быть людьми болѣе всѣхъ другихъ людей, не то, что нашелъ. Привычка видѣть на всѣхъ

---

[1]) Лукьяновичь, впослѣдствіи профессоръ Харьковскаго университета.

[2]) Рославскій-Петровскій, впослѣдствіи проф. Харьковскаго университета.

[3]) Тихоновичь, впослѣдствіи учитель латинскаго языка Харьковской гимназіи и профессоръ Харьковскаго университета.

[4]) № 6 поставленъ по ошибкѣ вм. № 7-го, отчего невѣренъ и дальнѣйшій счетъ писемъ. См. прим. 1.

одинъ и тотъ же типъ не могла меня не заставить предполагать, что и тѣ, которыхъ я не видѣлъ, такіе же, какъ и другіе. Мнѣ не хотѣлось этого предполагать въ Вельтманѣ; но предполагалось невольно. Къ счастію, я долженъ по крайней мѣрѣ для него сдѣлать исключеніе изъ общаго понятія, мною составленнаго о литераторахъ Московскихъ. Я сознавалъ въ немъ великое дарованіе,—я нашелъ въ немъ истинно добраго человѣка, душу, которая рада найдти сочувствіе съ другою душою, душу художника, и—Русскаго человѣка. Я видѣлъ его въ кабинетѣ, видѣлъ въ сѣмьѣ, видѣлъ съ знакомыми: онъ всюду одинъ и тотъ-же;—не любить его нельзя, не желать ему славы—грѣхъ. Передъ нимъ поневолѣ становишься дитятью, безотчетно предающимся чувству любви. И какъ онъ хорошъ собою даже по лицу: правильная, многозначительная профиль, лобъ открытый, свѣтлый, глаза, горящіе огнемъ думы, глубоко проникнувшей душу. Я не въ состояніи забыть его, но въ состояніи не быть его поклонникомъ. — Прошу Амвросія Лукіановича послать къ нему «Думки и пѣсни»[1]), я ему говорилъ о нихъ, а не далъ экземпляра, потому что чемоданъ свой отправилъ по транспорту, не оставивши при себѣ ни одного экземпляра. Чалаго и Баллады Николая Ивановича [2]) я сообщилъ ему отъ имени автора, равно какъ и кое что свое. Адресъ его: Александру Ѳомичу Вельтману на Кисловкѣ въ домѣ Костроминой. Пошлите, Амвросій Лукіановичъ, непремѣнно пошлите ему свою книжку: онъ вѣрно приметъ ихъ съ душевною благодарностію и будетъ Вамъ отвѣчать. Я уже ему сказалъ, что онъ получитъ отъ Васъ, что я напишу къ Вамъ объ этомъ. Когда Николай Ивановичъ издастъ свою Вѣтку [3]), то также пошлетъ. Да? Николай Ивановичъ! Кстати о «Вѣткѣ»: вчера я видѣлъ ее у Каченовскаго, которому передана она для цензуры: милая книжка; Каченовскій восхищается ею, но едва ли все пропуститъ, и даже хорошо бы Вы сдѣлали, если бы написали ему, что ни Колядокъ, ни чего богословскаго не намѣрены печатать. Это бы Васъ избавило отъ хлопотъ и замедленія. Но, Николай Ивановичъ, что дѣлаетъ Ваша Краледворская рукопись?[4]). Не забывайте о ней. Я всюду говорю, что Вы намѣрены издать ее, и всюду это принимается съ радостію, съ любопытствомъ. Вы же, Амвросій Лукіановичъ, пишите оперу Малороссійско-Русскую, чтобы поболѣе было лицъ Русскихъ, и пѣсень Малороссійскихъ.

---

[1]) Думки и пѣсни та ще де-що. А. Могилы (А. Л. Метлинскаго). Сборникъ стихотвореній. Харьк. 1839.

[2]) Савва Чалый. Драматическія сцены на южно-русскомъ языкѣ. Сочиненіе Іереміи Галки (Н. И. Костомарова). Харьк. 1839 г.—Украинскія баллады Іереміи Галки. Харьк. 1839.

[3]) Сборникъ стихотвореній Н. И. Костомарова: Вѣтка, Іереміи Галки. Харьк. 1840.

[4]) Переводъ Краледворской рукописи на Малорусскій языкъ, отрывки его были напечатаны въ «Снипѣ» г. Корсуна (Харьковъ. 1841) и въ «Молодикѣ» Бецкаго (Харьковъ 1843 и 1844).

Напишите и перешлите къ Щепкину (Михаилу Семеновичу): онъ страстный охотникъ до всего Малороссійскаго и постарается дать ей ходъ. Я уже говорилъ съ нимъ объ этомъ. Между прочимъ я передалъ ему Москаля Чарівника [1]): онъ издастъ его какъ 2-ю книжку Украин. Сборника, и Гоголь будетъ держать корректуру; а издавши поставитъ на Моск. театрѣ. Щепкинъ премилый человѣкъ: онъ однажды просидѣлъ у меня съ Гоголемъ цѣлый вечеръ, и мы говорили все о Малороссіи, между прочимъ читали кое что изъ Балладъ Украинскихъ и Думокъ и Пѣсень.

Начавши говорить о Вельтманѣ, я перескочилъ Богъ знаетъ куда. Надѣюсь опять воротиться къ нему. Онъ вчера просидѣлъ у меня почти все утро; сегодня или завтра вечеромъ я буду у него. Время съ нимъ летитъ, часы кажутся минутами.

16-е октября.

Побродивши по Москвѣ тамъ и сямъ, взявши мѣсто въ дилижансѣ (за 80 р.), и прочее, я отправился къ Пассековымъ, которые, долго искавши квартиры, переселились наконецъ изъ гостинницы въ домъ Алексѣя Петровича Кучина, брата Татьяны Петровны. Кстати скажу, что въ Москвѣ все дорого— между прочимъ и квартиры также очень дороги, почти дороже нежели въ Харьковѣ и такъ же какъ въ Харьковѣ чуть только очистятся, тотчасъ занимаются новыми постояльцами. Дрова также ужасно дороги: за одно-поленную сажень березовыхъ платятъ до 30 р. и даже еловыя продаются по 13 и дороже. Кстати же сказать, что морозы уже начались. Выпалъ снѣгъ, и лежитъ не тая. Я прекрасно сдѣлалъ, что послушался васъ, добрая маменька, и взялъ шубу: въ Москвѣ я ходилъ все въ шубѣ, да и въ дорогѣ надѣну ее же: она не пострадаетъ отъ дороги, потому что карета прекрасная и мѣста покойныя. Ворочаюсь къ тому, чѣмъ началъ. Я поѣхалъ къ Пассековымъ, тамъ обѣдалъ, пилъ чай, ужиналъ, ночевалъ, и воротился домой часу въ 10-мъ. Приготовился къ дорогѣ, и теперь, отобѣдавши у Лѣшкова и Спасскаго, сѣлъ у нихъ за этотъ листокъ. Уже темнѣетъ. Хотѣлъ было писать много, но не успѣю. О Москвѣ напишу уже въ другомъ письмѣ. Раньше или позже, а все-таки напишу—хоть о самомъ любопытномъ изъ того, что видѣлъ. А видѣлъ я много, благодаря пособію моихъ знакомыхъ.

Напишите мнѣ, получаете ли Вы Галатею: Раичъ обѣщалъ высылать. Журналецъ хоть и плохой, а все таки найдется хоть что нибудь, что прочесть.

Да извинитъ меня Амвросій Лукіановичъ, Николай Ивановичъ и всѣ, которымъ я обѣщалъ писать, что до сихъ поръ не написалъ никому. Право,

---

[1]) Извѣстная Малорусская опера И. П. Котляревскаго: напечатана въ первый разъ во 2-й кн. Украинскаго Сборника И. И. Ср—го (Москва 1841).

достаетъ времени писать только въ Вамъ. Авось либо улучу минуту свободы, и напишу. Кланяйтесь Александру Петровичу [1]) и скажите ему, что я напишу ему, когда познакомлюсь съ Порошинымъ [2]).

До свиданья, милая Маменька. Прощайте. Да хранитъ Васъ Господь. Цѣлую Вашу ручку.

Из. Ср.

VIII

№ 7, С.-Пбургъ. Окт. 22. 1839.

Между Сѣнной площадью и Екатерининскимъ каналомъ есть между прочимъ и переулокъ, называемый Коннымъ: въ этомъ Конномъ переулкѣ есть между прочимъ и домъ Галчинкова, стоящій на самомъ углу къ Сѣнной площади, а въ полицейскихъ спискахъ подъ № 182; въ этомъ домѣ, на второмъ этажѣ, есть между прочимъ двѣ комнаты, одна желтая, другая голубая, въ этой голубой комнатѣ, между двумя окнами, сквозь которыя можно видѣть и слышать всю дѣятельность Петербургской рыночности, стоятъ два ломберные разставленые стола; за этими двумя столами, при свѣтѣ двухъ свѣчь, въ дыму трехъ трубокъ сидятъ три молодые человѣка, всѣ трое съ перьями, всѣ трое пишутъ письма, всѣ къ Маменькѣ своей... Угадайте, душенька Маменька, что это за люди собрались писать письма въ одной изъ комнатъ втораго этажа дома Галчинкова въ Конномъ переулкѣ у Сѣнной площади? О, вы конечно угадали ихъ: одинъ изъ нихъ Барковскій [3]), другой братъ Николай [4]), а третій—я. Мы пишемъ письма. Я, какъ видите, тоже пишу что-то, — и съ нѣкоторой поры очень веселъ. Во первыхъ, я въ Пбургѣ, во вторыхъ у брата; въ третьихъ получилъ отъ васъ, милая Маменька, цѣлыхъ три письма... Какъ же не быть веселому?

Чтобы разсказать, какъ я очутился въ Петербургѣ, надобно разсказать и о томъ, какъ я выбрался изъ Москвы, какъ дотянулся до Пбурга. —Въ письмѣ, отправленномъ къ Вамъ черезъ Д. В. Пассека, я писалъ, что выѣзжаю въ Воскресенье, т. е. 15-го Октября; но въ Воскресенье выѣхать не могъ, потому что не отыскалъ ни одного дилижанса, который бы отправлялся въ

---

[1]) Рославскій-Петровскій, проф. Харьковскаго унив

[2]) Викт. Семеновичъ Порошинъ, проф. Спб. Унив. по каѳ. Политич. эк. и Статистики.

[3]) Андр. Лавр. Барковскій—товарищъ Ник. Ив. Срезневскаго по Академіи Генеральнаго Штаба, впослѣдствіи генералъ-майоръ; имъ напечатаны „Воспоминанія въ стихахъ“ (Москва 1880).

[4]) Ник. Ив. Срезневскій, впослѣдствіи подполковникъ Генеральнаго Штаба; былъ убитъ Поляками въ 1863 г., въ самомъ началѣ мятежа.

этотъ день, и отложилъ выѣздъ до Вторника. Объ этомъ я кажется также не забылъ написать въ письмѣ подъ № 6, которое оставилъ для отсылки Лѣшкову и которое, надѣюсь, Вы уже получили. Кстати: совершенно противъ воли и ожиданія, я заставилъ безпокоиться о себѣ не только Васъ, душенька Маменька, но даже и брата Николу. Вы видите: это № 7-й, № 1-й отправленъ былъ изъ Липцевъ, № 2-й изъ Курска. Вы ихъ получили. № 3-й отправленъ изъ станціи Вѣдменскій Заводъ (за Тулою), № 4-й изъ Москвы скоро послѣ пріѣзда въ нее: ужели Вы ихъ не получили? Богъ съ ними, если бы Вы только были покойны. Будьте увѣрены, Маменька, что, если не получите иногда письма отъ меня въ то время, когда ожидаете, то причиной этому не я, а тѣ, которые могутъ отправить и не отправить. Болѣе шести писемъ въ продолженіе четырехъ недѣль я не могъ написать. Теперь вы будете получать ихъ еще рѣже, а потомъ еще рѣже; но пожалуйста не безпокойтесь: я берегу свое здоровье, остерегаюсь отъ всего какъ умѣю—и до сихъ поръ, что касается до непріятностей, не имѣлъ ни одной, ни малѣйшей. Терпѣло иногда сердце, но впрочемъ все обходилось благополучно, ни встрѣчи даже не было, которая могла бы навести меня на какую нибудь непріятность. Между тѣмъ—къ дѣлу. Я выѣхалъ изъ Москвы во вторникъ. Прекрасная вещь дилижансъ, не тотъ, въ которомъ поѣхали до Москвы Леоновы или Пассековы, а дилижансъ изъ Москвы въ Петербургъ. Это—карета съ коляской впереди—для 8 и даже 12 человѣкъ, карета покойная, широкая, ѣдущая скоро, и не вводящая въ большія издержки. Богъ дастъ когда нибудь мы съ Вами поѣдемъ въ Питеръ въ такой каретѣ. Дилижансъ, въ которомъ поѣхалъ я, былъ 8 мѣстный: въ коляскѣ спереди сидѣли, кромѣ кондуктора, какой-то Капитанъ Лейтенантъ флота и деньщикъ, №№ 1 и 2-й заняты были мною и Швейцарскимъ купцомъ Жиго, №№ 3 и 4-й сзади насъ были во владѣніи двухъ поручиковъ инженернаго и драгунскаго, наконецъ №№ 5 и 6, составляющіе задній отдѣлъ дилижанса, принадлежали Діакону, переселяющемуся изъ Москвы въ Петербургъ съ женою и маленькимъ сыномъ. Общество, какъ видите, довольно разнообразное. Въ половинѣ 11-го часа всѣ пассажиры были уже готовы, и всѣ ихъ вещи въ дилижансѣ были размѣщены очень удобно. Всякій простился съ кѣмъ имѣлъ (я простился съ Пассекомъ, меня провожавшимъ), сѣлъ на свое мѣсто, и восемь лошадей понесли насъ. Не знаю, что дѣлали другіе пассажиры, но я съ своей половиной осмотрѣлись, увидѣли свои вещи въ зеркалахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ, отдѣляющей нашъ отдѣлъ отъ передней коляски, увидѣли подъ зеркалами раздвижные столики, раздвинули ихъ, закурили цигары, облокотились, и въ такомъ очень занимательномъ положеніи зѣвали въ окно, каждый въ свое, до тѣхъ поръ, пока пришлось сказать Москвѣ прости, и поднять въ окнахъ стекла отъ вѣтру и снѣгу. А, кстати.

Я бы и забылъ сказать, что въ послѣдніе дни на Москву опустилась настоящая зима, такъ что выпалъ рѣшительно глубокій снѣгъ, и вода въ рѣкахъ покрылась плотною корою льда, такою корою, что мальчишки рѣшались бросать на лёдъ не только камни, но и самихъ себя. Этотъ холодъ, или, лучше сказать, этотъ снѣгъ былъ причиною, что наша поѣздка была гораздо медленнѣе противу обыкновеннаго: мы только на другой день послѣ обѣда, чуть не къ вечеру пріѣхали въ Тверь, и только на четвертый день, т. е. третьяго дня обѣдали въ Новѣгородѣ. Впрочемъ снѣгъ и холодъ насъ провожали только до Валдая: черезъ Валдай мы ѣхали туманомъ ночнымъ, который не позволилъ намъ ничего увидѣть, за Валдаемъ смочилъ насъ дождь, а въ Новѣгородѣ и далѣе свѣтило ясное солнце, и Волховъ былъ покрытъ движущимися барками, и ни снѣжинки нигдѣ, между тѣмъ какъ въ Твери Волга стояла недвижно подо льдомъ; въ Петербургъ же въѣхали по грязи и въ изморозь. Не много могу сказать о томъ, что видѣлъ по дорогѣ до Петербурга. Въ Твери я полюбовался только видомъ города изъ за Волги. Миленькій, чистенькій городъ: больше ничего не могу сказать о немъ. Вышній-Волочекъ—городокъ очень незавидный. Когда проѣзжали Крестцы, я спалъ. Когда проѣзжали Валдай, было уже темно, и для воспоминаній о Валдаѣ я сохраняю въ памяти только два миленькія личика двухъ Зимогорянокъ, у которыхъ за три пиооооццццѣллууууяяя и гривенникъ я купилъ двѣ вязки баранковъ, очень вкусныхъ, и очень понравившихся брату. Новгородъ очень милъ; кремль его чуть не развалины: Софіевская церковь очень странна наружностію, и очень величественна внутри; Волховъ полонъ воды и жизни; равнина, на которой стоитъ Новгородъ, огромна... Проснувшись утромъ въ Субботу я былъ ужь въ Ижорахъ, въ 30 верстахъ отъ П-бурга, и не спускалъ глазъ со всего, что встрѣчалось передъ нами до тѣхъ поръ, пока не обнялъ брата. Видѣлъ вдали Царское Село, видѣлъ красивыя дачи, видѣлъ широкія улицы Петербурга, восхищался Казанскимъ соборомъ и церковію Петра и Павла. Подлѣ нея остановился дилижансъ. Я нанялъ карету, велѣлъ сложить въ нее свой багажъ, и отправился въ В. Академію, насилу отыскалъ ее, любовался по дорогѣ Невскимъ проспектомъ, Адмиралтейскимъ шпицемъ, Зимнимъ дворцомъ, Исакьевскимъ соборомъ, Невою, всѣмъ,—и наконецъ засталъ брата спящимъ послѣ обѣда. Онъ живетъ вмѣстѣ съ Барковскимъ. Сегодня ѣздилъ къ Министру и узналъ, что Уварова нѣтъ въ Пбургѣ, что его мѣсто занимаетъ Протасовъ [1]), поѣхалъ къ Джунковскому [2]), тамъ засталъ Шпигоцкаго [3]) провелъ съ ними нѣсколько

---

[1]) Графъ Николай Алекс. Протасовъ.

[2]) Іосифъ Абрам. Джунковскій—товарищъ И. И. Срезневскаго по университету.

[3]) Аѳанасій Григорьевичъ Шпигоцкій—товарищъ И. И. Срезневскаго по пансіону и университету.

часовъ, узналъ все, что нужно и можно было узнать отъ нихъ, и завтра хочу начать визиты.

На слѣдующемъ листкѣ напишу объ успѣхахъ своихъ прогулокъ по Пбургу, а до тѣхъ поръ прощайте, Маменька. И. Срезневскій.

Спб. Окт. 24. 1839 г.

Принимаюсь, милая маменька, за другой листокъ, что-бы пересказать на немъ, что видѣлъ и слышалъ я въ Спб. въ продолженіи двухъ дней съ тѣхъ поръ, какъ написалъ первый листокъ. Надобно признаться, я сдѣлалъ еще очень мало—почти ничего; но, право, очень трудно быть успѣшно-дѣятельнымъ въ городѣ, подобномъ Москвѣ и Петербургу, когда еще онъ совершенно новъ, и когда надобность беречь деньги заставляетъ не тратить ихъ на извощика, а ходить пѣшкомъ.

Въ понедѣльникъ утромъ, проводивши брата и Барковскаго въ Академію (то былъ ихъ первый выходъ на лекціи въ этомъ году), я сталъ и самъ собираться въ путь; хотѣлъ нанять извощика, не нанялъ потому что просили слишкомъ дорого,—доѣхалъ только до дома Министерства Просвѣщенія. Тутъ первый мой визитъ былъ Сербиновичу [1]). Никакъ я не воображалъ встрѣтить его такимъ, какимъ встрѣтилъ: онъ и милый, и обходительный, даже очень вѣжливый человѣкъ; но это олицетворенная хитрость, если не болѣе,—и притомъ чиновникъ, занимающійся литературою по должности, въ полной мѣрѣ. Я засталъ его въ кабинетѣ, очень крошечномъ, окруженнымъ книгами, какъ мышь; и самъ же онъ величиною не многимъ болѣе мыши. Онъ предложилъ мнѣ между прочимъ побывать сегодня же у Ширинскаго-Шихматова, Директора Департамента Просвѣщенія, и спросить у него, долженъ-ли я являться къ Протасову. Я такъ и сдѣлалъ; отправился прямо отъ него къ Ширинскому . . . . . Принялъ [2]) меня также довольно вѣжливо и отмѣнно сухо, изумился [3]), что меня отправили не прямо изъ Харькова, предложилъ [4]) прямо отъ него отправиться къ Протасову. Я раскланялся и пустился въ путь къ Протасову. На пути встрѣтился съ Леоновымъ [5]), который бѣжалъ въ Департаментъ. Онъ мгновенно узналъ меня, подбѣжалъ, разцѣловался, распросилъ у меня все, что ему пришло на умъ, сказалъ самъ, между прочимъ, что теперь уже всѣ они здоровы, но что прежде Марья Яковлевна и, какъ показалось мнѣ, и Марья Андреевна были нездо-

---

[1]) Конст. Степановичъ Сербиновичъ; въ это время (1833—1856) редакторъ Журнала Мин. Нар. Просв.

[2]) Въ подл: приняла.

[3]) Въ подл.: изумилась.

[4]) Въ подл.: предложила.

[5]) Иванъ Ѳедоровичъ Леоновъ, впослѣдствіи докторъ медицины и хирургіи, ординарный профессоръ университета св. Владиміра по каѳедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія.

ровы, просилъ къ себѣ, сказавши свой адресъ и пр. Я непремѣнно зайду къ нимъ на этихъ дняхъ, и въ слѣд. письмѣ напишу, какъ ихъ найду. Вышедши на Невскій Проспектъ, я встрѣтился съ Гельфрейхомъ, старымъ товарищемъ по пансіону. Онъ очень обрадовался встрѣчѣ со мною, и просилъ, очень просилъ зайдти къ нему, когда нибудь вечеркомъ: буду и у него. Онъ указалъ мнѣ домъ Протасова, и я отправился далѣе. Я былъ у Протасова на крыльцѣ, былъ въ сѣняхъ, былъ въ передней, далѣе не былъ: оффиціантъ доложилъ ему о моемъ приходѣ, и потомъ черезъ нѣсколько минутъ доложилъ мнѣ, что Графъ очень занятъ и принять никакъ не можетъ. Мнѣ оставалось обратиться вспять, еще разъ взглянувши на великолѣпіе сѣней, украшенныхъ бронзою, паркетомъ, зеркалами, коврами, мраморомъ и бельведеромъ, который надъ ними сверхъ 3-го этажа раскинулся прозрачнымъ куполомъ. Отсюда я пошелъ по Невскому Проспекту къ Адмиралтейству, и любовался имъ такъ, что забылъ зайдти и въ Педагогич. Институтъ, и къ Смирдину, и въ Пѣвческій Корпусъ, любовался Александринскимъ театромъ, Аничковскимъ дворцомъ, магазинами, домами, самимъ проспектомъ и народомъ, на немъ волнующимся. Незамѣтно очутился я на площади и пошелъ на Англійскую набережную къ Анастасевичу [1]). Я не могъ не остановиться на площади минутъ на пять, чтобы посмотрѣть хоть издали на Зимній дворецъ, на Александровскую колонну, на великолѣпный домъ Синода и Сената, на громаду Исакіевскаго собора, обернутаго еще въ пелену лѣсовъ, на памятникъ Петру. Какъ все это хорошо, и какъ мало достаетъ словъ для описанія всего этого! Я остановился въ другой разъ на Англійской набережной и восхищался Невою. Что за рѣка! Широкая, кипучая, полная влаги, полная жизни, она колышетъ свои тяжело-быстрыя волны между стѣнами гранита, надъ которымъ вытянулись строемъ, великолѣпныя, громадныя, изящныя зданія... Взгляните, маменька, на два вида Невы, которыя висятъ въ Вашей голубой комнаткѣ: они вѣрны и даютъ правильное понятіе о Невѣ. Идучи къ Анастасевичу, идучи отъ него, не заставши его, я продолжалъ любоваться Невою,—и жажду любоваться ею въ такой же мѣрѣ, съ такимъ же живымъ чувствомъ, какъ не могу не жаждать упиваться струями воздуха, когда онъ очищенъ . . . . . [2]) свѣтлымъ солнцемъ и освѣженъ тихимъ вѣтеркомъ. Я воротился домой, утолилъ голодъ, и вновь направилъ путь къ Министерству, заходилъ въ Редакцію, гдѣ мнѣ сказали, что экземпляры моей статьи отправлены уже въ Харьковъ, заходилъ въ Департаментъ, гдѣ мнѣ сказали, что я не могу еще скоро отпра-

[1]) Василій Григорьевичъ, извѣстный библіографъ.
[2]) Слово неразобрано.

виться въ путь, потому что надобно три раза припечатывать обо мнѣ въ газетахъ. Рекомендацію къ посламъ и деньги обѣщались дать и пр. Съ этимъ я возвратился опять домой, и до прихода брата и Барковскаго изъ Академіи успѣлъ еще заснуть. Они воротились, и обыкновенно будутъ ворочаться въ 4-мъ часу, идучи туда въ 9-мъ. Мы обѣдали, отдыхали и пр. Кстати скажу, что они нанимаютъ квартиру очень выгодно: платятъ оба вмѣстѣ 120 руб. въ мѣсяцъ, и имѣютъ столъ и для себя и для людей, и столъ прекрасный, такъ что и мнѣ, третьему, достаетъ, и остается еще для 4-го. Вечеромъ я былъ у Джунковскаго, гдѣ просидѣлъ до 10-ти часовъ.—Сегодняшнее утро мое все занято было посѣщеніемъ Гординскаго [1]), которому Пассекъ [2]) поручилъ изданіе Очерковъ [3]), и Анастасевича. Анастасевичъ таковъ, какимъ я надѣялся и желалъ найдти: добрый старикъ, умный, ученый, добрый, безъ комплиментства, заваленный книгами такъ, что за ними въ его крошечной квартиркѣ и свѣту Божьяго не видно. Я успѣлъ еще зайдти во 2-ю Гимназію и отдать Петѣ Шабельскому доставленное Варварою Вильгельмовною Піонковичевою. Онъ здоровъ, и доставитъ о себѣ извѣстіе послѣ; а покамѣстъ прошу Васъ, маменька, засвидѣтельствовать Варварѣ Вильгельмовнѣ мое почтеніе, если увидитесь съ нею.

Какъ бы я желалъ еще хоть одно письмо получить отъ Васъ до отправки за границу. Какъ отправлюсь еще не знаю: можетъ быть черезъ Варшаву, гдѣ теперь Уваровъ.

Кланяюсь всѣмъ.

Цѣлую ручку Вашу.

Покор(ный) сынъ Из. Срез.

P. S. Да извинитъ меня добрый Амвросій Лукіановичъ, что я не написалъ къ нему еще ни одного слова. Письмо и есть, еще написанное изъ подъ Москвы; но грѣхъ посылать. Жду времени составить новое.

---

[1]) Е. П. Гардинскій (Т. П. Пассекъ: Изъ дальнихъ лѣтъ. I, 275).

[2]) Вадимъ Васильевичъ.

[3]) Очерки Россіи. С.-П.-Б. 1838—1842.

IX.

№ 8. С.Пбургъ. 1-е Ноября 1839.

Вчера, милая Маменька, я началъ писать Вамъ письмо подъ этимъ №омеромъ, и написалъ-было почти три страницы; сегодня братъ возвращается изъ Академіи, приноситъ письмо отъ Васъ, и въ немъ нападку на меня, что дурно пишу: что дѣлать, посмотрѣвши на написанное, и увидя, что и это написанное, написано также дурно, какъ и все прежнее, рѣшился разорвать листокъ и писать снова на другомъ. Что дѣлать! Виноватъ, душенька Маменька, право виноватъ, да вѣдь какъ начнешь писать, всегда забываешь, что пишешь, для того что-бы прочли. Вотъ и теперь чуть было не засуетился перомъ, чуть не началъ писать каракульками.

О чемъ-же писать? Я не хочу не только переписывать, но и перечитывать того, что написалъ на листкѣ, обреченномъ на всесожженіе. О чемъ-же писать? или лучше, съ чего начать? Многое, многое волнуется въ воспоминаніи даже противъ воли; но всего этого такъ много, что не находишь нигдѣ точки опоры, безпрерывно забываешь одно вмѣсто другаго, забываешь наконецъ все, кромѣ того, что передъ глазами,—готовъ саженью растянуть руки, и сказать: нѣтъ-съ, ничего-съ не знаю-съ. Я уже не говорю, сколько мнѣ слѣдовало-бы написать о Москвѣ, о Москвичахъ, или о пути изъ Москвы въ С.Пбургъ; о самомъ Пбургѣ, вѣроятно, очень многое останется въ тяжеломъ грузѣ недосказанаго. Мнѣ бы надо было вести журналъ и для памятки вписывать въ немъ хоть краткія замѣтки о томъ, что видѣлъ и слышалъ, но до сихъ поръ за журналъ и не принимался, а записывалъ на лоскуткахъ, изъ которыхъ половина уже, можетъ статься, затерялась.

Начну сегоднишнимъ числомъ. Утро прошло, свѣчи на столѣ, день конченъ, и я могу писать о немъ, какъ о давно прошедшемъ припоминая по недавне-прошедшему и о давно-прошедшемъ. Съ утра, послѣ чаю, я занялся сниманіемъ карты, на которой Шафарикъ означилъ во всей подроб-

ности народонаселеніе Австрійской Имперіи по племенамъ. Эту карту сообщилъ мнѣ Сербиновичъ. Чрезвычайно любопытная карта: глядя на нее, видишь, какъ могущественно разширилось по Австрійс. Имперіи наше родное племя Славянъ, какъ примкнуло къ нему съ Юга племя Римское, какъ врѣзались, ворвались въ ихъ средину съ Запада Нѣмцы, съ Востока Маджары, врѣзались, и разбросались клочками. Другую карту Шафарикову о типографіяхъ Славянскихъ я уже снялъ. Эту не такъ легко: иногда бьешся, бьешся, да и бросишь. Кстати о Сербиновичѣ: онъ—воспитанникъ іезуитовъ, перекрестившійся въ нашу вѣру, обходителенъ со всѣми, обходителенъ и со мною, даже очень обходителенъ. Онъ обѣщался между прочимъ помѣщать мои статьи, находящіяся у него, одну за другою, просилъ, что-бы я доставлялъ ему статьи изъ за границы, и сказалъ, что будетъ доставлять мнѣ деньги. Деньги: вотъ это очень хорошо. Я у него бываю довольно часто.—Просидѣвши за картою до 1/2 одинадцатаго, отправился на Лиговку въ домъ Смирдина, думалъ тамъ найдти Полеваго, узналъ, что перемѣнилъ квартиру, поѣхалъ къ Башуцкому [1]), узналъ то-же,—и воротился къ Фонтанкѣ къ дому Долгорукова, гдѣ живетъ Князь Одоевскій... «Дома Князь?»—«Дома». И я вошелъ въ предкабинетіе. Чрезъ нѣсколько минутъ входитъ Княгиня, нѣчто въ родѣ смуглаго папошника, и проситъ извиненія, что Князь заставляетъ ждать, что Князь, принявши ванну, приметъ и меня. Выбѣгаетъ наконецъ и Князь: въ бархатномъ черномъ шлаф-сюртукѣ, въ колпакѣ темномъ, изъ подъ котораго видѣнъ другой бѣлый, и во всемъ прочемъ, онъ очень похожъ на Нѣмецкаго калбасника,—и также худъ, и также хомяковатъ, и также простъ; лице впрочемъ миленькое, добренькое, умненькое. Узнавши мою фамилію, онъ протянулъ ко мнѣ обѣ руки и потащилъ въ кабинетъ, говоря, что радъ и моему пріѣзду въ Пбургъ, и встрѣчѣ со мною; потомъ посадилъ въ кресло, спросилъ имя и отчество, спросилъ, хочу-ли чаю, или цигару, подалъ цигару, и началъ разспрашивать объ Украинѣ, о Харьковѣ, о моемъ путешествіи, и т. д. Жалѣетъ, что я не запасся свѣденіями музыкальными, что этого роду свѣденія не вошли у насъ въ обычай; просилъ сообщить ему мое собраніе Малорос. голосовъ проиграть и исправить ошибки переписки: видно, что страстный музыкантъ. Онъ впрочемъ и правитель дѣлъ по Комитету о Пріютахъ,—и разговоръ своротился на пріюты. Ихъ въ Пбургѣ семь, и въ семи до 1000 дѣтей отъ 3 до 9 лѣтъ: цѣлый день они въ пріютѣ, обуты, одѣты, учатся читать, писать, считать, пѣть, играются—все это подъ присмотромъ добропорядочныхъ женщинъ, между тѣмъ какъ дома только бы

---

[1]) Алекс. Павл. Башуцкій—литераторъ; въ это время издавалъ Журналъ Общеполезн. свѣдѣній.

дурачились. Князь просилъ меня заѣхать въ одинъ изъ пріютовъ, что бы увидѣть, какъ полезны этого рода заведенія: «у васъ навернутся слезы отъ чувства при видѣ этихъ дѣтей, извлеченныхъ изъ грязи, и воспитаніе которыхъ имѣетъ благодѣтельное дѣйствіе и на родителей». Говорили и о промышленности Русской, о надеждахъ нашихъ въ будущемъ въ этомъ отношеніи. О литературѣ почти не говорили. Я успѣлъ однако осмотрѣть кабинетъ, увидѣть, что у Князя все, что нужно ему, есть подъ рукою, и все съ большимъ удобствомъ: не говорю о богатой мебели, о журналахъ,—у него и библіотека очень богатая, очень разнообразная, очень правильно расположенная, и богатое собраніе картинъ, и пропасть нотъ, и прекрасный рояль. Я просидѣлъ у него до двухъ часовъ, получилъ приглашеніе на субботу—по субботамъ у него литературные вечера,—и отправился въ Александровскій пріютъ. Въ самомъ дѣлѣ нельзя не любоваться этимъ множествомъ дѣтей, чисто одѣтыхъ, веселыхъ, шутя учащихся. Они пропѣли мнѣ «Боже царя храни», показали свои работы, свои передники, свои башмаки, плетеные изъ рѣзаныхъ покромокъ, свое писаніе, а при выходѣ моемъ возгласили мнѣ «прощайте».—Не далеко оставалось до Лавры,—и я поѣхалъ въ Лавру. Главный храмъ похожъ фигурою на Казанскій соборъ, только не такъ богатъ; въ немъ справа гробница Александра Невскаго, серебрянная, въ 95 пудовъ, изумительно богатая и изящная; въ немъ же слѣва двѣ гигантскія картины Рубенса—снятіе со креста и воскресеніе,—и я не могъ не любоваться выраженіемъ лицъ въ первой изъ нихъ, въ алтарѣ, надъ горнимъ мѣстомъ, виситъ такая же гигантская картина Рафаеля—благовѣщеніе,—но я грѣшникъ—сколько ни всматривался въ нее, не высмотрѣлъ такого, что бы тронуло мою душу. Въ Малой церкви подлѣ кладбища, весь полъ и всѣ стѣны исписаны надписями на память о погребенныхъ тутъ знаменитостяхъ. Прежде всего я поклонился передъ гробомъ Суворова, потомъ сталъ читать надписи, которыя попадались подъ глазами и подъ ногами. Чего тутъ нѣтъ: тутъ и царевны дочери покойника Александра, и Грузинская Царевна, и Голицыны, и Строгановы, и Куракины, и Бецкій, и вся знать. Коегдѣ въ стѣнахъ вдѣланы памятники, блестящіе золотомъ, серебромъ, мраморомъ. Я зашелъ и на кладбище: груда мраморовъ, между которыми трудно пробираться,—и того, передъ чѣмъ-бы въ другомъ мѣстѣ простоялъ полчаса, считаешь тутъ десятками. Грустно было ходить по этому кладбищу, куда снесено и много изъ тѣхъ, кто двигалъ Россіей, кто оставилъ по себѣ долгій слѣдъ и долгую память... Тутъ и Державинъ, и Карамзинъ... Многіе памятники покрылись мохомъ, другіе разрушаются, и между ними свѣтлѣютъ юные, прекрасные, а нѣкоторые благоразумными владѣльцами покрыты отъ ударовъ времени шелевочными колпаками—очень кстати! Возвращаясь домой, я заѣхалъ къ откупщику Бенардаки, съ порученіемъ отъ Погодина,

принятъ очень ласково, прошенъ и на обѣдъ, и на вечеръ, и хоть каждый день, у порога встрѣтился съ бывшей моей ученицей Ваффеевой,—и домой.—Вотъ и все утро. Теперь мы пообѣдали, попили кофе, собираемся пить чай; а я, просмотрѣвши, что написалъ, вздумалъ, что надобно же сказать нѣсколько словъ и о Казанскомъ соборѣ, гдѣ я былъ уже два раза, и лучше чего я еще ничего не видалъ въ Пбургѣ. Полукруглою колоннадою развертывается онъ на Невскій проспектъ, образуя площадь, на которой стоятъ памятники Кутузову и Барклаю. Колоннъ что-то очень много, цвѣту желтобураго, какъ и весь храмъ снаружи. Въ серединѣ надъ колоннадой возвышается величественный куполъ, покрытый серебренною кровлей. Вошедши въ храмъ, не знаешь, чему удивляться—огромности, богатству или величію. Вы видите громадныя цѣльныя колонны изъ темносѣраго гранита съ бронзовыми пьедесталами и капителями, видите огромную площадь храма, развернувшуюся длиннымъ крестомъ,—и сами себѣ кажетесь такъ малыми, что одного этого довольно для пробужденія чувства. Храмъ пустъ, кое гдѣ только по угламъ стоятъ и сидятъ пришедшіе поклониться святому образу Казанскому,—и все молчитъ, такъ что вы слышите, какъ ноги ваши скользятъ по мрамору, и какъ эти звуки повторяются на сводахъ,—и сердце ваше начинаетъ сильно биться. А вонъ стоитъ на колѣняхъ передъ образомъ Казанскимъ тощій старикъ, можетъ быть, изстрадавшій всю жизнь, слышится и гортанный полузвукъ его «Господи!»—и слеза скатывается по лицу,—и вы уже не можете не молиться. Сюда, кто пришелъ, пришелъ молиться, а если пришелъ и не съ тѣмъ, выйдетъ помолившись.—Иконостасъ, и рѣшетка передъ нимъ изъ литаго серебра. На пилястрахъ, поддерживающихъ куполъ со стороны паперти, развѣшены ключи разныхъ городовъ; на колоннахъ паперти висятъ знамена, отнятыя во время послѣднихъ войнъ; въ углу за колоннами гробница Кутузова. Но зачѣмъ этотъ храмъ не въ Бѣлгородѣ, или лучше зачѣмъ этотъ Петровскій Бѣлый городъ не такъ-же близко отъ Харькова, какъ тотъ другой! То-то бы хорошо! И мы были бы съ вами въ немъ, и я теперь хоть на денёкъ убѣжалъ-бы изъ него къ Вамъ въ Харьковъ, гдѣ я оставилъ такъ много незамѣнимаго, незабвеннаго, отнятаго у меня уже можетъ статься на всегда. Ахъ, Харьковъ, Харьковъ! Ворочусь въ него, если Богъ дастъ воротиться, уже не такимъ; да и люди, которыхъ встрѣчу тамъ, развѣ не измѣнятся! Какъ же не жалать увидѣть его еще разъ, увидѣть безъ перемѣны тѣхъ, кого привыкъ любить или уважать такъ, какъ они есть, не иными.

2-е Ноября.

Вчерашній вечеръ до полуночи я просидѣлъ въ кругу товарищей односкамейниковъ. Хозяиномъ былъ Гамалея—не товарищъ, но хохолъ, и слѣдо-

вательно свой братъ.—Съ Шпигоцкимъ мы миловались, съ Джунковскимъ бранились, съ Лыгинымъ хохотали,—и Лыгина же слушали. Онъ имѣетъ голосъ, имѣетъ большія музыкальныя способности, и притомъ посѣщалъ каждую оперу по крайней мѣрѣ по десяти разъ. Онъ пѣлъ намъ мотивы изъ Роберта, изъ Фенеллы, изъ Жизни за Царя и пр. Мы наслаждались. Ахъ, Боже мой, я и забылъ вамъ сказать, что былъ въ театрѣ уже два раза—въ прошлую Пятницу на Сильфидѣ, а третьяго дни, во Вторникъ, на Робертѣ. Я видѣлъ въ Сильфидѣ Тальони,—видѣлъ Сильфиду. Я не воображалъ, чтобы балетъ могъ имѣть на меня какое нибудь сильное вліяніе, кромѣ развѣ самаго непріятнаго, не воображалъ потому, что не могъ себѣ представить, чтобы мнѣ могла понравиться искуственность, почти совершенно отрѣшенная отъ естественности,—и... Занавѣсъ поднимается, великолѣпная музыка отдаетъ звуки за звуками, душа сотрясается,—передо мною комната Нѣмецкаго рыцаря съ очагомъ, въ которомъ чуть тлѣетъ огонь. Оруженосецъ спитъ у дверей, рыцарь спитъ ближе на креслѣ. У ногъ рыцаря, на колѣнахъ, оперши руку о ручку креселъ и головку о руку, и устремивши глаза на рыцаря, стоитъ что-то недвижно-прекрасное. Музыка развертывается, сгущается, волнуется,—недвижимо-прекрасное остается безъ движенія, какъ мраморная статуя, чувствуешь жизнь только въ глазахъ, все всматривающихся въ рыцаря. Ждешь, наслаждаешься, теряешь понятіе о времени. И вдругъ Сильфида вспархиваетъ какъ тѣнь, и начинаетъ облакомъ виться около спящаго рыцаря, вьется, обходитъ, отходитъ, приходитъ, облетаетъ разъ, другой, третій, становится на колѣни передъ рыцаремъ, взлетаетъ сзади и, сложивши ручки, опустивши головку, снова недвижимо всматривается въ рыцаря, недвижимо стоя на воздухѣ, опять летитъ, опять прилетаетъ, цѣлуетъ рыцаря въ лобъ, летитъ прочь. Рыцарь проснулся, вскочилъ, очнулся, припоминаетъ, видитъ Сильфиду, къ ней, за нею; но она неуловима, летитъ къ очагу, въ очагъ, и улетаетъ въ трубу. Рыцарь будитъ оруженосца, разсказываетъ ему (разумѣется тѣлодвиженіями) что видѣлъ; оба ищутъ Сильфиду въ очагѣ,—и потомъ видятъ, сквозь окна, какъ она летитъ по полямъ и лѣсамъ, освѣщеннымъ зарею, все далѣе, далѣе... Эта первая сцена, наслаждаясь которою, и любишь вмѣстѣ съ Сильфидой, и грустишь о Сильфидѣ за рыцаря, такъ очаровала меня, что я готовъ былъ себя проклинать, какъ могъ я не постигать возможности выразить въ балетѣ все, что можетъ быть изящнаго и высокаго въ чувствѣ. Впрочемъ слѣдующія сцены гораздо хуже; кромѣ послѣдней, гдѣ Сильфида, уже лишенная неземности, умираетъ какъ человѣкъ. Вмѣстѣ съ музыкою плакалъ и я. Музыка и декораціи въ Робертѣ превосходны, но актеры — гадость, — и эффектъ потерянъ.

Цѣлую ручку Вашу, милая маменька Изм. Срезневскій.

— Не худо-ли я сдѣлалъ, что оставилъ при себѣ только 200 рублей для брата. Мы разщитывали съ нимъ, и нашли, что нынѣшній годъ ему надобно дать еще 200. Изъ своихъ я боюсь дать, изъ вашихъ — но гдѣ вамъ взять? Я что-то худо помню состояніе финансовъ вашихъ. Если Вамъ нельзя, то я изъ за границы пришлю статью къ Сербиновичу, и буду просить, чтобы деньги отдалъ брату.

— Я васъ увѣдомлю, куда поѣду и куда адресовать мнѣ письма за границу; а покамѣстъ пишите къ брату: онъ мнѣ перешлетъ.

— Удивительно, что съ почтою дѣлается: я писалъ отъ 6 Октября и Вы до 20 не получили: а я ращитывалъ, что вы получите 16-го [1]).

X.

№ 9. С.Пбургъ 1839. Ноября 10.

Вчера былъ четвергъ, по четвергамъ получаемъ мы письма отъ Васъ, милая Маменька,—и вчера я съ нетерпѣніемъ ждалъ возврата брата изъ Академіи, надѣясь, что онъ принесетъ письмо Ваше; но онъ не принесъ, — и избалованный Вашъ Измайлуха невольно груститъ. Онъ увѣряетъ себя, что недолго придется ему получать письма Ваши такъ часто, какъ теперь получаетъ, что скоро за счастіе будетъ считать получить письмо Ваше черезъ два мѣсяца: напрасно: не легче ему отъ того, даже тяжелѣе. Нѣтъ, еще не привыкъ я странствовать, одиночествовать. Чѣмъ далѣе отъ Харькова. тѣмъ болѣе грущу по немъ: вотъ такъ бы и поворотилъ оглобли къ нему, помчался-бы не оглядываясь, ни о чемъ не думая... И мечта уже рисуетъ передо мною очаровательные образы той милой жизни, которую велъ я съ Вами, въ добромъ кругу знакомыхъ, друзей,—рисуетъ образы Вашей любви ко мнѣ и попечительности обо мнѣ, а тутъ и картинку кружка друзей, собравшихся вокругъ Вашего чайнаго столика, и картинку изъ поѣздки въ Бѣлгородъ, и пр., и пр. Такъ много было такого, съ чѣмъ бы не разстался никогда,—и разстался... не безъ надеждъ, но могу-ли въ ихъ рядъ поставить и надежду—встрѣтить, возвратясь, все по прежнему, зажить, какъ жилось? Обстоятельства такъ быстро измѣняются!.. Измѣнятъ можетъ быть и меня, сдѣлаютъ неспособнымъ сочувствовать тому, чему сочувствовать еще недавно такъ меня счастливило. О, не дай Боже! — Горькій глотокъ грусти заѣдаю конфетой душевной увѣренности, что я такъ жилъ,— и переворачиваю листокъ. Авось, говоря съ Вами о Петербургѣ, забуду горе— хоть на минуту.

Начну съ того, что въ Петербургѣ менѣе нежели гдѣ имѣю право горевать. Я у родного, и часто вижусь съ старыми друзьями: этого уже слишкомъ

[1]) Приписки на поляхъ.

много для странника. Душа можетъ говорить, какъ хочетъ.—Брата я засталъ какимъ желалъ застать: каждый день и весь день онъ занимается—утромъ отъ 8 до 2 или отъ 9 до 3 часовъ въ Академіи, послѣ обѣда до 12, а иногда и до 2 дома; нѣтъ другихъ книгъ, ни другихъ мыслей, ни другихъ разговоровъ, кромѣ военно-ученыхъ; его познанія во многомъ такъ основательны, такъ велики, что иногда изумляешься—особенно, что для меня болѣе другого понятно,—въ географіи Европы и Россіи, которую онъ изучилъ съ такой подробностію и съ такою сознательною отчетливостію, что дай Богъ и профессору географіи знать не хуже его; желаніе и стараніе становиться все лучше, все благоразумнѣе и благороднѣе—занимаетъ его по прежнему; и—что бы сказать обо всемъ—окопированъ онъ прекрасно, чисто, даже богато (не богатъ только бѣльемъ). Онъ ухаживаетъ за мною, какъ добрый братъ и другъ, и живемъ мы съ нимъ и съ его товарищемъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, Андр. Лавр. Барковскимъ, славно. Можетъ быть я имъ наскучу, но они сами не захотѣли, что бы я нанялъ квартиру отдѣльную, стѣна объ стѣну съ ихъ комнатами, когда былъ случай. Что до моихъ прежнихъ старинныхъ друзей, то я засталъ тутъ двухъ изъ нихъ—Шпигоцкаго и Джунковскаго [1]) одинъ—чиновникъ вполнѣ, работаетъ днемъ весь день работаетъ часто и ночью, пріобрѣлъ о себѣ хорошее мнѣніе начальства, и скоро будетъ Надворнымъ, добръ, милъ, гостепріименъ, словомъ—какъ прежде; другой остается Коллежскимъ Секретаремъ, служитъ нерадиво, за то все читаетъ книги, учится, и пріобрѣлъ гигантское количество познаній, такъ что иногда странно становится, какъ можетъ голова его сдерживать такую массу фактовъ и не терять способности соображать, пользоваться фактами,—и добръ, благороденъ, чуденъ по прежнему, Я и забылъ было о Булычовѣ [2]): милый юноша, высшаго круга, служитъ по нѣсколько часовъ въ недѣлю въ Комитетѣ министровъ, время проводитъ съ министершами и т. п., добрый товарищъ по прежнему. Съ нимъ впрочемъ вижусь не часто; за то часто съ Шпигоцкимъ и Джунковскимъ, и время бѣжитъ.

Вотъ уже и три недѣли (безъ одного дня), какъ я живу въ Петербургѣ, а добраго сдѣлалъ мало. Обстоятельства заставляютъ остаться еще на недѣлю. 21-го ѣду непремѣнно. Иностранный пасспортъ уже получилъ, и билетъ на мѣсто въ дилижансѣ также взятъ, остается только получить подорожную; но обстоятельства заставляютъ остаться до 21, на 21-е взято и мѣсто въ дилижансѣ. Ѣду въ Ригу; оттуда не знаю куда—въ Варшаву, если можно будетъ ѣхать покойно, въ Кёнигсбергъ, если не найду попутчика въ

---

[1]) Іос. Абр. Джунковскій и Ае. Григ. Шпигоцкій—товарищи И. И. С—го по университету.

[2]) Ив. Демьян. Булычовъ—товарищъ И. И. Срезневскаго по университету; впослѣдствіи дѣйств. членъ Имп. Географ. общ., путешественникъ по Сибири; имъ издано «Путешествіе по Восточн. Сибири»—роскошный сборникъ видовъ Сибири и бытовыхъ картинъ изъ жизни ея населенія.

Варшаву, и кажется всего вѣроятнѣе въ Кёнигсбергъ, что бы оттуда въ Берлинъ и Прагу. Изъ Риги увѣдомлю.

Между тѣмъ нельзя же не сказать хоть нѣсколькихъ словъ о томъ, что былъ я и еще разъ въ театрѣ. Въ этотъ третій разъ былъ я въ Александринскомъ театрѣ, когда давали Велисарія, новую драму, передѣланную съ Нѣмецкаго Ободовскимъ, и имѣющую необыкновенный успѣхъ. При мнѣ давали ее уже разъ шесть, и театръ всегда полонъ, биткомъ набитъ. Велисарій возвращается побѣдителемъ изъ похода противъ Вандаловъ, когда составляется противъ него заговоръ. Лѣтъ за 20 у Велисарія родился первенецъ-сынъ, и Велисарій готовъ былъ любить его; но зловѣщій сонъ, представившій ему, что этотъ сынъ его вооружится противъ Имперіи и Императора, превращаетъ его любовь въ ненависть, и Велисарій поручаетъ вѣрному рабу своему утопить младенца. Воля его исполняется такъ, что никто, ни тѣмъ болѣе жена, этого не знаетъ. Знаетъ только рабъ исполнявшій волю. Передъ возвратомъ Велисарія изъ Вандаліи рабъ заболѣлъ, почуялъ смерть, и покаялся женѣ Велисарія. Пылая мщеніемъ, жена принимаетъ участіе въ заговорѣ—на гибель Велисарія. Сегодня Юстиніанъ Императоръ награждаетъ его тріумфомъ и лавровымъ вѣнкомъ; завтра онъ подъ судомъ; призывается въ Сенатъ, обвиняется врагами и женою въ злоумышленіи противъ Сената и Императора, заключается въ тюрьму, осуждается на смерть Сенатомъ, осуждается на изгнаніе и ослѣпленіе Императоромъ. У Велисарія есть дочь: она, узнавши объ осужденіи отца на изгнаніе и ослѣпленіе, покидаетъ мать, и становится вожатаемъ слѣпаго отца, вожатаемъ, какимъ только можетъ быть дочь. Велисарій привезъ изъ Вандаліи между прочимъ одного плѣнника и усыновилъ его. Этотъ плѣнникъ, рѣшаясь мстить Имперіи за Велисарія, идетъ къ Аланамъ, вооружаетъ ихъ противъ Константинополя, ведетъ ихъ... Случайно встрѣчается этотъ юноша Аламиръ съ бродячимъ Велисаріемъ и обязывается покинуть свое намѣреніе; но Алане продолжаютъ путь къ Цареграду, разбиваютъ Императорское войско. Велисарій также идетъ въ Цареградъ, встрѣчается съ Греческимъ войскомъ, узнаетъ, что Аламиръ не кто иной какъ его сынъ первенецъ, случайно спасенный, принимаетъ начальство надъ войсками, разбиваетъ Алановъ получаетъ рану... Жена Велисарія между тѣмъ покаялась, обезумѣла отъ горя. Понятна послѣдняя сцена: Велисарія вносятъ на носилкахъ, едва дышащаго, дѣти и Императоръ и войско плачетъ надъ нимъ, вбѣгаетъ жена, молитъ мужа о прощеніи, получаетъ его и умираетъ; потомъ умираетъ и Велисарій.—Драма сама по себѣ не высокаго смысла; но въ ней есть много положеній, много мыслей и чувствъ, понятныхъ для души Русскаго,—и публика хлопаетъ и топаетъ, плачетъ, забывается. Въ одномъ мѣстѣ Юстиніанъ говоритъ, что счастлива страна, гдѣ царь говоритъ съ народомъ какъ съ дѣтьми отецъ: хлопанье,

топанье, крикъ радости продолжались минуту послѣ этихъ словъ, и гремѣли такъ, что страшно становилось. Не громче было бы ура народа, въ первый разъ встрѣчающаго царя. Надобно сознаться, что и нѣкоторые изъ актеровъ, если не всегда, то во многихъ сценахъ, исполняли роли свои прекрасно. Каратыгинъ 1-й въ роли Велисарія былъ почти всегда превосходенъ; Каратыгина, въ роли жены, также; Брянскій—Юстиніанъ—также. Елену, дочь Велисарія, играла Асенкова, милочка собою и актриса съ высокимъ дарованіемъ, съ глубокимъ сочувствіемъ къ дочернему чувству,—и какая милочка... Не подумайте, маменька, что я въ нее влюбился; но, право, она такъ мила—переодѣтая въ мальчика, такъ любитъ отца, такъ понимаетъ его, такъ угадываетъ всякое чувство его, всякое желаніе, что, взглянувши на нее, не хочешь вспомнить о Тальони, а все бы на нее смотрѣлъ. Вся душа моя наслаждалась чувствомъ изящнаго и высокаго, небеснаго. Не женщину видѣлъ я въ ней, а дочь, которой и въ раѣ не будетъ лучшей. Я плакалъ, я забывалъ и присутствіе толпы людей вокругъ меня, и содержаніе драмы, и игру Каратыгиной, Брянскаго и другихъ, и самаго себя наконецъ,—все глядѣлъ на отца и на дочь, на дочь и на отца. Мнѣ наконецъ совѣстно стало, что я сижу въ креслѣ между 500 подобныхъ и подъ 5-ю ярусами ложъ, будто у себя въ одиночку, и закрылъ глаза лорнетомъ; стало совѣстно, не надолго однако: скорѣе совѣститься долженъ тотъ, которому не понятно чувство, возбуждаемое этою драмою, кто можетъ смотрѣть на Асенкову, какъ на красавицу, забывая, что она дочь Велисарія. Не могу пересказать всѣхъ сценъ, меня поражавшихъ, но вотъ нѣкоторыя:—Велисарія выводятъ за городъ, снимаютъ цѣпи съ него, говорятъ, что есть юноша, готовый быть его вожатаемъ; поотдаль стоитъ мальчикъ, сердце его сильно бьется, онъ жметъ его руками, и то молится, то глядитъ на старца—слѣпца, а слезы градомъ по лицу. Велисарій начинаетъ распрашивать юношу (онъ могъ не узнать голоса, потому что долго былъ въ походахъ и только вчера возвратился съ нихъ); юношѣ не хотѣлось бы раскрыть свою тайну, но чувство побѣждаетъ... Елена падаетъ къ ногамъ отца, цѣлуетъ полу его тоги, его сандалію, изъ глубины сердца восклицаетъ: «родитель!» Публика захлопала—я зарыдалъ.—Близь одного селенія, мужики собрались около Велисарія, не зная кто онъ, и поютъ о немъ пѣснь (Малютка, шлемъ нося, просилъ для Бога—пищи лишь дневныя слѣпцу, котораго водилъ, кѣмъ славны Римъ и Византія): малютка Елена прижалась къ отцу, ласкаетъ его, и въ ея движеніяхъ отражается смыслъ пѣсни—и совершенно естественно, и вполнѣ. Мнѣ опять захотѣлось плакать,—и я закрылъ глаза лорнетомъ.—Велисарій возвращается въ Константинополь; уже онъ близко, уже виденъ. Велисарій надѣется, съ нимъ надѣется и Елена; молится, съ нимъ молится и она: опять удивительная сцена, которой я не могъ

не сочувствовать... Впрочемъ довольно о Еленѣ и Велисаріи. Я уже говорилъ и о публикѣ. Скажу еще, что публика здѣшняя, сколько ни любитъ вызывать хорошихъ актеровъ, но хлопаетъ, топаетъ болѣе въ пользу автора, т. е. когда ей понравится та или другая сцена, та или другая мысль или выраженіе. Ей какъ будто не хочется отличать сцены отъ дѣйствительной жизни, хочется жить на сценѣ, по крайней мѣрѣ принимать участіе въ жизни [1]) живущихъ на ней.

Братъ воротился изъ академіи, и принесъ письмо отъ васъ, душенька маменька. Слава Богу, вы здоровы, вы не скучаете, вы спокойны... [2]) И во весь вечеръ только и было нами сдѣлано, что написана эта страничка. Барковскаго не было дома; мы ждали его возвращенія и болтали. Между прочимъ, какъ люди, и о деньгахъ. Брату больно, что онъ долженъ отягощать васъ своими просьбами, больно, что онъ до сихъ поръ не сладится такъ, что бы пріобрѣтать по крайней мѣрѣ столько, чтобы жить безнуждно,—и онъ рѣшается отдѣлять часть времени чтобы его посвящать на литературные подрядцы—для денегъ. Впрочемъ, что скрывать, занятій у него много, чѣмъ больше будетъ заниматься, тѣмъ для него же лучше,—и безъ помощи вашей ему не обойдтись. Я уже писалъ вамъ объ этомъ въ прошломъ письмѣ, и повторяю: если не 200, то хоть 150 въ этотъ годъ ему необходимы въ добавокъ къ 200, уже полученнымъ. Я бы не поскупился ему оставить если не всѣ 200, то хоть 100, если-бы зналъ, что со мною не можетъ случиться ничего непріятнаго, что эта первая треть испытаній пройдетъ удачно, что деньги слѣдуемыя за слѣдующую треть получу акуратно; но теперь ничего не знаю, что будетъ со мною,—и скуплюсь противъ желанія сердца. Я хоть и получилъ отъ министерства за статью о Персидской и Египетской религіи [3]), но это мнѣ не станетъ и на проѣздъ отсюда до Риги, потому что только за мѣсто въ дилижансѣ я заплатить уже 100 (что получилъ), надо же прибавить на съѣстныя издержки и т. п.; за то казна мнѣ ничего не дала за проѣздъ изъ Харькова до сюда, а мнѣ еще жить два мѣсяца и пути около 2000 верстъ. Я не стану лѣниться, и надѣюсь получить что нибудь за статьи, но теперь все это еще будущее. Вы мнѣ напишите о вашихъ финансахъ, а я васъ увѣдомлю о моихъ—и Богъ дастъ, дѣло сладится. Что до банковыхъ билетовъ, я сдѣлалъ бы подло, если-бы сдѣлалъ иначе: протягивай ножку по одежкѣ, у меня же нога не длинна, не высокого я росту,—собьюсь,—достанетъ на все и даже на то, что-бы посмотрѣть разъ-другой на какую-нибудь Асенкову. Лишь бы непредвидѣнности не сражали; а я для нихъ только и скуплюсь.

---

[1]) Въ подл.: въ жизнь.

[2]) Далѣе на томъ-же листкѣ слѣдуетъ письмо Ник. Иван. Срезневскаго; его мы опускаемъ.

[3]) Сближеніе религіи Персидской съ Египетской (Журн. Мин. Нар. Пр. 1839, ч. XXII. отд. II, стр. 188).

Сегодня, т. е. 11-го ноября, я проснулся, академиковъ уже нѣтъ: они съ 8-ми часовъ отправились. Я сѣлъ за письмо, написалъ страницу, перечелъ ваше письмо, опять пишу,—и прежде всего извиняюсь, что дурно пишу. Что мнѣ дѣлать, душечка маменька: и рука скользитъ, и хочется больше написать, вотъ и пишется дурно. Я и принуждаю себя, да проку нѣтъ. Когда я жилъ при васъ, то иногда, и довольно часто, не находилъ, что новенькаго сказать вамъ; а теперь все бы, все бы разсказывалъ вамъ, а въ то время, когда хочется мнѣ говорить, вы знаете, я болтунъ, и іорза; отъ этого и лѣплю букву на букву, и спѣшу. Да что таить: и писать не умѣю. Простите меня, душенька маменька.

Засвидѣтельствуйте мое искреннее почтеніе и душевную благодарность Мареѣ Ивановнѣ [1]) она учила меня быть добрымъ сыномъ въ Харьковѣ,— и того я никогда не забуду; она и теперь заставляетъ меня благодарить Бога.— Обращаюсь къ миссъ Фанни [2]): Если вы не помните меня лихомъ, то будьте добры, поцѣлуйте за меня ручку у Мареы Ивановны. Вы передадите мое почтеніе и благодарность и доброй маменькѣ вашей.

Поклонитесь, маменька, Ивану Петровичу и его супругѣ, и всѣмъ, кто меня не забылъ и кто забылъ.

Вамъ, добрые незабвенные друзья мои, общій поклонъ. Да извинитъ меня тотъ изъ васъ, передъ кѣмъ я виноватъ. Тебѣ, frate Ambrosio [3]), спасибо за второе письмо: оно хоть и сильно огорчило меня, за то и утѣшило. Слава Богу, слава Богу, и да расточатся врази. Отвѣтъ на него начатъ, но дописать не успѣю. Посылаю листокъ только Александру Петровичу [4]) съ Семеномъ Семеновичемъ [5]). Прощайте! Цѣлую васъ.

По моему расчету, я напишу еще два письма изъ Россіи: одно отсюда, другое изъ Риги... и потомъ.

Цѣлую ручки ваши, душенька маменька. Прощайте... Да подкрѣпитъ Господь ваше здоровье.

Вашъ поганый, но крѣпко любящій васъ сынъ И. Срезневскій.

XI.

№ 10. С.П.бургъ. 1839, ноября 14. Вторникъ.

Вамъ не вѣрится, милая маменька, что я до сихъ поръ въ П(етер)бургѣ. Не вѣрится и мнѣ самому,—и между тѣмъ еще недѣлю, ровно недѣлю я

---

[1]) Фидлеръ.

[2]) Сестра А. С. Питры, бывшаго внесл. профессоромъ и ректоромъ Харьковскаго университета.

[3]) Амвросій Лук. Метлинскій.

[4]) Рославскій-Петровскій.

[5]) Лукьяновичъ.

буду въ Петербургѣ. Выѣзжаю только 21-го: на это число взятъ и билетъ въ дилижансѣ. Одна изъ главныхъ причинъ такого замедленія вотъ какая: дилижансъ въ Ригу ходитъ только по вторникамъ; думая выѣхать въ прошедшій еще вторникъ, я зашелъ въ контору съ тѣмъ что бы записаться дни за три,—и что же—всѣ мѣста не только на тотъ вторникъ, но и на сего днишній, были заняты. Что было дѣлать? Я было хотѣлъ искать другихъ средствъ для выѣзда въ Ригу, но когда въ теченіи нѣсколькихъ дней ничто не подавало надежды, я побоялся потерять мѣсто въ дилижансѣ и на 21 число, и рѣшился записаться не медля. Теперь живу въ С.П(етер)бургѣ и жду 21. Уже и казенная подорожная до Таурогена взята, и все готово: остается только выѣхать. Вы думали, душенька маменька, что я поскуплюсь взять шубу? Нѣтъ, сотню разъ благодарилъ я васъ за то, что вы велѣли мнѣ взять ее съ собою. Не знаю, какъ бы и быть мнѣ въ поѣздкѣ изъ Москвы сюда, если бы не было со мною шубы; не зналъ бы и тутъ, что дѣлать безъ нея. Я ни шагу безъ нея, и въ Ригу и далѣе поѣду не иначе какъ въ ней. Воротника отпарывать не буду, потому что не стоитъ покупать другого, да и не хочется тратить денегъ на эту покупку. И такъ шубу я беру съ собою. За то многое другое, многое оставляю. Угадайте, маменька, что?—большой чамайданъ съ книгами, или, лучше сказать, все, кромѣ Берлинскаго чамайдана, наполнивши его сколько можно болѣе. Не дорого было бы переслать большой чамайданъ пароходомъ въ Любекъ и оттуда въ Прагу; но пароходы уже не ходятъ, а пересылать транспортомъ дорого. Поэтому пусть остается онъ до времени у брата. Пріѣхавши въ Прагу и разузнавши обстоятельнѣе, какъ сдѣлать, я напишу къ брату, а онъ обѣщается распорядиться какъ слѣдуетъ. Если-же найду ненужнымъ пересылки то братъ привезетъ его къ вамъ... А между тѣмъ собираюсь, собираюсь—и вотъ уже скоро,..

Сегодня я бродилъ по Петербургу. Вышелъ въ 10, воротился къ 4-мъ, былъ только у Сербиновича, въ Редакціи Ж. М. Н. П., на почтѣ (относилъ письмо къ издателю Галатеи [1]), у Гординскаго (издателя Очерковъ Россіи) и въ Канцеляріи г. губернатора,—все остальное время бродилъ. Началось Англійскою набережною: я ходилъ на нее къ Анастасевичу, и засталъ, и отъ Румянцевскаго Музеума (гдѣ онъ живетъ) шелъ тихо. Время было только что за полдень, солнце свѣтило роскошно, легенькій туманъ поднимался и опускался серебренною пылью; высокопраздный народъ высыпалъ отовсюду на гулянье. Я шелъ и встрѣчался... Прекрасно ходить между людьми, которыхъ не знаешь, сколько и имъ неизвѣстенъ. Вотъ идетъ парочка: розовый капотъ съ длиннымъ розовымъ мантеле, общитымъ блондой, то-же розо-

[1]) Раичу.

вой, розовая шляпка съ розовымъ перомъ, и все это розовое оттѣнено только чернымъ собольимъ хвостомъ, обвившимъ шейку, да чернобурой муфтой, да черненькими крошечными сапожками, да черненькими.... т. е... глазками,— такова одна дама; другая—удобопочтенная старушка вся въ коричневомъ, вся коричневая, не исключая и лица. Парочка эта идетъ, за нею идетъ ливрейный лакей. Идутъ онѣ ко мнѣ на встрѣчу. Я смотрю на нихъ, онѣ смотрятъ на меня; чѣмъ ближе, тѣмъ болѣе мы всматриваемся другъ въ друга,—и проходимъ мимо. Не прошедши трехъ шаговъ, я любопытствую посмотрѣть на моихъ незнакомыхъ сзади, оборачиваюсь, гляжу—онѣ смотрятъ на меня, также оборотившись задомъ къ своему переду. Это меня изумило и вмѣстѣ разсовѣстило: я притворяюсь, что смотрю не (на) нихъ, а на Неву. Она-же такъ прекрасна подъ ледяною корою, кое гдѣ гладкою какъ стекло, кое гдѣ бѣлою, будто вспѣненною, такъ прекрасна подъ дымкою полупрозрачнаго тумана. Я смотрю на Неву, на людей, пробирающихся черезъ нее тамъ и здѣсь. Вдругъ подходитъ ко мнѣ ливрейный лакей моихъ незнакомокъ, и спрашиваетъ, какъ моя фамилія; а дамы между тѣмъ все смотрятъ на меня. Что мнѣ дѣлать? Свою фамилію пускать по вѣтру не захотѣлось; я вздумалъ притвориться иностранцемъ, и вновь изобрѣтаемыми словами, поясняя ихъ тѣлодвиженіями, даю знать, что я не понимаю, что ему нужно. Дамы прислушиваются, полуулыбаются,—я подхожу къ нимъ, и по французски, ломаннымъ произношеніемъ, говорю, что я не Русскій: Мэтамъ, ше не зви па Рюсь! Удобопочтенная старушка извиняется, спрашиваетъ, откуда я, кто я, а между тѣмъ оборачивается, идетъ и заставляетъ идти за собою. Вотъ еще новость! Но я иду за дамами, объясняя, что я Армянинъ изъ Вѣны, и пр. Дамы доходятъ до моста, что за Воен. Академіей, ворочаются... Я иду съ ними рядомъ, разговариваю о Вѣнѣ, о Германіи, о Петербургѣ, объ Араратѣ, какъ моей родинѣ... Между тѣмъ мимо насъ проходятъ дамы, дѣти, юноши въ 20, 30, 40 и далѣе лѣтъ, военные и статскіе, тутъ же и попъ, и салопница, и продавецъ винограда, и гризетка съ коробомъ изъ моднаго магазина, и т. д. Еще прошли мы не болѣе полуверсты, еще только что перебѣжали черезъ Исакіевскій мостъ, а уже были очень хорошо знакомы. Мы прошли на Адмиралтейскій бульваръ, обошли все Адмиралтейство, повернули на Дворцовую набережную, мимо Зимняго Дворца, любовались имъ, шли довольно далеко за него, повернули въ какую то уличку на право, подошли къ богатому подъѣзду. Лакей дернулъ звонокъ, дверь отворилась. Я сталъ раскланиваться; дамы попросили меня войти съ ними... Но куда же я войду съ ними? Не произойдетъ ли со мною что-нибудь болѣе нежели занимательное? Да и что они скажутъ, увидя мои пуговицы съ орлами? Я извинился, попросилъ позволенья имѣть удовольствіе быть у нихъ въ домѣ въ другое время,—раскланялся и пошелъ. Простившись съ дамами—кто

онѣ, я не знаю, какъ не знаю и того, зачѣмъ изволили онѣ обратить на меня свое милостивое вниманіе,— я пошелъ назадъ, мимо Зимняго Дворца, мимо Александровской колоны, на которую, скажу мимоходомъ, надобно смотрѣть изблизи, чтобы любоваться ея величіемъ и громадностью, на Малую Морскую, на Невскій проспектъ... Смотрю кто-то идетъ знакомый, всматриваюсь—Роберти [1]). Мы поговорили съ нимъ нѣсколько секундъ, обѣщались видѣться, и простились. Тутъ проѣхала по Невскому Марія Николаевна [2]) съ супругомъ,—и я снялъ шляпу вмѣстѣ съ другими. Невскій былъ уже полонъ, полонъ какъ наша Никольская площадь во время ярмарки, только не возами, а экипажами и гуляющими. Тутъ я видѣлъ не одну П-буржскую красавицу, и признаюсь, нигдѣ не случалось мнѣ видѣть столько хорошенькихъ. Въ одномъ мѣстѣ я ждалъ минутъ до пяти, что бы перебѣжать черезъ Невскій: такъ много ѣхало. Я завернулъ въ Казанскій, оттуда въ лавки книжныя, оттуда взялъ извощика въ театръ, что бы взять билетъ на Дѣву Дуная, и домой..... [3])

Посылаю вамъ, маменька, видъ лагеря при Красномъ селѣ [4]) и три другихъ вида окрестностей П-бурга: очень рады будемъ, если онѣ понравятся. Еще посылаемъ ноты. Вы, маменька, не найдете между ними трудныхъ, но за то всѣ модныя.

Вчера я былъ у Роберти, просидѣлъ у него часа два, говорилъ съ нимъ объ Амвросіи Лукіановичѣ, объ Иванѣ Петровичѣ. Можно обоихъ поздравить,—и я съ наслажденіемъ представляю себѣ, что словесность отечественная будетъ въ нашихъ рукахъ, будетъ преподаваема двумя друзьями, которые будутъ совѣтываться, какъ что сдѣлать, какъ преподавать, какъ упражнять слушателей [5]). Объ обѣщаніи, данномъ Ив. Петр., я не забылъ, и исполню; впрочемъ теперь некогда.

Мы собирались пить кофе, когда пришелъ Ив. Ѳедоровичъ [6]). Онъ просидѣлъ съ нами до тѣхъ поръ, пока мнѣ идти въ театръ, вышелъ вмѣстѣ со мною и проводилъ до театра. По дорогѣ, просилъ онъ у меня денегъ, рублей 50. Я извинился, что не могу дать,—и могъ-ли я иначе сдѣлать? Не нуждаюсь, но боюсь нуждаться, и мнѣ, страннику, нѣтъ ничего легче, Богъ знаетъ, что еще впереди.

Я вошелъ въ театръ, когда занавѣсъ былъ уже поднятъ, музыка гремѣла, со сцены раздавался хоръ. Давали Фрейщюца первое дѣйствіе. Жаль,

---

[1]) Александръ Адольфовичь де-Роберти, сынъ содержателя пансіона въ Харьковѣ, въ которомъ И. И. Ср--ій давалъ уроки.

[2]) Великая княгиня, герцогиня Лейхтенбергская.

[3]) Слѣдуетъ письмо Ник. Ив. Срезневскаго.

[4]) Этими словами обрывается письмо Н. И. С—го; далѣе идетъ письмо И. И. Срезневскаго.

[5]) А. А. Метлинскій былъ избранъ словеснымъ факультетомъ Харьк. ун. въ адъюнкты (письмо его къ И. И. С—му 27 окт. 1839 г.). Въ декабрѣ 1839 г. это избраніе получило утвержденіе.

[6]) Леоновъ, докторъ медицины, и хирургіи, адъюнктъ-профессоръ Виленской медико-хирург. акад.: впослѣдствіи былъ ординарнымъ профессоромъ университета св. Владиміра по каѳедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія.

что не удалось слышать увертюры. Впрочемъ я всетаки успѣлъ насладиться музыкою Вебера. Потомъ занавѣсъ опустился, долго не поднимался, поднялся наконецъ... Раскрылся видъ истоковъ Дуная, окруженный лѣсами, между которыми, кое-гдѣ мелькаютъ хижины поселянъ. Поселяне, дѣвушки... между ними одна, чарующая всѣхъ, это Цвѣтокъ Долины. Она найдена одною старушкою у истока Дуная и воспитана ею какъ дочь; а кто она—никто не знаетъ. Былъ себѣ баронъ, богатый, знатный. Онъ имѣлъ брата, несчастнаго въ дѣлахъ супружества: три раза былъ онъ женатъ, и три раза новобрачная умирала на другой день брака; умеръ наконецъ и онъ самъ. Пошла молва, что такъ уже на роду написано этимъ баронамъ, что и брату не сдобровать. Братъ хотѣлъ доказать противное, и вмѣсто того чтобы выбирать супругу изъ баронессъ, вздумалъ искать невѣсту изъ поселянокъ—долины истоковъ Дуная. Черезъ герольда онъ далъ знать имъ объ этомъ, приглашая ихъ къ себѣ въ замокъ. Узналъ объ томъ и Цвѣтокъ долины, и матъ ея, и ея милый Рудольфъ, оруженосецъ барона. Старушка въ радости, молодые въ горѣ. Надобно знать, что они уже сосватаны, а сосватала ихъ Наяда, въ то время когда онѣ отдыхали на берегу Дуная, надѣвши перстни на ихъ руки. Невинные, они проснулись, бросились другъ другу въ объятія... и теперь ихъ мучитъ мысль, что баронъ ихъ разлучитъ. Наконецъ они придумываютъ средство избавиться отъ барона: Цвѣтокъ Долины постарается представиться барону глупою, безобразною, неловкою мужичкою. Сцена перемѣняется, мы въ галлереѣ замка баронова, обращенной однимъ своимъ концомъ къ Дунаю, къ его глубинѣ. Являются воины, пажи, поселянки, поселяне, баронессы, бароны, самъ баронъ... тутъ и Рудольфъ, и Цвѣтокъ Долины. Рудольфъ предлагаетъ барону и ту, и другую изъ поселянокъ,—не нравится барону ни одна. Онъ указываетъ на Цвѣтокъ Долины. Рудольфъ, хочетъ обмануть, снова предлагаетъ другую; но баронъ требуетъ, знаетъ чего. Мать велитъ Цвѣтку Долины выйти къ барону, она не хочетъ, Рудольфъ мучится, она то-же, наконецъ повинуется, выходитъ мужичкой,—и всетаки нравится барону. Горе... Цвѣтокъ Долины не можетъ скрыть его, начинаетъ вмѣстѣ съ Рудольфомъ умолять мать, барона... все напрасно. Тогда Цвѣтокъ Долины взлетаетъ на перилы конца галлереи, доказываетъ, что она не измѣнитъ Рудольфу,—и бросается въ Дунай. Утонула. Всѣ бѣгутъ туда... утонула. Когда поднялся занавѣсъ втораго акта, намъ представился берегъ Дуная, и на противоположной горѣ великолѣпный замокъ барона. Рудольфъ терзается и бросается въ Дунай... Музыка вдругъ измѣняетъ тонъ и сцена вся медленно поднимается вверхъ съ Дунаемъ, съ замкомъ барона, словомъ—вся, поднимается все выше,—и потомъ раскрывается подземное-подводное царство Дуная, которому небо почва земли, переплетенная корнями, болотными травами... и чудное царство, влажное, туманное. И вонъ Рудольфъ,

падаетъ вглубь, упадаетъ на цвѣты. Являются ондины, волнуются, рѣзвятся, исчезаютъ. Рудольфъ пробуждается, встаетъ, въ изумленіи осматривается, не понимаетъ ничего. Ондины снова волнуются вокругъ него, между ними и цвѣтокъ Долины. Онъ ищетъ ее между ними, долго не можетъ найдти, потому что она хочетъ его испытать, наконецъ находитъ... Они супруги... Они будутъ жить на землѣ. И снова подводное царство опускается вглубь, снова прежній разливъ Дуная,—и на раковинѣ выплываетъ изъ водъ юная чета... Поселяне, поселянки, баронъ видятъ это, изумляются... Занавѣсъ опускается. Тальони была восхитительна. Жаль, что нѣгдѣ сказать болѣе.

Цѣлую ручку вашу, милая маменька. Прощайте.

Из. Срезн.

XII.

№ 11. 19-е Ноября 1839. Спб.

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полуночный орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Летай!... но въ вольномъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгульемъ вольности согрѣта,
Ты младшихъ братьевъ не забудь;
На степь полуденнаго края,
На дальній Западъ оглянись...
Ихъ много тамъ, гдѣ шумъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтоновъ вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ...
И ждутъ окованные братья
Когда-то зовъ услышатъ твой,
Когда-то крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой!
О, вспомни ихъ, орелъ полночи,
Пошли имъ звонкій свой привѣтъ:
Пусть ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ.
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней!

И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!..
Ихъ часъ придетъ. Окрѣпнутъ крылья,
Младые когти отростутъ,
Вскричатъ орлы—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ.

Какъ-же вамъ нравятся, милая маменька, эти стихи? Не правда-ли, хороши? Они—Хомякова—и послѣдняя новость въ литературѣ, тѣмъ болѣе занимательная, что нигдѣ не напечатаны и не будутъ[1]). Царю не угодно было этого позволить. И къ чему? Кто захочетъ ихъ помнить, будетъ помнить; а иначе—вѣроломные Тевтоны и Богъ знаетъ что подумаютъ. Я было хотѣлъ вамъ выписать и еще одни стихи Давыдова изъ Утренней Зари на 1840, но теперь этого альманаха у меня нѣтъ подъ рукою. Альманахъ этотъ только что изданъ и украшенъ великолѣпными картинками, изъ которыхъ на первой портреты вел. княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны. Другихъ литературныхъ новостей мало. Отечественныхъ Записокъ готовится 12-й номеръ, первые 11-ть у меня подъ руками, и я безпощадно рву изъ нихъ статьи, которыя могутъ быть особенно занимательны за границей. Сына Отечества вышелъ только № 8-й, Библіотеки для чтенія не вышелъ еще 11-й за тѣмъ, что идетъ споръ между Сенковскимъ и цензурой: выдетъ вѣроятно вмѣстѣ съ 12-мъ. Изъ книгъ нѣтъ ничего особенно важнаго. Что до зрѣлищъ, то во 1-хъ) въ Павловскъ пріѣхали плясать и пѣть Московскіе Цыганы: стоитъ взять мѣсто на паровозѣ—и въ 25 минутъ тамъ; но мнѣ не придется съѣздить;—во 2-хъ) въ среду Тальони на сценѣ въ новомъ балетѣ «Тѣнь»,—и я опять не успѣю, потому что ѣду во вторникъ. Можетъ быть есть и еще что нибудь новое, но не припомню, или не знаю.

Мои личныя новости, которыя, для васъ, душенька маменька, лучше всѣхъ новостей, вотъ какія: былъ два раза у графа Головкина [2]) и у министра. Первый разъ былъ у Головкина съ визитомъ и обласканъ, какъ не ожидалъ. Онъ распрашивалъ меня, что я сдѣлалъ уже, что готовлюсь дѣлать, вникалъ во всѣ подробности, и потомъ просилъ меня зайдти къ нему проститься. Сегодня я простился съ нимъ: онъ пожелалъ мнѣ счастливаго пути, и велѣлъ относиться къ себѣ обо всемъ, что нужно будетъ. Добрый старикъ. Душевно благодаренъ ему. «Можетъ быть уже меня на свѣтѣ не будетъ, когда вы

---

[1]) Въ изданіи стихотвореній А. С. Хомякова эта пьеса, помѣщенная подъ назв. «Орелъ», подписана 1832 г. (издатель, впрочемъ, не увѣренъ въ правильности даты); кстати замѣтимъ, что списокъ приведенный здѣсь нѣсколько отличается отъ напечатаннаго въ собраніи стихотвореній А. С. Х. (М. 1861, М. 1881).

[2]) Попечитель Харьковскаго учебнаго округа.

воротитесь!» сказалъ онъ мнѣ, пожимая мнѣ руку. «Позволяю себѣ надѣяться, что буду имѣть счастье поднести вамъ отчетъ о моемъ путешествіи и посильно оправдать предъ вами довѣріе ваше!» Онъ пожалъ еще мнѣ руку, и прибавилъ: «Во всякомъ случаѣ помните, что вы трудитесь для отечества, и все будетъ хорошо».—У министра, т. е. у С. С. Уварова, я былъ третьяго дни, только что воротившагося изъ Польши. Узнавши, что я здѣсь, онъ велѣлъ мнѣ сказать, что желаетъ меня видѣть, но что теперь очень занятъ, а свободнѣе будетъ на слѣдующей недѣлѣ. Я однако добился быть у него на этой недѣлѣ. И принятъ былъ прекрасно. Онъ распрашивалъ меня подробно, что я уже успѣлъ сдѣлать касательно Южной Руси и Славянщины, что намѣренъ дѣлать, какъ предполагаю заниматься, и т. п. Далъ нѣсколько совѣтовъ, кое-что замѣтилъ, какъ я долженъ вести себя передъ Нѣмцами, предложилъ рекомендательныя письма въ Прагу, велѣлъ относиться къ себѣ въ случаѣ нужды: Замѣчательно для меня и начало нашего свиданія: когда я вошелъ въ кабинетъ и поклонился, онъ медленно подошелъ ко мнѣ, сталъ въ меня всматриваться и потомъ протяжно сказалъ: «Такъ это вы—г-нъ Срезневскій! Очень радъ, что вижу васъ наконецъ». Пока не дошло до «очень радъ», я ничего не понималъ, и чуть-чуть не струсилъ: онъ смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто хотѣлъ всего меня съѣсть или по крайней мѣрѣ высмотрѣть. Прощаясь, онъ положилъ обѣ свои руки на мою руку, и сказалъ: «Работайте, молодой человѣкъ! Знайте, что каждый вашъ шагъ не только можетъ, но и долженъ имѣть вліяніе на будущее поколѣніе—вліяніе благодѣтельное и слѣдовательно производимое строго-совѣстливо».

Еще я былъ у Бенардаки, и везу отъ него въ Чехію тысячу рублей. Тутъ я видѣлся... съ милымъ существомъ—Вы не угадаете какимъ. Была когда-то въ пансіонѣ Нагель [1]) дѣвица Ваффей (Катинька). Она теперь замужемъ, и уже болѣе году въ П-бургѣ. Бывши въ первый разъ у Бенардаки (откупщика), я встрѣтился съ нею на порогѣ. Мы узнали другъ друга, но уже разминувшись. Бывши сегодня, я слышалъ отъ Бенардаки, что она узнала меня, каждый день спрашивала былъ ли я, буду ли я, просила послать за нею, лишь только я пріѣду,—и случаю угодно было, что бы мы встрѣтились наконецъ. Не смотря на присутствіе чужихъ, мы не могли не обрадоваться этой встрѣчѣ. А потомъ—и простились, какъ слѣдуетъ прощаться учителю и ученицѣ, умѣющимъ уважать другъ друга взаимно. Она была прекрасная дѣвица,—теперь прекрасная женщина—жена и мать, предпочитающая домашній уголъ всему блеску свѣта. Да, она должна была быть такою.

---

[1]) И. И. С--ій былъ преподавателемъ въ пансіонѣ г-жи Нагель въ Харьковѣ; здѣсь онъ между прочимъ преподавалъ географію (изъ письма воспитанницъ этого пансіона, сохранившагося въ архивѣ И. И. С—го).

Однако я опять пишу дурно,—скоро и неразборчиво. Что будешь дѣлать! Вѣчно забуду. Впрочемъ уже и поздно: скоро 4 часа утра. Пора спать. Завтра допишу этотъ листокъ, послѣдній изъ Петербурга. № 12-й будетъ уже изъ Риги или изъ Митавы. Покойная ночь.

20 ноября 1839.

8-й часъ вечера. Пьемъ чай. Чамоданъ мой уже уложенъ; портфейль то-же. Остается немногое кончить—и баста. Что оставляю у брата, о томъ онъ самъ напишетъ. Многое бы надобно было еще сдѣлать въ П-бургѣ, но я не безъ надежды воротиться въ П-бургъ изъ-за границы, и слѣдовательно надѣюсь успѣть додѣлать черезъ два года, что не додѣлалъ теперь. Уѣду даже не простившись со всѣми. Впрочемъ, завтра буду еще у Роберти проститься: многимъ я обязанъ ему, и грѣхъ мнѣ забыть его. Кстати: онъ скоро воротится въ Харьковъ—предсѣдателемъ Казенной Палаты, вмѣсто Крылова [1]). Кое-когда напишу къ вамъ письмо и черезъ него... Завтра еще прибавлю нѣсколько словъ, если успѣю. Ѣду завтра въ 10 часовъ утра.

21.

Прощайте, маменька! Черезъ 50 минутъ ѣду [2]).

XIII [3]).

Янишекъ, въ 44 вер. отъ Митавы и въ 40 отъ Шавли.

Вторникъ, 28-е нояб. 1839.

Вотъ гдѣ я теперь, милый братъ. Не спрашивай, что это такое: не скажу ничего, потому что ничего не знаю, потому что уже вечеръ, и такъ холодно, что я изъ коляски выпрыгнулъ въ комнату какъ бравое ядро. Скорѣе могу разсказать, какъ я наконецъ добрался до сюдасъ надеждою послѣ завтра быть въ Тильзитѣ. Кое что объ этомъ я писалъ маменькѣ въ № 12-мъ [4]); кое-что могу написать и тебѣ съ прибавленіемъ того, о чемъ не могъ написать маменькѣ: ты прочтешь это письмо, и, прибавя къ нему отъ себя еще полулистокъ, перешлешь къ маменькѣ.

Путь мой отъ С-Петербурга до Риги былъ очень гладокъ, хотя и не такъ быстръ, какъ я ожидалъ, или какъ можно было ожидать судя, по разстоянію. Въ 11-мъ часу утра 21-го числа, какъ ты знаешь, коробъ нашъ двинулся

---

[1]) Дмитр. Серг. Крыловъ.

[2]) Дальше на томъ же листкѣ письмо Ник. Ив. Срезневскаго.

[3]) Письмо Николаю Ив. Срезневскому. Хотя это письмо адресовано не Еленѣ Ив. Срезневской, мы рѣшаемся включить его въ печатаемое собраніе писемъ; думаемъ, что оно не только не нарушитъ единства этого собранія, но, какъ предназначавшееся для пересылки Еленѣ Ив. Срезневской, даже явится необходимымъ его дополненіемъ.

[4]) Письмо это не сохранилось.

съ мѣста и только въ 4-мъ часу по полудни 25-го числа вдвинулся въ лабиринтъ Рижскихъ канавокъ—я хотѣлъ сказать—улицъ: выходитъ, что онъ подвигался менѣе пяти верстъ въ часъ. Впрочемъ это зависѣло отчасти и отъ самихъ насъ, пассажировъ: кого холодъ, кого голодъ, кого скука неподвижности сидѣнія въ клѣткѣ заставлялъ выходить изъ нее при каждой перепряжкѣ лошадей, и выходили всѣ, и разбалтывались на станціи, и съ сожалѣніемъ выходили изъ комнаты и съ неудовольствіемъ садились въ клѣтку,—а время между тѣмъ уходило. Разумѣется этого бы не могло быть, если бы мы не были довольны другъ другомъ. И вотъ кто были эти мы, кромѣ меня: моимъ сосѣдомъ былъ поручикъ Артиллеріи (отставной) Николай Ивановичъ Соймоновъ, премилый и довольно образованный человѣкъ (онъ будетъ у тебя, и разскажетъ подробно о нашемъ странствіи, а ты, конечно, примешь его ласково, какъ онъ того стоитъ); № 3-й и 4-й полковникъ отставной и молодой архитекторъ Корсини [1]) (тотъ самый, который строилъ рѣшетку передъ домомъ г. Шереметева, и украшалъ внутренность этого дома), отправляющійся теперь въ путешествіе за границу, и до сихъ поръ сопутствующій мнѣ; № 5 и 6 —Рижскій купецъ съ женою— христіяне, но вѣроятно изъ Жидовъ; № 7 и 8 майоръ отставной и актеръ С-П(етер)буржской Нѣмецкой труппы, переѣзжающій за славою и деньгами въ Ригу. Мы всѣ сблизились такъ хорошо, что составили изъ себя une vraie société de voyage: подробности разскажетъ тебѣ Соймоновъ.—Что до путевыхъ моихъ наблюденій, я ихъ сдѣлалъ очень-очень мало: едва-ли достанетъ и на полъ-страницы. Путь лежитъ между лѣсами, черезъ разные разливы водъ, и для проѣзжающаго лѣтомъ представляетъ, я думаю, много хорошихъ видовъ; лучшіе— у Финскаго залива, у Пейпуса, у рѣки Аа. Станціи почти всѣ устроены очень чопорно и содержатся Нѣмецкими хозяйками: на станціи находишь двѣ—три, а иногда и болѣе чистыхъ комнатъ, изрядно меблированныхъ, фортепьяно, двухъ—трехъ служанокъ съ прекрасными таліями, чисто поданное кушанье, прекрасно приготовленный кофе, и т. п. Русскаго встрѣчаешь все меньше и меньше; вмѣсто Русскаго языка слышишь сначала Нѣмецкій и Чухонскій, потомъ Нѣмецкій и Латышскій,—даже Русскіе многіе говорятъ лучше по-Нѣмецки нежели по-Русски. Языки Чухонскій и Латышскій очень сладкозвучны. На самихъ Латышахъ я не замѣтилъ ничего особенно оригинальнаго; а Чухны очень милы въ своихъ полунѣмецкихъ курткахъ, съ длинными рыжими волосами, съ глупымъ своимъ, но очень добрымъ взглядомъ. Города по дорогѣ—Ямбургъ, Нарва, Деритъ, Валкъ, Вольмаръ—промелькнули мимо, такъ что я объ нихъ сохранилъ самое темное понятіе: Ямбургъ еще Русскій городъ; Нарва уже въ половину Нѣмецкій, всѣ другіе почти чисто Нѣмецкіе; болѣе всѣхъ Нѣмецъ—Деритъ, и Нѣмецъ старый—

[1]) Іеронимъ Доминикъ Корсини (1811—1886), впослѣдствіи (1849) академикъ архитектуры.

улицы кривы, узки, кирка чисто Нѣмецкая съ башнею, домы высоки и покрыты черепицей и т. д. Рига есть не только Нѣмецкій, но и старый Нѣмецкій городъ: передъ нею Дерптъ франтъ, хоть и бѣднѣе ея въ 10 разъ: въ ней улицы уже Невскихъ тротуаровъ, домы иные пережили 3 или 4 вѣка и выдвигаются одинъ изъ за другаго мебелью въ мебельной лавкѣ, кирхи почернѣли и напоминаютъ своими шпицами 15-й вѣкъ. Что-же еще сказать... что-то ничего въ голову нейдетъ. Крѣпости въ Нарвѣ и Ригѣ могутъ быть крѣпостями, и Рижская даже обведена каналомъ, а Нарвская даже сохраняетъ обликъ старины. Двина въ Ригѣ лучше Невы, шире, величественнѣе. Въ Ригѣ я останавливался, вмѣстѣ съ Соймоновымъ и Корсини въ одной квартирѣ, въ Митавскомъ форштадтѣ, въ гостинницѣ Чернаго Орла,—и квартира была чисто Нѣмецкая: дѣвушки прислуживали, кровати были покрыты свѣжимъ бѣльемъ, самъ хозяинъ топилъ печь и т. п. Тоже было и въ Митавѣ, куда мы поѣхали въ прошлое воскресенье вечеромъ въ 5 часовъ, т. е. 26 числа (дилижансъ отъ Риги до Митавы идетъ два раза въ день—въ 8 и въ 5). Сегодня утромъ мы наняли съ Корсини коляску съ четверкой лошадей у Нѣмца фурмана за 28 цѣлковыхъ до Тильзита и, простившись съ добрымъ Соймоновымъ, поѣхали. Вотъ уже 44 версты проѣхали, и теперь ждемъ пока кормятъ лошадей и оба пишемъ письма. Фурмана нельзя было нанять дешевле, а почтовые для меня одного пришлись бы дороже 14 цѣлк. По крайней мѣрѣ теперь мы ѣдемъ покойно, и не будемъ хлопотать ни о чемъ до тѣхъ поръ пока опять будетъ возможность сѣсть въ дилижансъ. Съ Корсини мы ѣдемъ до Кёнигсберга: оттуда я въ Берлинъ, онъ въ Варшаву. Коляска у насъ большая, четвероместная, съ зонтикомъ: она напоминаетъ мнѣ своимъ устройствомъ одну, въ которой когда-то сидѣлъ и я вмѣстѣ съ другими, когда она ѣхала въ Бѣлгородъ и обратно въ Харьковъ. Давнопрошедшее! Теперь мы сидимъ вдвоемъ и ищемъ носами въ воздухѣ того фокуса, который можетъ насъ навести на сладкій сонъ.—Спать уже хочется. Завтра напишу еще что нибудь.

29-е ноября, 3 часа утра. Въ пяти верстахъ отъ Шавли; Жидовскій постоялый дворъ.

Нечистота, вонь, холодъ. Если бы не вѣтеръ, то лучше бы въ коляскѣ высидѣть эти два часа. Знать, что мы въ центрѣ Виленской губерніи. Вмѣсто Нѣмцевъ и Латышей тутъ Поляки и Литовцы и Жидовъ пропасть. Корсини уклался кое-какъ на кровати, а я развернулъ портфейль; впрочемъ не знаю буду-ли, т. е. будутъ-ли мои пальцы въ состояніи писать... Покамѣсть они еще коломъ стоятъ.

Таурогенъ. 30-е ноября. 1839. 8 часовъ утра.

(7 верстъ отъ Рус. границы).

Мои пальцы не въ состояніи были писать. Я усѣлся на чемъ то, носящемъ названіе софы, укутался и заснулъ. Потомъ поѣхали, потомъ ѣхали безъ малаго цѣлыя сутки, и еще ѣхали, и въ 5-мъ часу утра сегодня пріѣхали въ Таурогенъ, пограничное таможенное мѣстечко Русское. Напившись чаю, Корсини пошелъ визировать пасспорты наши, а я принялся за этотъ листокъ, чтобы написать хоть еще нѣсколько строчекъ изъ Россіи.

Что-же написать? На умѣ у меня теперь только одно, какъ-бы переѣхать черезъ границу... а что стараюсь забыть и что впрочемъ до сихъ поръ напоминаетъ о себѣ, это—Виленская губернія. Жалкая сторона! Мы ѣхали черезъ нее по прекрасному шоссе; но только въ ней это и хорошее. Простой народъ—Литвины—народъ полудикій, грубый и невѣжественный; Жиды попадаются на каждомъ шагу—и Жиды факторы, и Жиды трактирщики, и Жиды купцы, и Жиды нищіе, и даже Жиды земледѣльцы,—а гдѣ они, тамъ нечистота, гадость, вонь, обманы и т. д.; Нѣмцы—не тѣ Нѣмцы, съ которыми весело встрѣтиться въ Лифляндіи или Курляндіи; Поляки, наконецъ, занимая мѣсто высшаго сословія, нерѣдко носятъ на себѣ отпечатокъ и Литвы, и Нѣмеціи Литовской, и Жидовіи вмѣстѣ, имѣя впрочемъ очень часто физіономію прекрасную, благородную или миловидную. Вчера послѣ обѣда мы останавливались въ Жидовскомъ городкѣ Кельмѣ,—и насмотрѣлись на всякаго рода здѣшнихъ людей. Городокъ не бѣдный, торговый, есть и порядочные домики, но грязь и нечистота ужасныя. Въ Таурогенѣ гостинницу содержитъ также Жидъ, и хоть въ комнатѣ полъ усыпанъ ельникомъ по Нѣмецкому обычаю, и все довольно чисто, но Жидовія отзывается во всемъ, начиная съ чайника съ надбитымъ горлышкомъ до копѣечныхъ обчетовъ при размѣнѣ денегъ.

Перевертываю страницу только съ тѣмъ, что бы сказать, что черезъ полчаса мы ѣдемъ въ Тильзитъ, до котораго отсюда 4 мили, т. е. 28 верстъ. Прощай, душа братъ! Прощай, будь счастливъ, не забывай чаще писать къ маменькѣ. Поцалуй за меня добраго Андрея Лаврентьевича [1]), поблагодари его за вниманіе ко мнѣ. Не забудь также исполнить мои порученія: отдать Аркадію Ивановичу Мартынову письмо съ посылкой и попросить, что-бы онъ приказалъ послать деньги мои въ Прагу не позже января 1840, послать ко мнѣ карту Россіи, спросивши прежде, можно-ли переслать (деньги за карту и пересылку ея получишь отъ маменьки).

Предоставляю тебѣ дополнить для маменьки этотъ листокъ, и послать къ маменькѣ.

---

[1]) Барковскій—товарищъ Ник. Ив. Срезневскаго.

Еще Прощай! разъ Прощайте и вы, маменька, и вы, добрые мои знакомые и друзья! Черезъ ½ часа въ путь, и черезъ часъ съ небольшимъ уже въ Пруссіи. Прощайте.

И. Срезневскій.

XIV.

№ 1. Берлинъ. 1839. Декабря 10/22.

Вотъ уже 19 дней, какъ я не писалъ къ вамъ ни строчки, милая маменька, и мнѣ становится совѣстно, даже грустно. Хотѣлъ написать изъ Тильзита—не успѣлъ, хотѣлъ написать изъ Кёнигсберга—опять не успѣлъ... Изъ Берлина уже грѣхъ не написать—по крайней мѣрѣ одно письмо. И вчера я началъ писать, написалъ двѣ страницы, но такъ дурно, что тотчасъ же разорвалъ,—и вотъ теперь, вставши довольно рано, принимаюсь опять писать.

И такъ, маменька, я за границей—за 750 верстъ отъ границы Русской, за 3000 верстъ слишкомъ отъ Харькова, если считать тою дорогой, по которой я ѣхалъ. И грустно, грустно было разставаться съ Россіей. Ѣхавши такъ долго—и по времени—и по пространству—все по Россіи, я забывалъ, что ѣду изъ Россіи, что и для нея, безпредѣльной, есть предѣлы,—и вдругъ... коляска остановилась, Русскій чиновникъ вышелъ, записалъ наши пасспорты, велѣлъ поднять рогатку, фурманъ хлопнулъ по лошадямъ... я былъ уже внѣ Россіи. Вздрогнуло мое сердце; мнѣ хотѣлось заплакать; мнѣ хотѣлось, чтобы лошади поворотили назадъ—и прямо въ Харьковъ, гдѣ мнѣ было такъ хорошо, такъ уютно-покойно, такъ мирно-весело, такъ сѣмейно-счастливо, Нѣтъ! Прощай, Харьковъ! Прощайте, душенька маменька! И вы, съ которыми связывало меня безкорыстное чувство взаимнаго уваженія, можетъ быть даже взаимной любви! И вы, которыхъ я не могъ не почитать, зная, что и самъ я, будучи вами понятъ, не буду по крайней мѣрѣ презираемъ. Всѣ—прощайте—на долго,—и по крайней мѣрѣ не забудьте помнящаго и часто о васъ вспоминающаго странника.

Я выѣхалъ за границу 30 ноября, въ четвергъ, въ 11-мъ часу утра. Съ тѣхъ поръ прошло 10 дней. Перескажу вамъ, милая маменька, хоть кратко, какъ прошли эти 10 дней.

Въ первомъ часу по полудни мы пріѣхали въ Тильзитъ (мы, т. е. я да Корсини, съ которымъ мы ѣдемъ вмѣстѣ до Кёнигсберга). По дорогѣ до Тильзита (20 верстъ съ небольшимъ отъ Таурогена) я замѣтилъ только, что Прусское шоссе уже и хуже нашего, что тамъ, гдѣ оно поднято надъ низкими мѣстами, нѣтъ барьеръ, такъ что когда лошади взбѣсятся, можно будетъ

полетѣть кувыркомъ въ какое нибудь болото,—и болѣе ничего не замѣтилъ все думалъ о томъ, что оставилъ въ Россіи и чего могу ожидать за границей, грустилъ, утѣшалъ себя, и опять тосковалъ...

Въ Тильзитѣ мы переѣзжали черезъ Мемель по льду, и остановились въ Hotel de S.-P.burg, въ прекрасной холодной и сырой комнатѣ. Изъ оконъ можно было видѣть часть города, а походивши по городу ¼ часа можно было познакомиться съ нимъ вполнѣ. Городъ небольшой, имѣющій 12,000 жителей, довольно старый, слѣдовательно довольно тѣсный, не то, что Рига, гдѣ вмѣсто улицъ какія-то канавы, обшитыя шкафами, но что-то въ томъ-же родѣ, и улицы кривы и узки, и домы въ нѣсколько этажей, все каменные, и все самыхъ дивныхъ формъ, напр.:

и т. д. Нѣкоторые выстроены изъ кирпича другіе изъ дерева и кирпича вмѣстѣ такъ что въ деревянныя перекладины вкладывается кирпичь, иные изъ дикаго необтесаннаго камня природныхъ формъ, такъ что кирпичемъ выложены только окна двери и пр. Улицы сходятся напр.

вотъ этакъ:

или вотъ такъ:

или какъ нибудь еще затѣйливѣе. И таковы то всѣ старые Нѣмецкіе города и городки.

Взявши мѣсто въ Personen-Post, въ 6 часовъ вечера я выѣхалъ изъ Тильзита, а въ 6 часовъ слѣдующаго утра былъ уже въ Кёнигсбергѣ. Всю ночь, я спалъ, слѣдовательно, ничего не видалъ. Знаю только, что передъ выѣздомъ изъ Тильзита, передъ каждой шоссейной заставой, передъ пріѣздомъ на станцію и передъ выѣздомъ изъ нея, почтальонъ трубилъ въ трубу, и что лошадей перемѣняли не болѣе какъ въ 5 минутъ. Кстати сказать, что и дилижансы, называемые Personen-Post, и другіе—Eil-Post, содержатся въ Пруссіи отъ казны, и что вообще все почтовое вѣдомство устроено превосходно: экипажи хуже нашихъ дилижансовыхъ, но за то лошади гораздо лучше, и везутъ

акуратно ни болѣе, ни менѣе времени, какъ опредѣлено. Personen-Post дешевле Eil-Post и ѣдетъ очень немногимъ медленнѣе.

Въ Кёнигсбергѣ я пробылъ 5 дней: нельзя было не познакомиться и съ городомъ, и съ учеными. Городъ старый, слѣдовательно, какъ вамъ уже извѣстно, состоящій изъ канавъ, обставленныхъ шкафами, и, не смотря на то, что имѣетъ 70,000 жителей, занимаетъ очень небольшое пространство, гораздо меньше нежели Харьковъ. Заблудившись разъ, я могъ уже смѣло бродить по городу изъ конца въ конецъ, и потому нанималъ лондинера (за 2 рубля въ день) только на первый день, а объ извощикѣ (тутъ есть и сани, и дрожки) и не думалъ. Въ Кёнигсбергѣ я видѣлъ все, что стоитъ вниманія—и соборъ, и музеумъ, и библіотеку, и замокъ, и университетъ, и домъ Канта, и театръ, и обсерваторію. Соборъ великъ, но хуже Рижскаго; въ соборѣ погребены разные маркграфы и пр. Съ сѣверной его стороны есть галлерея, называемая stoa Kantiana, и въ глубинѣ ея, въ чуланѣ, за желѣзной рѣшеткой гробница Канта, надъ которою на черной стѣнѣ какой-нибудь вѣрно студентъ написалъ «думай, дѣйствуй» (Denke, wirke!). Соборъ есть вмѣстѣ и университетская церковь. Университетскія зданія тутъ-же подлѣ: старые, дрянные домы, грязные, по крайней мѣрѣ нечистые. На аудиторіи страхъ взглянуть: въ уѣздномъ училищѣ у насъ во 100 разъ лучше, даже въ приходской школѣ лучше, потому что это нечистыя комнатки, уставленныя гадкими столами и скамьями, а кафедры, такія же гадкія, годились-бы развѣ для Миргородской базарной торговки, и самая лучшая аудиторія только что поболѣе другихъ, впрочемъ, то-же не велика, и самая наконецъ торжественная зала похожа скорѣе на корридоръ. Обсерваторія, гдѣ командиромъ Бессель, одинъ изъ первыхъ современныхъ астрономовъ, очень богата инструментами. Театръ порядочный, но актеры напоминаютъ трушу Млатковскаго. Замокъ—обширное зданіе съ большою площадью внутри и съ башнями. Главная башня очень высока и представляетъ съ себя прекрасную панораму разновидныхъ крышъ и канавъ города. Домъ Канта—вотъ онъ, сколько помню:

Надъ входомъ есть надпись, по черному полю золотыми буквами, что въ немъ жилъ и училъ Кантъ съ 1784 по 1804. Кажется, я и еще что-то видѣлъ въ Кёнигсбергѣ, но теперь не припомню. Да! Въ Замкѣ я видѣлъ Московитеръ-зааль: большая, низкая, и никто не знаетъ, почему такъ названа. Еще видѣлъ старинную Польскую церковь: мрачная. Въ Кёнигсбергѣ многіе умѣютъ жить: прекрасная мебель, чистота, хорошее кушанье, наряды и пр. это доказываютъ. И профессора живутъ очень хорошо. Даже моя комнатка въ Deutsches Haus была съ мебелью краснаго дерева, съ кисейною драпри, украшенною бронзой на окнахъ, съ голландскимъ бѣльемъ на постели, съ фарфоромъ въ умывальнѣ. Остается еще сказать о профессорахъ:

я познакомился съ 5-ю и у двухъ былъ на лекціи. Первое мое знакомство было съ Шубертомъ, профессоромъ политическихъ наукъ. Онъ полюбилъ меня, я—его, и мы видались почти каждый день. Очень добрый, очень милый, хотя и честолюбивый, человѣкъ. Жена его также очень добрая женщина, дѣти—милые нѣмчурки. Два раза я у него обѣдалъ и провелъ время до вечера, и подарилъ Шуберту экземпляръ своей диссертаціи [1]), пересказалъ содержаніе—и, вы повѣрите, маменька, какъ обрадовался, когда узналъ, что Шубертъ не только одобряетъ мои мысли, но и почти вполнѣ согласенъ съ ними. Съ тѣхъ поръ предметомъ нашихъ разговоровъ большею частью была статистика, и какъ можно ее усовершенствовать какъ науку. Мы разстались добрыми пріятелями, обѣщая другъ другу продолжать знакомство перепиской [2]). Розенкранцъ [3]), профессоръ философіи, пылкая, нѣжная, мечтательная душа, напомнившая мнѣ Вельтмана, былъ также въ моемъ вкусѣ: нѣсколько часовъ провелъ я съ нимъ въ разговорѣ о народной поэзіи, которую онъ страстно любитъ,—и этотъ разговоръ сблизилъ насъ какъ давно знакомыхъ [4]). У него и у Шуберта я былъ на лекціи: оба читаютъ прекрасно. Кромѣ того я познакомился съ Мозеромъ [5]) и Фохтомъ [6]) и наконецъ—съ кѣмъ-бы вы думали?—съ Швейкартомъ. Добрый старикъ помнитъ папеньку, васъ, меня, Харьковъ и приказалъ передать вамъ свой душевный поклонъ [7]). Сверхъ того я видался каждый день по нѣскольку разъ съ Прейсомъ, который посланъ путе-

---

[1]) Докторская диссертація И. И. Ср—скаго (Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно. Харьковъ. 1839), не допущенная совѣтомъ Харьковскаго университета къ публичной защитѣ вслѣдствіе новизны взглядовъ, высказанныхъ въ ней авторомъ.

[2]) Считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько словъ о Шубертѣ изъ донесенія И. И. С—скаго министру народнаго просв: «Шубертъ обязалъ меня сообщеніемъ статистико-топографическихъ свѣдѣній о Славянскомъ народонаселеніи не только Пруссіи, но и Австрійской имперіи, и первый указалъ мнѣ на необходимость личныхъ наблюденій въ этомъ отношеніи, основываясь на томъ, что какъ въ Пруссіи, такъ отчасти и въ Австріи, многіе видятъ Славянъ только тамъ, гдѣ народъ остается чисто-Славянскимъ безъ знанія Нѣмецкаго языка. Съ его не помощью началъ я составленіе этнографической карты Славянской части Европы (Ж. М. Н. Пр. 1841, 8).

[3]) Karl Rosenkranz—извѣстный послѣдователь Гегеля, докторъ философіи; былъ профессоромъ сначала въ Галле, потомъ въ Кёнигсбергѣ (1799—1868).

[4]) «Розенкранцъ, занимаясь народной поэзіей въ отношеніи эстетическомъ и миѳологическомъ, сообщилъ мнѣ много любопытныхъ замѣчаній касательно народной поэзіи Германской, примѣняемыхъ къ міру Славянскому». (Изъ донесенія И. И. С—го изъ Вѣны).

[5]) Проф. физики въ Кёнигсбергскомъ университетѣ.

[6]) Johannes Voigt (1786—1863), проф. исторіи и директоръ Кёнигсбергскаго архива.

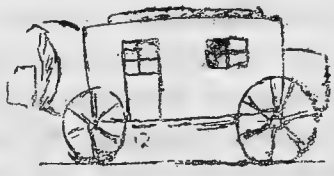
[7]) Ferdinand Karl Schweikart; въ 1813—1816 г. былъ профес. въ Харьковѣ. О его службѣ въ Харьковѣ есть нѣсколько словъ въ воспоминаніяхъ Роммеля (Пять лѣтъ изъ исторіи Харьк. унив.): Украшеніемъ университета и юридико-политическаго факультета, пишетъ Роммель, былъ мой другъ благородный философъ Швейкартъ... Въ 1817 г. мнѣ посчастливилось перезвать его въ Марбургъ; оттуда съ титуломъ профессора и члена суда онъ перешелъ въ Кёнигсбергъ, а въ 1844 г. вызванъ былъ въ Берлинскій синодъ.

шествовать отъ Петерб. университета, съ тою-же цѣлію какъ и я, и теперь живетъ въ Кёнигсбергѣ для изученія Литовскаго языка [1]).—Вообще я провелъ въ Кёнигсбергѣ время очень, очень пріятно; дай Богъ, что бы и всюду такъ. Кое-что успѣлъ я прочесть и даже досталъ одну старинную Слав. грамоту (отъ Фохта).

5-го числа декабря я выѣхалъ изъ Кёнигсберга въ $6^1/_2$ часовъ вечера, и 8-го въ 3-мъ часу послѣ обѣда былъ уже въ Берлинѣ. Скажу нѣсколько словъ о дорогѣ.—Мое мѣсто въ Personen-Post случилось угольное (это лучшія мѣста) и задомъ къ движенію экипажа; въ ногахъ бурка, подъ бокомъ подушка, на головѣ шапка, на мнѣ самомъ шуба и шинель,—мнѣ было тепло и покойно. Вотъ кстати и

расположеніе кареты:

а вотъ и видъ:



a) входъ въ карету; b) мѣста: 9 мѣстъ въ каретѣ; c) три мѣста въ кабріолетѣ, изъ нихъ одно для кондуктора; что-бы пройдти въ заднія мѣста, надобно перелѣзать черезъ подушку средняго ряда; мое мѣсто означено крѣстикомъ; первый рядъ и средній рядъ сидитъ ногами другъ къ другу, d) мѣсто для почтальона, e) ящикъ для багажа; сверху кареты другой.—На каждой станціи останавливались не болѣе 5 минутъ, исключая завтрака, обѣда и ужина, на что употреблялось по 20 или по 30 минутъ. Пріѣзжая на станцію, гдѣ можно кушать, все находишь готовымъ и плата очень недорогая. Пассажиры измѣнялись безпрерывно одни другими, и только четверо доѣхали изъ Кёнигсберга до Берлина, другіе пристали или отстали въ полудорогѣ. Люди были большею частію не занимательные.—Дорога отъ К. до Б. лѣтомъ должна быть во многихъ мѣстахъ прелестна: почти безпрерывно тянется аллея раинъ, осинъ, липъ; часто идетъ боромъ или березовой рощей, и дорога вьется и то поднимается, то спускается внизъ; часто видишь прекрасные сельскіе домики, рѣдко лачужки. Прелестно. Фрауенбургъ мы проѣхали ночью: жаль, потому

---

[1]) Въ одной изъ путевыхъ замѣтокъ И. И. С—ій такъ пишетъ объ этомъ первомъ личномъ знакомствѣ съ Петромъ Ив. Прейсомъ: «Первый мой визитъ былъ Петру Ивановичу Прейсу, какъ сотоварищу по пути, мною избранному. Онъ живетъ съ мѣсяцъ и и пробудетъ еще съ мѣсяцъ въ Кёнигсбергѣ для изученія Литовскаго языка подъ руководствомъ профессора Резы. Милый молодой человѣкъ, отъ котораго многаго можно надѣяться. Съ нимъ я провелъ очень весело почти все утро и до 4-хъ часовъ пополудни. Онъ проводилъ меня къ квартирѣ профессора Шуберта»... (Кёнигсбергъ. 1839. Дек. 1).

что здѣсь погребенъ Коперникъ, а гробу этого Славянина нужно было бы поклониться. Эльбингъ—миленькій городъ съ 25,000 жителей, и довольно новый, слѣдовательно, не богатый старонѣмецкими вычурами: его мы тоже проѣзжали ночью, но луна свѣтила и наружность города можно было хорошо видѣть. Въ Маріенбургѣ останавливались на 20 минутъ. Это время я употребилъ, что-бы обѣгать замокъ. Огромное и великолѣпное зданіе. Не знаю впрочемъ жалѣть-ли или радоваться, что и наружность и внутренность его подновлены. Я бѣгалъ по корридорамъ, лѣстницамъ и заламъ, представляя себя жильцемъ 15-го вѣка: чудное состояніе. Стоило бы остановиться во многихъ мѣстахъ, но время не позволяло. Стрѣльчатые своды, разноцвѣтныя окна, мозаиковые полы, корридоры кольцами, витыя лѣстницы, статуи, образа гигантскаго размѣра, и всего много: живешь въ четверо тише, потому что впечатлѣній вчетверо больше. Передъ Диршау переѣзжалъ черезъ Вислу: прекрасная рѣка. Штаргардъ хорошенькій городъ съ прекрасною площадью, что въ городахъ Германскихъ очень рѣдко, такъ что въ Кёнигсбергѣ есть нѣсколько площадей величиною не болѣе и даже менѣе перекрестка передъ домомъ Генріэты Ѳедоровны [1]), и называются торжественно площадями. Кюстринъ городъ съ 5,000 жителей на стрѣлкѣ соединенія Варты съ Одеромъ и вооруженъ большою крѣпостію, о которой я бы разсказалъ многое, если-бы пожилъ съ братомъ въ П-бургѣ по болѣе. Отъ Кюстрина до Берлина только 11½ миль.—Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ Берлину, тѣмъ жизни болѣе, и болѣе населенія, и болѣе движенія странниковъ пѣшихъ и въ экипажахъ,—и за 2½ мили показался Берлинъ. А вотъ ѣдутъ и фуры длиною и вышиною аршинъ по 5, вотъ и молочницы идутъ съ тѣлежками, въ которыя запряжены собаки, вотъ и почты обгоняютъ одна другую, вонъ дымятся и высокія трубы фабрикъ, вонъ и ворота Берлина. Я и забылъ сказать, что еще вечеромъ наканунѣ пересѣлъ я съ своего мѣста въ кабріолетъ, уступивши мѣсто мое одной больной дамѣ, которую безпокоилъ вѣтеръ: ночью было холодно, за то, въѣзжая въ Берлинъ, я видѣлъ его очень хорошо. Пріятно было въѣхать въ широкую, прямую, прекрасно обстроенную улицу, въ городъ, на которомъ всюду отпечатокъ нашего вѣка: невольно веселѣе становится сердцу, будто принимаешь участіе, будто становишься членомъ въ этой кипучей дѣятельности. Полмили (3½ версты) ѣхали мы по улицамъ Берлина до почтоваго двора. Пріѣхали наконецъ; всякій отобралъ свои вещи и отправился съ ними въ свою сторону. Я по совѣту Шуберта, отправиться въ Hotel de Brandendurg на площадь Жандармовъ. Тутъ отвели мнѣ въ верхнемъ этажѣ маленькую комнату по 15 серебр. грошей въ день (по 1,80 коп.),—и я зажилъ.

---

[1]) Г. Ѳ. Юнкертъ; въ ея домѣ, въ Харьковѣ, жили Е. И. и И. И. Срезневскіе.

Впрочемъ, остаюсь въ моемъ отелѣ не на долго. Найму мѣсячную квартиру: это будетъ дешевле и даже выгоднѣе. Предполагаю остаться въ Берлинѣ по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, потому что считаю необходимымъ послушать лекціи Бопна [1]) и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ. Не могу жить долго, потому что у меня только 125 талеровъ (около 400 рублей); поживу сколько можно.

23 декабря, по нашему 11-е.—Вотъ уже скоро трое сутокъ, какъ я живу въ Берлинѣ, и до сихъ поръ не устроился. За то время летитъ. Первый вечеръ я провелъ въ театрѣ: виртуозъ-скрыпачь Прюмъ давалъ концертъ, дѣвица Шульце пѣла, и потомъ былъ данъ балетъ «Морской Разбойникъ». Прюмъ играетъ превосходно, Шульце поетъ громко, балетъ поставленъ, хоть и хуже Петербургскаго, но все хорошо. На другой день, побродивши утромъ по городу, я нашелъ квартиру нашего священника Доримедонта Васильевича Соколова, попалъ какъ разъ на имянины его жены Анны Сергѣевны, и воротился отъ него во 2-мъ часу ночи. Тутъ были почти все Русскіе; полковникъ Юни съ женою и 2 дочерьми, два брата Джонсены, два брата Малеины [2]), семейство полунѣмца Барту [3]), Нѣмецкій купецъ съ женою, и еще кто-то. Танцовали подъ фортопіано, пѣли, веселились отъ души,—просто, какъ у насъ. Юни просилъ меня на другой день къ себѣ, и я вчера опять воротился во 2-мъ часу: было тоже, и кромѣ прежнихъ я познакомился съ Свиридовымъ [4]), Калиновскимъ [5]), адъютантомъ принца Ольберхомъ [6]), двумя

---

1) Подъ руководствомъ Бопна И. И. С—кій занимался Санскритскимъ языкомъ; вотъ что онъ пишетъ объ этихъ занятіяхъ (2 янв. 1840 г.) своему брату: «Познакомился и сошелся съ Боппомъ, у котораго слушаю Санскр. грамматику: выучу этимологію, да и поѣду изъ Берлина. Боппъ помогаетъ мнѣ отъ души и на лекціяхъ, гдѣ бываетъ не болѣе 4-хъ человѣкъ, особенное вниманіе обращаетъ на меня, стараясь передать мнѣ и то, что говорилъ онъ на прежнихъ лекціяхъ». Ниже въ томъ же письмѣ читаемъ: «Остаюсь въ Берлинѣ еще на 3 недѣли. Надобно доучить Санскр. склоненія, выучить спряженія и лучше понять формы произведенія словъ. Боппъ мнѣ сказалъ, что въ полгода можно отлично узнать Санскр. языкъ, занимаясь по 3 часа въ день; но полгода я не могу посвятить на это, да мнѣ и не нужно отлично знать Санскр. языкъ: хочу только понять его и, что еще важнѣе для меня, понять, какъ понимаютъ Герм. ученые сравнительность языковъ».

2) Малеины, Александръ и Василій, окончившіе юрид. фак. Спб. ун. въ 1839 г.

3) Семейство живописца Барду, какъ видимъ изъ слѣдующаго письма; вѣроятно это отецъ и сынъ—Карлъ и Алекс. Барду (Bardou), картины которыхъ бывали на Берлинскихъ выставкахъ конца 1830-хъ и начала 1840-хъ гг. (см. Verzeichniss der Werke lebender Künstler, welche in den Sälen des Akademie-Gebäudes... öffentlich ausgestellt sind. 1838. XXX. Kunstausstellung der Königl. Ak. d. Künst.; также Verzeichniss 1840, 1842 гг.).

4) Ив. Алекс. Свиридовъ, въ это время лекарь, впослѣдствіи ордин. проф. суд. медицины и медицинской полиціи въ Харьк. унив.; посланный Харьковскимъ ун. для усовершенствованія въ исторіи медицины, въ 1839 г. онъ уже былъ на обратномъ пути въ Россію. (Изъ пут. зам. И. И. С—го).

5) Як. Ник. Калиновскій, впосл. проф. сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Московскомъ университетѣ.

6) Ольбергъ, адъютантъ принца Карла; въ письмѣ къ Н. И. Срезневскому И. И. С—ій говоритъ, что Ольбергъ готовитъ переводъ на Нѣм. яз. нѣкоторыхъ поэмъ Пушкина (Письмо изъ Берлина, 2 янв. 1840 г.). Эти переводы были изданы въ 1848 г.: Gedichte von Al. Puschkin übersetzt von. E. v. O(lberg). Berlin, 1848 (Межовъ. Puschkiniana 214). Вѣроятно Ольбергу же принадлежитъ переводъ сочиненій Пушкина, посвященный Ихъ Имп. Величествамъ, изд. въ 1840 г.: Gedichte von Alexander Puschkin, aus dem Russischen übersetzt von E. von. O. Berlin. 1840 (ib. 210).

Русскими офицерами. Русскій этотъ кружокъ мнѣ очень нравится, и Богъ дастъ я съ нимъ сживусь. Поминали не разъ объ Александрѣ Ивановичѣ [1]), о Семенѣ Семеновичѣ [2]), о Мишинкѣ Касторскомъ [3]), и т. д. Русскіе тутъ любятъ другъ друга, и сживаются хорошо. Свиридовъ предлагаетъ мнѣ свои услуги для квартиры и портнаго, даже деньги: спасибо ему: онъ придетъ ко мнѣ въ 10 часовъ, и пойдемъ по Берлину. Священникъ—превосходный человѣкъ. Да и мало ли хорошихъ людей въ этомъ небольшомъ кругу. И всѣхъ Русскихъ въ Берлинѣ до 60 человѣкъ.—Послѣднюю страницу напишу уже на новой квартирѣ.

10 часовъ вечера.—Наконецъ я переселился на постоянное жительство. Вотъ мое жилище:

1) комодъ, на(дъ) нимъ большое зеркало, а на немъ часы, лампа и экранъ; 2) столъ передъ софою, за которымъ на креслѣ я сижу теперь и пишу; 3) софа; 4) шкафъ для платья; 5) умывальный столикъ; 6) печь; 7) другой комодъ; 8) чамоданъ; 9) постель, передъ которой стоитъ маленькій столикъ; 10) столъ для книгъ; 11) секретеръ. На приличныхъ мѣстахъ стулья. Мебель почти вся краснаго дерева. На окнахъ (b) кисейное драпири.

Жилище мое—Подъ Липами, т. е. въ лучшей части города и на лучшей улицѣ, № 69. Подниматься надобно на четвертый этажъ, 52 ступени. Плачу 7 талеровъ въ мѣсяцъ; на отопку выдетъ талера два. Я нахожу мою квартиру выгодною. Обѣдать буду въ одномъ съѣстномъ домѣ и уже абонировался на полмѣсяца за 3 талера. Чай и кофе дома. Такъ что всего выдетъ на квартиру и пищу талеровъ 20 въ мѣсяцъ.

Я заказалъ себѣ и платье; пару фрачную, сюртукъ и жилетъ за 53 талера. Пара завтра будетъ готова. Сегодня я былъ въ театрѣ, и видѣлъ лучшихъ комиковъ Берлина за 15 серебр. грошей (т. е. 1, 60 к.).

Завтра отправлю письмо, буду у посланника и ещѣ у кого нибудь.

Прощайте, маменька. Никому не пишу, потому что спать хочется: да извинятъ. прощайте.

Вашъ люб. сынъ Из. Срез.

Поздравляю васъ и всѣхъ съ наступающимъ Новымъ годомъ.

---

[1]) Покорскій (?).

[2]) Лукьяновичъ.

[3]) Мих. Ив. Касторскій, впослѣдствіи докторъ философіи и проф. С.-П.-б. унив.; во время заграничнаго путешествія онъ (1836—1837) долго жилъ въ Берлинѣ. (В. В. Григорьевъ. Имп. С.-П.-б. Ун.)

XV.

№ 3. Берлинъ, $\frac{\text{1840, янв. 1.}}{\text{1840, янв. 13.}}$

Цѣлую вашу ручку, милая маменька, и поздравляю съ Новымъ годомъ. Сегодня я всталъ поздно, и только нѣсколько строчекъ успѣю написать до обѣдни, можетъ быть — только о томъ, почему всталъ поздно и почему напишу только нѣсколько строкъ. Вотъ почему: вчера я приглашенъ былъ на вечеръ къ полковнику Юни, и пробылъ тамъ до 3-го часу утра. Общество было обыкновенное: хозяева—полковникъ съ женой и двумя дочерьми—дѣвушками; священникъ нашъ съ женой; живописецъ Барду съ женой, сыномъ и дочерью; Нѣмецкій книгопродавецъ съ женой; наконецъ одинъ, два, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро молодыхъ людей. Это общество помѣщалось въ двухъ небольшихъ комнатахъ: въ одной играли въ бостонъ или въ вистъ—не знаю; въ другой танцовали подъ фортопьяно, и должность музыканта исполняла или одна изъ дѣвушекъ, или хозяйка. Я... я... танцовалъ! Приказали, потянули, стали учить: повиновался. Потомъ разохотился,—и весь вечеръ проплясалъ. Изъ того, что танцовалъ и я можете судить, маменька, что дѣло обходилось безъ претензій. Напротивъ того, всякій изобреталъ разныя штуки, что-бы заставить хохотать, и хохотали у кого сколько силъ доставало. Играли немного и въ фанты, лили и свинецъ. И я, грѣшникъ, во весь вечеръ не вспоминалъ о васъ; за то когда стукнуло 12-ть, когда стали поздравлять другъ друга съ новымъ годомъ и пить шампанское, мнѣ стало вдругъ такъ грустно, что я отказался и отъ вина, и отъ ужина, и готовъ былъ хоть плакать. За однимъ туромъ вальса послѣ ужина мнѣ стало легче, но только на минуту. Оставался до самаго конца только потому, что неловко было уйдти прежде. Мнѣ все думалось о васъ, хотѣлось узнать, гдѣ вы, что вы дѣлаете, веселы-ли вы, и представлялось, что вы одни, скучаете, грустите, и не съ кѣмъ вамъ слова сказать. Нельзя было не вспомнить и о томъ, что вотъ уже полтора мѣсяца, какъ я не знаю, что съ вами, не имѣю ни строчки отъ васъ. Мнѣ объ этомъ и думалось, мнѣ это и снилось,—и сегодня, вставши, я взялся прежде всего за письмо къ вамъ. Напишу листокъ къ вамъ, листокъ къ брату и къ кому-нибудь еще изъ Петербуржскихъ знакомыхъ и постараюсь отправить завтра. Братъ успѣетъ мнѣ отвѣчать, и увѣдомить меня, что съ вами.—Нѣтъ, я не привыкъ странствовать: все болѣе и болѣе вижу, что дома лучше, гораздо лучше.

Теперь пора собираться къ обѣдни. Помолюсь Богу, помолюсь и за васъ, можетъ быть, въ одно время съ вами, когда вы будете молиться о насъ съ братомъ.

Помолился и воротился. Въ обѣдни было человѣкъ до 40, можетъ и болѣе. Вмѣсто пѣвчихъ пѣли Потсдамскіе солдаты. Былъ и посланникъ, было и болѣе 10 дамъ. Доримедонтъ Васильевичъ служитъ обѣдню прекрасно: время это проходитъ незамѣтно и пріятно. Въ часъ обѣдня окончилась. Шедши домой вмѣстѣ съ старухой Барду и дочерью, я зазванъ былъ къ нимъ вмѣстѣ съ Калиновскимъ, оттуда пошли въ нашу ресторацію къ Чеху, оттуда кофе пить къ Свиридову, оттуда домой; велѣлъ топить печь, и сѣлъ писать письмо.

Печь! Это слово подираетъ меня морозомъ по кожѣ. Слава Богу, сегодня теплѣе. Вчера-же, третьяго дня и четвертаго дня было нестерпимо холодно: болѣе 15 градусовъ! Вы смѣетесь, маменька; а я право не шучу. До сихъ поръ съ самаго пріѣзда въ Германію я еще не согрѣлся. Очень пріятенъ морозъ на воздухѣ, но въ комнатѣ—это другое дѣло. Представьте же себѣ, что у меня въ комнатѣ никогда не было теплѣе, какъ бывало въ дѣвичьей нашей въ домѣ Юнкертъ. Истопятъ печку, нельзя къ ней притронуться; отойдешь шагъ отъ нея—паръ изо рта, еще шагъ—трясешься какъ рыба, а за письменнымъ столомъ сижу я не иначе какъ въ шубѣ, и то холодно. Топится же у меня два раза въ день. Запляшешь иногда по неволѣ. И это не у одного меня, а всюду: потому что и двойныхъ оконъ нѣтъ, и дѣвушка, прибирая комнату, всегда растворяетъ окошко, потому что и печи прегадко устроены. Развѣ лѣтомъ хорошо въ этой хваленой Германіи, а зимою—мерзко, несносно. И что же думать объ этихъ Нѣмцахъ, которыхъ ужасаютъ наши зимы: почти ни у одной дамы нѣтъ манто съ мѣховымъ воротникомъ, не говоря уже о полахъ, а молодые люди, напримѣръ студенты, бѣгаютъ въ однихъ сертучкахъ, и нѣкоторые — безъ галстуховъ, раскрывши шею и грудь. Нечистый ихъ знаетъ, гдѣ они набираютъ тепла, гдѣ отогрѣваются.

Теперь надобно отдохнуть—руки отогрѣть: окоченѣли. Закурю трубку и сяду подлѣ печки, т. е. подлѣ небольшаго кафельнаго шкафика, называемаго тутъ печкой.

Вотъ и въ третій разъ принимаюсь за письмо. Теперь уже 12-й часъ.

Сѣвши подлѣ печки за Санскритскую грамматику, я вспомнилъ о самоварѣ своемъ, котораго до сихъ поръ не пробовалъ. Развернуть его не долго, угли есть; вздумано и сдѣлано. Черезъ двѣ минуты самоваръ былъ поставленъ, и я, въ ожиданіи пока онъ будетъ готовъ, продолжалъ твердить склоненія. Пришелъ Калиновскій: «Пойдемъ къ Аннѣ Сергѣевнѣ» (священницѣ нашей).—«Пойдемъ, а прежде напьемся чаю».—Приготовили чай, напились, пошли. Тамъ застали, что Анна Сергѣевна съ Mlle Барду и меньшимъ Малеинымъ играютъ въ дураки: пристали и стали играть въ пятерыхъ. Пришла

мать Барду: играли въ шестерыхъ. Анна Сергѣевна послала за дочерьми Юни,—и когда онѣ пришли, пошли къ фортепьяно, и давай плясать: три пары танцовали, а четвертая дама играла. Не танцовали, а дурачились. Такъ до сякъ прошло до 11-го часу. Воротившись домой, я зашелъ къ хозяйкѣ своей поболталъ съ нею; а теперь къ столу, да за письмо.

И спать уже хочется: вчера мало спалъ. Покойную ночь!

2-е января.

О чемъ же написать на этой остальной полустраницѣ? Право не придумаю.

Развѣ написать о томъ, что можетъ молодой человѣкъ проживать въ Берлинѣ въ мѣсяцъ, думая беречь деньги:

За квартиру довольно порядочную около 8 талер. (я плачу 7); на дрова не менѣе 3 талер.; мѣсячный абонименъ на обѣдъ—6 талер. да прибавка къ этому 2 талера; на кофе и чай съ сахаромъ, хлѣбомъ и сливками 5 талеровъ, можетъ быть и менѣе; за чистку платья и сапогъ 1 талеръ; на театръ, гулянья и пр.—вдоволь—3 талера; на раз. мелочи 3 талера. Итого 30 талеровъ—около 100 рублей. Впрочемъ я уже издержалъ въ Берлинѣ по сей день—104 талера: изъ этихъ денегъ 54 пошло на платье, болѣе 15 на книги, около 5 на раз. разности, напр. на бумагу, перья. Слѣдовательно издержалъ 30 на кушанье и гулянья: плохо, да вѣдь это первое время.

Прощайте, душенька маменька.

И. Срезневскій.

XVI [1]).

Галле. 1840. $\frac{29\text{ янв.}}{10\text{ февр.}}$ Понедѣльникъ.

Пора идти за билетомъ для отъѣзда въ Лейпцигъ; а между тѣмъ надобно написать нѣсколько строкъ на память о Галле. 7-го февраля во 2-мъ часу по полудни пріѣхалъ я въ Галле. За двѣ станціи до Галле въ Биттерфельдѣ я разстался съ моими спутниками изъ Потсдама, и поѣхалъ въ небольшой коляскѣ съ однимъ Потсдамскимъ купцомъ. Добрый человѣкъ, онъ ѣхалъ въ Галле только для того, чтобы навѣстить одного своего друга, который просилъ его осмотрѣть его заведенія. Подъѣзжая къ Галле, начинаешь чувствовать близость Саксоніи: ѣдешь уже между холмами и по холмамъ, ви-

[1]) Это письмо осталось недописаннымъ и, вѣроятно, не было послано по назначенію.

лишь вдали передъ собою чутъ не горы. Вправо отъ Галле возвышается Petersberg съ развалинами стариннаго замка на вершинѣ; влѣво вскрывается все гдѣ Сала съ побережными скалами [1]).

Лейпцигъ, 1840. $\frac{30 \text{ янв.}}{11 \text{ февр.}}$

Занявши вчера мѣсто въ Personenpost съ тѣмъ, что-бы въ 12 часовъ ночи ѣхать въ Лейпцигъ, заблаговременно пришелъ я въ Passagier Zimmer, и ожидалъ пріѣзда дилижанса. Около полуночи пріѣзжаютъ въ Галле два дилижанса: одинъ изъ Лейпцига въ Магдебургъ, другой изъ Магдебурга въ Лейпцигъ. Съ послѣднимъ долженъ былъ я отправиться. Ровно въ 12 часовъ пріѣхалъ Лейпцигскій дилижансъ, немного позже Магдебургскій. Пока отправили далѣе первый и приготовили лошадей для второго, прошелъ часъ, такъ что мы, пассажиры въ Лейпцигъ, могли выѣхать изъ Галле только во 2-мъ часу. Отъ Галле до Лейпцига только [2]) миль, одна перепряжка. Вовсе не занимательная болтовня моихъ сосѣдей — двухъ Жидовъ, Гамбургскаго прикащика и двухъ торговокъ изъ Хемница (станція между Галле и Лейпцигомъ) усыпила меня, такъ что я проснулся только тогда, когда у въѣзда въ Лейпцигъ таможенный чиновникъ отворилъ двери и потребовалъ пасспорты. Вмѣсто пасспорта мнѣ дали бумажку съ тѣмъ, чтобы я написалъ на ней фа-

---

[1]) Слѣдуютъ 1½ бѣлыхъ страницы. Такъ какъ о посѣщеніи И. И. С—го Галле сохранилось очень мало извѣстій, рѣшаемся представить здѣсь сообщеніе г. Любовича о встрѣчѣ И. И. Срезневскаго въ Галле съ извѣстнымъ впослѣдствіи историкомъ проф. Реппелемъ (Р. Стар. 1882. Іюль). Г. Любовичь посѣтилъ Реппеля въ Бреславлѣ въ 1880 г. «Зашла рѣчь о нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, и г. Реппель сталъ вспоминать тѣхъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Между прочимъ, онъ освѣдомился у меня о Измаилѣ Ивановичѣ Срезневскомъ. Извѣстіе о смерти И. И. было новостью для г. Реппеля. На мой вопросъ, гдѣ онъ познакомился съ И. И., г. Реппель разсказалъ мнѣ объ ихъ встрѣчѣ слѣдующее. Въ 1840 году пріѣхалъ покойный Срезневскій въ Галле, гдѣ находился Реппель, бывшій въ то время приватъ-доцентомъ. Тутъ-то они познакомились и, повидимому, подружились. Съ тѣхъ поръ, однако, они болѣе не встрѣчались. Не смотря на то, что со времени этого знакомства протекло такъ много времени, г. Реппель живо помнитъ И. И., произведшаго на него сильное впечатлѣніе своимъ умомъ, энергіею и живостью характера. Уѣзжая изъ Галле, И. И. оставилъ на память г. Реппелю, на клочкѣ сѣрой бумаги, трехстишіе, которое онъ сохраняетъ до сихъ поръ. Вотъ это трехстишіе:

Ой піпшовъ козакъ межъ чужіи люди,
Чи не лучше на чужинѣ якъ межъ своими буде.
Ой що буде, то и буде, козакъ добра не забуде.

И. Срезневскій.

1840. Февраля 10».

Кромѣ Реппеля въ Галле И. И. С—кій познакомился съ Поттомъ и М. Дункеромъ; замѣтки ихъ, данныя ими на память И. И. С—му сохранились въ собраніи автографовъ архива И. И. Ср—го.

[2]) Цифра пропущена.

милію, чинъ, мѣсто и цѣль странствія, и т. п. По этой бумажкѣ, сказалъ мнѣ чиновникъ, могу я получить обратно мой паспортъ. Другіе не дали паспортовъ: одни сказали, что они жители Лейпцига, другіе, что они изъ Хемница и завтра поѣдутъ обратно и т. д., впрочемъ изъ словъ ихъ видно было, что они врали. Такъ одинъ жидъ на вопросъ чиновника отвѣчалъ, что онъ житель Лейпцига. «Какъ прозываетесь?» Шульце. «Купецъ?» Да! «Аа!»—и чиновникъ затворилъ дверцы, а жидъ захохоталъ. Было 6 часовъ, когда мы ѣхали по Лейпцигу. Почтовый дворъ, въ которомъ остановился дилижансъ—прекрасное, богатое строеніе. Одинъ изъ служителей предложилъ мнѣ услуги, и за 4 грош. снесъ мои вещи въ Hotel de Robière, гдѣ мнѣ совѣтовали остановиться. Комнатка, которую мнѣ отвели, довольно мала, но кажется будетъ покойна. Вмѣстѣ съ кофе мнѣ принесли Fremde Buch, въ которомъ я долженъ былъ написать отвѣты на тѣже вопросы, какъ въ тамож. бумажкѣ. Кофе прекрасный, служители вѣжливые. — Пора выйдти смотрѣть на городъ.

Wam is dann dar Hund do?—Ha?—Wam dar Hund do is?—Wos?—Nu, wam dar Hund do is?—War?—Nu, dar Hund do?—Dar Hund do? Dos is main Hund.—Ah so!.

Worüm sieht dann das Hund so treech aus?—Ha?—Worüm dar Hund so treech aussitt?—War?—Dar Hund do!—Dar Hund do? nu dar sieht nischt!

Worüm frisst dann dar Hund nischt?—Ha? Worüm dar Hund nischt frisst?—War?—Nu dar Hund do!—Nu mer gä'n'n nischt.—Worüm gä'tt er dann dam Hund nischt?—Ha?—Worüm gä'tt er dam Hunde nischt?—Wos?—Worüm er dam Hunde nischt gät?—Wam?—Nu dam Hunde do.—Nu, mer hann nischt.—A, su!—

Сцена: Zwei Bauern sitzen in der Schenke, der eine den Kopf auf den Arm gestützt, in Gedanken versunken, der Andre unruhig, begierig ein Gespräch anzuknüpfen.

1. —Ist er verheirathet (женатъ)? 2. —Wer (кто)? 1. —Er (онъ). 2. —Wer (кто же)? 1. —Er (ну онъ). 2. —As wie ichi (я напримѣръ)? Ja (да). 2. —Ne (нѣтъ). 1. —Eh (гмъ)! 2. —Aber er (а онъ)? 1. —Wer (кто)? 2. —Er (онъ). 1. —Wer (кто)? 2. —Er (ну да онъ). 1. Als wie ichi (я что-ли)? 2. —Ja (да). 1. —Ja (да). 2. — Ah (ахъ)! [1])

[1]) Эти разговоры, вѣроятно, слышанные во время пути, записаны на отдѣльный листокъ, вложенный въ письмо.

XVII.

№ 5. Прага. 1840 $\frac{4}{16}$ февр. Воскресенье.

Наконецъ, душенька маменька, я въ Прагѣ.—Напишу вамъ хоть нѣсколько строчекъ, пока мнѣ вычистятъ платье. Вечеромъ буду имѣть, вѣроятно, болѣе времени; а теперь—хоть нѣсколько строкъ.

Вчера въ 11 часовъ утра я оставилъ Дрезденъ. Мнѣ расхвалили его до того, что онъ мнѣ вовсе не понравился. Притомъ же всѣ драгоцѣнныя собранія открыты бываютъ только лѣтомъ; слѣдовательно немногимъ было и любоваться. Я обѣгалъ городъ, осмотрѣлъ главныя церкви, посѣтилъ театръ; два Kafe-haus'а, пересчиталъ до сотни сапожныхъ лавокъ, полюбовался Эльбою и окрестностями города съ Эльбскаго моста,—и въ дорогу. Когда буду въ Дрезденѣ въ другой разъ, тогда осмотрю и собранія, и Саксонскую Швейцарію; а теперь лучше всего было ѣхать скорѣе въ Прагу.

Дорога отъ Дрездена до Праги очаровательна. Идетъ между горъ и по горамъ и безпрестанно раскрываетъ новые очаровательные виды. Чѣмъ ближе къ Австрійской границѣ, чѣмъ высота горъ чувствительнѣе, виды красивѣе. Въ Петерсвальдѣ—на границѣ—снѣгъ и холодъ, точно зима, между тѣмъ какъ въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ я гулялъ во одномъ сюртукѣ и вокругъ все уже начинаетъ зеленѣть. Точно зима,—и какъ хороши эти горы и ели, покрытыя густымъ пластомъ инея, какъ пріятно глядѣть на нихъ изъ долины. Въ Петерсвальдѣ Австрійская таможня: записали наши паспорты, и осмотрѣли вещи. Мнѣ говорили, что этотъ осмотръ бываетъ не безъ непріятностей для проѣзжихъ; кажется, это неправда: всѣ мои вещи были уложены въ 2-хъ Reisesack'ахъ, и если бы захотѣли осмотрѣть ихъ подробно и проворно, то бѣднымъ книгамъ навѣрно бы досталось, да и платье могли порвать. Ничего этого не было: на вопросъ чиновника, что я везу съ собою, я отвѣчалъ: «Платье, бѣлье, книги, тетради,—и если вамъ угодно осмотрѣть, то я выну все,—мнѣ бы только желалось, что-бы я вынималъ самъ, потому что незнающій можетъ что-нибудь испортить».—«Вы путешествуете»? спросилъ меня чиновникъ. «Да». «Писемъ у васъ нѣтъ»?—«Есть письма, которыя я получалъ отъ знакомыхъ и родныхъ».—«А запечатанныхъ писемъ къ кому-нибудь нѣтъ?»—«Нѣтъ».—«Ну, я не буду трогать вашихъ вещей: увѣренъ, что вы говорите правду». Я поблагодарилъ чиновника словами,—и, оставивши свои вещи на произволъ кондуктора, побѣжалъ обѣдать, потому что очень проголодался. Къ 5-ти часамъ все было готово къ отъѣзду,—и по звуку трубы мы усѣлись въ карету. Карета была уже не Саксонская, а Австрійская, порядочная, но не столько покойная. То-ли дѣло наши Русскіе дилижансы! Впрочемъ и Австрійскіе имѣютъ свое доброе: не смотря на гористую дорогу, мы

ѣхали очень скоро, по Русски, не такъ какъ въ Пруссіи, гдѣ иногда не знаешь, за что и считать себя—за гуся ли, котораго везутъ въ городъ на продажу, или за какой другой товаръ. Мало-по-малу стемнѣло, и мѣсяца было не видно за туманомъ; но я не переставалъ глядѣть и смотрѣть. Я былъ въ Богеміи: могъ ли я спать? Подлѣ Кульма я выскакивалъ изъ дилижанса, что бы лучше видѣть поле сраженія и три памятника въ память этого сраженія. Далѣе любовался Тёплицемъ, еще далѣе Лауномъ; еще далѣе всякой деревушкой, потому что всякая хатка напоминала мнѣ Русь. Въ 7-мъ часу утра мы подъѣхали къ горамъ, окружающимъ Прагу, въ 8-мъ были въ Прагѣ. Когда-то сердце мое трепетало, когда я подъѣзжалъ къ Москвѣ: теперь оно также трепетало. И въ самомъ дѣлѣ Прага имѣетъ сходство съ Москвою. Чудный городъ! Не знаю, какимъ я найду его, когда осмотрю лучше; а теперь онъ для меня лучше не только Дрездена и Лейпцига, но и самаго Берлина. А чего стоитъ одно то, что, проходя по улицѣ, слышишь Славянскіе звуки и даже Московскій напѣвъ.

$\frac{5}{17}$ [1]) февр. Понедѣльникъ.

Не спавши позапрошедшую ночь въ дорогѣ, я не могъ не хотѣть спать, и воротившись домой (въ гостинницу Голубой Звѣзды, гдѣ я остановился), легъ. За то всталъ сегодня рано и здоровый, хоть опять не спать цѣлую ночь. Вотъ какъ провелъ я вчерашній день: одѣвшись, я поѣхалъ къ Шафарику, былъ имъ обласканъ, и проговорилъ съ нимъ часа два. Я понимаю, когда онъ говоритъ по Чешски; онъ понимаетъ, когда я говорю по Русски; слѣдовательно можемъ разговаривать безъ труда. Отъ него я получилъ письмо, писанное вами 31 декабря (1 января): прежняго онъ не получалъ. Сказавши, что бы я приходилъ къ нему въ 3 часа, чтобы вмѣстѣ идти въ Чешскій театръ, онъ далъ мнѣ своего сынка, чтобы онъ проводилъ меня домой. Дома я пообѣдалъ, потомъ пошолъ бродить, зашелъ въ кофейню и выпилъ чашку шоколаду, и къ 3 часамъ поспѣлъ къ Шафарику. Онъ видѣлъ меня изъ окна, и вышелъ на встрѣчу: добрѣйшій человѣкъ, онъ обращается со мною, какъ родной. Вышла потомъ жена съ дочушкою, и въ 4-хъ мы пошли въ театръ. Чешскій театръ бываетъ только по воскресеньямъ и то отъ 4 до 6 часовъ, потому что въ 6 начинается Нѣмецкій. На этотъ разъ былъ данъ Quodlibet: пѣли куски изъ оперъ, кое-что танцовали и пр. Стракатый, Подгорска, Геснерова и Бекъ поютъ прекрасно; танцовщицы плохи. Театръ былъ биткомъ набитъ. Изъ театра пошли опять къ Шафарику, и пили чай, приготовленный по Русски. Пришелъ Докторъ Станекъ [2]). Говорили о квартирѣ для меня: изъ разговора я увидѣлъ, что Шафарикъ былъ у Станка утромъ, и что Ста-

[1]) Въ подл. $\frac{5}{17}$.

[2]) Vaclav Staněc—врачь по спеціальности, литераторъ.

некъ пріискалъ уже для меня комнату. Теперь я жду его, и пойдемъ смотрѣть. Я просидѣлъ у Шафарика до 8 часовъ, и, воротившись домой, легъ спать. Многое снилось и многое бы хотѣлъ я пересказать вамъ; но словъ нѣтъ...

О въюгахъ Харьковскихъ я читалъ еще въ Берлинѣ, и добрая Анна Сергѣевна [1]) утѣшала меня.—О недостаткѣ денегъ, душенька маменька, не беспокойтесь: еще учусь экономничать; но и, учившись, не имѣлъ недостатка. Денегъ, которыя повезъ изъ Харькова, еще остается можетъ быть мѣсяца на два... а вотъ позвольте перечту... Безъ малаго 200 рублей. Кажется на два мѣсяца не должно стать. [Впрочемъ не беспокойтесь: деньги будутъ у меня. Можетъ быть уже и лежатъ на почтѣ][2]).—За письма ко мнѣ платите только до границы; а за мои письма вамъ придется платить не болѣе 2-хъ рублей асс. даже менѣе. Для полученія процентовъ точно надобно посылать въ банкъ самый вексель. На всякій случай не мѣшаетъ написать письмо къ Андрею Львовичу Цвѣтаеву (въ Москвѣ, въ приходѣ Николы на Драчахъ, въ собств. домѣ): онъ служитъ по этой части, и помогалъ мнѣ получить вексель.—Ивану Петровичу напишу можетъ быть съ этимъ письмомъ, а если не съ этимъ, то съ слѣдующимъ.—

Цѣлую ручки ваши, милая маменька. Прощайте до слѣдующаго письма.

— Вотъ я и съ квартирой. Станекъ пришелъ ко мнѣ; съ нимъ пошли мы на квартиру, — и кончили. За большую комнату съ отопленіемъ, прислугой и мытьемъ бѣлья плачу — 12 гульденовъ, т. е. около 24 рубл. И адресъ мой: In Prag. Roszmarkt № 834, Chahrhaus. 3 Treppen hoch. Bey bem Kaufmann Klinkaček.—Оттуда ходили въ полицію, и взяли Aufenhaltsschein на 3 мѣсяца. Завтра переѣду на квартиру, — и стану заниматься. Благословите, маменька!

Пожалуйста номеруйте, маменька, ваши письма, что-бы я зналъ, буду ли всѣ получать: полученное мною буду считать № 1-мъ [3]).

При въѣздѣ въ Прагу взяли у насъ паспорты, и дали такую бумажку.

N-ro. 114 Pasz-Rezepisse für Eilwagen. Angekommen den 16/2 1840.

Jedermann hat nicht nur sogleich bei der Ankunft an dem Stadtthore seinen Pasz abzugeben, sondern auch binnen 24 Stunden wegen des vorgeschriebenen Aufenthaltscheines sich bei der k. k. Stadthuptmannschaft ganz unfehlbar gegen Vorweisung dieses Zettels, unter der dieszfalls bestehenden Ahndung zu melden.

(Тоже по Чешски, Франц. и Итальян.)

---

[1]) Соколова, жена Берлинск. свящ. Д. В. Соколова.

[2]) Помѣщенное въ скобкахъ [ ]—приписка на полѣ.

[3]) Приписка на полѣ. Слѣдующее послѣ этого записано на отдѣльномъ листкѣ, вложенномъ въ письмо.

(На другой сторонѣ)

Aufenthaltsschein

für

Ismail Sreznewski

gebürtig aus Iaroslaw im Russland

versetzen mit Pasz von

wohnhaft in

gültig auf

Bei jeder Veränderung der Wohnung, wie auch bei Ausgang der Aufenthaltsfrist, ist dies hierorts zu melden

Von der k. k. Stadthauptmannschaft

Prag den 1840

По пріѣздѣ къ Почтов. двору, вновь осмотрѣли наши вещи.

Остановившись въ Гастгаузѣ подъ вывѣскою blauen Stern отъ меня потребовали отвѣтъ на записку слѣд:

Meldzettel Billet d'Annonce

(на Фр. и Нѣм. яз.)

Bei mir Gestadverlasser (?) ist heute eingekehrt:

Stadtviertel Haus N ro Hausschild

Nennet sich Ismail Sreznewski.

Charakter oder Nährung Adjunctprofessor

Geburtsort und Vaterland Iaroslaw in Russland

Alt 27

Religion Griec.—Catholique

Stand (ledig, verheirathet, verwittwet) ledig.

Kommt von Dresden

Gedenket hier zu bleiben 1 Monath

Allein oder mit Allein

Hat Pasz oder Urkunde von Hat Pasz

Reiset von hier nach Wien.

Prag den 1840.

XVIII.

№ 6. Прага, 1840. $\frac{11}{23}$ Февраля.

Вотъ и недѣля какъ я въ Прагѣ,—и дай Богъ, что-бы всѣ недѣли прошли въ ней для меня такъ, какъ прошла эта. Радушно, родственно принимаемый, покойный, здоровый, прилежный, я не могъ быть ничемъ собою недоволенъ, ни тѣмъ менѣе не могъ быть недоволенъ другими.

Встаю рано—въ 7-омъ часу. По голосу моего звонка дѣвушка приходитъ топить печь (топится въ моей комнатѣ по 2 раза въ день по немного, потому что очень холодно—доходитъ, можетъ быть до 10°, такъ холодно, что Молдава, передъ моимъ пріѣздомъ совершенно растаявши, опять покрылась по берегамъ довольно толстою корою льда; время впрочемъ стоитъ ясное). Между тѣмъ какъ я умываюсь, мнѣ готовятъ кофе, и черезъ пять минутъ приходитъ старушка няня, точный портретъ нашихъ русскихъ нянь, съ кофе, а съ нею приходятъ и два милыхъ мальчика, сыновья моего хозяина, поздороваться со мною. Потомъ я остаюсь одинъ и занимаюсь. Почти всегда до самаго обѣда я дома. Обѣдать мнѣ ходить недалеко: стоитъ спуститься по тремъ лестницамъ внизъ: тутъ за очень умѣренную плату имѣю три кушанья, довольно чисто приготовленныхъ. Послѣ обѣда или иду домой спать или изъ дому гулять. Въ три часа приходитъ ко мнѣ І. Франта Шумавскій [1]), съ которымъ занимаемся мы по Чешски и по Русски. Вечеромъ рѣдко остаюсь дома; иду или къ Шафарику или къ Станьку или куда нибудь со Станькомъ. Въ половинѣ 9-го я опять дома, и прямо къ хозяину, болтаю съ нимъ и его женою, играю съ дѣтьми. Потомъ, въ половинѣ 10-го, отправляюсь въ свою комнату заниматься—и въ 12-мъ часу гашу свѣчку. Изъ Чеховъ ученыхъ болѣе всего сошелся я съ докторомъ Станькомъ: хоть на короткое время, а непремѣнно видимся съ нимъ каждый день, никакъ не думая считаться визитами. Дома я—точно дома: дверь изъ моей комнаты въ хозяйскую не запирается, а выходя изъ дому запираю только дверь въ переднюю; хозяйка сама смотритъ за чистотою въ моей комнатѣ; вечеромъ иногда безъ церемоніи и ужинаю съ ними или пью пиво, впрочемъ пиво мнѣ не нравится, а ужинать я совершенно отвыкъ; когда въ это время я сижу въ хозяйской комнатѣ, то маленькую дочьку хозяйскую убаюкиваютъ въ моей комнатѣ, и т. д. Если что мнѣ нужно, стоитъ только слово сказать хозяину или Станьку, какъ все готово.

Вчера вечеромъ я былъ у Станька. Чтобы познакомить меня съ молодыми Чешскими литераторами, онъ созывалъ ихъ всѣхъ къ себѣ. Пили чай по Русски. Сестра жены Станька, миленькая дѣвушка, прекрасно играющая на фортепіано и прекрасно поющая, пѣла старинныя Чешскія пѣсни, потомъ Соловья Дельвига и «Сладко пѣлъ душа соловушко» Лажечникова (видите, я не напрасно повезъ съ собою ноты). Послѣ сѣлъ за фортепіано одинъ изъ литераторовъ и подъ его акомпанеманъ все общество стало пѣть народныя Чешскія пѣсни: чудный хоръ, человѣкъ 12 басовъ и теноровъ. И такъ далѣе,

---

[1]) Іос. Фр. Шумавскій (1796—1857) — филологъ и литераторъ; имъ составленъ Deutsch-böhmisches Wörterbuch (1843) и начато изданіе большого словаря Славянскихъ нарѣчій «Wörterbuch der Slawisch. Sprach. in den sechs Hauptdialekten.»

и такъ далѣе. Всѣ рады были знакомиться со мной, всѣ говорили отъ души. Литературное братство Славянъ могущественное братство: я это испытываю на себѣ, и душевно благодарю ихъ за пріязнь. Особенно нравится Чехамъ моя терпимость, мое правило «почитать и власть политическую, оставаясь вѣрными подданными отечества, почитать и народность». Въ политическомъ отношеніи мы всѣ Европейцы, въ народномъ—Славяне. Въ обществѣ нашемъ есть и Поляки,—и, повѣрите ли, Маменька, рука въ руку съ каждымъ изъ нихъ, я остаюсь Русскимъ, онъ Полякомъ, и дружны. «Мы Славяне»: это слово примиряетъ враговъ... я это испытываю уже не первый разъ: въ Лейпцигѣ сошелся я такъ же съ Поляками, и мы были друзьями, разстались друзьями... Германцы не составляютъ вѣдь одного государства, а могутъ быть Германцами-братьями одной крови: такъ могутъ быть братьями и Славяне; а что до Поляковъ, то, Богъ дастъ, они будутъ со временемъ и болѣе нежели братьями Русскихъ.

$\frac{12}{24}$ Февраля.

Вчера вечеромъ... опять вечеромъ! Нѣтъ лучше начну съ утра. Вчера утромъ я отправился съ хозяиномъ бродить по церквамъ. Заходили во многія, пока дошли до собора св. Вита. Церквей въ Прагѣ еще много. Прежде было еще больше, и почти столько же монастырей; но уничтожены, и превращены въ казармы или въ больницы, или въ присутственныя мѣста, или во что нибудь подобное. Многія изъ церквей очень велики и хорошо украшены. Впрочемъ ни одна изъ нихъ не можетъ быть сравнена съ соборомъ св. Вита. Подобнаго храма за границей я еще не видалъ. Онъ построенъ въ готическомъ вкусѣ, и изумителенъ смѣлостью и легкостью архитектуры и богатствомъ украшеній. Вотъ его форма... [1]).

Колонны какъ будто изъ гигантскихъ тростниковъ поддерживаютъ середину храма и второй этажъ, опирающійся на этихъ колоннахъ весь прозраченъ и отдѣланъ какъ игрушка. За колоннами ходъ довольно широкій и вдоль по всему ходу кругомъ множество капеллъ, посвященныхъ разнымъ святымъ. Во время проповѣди мы ходили по церкви и осматривали ее. Потомъ началась обѣдня, и мы заняли мѣсто на первой лавкѣ. Я молился съ благоговѣніемъ, величественные звуки огромнаго органа, сопровождаемые прекраснымъ оркестромъ и хоромъ, не могутъ не внушать благоговѣнія. Постараюсь посѣщать св. Вита довольно часто. Жаль только, что далеко: отъ Конскаго торга, гдѣ я живу, надобно идти различными улицами и уличками довольно далеко до мосту, потомъ длиннымъ, длиннымъ мостомъ (что на картинѣ у Ив. Петр.), потомъ улицами

[1]) Въ подлинникѣ слѣдуетъ рисунокъ.

до горы, гдѣ замокъ, сходцами въ 220 ступеней на гору и по горѣ различными изворотами. За мостъ, т. е. на малую страну, я хожу очень рѣдко. Видъ съ замковой горы на городъ превосходенъ; видъ съ моста на гору таковъ же. — Послѣ обѣда я былъ въ Чешскомъ театрѣ: давали мелодраму «Саломоновъ судъ»; музыка очень хороша, но пьеса и игра актеровъ прежалкая, такъ, въ родѣ Харьковской. Изъ театра пошелъ къ Шафарику. Потомъ домой, прежде къ хозяину потомъ къ себѣ, и довольно рано легъ спать. За то сегодня рано всталъ...

Пожалуйста, милая Маменька, пришлите мнѣ слова «Сладко пѣлъ душа соловушко»: я не взялъ съ собою Новика, жалѣю, да нечего дѣлать, а теперь эта пѣсенька нужна. Кто нибудь изъ нашихъ знакомыхъ перепишетъ ее.

Поклонитесь отъ меня всѣмъ, кто меня не забылъ. Цѣлую ручку вашу.

Из. Срезневскій.

XIX.

№ 6. Прага, $\frac{23\ \text{Февр.}}{7\ \text{Марта}}$ 1840.

Живется кое-какъ, мало-по-малу; день за днемъ, недѣля за недѣлей идутъ, пройдутъ и мѣсяцы. Не бываетъ очень весело, не бываетъ и скучно. Утро безвыходно дома; послѣ обѣда хожу гулять по стѣнамъ города, потомъ опять домой, и вечеромъ, если не у Шафарика или Станька, то всетаки дома: большею частію дома. Многое, многое надобно перечесть, многое записать; да и безъ того нѣтъ охоты шляться.

Не безъ исключеній впрочемъ. За недѣлю былъ я на одномъ масличномъ вечерѣ. Масленица или мясопустъ католическій продолжался до прошлой середы, чуть-ли не семь недѣль, и въ послѣдніе дни заставилъ по обычаю шумѣть, пѣть, плясать, всячески веселиться, и особенно плясать, всю Прагу. Съ пяти, даже съ 4-хъ часовъ по полудни начинались эти танцы, и продолжались—безпрестанно—вы не угадаете, милая Маменька, до какихъ поръ... до ночи? нѣтъ; до утра? чуть-чуть не до полудня. Въ улицахъ тихо, души не видно и не слышно; а пройдите по этой заглохшей улицѣ и изо всякаго дому услышите музыку или пѣсни. Неутомимость здѣшнихъ плясуновъ и плясуней невѣроятна всякому, кто не изъ ихъ числа. Такъ и я былъ приглашенъ на одинъ изъ такихъ вечеровъ-сутокъ. Гдѣ-то въ концѣ города подъ Вышеградской скалою живетъ тотъ мѣщанинъ, у котораго собралось это общество: въ комнатѣ верхняго этажа плясали, въ комнатѣ нижняго этажа курили, пили пиво, пѣли. Общество было незавидное, хоть отчасти и изъ литераторовъ здѣшнихъ; но для меня любопытное. Пѣли большею частію пѣсни народныя, нерѣдко глупыя по содержанію, но вообще прекраснаго напѣва: сходство съ Малороссійскими удивительное, и напѣвы еще музыкальнѣе. И танцовали

большею частію народные танцы—разнаго рода вальсы въ $^{2}/_{4}$, напр. польку, рейдовакъ, рейдовачку, фуріантъ и т. п. Дамы всѣ вообще ловки, и слѣдовательно смотрѣть было весело. Въ антрактахъ подавали кофе, чай, кобличи или крапфены (что-то въ родѣ аладій съ вареньемъ, обыкновенное здѣшнее пирожное или какъ тутъ называютъ мучное кушанье мэльшпеизе) и т. д. Гостепріимство истинно Славянское; простота и безцеремонность даже болѣе нежели Славянская, мѣщанская. И я пробылъ тамъ, хоть и не танцовалъ, до... до 4-хъ часовъ утра, пока нашелъ себѣ провожатаго домой, потому что самъ не съумѣлъ бы найдти путь домой. Мнѣ бы и веселѣе было, если бы я лучше могъ заставлять себя понимать; а то ломаю, ломаю языкъ, мѣшаю слова и грамматическія формы всѣхъ возможныхъ нарѣчій, а на Чешскій ладъ попадаю развѣ случайно или въ веселую минуту. Впрочемъ я не могу бранить Чешскаго языка только потому что еще не могу выражаться на немъ сколько нибудь прилично: это языкъ очень нѣжный, очень музыкальный.

Въ тотъ же день передъ вечеромъ былъ на Чешскомъ дивадлѣ, т. е. театрѣ; на другой день то-же. Теперь во весь великій постъ Чешскаго дивадла не будетъ, потому что съ 7-ми часовъ Нѣмецкій театръ, а до 7-ми по костёламъ читаются казани, т. е. проповѣди.

Третьяго дня ходилъ въ Замокъ и осматривалъ залы сейма, королевскія—императорскія комнаты, комнаты, гдѣ жилъ Король Французскій Карлъ 10-й, и пр. Порядочно; но великолѣпнаго почти ничего нѣтъ. Коронаціонная зало съ готическимъ сводомъ и убранная народнымъ Чешскимъ цвѣтомъ краснымъ+бѣлымъ, хороша, только узка; Испанская зала съ 35 люстрами также хороша; впрочемъ наши Харьковскія залы (Университетская и Дворянская) гораздо лучше: больше, красивѣе, правильнѣе, проще, благороднѣе. Изъ Замка пошелъ въ Страховъ монастырь. Монастырей въ Прагѣ много; было въ четверо больше, но уничтожены и обращены въ разныя заведенія. Страховъ имѣетъ богатую библіотеку и картинную галерею. Осмотрѣлъ картины, кое-что изъ книгъ, записалъ имя свое по Русски и получилъ надежду бывать лѣтомъ: теперь еще холодно. Кстати: и въ самомъ дѣлѣ холодно, такъ что Молдава кое-гдѣ покрыта еще льдомъ,—и утромъ и вечеромъ бываетъ градусовъ до 8-ми. Въ серединѣ дня тепло, такъ что окно у меня теперь отворено. Дни чудесные: солнце и тихо; франтики гуляютъ въ легенькихъ сюртучкахъ съ открытыми шеями; франтихи въ платьицахъ, впрочемъ съ муфтами на рукахъ. А ужъ франтихъ тутъ, франтихъ! Живучи на конскомъ рынкѣ, лучшей площади въ Прагѣ, по которой ежедневно гуляютъ толпы ихъ около полудня я любуюсь и дивлюсь: если бы прямо изъ Харькова въ Прагу, такъ не зналъ бы, что и подумать объ этомъ множествѣ дамъ, изящно, богато одѣтыхъ. Славянки,

домовой-бы ихъ не взялъ, все Славянки: знать и по поступи, знать и по взгляду, и по вкусу. Это уже не чета Берлину, гдѣ всѣ хотятъ быть радугами: тутъ всѣ вмѣстѣ — одна радуга.

Пора однако закрыть окно (уже 5 часовъ), и перейдти къ другому предмету. Въ Берлинѣ слышалъ я Дрейшока, родомъ Чеха, и считающагося теперь членомъ тріумвирата, гдѣ два другіе члена—Тальбергъ и Листъ. И этого Листа, Юлія Цезаря въ этомъ тріумвиратѣ, я слышалъ въ то-же утро. Дайте, раскажу порядочно. Недѣли за полторы объявили, что будетъ концертъ имѣющаго пріѣхать Листа, и что желающіе имѣть билетъ на 1-е мѣсто за 2 гульдена и на 2-е мѣсто (въ галереѣ) за 1 гульденъ могутъ получить въ музыкальномъ магазинѣ—забылъ чьемъ. По всѣмъ угламъ, по обычаю, прибито было это объявленіе, гдѣ Листъ написанъ былъ буквами вышиною вершковъ въ 5. Я прочелъ, я побѣжалъ въ магазинъ; я записался на 1-е мѣсто съ правомъ получить билетъ, когда пріѣдетъ Листъ, я ждалъ съ нетерпѣніемъ— и дождался. Къ несчастію, я не привыкъ еще помнить, что тутъ нѣтъ нумераціи мѣстъ, и что надобно за нѣсколько часовъ ранѣе приходить, чтобы занять порядочное мѣсто; забылъ, пришелъ тогда, когда зала была уже биткомъ набита. Я догадался однако, пошелъ на 2-е мѣсто, на галерею, добылъ, яко иностранецъ, стулъ, всталъ на него—и увидѣлъ не только все общество нижнее и верхнее, но и самого себя—въ зеркало, висящее на противоположномъ концѣ залы. Зала небольшая, кругомъ ея галерея: пестрядь людей—сельдей такая, что иной бы и вздвигнулъ плечами, да сосѣдъ мѣшаетъ. Ждали, ждали: пришелъ блѣдный, худой, довольно высокій полу-молодой человѣкъ, 2-й экземпляръ Вас. Ник. Гана [1]), раскланялся подъ прямымъ угломъ— и я началъ слушать. Листъ игралъ увертюру Бетховена, свои варіяціи на пѣсню Шуберта (они у васъ есть) и еще что-то. Я слушалъ. Емда! чортъ возьми! лучше меня. Такъ мягко дьяволъ играетъ, что когда уже слухъ отказывается слушать, все еще есть что слышать; такое molle, такое piano, такое sotto voce, и тутъ же такіе пассажи и лѣвой и правой, такое выраженіе, что мнѣ—даже стало завидно, даже перестало быть завидно. Хлопали ему такъ что ушамъ больно было. За то онъ сыгралъ еще двѣ пьесы на прибавокъ, и сыгралъ лучше, нежели то, что сыгралъ по обѣщанію. Съ нимъ пѣла Пани Подгорска и Панъ Стракаты, хорошо, мило; но не то ужъ.—Ну Листъ!—

Цѣлую Вашу ручку, душенька Маменька. Дай Богъ Вамъ здоровья и покою.

Из. Срезневскій.

---

[1]) В. Н. Ганъ—одинъ изъ учениковъ пансіона Роберти (?) или Зимницкаго (?), гдѣ преподавалъ И. И. Срезневскій.

XX.

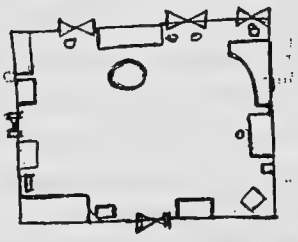
№ 8. Прага. Марта 13. 1840. нов. стиля.

На прошлой недѣлѣ послалъ я письмо къ Вельтману въ Москву и въ немъ письмо къ Вамъ, милая Маменька. Не знаю, какъ скоро Вы получите его; а потому и поспѣшилъ писать къ Ивану Петровичу съ тѣмъ, что-бы написать хоть нѣсколько строчекъ и къ Вамъ. Знаю, какъ [бы] Вы беспокоились обо мнѣ, если-бы долго не получали писемъ отъ меня,—знаю по себѣ...

Да, милая Маменька, по себѣ. Не смѣю укорять Васъ; а право не могу не пожаловаться Вамъ на самихъ Васъ. Какъ-же? До сихъ поръ я имѣю отъ Васъ за границей одно письмо. Вотъ ужь скоро мѣсяцъ живу въ Прагѣ, и только одно. Вѣдь это право горько. Хоть въ Прагѣ-бы мнѣ получать отъ Васъ письма чаще. И наказывать меня молчаніемъ покамѣстъ еще, кажется, не за что: пишу акуратно—дурно пишу; но ужъ видно такъ мнѣ на роду написано, а пишу кажется довольно часто. Ради Бога, душенька Маменька, пишите, пишите. Платить за письма мнѣ приходится не много, не разорюсь, а если-бы и не хватало денегъ, то я лучше откажу себѣ въ какомъ-нибудь другомъ удовольствіи. Какъ мнѣ ни хорошо въ Прагѣ, все не дома, и подъ часъ бываетъ такъ грустно, что не знаю, куда дѣваться. Да и добрые мои пріятели, Метлинскій, Рославскій, Костомаровъ, Лукіановичъ—хороши пріятели! И отъ нихъ заграницей не получалъ еще ни буквы. Пожалуйста скажите имъ, что я еще существую на семъ свѣтѣ, и даже имѣю память, которая знаетъ что за люди Семенъ Семеновичъ, Николай Ивановичъ, Александръ Петровичъ, Амвросій Лукіановичъ. Вотъ какіе это люди: нехорошіе; забыли меня, знать не хотятъ. Я впрочемъ все еще надѣюсь получить отъ нихъ вѣсточку о новостяхъ Харьковскихъ, о новостяхъ литературы Южно-Русской, Русской, о новостяхъ статистическихъ, и о разномъ другомъ, что мнѣ можетъ быть любопытно. Кстати: пожалуйста, Маменька, пришлите мнѣ пѣсню

«Боже, Царя храни» и кое что изъ оперы Жизнь за Царя. Иванъ Петровичъ потрудится переписать на тоненькой бумажкѣ. У меня также нѣтъ словъ «Новика»: хоть бы Амвросій Л. мнѣ переписалъ ихъ.

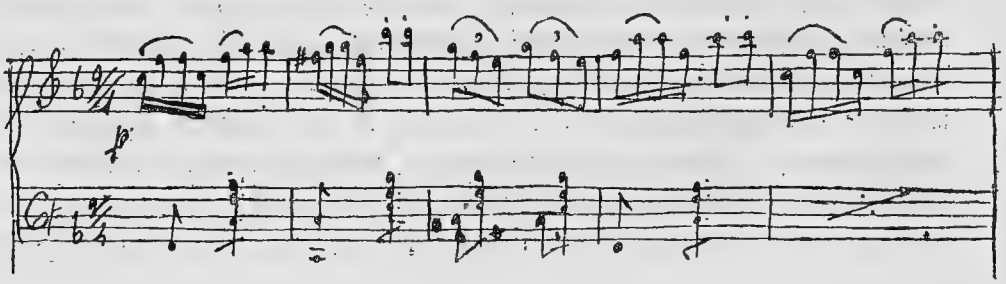
Ахъ, я забылъ было сказать, что въ моей комнатѣ случилось маленькое преобразованіе—по случаю... но вотъ какъ обстоитъ въ моей комнатѣ. Вы сами угадаете, по какому случаю перемѣна:

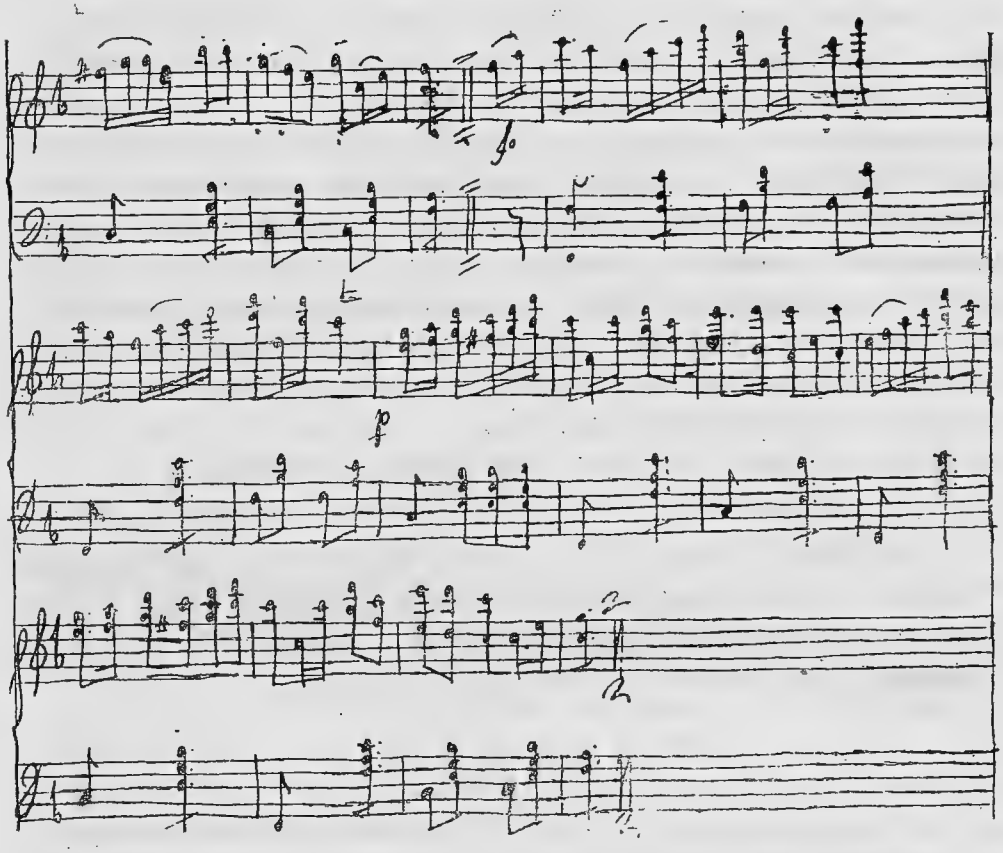


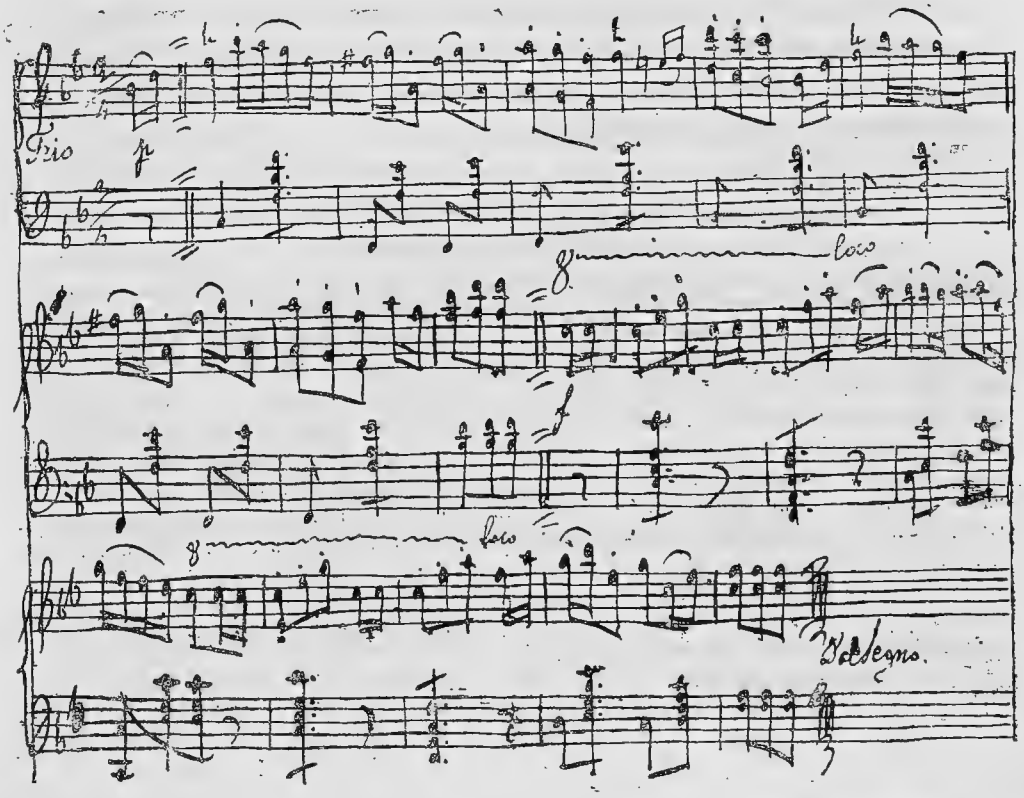
Кровать пошла въ уголъ и подлѣ нея стоитъ маленькій столикъ для свѣчки, а на мѣсто кровати сталъ флигель, и письменный столъ пошелъ къ печкѣ, потому что печка еще топится, и слѣдовательно флигелю было-бы жарко, если-бы столъ оставался на прежнемъ мѣстѣ. За флигель, хорошо сдѣланный и совершенно новый я плачу въ мѣсяцъ немного болѣе 5 рублей асс. Послѣ обѣда я ходилъ прежде въ кофейню; теперь не хожу, слѣдовательно флигель у меня даромъ, да еще и въ остаткѣ нѣсколько крейцеровъ. И какъ бы вы думали, что стоитъ здѣсь такой флигель? 160 гульденовъ—менѣе 400 рублей. Флигель получше нашего.

Я очень доволенъ своей комнатой: большая, чистая, свѣтлая, очень мило меблированная, теплая, на хорошемъ мѣстѣ; и хозяева предобрые люди. Дверь къ нимъ не запирается. Выходя изъ дому, я запираю только наружную дверь. Безъ меня топятъ, безъ меня хозяйка придетъ и оправитъ что нибудь, или, если погода хороша, отворитъ окно. Дѣти не мѣшаютъ: если хотятъ со мной поиграть, то прежде высунутъ потихоньку носы въ двери, и, если я занимаюсь, затворятъ опять. Только утромъ входятъ безъ позволенія, неся со старушкой хозяйкой кофейныя снадобья, съ привѣтствіемъ: «Добрее йитро, Пане! Дэйтэ ми, Пане, губичку! Якъ стэ вы спаль?» (Доброе утро! Поцѣлуйте меня! Какъ вы спали?)

Желая къ Вамъ послать что нибудь изъ Чешскихъ танцевъ, я посылалъ къ Станьку за нотами. Станекъ пришелъ самъ, и принесъ между прочимъ вотъ эту Польку:




fp
p


Trio
fp
loco
f
loco
Dal segno.

Написалъ мерзко, но на этой бумагѣ трудно лучше писать. Извините.— Полька есть тотъ же вальсъ, только очень быстрый, и тактъ какъ видите $^2/_4$. Когда играютъ, то piano играютъ очень тихо, а forte очень громко. Это составляетъ не малую прелесть для танцующихъ. Можетъ M-lle Fanny [1]) съ Марьей Андреевной [2]) попробуютъ потанцевать: руки надобно держать иначе нежели въ обыкновенномъ вальсѣ; кисть руки, и правой и лѣвой, кавалера должна быть подъ локтемъ руки дамы, а рука дамы обвиться вокругъ руки кавалера и придерживаться кистію за локоть кавалера. Кажется, ясно? Иногда танцуютъ и такъ: одну руку подпереть подъ бокъ, а другою обнять даму, какъ въ обыкновенномъ вальсѣ; дама тоже должна подбочениться. Танцовать надобно очень, очень, очень скоро.

Прощайте, душенька Маменька.

И. Срезневскій.

Вчера былъ у меня Ганка и потомъ вмѣстѣ пошли въ Виндицкую Семинарію. Сегодня отнесу письмо на почту и пойду къ Ганкѣ; а послѣ обѣда къ Станьку, гдѣ будутъ Шафарикъ, Ганка, Челяковскій [3]), Палацкій и Амерлингъ [4]). Въ воскресенье иду въ концертъ консерваторіи [5]).

XXI.

№ 9. 1840. Марта 16-е Суббота. Прага.

Приготовляясь писать къ Вамъ, милая Маменька, письмо, съ тѣмъ чтобы въ немъ поздравить Васъ съ праздникомъ Св. Хр. Воскр., я сталъ самъ не свой. Пишу—и не пишется: то мнѣ кажется, что въ этой комнатѣ на право живете Вы, душенька Маменька, и вотъ уже я хочу идти туда; то

---

[1]) Ф. С. Питра.

[2]) М. А. Аничкова, по мужу Носачева.

[3]) Францъ Ладиславъ Челяковскій (Fr. Lad. Čelakovský)—извѣстный панславистъ—сотрудникъ Коллара, поэтъ, литераторъ и филологъ. Какъ поэтъ Челяковскій получилъ извѣстность, благодаря своей книгѣ «Ohlas písní ruskych» (Отголосокъ Р. пѣсенъ.), имѣвшей громадный успѣхъ при своемъ появленіи (1829) и до сихъ пользующейся почетомъ. Другія его поэтическія произведенія: Smíšeně básně, Ohlas písní českych, Ruže stolistá и др. Изъ его трудовъ слѣдуетъ указать на Slovanské národni písně, изданныя въ первые годы его лит. дѣятельности (1822—27), и обратившія на себя общее вниманіе. Челяковскій, сначала жившій корректурой и переводами, съ 1834 г. занялъ мѣсто редактора Пражскихъ Новинъ и послѣ Чешской Пчелы; въ 1842 г. достигъ профессуры и занялъ каѳедру Славянскихъ языковъ въ Бреславлѣ и Прагѣ; въ это время имъ изданы: сборникъ пословицъ, чтенія о сравнительной Слав. грамматикѣ, чтенія о начаткахъ Слав. образованности и лит. (род. 1799, ум. 1852).

[4]) Karel Amerling (род. 1807)—техникъ-теоретикъ, дѣятель по техническому образованію въ Чехіи. Былъ директоромъ Главной Чешской школы въ Прагѣ; ранѣе состоялъ ассистентомъ при проф. Преслѣ (J. Sv. Presl).

[5]) Приписано на полѣ.

стрѣлою перебѣжитъ по уму мой дальній, кривой путь изъ Харькова въ Прагу, вспомню гдѣ былъ я, и гдѣ уже тутъ быть увѣрену, что Вы близко! По неволѣ станетъ грустно. Къ иностранцамъ я привыкнуть не могу, да и вообще къ чужимъ привыкаю трудно; а я одинъ между чужими и далеко отъ Харькова и васъ: по неволѣ станетъ грустно.... А все мнѣ кажется, что Вы тутъ въ комнатѣ на право,—и мнѣ чудятся послѣдніе дни Вел. поста, эти домашнія заботы, это ожиданіе великаго праздника, и звонъ колоколовъ—не здѣшнихъ колокольчиковъ, и служба, и пасха, и красныя яйца, и сыръ.—Цѣлую Вашу ручку, милая Маменька,—и дай Богъ Вамъ встрѣтить, а если уже встрѣтили, то провести свѣтлый праздникъ покойно и весело. Какъ я его проведу—не знаю, думаю, по обычаю,—дома.

Я по прежнему по большей части дома: выхожу только къ Шаффарику, Ганкѣ, Юнгману, Палацкому, Челяковскому, Станьку, Аммерлингу, Каубку [1]), и то часто бываю у трехъ-четырехъ въ одинъ и тотъ же вечеръ. Не забываютъ и они меня: Ганка заходитъ по два раза въ недѣлю, и все еще продолжаетъ меня дарить то тѣмъ, то другимъ. Юнгманъ подарилъ мнѣ свой Словникъ; Шаффарикъ также приносилъ мнѣ почти всякій разъ что-нибудь новое. Обдариваемый, я не знаю, чѣмъ отдаривать и не могу не досадовать, что оставилъ свой чемоданъ въ Петербургѣ. У Челяковскаго я беру уроки ежедневно: онъ очень хорошо знакомъ со всѣми нарѣчіями Славянскими и надъ сравнительной грамматикой и этимологіей трудился очень много. Съ Ганкой разговариваемъ по Русски; съ Каубкомъ (профессоромъ Чешскаго языка въ Университетѣ здѣшнемъ) по Малороссійски. Говорить по Чешски начинаю — по крайней мѣрѣ уже понимаютъ, но читать до сихъ поръ я не выучился— такъ трудно, хоть и вовсе не трудно произнести каждый звукъ отдѣльно. По Нѣмецки—гм! Изъ всего времени, что я въ Германіи, едва-ли случилось мнѣ говорить по Нѣмецки 50 часовъ. Отчасти не хорошо, что я сижу дома: гораздо скорѣе могъ бы научиться говорить по Чешски; но и выходить изъ дому не хочется, и выходить некуда: съ юными литераторами здѣшними сближаться не хочу; какъ они ни бѣдны, а все же сходятся въ кофейныхъ домахъ и т. п., и нѣкоторые большіе охотники до политики: врагъ политики и кофейныхъ обществъ, я не нахожу съ ними предмета для разговора, и сижу дома.

Что до концертовъ и сцены, вотъ это другое дѣло. Чуть только прочту объявленіе о чемъ нибудь хорошемъ, тотчасъ справлюсь съ карманомъ — маршъ. О концертахъ Лишта я уже писалъ. Теперь три воскресенья съ ряду

---

[1]) Jan Pravoslav Koubek (1805—1854)—докторъ философіи (съ 1848 г.), проф. Чешскаго яз. и литературы въ Пражскомъ унив.; Коубекъ извѣстенъ также какъ литераторъ и какъ переводчикъ Русскихъ и Польскихъ поэтическихъ произведеній.

дают концерты ученики Консерваторіума: на сцену выступают инструментов 50, и всѣ какъ одинъ. Утонулъ бы въ наслажденіи, если-бы не эта смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній, отъ которыхъ несетъ то масломъ, то сыромъ, то клеемъ, то политикой (и музыка безъ политики не музыка), то глупостью—и болѣе всего и чаще всего этою послѣднею. Можетъ же существовать такой глупой народъ!—Въ театрѣ публика таже. Недавно я былъ на Валленштеинѣ: его игралъ Бейеръ, рожденный для этой роли, и лучшій во всей Европѣ актеръ для такого характера; жаль, что женщины, которыми онъ былъ обставленъ, были обыкновенной породы, и что Текла была настоящая Θёкла.

А вчера—ахъ, нѣтъ, третьяго дни—передъ моими окнами на площади былъ парадъ. Главнокомандующій Чешскій, сдавая мѣсто другому, прощался съ войскомъ. Зрѣлище прекрасное: тысячь 6 войска, и тысячь 10 народа. Лица солдатъ прекрасныя, но позитура, поступь, маршъ, правильность движенія... самые костюмы... Нашъ солдатъ немного грубѣе, за то во сто разъ воинственнѣе. Эти выстраиваются рядомъ какъ сороки—случайно. Музыка военная,—ну, здѣсь наши—пассъ: музыка прекрасная. Я слышу ее довольно часто: по здѣшнему прекрасному обычаю умершаго солдата провожаютъ до могилы его товарищи и музыка,—и почти каждый день везутъ покойника солдата мимо моихъ оконъ. Эту музыку нельзя слушать безъ удовольствія. За то нельзя слушать безъ смѣху писку командующихъ офицеровъ: когда они начинаютъ кричать команду, голосъ ихъ раздваивается, и одна часть пищитъ $^1/_4$ тона выше, другая $^1/_4$ тона ниже. Это очень занимательно.

Погода здѣсь удивительная: вчера напримѣръ былъ прекрасный день, а сегодня валитъ снѣгъ.

Маменька! Вотъ уже слишкомъ полтора мѣсяца какъ я въ Прагѣ, а до сихъ поръ все еще не получаю отъ Васъ письма. Вѣдь это—горемъ горе. Ради Бога пишите чаще; уѣду изъ Праги, тогда еще труднѣе будетъ мнѣ доставать письма отъ Васъ. Я уже три раза перечиталъ прежнія ваши письма въ Петербургъ и единственное къ Шаффарику. Адресуйте на имя Шаффарика. Stephans Gasse, № 614.

Еще разъ цѣлую Вашу ручку.

Из. Срезневскій.

XXII.

№ 10. Прага, 2-е Апр. 1840.

Не знаю, къ какому времени придетъ—пришла эта посылочка; а, посылая ее къ Вамъ, милая Маменька, мнѣ хотѣлось, что-бы Вы ее получили не позже 21-го Мая. Это—день Вашего Ангела. Вò-время или не вò-время, но поздравляю Васъ съ нимъ, и, цѣлуя Вашу ручку, желаю и молю Бога, да

сохранитъ онъ Ваше здоровье и покой. О счастіи ни слова: не Вамъ, душенька Маменька, быть счастливою безъ дѣтей, сколько они ни огорчали Васъ. Еще молю Бога, что-бы скорѣе прошли годы моей разлуки съ Вами: за исключеніемъ немногихъ наслажденій, очень естественныхъ человѣку, который между другими слабостями имѣетъ и страсть къ новизнѣ, эти годы тяжелы мнѣ, и выкупятся развѣ въ будущемъ — воспоминаніями, и, если Богъ поможетъ, исполненіемъ хоть кое-чего изъ того, что теперь предполагаю сдѣлать, воротившись домой.

Боже Васъ сохрани, Маменька, сердиться на меня за издержку: во первыхъ она слишкомъ малозначуща, а во вторыхъ я теперь денежный человѣкъ: получилъ изъ министерства деньги и имѣю 1000 гульденовъ на 5 мѣсяцевъ. Скупясь издерживать деньги на платье и ѣду, я въ правѣ не скупиться на книги и т. п. Притомъ-же ноты здѣсь такъ дешевы, что въ Россіи надобно за нихъ платить по крайней мѣрѣ вдвое, не говоря уже о томъ, что не только въ Харьковѣ, но и въ Петербургѣ даже нельзя достать послѣднихъ новинокъ. Дешевизна нотъ можетъ мнѣ позволить даже услужить кому-нибудь: вотъ почему я выставилъ на каждой тетради цѣну—безъ раббата (уступки), который всегда дается тому, кто покупаетъ въ большомъ количествѣ; а мнѣ онѣ стоили еще дешевле. И представьте, Маменька, мою досаду. Что-бы продать мнѣ эти ноты, купецъ присылалъ мнѣ цѣлыя кипы, которыя лежали у меня недѣли. Таковъ Германскій обычай,—и что если бы я умѣлъ играть аливруверъ!.. Не упускаю за то случая просматривать книги, которыя получаю отъ книгопродавцевъ въ надеждѣ, что я выберу изъ нихъ что-нибудь. Что до пересылки, то для этого есть, кажется, надежное средство: въ Бродахъ и Радзивиловѣ, слѣдовательно по обѣимъ сторонамъ Австрійско-Россійской границы, имѣетъ домы купецъ Данилъ Гартенштейнъ, который берется исполнять такія порученія. Эта первая попытка моя будетъ образцемъ того, какъ онъ исполняетъ ихъ. Письмо отправили сегодня, посылку на этой недѣлѣ... Вы не забудете, Маменька, увѣдомить меня когда получили.

Между нотами найдется кое-что для Амвросія Лукіановича [1]) и Наденьки [2]) или Катиньки [3]). Да не гнѣвается fra Ambrosio [4]), что я посылаю ему такъ мало: на другой разъ будетъ больше.

Прощайте, Маменька! Гдѣ я буду 21-го Мая и какъ проведу этотъ день, увѣдомлю.

Измаилъ Срезневскій.

---

[1]) А. М. Метлинскій.
[2]) Н. Е. Топчіева.
[3]) Вѣроятно Кат. Андр. Аничкова, впослѣдствіи вышедшая замужъ за г. Дьяченко, проф. Кіевскаго университета.
[4]) А. Л. Метлинскій.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе Марьѣ Андреевнѣ [1]) и Марьѣ Яковлевнѣ [2]), если онѣ еще въ Харьковѣ, Маѳеѣ Ивановнѣ [3]) и Григорію Григорьевичу [4]), Марьи Ѳедоровнѣ [5]) и M-lle Fanny [6]) и всѣмъ, всѣмъ.

Если кто захочетъ переслать что нибудь, то да посылаетъ на имя Гартенштейна въ Радзивиловѣ, и проситъ его передать или мнѣ, или Шафарику (Stephans Gasse № 614) [7]).

Списокъ нотъ [8]):

S. Thalberg.	1)	Mi manca la voce.
	2)	La Cadence. op. 36.
	3)	Fantaisie. op. 37.
A. Dreyschock.	4)	Souvenir. op. 4.
	5)	Scene romantique. op. 9.
	6)	Campanella. op. 10 (знаменитая).
F. Liszt.	7)	Rákóczy indulójá.
	8)	Sey mir gegrüsst.
	9)	Ave Maria.
	10)	Die Rose.
	11)	Die Taubenpost (знаменитая).
I. Strauss.	12)	Rosen blätter. op. 115.
I. Lanner.	13)	Liebes-träume. op. 150.
	14)	Quadrille. op. 152.
I. Labitzky.	15)	Potpourri-böhmische.
	16)	» polnische.
	17)	» russische.
V. Tomaschek.	18)	Tre Allegri. op. 84.
	19)	
	20)	

Если что нибудь хотите, Маменька, имѣть изъ нотъ, то не покупайте въ Харьковѣ, а напишите мнѣ,—и хоть не очень скоро, а получите—и гораздо дешевле, и въ хорошемъ изданіи.

---

[1]) Ванноти.

[2]) М. Я. Леонова, жена И. Ѳ. Леонова.

[3]) Фидлеръ, жена Г. Г. Фидлеръ.

[4]) Г. Г. Фидлеръ, бывшій въ Харьковѣ аптекаремъ.

[5]) Питра мать А. С. Питры, впослѣдствіи бывшаго проф. и ректоромъ Харьковскаго университета.

[6]) Питра – сестра А. С. Питры.

[7]) Приписка на полѣ.

[8]) На полѣ при названіи каждой пьесы приписано рукою Е. И. Срезневской «получено».

XXIII.

№ 11. Прага, 7 апр. 1840.

Вчера написалъ къ Вамъ письмо, милая Маменька; ложась спать куда-то положилъ, сегодня искалъ искалъ,—и вотъ принялся за другой листокъ.

Цѣлую Вашу ручку за — угадайте за что? Письмо отъ Васъ получилъ. Вѣдь это второе только, съ тѣхъ поръ какъ я за границей. Хоть горько, горько было ждать, за то и радостно получить было. Шафарикъ въ ту же минуту какъ получилъ, переслалъ его мнѣ. Да и долго же странствовало это письмо: писано въ 20-хъ февраля [1]), а пришло сюда въ 20-хъ марта по тому же стилю. Два мѣсяца. Оно гуляло и въ Варшаву, потому что и подлѣ Варшавы есть также Прага. — Но, Маменька, пишите чаще! Вы называете себя сиротою; а я же что? Не только ни отъ кого, даже и отъ Васъ нѣтъ вѣсти изъ Руси.

Читая ваше письмо, сначала я плакалъ отъ радости, потомъ... и теперь не могу безъ слезъ вспомнить о Марьѣ Андревнѣ [2]). Блаженная страдалица! Вспоминая о такой жизни, о такой глубинѣ чувства, нельзя не дѣлаться лучше, по крайней мѣрѣ доступнѣе къ стезѣ исправленія. Не могу не пожалѣть и о Марьѣ Яковлевнѣ: лучшіе дни ея кончились, и тяжелы будутъ они для нея въ воспоминаніи. Кто потерялъ такую мать и съ матерью надежду на одну свѣтлую минуту изъ тысячи черныхъ, тому не легко жить на свѣтѣ.

Да Вы, Маменька, и описали въ письмѣ своемъ этотъ случай такъ, что, право, страшно становится, когда читаешь. Я вложилъ это письмо въ Чешскую Библію, которую читаю вечеромъ передъ сномъ. Буду заглядывать въ него и напоминать себѣ, какъ дороги дѣти для родителей, какъ слѣдовательно и дѣти должны дорожить родителями.—Простите, душенька, мои прежніе проступки передъ Вами. Правда, я уже не дитя; но исправляться никогда не поздно. Вы знаете, я былъ хуже, сталъ немного лучше; авось Богъ поможетъ быть и еще лучше.

Засвидѣтельствуйте мое искреннее почтеніе Марѣ Ивановнѣ и Григорію Григорьевичу [3]), Марьи Яковлевнѣ—если она еще въ Харьковѣ и... жива. Такую мать нельзя не любить, трудно пережить.

О Генріетѣ Ѳед. [4]) я писалъ къ Вамъ изъ Берлина еще. Я послалъ къ ней письмо Марьи Ѳедоровны [5]), и получилъ отвѣтъ. Всѣ они здоровы.

---

[1]) Вѣроятно описка; надо читать: въ 20-хъ января.

[2]) Ваннотти, мать М. Я. Леоновой.

[3]) Фидлерамъ.

[4]) Г. Ѳ. Юнкертъ; въ домѣ ея (въ Харьковѣ) жили Е. П. и П. И. С—кіе; въ это время она вернулась за границу—на родину.

[5]) М. Ѳ. Питра.

На дняхъ напишу къ ней еще письмо и буду просить что-бы писала въ Харьковъ. Не мудрено, что и она горюетъ о Марьи Ѳед. Впрочемъ кто виноватъ? Положивши писать другъ къ другу опредѣленное количество разъ въ годъ, можно писать и не дожидаясь отвѣта. И отвѣтъ ранѣе или позже будетъ, и горя не будетъ; а горе дороже денегъ. Что же до денегъ, то я совѣтую Марьѣ Ѳед., которой свидѣтельствую мое почтеніе, платить только до границы. Наша переписка не дорога: за письмо въ Харьковъ я плачу 1 двугривенной (цванцигеръ), да Вы 30 коп. серебромъ; вѣдь это всего 50 коп. серебромъ.

Поклонъ мой Ивану Петровичу: чего онъ ждалъ, то надѣюсь уже получилъ. Пусть только сдѣлаетъ какъ я писалъ ему.

Спасибо Амвр. Лук.[1]) за приписку. Жаль, что ничего не пишетъ о себѣ, о нашихъ; вѣдь я ничего не знаю, а знать хочется. Ну, co ste napsal? něcoliko řadek o tóm, co giž wědel sem s listu pani maminki, a nic wjc. Ne, to nenj můy obyčey. Chtělbych dostati od pana takowý list, genž by potrěba bylo čisti něgakau hodinu. Ale mam naděgi, že takowy list giž napsaný lež u p. Rosslawského. Poručam si peknĕ [2]).

Мое время проходитъ по прежнему: утромъ дома до самаго обѣда, т. е. до 2-хъ часовъ; только разъ въ недѣлю утромъ хожу въ Музеумъ. До 3-хъ гуляю. Въ 3 къ Челяковскому или жду къ себѣ его, или самъ дома: у Челяковскаго я беру уроки четыре раза въ недѣлю (два раза хожу къ нему, два раза онъ ходитъ ко мнѣ), платя ему въ мѣсяцъ 20 гульденовъ—менѣе 50 рублей (!). Вечеръ или дома или гдѣ нибудь. Сижу до 9 часовъ, рѣдко до 10 (сегодня до 11), потомъ ложусь и съ часъ читаю. Потомъ сплю; потомъ въ 7-мъ часу встаю и за работу. Настаетъ весна: буду ходить по утрамъ за городъ, или по крайней мѣрѣ на стѣны города. (Прага вся, какъ крѣпость, окружена стѣнами каменными, и по стѣнамъ сады для гулянья).

Въ воскресенье былъ на Вышеградѣ. Чудное мѣстоположеніе! Гора въ родѣ Хорошевской [3]) обрывомъ стоитъ надъ Молдавой, обнесенной отовсюду подобными горами. На вершинѣ горы крѣпость, исправленная не знаю противу какихъ враговъ, по скату развалины старыхъ зданій. Видъ на рѣку, видъ на городъ—прелесть. Едва-ли есть другой городъ въ Европѣ, который былъ бы такъ богатъ видами какъ Прага. Одинъ мой Конскій Торгъ чего стоитъ! Въ крѣпости ничего стараго нѣтъ, кромѣ обломковъ столба, принесеннаго, говорятъ, дьяволомъ изъ Іерусалима.

---

[1]) Метлинскій.

[2]) Ну что вы написали? Нѣсколько строчекъ о томъ, что я уже зналъ изъ письма маменьки, и ничего больше. Нѣтъ это не по моему. Мнѣ хотѣлось бы получить отъ васъ такое письмо, чтобы въ часъ не прочесть его. Надѣюсь, впрочемъ, что письмо уже написано и лежитъ у г. Рославскаго. Низко кланяюсь.

[3]) Въ Харьковѣ.

Время стоитъ прекрасное. Солнце и тепло; но до листьевъ еще далеко.

Ахъ, чуть было не забылъ сказать о снѣ, который видѣлъ четвертаго дня, послѣ полученія Вашего письма. Я заснулъ съ письмомъ въ рукахъ—и самъ не знаю какъ рѣшился ѣхать въ Харьковъ—хоть на день, чтобы повидаться съ Вами. И пріѣхалъ, и брата засталъ дома, и Амвр. Л. въ библіотекѣ, въ рыжемъ его сюртукѣ, — и никто не вѣритъ, что я есмь я. Такая досада, что я взялъ да и проснулся. Но сонъ былъ такъ живъ, что и проснувшись я очнулся нескоро.

Поздравляю Марью Корнѣевну.

Настя—какъ вижу—молодецъ дѣвка. Очень бы хорошо было, Настя, если-бы ты пришла и поучила мою Катель чистить самоваръ, да и ставить также: дѣвка большая, а не умѣетъ. Начнетъ ставить,—потѣетъ, а готовъ не прежде какъ черезъ часъ. И хозяинъ, и хозяйка сойдутся на помощь—дуютъ... Прощайте, Маменька. Срезневскій.

Письма адресуйте ко мнѣ Prag in Böhmen, на имя Шафарика или Вячеслава Вячеславича Ганки, Böhm. Museum.

Напишите, пожалуйста, брату, чтобы не уѣзжалъ изъ Петербурга, не купивши для меня самую подробную новую карту Россіи. Она мнѣ будетъ очень нужна когда ворочусь [1]).

XXIV.

№ 12. Прага, 26 Апр. 1840 г.

$^{16}/_{4}$ Апр. Зеленый, по нашему—Великій Четвергъ. У св. Вита служилъ самъ Архіепископъ съ 12 канониками, освящая св. міро и омывая ноги. Церковь была биткомъ набита. Я пришелъ поздно и ничего не видѣлъ. За то наслушался. Кто хоть однажды слушалъ службу у св. Вита, то[тъ] не скажетъ, что музыка мѣшаетъ величію обряда или уменьшаетъ чувство благоговѣнія, вредитъ молитвѣ. Нѣтъ; огромный, громовый органъ и полный, стройный оркестръ дѣйствуютъ на душу поразительно. Заслушиваешься, благоговѣешь и молишься.—Послѣ обѣдни весь олтарь былъ очищенъ отъ всѣхъ украшеній.—Колокола смолкли до субботы. Барабаны военные спущены.—Начинается ходьба по церквамъ. Мѣсто для гроба Христова приготовлено: ему-то поклоняться и ходятъ изъ церкви въ церковь.

$^{17}/_{5}$ Апр. Ходьба для поклоненія гробу продолжается цѣлый день въ Великую пятницу. Ходилъ и я. Мнѣ особенно понравилось убранство Гарнизонной церкви: тутъ свящ. мѣсто убрано старымъ и новымъ оружіемъ.

$^{18}/_{6}$ Апр. Бѣлая суббота. Обѣдать было нѣчего: уху варить тутъ не умѣютъ, да и рыбу сжарили такъ кисло-прѣсно-сладко, что я понюхалъ

[1]) Приписки на полѣ.

да и отдалъ; надобно было быть сытымъ двумя пирожками.—Въ три часа будетъ обѣдня. Народъ уже волнуется, и спѣшитъ къ церкви, большею частію голодный, что бы послѣ обѣдни разговѣться мясомъ; потому что католики празднуютъ воскресеніе І-Христово съ сегодняшняго вечера. Кто не успѣлъ въ 3, тотъ пойдетъ въ 4, въ 5, въ 6, въ 7: обѣдня служится каждый часъ, въ однихъ церквахъ въ одинъ, въ другихъ другой.—Я ходилъ въ 7 часовъ въ Славянскій монастырь съ хозяиномъ и хозяйкой. Этотъ монастырь памятенъ тѣмъ, что въ немъ въ XV столѣтіи служба служилась на языкѣ Славянскомъ. Монастырь очень бѣденъ. Когда мы пришли народъ еще стоялъ у гроба Христова и пѣлъ молитвы. Въ 7-ь аббатъ съ нѣсколькими монахами пошелъ къ гробу, и торжественно понесъ оттуда «Тѣло Божіе», т. е. св. дары на алтарь, и затѣмъ началась обѣдня, или лучше сказать молебствіе. Я стоялъ на хорахъ. Внизу была гибель народа, такъ что по окончаніи не менѣе 20 минутъ продолжалось, пока народъ вышелъ изъ церкви. Я разгавливался съ хозяиномъ и хозяйкой у него, а потомъ они у меня пили чай.

$^{19}/_{7}$. Великая ночь, т. е. свѣтлое воскресеніе. Ни поздравленій, ни «Христосъ воскресе» тутъ нѣтъ. Впрочемъ не безъ освященныхъ яицъ, пасхи и барашка, хотя все это не такъ замѣтно какъ у насъ. Пасха называется мазанцемъ. Хозяйка пожалѣла денегъ и не купила себѣ мазанца; пожалѣла и моихъ денегъ, не купила и мнѣ. Быть такъ.—Въ 11-мъ часу мы пошли съ хозяиномъ къ св. Виту, гдѣ долженъ былъ служить Архіепископъ, и добыли себѣ такое мѣсто, какого никто не имѣлъ, именно у олтаря, гдѣ одни каноники, и я сидѣлъ на одинъ шагъ отъ архіеписк. кресла. Архіепископъ—молодой человѣкъ, и болѣе похожъ на чиновника. Онъ былъ въ бѣлыхъ золотомъ вышитыхъ туфляхъ и перчаткахъ. 8 камер-лакеевъ его стояли поотдаль. Служба была обыкновенная. Все хорошо; мнѣ не нравятся только колокольчики, въ которые звонятъ во время обѣдни, въ опредѣленное время, подъ самимъ ухомъ архіепископа. Ихъ писк вовсе не гармонируетъ съ органомъ.—Послѣ обѣда Конскій торгъ мой наполнился гуляющими. Было на что посмотрѣть: дамы и кавалеры тысячами повалили тѣ въ ту, тѣ въ другую сторону, разряженные въ пухъ, веселые, благовонные. Тутъ и сапожницы, тутъ и сидѣльцы, тутъ и купчихи, и полудворянки, и трактирные франты, словомъ дамы и кавалеры всякаго рода. Хорошенькихъ очень много. Къ вечеру вышелъ и я, зашелъ къ Станьку и ѣлъ тутъ мазанецъ—съ медомъ какъ требуетъ обычай. Мазанецъ мнѣ не понравился: тѣсто тяжелое, сахару мало.—

$^{20}/_{8}$ Апр. Понедѣльникъ. До 4-хъ часовъ былъ дома. Въ 4 пошелъ въ Чешское дивадло [1]): давали l'elisire d'Amore, оперу Доницетти на Чеш-

[1]) т. е. театръ.

скомъ языкѣ. Зрителей было мало, потому что время прекрасное, и почти весь городъ ушелъ за городъ. Несмотря на это играли прекрасно. Особенно Подгорская [1]) пѣла такъ, что можно было заслушиваться. Она уже въ лѣтахъ, но еще очень хороша собою, на театрѣ кажется довольно молоденькою и имѣетъ хрустальный голосъ. Сама опера очень богата мотивами, полными жизни и красоты.—Выходя изъ театра сошелся съ Шафарикомъ, который былъ также въ театрѣ съ дѣтьми, и пошелъ къ нему. Тутъ пилъ чай и просидѣлъ до 9 часовъ.

$^{21}/_{9}$ Апр. Вторникъ. Сегодня празднуется рожденіе Императора. Въ 5 часовъ гремѣли пушки. Въ 9 и 11 была обѣдня и въ 1 часу освященіе цѣпнаго моста, который будетъ поставленъ черезъ Молдаву на западъ отъ Карлова каменнаго, вамъ извѣстнаго. Послѣ обѣда я пошелъ къ Челяковскому и отъ него съ нимъ, по окончаніи урока, гулять въ Бубенчи, версты за 2 отъ Праги. Это гулянье называется Strohsack—Соломенникъ, и было когда-то гуляньемъ портныхъ. Теперь общее всепражское. Дорога въ Бубенчи очаровательна. Народу гибель, десятки тысячъ, и сотни экипажей. Играла музыка, пили пиво, кофе, шоколадъ, больше пиво. Бубенчи—огромный садъ, расположенный въ долинѣ и по горамъ. Виды вокругъ—роскошь. Каково должно быть лѣтомъ, когда и теперь хорошо, хотя деревья еще голы. По воскресеньямъ тамъ играетъ музыка, и народу всегда собирается много.

$^{24}/_{12}$ Апр. Пятница. Въ середу должно было быть гулянье въ Нусляхъ, въ верстѣ отъ Праги, называемое «фидловачка», т. е. гладилка, дощечка, которою сапожники гладятъ сапоги или я не знаю что, гулянье преимущественно сапожниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей Праги. Это гулянье вѣроятно и было; но дождикъ помѣшалъ намъ идти, и мы (съ Челяковскимъ) просидѣли дома, читая Сѣверную Пчелу, которую утромъ взялъ я у Ганки. Нечего дѣлать: возмешся и за С. Пчелу, когда ничего другаго новаго изъ Руси нѣтъ.—Вчера я нечаянно попалъ въ соборъ св. Вита: думалъ, что день Георгія, одинъ изъ двухъ дней, когда отворяется древнѣйшая въ Прагѣ церковь св. Георгія, пошелъ на Градчинъ, т. е. на Замковую гору, поцаловался съ замкомъ двери этой церкви, и пошелъ къ Виту, который отъ нея въ двухъ шагахъ. Чудо церковь! Казанскій соборъ богаче, но св. Витъ не уступитъ ему въ величіи, хотя и совершенно другаго рода. Съ наслажденіемъ мечтаю о томъ времени, когда, воротившись къ вамъ, разложу

---

[1]) О Подгорской И. И. С—ій писалъ А. А. Краевскому (Отеч. зап. 1841. 14): «Имя ея должно навсегда остаться въ исторіи Чешской литературы рядомъ съ именамъ Тиля и другими почетными именами ученыхъ и литераторовъ, содѣйствовавшихъ къ возобновленію литературы Чешской». Въ томъ же письмѣ И. И. С. описываетъ замѣчательной дебютъ Подгорской 28 дек. 1823 г. по воспоминаніямъ Пражскихъ жителей; она выступила тогда подъ своей дѣвичьей фамиліей Кометовой.

передъ вами рисунки и планы его, и буду пересказывать вамъ, что знаю о немъ. Отъ Вита къ Ганкѣ на минуту, потомъ домой, потомъ опять къ Ганкѣ и съ нимъ въ Виндійскій Семинаріумъ (какъ обыкновенно—въ Четвергъ). Сегодня другой разъ ходилъ къ св. Георгію, и не напрасно. Сегодня день Георгія, и въ церкви этой «поужь», т. е. праздникъ. То-же что и у насъ. Въ церкви молятся, около церкви продаютъ пряники и разныя разности въ такихъ же точно палаткахъ, какъ и у насъ, во время церковныхъ праздниковъ. Молиться я не молился, а осмотрѣлъ церковь и достопримѣчательности, между [прочимъ] гробъ св. Людмилы, и кости первой игуменьи Милады съ лицемъ изъ papier maché, и множество надгробныхъ надписей. Народу толпа и пробираться можно было съ трудомъ; но я за пятиалтынный купилъ описаніе церкви и вслѣдствіе сего былъ сопровождаемъ кистеромъ во всѣ углы. Penjze здѣсь очень хорошій проводникъ.

$^{26}/_{14}$ Апр. Воскресенье. Утро былъ дома. Въ четыре часа послѣ обѣда пошелъ въ театръ. Давали ДонъХуана Моцартова. Театръ былъ довольно полонъ. И музыканты и актеры исполняли свое дѣло прекрасно, особенно Подгорская, Пражскій соловей.—Вамъ нравится?—спросилъ меня Ганка, съ которымъ сидѣли мы вмѣстѣ.—Какъ-же!—Да, хорошо; но прежде было несравненно лучше, прежде, лѣтъ за 15. Подгорская была молода, Донъ Хуана игралъ Држка, который теперь въ Дрезденѣ, превосходный баритонъ, и вообще и публика, и актеры были какъ-бы наэлектризованы. Нѣмецкая сцена была оставлена для Чешской самими Нѣмцами. Въ свое время это много содѣйствовало пробужденію Славянскаго духа въ Чехахъ.—Изъ театра пошли съ Ганкой гулять, зашли и на Барвиржскій островъ, гдѣ я еще никогда не былъ. Онъ напомнилъ мнѣ Лейпцигъ, вокругъ котораго много подобныхъ мѣстъ. Островокъ занятъ садомъ, а посрединѣ его большой домъ прекрасной наружности съ залами для танцевъ и концертовъ. На площадкахъ скамьи и столы для желающихъ пить и кушать. И все мило. Съ береговъ—виды на рѣку и городъ. Такъ что островъ малъ, а народу бываетъ много: это бываетъ иногда скучно.—Съ острова пошли ко мнѣ, мимо дома, въ которомъ нашъ Касторскій [1]) утушилъ однажды пожаръ. Шли они однажды съ Ганкою вечеромъ мимо, и увидѣли что изъ этого дома дымъ валитъ клубомъ. Касторскій вскочилъ въ окно, увидѣлъ, что тлѣетъ хлопчатая бумага, а женщины, единственныя обитательницы этого жилища, вопятъ и ничего не дѣлаютъ,—и давай руками и ногами тушить. Пріѣхавшая полиція додѣлала остальное, заливши начавшіе горѣть окна, двери и полы.—Пили мы чай и читали Сѣв. Пчелу, которую Ганка имѣлъ въ карманѣ.—Теперь уже поздно Пора спать. Перо и рука не пишетъ.

[1]) Мих. Ив. Касторскій, впослѣдствіи проф. Спб. университета.

$^{27}/_{15}$. Понедѣльникъ. Утро по обычаю дома. Послѣ обѣда пошелъ къ Челяковскому,—и потомъ съ нимъ и съ его сынкомъ гулять за городъ. Шли, шли, и дошли до Нуслей, гдѣ бываетъ Фидловачка. Долина прекрасная,—покрыта садами и загородными домиками. Мы вошли въ одинъ изъ нихъ, гуляли, пили кофе,—и воротились домой уже вечеромъ, въ 9-мъ часу. Челяковскій веселый человѣкъ и мастеръ разсказывать. Въ Нусляхъ я нахохотался въ-доволь. Поля уже зелены; деревья тоже начинаютъ зеленѣть, вишни и яблони начинаютъ цвѣсти.—Въ городѣ продаютъ множество цвѣтовъ. На окнахъ всюду резеда, розы, левкое и т. д.Погода прекрасная, даже жарко; но дождя нѣтъ, и хозяева начинаютъ горевать.

Что-же еще писать?—Развѣ напиться чаю: авось онъ напомнитъ.—Нѣтъ, ничего не напомнилъ. Развѣ пересказать нѣсколько анекдотовъ о Добровскомъ, которые сегодня разсказывалъ мнѣ Челяковскій. Подъ старость былъ онъ большой чудакъ, а иногда и просто сумасшедшій. «У меня есть вторая часть Лузацкаго словаря, который присланъ былъ Добровскому изъ Лузаціи. Первая часть истерлась, исполняя должность тряпки. Однажды Добровскому нашла охота вымыть у себя въ кабинетѣ полъ. Онъ и принялся. Вылилъ на полъ всю воду изъ умывальника и графина, и давай мыть; тряпокъ не было, за то было вдоволь бумагъ: онъ и сталъ ими возить по полу. Цѣлая куча ихъ легла въ углу комнаты, принявши прежній видъ тряпокъ,—и первая часть словаря тамъ-же.—А вотъ что сдѣлалъ Добровскій въ голодный годъ, когда хлѣбъ былъ такъ дорогъ, что для завтрака человѣку надобно было купить его на два рубля. Зашедши въ одинъ женскій монастырь, онъ узналъ, что монашенкамъ ѣсть нечего. «Надобно промыслить денегъ!» сказалъ онъ и пошелъ. На другое утро пошелъ съ визитами къ вельможамъ, которые принимали его всегда ласково и радушно. Пришелъ въ одинъ домъ, замѣтилъ часы на столѣ, взялъ ихъ, да въ карманъ; пришелъ въ другой, увидѣлъ перстень,—и его въ карманъ; пришелъ въ третій,—и тамъ нашелъ что положить въ тотъ-же карманъ. Обходилъ всѣхъ, и изо всякаго дому понесъ въ карманѣ по добычѣ. Съ набраннымъ добромъ въ монастырь, и отдалъ игуменьѣ, прося хранить. Черезъ нѣсколько дней снова обходомъ по домамъ, гдѣ собиралъ добычу. Всюду ему говорятъ о покражѣ и пропажѣ; всюду онъ удивляется и говоритъ: «а все же вещи должно отыскать».—Прошло еще нѣсколько дней; Добровскій опять въ обходъ, и говоритъ, что онъ нашелъ вещи и мѣсто гдѣ хранятся, но что не отдадутъ безъ выкупа. Вещи были выкуплены, и монашенки сыты.—И пр. и пр.—

Прощайте, Маменька! Кланяйтесь нашимъ добрымъ знакомымъ, и не забывайте (т. е. письмами) Вашего Пражанина.

Амвросія Лук. и Никол. Ив. [1]) прошу прислать все, что могутъ, печатнаго Малороссійскаго. Адресовать въ Броды на имя Даніила Гартенштейна 1-й гильдіи купца, а его просить переслать мнѣ. Платить за пересылку до границы. Малороссія тутъ вовсе неизвѣстна, а денегъ платить за Русскія книги нѣтъ, да и выписывать ихъ сюда обыкновеннымъ путемъ было бы дорого (Юнгману Исторія Карамзина стоила 150 сереб. гульденовъ, каждый въ 2—40 коп.).

Какъ я дурно написалъ это письмо. Простите. Горбатаго могила исправитъ. Вѣчно то перо, то бумага виновата.—

XXV.

№ 13. Прага 1840. Май. 4.

1-ое Мая, а у васъ еще 19 Апр. Не знаю какъ у Васъ, а здѣсь весна въ полномъ цвѣтѣ: деревья зеленѣютъ, цвѣты цвѣтутъ, все наслаждается природою, и соловей поетъ. Теперь нельзя не любить Праги: природа, ее окружающая, такъ прекрасна, такъ разнообразно-картинна, что любуешся, въ какую сторону ни взглянешь. Отъ меня до Музеума идти и довольно далеко, и довольно скучно (потому что нельзя миновать ни торговыхъ улицъ, гдѣ вѣчная толкотня, ни сходцевъ въ 204 камен. ступени); но я хожу чаще прежняго, потому что можно (за грошъ) переѣхать черезъ Молдаву на лодкѣ и переѣзжая любоваться видами рѣки, а потомъ, поднявшись на гору, любоваться видомъ цѣлой Праги и окрестностей. Это—такая панорама, какой роскошнѣе и желать нельзя. Грустно иногда становится, когда вспомнишь, глядя на Прагу съ Градчина, что въ ней; но все таки любуешся ею.

Вотъ и сегодня я пошелъ было въ Музеумъ; впрочемъ не дошелъ. Меня догналъ на полудорогѣ одинъ изъ юныхъ литераторовъ и потащилъ на выставку картинъ. Заплативши гривенникъ за билетъ для входа и каталогъ, я вошелъ и остался тамъ до обѣда. Эта выставка предназначена преимущественно для живописцевъ Чешскихъ и Австрійскихъ, но въ нынѣшнемъ году прислано много вещей изъ Дюссельдорфа, Мюнхена и пр., и по этой причинѣ многіе изъ Пражскихъ живописцевъ покапризились выставить свои работы. Тѣмъ не менѣе есть чѣмъ любоваться. Особенно обворожителенъ колоритъ Дюссельдорфскихъ работъ: краски такъ свѣжи, тѣни такъ естественны, что и не хотѣлъ бы смотрѣть, а смотришъ. Самая замѣчательная изъ картинъ есть Ахенбахова Норвегія: горы, тундра, туманъ, и сквозь него солнце, и только птицы оживляютъ эту дичь природы. Картина огромна: въ длину аршинъ до 5, а въ вышину около 3. Есть и еще нѣсколько такой величины ландшафтовъ, но ни одинъ изъ нихъ не идетъ въ сравненіе съ этою. И не дорога: только 200 имперіаловъ, вмѣстѣ съ рамою. Вотъ бы купить!! Жаль,

[1]) А. Л. Метлинскій и Н. И. Костомаровъ.

что перевозка ея неудобна!! А то бы можно еще къ ней прикупить нѣсколько зимнихъ ландшафтовъ, не большихъ, но такъ же прекрасныхъ. Изъ нихъ особенно понравилось мнѣ два: кладбище зимою и сельская церковь тоже зимою, освѣщенная мѣсяцемъ, первая работы Газенфлуга, а вторая Вебера. Веберовъ мѣсяцъ такъ живъ, что чѣмъ болѣе въ него всматриваешся, тѣмъ болѣе, кажется, онъ свѣтитъ. Въ такъ наз. историческомъ родѣ и между портретами есть также много прекраснаго. Къ Голпейновой Эсфири я ворочался разъ десять: красавица да и только; можно бы влюбиться, если бы ротъ не былъ кривъ. Лёвенштейновъ старикъ съ дочерью, читающіе библію также очень милы, особенно дочка; къ сожалѣнію эта дочка озябла или больна, и такъ синя какъ Норвежскій туманъ. По колориту особенно замѣчательна спящая—не знаю чья—старуха. Она спитъ сидя на креслѣ подлѣ окна, задернутаго малиновымъ занавѣсомъ: точно спитъ, а занавѣсъ не можетъ скрыть, что день прекрасный. Превосходная вещь. Изъ собственно историч. картинъ особенно замѣчательна по предмету—Судъ Любушинъ Гоффбауера, старавшагося быть исторически вѣрнымъ и вѣроятно въ слѣдствіе такого старанія изобразившаго женщинъ немного дубоватыми.—Но довольно о картинахъ.—Г-нъ литераторъ приглашалъ отправиться съ нимъ въ Бубенчи, гдѣ сегодня гулянье; но я расчелъ, что это слишкомъ большой путь и воротился домой.

2-е Мая. Сегодня былъ у меня молодой Русской, который живетъ въ Прагѣ уже два года, занимаясь техникой въ политехническомъ училищѣ, и успѣлъ даже забыть Рус. языкъ до того, что всякую Рус. фразу свою объясняетъ по Нѣмецки. Имя его Фрейндъ.

3-е Мая. Воскресенье. Утро дома—до 4-хъ часовъ. Въ 4—въ театръ. Давали Стрейчка Гурливурли, комедію Штепанька [1]), довольно глупую и довольно смѣшную, до того смѣшную, что публика изволила хохотать во все горло, и даже хлопать забывала. 4 дѣйствія я сидѣлъ на св[оемъ] мѣстѣ, а передъ пятымъ пошелъ въ ложу Шафарика и поговорилъ тамъ съ женою и дѣтьми.—Изъ театра домой, и пишу.—За нѣсколько дней передъ этимъ давали на Нѣмец. театрѣ Шиллерова Донъ-Карлоса. Маркиза Позу игралъ пріѣхавшій изъ Берлина Роттъ, а Филиппа II—Фишеръ. Фишеръ сыгралъ превосходно: что бы понять Шиллерова Филиппа не мѣшаетъ видѣть Фишера. Онъ постигъ этотъ характеръ и выражаетъ его такъ естественно, что публика во все время игры забывала одобрять актера, и единодушно вызвала уже по окончаніи пьесы. Не странно-ли: хлопаютъ одному (хлопали Ротту), а вызываютъ другаго! но мнѣ это очень понравилось. Фишера я не забуду.

[1]) Янъ Непомукъ Штепанекъ (1783—1844)—авторъ множества пьесъ оригинальныхъ и переводныхъ, не имѣвшихъ, впрочемъ, большого литературнаго достоинства. Онъ былъ директоромъ Чешскаго театра въ Прагѣ. О его дѣятельности, какъ директора и режиссера есть нѣсколько словъ въ письмѣ П. И. С—го къ А. А. Краевскому (Отеч. З. 14. 104).

4-е Мая. Тра-ла-ла-ла! тра-ла-ла-ла! Хоть польку такъ готовъ танцовать. Не мудрено:—получилъ письмо отъ васъ (за № 1, Марта 18). Вотъ уже три раза прочелъ, и опять собираюсь читать, да и за отвѣтъ.—Вы хотите писать ко мнѣ каждыя двѣ недѣли! Боже мой, да это такая радость мнѣ, какой я и не ожидалъ. Послѣ этого я буду самъ себѣ завидовать. — И если ужъ такъ, то вотъ еще что: бумага ваша—самая почтовая; писавши на такой бумагѣ, Вы можете смѣло вкладывать въ конвертъ три полулиста, т. е. втрое противу того что написали въ № 1. Если самимъ не о чемъ будетъ писать, то—Амвросій Лук., Александръ Петр., Сем. Сем.[1]). А то напр. сегодня Амвр. Лук. подарилъ меня только надписью на конвертѣ, между тѣмъ какъ могъ бы написать страницъ пять. Очень бы хорошо дѣлалъ, если бы заранѣе написалъ полулиста да и принесъ бы къ Вамъ, а вы бы и отправили вмѣстѣ со своимъ. Такъ бы могъ сдѣлать и Ник. Ивановичъ[2]), и Сем. Сем. да и самъ Александръ Петр., чѣмъ собираться писать большое письмо, и до сихъ поръ не написать ни строки. Что до моего письма, то странно, если оно пропало: № 4 изъ Берлина былъ вложенъ въ одинъ конвертъ съ № 1 къ Рославскому изъ Галле и № 1 къ Костомарову изъ Лейпцига, и отправленъ изъ Лейпцига. Почты Саксонскія, кажется, устроены хорошо. На ваше письмо отъ 24 февр. былъ уже отвѣтъ, и вами теперь конечно полученъ.—Къ Генр. Ѳедор.[3]) писалъ, о чемъ и увѣдомлялъ Васъ, вѣрно въ № 4. Изъ Праги написалъ опять, получивши Ваше письмо отъ 24 февр. Искренно благодарю Miss Фанни[4]) за переписку пѣсни Новика. Ѳедору Ив. и Ефросиніи Ивановнѣ мой поклонъ. Очень радъ, что вамъ есть что читать. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы было что и играть. Узнавши возможность пересылки, я пришлю Вамъ нотъ отсюда и изъ Вѣны; объ этой же возможности Вы сами меня увѣдомите. Мелетію [5])—царство небесное. Онъ его заслужилъ. Честь и слава Кузину! [6]) Такихъ купцовъ тутъ нѣтъ. Тутъ не уважали бы и Архіепископа, если бы знали, что у него только 10 рублей въ карманѣ. Нашимъ профессо[рамъ] желаю веселиться; а о скучающемъ Амвр. Лук. жалѣю. Чего бы ему не придти ко мнѣ: домъ онъ знаетъ, могъ бы остаться и ночевать, а поговорить было бы о чемъ. Весело бы провели время. Только съ условіемъ: не забыть ничего Малороссійскаго, до котораго у меня Челяковскій большой охотникъ.—Кстати—пора къ нему.

---

[1]) А. А. Метлинскій. А. П. Рославскій, С. С. Лукьяновичъ.
[2]) Н. И. Костомаровъ.
[3]) Юнкертъ.
[4]) Ф. С. Питра.
[5]) Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій (М. И. Леонтовичъ), магистръ С.П.Б. Духовной Академіи; былъ ректоромъ и проф. богословія въ Могилевской семинаріи; затѣмъ ректоромъ Кіевской Дух. Акад.; послѣ того былъ хиротонисанъ и епископствовалъ въ Перми, Иркутскѣ и наконецъ въ Харьковѣ; ум. 29 февраля 1840 г.
[6]) Извѣстный Харьковскій откупщикъ.

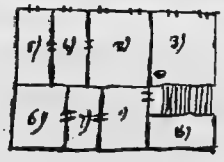
XXVI.

№ 14. Деревня Ярпица. 1840. Мая 10.

— Что это?—спрашиваете Вы, милая Маменька. Отвѣчаю: Пора. Весна уже настала, развилась, разцвѣла,—время стоитъ прекрасное; а вашъ сынокъ хоть еще и очень дурно, но все уже говоритъ по Чешски, слѣдовательно можетъ начинать свои странствія по Чехіи. Вотъ онъ и началъ ихъ—поѣздкою въ Ярпицу.

Опишу все какъ можно подробнѣе.

Третьяго дни заходитъ ко мнѣ Д-ръ Станекъ и говоритъ между прочимъ:—Не хотите ли вмѣстѣ съ нами прогуляться за городъ? миль за шесть отъ Праги?—Родной мой! Какъ не хотѣть! Хоть сейчасъ.—И такъ послѣ завтра. Прійдите ко мнѣ завтра вечеромъ, переночуете у насъ, а утромъ въ воскресенье, часа въ 4—въ дорогу.—Прекрасно.—Вчера въ 9 часовъ я былъ уже у Станька. Хоть Станекъ и не въ Ярпицѣ живетъ, но кстати описать и его бытъ. Вотъ его квартира (онъ живетъ въ 3 этажѣ, во второмъ подъ нимъ Палацкій) 1): передняя, 2) дѣтская +столовая, 3) гостинная, 4) кабинетъ, 5) спальня сестры жениной, 6) комнатка, 7) кухня, 8) чуланъ. Нѣтъ ни одной комнаты безъ кровати.



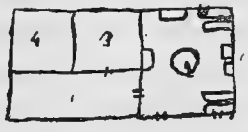
У Станька жена Нѣмка, сдѣлавшаяся Чешкою, дочка 7 лѣтъ, 2 сынка по 3—4 году и еще сынишка однолѣтокъ. Слечна (=барышня) Богуслава или, какъ обыкновенно называютъ, Тонинка, сестра жены, дополняетъ сѣмейство. Въ прислугѣ—три «дѣвечки». Комната подъ № 2 вся обставлена кроватками и вечеромъ въ ней едва-едва пройти можно. Гостинная всегда почти пуста. Станькова все съ дѣтьми. Станекъ то на визитахъ у больныхъ, то занимается. Станьковицъ Богуслава на всѣ руки: и въ кухнѣ, и за дѣтьми, и за фортопіано, и учится (хоть ей уже вѣрно лѣтъ 19), и шьетъ. Въ сѣмействѣ доброе согласіе. Мнѣ отвели на ночлегъ гостинную,—и тутъ я не могъ не видѣть Славянской гостинности: кровать была послана богато, не забыта была ни вода для питья, ни столикъ у кровати, ни вода для умыванья утромъ, ни гребень, ни что. Въ 4-мъ часу я проснулся, сталъ одѣваться; въ № 2 было уже все на ногахъ,—и вотъ кто-то постучалъ въ дверь ко мнѣ. «Витамъ» (привѣтствую)—отвѣчалъ я на этотъ вопросъ. «Вы уже встали?»—говорила мнѣ слечинка. «Пора въ дорогу».—«Я готовъ».—Ну, такъ милости просимъ «снидати»: кофе на столѣ. Я вышелъ—напились кофе, и поѣхали—Станекъ, Станькова, дочька, старшій сынокъ и я: слечинка осталась дома

хозяйничать, хоть и разбудила всѣхъ и сама уложила въ коляску все что предполагалось взять въ дорогу.

Лошади были добрыя, мы ѣхали скоро, болтали, любовались видами— было весело. Нашъ путь былъ въ Раковницкій край (уѣздъ) на сѣверъ, съ горы на гору, и все ближе къ горамъ. Виды прелесть. Взъѣхавши на Бѣлую гору, мы остановились, и глядѣли долго: на югѣ Прага съ окрестностями, на востокѣ и сѣверѣ въ синей дали Исполиновы горы, кругомъ удолья и горы: чудесная панорама. Въ половинѣ X-го мы были въ городѣ Сланомъ и остановившись у солянаго источника, напились воды. За Сланымъ спустились въ долину и ѣхали ею черезъ холмы и горки до Ярпицы. Въ верстѣ отъ Ярпицы проѣзжали мимо церкви св. Исидора, гдѣ сегодня «славность» и «путь» (праздникъ и богомольствіе), и съ трудомъ пробрались сквозь толпу народа. Ѣхали-жъ мы въ Ярпицу къ Станьковымъ роднымъ. Радости и привѣтствіямъ не было конца, приняли и меня, какъ роднаго. Домъ, куда мы пріѣхали принадлежитъ отчиму Станька, богатѣйшему изъ Ярпицкихъ селянъ. По случаю праздника къ нему съѣхались родные со всѣхъ сторонъ. Домъ его построенъ по общему обычаю здѣшнему изъ камня, въ два этажа и оштукатуренъ снаружи и внутри. Вотъ расположеніе нижняго этажа.

1) сѣни, 2) гостинная или что наз. по Малор. хата, 3) кимната, 4) кухня (съ очагомъ), 5) чуланъ 6) ходъ на верхъ.

Все чисто, прекрасно. Въ гостинной по стѣнамъ лавки и передъ ними столъ, накрытый скатертью. По стѣнамъ картинки, двое стѣнныхъ часовъ. Кимнатка наполнена кроватями изъ березы подъ лакомъ. Въ кухнѣ также чисто какъ въ комнатѣ, и кушанье варится на чугунномъ листѣ, разогрѣваемомъ снизу. На верху:



1) сѣни съ кроватями, 2) комната холодная, 3, 4) чуланы.

Комната убрана прекрасно: тутъ 4 кровати подъ лакомъ, два коммода изъ березоваго корня подъ лакомъ и съ бронзою, накрытые цвѣтными салфетками, два шкафа подъ лакомъ, въ серединѣ березовый круглый столъ, на коммодахъ картинки, восковыя свѣчи, изваянія Божіей Матери, часы, на стѣнахъ картинки и образа (очень бѣдные). Сѣмейство: старикъ, у старика сынъ съ женою и ихъ 10 недѣльная дочька, прислуги много, потому что старикъ содержитъ господу (шинокъ). Къ нему пріѣхали мать жены съ сыномъ, двѣ племянницы, а изъ ближняго селенія пришли мужья дочерей его съ дочерьми. Одежда: мужчины всѣ въ сертукахъ, фракахъ и пр. по городскому, и довольно богато. Что до женщинъ, то онѣ одѣты различно, сходствуя только тѣмъ, что всѣ

въ шнуровкахъ. Молодая хозяйка одѣта такъ: ситцевая розовая юбка (сукня), голубой передникъ, шнеровачка на тальи такъ: съ портами (позументомъ) у пояса, безъ рукавовъ, а коро тенькіе рука-ва кошили (рубахи) покрываютъ руку только въ верху; на шеѣ шелковый голубой блаточекъ; на головѣ малиновый кашемировый платокъ по Курски такъ: на ногахъ башмаки. Мать хозяйки одѣта также, только шне ровачка черная плисовая, дочь дѣвушка так-же, только голова не покрытая, и волосы зачесаны по городскому. Пріѣзжія другія въ сукняхъ, передникахъ, а на тальѣ шпенцеръ съ коротенькими полками подъ поясомъ и съ широкими рукавами; голова зачесана на манеръ XVIII вѣка—коса подъ косой, такъ: на волосахъ туго накрахмаленный кружевной чепецъ. На шеяхъ у всѣхъ или крестъ, или монета золотая, или кораллы. Че резъ полчаса былъ готовъ кофе, и къ нему поданы колачи (сдоб ные пирожки съ творогомъ или съ ва-реньемъ) и бухты (булочки) изъ бѣлой пшенич. муки. — Потомъ мы поѣхали къ обѣднѣ, къ св. Исидору. Впрочемъ въ церковь пробраться было нельзя. Мы ходили вокругъ мимо лавочекъ, гдѣ продаютъ дѣтскія игрушки, пряники, роглики, мандловки (миндальные хлѣбцы), гоуски, цукерладки (конфеты) и т. д. Дѣти бѣгаютъ и свистятъ: въ праздникъ такого роду всякій изъ нихъ непремѣнно получитъ свистелку. Заходили въ крипту (могильный домъ) князей Кинскихъ, недавно отстроенный, довольно большой, довольно красивый, съ камен. статуями, но еще не освященный и потому пустой: послѣ завтра будутъ святить и потомъ переносить гробы изъ могилы сюда. Воротившись, мы пошли съ Станькомъ по знакомымъ селянамъ. Постройка домовъ у всѣхъ одинакова, только бѣднѣе. У нѣкоторыхъ жилье въ верхнемъ этажѣ, а въ нижнемъ коморы. Когда пришли домой, въ господѣ играла уже музыка (господа въ одномъ дворѣ съ домомъ хозяина): парни и дѣвушки (гохи и голки) танцовали—польку подъ звуки скрипки, баса, флейты и еще чего-то та-та, та-та, та-та—быстро и рѣзво. Я пошелъ туда. Между парнями есть молодцы, между голками ни одной хорошенькой и стройной, и шнуровки не помогаютъ. Въ 3-ъ часу сѣли за обѣдъ, что продолжалось до 5 часовъ съ $^1/_2$. Мы занимали первыя мѣста. Хозяева молодые не садились, а угощали. Началось дѣло супомъ, сваренымъ превосходно, потомъ нѣсколько соусовъ, потомъ нѣсколько жаркихъ, потомъ салатъ. И миска и блюда кружили по столу. Тарелки фаянсовыя съ цвѣтами. Стаканы съ цвѣтами. Ложки серебренныя. Пиво. Можно было объѣсться и обпиться, если-бы слѣдовать просьбамъ хозяевъ. Послѣ обѣда кофе. И потомъ я пошелъ со старикомъ осматривать его хозяйство—стодолу (гумно), машталь (коровницу), яблочный садъ, огородъ: всюду видно довольство, изобиліе. Потомъ засѣли съ нимъ и съ другими селянами за

пиво́ и давай расказывать о житьѣ-бытьѣ, объ обрядахъ, обычаяхъ и т. д. Я имъ разсказываю, что у насъ есть, а они мнѣ, что у нихъ, и приговариваютъ: чудное дѣло! за 400 миль, а то же, что и здѣсь.—Земли всѣ принадлежатъ аристократамъ. Мужикъ, имѣющій 60 стриховъ земли (стрихъ = 800 саговъ, изъ которыхъ въ каждомъ 9 локтей квадратныхъ) есть седлякъ и долженъ работать на господина 3 дни въ недѣлю; если имѣетъ менѣе, то работаетъ 1 день въ недѣлю и наз. халоупникъ; если не имѣетъ совсѣмъ земли, а только домикъ, то домкарь, и работаетъ 13 дней въ годъ, если и домика не имѣетъ, то подругъ (бродяга) и работаетъ также 13 дней въ годъ. Седлякъ лицо почетное, а подругъ чаще всего дѣлается жебракомъ (нищимъ) и ходитъ или съ сумою или съ арфою, или съ коловраткою (органомъ-шарманкою). Поминаютъ Императора Іосифа и не любятъ теперешняго. Господами своими хвастаются. Обрядовъ и сказокъ пересказывать не у мѣста—и спать хочется.

Прага, 1840. 12 Мая.

Вчера мы воротились въ 4-мъ часу послѣ обѣда. Поспѣшили потому что заболѣлъ сынокъ Станька и теперь ему очень дурно. Станекъ былъ у меня и говорилъ, что жена его и Тонинка не спали цѣлую ночь у постѣли малютки. А прогулка наша была прекрасная. Со счастливаго начала хочу почаще такъ дѣлать. Уже одна есть впереди—къ Винаржицкому [1]) съ Челяковскимъ, и еще одна къ другому священнику за Мельникъ съ Станькомъ.

Завтра приглашенъ на музыкальный вечеръ къ Томашку [2]).

Цѣлую вашу ручку и поздравляю съ наступающимъ днемъ Вашего Ангела.

Поклонъ всѣмъ и каждому.

Из. Срез.

Слѣдовало бы написать и еще листокъ; но не успѣю, да и не о чемъ [3]).

XXVII.

№ 15. Прага, 1840.

14 Мая. Вчера былъ музыкальный вечеръ у Томашка, вечеръ для меня,—и меня тамъ не было! Досада да и только. Въ Вторникъ приходилъ ко мнѣ Ганка съ приглашеніемъ, и, давши письмо Погодина Шафарику, для передачи ему, сказалъ между прочимъ, что-бы я увѣдомилъ Шафарика и о вечерѣ. Я было

---

[1]) Karel Alois Vinařicky—почтенный Чешскій литераторъ и ученый,—фарарь Кованскаго прихода (1802—1869); онъ извѣстенъ какъ переводчикъ Греческихъ и Римскихъ поэтовъ. И. И. Ср—ій въ письмахъ къ Краевскому отзывается о немъ, какъ о замѣчательномъ по стиху поэтѣ. См. также Донесеніе И. И. С. изъ Вѣны 8 Февр. 1841 г. (Ж. М. Н. Пр. 1841 г. № 8).

[2]) Václav Tomášek—извѣстный Чешскій музыкантъ и композиторъ (1774—1850).

[3]) Приписка на полѣ.

собрался идти къ Шафарику, но пришелъ Станекъ, потащилъ къ Фричовымъ [1]); тамъ меня удержали до вечера — и я у Шаф. не былъ. Вчера — утро просидѣлъ дома, вовсе забывши о вечерѣ, а послѣ обѣда пришелъ Челяковскій и просидѣлъ до 1/2 шестаго. Проводивши Челяковскаго, я пошелъ къ Шафарику, совѣстясь идти къ Томашку, не сказавши ему о томъ, да и вовсе не предполагая, что вечеръ для меня, слѣдовательно думая, что если неудобно быть на этотъ разъ, то буду въ другой. Съ Шафарикомъ разговорились,—и уже въ 8-мъ часу я могъ ему сказать о Томашкѣ. «Вы званы?»—Да.—«Что-же вы не пошли?»—Совѣстно было идти, не сказавши Вамъ. — «Ай, ай, ай! А Ганка вамъ не сказалъ, для кого этотъ вечеръ»?—Нѣтъ.— «Ну, такъ онъ самъ виноватъ. Томашекъ честолюбивый человѣкъ: онъ дѣлалъ это для васъ. Жаль!»—Я почесалъ въ головѣ, и остался у Шафарика, потому что идти уже было поздно.—Сегодня утромъ приходитъ Станекъ, и говоритъ мнѣ, что меня тамъ долго ждали, что онъ хотѣлъ было взять фьякръ и ѣхать за мною, но что всю вину онъ взялъ на себя, сказавши Томашку, что обѣщалъ зайдти за мною, и забылъ. Вечеръ былъ прекрасный. Дочь Томашка пѣла пѣсни изъ Краледв. рукописи, Томашекъ много говорилъ о музыкѣ народной. Время прошло весело. Послѣ обѣда я пошелъ къ Ганкѣ, и еще разъ досадовалъ вмѣстѣ съ нимъ. Томашекъ хочетъ сдѣлать еще разъ вечеръ, когда пріѣдетъ Докторъ Гай.—

15-е Мая.—Утромъ сегодня былъ у Ганки въ Музеумѣ, послѣ обѣда у Челяковскаго и потомъ въ театрѣ вмѣстѣ съ нимъ, гдѣ давали опять l'Elisire d'Amore, и Подгорская снова восхищала всѣхъ своимъ роскошнымъ голосомъ и умѣньемъ управлять имъ.

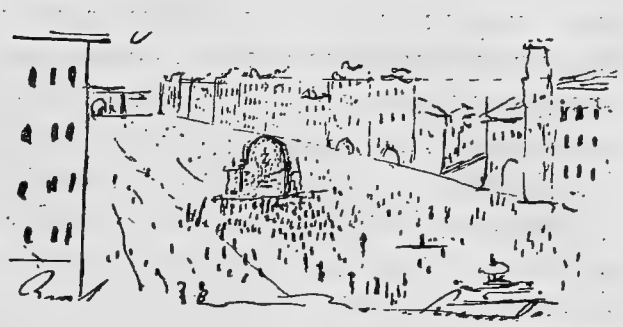
16-е Мая. Суббота. Воротившись изъ обѣдни, сажусь въ ожиданіи обѣда за газеты, вдругъ дверь отворяется, и хозяйскій сидѣлецъ подаетъ письмо... Боже мой, изъ Харькова! Да эдакъ я пожалуй и избалуюсь, душенька Маменька! Теперь Вы пишете ко мнѣ чаще, нежели я къ Вамъ. Цѣлую Вамъ ручку за это, милая Маменька. Можетъ быть въ Прагѣ только мнѣ и побаловаться, а тамъ... Впрочемъ можетъ быть и нѣтъ. Сколько до сихъ поръ знаю, думаю, что путешествіе мое не будетъ быстробѣгучее. Для избѣжанія лишнихъ издержекъ въ пути, конечно, лучше переселяться изъ города въ городъ, изъ страны въ страну; но такое путешествіе выгодно для того, кто хочетъ любоваться, а не изучать что нибудь. Для меня же гораздо лучше засиживаться въ одномъ городѣ, и изъ него дѣлать вылазки въ окрестныя страны. Въ Прагѣ, я думаю, останусь до осени; а потомъ въ Вѣну... кажется зимовать буду въ Вѣнѣ, гдѣ можно найдти довольно и Чеховъ и Словаковъ, и разнаго рода Иллирійцевъ. — Какъ бы то ни случилось, однако, Вы будете знать,

[1]) Вѣроятно семейство Фрича (Josef Frič), адвоката и профес. юридическихъ наукъ.

Маменька, гдѣ я; а пока узнаете, пишите письма въ Прагу, и лучше на имя Ганки или Шафарика.—

Между тѣмъ надобно написать Вамъ нѣсколько словъ и о «славности», которую теперь празднуетъ Прага. Сегодня день св. Іоанна Непомука. Я уже, кажется, писалъ Вамъ, что великолѣпная серебрянная рака его есть одно изъ блестящихъ украшеній Собора св. Вита. Іоаннъ Непомукъ былъ Пражскимъ священникомъ и по повелѣнію короля Вячеслава сверженъ въ Молдаву съ моста. Въ 1729 г. онъ былъ канонизированъ, т. е. причисленъ къ лику святыхъ, и съ тѣхъ поръ сталъ въ числѣ патроновъ Чехіи, наиболѣе чтимыхъ всѣми Чехо-Славянами. Едва ли можно найдти въ цѣлой Чехіи домикъ, въ которомъ бы не было его статуи. Въ Прагѣ же не только въ домахъ, но и на домахъ видите эти статуи. Кстати. Прага въ отношеніи религіозномъ похожа на Бенэресъ; не только множество церквей, часовень и прочихъ молитвенныхъ мѣстъ, но во всякой улицѣ вы найдете передъ чѣмъ стать на колѣна и молиться,—на однихъ изъ домовъ въ самой серединѣ, между окнами бель-этажа, нарисованъ огромный образъ, на другихъ то-же въ серединѣ, въ нишѣ, или на углу статуя какого нибудь святаго, или Божіей Матери, или распятіе; даже на площадяхъ стоятъ всюду такія статуи. Словомъ куда ни оборотитесь—или образъ, или статуя. Изъ статуй всего чаще статуи св. Іоанна Непомука. На праздникъ его стекается народъ въ Прагу не только со всѣхъ сторонъ Чехіи, но и изъ Моравіи, изъ Венгріи, Тироля и такъ далѣе. «Венковскій» (=не живущій въ Прагѣ) народъ копитъ деньги на это странствіе въ Прагу цѣлый годъ, и на 40 миль вокругъ Праги нѣтъ человѣка, который бы хоть однажды не былъ въ Прагѣ въ день св. Іоанна Непомука. И какъ идетъ этотъ народъ въ Прагу. Съ каждаго прихода люди рѣшившіеся идти въ Прагу, собираются вмѣстѣ, и взявши изъ церкви знамя процессіей идутъ, всю дорогу напѣвая пѣсни св. Іоанну. Уже въ Четвергъ, шодши въ Музеумъ, я встрѣтилъ по дорогѣ нѣсколько такихъ процессій. Вчера я также былъ въ Музеумѣ, и ходилъ съ Ганкою въ церковь Вита. Дворы дворца, черезъ которые надобно идти къ церкви, были уже полны. Тутъ и Штевницкіе Словаки въ костюмахъ Вамъ извѣстныхъ, и Словаки изъ горъ въ бѣлыхъ шляпахъ и плащахъ, и Мораваны въ синихъ шинеляхъ, и Ганаки въ синихъ курткахъ и малиновыхъ панталонахъ, и Чехи во фракахъ и кожаныхъ штанахъ, и женщины въ раз. костюмахъ, подобныхъ тѣмъ, которые описывалъ въ прошломъ письмѣ. Мостъ, украшенный между прочимъ также бронзовою статуей Іоанна также былъ полонъ. Въ 6 часовъ при громѣ пушекъ было совершено на мосту молебствіе передъ статуей, которая по этому случаю была украшена балдахиномъ въ родѣ алтаря, и по захожденіи солнца освѣщена множествомъ цвѣтныхъ фонарей. Такая же статуя стоитъ и на моемъ Конскомъ торгу; и она также

была украшена. Вчера вечеромъ, возвратившись изъ театра, я занимался, а по площади неслись отъ мѣста гдѣ статуя, звуки пѣсни колѣнопреклоненнаго передъ нею народа. Я выглянулъ въ окошко—и заглядѣлся. Середи площади



статуя, украшенная олтаремъ горитъ фонарями, во всѣхъ окнахъ домовъ горятъ свѣчи, мѣсяцъ свѣтитъ изъ за тучъ. Площадь полна народомъ,—и всюду поютъ. Зрѣлище для меня необыкновенное и поразительное.

Сегодня въ 8 часовъ утра я вышелъ изъ дому въ Музеумъ, что бы съ Ганкою вмѣстѣ идти къ обѣднѣ, которую въ 11 часовъ долженъ былъ служить Архіепископъ. Обыкновенно иду я изъ дому до Музеума 20 минутъ или 25; сегодня шелъ цѣлый часъ; потому въ Іезуитской улицѣ, не доходя до моста, по мосту, и за мостомъ до самаго замка, особенно на сходцахъ должно было, за множествомъ народа, подвигаться шагъ за шагомъ. Все это мѣсто будто одна церковь. Иногда надобно было продираться, особенно тамъ гдѣ народъ стѣснился около лавочки, гдѣ продаютъ молитвенники и образа, слушая пѣсни продавицъ; а такихъ лавочекъ на однихъ сходцахъ и около нихъ около 100. Каноникъ Пешина [1]), съ которымъ я познакомился въ собраніи Музеума, бывшемъ недѣли за двѣ, далъ мнѣ билетъ на хоры, и мы получили съ Ганкою прекрасное мѣсто: видно было и алтарь и народъ. Нѣчего говорить, что церковь была биткомъ набита, и не только церковь—три огромныхъ двора дворца также. Такое стеченіе народа я видѣлъ въ Россіи только тогда, когда, помните, встрѣчали мы въ Харьковѣ Императрицу. Передъ обѣднею Пешина читалъ проповѣдь, и при концѣ ея народъ рыдалъ. Служба шла своимъ чередомъ великолѣпно и въ сопровожденіи музыки и пѣвчихъ. Мы не дождались конца и вышли.—Теперь уже семь часовъ вечера. Еще Конскій торгъ полонъ народа; но уже многіе идутъ изъ Праги. Завтра будетъ все пусто. Различ. процессій описать нельзя. Вотъ для примѣра одно. Часу въ четвертомъ, когда у меня еще сидѣлъ Челяковскій, услышали мы необычайно громкій голосъ пѣсни, и подошли къ окну. Видимъ, что толпа человѣкъ 500 идетъ и поетъ пѣснь, а впереди несутъ къ олтарю св. Іоанна статую Божіей Матери на носилкахъ такой формы:

[1]) Pešina, Václav Michal (1782—1859)—проповѣдникъ и писатель-богословъ.

Кстати сказать: Чехи очень любятъ духовныя пѣсни и имѣютъ ихъ болѣе нежели обыкновенныхъ пѣсенъ.—Многое мнѣ кажется страннымъ въ католическихъ обрядахъ; но когда вспомнишь о благоговѣніи, съ которымъ исполняются они народомъ, чувство овладѣваетъ душою. Нельзя не чтить обряда, исполняемаго по внушенію души, жаждущей молиться.—

Сегодня я былъ опять въ театрѣ. Давали глупую, но простонародную комедію, и хохоту было въ театрѣ много. Завтра опять будетъ даваться Чешская пьеса—опера Іесонда. Опять пойду. Не хочу опустить ни одного Чешскаго представленія; а онѣ уже скоро кончатся. Лѣтомъ Чешская сцена закрыта. Остается только пять представленій, какъ сказалъ мнѣ Шафарикъ, съ которымъ мы шли изъ театра вмѣстѣ.—

Завтра хотѣли мы съ Челяковскимъ идти на Шарку, верстъ за 7 отъ Праги; но погода непостоянная заставляетъ отложить до времени это странствіе. А погода удивительно непостоянна: вчера, шедши въ театръ, нельзя было думать о дождѣ; а, выходя, принуждены были съ Станькомъ взять фіякръ. Сегодня послѣ обѣдни тоже грянулъ дождь, и если бы на мнѣ не было каучуковаго пальтона, который я купилъ вмѣсто плаща, то промокъ бы до костей. Теперь опять свѣтло и сухо.

Прощайте, Маменька.

Из. Срезн.

20-е Мая. Сейчасъ получилъ Ваше письмо съ приписками друзей моихъ и не могъ не заплакать. Съ какою бы радостію прижался я къ груди Вашей. Словами высказать моей благодарности не могу.—

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Маріѣ Ивановнѣ, Марьѣ Ѳедоровнѣ Miss Fanny, Марьѣ Андреевнѣ, Григорію Григорьевичу [1]).

Мое почтеніе ...[2]) Петров. и его батюшкѣ, Ивану Петровичу и т. д.

Надинька [3])! Ауууууу! — Ну ка въ Прагу. Я бы познакомилъ какъ разъ съ Боженой (дочерью Станька), съ которою мы иногда играемъ въ куклы. —Ахъ, и забылъ, что Наденька не играетъ. А. Божена не меньше.

Добрый Амвр. Лукіановичъ замѣтилъ мнѣ, что я чѣмъ то огорчилъ Васъ въ одномъ изъ писемъ моихъ. Душевно благодарю его,—а у Васъ, душенька Маменька, прошу прощенія, хоть право въ головѣ не было ни малѣйшаго помысла огорчить Васъ.

Пожалуйста не сердитесь, Маменька, на меня за письмо, которое Васъ огорчило.

---

[1]) М. И. Фидлеръ, М. Ѳ. Питра, Ф. С. Питра, М. А. Аничкова, Г. Г. Фидлеръ.
[2]) Слово не разобрано.
[3]) Н. Топчіева,

XXVIII.

№ 16. Прага. 1840. Мая 28.

Вы не осердитесь, милая Маменька, что я начинаю это письмо на лоскуткѣ: скупость! Когда разрѣзывалъ бумагу, задумался, и разрѣзалъ не такъ, какъ надо. Что-жъ, не бросить-же его! Притомъ-же больше этого листка и не придется написать изъ Праги, потому что....завтра въ 12 часовъ ѣду въ Болеславь (на картѣ Вы найдете Бунцлау на СВ отъ Праги). Винаржицкій, одинъ изъ почетнѣйшихъ литераторовъ Чешскихъ, фараремъ (начальникомъ прихода, священниковъ)| въ Ковани, недалеко отъ Болеслави, и боленъ очень. Станекъ уже ѣздилъ къ нему, не сказавши мнѣ; теперь ѣдетъ опять, и я не упускаю случая. Можетъ быть уже другаго случая не будетъ мнѣ побывать въ тѣхъ мѣстахъ. Слѣдующій листокъ буду уже конечно писать изъ Ковани или Болеслави.

О чемъ-же писать теперь?—Теперь 9 часовъ. Отрядъ солдатъ переходитъ черезъ Конскій торгъ съ музыкою—и напоминаетъ мнѣ о музыкальности Праги. Вотъ достоинство, которое ни врагъ у нея не отниметъ. Прага языкомъ можетъ молчать, но инструментомъ и гортанью—не въ силахъ, и нѣтъ минуты ни днемъ ни ночью, когда бы Вы не слышали какой-нибудь мелодіи. На Конскомъ торгу то (обыкновенно утромъ рано) идутъ сотни мальчиковъ и дѣвочекъ изъ школы въ церковь или обратно съ знамёнами и крестами и поютъ духовную пѣснь; то везутъ мертваго воина (солдата и офицера), и передъ гробомъ идутъ солдаты и музыка играетъ погребальный маршъ; то разводъ; то (обыкновенно вечеромъ) передъ домомъ какой нибудь слечинки (барышни), наканунѣ дня ея рожденія, пѣвцы поютъ ей серенаду, желая ей долголѣтія, здравія и всего; то (обыкновенно) позднимъ вечеромъ ворочается съ гулянья стая молодцовъ и поетъ народную пѣсню или арію изъ оперы, или романсъ; а въ промежуткахъ слышите то гармонику, то коловратку (шарманку), то арфу, на которой играетъ какая нибудь слѣпая, то кларнетъ, то скрыпку, то фортепіано, то то, то другое. Выходите изъ дому, когда хотите и куда хотите,—и вы музыки не минуете. Коловратки надоѣдаютъ, арфъ не пересчитаешь, пѣвуней сколько домовъ и этажей, а въ садахъ каждое послѣ обѣда концерты, въ церквахъ же каждый день органы, въ шинкахъ, самыхъ худшихъ даже, хоть одноглазый басистъ съ беззубой пѣвицей или слѣпою арфисткой, а все таки потѣшаютъ почтеннѣйшую публику. И замѣтьте—тактъ рàзъ—два, рàзъ—два чаще всего. Люблю Прагу за ея музыкальность столько же, сколько сожалѣю о ней за мотовство на наряды. Дворянки хотятъ отличиться отъ мѣщанокъ богатствомъ наряда; мѣщанки этого не хотятъ и тянутся изо всѣхъ силъ за ними; — и пошло. Напр. кто это

идетъ вся въ атласѣ и блондахъ, перекинувши черезъ руки богатую шаль, идетъ точно живая модная картинка?, Это мамзель Панна, дочь угольной продавицы табаку, которая сидитъ и спитъ цѣлый и каждый день въ шкафикѣ со стеклушкомъ, и сквозь него отпускаетъ проходящимъ трубку за гривну, табакерку за три гроша, и т. п.

Ай! Моя бумага и самъ не знаю какъ склѣилась. Тѣмъ лучше. Не знаю только какъ склѣить съ тѣмъ, что уже написалъ, то, что еще взошло мнѣ въ голову. Вотъ что. Еще особенность Праги: лотереи. Каждую недѣлю розыгрывается казенная лотерея, и объявленія объ этомъ можно читать на каждомъ углу, а билеты доставать почти въ каждой лавочкѣ. Гдѣ вѣчные зрители, гдѣ эти зрители чаще застаиваются? тутъ, у этихъ лавочекъ. Всѣ, всѣ испытали эти горькія неудачи,—и между тѣмъ надежда манитъ, ослѣпляетъ, судорожно сцѣпляетъ руку въ карманѣ, судорожно выбрасываетъ ее изъ кармана съ деньгами за билетъ, обманываетъ—и снова манитъ. Я уже не разъ становился въ рядъ этихъ деньголюбцевъ, чтобъ смотрѣть на игру физіогномій, прислушиваться къ шопоту и ворчанью. Бѣдные!.. А правительство знаетъ, что пускаетъ этими лотереями по миру десятки еженедѣльно, не говоря уже о развратѣ сердца,—и между тѣмъ торгуетъ, отдавая содержаніе этихъ лоторей на откупъ Жидамъ. Музыкальность, любовь наряжаться, страсть къ лотереямъ и наконецъ—богомольство (очень кстати!): вотъ 4 сторонки квадрата, между которыми мечется сердце жителя Праги.—Проиграетъ еще гульденъ, съ горя помолится, развеселится, пріодѣнется, заслушается музыки и опять къ лотереѣ!—

Венеція (по Чешски Бенатки) 29-го Мая.

— Венеція?—спрашиваете Вы, милая Маменька. Да, Венеція... И какъ близко отъ Праги—только 5 миль—35 верстъ! Выѣхавши изъ Праги въ полдень, мы пріѣхали сюда въ 6 часовъ. А право Венеція—Бенатки, какъ и на Адріатическомъ морѣ. Впрочемъ объ этой Венеціи нечего писать. Дрянной городокъ—да и только. Тѣмъ хуже показался мнѣ онъ, что въ немъ почмейстеръ содралъ съ насъ за пару лошадей до Совинки—2 гульдена серебромъ. До сюда мы ѣхали въ штельвагенѣ, чудномъ экипажѣ, который описывать нѣкогда. Пьемъ молоко и ожидаемъ, что подъѣдутъ лошади. Пріѣхали.—

Кованъ. 12-й часъ ночи. Послѣ ужина.

Доѣхавши до Совинки на почтовыхъ, мы получили здѣсь отъ управителя дрожки до Кованы, и управитель этотъ былъ такъ добръ, что предложилъ мнѣ пользоваться лошадьми цѣлый завтрашній день для осмотрѣнія окрестностей. Насъ приняли у Винаржицкаго какъ родныхъ. Ему лучше; но все еще

лежитъ. Онъ не ожидалъ меня и обрадовался. Старикъ—отецъ его и дѣвушка—дочь угостили насъ по Славянски.— Ложусь спать, потому что завтра въ 4 часа долженъ ѣхать на гору Бездесъ и далѣе.—

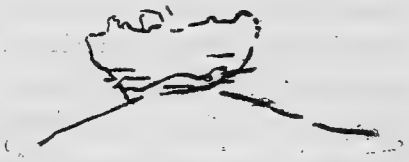
Подъ Бездесомъ. Трактиръ. 30 Мая.

Еще я пьянъ, чуть не помѣшанъ. Видъ, которымъ я наслаждался, былъ для меня такъ новъ, такъ поразителенъ, что я былъ внѣ себя отъ наслажденія, и до сихъ поръ передъ глазами все онъ. Гляжу въ окно и вижу: Эта гора

будетъ можетъ быть въ четверо выше Хорошевской [1]). Можете представить, что̀ съ нее видѣть. Луга лѣса, десятки деревень, селъ и городовъ,—и горы—Исполиновы рисуются на границахъ горизонта, выступая все ближе и ближе отдѣльными вершинами, то голыми, то поросшими лѣсомъ, съ замками на высотахъ. Въ ясную погоду можно видѣть до Праги, и за Прагу. И теперь ясно; но рано, туманъ. Надѣюсь Вы скоро будете читать подробное описаніе этой поѣздки моей, и теперь молчу. Надобно похолодѣть.—Ѣду далѣе.

У подошвы Габихштейна.

Вы видали этотъ Габихштейнъ на картинкѣ. Помните—на горѣ гора въ видѣ корабля, и на вершинѣ замокъ, такъ:



У подошвы этой горы въ гостинницѣ сижу я теперь и пишу пока подадутъ кофе. Напьюсь, и на гору. Очень радъ, что могу побывать въ этихъ мѣстахъ такъ, какъ случилось. Винаржицкій далъ мнѣ проводника, который всюду былъ и все знаетъ. Кстати о томъ, какъ приняли меня у него. Не пробило сегодня еще и 4 часа, какъ въ двери стукъ-стукъ. Я былъ уже одѣтъ. Отворяю: сестра Винарж. несетъ кофе. Бѣдненькая, она должна была встать прежде меня, чтобы приготовить. Я благодарилъ какъ умѣлъ; но что значатъ слова благодарности передъ этою гостепріимностію,—и если бы Вы видѣли, съ какимъ радушіемъ было дѣлано это. Нельзя не замѣтить и о житьѣ-бытьѣ его. Если всѣ священники помѣщены такъ, то нельзя не по-

[1]) Около Харькова; на ней находится женскій Хорошевскій монастырь.

жалѣть, что у насъ... отъ этого еще далеко. Прекрасный двуэтажный домъ у церкви, очень мило меблированный,—годился бы для любаго города. И всего въ довольствѣ.—Одиннадцать. Пора идти на гору. Кучеръ и проводникъ допиваютъ свой кофе. Маменька, гдѣ вы? Пойдемъ! Взойдти можно, говорятъ, совершенно безопасно, даже покойно. Пойдемъ!..

Воротившись.

Удивительно. Казалось бы, что такъ создать могла одна фата-моргана и то на нѣсколько минутъ. Вотъ вамъ вѣрный снимокъ одной изъ профилей:

И со всѣхъ сторонъ обходя эту скалу вы идете подъ нею, часто такъ, что если бы и обвалился камень сверху, то и не тронулъ бы васъ. Вверху камень очень крѣпокъ, внизу, въ основаніи этой дивной скалы, мягокъ, такъ что его ломаешь въ рукѣ и ломая растираешь въ песокъ. Морское происхожденіе скалы слишкомъ очевидно; всюду видны отпечатки черепашекъ и рыбьихъ перьевъ. На верху скалы остаются остатки стѣнъ и валяются черепки и угли. Замокъ сгорѣлъ. Въ разныхъ мѣстахъ въ скалѣ прорублены ямы, проходы, цѣлыя залы, былъ и колодецъ.—А что съ Вами, душенька Маменька, могли бы мы все видѣть, то это совершенная правда. За два года, когда кто хотѣлъ всходить на скалу, то надобно было приставлять лѣстницу; теперь сдѣлана башня, и въ ней сдѣлана прекрасная витая лестница, которою всходите безъ усталости на первый ярусъ; на самый верхъ тоже безъ усталости всходите по ступенямъ, высѣченнымъ въ скалѣ. Какъ бы прекрасно было, если бы все Курежское наше общество собралось здѣсь и погуляло бы... Я былъ бы проводникомъ. И какой видъ сверху, и какъ всего много, чѣмъ можно любоваться. А то—теперь я одинъ записалъ свое имя въ памятной книгѣ.—Я хотѣлъ было вырѣзать и свое имя на скалѣ, но ножъ не хватилъ, а гвоздя не было.

Кованъ. Понедѣльникъ.

Вчера въ половинѣ пятаго я былъ уже опять въ Кованы. Станекъ уже уѣхалъ въ Прагу,—и я остался одинъ въ гостяхъ. Посидѣвши съ Винаржицкимъ, я пошелъ съ отцомъ его, добрымъ старичкомъ, и прежнимъ проводникомъ моимъ оглядѣть окрестности Кованы и житье здѣшнихъ седлѣковъ. Равнина, на которой стоитъ Кованъ, заставляетъ думать что глядѣть не на что; но вышедши 20 шаговъ изъ деревни видишь совсѣмъ другое: между Кованью и ближнимъ селомъ Скальскимъ лежитъ долина такъ глубокая, что

ея берега выше Хорошевской горы. Долина извивается разнообразно и дѣлится на отроги. Дикія скалы стѣнами и башнями торчатъ всюду, изъ подъ нихъ бьютъ ключи и журчатъ по долинѣ. Словомъ чудная природа, превосходное гулянье. Мы бродили по горамъ, по долинѣ часа три. Старикъ воротился домой, а я съ проводникомъ въ Подскальское, гдѣ два седляка выстроили недавно два новыя строенія для хозяйства, что стоило посмотрѣть. Оглядѣли и потомъ пошли по селенію, заходя въ домики то напиться воды, то спросить гдѣ живетъ тотъ или другой, нѣтъ—подъ какимъ нибудь другимъ предлогомъ. Я замѣтилъ всюду чистоту, опрятность. Нѣтъ ни одной избы не оштукатуренной. Домиковъ еще много деревянныхъ, но теперь уже запрещено ст[р]оить деревянные: камней пропасть, черепица не дорога, и строится разъ навсегда, безъ боязни пожара.—Но это-ли Славянское Воскресенье—все тихо, никого не видно. Женщины Богъ знаетъ гдѣ, а мужчины у пивовара за пивомъ играютъ въ карты. Только дѣти собрались на площадкѣ и играютъ въ «поцѣлуи».—Сегодня черезъ полчаса иду пѣшкомъ въ Болеславь и оттуда далѣе ѣду.

Либунь. Среда, 3-е Мая [1]).

Цѣлыхъ двое сутокъ не принимался зе перо. Право, времени не было: то то, то се. И вотъ въ нѣсколькихъ словахъ отчетъ, какъ прошли для меня эти два дни. Въ Понедѣльникъ въ началѣ 9-го я простился съ Винаржицкимъ, и въ путь пѣшкомъ изъ Ковани въ Болеславь, и не прямою дорогой, а тропинкой. Болѣе полутора часа шли мы (съ проводникомъ) по долинѣ извивающейся изъ Ковани на югъ къ рѣкѣ Изерѣ; потомъ еще около полутора часа по берегу Изеры вверхъ. Надобно было спѣшить въ Болеславь чтобы успѣть занять мѣсто въ Болеслав. дилижансѣ; а потому, проходя мимо 7 деревенекъ, заходили то въ тотъ, то въ другой домикъ только на нѣсколько минутъ. Три часа прошли незамѣтно. Въ одиннадцать Болеславь была передъ глазами; въ половинѣ 12-го я уже былъ на почтѣ. Взявши билетъ, я пошелъ бродить по городу. Болеславь хоть и Крайскій городъ, но довольно нечистъ и нехорошъ, и притомъ малъ такъ, что въ полчаса я обходилъ все лучшее. Потомъ пообѣдалъ и въ часъ пополудни поѣхалъ по дорогѣ въ Ичинъ до Соботки. Это всего три мили. Въ 4 часа мы были въ Соботкѣ. Оставивши верхній кабадъ и портфейль въ гостинницѣ я пошелъ къ Декану Ветешнику [2]), самъ не зная, останусь ли въ Соботкѣ или далѣе поѣду.

---

[1]) Описка: надо читать 3-е іюня (по новому стилю = 22 мая стараго стиля).

[2]) František Vetešník—Чешскій писатель (1784—1850); богословъ по образованію, приходскій священникъ, фарарь и деканъ по служебной дѣятельности, онъ посвятилъ свою дѣятельность главнымъ образомъ распространенію грамотности и книгъ въ средѣ простого народа и былъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей извѣстнаго издательскаго общества Матицы Чешской.

Ветешникъ обрадовался пріѣзду Русскаго, какъ роднаго, и упрашивалъ остаться до утра; но между тѣмъ у него уже было взято мѣсто въ дилижансѣ до Ичина. Узнавши это, намъ не трудно было согласиться ѣхать въ Ичинъ вмѣстѣ,—и поѣхали: я также долженъ былъ ѣхать въ Ичинъ, что бы познакомиться съ профессорами Широмъ [1]) и Махачкомъ [2]). Въ продолженіе двухъ часовъ мы сдѣлали этотъ переѣздъ двухъ миль. По дорогѣ говорили о Россіи и Чехіи. Я любовался видами, а Ветешникъ, почтенный, добрый и умный старикъ, разсказывалъ мнѣ о житьѣ-бытьѣ Чеховъ и требовалъ отъ меня въ замѣнъ объясненій о Россіи. Онъ любитъ ее какъ родную землю. Въ Ичинѣ мы заходили въ книжную лавку, а потомъ пошли къ проф. Ширу. Ширъ тоже упрашивалъ остаться на ночь въ Ичинѣ, но Ветешникъ расположился такъ: мы съ нимъ двое тотчасъ пойдемъ въ Либунь пѣшкомъ тотчасъ, а Ширъ и Махачекъ прійдутъ туда на другой день,—и такъ сойдемся вмѣстѣ. Жена Шира поподчивала насъ виномъ: чокнувшись стаканами за здоровье Русскихъ, Чеховъ и всѣхъ Славянъ, шапки на головы, и пошли. Ширъ захотѣлъ провожать насъ нѣсколько. Отъ Ичина до Либуни будетъ конечно миль около двухъ: потому что вышедши изъ него въ началѣ 8-го, мы пришли въ Либунь въ $^1/_2$ одиннадцатаго. Ширъ провожалъ насъ до половины дороги. Деканъ Марекъ [3]), къ которому шли мы въ Либунь, уже спалъ; мы разбудили—и на радости сидѣли и болтали еще довольно долго. Очень рано утромъ Ветешникъ пошелъ домой въ Соботку, потому что вспомнилъ, что долженъ былъ вѣнчать; но, прощаясь со мною, обѣщалъ воротиться послѣ обѣда. Этотъ разговоръ я помню сквозь сонъ: солнце еще не всходило, а спать мнѣ очень хотѣлось. Около 7-ми часовъ мы поздоровались съ Маркомъ, и послѣ кофе, пошли на Троски. Вы также видѣли на картинкѣ эти дивныя скалы. На очень возвышенномъ пологомъ холмѣ поднимаются вверхъ двѣ скалы какъ двѣ башни, такъ: между ними сдѣлана человѣкомъ передовая стѣна замка, сзади ихъ много, и на вершинахъ каждой по башнѣ. Тростки отъ Либуни не много далѣе мили, такъ что на походку туда и обратно намъ нужно было около $4^1/_2$ часовъ. Подошедши къ Троскамъ, Марекъ (сѣдой, хоть и свѣжій старикъ) указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ взбираться на одну изъ нихъ.—Да это невозможно! сказалъ я.—Невозможно? Я вамъ покажу, что можно.—Онъ снялъ

---

[1]) Franišek Sir (1796—1867) профессоръ Ишинской гимн., впослѣдствіи директоръ той же гимназіи. Посвятивъ себя филологіи, работалъ надъ Чешскимъ яз. и занимался изученіемъ классиковъ; имъ издано много пореводовъ съ древнихъ языковъ.

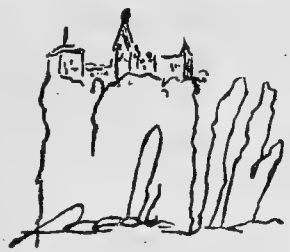
[2]) Macháček Šimon Karel (1799—1846); извѣстенъ, какъ переводчикъ Нѣмецкихъ поэтовъ.

[3]) Antonín Marek (1785—1877)—писатель-богословъ; И. И. С—скій въ письмахъ къ Краевскому отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ ученомъ и знатокѣ Русскаго языка. Марекъ занимался въ то время переводами стихотвореній Пушкина и Державина. Его псевдонимъ Болемиръ Изборскій.

сертукъ и пошелъ карабкаться на отвѣсную скалу. Я хотѣлъ было послѣдовать его примѣру; но сколько ни желалъ, сколько ни старался,—не могъ. Марекъ сползъ и мы пошли къ другой. Тутъ до половины приставлена къ скалѣ гигант. лестница ступеней во сто. Мы полезли по ней, и сверху лестницы любовались видомъ: не хуже вида съ Бездѣса. Со временемъ сдѣланы будутъ ходы на обѣ скалы.—Не успѣли мы воротиться домой, какъ пришелъ Ветешникъ изъ Соботки, Ширъ изъ Ичина. Обѣдали. Послѣ обѣда пріѣхалъ Махачекъ съ Гульманомъ. День прошелъ весело. Вечеромъ, провожая гостей, мы гуляли съ Маркомъ вокругъ Либуни.—Теперь уже половина 7-го: черезъ часъ идемъ пѣшкомъ въ Турновъ, за двѣ мили отъ Либуни.—Такъ то бродитъ Вашъ сынокъ.

Либунь. 4-е Мая.

Еще день минулъ, и минулъ оставивши во мнѣ надолго нѣсколько пріятныхъ воспоминаній. Съ почтеннымъ Маркомъ мы ѣздили въ Турновъ. Проѣзжая мимо великолѣпныхъ утесовъ Грубой Скалы мы заѣхали къ владѣльцу Грубоскальскаго замка, барону фонъ Эренталю, были приняты имъ очень ласково и радушно, и осмотрѣли сблизи утесы и любовались видами. Видовъ описывать нѣтъ силъ; а что до вида скалъ, то довольно сказать, что большая часть ихъ похожи на окаменѣлые пни пальмъ, въ вышину по крайней мѣрѣ въ четверо выше нежели въ толщину; и дорога къ замку только съ одной стороны, а съ другихъ утесъ:



Очень жаль, что погода вчера какъ и сегодня дождлива и не позволила побродить между скалъ. Въ Турновѣ заходили мы въ два дома, гдѣ все напоминаетъ Русь—портреты и бюсты Государя, виды Петербурга и Москвы, самоваръ, чай, Рус. языкъ хоть немножко. Обѣдали у Декана, гдѣ по случаю визитаціи школъ благочиннымъ былъ обѣдъ для окольнаго духовенства. Какъ Русскій я и здѣсь принятъ былъ съ почетомъ. Нельзя было не видѣть, что духовенство Чешское и образовано и любитъ Чештину. Я сказалъ Марку, что духовенство Чешское можно считать столбами народа Чешскаго, какъ въ Россіи дворянство. Мое замѣчаніе побѣжало по цѣлому столу,—и обѣдъ кончился тостомъ за здравіе Словянъ. Послѣ обѣда ходили еще кое-куда въ Турновѣ, и въ половинѣ 10-го вечеромъ воротились домой.—Сегодня отправлюсь въ Ичинъ и оттуда, кажется, прямо въ Прагу.

Путешествіе это было для меня во всѣхъ отношеніяхъ полезно. Я познакомился съ одною изъ прекраснѣйшихъ и населеннѣйшихъ странъ Чехіи,

говорилъ постоянно по Чешски, узналъ многое объ обычаяхъ Чеховъ, записалъ нѣсколько пѣсенъ.—

Прага, 6 Мая. Суб.

И дома. 4-го Мая послѣ обѣда мы поѣхали съ Маркомъ въ Ичинъ. У Шира меня оставили на ночь. Заходили къ Махачку, и милая жена его играла мнѣ кое-что Русское на фортопьяно и Мейзедеровы варіаціи на Русскую тему—на скрипкѣ,—на фортопьянѣ порядочно, на скрипкѣ превосходно. Жена и все сѣмейство Шира угощало меня и на другое утро въ 6 часовъ проводило изъ Ичина.—

Въ Соботкѣ я заходилъ къ Ветешнику проститься. Изъ Соботки въ Градиште (Мюнхенъ грецъ) гдѣ въ 1833 г. былъ съѣздъ императоровъ Русскаго и Австрійскаго, и гдѣ въ капуцинскомъ храмѣ поклонился я тѣлу Вальштейна. Оттуда въ Болеславь-Бенатки, Старую Болеславь и Прагу—въ 9 часовъ вечера.—

Тутъ засталъ Ваше письмо, милая Маменька.—Письмо, котораго Вы не получили, есть вѣроятно то, которое я писалъ черезъ Костомарова.—О чемъ, душенька Маменька, вы плачете? Ужели какое душевное горе? Если же не душевное, то бросьте его и будьте покойны. Братъ не пишетъ по обычаю: запоздалъ отвѣчать да и совѣстится. Очень радъ, что Вамъ нравится Пражскій вальсъ.—Поклонитесь Марфѣ Ивановнѣ, Марьи Ѳедоровнѣ и всѣмъ, кто помнитъ меня.

Прощайте. Цѣлую Вашу ручку.

Из. Срезневскій.

Простите, что гадко писалъ. Хотѣлъ было переписывать; но спѣшу отправить.

XXIX.

№ 17. Прага. Іюня 9-е или 10-е не знаю [1]). 1840.

Вчера была такая странность со мною, что я вспомнить не могу о ней безъ горя.—Я всталъ очень рано, растворилъ окно, сѣлъ подлѣ него и сталъ читать. Какъ это долго продолжалось не помню; знаю только, что мнѣ наскучило ждать моей панни съ кофе, и я съ горя сталъ зѣвать на площадь, какъ она мало-по-малу оживлялась.... Ѣдутъ возъ за возомъ, идутъ корзинки за корзинками; показываются и шляпки... Вдругъ—глядь: на противной сторонѣ идетъ цѣлая партія дамъ. Рядомъ съ ними—лицо знакомое, лондинеръ изъ Золотого Ангела. Всматриваюсь въ дамъ: ахъ, Господи! да это Фанни [2])!

[1]) Подъ цифрою 9 карандашемъ приписано: 8-е.
[2]) Ф. С. Питра.

А это развѣ не Марья Ѳедоровна [1])? А эта.... черная шляпка, черное мантеле... Въ минуту я, какъ бѣшеной, кое-какъ одѣлся—и выскочилъ изъ дому. Дамы переходили на площадь къ Хораусу, когда я бѣжалъ къ нимъ. «Маменька, Маменька!» я ничего не помнилъ, и вѣрно повалилъ Нѣмцевъ четырехъ пока добѣжалъ до Маменьки. «Боже мой!» и я цѣлую ручки Маменьки, чувствую, что меня обнимаютъ, нѣжно цалуютъ. Да не сонъ-ли это? какой сонъ! я все это чувствую, чувствую, что не сплю, что такъ живу, какъ никогда не жилъ. Вотъ и Фанни, и Марья Ѳедоровна, и Альбертъ [2]), и Доля [3]). Ахъ, Боже! Вотъ и Марѳа Ивановна, и Марья Андреевна [4])! Нѣтъ, это сонъ! Этого быть не можетъ. Марья Ѳедоровна съ сѣмействомъ своимъ ѣдетъ, положимъ, къ сестрицѣ [5]); Маменька ко мнѣ,—а Марѳѣ Ивановнѣ... «Маменька!» я спрашиваю: «сонъ-ли это?»—Душа моя!—отвѣчаетъ Маменька, какой сонъ! мы пріѣхали къ тебѣ—вези насъ на Габштейнъ. Я останусь съ тобою. Марфа Ивановна будетъ жить также въ Прагѣ, пока не возвратится Григорій Григорьевичъ [6]) изъ Баваріи, гдѣ онъ получаетъ наслѣдство огромное. Мы проводили его—и ищемъ тебя! Ну, веди же насъ къ себѣ, и напои чаемъ. Въ Вѣнѣ насъ подчивали чаемъ; но мы посмѣялись, и отдали дѣвушкѣ.» «Ахъ, нѣтъ, это сонъ!»—«Ну полно дурачиться. Видишь люди смотрятъ.»—Не я велъ, а меня вели. Мнѣ все чудилось, что все это вижу во снѣ, и что не дойду я до мраморныхъ воротъ Хараусa, какъ все это разсыпится и я очутюсь на постелѣ. Чтожъ не тутъ-то было. Мы прекрасно пришли въ мою комнату. Панни съ кофе; я ей въ руки самоваръ и Іисусомъ, Маріей, Іосифомъ заклинаю, чтобы «удѣл'ял'я рыхлѣйцъ», чтобы «за пул'ъ годины было готово» [7]).—Гнетъ, гнетъ, буде готово».—Растворяется флигель. Маменька садится, играетъ польку. Я усаживаю Марѳу Ив. и Мар. Ѳед. на софу, барышни танцуютъ. Я какъ помѣшанный—самъ не знаю, что дѣлать. Надо мной смѣются; а я то за сливками, то за гоуськами, то за красной салфеткой къ хозяйкѣ. «Маминка пшіел'я, маминка ма!»... И вдругъ—чортъ надалъ этой панни—разсмѣяться! Видитъ, что я, положивши на окно книгу, а ноги на стулъ—сплю. Я и проснулся. «Звал'я семъ васъ, пане, тши кратъ звал'я! Тоть е ку подиву!» [8])—и продолжаетъ хохотать. По неволѣ сѣлъ за кофе въ одиночку, между тѣмъ какъ думалъ подчивать чаемъ. До сихъ поръ такая досада, такое горе. Вспомнить не могу, или лучше забыть не могу.

---

[1]) М. Ѳ. Питра.
[2]) Альбертъ Самойловичъ Питра, впослѣдствіи проф. Судебней Медицины въ Харьковскомъ унив.
[3]) Адольфъ Сам. Питра, впослѣдствіи проф. батаники и ректоръ Харьковскаго унив.
[4]) М. И. Фидлеръ, М. А. Аничкова.
[5]) Къ Генріетѣ Ѳедоровнѣ Юнкертъ, которая въ это время жила въ Брауншвейгѣ.
[6]) Г. Г. Фидлеръ.
[7]) Чтобы поторопилась, чтобъ было готово въ полчаса.
[8]) Я васъ звала, сударъ, три раза звала! Просто удивительно!

Ужъ полно не предвѣстіе-ли это? Ужъ не отложить-ли мнѣ поѣздки? А я было уже воображалъ, что въ 9-ть отвезу васъ въ Виту и самъ къ Ганкѣ и искать квартиру и послѣ обѣда на Заграды и завтра въ театръ. Все лопнуло! Я, Маменька, не одинъ уже разъ жалѣлъ, что мы не поѣхали вмѣстѣ. Прекрасно было-бы! Равно я въ Турціи не поѣду, потому что по Турціи путешествовать нѣтъ никакой возможности; а въ Германіи путешествіе довольно покойно.

Впрочемъ у меня таки были вчера танцы. Вотъ какъ это случилось. Однажды заходилъ ко мнѣ съ Ганкою одинъ фарарь, Крольмусъ [1]), добрый, веселой человѣкъ,—и мы такъ понравились другъ другу, что онъ по моей просьбѣ навѣщаетъ меня довольно часто. Вчера онъ пришелъ въ 9 утромъ, чтобы переписать для меня Чешскія пѣсни [2]). Мы писали, пѣли. Я оставилъ его обѣдать. Послѣ обѣда кофе. Услышавши любимую свою пѣсню, вошла хозяйка, за нею хозяинъ. Кофе пили вмѣстѣ. Къ хозяевамъ пришли гости. въ мою комнату, было и три слечинки. Пришелъ и ко мнѣ Фреиндъ, Русскій учащійся здѣсь техникѣ. Передъ вечеромъ фарарь, охрипши заигралъ польку. Пошли плясать. Хозяйка меня учила, и выучила. Пѣли и плясали до половины 12. Хозяинъ поподчивалъ ужиномъ; а я послѣ ужина чаемъ. Я такъ бѣсился, что на мнѣ не осталось нитки сухой. Всѣ удивлялись, какъ я могъ быть такимъ шутомъ, когда обыкновенно сижу въ своей комнатѣ цѣлой день одинъ, и голоса не слышно. «Мы было думали—сказала мнѣ одна—что вы монахъ». «Поѣзжайте, да ворочайсь—сказала другая: будемъ танцовать».—Разумѣется будемъ.—Впрочемъ пора въ театръ: даютъ Фауста, и Фауста роль, за моимъ любимцемъ Фишеромъ. Иду.

На другой день.

Въ театрѣ я чутъ не заснулъ: кругомъ духота, потому что театръ былъ полонъ, а на сценѣ жалкая посредственность. Одна только роль Мефистофеля, бывшая за Ларошемъ (пріѣзжимъ изъ Вѣны), могла привлекать вниманіе и содержаніемъ, и исполненіемъ. Фаустъ-докторъ и Фаустъ-рыцарь и любовникъ не склѣились въ одно лицо; Гретхенъ была черезъ чуръ стара, писклива, и передъ смертію гадка; адъ былъ просто грязенъ.—Пусть Амвр. Лук. перескажетъ Вамъ содержаніе Фауста: поэма Гётева была почти вполнѣ на театрѣ и очень удобно помѣстилась въ 5 дѣйствіяхъ.

---

[1]) Вацлавъ Крольмусъ (1787—1861)—Чешскій патріотъ, священникъ; онъ перевелъ на Чешскій языкъ католич. агенду, по которой рѣшился совершать богослуженіе, за что подвергся гоненію со стороны правительства. Крольмусъ извѣстенъ своими трудами по археологіи и этнографіи: онъ собиралъ древности, производилъ раскопки, наблюдалъ старые обычаи, записывалъ пѣсни.

[2]) Эти списки хранятся въ бумагахъ И. И. С—скаго.

10-е Іюня. Верона

Пишу карандашемъ, потому что чернила нѣтъ; а написать хочется хоть нѣсколько строчекъ, чтобы сказать Вамъ, Маменька, что я снова на пути— и вотъ уже въ Веронѣ. Былъ въ Венеціи, теперь въ Веронѣ; впрочемъ тоже не въ Италіи, а въ 3-хъ миляхъ отъ Праги. Эта Верона или по Нѣмецки Бероўнъ—не много лучше той Венеціи, изъ которой я писалъ Вамъ. Что и ожидать отъ городка, гдѣ жителей не много болѣе 2000. Впрочемъ площадь, занимающая средину города правильна и велика, и обставлена порядочными домами. Половина одинадцатаго. Ужинаю и прислушиваюсь къ разговорамъ вечернихъ собесѣдниковъ всякаго званія, меня окружающихъ. Ѣду въ Пильнелъ т. е. въ Пълзень. Взгляните на карту; вы увидите направленіе моего пути. Это уже четвертая поѣздка изъ Праги—и будетъ больше всѣхъ другихъ. До чернила.

11 Іюня. Пълзень.

Ну вотъ и чернило. Не мудрено, что оно есть въ Пълзни, одномъ изъ лучшихъ провинціяльныхъ городовъ Чехіи. И въ самомъ дѣлѣ—миленькій городокъ, небольшой, но чистенькій и хорошенькій. 10,000 жителей. 4 ярмарки. И въ одно утро отъ 8—и до 1 часу я узналъ почти все замѣчательное. Первый визитъ мой былъ къ профессору Сметанѣ [1]). Тотъ меня познакомилъ съ каноникомъ Мейснеромъ и профессоромъ Сикорою [2]), — и въ четыремъ пошли мы ходить по Гимназіи, въ Ратгаузъ, въ Соборъ, въ книжную лавку и т. д. Соборъ—прекрасное готическое зданіе. Ратгаузъ хранитъ латы и оружія стараго времени Гуссит. войнъ. Книжныхъ лавокъ 2—дрянныхъ. Домъ Гимназіи очень великъ. Профессора всѣ живутъ въ немъ. Заходили и къ одной старушкѣ, владѣтельницѣ самаго стариннаго дома, строеннаго Нѣмецкими рыцарями... Нельзя было не замѣтить сходства въ постройкѣ съ Маріенбургскимъ замкомъ. Ходили и вокругъ города. Кое-гдѣ еще уцѣлѣли старинныя стѣны; кругомъ города бульваръ или лучше каштановая аллея, еще молодая, но довольно тѣнистая. Были и въ «школкѣ», т. е. въ пріютѣ дѣтскомъ, гдѣ дѣти отъ 6 до 8 лѣтъ учатся читать. Когда-то я писалъ Вамъ объ

---

[1]) Jozef Franť. Smetana (1801—1861)—естество-испытатель, математикъ, историкъ и богословъ. Пробывъ нѣсколько лѣтъ капланомъ, онъ въ 1831 г. занялъ каѳедру физики сначала въ Пальзенскомъ лицеѣ, потомъ въ Пражскомъ унив., гдѣ получилъ степень доктора философіи. Помимо науки занимаясь литературой, онъ былъ въ свое время однимъ изъ видныхъ ея дѣятелей.

[2]) Jan. Nep. Sýcora (1780—1845)—Чешскій писатель; онъ былъ учителемъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Чехіи, между прочимъ въ Главной Пильзенской школѣ. Имъ составлена дѣтская грамматика Чешскаго языка.

Александро-Невскомъ пріютѣ въ Петербургѣ: здѣсь то-же; только помѣщеніе бѣднѣе.

О себѣ нѣсколько словъ: и въ Ичинѣ, и здѣсь мнѣ всѣ говорятъ, что я прекрасно говорю по Чешски, что выговоръ имѣю Чешскій. «Прекрасно»: это слишкомъ много, но самъ чувствую, что мнѣ легче говорить по Чешски, нежели по Французски или по Малороссійски. Иное такъ и думаю по Чешски. Удивляются какъ я успѣлъ въ $3^1/_2$ мѣсяца. Ошибаюсь еще часто; но Богъ дастъ, пройдетъ еще мѣсяца 3, буду порядочно говорить и писать. Благодарю Бога за то, что наломалъ языкъ на Чешскій ладъ.

По части денегъ: Боже избави, милая Маменька, чтобы я обратился къ Вамъ съ просьбою о деньгахъ. Достаетъ на все. Главная издержка — книги, — и я накупилъ уже ихъ довольно. Въ поѣздкахъ издерживаешь, конечно, болѣе нежели сидя на одномъ мѣстѣ; но все имѣю еще денегъ. Именно вчера, передъ отъѣздомъ изъ Праги имѣлъ 740 гульденовъ сереб., т. е., болѣе 1700 руб. на 3 мѣсяца. Въ Сентябрѣ получу вновь.—И вотъ уже $8^1/_2$ мѣсяц. какъ я въ дорогѣ.—

12 Іюня.—Пълзень.

Утро. Окна растворены. Въ воздухѣ свѣжо и ароматно. Послѣ вчерашняго дождя каштаны и акаціи на бульварѣ противъ моихъ оконъ блестятъ и зеленѣютъ. Изъ за деревьевъ виднѣются старинное зданіе гимназіи, а изъ за нея шпицъ собора. До 1835 года этотъ шпицъ былъ древній, готическій, какъ и все прекрасное зданіе собора. Въ этомъ году ударилъ громъ, разбилъ шпицъ,—и теперь выстроили новый, крытый красною мѣдью.—

Вчера послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ Сметана и Сикора, и пошли за городъ, въ Лахотинъ, садъ съ желѣзными купальнями, заломъ для танцованья, комнатами для піющихъ пиво и т. д. Видъ на окрестности и городъ прекрасный.

13 Іюня. Пълзень.

Чужимъ перомъ, въ чужой комнатѣ—у Виснера. 3 часа пополудни. Вчера утромъ въ 6 часовъ мы выѣхали съ Виснеромъ за 2 мили отъ Пълзни къ Марку [1]), одному изъ лучшихъ новеллистовъ Чешскихъ, извѣстному подъ именемъ Яна съ Гвѣзды. Полъ дороги ѣхали, потомъ, пошли пѣшкомъ и заблудившись пришли въ Козоѣды, гдѣ живетъ этотъ Марекъ, уже по полудни. Утомиться было не трудно: тропинки, по которымъ мы шли, идутъ между горъ, на горы и съ горъ, и большею частью по каменьямъ, виды чудо, а ногамъ больно. Что я

[1]) Jan Jindrich Marek (1801—1853) — священникъ; одинъ изъ лучшихъ Чешскихъ романистовъ, авторъ многихъ историческихъ романовъ и романтическихъ повѣстей.

засталъ у Марека было для меня совершенно ново. Послѣ обѣда, всѣ мы пошли къ бильярду и за нимъ провозились до вечера. Вечеромъ карты—игра незнакомая—«шесть и двадцать» и самыя карты незнакомыя, итальянскія, гдѣ вмѣсто бубенъ, червей, пикъ и трефъ—батаны, спады, копья и еще что-то, на деньги, какъ въ Чехіи всюду и всѣ. Въ 10 я легъ. Утромъ въ 7-мъ сегодня всталъ—и засталъ играющихъ—еще за картами. Кто-же эти игроки? Почти всѣ, какъ и большая часть вчерашняго общества—фарари. Вы удивляетесь, Маменька?—Я и самъ удивляюсь. Вотъ вамъ и католицизмъ. Если же это въ сторону, то и гости и еще болѣе самъ хозяинъ—добрые люди. Всѣ они радовались, что видятъ Русскаго въ своемъ обществѣ, и за обѣдомъ пили тостъ венгерскаго во славу Русскихъ, и пѣли импровизаціи въ честь Славянъ. Въ 8 часовъ я простился съ Маркомъ и поѣхалъ въ Пълзень: онъ далъ намъ дрожки, и въ полдень пріѣхали мы.

14 Іюня. Пълзень.

Опять карандашомъ, потому что опять нѣтъ чернила; по крайней мѣрѣ никого, у кого-бы попросилъ. Я записался на доставникѣ въ Клатовъ, и ночевалъ на дворѣ, откуда они идутъ. Ѣду въ 5, теперь еще 4 ч.—Вчерашнее послѣ-обѣда до половины одинадцатаго провелъ я весело въ обществѣ Чеховъ, большею частію профессоровъ и учителей—«у Ганеса» въ лучшей Пълзенской гостинницѣ. Погулявши съ Сметаной и Сикорой, мы пошли туда. Многіе хотѣли познакомиться со мною,—и кружокъ нашъ скоро обсѣлъ вокругъ большаго стола. Загуляло по столу пиво, мозги разшевелились. Все, что было въ залѣ, стало вокругъ насъ. Пановалъ одинъ Чешскій языкъ. Въ провинціяхъ Чешскихъ я всюду говорю, что по Нѣмецки говорятъ одни необразованные въ Прагѣ. Въ слѣдствіе сего, кто говорилъ по Нѣмецки, стихаетъ, и начинаетъ мало-по-малу по Чешски. Такъ было и здѣсь. Легко это говорить въ провинціяхъ; но въ Прагѣ Нѣмецкій языкъ владычествуетъ всюду. По Чешски говоритъ только тотъ, кто не умѣетъ по Нѣмецки и такъ называемые «властенцы». Жалость, лакъ подумаешь, до какого уничиженія дошли Чехи. Впрочемъ какъ-бы тамъ ни было, вечеръ прошелъ прекрасно. Всѣ жалѣли, что я въ Пълзни на такое короткое время—и проводили меня до ночлега, прощались, какъ давно знакомые, какъ родные.

Ба! Вы уже конечно знаете, что Прусскій король умре 7-го Іюня. Что изъ этого будетъ, Богъ знаетъ, и можетъ быть что нибудь въ пользу Славянъ, а покамѣстъ вотъ что говорятъ: «Прусская де корона хранится отъ Наполеоновской войны въ Петербургѣ,—и наслѣдникъ до престола и хотѣлъ

бы поскорѣе короноваться, да Царь короны не даетъ». Такъ повторяютъ слова одного Прусака, проѣзжавшаго вчера черезъ Богемію. Дѣло, похожое на сказку; но такихъ сказокъ по Германіи бродитъ ежедневно по сотнѣ. Впиваются съ пивомъ, съ пивомъ и испаряются.

Клатовъ.

Главный городъ Клатовскаго края, и предрянной городъ. И не смотря на то, что сегодня воскресенье и праздникъ, все мертво, все глухо. Къ моему горю ни одного знакомаго и не съ кѣмъ знакомиться; а дилижанса надобно ждать больше 12 часовъ.—Поэтому поброжу по городу и лягу спать.

15-е. Воднянъ. 3 мили отъ Страконицы, 5 отъ Будейовицъ (Будвейса).

Ночью въ 3 часа мы выѣхали изъ Клатова, ѣхали 12 часовъ—и проѣхали, какъ бы вы думали,—4 мили до Страконицъ, да 3 до Водняна=7 миль, 49 верстъ. Ночью было очень холодно; а когда потеплѣло такъ стало не въ мочь жарко. Глядя на карту Вы легко отгадаете направленіе моего пути: съ одной стороны дороги на право верхи Богемскаго лѣса, съ другой плодоносныя удолья Волтавы и Молдавы. Дорога вьется около горъ то вправо, то влѣво, между полей, покрытыхъ хлѣбомъ, изъ деревеньки въ деревеньку, то подъ лѣсомъ, то надъ лѣсомъ,—и дорога прекрасная. Жаль, что жарко и что я одинъ, что не съ Вами. Я бы пересказывалъ Вамъ преданія о развалинахъ и озерахъ, которыя выслушиваю отъ кучера,—и любовались бы вмѣстѣ. Глядя же на лица поселянокъ, вы бы не отгадали, что они—не Русскія: одежды тоже напоминаютъ нашихъ Коломенокъ, Бѣлгородокъ и пр. Милыя, добродушныя физіономіи, и такъ привѣтливы; не мало и хорошенькихъ. Нарядите маленькую, полненькую фигурку съ карими глазами и бѣленькую въ сарафанъ безъ пуговицъ спереди, синій или розовый, въ бѣлую сорочку съ коротенькими рукавчиками, въ платокъ малиново-пунцоваго цвѣта на головѣ, повязанный такъ, чтобы солнце не чернило лица и шеи сзади, въ другой бѣленькій платочекъ на шеѣ,—и вотъ вамъ здѣшняя дѣвушка и бабочка. Разность отъ нашей только въ томъ, что сзади у каждой кошикъ (= корзинка) такой формы отчего каждая идетъ согнувшись. Въ краѣ Пълзенскомъ одежда вовсе не такая, и особенно замѣчательна 15 сукнями (юбками), надѣваемыми одна на другую, и очень короткими, такъ что красные пунчохи (чулки) видны чуть не до

колена.—Общество наше безпрестанно мѣняется: то сядетъ мужикъ, то мѣщанка, то жидъ, то служанка. Одинъ кучеръ неизмѣненъ. Онъ кормитъ лошадей, а я пишу,—и вечеромъ буду въ Будейвицахъ на югѣ Чешской земли. Отсюда... но зачѣмъ говорить напередъ? Я и самъ порядочно не знаю.—

Будейвици (Будвейсъ).

Наконецъ я и тутъ: доползли въ 8 часовъ вечера. Это одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ въ Чехіи послѣ Праги, и лучшій изъ провинціальныхъ городовъ. И въ самомъ дѣлѣ прелестный городокъ. Площадь, на которую смотрятъ окна моей комнаты (въ гостинницѣ Zum Sonne) прелестна, обставлена красивыми домами, изъ коихъ половина въ Итальян. вкусѣ; между ними въ одномъ углу колокольня, въ другомъ Ратгаузъ съ 3 куполами. Улицы ровны и не слишкомъ узки. Почти всюду галлереи, какъ подъ домомъ Мотузка или Безхадарнаго [1]). Все по Нѣмецки.—

Прощайте, Маменька. И. Срез.

XXX.

№ 18. Пароходъ Софія. 1840 Іюня 17.

Въ Линцѣ не могъ написать ни строчки. Теперь ѣду по Дунаю въ Вѣну,—и видите—рука трясется, потому что трясется весь пароходъ. Пріѣду въ Вѣну—въ 4 часа и опишу хоть въ нѣсколькихъ словахъ путешествіе изъ Будвейса до Линца по желѣзной дорогѣ и отъ Линца до Вѣны по Дунаю. Теперь—наслаждаюсь. Виды за видами; а корабль быстро летитъ. До Вѣны.—

Вѣна. Іюня 18.

И въ самомъ дѣлѣ въ 4 часа или еще ранѣе я пріѣхалъ въ Вѣну; но опять до сихъ поръ не имѣлъ минуты свободной. Теперь, улучивъ ее, перескажу Вамъ, милая Маменька, какъ прошли два послѣдніе дня.

Изъ Будвейса въ Линцъ я выѣхалъ третьяго дни въ 5 часовъ утра. По желѣзной дорогѣ, проведенной между этими городами, везутъ товары и пассажировъ не парами, а лошадьми; впрочемъ довольно скоро, немного медленнѣе нашихъ почтовыхъ, и дешево, потому что за мѣсто въ первой каретѣ, прекрасно устроенной, платится за 25 миль только 3 гульд. сереб., т. е. 7 руб. ас. Для надсмотра надъ дорогою находится на ней 52 сторожа.—Въ первой каретѣ насъ сидѣло четверо вмѣсто 9; я, Адвокатъ изъ Иглау и купецъ изъ Линца съ женою. Купецъ заговорилъ съ женою по Чешски, я

[1]) Мотузко и Безхадарный—Харьковскіе домовладѣльцы.

присталъ къ нимъ, Адвокатъ, хоть и Нѣмецъ, также понатужился по Чешски, и только въ такихъ случаяхъ говорилъ по Нѣмецки, когда не былъ въ состояніи объясниться на Чешскомъ. Мы ѣхали очень весело: Чехъ былъ добрый старикъ, Чешка—миленькая, молоденькая простушка, Нѣмецъ—очень любезный хвастунъ; а виды на окрестныя горы безпрестанно мѣнялись и заставляли насъ выглядывать попеременно то въ то, то въ другое окно кареты. Въ 11 часовъ, послѣ 6 часовъ ѣзды, мы простились съ Богеміей, и еще прежде съ Чехами, потому что со всѣхъ сторонъ по границамъ Богеміи живутъ Нѣмцы или совершенно онѣмечившіеся Чехи. Въ началѣ 2-го мы обѣдали. Въ концѣ 3-го наше каретное положеніе измѣнилось. Во 2-й каретѣ замѣтили, что переднія колеса идутъ переваливаясь. Остановились, сняли карету съ осей, и увидѣли, что передняя ось, какъ ни толста, погнулась. Переднюю ось поставили назадъ, заднюю подъ передъ; но дамы, бывшія въ этой второй каретѣ, боялись ѣхать и просили насъ дать мѣсто. Разумѣется безъ отказа мы дали имъ мѣста и ознакомились. Эти дамы были—Чешка съ малюткой сыномъ и дѣвушкой дочерью и старуха Вѣнка, вѣроятно богатая ихъ родственница, которая тоже понимала нѣсколько по Чешски. Тѣмъ легче было намъ ознакомиться, что Вѣнка могла назваться идеаломъ Вѣнской веселости, болтунья, выдумщица, хохотунья. Я не позволилъ себѣ отстать отъ Вѣнки, и цѣлая карета была полна безумолкнаго хохоту. На слѣдующей станціи при перемѣнѣ лошадей мы ѣли землянику, и Чешка съ дочерью заѣдали ею страхъ, который навелъ на нихъ предыдущій переѣздъ. Между тѣмъ бояться было вовсе нечего: я увѣренъ, что ни..., ни... не сказали бы ни одного «ай»: это правда, что дорога нѣсколько разъ пролегала въ полуаршинѣ отъ обрыва сажень въ 20; но карету отъ обрыва отдѣляла плотная каменная закраина, а видъ съ горы на долину, скалы и рисующіяся вдали Штирійскія альпы былъ такъ очарователенъ, что не долженъ бы былъ позволить бояться. Прелесть видовъ занимала насъ до самаго Линца. Между тѣмъ собравшіяся надъ головой нашей облака доставили намъ новую потѣху. Вѣнка, не боясь обрывовъ, боялась грозы, а я пугалъ ее и утѣшалъ попеременно. Когда облака набѣжали не въ шутку и сдѣлались лимоннаго цвѣту, тогда для утѣшенія Вѣнки моей встрѣтился новый случай для смѣху. Я сорвалъ для Чешенка вѣтку бузины, которая вздумала на дорогѣ заглянуть въ карету. Вѣнка вспомнила, что изъ нея можно приготовлять прекрасный напитокъ, и стала было разсказывать объ этомъ по Нѣмецки. Я упросилъ ее продолжать по Чешски. Она хохотала, и употребляла всѣ усилія, и чѣмъ менѣе могла объясняться, тѣмъ болѣе хохотала, а мы за нею. Я притворялся непонимающимъ, она еще болѣе усиливалась,—и хохотъ заставлялъ сосѣдовъ толкаться лбами и носами другъ въ друга. А между тѣмъ буря прошла мимо.

Чтожъ до напитка, то онъ въ самомъ дѣлѣ долженъ быть хорошъ: на вѣтку бузины по стакану молока или сливокъ, потомъ процѣдить, подсластить сахаромъ и пить. Передъ Линцомъ намъ открылся Дунай, широкій, величественный, и Линцъ у его береговъ разложился картиночкой. Жаль, что шелъ дождь и не позволялъ хорошо разсматривать. Карета остановилась въ предмѣстіи, откуда пѣшкомъ мы должны были идти въ городъ за Дунай. За мостомъ полиція осмотрѣла наши вещи, отобрала паспорты, и потомъ уже позволила намъ отправиться въ гостинницу. Мы заняли съ Адвокатомъ одну комнату въ Золотомъ Орлѣ, именно № 5, окномъ на Дунай, и пошли гулять по городу. Прекрасный, богатый городъ, въ которомъ любитель природы съ удовольствіемъ могъ бы провести нѣсколько дней. Утромъ на другой день въ 6 часовъ я намѣренъ былъ отправиться на пароходѣ въ Вѣну, и потому всталъ въ 4. Глядь въ окно — очарованіе. У самаго берега въ 30 шагахъ пароходъ «Софія»; за нимъ Дунай, но ни Дуная, ни за Дунаемъ ничего не видно, потому что послѣ вчерашняго дождя всталъ густой туманъ. Озаренный солнцемъ онъ былъ розоваго цвѣта; надъ нимъ голубое небо, а между нимъ и небомъ, посреди тверди—храмъ съ двумя башнями рисовался издали какъ какое-то дивное видѣніе. (Этотъ храмъ стоитъ на высочайшей изъ окрестныхъ горъ, которой за туманомъ вовсе не было видно). Этотъ видъ былъ въ самомъ дѣлѣ очарователенъ.

Въ пять часовъ я имѣлъ уже билетъ на 1-е мѣсто въ пароходѣ (10 гул. сереб.), въ $5^1|_2$ ударила пушка, въ $5^3|_4$ я былъ уже на пароходѣ; ровно въ 6 ударила опять пушка, и мы полетѣли. Общество прекрасное, виды очаровательные; а спать между тѣмъ уже очень хочется. И перо очинилъ вновь; но рука не везетъ, глаза слипаются. И потому скажу о переѣздѣ по Дунаю нѣсколько словъ. Изъ сосѣдей я познакомился съ 2-мя Англичанами, путешествующими по Европѣ, съ одной Француженкой, ѣдущей въ Вѣну къ мужу, съ нѣсколькими Вѣнцами,—и всетаки нашелъ и своихъ братьевъ Чеховъ, съ которыми говорилъ по Чешски. То съ тѣмъ, то съ другимъ читали мы описаніе мѣстностей, мимо которыхъ мчались, вмѣстѣ бродили по палубѣ, философствовали въ каютѣ, обѣдали. Все это вмѣстѣ было такъ хорошо, что часъ за часомъ летѣли незамѣтно, и въ $^1/_2$ 4-го мы увидѣли колокольню св. Стефана. Больше всего я сблизился съ Чехами и Англичанами, сказавши имъ въ отвѣтъ на ихъ вопросъ, изъ какой я земли, что я изъ земли ихъ антиподовъ. Но право спится.

Вѣна. 19 Іюня. 1840.

Еще хоть нѣсколько строчекъ о путешествіи по Дунаю. Переѣздъ изъ Линца въ Вѣну считается самымъ лучшимъ кускомъ путешествія по Дунаю,

самымъ богатымъ видами.—Особенно очаровательна первая половина его, первые четыре часа ѣзды. Тутъ Дунай то широкъ и покрытъ низменными островами, которые тутъ называются ауенами, то съужается между огромными побережными скалами, то голыми, то покрытыми лѣсомъ; деревеньки, городки, замки мелькаютъ передъ глазами; Дунай быстро катитъ свою мутную, ржавую волну; ежеминутно видишь новую картину, и мотаешь головою какъ флюгеромъ, оборачиваясь то въ ту, то въ другую сторону. Въ 10 часу солнце стало порядочно грѣть; тогда надъ нами растянули палатку, и мы ходили по палубѣ какъ по бесѣдкѣ. Общество наше измѣнялось довольно часто, когда убывали старые, и прибавлялись новые пассажиры. Ловля пассажировъ — очень занимательна: по данному съ берега знаку, пароходъ умѣрялъ свой бѣгъ, лодка съ пассажирами перерѣзывала Дунай, какъ могла проворнѣе, съ парохода бросали ей веревку, которою она притягивалась къ пароходу, спускали лапы, для плотнѣйшаго ея удержанія и лестничку для всхода и выхода пассажировъ,—и все это оканчивалось не болѣе какъ въ минуту. Гдѣ ожидали много пассажировъ, тамъ заблаговременно давали знакъ пушкою, а съ берега ружьемъ. Около полудня надобно было проѣзжать подъ мостомъ Кремскимъ: для этого и мачта и труба парохода были опущены. Потомъ обѣдали всѣ за общими столами, table d'hôte. Въ 3-мъ началась переборка багажа: изъ магазина вытаскивали вещи, и каждый искалъ своихъ. Въ 4-мъ увидѣли пристань,—и стали. Вещи надобно было подвергать осмотру. Мой рейзезакъ, незаключавшій въ себѣ ничего кромѣ бѣлья и тому подоб., по странному обстоятельству не былъ подвергнутъ осмотру. Съ 2-мя Чехами наняли мы фіакра и поѣхали въ Вѣну искать комнаты въ гостинницѣ. Здѣсь случилось обстоятельство вовсе не ожиданное: мы объѣздили весь городъ и предмѣстія, ѣздили два часа, и ни въ одной гостинницѣ не нашли ни одной комнаты: все было всюду полно. Къ счастію у одного изъ Чеховъ былъ знакомый, мы заѣхали къ нему. Оставивши тамъ свои вещи, я отправился къ своимъ старымъ знакомымъ Малеинымъ [1]), искалъ съ ними пристанища для себя, и наконецъ кое-какъ нашелъ въ гостинницѣ у Золотой утки пристанище,—ночлегъ въ комнатѣ хозяина съ тѣмъ, что утромъ будетъ и комната особенная.

Въ тотъ же вечеръ я успѣлъ слышать Страуса. Онъ, Ланнеръ, Морелли и десятки другихъ ежедневно играютъ съ своими оркестрами въ гостинницахъ, то въ томъ, то въ другомъ предмѣстіи. За входъ 32 коп.—и потомъ спрашивай чего хочешь пить, ѣсть, прохлаждаться. Страусъ съ своимъ оркестромъ игралъ разныя разности и между прочимъ свой послѣдній вальсъ. Публика была очень велика, кушала прилежно, пила прилежно, не забывая и хлопать

---

[1]) См. письмо изъ Берлина.

и кричать браво и фора. Страусъ еще довольно молодой человѣкъ съ блестящими глазами, искусно управляетъ оркестромъ, умѣетъ забавлять публику фарсами, и любимъ, обожаемъ. Я воротился домой въ половинѣ одиннадцатаго.

Вчера былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ праздниковъ католическихъ и Вѣнскихъ, праздникъ Божьяго тѣла. Я видѣлъ великолѣпную процессію, дѣлающую этотъ праздникъ столь знаменитымъ. Школы, монахи, попы, профессора, придворные, войска, министры, императоръ, императрица, вся ихъ фамилія, гофдамы, фрейлины и т. д. все это участвовало въ процессіи—въ богатѣйшихъ одеждахъ, со знаменами, съ музыкою. Мѣсто случилось хорошее,—и я видѣлъ всѣхъ и каждаго очень хорошо. Можно было все разсмотрѣть, потому что процессія двигалась очень медленно. Особенно заняла меня гусарская гвардія: молодцы, въ золотѣ, барсахъ, на чудныхъ коняхъ, было чѣмъ любоваться. Императрица очень недурна собою. Императоръ—низенькій человѣкъ, безпрестанно улыбающійся.

Послѣ обѣда мы ѣздили съ Малеиными слушать Ланнера. Ланнеръ человѣкъ въ лѣтахъ, очень незавидной фигуры, но когда управляетъ оркестромъ одушевляется, одушевляетъ, уноситъ въ другой міръ. Жаль, что обстоятельства сдѣлали его только сочинителемъ вальсовъ. Я слышалъ и его послѣдній вальсъ «Лучъ надежды»: удивительное созданіе. Я простоялъ все это время у самаго оркестра, не спуская глазъ съ Ланнера... И кому же этотъ человѣкъ долженъ играть, и за какія деньги: пріѣзжай онъ въ Петербургъ, въ Москву, его бы носили на рукахъ, его бы осыпали деньгами; а тутъ все шутитъ, ѣстъ, пьетъ и только что хлопаетъ, слушая его: я не знаю, какъ можетъ идти въ горло какой-нибудь кусокъ гуся или глотокъ пива, когда дивные звуки летаютъ вокругъ и не могутъ не проникать въ самую черствую душу!—

Іюня 21.

Вотъ уже два дни сряду какъ я наслаждаюсь Итальянской оперой: 19-го давали Il Giuramento «Клятву» Меркаданте; вчера Паризину Доницетти. «Клятва» какъ опера не богата красотами: хоры и аріи довольно обыкновенны; речитативы скучны и невыразительны. За то можно было познакомиться со всѣми лучшими актерами: басъ Ронкони, удивительный, теноръ Моріани, алтъ г-жа Брамбилла и сопрано—г-жа Унгеръ. Меня особенно восхитилъ Моріани: голосъ, полный силы и нѣжности, искусства и чувства, вкусъ и одушевленность игры, наконецъ красота тѣлесная заставляютъ мужчинъ восхищаться, а женщинъ влюбляться въ Моріани. Ронкони умѣетъ владѣть голосомъ, но самый голосъ его болѣе рѣзокъ, нежели силенъ: Ронкони не могъ

меня переувѣрить въ томъ, что лучшихъ басистовъ надобно искать у насъ, въ Россіи. Брамбилла играетъ какъ итальянка въ полномъ смыслѣ: полная огня; жаль, что спала съ голоса. Унгаръ также спала съ голоса, по крайней мѣрѣ ея высокія ноты отзываются скрыпкой, струною; впрочемъ объ этомъ забываешь, когда вникаешь въ смыслъ того, что она поетъ: она не рабски повторяетъ диктовку суфлера, она чувствуетъ, что̀ поетъ, безъ усилія, будто инстинктуально выпѣваетъ чувства, рветъ слезы изъ глазъ. Еще болѣе увѣрился я въ этомъ вчера на Паризинѣ. Унгаръ играла Паризину. Я не могъ не заплакать, когда она говорила речитативомъ—«e in me natura il pianto—я рождена грустить», и потомъ запѣла пѣсню «Forte un destin». Когда же она запѣла «Non pentirti»—я уже плакать былъ не въ состояніи. Это пунктъ тяжести всей оперы. Паризина жена Аццо и любитъ съ дѣтства Уго; Уго пріѣзжаетъ, ихъ взаимная любовь возрождается, и Паризина во снѣ повторяетъ имя Уго, не думая, что ихъ можетъ подслушать Аццо. Аццо подслушиваетъ, пылаетъ гнѣвомъ. Паризина просыпается, увѣряетъ его въ своей невинности, напрасно,—и вотъ она поетъ эту дивную пѣсню. Вся эта сцена выше похвалъ—и въ созданіи, и въ исполненіи. Аццо игралъ Ронкони, Уго—Моріани. Что-же касается до вѣнской публики, я никакъ не могу считать ее знающею музыку: она хлопаетъ тогда, когда актеръ слишкомъ горячится, не заботясь кстати или не кстати, и не обращаетъ вниманія, какъ понимаетъ актеръ свою роль, свою партитуру. Когда художество торжествуетъ—она кушаетъ мороженное.

Іюня 21. Воскресенье. 1840.

Цѣлый день прошлялся. Утромъ ходилъ въ разныя церкви. Былъ въ двухъ Греческихъ, гдѣ все напоминаетъ наше родное богослуженіе, въ Уніатской, гдѣ даже самый языкъ богослуженія нашъ, въ Университетской, Петровской, Доминиканской, два раза въ соборѣ св. Стефана, одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ созданій готической архитектуры, огромномъ, мрачномъ—и еще повторю—огромномъ. Послѣ обѣда вмѣстѣ съ Малеиными отправился въ Шёнбруннъ. Это увеселительный Императорскій дворецъ съ садами, звѣринцемъ и пр. въ $^3/_4$ часа отъ центра Вѣны, т. е. отъ Стефанов. площади. Мѣсто въ дилижансѣ—12 кр. сер. или 50 коп. Мы исходили ботаническій садъ, обративши вниманіе на оранжерею паразитныхъ растѣній, гдѣ тепло чуть не такъ какъ въ банѣ, ряды высаженныхъ на свѣжій воздухъ Новоголландскихъ растѣній; потомъ пошли въ главный садъ, и прежде всего къ звѣринцу. Вереди нѣ площади павильонъ съ попугаями, кругомъ вокругъ него дворы для раз. животныхъ и птицъ, особенный для слона, особенный для строусовъ, нѣсколько для разныхъ козлиныхъ и бараньихъ породъ, въ другихъ обширныя

клѣтки для медвѣдей, льва, тигровъ, орловъ и т. д. Многое есть, нѣтъ однако ниословъ, ни обезьянъ. По близости дворецъ, гдѣ живетъ теперь Императоръ съ фамиліей. Передъ дворцомъ превосходная площадь съ дорожками и цвѣтами, окруженная стѣнами подрѣзанныхъ деревьевъ, въ нишахъ между которыми разставлены статуи. Она оканчивается прудомъ съ двумя большими фонтанами. За ними гора; на ней глорьетта [1]), съ которой поразительный видъ на Вѣну во всей ея огромности и на окрестности. На право отсюда другая половина сада, гдѣ искуств. развалины, обелискъ, много фонтановъ и самый источникъ Шёнбруннъ съ нимфой Эгеріей. Аллеи липовыя и каштановыя тѣнисты, широки, длинны. И всюду народъ. Жизнь, разнообразіе, пестрота. Прекрасно. Исходивши садъ, мы пошли въ деревню Гицингъ, гдѣ Страусъ собралъ вокругъ себя обширную публику, піющую и кушающую напропало. И мы присоединились къ числу ихъ, выпили по чашкѣ шоколаду и съѣли по порціи мороженнаго. Страуса не слушали: я, по крайней мѣрѣ, не могу его слушать, слышавши Ланнера: что дѣлать съ предубѣжденіемъ! И притомъ Паризина еще не забыта, Унгаръ и Моріани въ ушахъ. Садокъ, гдѣ игралъ Страусъ, биткомъ набитъ. Крикъ, шумъ, ѣда, питье, табакъ, бѣготня, хлопотня. Сѣли въ дилижансъ, поѣхали. По дорогѣ до Бургъ-тора или Замковыхъ воротъ мы видѣли по крайней мѣрѣ 30 кофейныхъ и пивныхъ домовъ, передъ которыми сидятъ сотни, между тѣмъ какъ тысячи проходятъ и проѣзжаютъ мимо. Количество народу поразительно. И все дамы да кавалеры, разряжены, раздушены на послѣд. потовыя деньги. «Веселись, народъ, о будущемъ не заботься, пройдетъ какъ и настоящее!»—«Слушаю-съ!» и веселится, ни о чемъ не думая. Вѣна—это Сибарисъ.

24 Іюня.

Вчера цѣлый день я былъ за городомъ и воротился только сегодня утромъ. Вчера въ 7 часовъ утра поѣхалъ въ Баденъ, мили за три отъ Вѣны, въ Баденъ, куда на лѣто съѣзжается много народу на воды. Мѣстоположеніе недурно; но съѣздъ еще малъ. Выкупался, побродилъ, пообѣдалъ—и вонъ—въ Лаксенбургъ. Прелестное мѣсто! Два дворца Императорскихъ и за ними огромный садъ, такой огромный, что обойдти его можно не менѣе какъ въ 10 часовъ. Я посѣтилъ только лучшіе мѣста. Садъ неправильный, но прелестный. Въ серединѣ длинный прудъ. У пруда рыцарскій замокъ, построенный недавно, но совершенно въ духѣ старины. Я обошелъ всѣ комнаты,

[1]) Площадка съ колонадой.

корридоры и пр. Небольшой, но прелестный замокъ. На его башнѣ я встрѣтился и познакомился съ Брамбиллой и Ронкони. До 10 часовъ бродилъ я по саду—и ночевалъ въ гостинницѣ у Золотой Звѣзды. Сегодня цѣлый день дождь. Утромъ нигдѣ. Послѣ обѣда тоже. Вечеромъ въ театрѣ. Давали Лукрецію Борджію. Пѣли Ронкони, Брамбилла, Моріани, Унгаръ—чудесно, особенно Унгаръ.

Остается немногое, что хотѣлъ бы видѣть въ Вѣнѣ лѣтомъ. Зимою ворочусь и займусь.—Прощайте, милая Маменька.—Откуда напишу слѣдующее письмо не знаю; но уже опять изъ Славянщины.

XXXI.

№ 19. Вѣна. 26 [1]) Іюня 1840 г.

Только что отправилъ письмо къ Вамъ, милая Маменька, и опять начинаю писать. И прежде всего нѣсколько словъ о Вѣнѣ. — На мелкохолмистой равнинѣ разлегается эта громада, почти со всѣхъ сторонъ окруженная горами. Въ центрѣ ея башня Стефанская. Вокругъ башни городъ собственный, съ кривыми, узкими улицами и уличками, съ огромными въ 5, 6, 7 этажей домами, такъ что на нѣкоторыхъ мѣстахъ лучъ солнца никогда не освѣщаетъ мостовой. Вокругъ этого города бастіоны; подъ ними 13 воротъ ведущихъ въ городъ. За ними гласисъ, какъ садъ украшенъ каштановыми, тополевыми, липовыми дорожками и дорогами. За гласисомъ 34 предмѣстья, къ которымъ примыкаютъ села, деревни, деревеньки и всюду зелень, цвѣты, деревья, аллеи, бесѣдки, скамейки, кофейни, гостинницы, кондитерскія и т. д. и т. д. Тутъ въ этой Вѣнѣ, въ слишкомъ 8,200 домахъ помѣщается 350,000 жителей (исключая множество иностранцевъ) народа веселаго, беззаботнаго, умѣющаго пить, ѣсть, веселиться, вынимающаго послѣдній цванцигеръ (двугривенный) на мороженное и забывающаго за нимъ подъ звуки если не Ланнера или Моріани, такъ по крайней мѣрѣ площаднаго музыканта-попрошайки, всякое воспоминаніе о прежнемъ безденежьи, всякую думу о завтрашнемъ днѣ. Треть народонаселенія—Славяне, половина Нѣмцевъ, не мало и Венгровъ, Армянъ, Итальянцевъ и т. д.; но разнообразіе народности исчезаетъ; поживній въ Вѣнѣ дѣлается очень удобно просто Вѣнцемъ, беззаботнымъ и игривымъ какъ перышко въ вихрѣ. Берлинъ и Вѣна—несравнимыя крайности:

---

[1]) Трудно разобрать: 26 или 27.

въ Берлинѣ каждый кажется статскимъ совѣтникомъ, въ Вѣнѣ нѣтъ ни одного и титулярнаго; въ Берлинѣ каждый смотритъ политикомъ и чуть не шпіономъ, въ Вѣнѣ и самъ шпіонъ не узнаетъ своего брата; въ Берлинѣ гулянье между дѣломъ, въ Вѣнѣ дѣло между гуляньемъ. Честность—у Вѣнца, она также легка, какъ и самъ онъ. Любовь къ деньгамъ... какъ не любить ихъ, когда безъ нихъ гулять нельзя! И ихъ такъ любятъ здѣсь, что напримѣръ слуга или служанка въ гостинницѣ не получаетъ ни гроша жалованья, а живы, здоровы, въ шелку, кушаютъ и лакомятся напропало за одни подарки посѣщающихъ... Да впрочемъ обо всемъ этомъ не писать, а разсказывать надобно.

Третьяго дни я былъ во Дворцѣ и натуральномъ кабинетѣ; вчера въ Пратерѣ и въ Итальянской оперѣ; сегодня опять въ Итальянскую оперу,—и завтра ѣду изъ Вѣны. Полторы недѣли гулялъ: баста, пора заниматься. Ѣду въ Моравію, а по Моравіи пѣшкомъ. Прощайте до Брюнна.

29 Іюня. Брно (= Брюннъ).

Вчера меня разбудили въ 5 часовъ; въ концѣ 6-го я былъ съ моимъ чемоданомъ на Стефановской площади, а въ 6 сидѣлъ въ штельвагенѣ, везущемъ пассажировъ изъ города къ мѣсту, откуда отправляются паровозы, заплативши за себя и багажъ 12 сер. крейцеровъ, т. е. менѣе 50 коп. За мѣсто до Брна (за 21 милю) я заплатилъ 4 гульдена сереб. можно бы заплатить и шесть, но тогда сидишь въ совершенно закрытой каретѣ, и не куришь; можно и 3, но тогда сидишь между всячиною. Малеинъ старшій пришелъ со мною проститься и проводилъ до кареты; спасибо ему; хоть и пора было-бы привыкнуть, но терпѣть не могу—уѣзжать изъ какого-нибудь мѣста—въ одиночку. Въ 12 я былъ уже въ Брнѣ: около 150 верстъ въ 5 часовъ съ небольшимъ,—утѣшительно, когда не къ чему присматриваться. Дорога бѣжитъ по равнинѣ. Слишкомъ замѣчательнаго нѣтъ на ней почти ничего, кромѣ Ваграмскаго поля: политое кровью, оно теперь можетъ назваться житницею Вѣны. Въ Брнѣ также было трудно сыскать квартиру, какъ въ Вѣнѣ, потому что ярмарка. Хоть не у Чернаго Орла, съ содержателемъ котораго, Захомъ, я познакомился еще въ Прагѣ, хоть и крошечную комнатку, но досталъ. Обѣдалъ у Заха, съ нимъ послѣ обѣда пошелъ къ Огералю [1]), издателю

---

[1]) Огераль (I. Ohéral)—литераторъ, издатель журнала «Vaterland Pilger», редакторъ издававшейся въ Брнѣ газеты «Моравія»; въ свое время Огераль былъ извѣстенъ, какъ превосходный знатокъ Моравіи. Въ Отчетѣ Министру Пар. Пр. (Ж. М. Н. Пр., 1841, № 8) И. И. С—кій пишетъ: Литераторъ Огералъ, писавшій болѣе на Нѣмецкомъ языкѣ, занимается этнографіей Моравіи: я обязанъ ему за доставленіемъ многихъ любопытныхъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи.

Моравіи, и съ ними обоими гулять по городу. Потомъ въ театръ, гдѣ къ моему счастію играла знаменитѣйшая изъ Германскихъ пѣвицъ, Люцеръ, Чешка родомъ. Давали Элексиръ любви, слышанный мною не разъ въ Прагѣ. Люцеръ поетъ мило; но или сама не имѣетъ громкаго голосу, или театръ Брненскій глухъ, такъ что мнѣ показалось, что она хуже Унгаръ и Фрецполини, даже хуже Подгорской. Хлопали ужасно. Она разыгралась, пѣла вмѣсто повторенія что приходило въ голову, хохотала на сценѣ, и тѣмъ болѣе возбуждала всеобщій восторгъ. Она не стара—и мила—пампушка. Еще до театра мы условились съ Огералемъ ѣхать въ Райградскій монастырь, и сегодня ѣздили по желѣзной дорогѣ,—въ $^3/_4$ седмаго утромъ выѣхали, въ $^3/_4$ девятаго вечеромъ воротились. Тамъ я былъ принятъ и пріоромъ и прелатомъ радушно, и попалъ на праздникъ (Петра и Павла), а потому обѣдалъ въ монастырѣ за общимъ столомъ. Обѣдъ былъ очень богатый. Я не много подпилъ, и такъ разболтался о Россіи, что услышалъ наконецъ вокругъ себя: «должно быть въ Россіи не дурно, когда всякій Руссъ, какого ни видѣли, такой горливый властенецъ!»—Я послѣдній изъ нихъ,—отвѣчалъ я на этотъ комплементъ, и произвелъ этимъ театральный эфектъ. Самъ не знаю откуда брались у меня слова, хоть и говорилъ по Нѣмецки. Теперь я снова у своего Золотаго Оленя, и не мудрено, что хочу спать: третьяго дни спалъ отъ 12 до 5, вчера отъ 11 до 5. Покойную ночь и Вамъ, милая Маменька! Что-то вы дѣлаете теперь? Какъ-бы я желалъ хоть на минуту къ Вамъ! Охъ, еще долго ждать!—

Іюля 2. Брно.

Брно—городъ небольшой, и рисуясь прекраснымъ видомъ извнѣ, внутри представляетъ мало занимательнаго. За то онъ городъ промышленный, фабричный, торговый. Къ сожалѣнію это сдѣлало его совершенно Нѣмецкимъ. Только простой народъ говоритъ по Моравски. Я нашелъ въ немъ, впрочемъ, нѣсколько замѣчательныхъ властенцевъ: Огераля, Сушила [1]), издателя Моравскихъ

[1]) Франтишекъ Сушилъ (1804—1868)—извѣстный Славянскій патріотъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей общества св. Кирилла и Меѳодія, этнографъ, богословъ, поэтъ. По служебному положенію—священникъ и впослѣдствіи проф. богословія въ Брнѣ; какъ богословъ онъ извѣстенъ переводомъ на Чешскій языкъ Новаго завѣта, какъ этнографъ собраніемъ Моравскихъ пѣсенъ, какъ поэтъ переводами изъ Римскихъ поэтовъ и оригинальными стихотвореніями духовнаго характера.

пѣсенъ, Клацеля—поэта [1]), Іодля [2]), Бочка [3]) и т. д. Замѣчательна и молодежь, студенты. Вчера они собрались (около 30 человѣкъ), пили, пѣли—между прочимъ и за Русскаго гостя. Благодарю ихъ за пріемъ и честь; никогда однако не сойдусь съ ними въ мнѣніяхъ, и не разъ горячо принимался говорить за нашего Государя.

Іюля 5.

Два дни съ половиной былъ не дома; ѣздилъ въ Лунденбургъ, оттуда во владѣнія Лихтенштейна, Ейсгрусъ и Фельдсбергъ, богато украшенные садами и садовыми мелочами, оттуда къ Подлужакамъ. Сегодня воротился—и былъ въ театрѣ Чешскомъ. Публики еще менѣе, нежели въ Прагѣ, но публика чище и живѣе. Играли порядочно. Собираюсь опять въ дорогу.

Перо прегадкое, бумага тоже, чернило не лучше. Совѣстно писать. Да впрочемъ и нечего. Описывать Эйсгрусъ и Подлужаковъ долго. Когда-нибудь прочту изъ дневника моего.

Что будетъ не знаю, а хочется походить пѣшкомъ по Моравіи. Народъ здѣсь сохранилъ болѣе Славянскаго, нежели въ Чехахъ [4]).

---

[1]) Франтишекъ Клацель (род. 1808 г.)—Чешскій писатель, монахъ Августинскаго мон. въ старомъ Брнѣ—библіотекарь монастырской библіотеки; съ 1835 г. проф. философіи въ Брнѣ. Въ путевыхъ замѣткахъ о посѣщеніи Августинскаго мон. И. И. С—кій пишетъ про Клацеля: «Между монахами проф. Клацель, издавшій два томика стихотвореній и занимающій одно изъ первыхъ мѣстъ между профессорами философіи въ Австрійской имперіи. Онъ читалъ мнѣ отрывокъ изъ своего перевода (?) старой Нѣмецкой сказки Reineke Fuchs, изв. по разсказу Гёте съ даннымъ ему названіемъ Kulišek. Разсказъ живъ, стихъ легкій, жизнь и поэзія въ цѣломъ. Цензура отмѣтила множество мѣстъ противъ духовенства и церкви и не позволила печатать. Клацель милый человѣкъ, Славянинъ въ душѣ, ученъ. Съ нимъ мы разсматривали библіотеку монастырскую. Онъ приводитъ ее въ порядокъ. Много инкунабулъ. Отыскалъ древности Чешскія: жизнь Елисаветы XIV столѣтія, отрывокъ изъ Псалтыри XIII столѣт., еще отрывокъ XIV стол.»—Впослѣдствіи навлекшій неудовольствіе за свой панславизмъ со стороны Австрійскаго правительства, Клацель былъ лишенъ каѳедры, и жилъ на покоѣ въ замкѣ одного Чешскаго патріота Фейта.

[2]) Ант. Бочекъ (1802—1847)—извѣстный историкъ Моравіи, профессоръ Чешскаго языка въ Оломуцѣ, въ Брнѣ.

[3]) Іодль Вольный извѣстенъ своими работами по топографіи Моравіи. (Письмо И. И. С—скаго Краевскому—Отеч. Зап. 1841. 12).

(Слѣдующее за симъ письмо, вѣроятно, отправленное изъ Оломуца (Olmütz) къ сожалѣнію не сохранилось. Чтобы восполнить нѣсколько этотъ пробѣлъ въ разсказѣ о странствованіяхъ по Моравскимъ землямъ, позволимъ себѣ сдѣлать выписку изъ Донесенія И. И. С—го Министру Народнаго Просв. (Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ. 1841, № 8): «Занявшись Мораво-Словацкимъ нарѣчіемъ въ Брнѣ и сдѣлавъ небольшое путешествіе пѣшкомъ на Западъ Моравіи, для ознакомленія себя съ чисто-Моравскимъ нарѣчіемъ, я поѣхалъ въ Оломуцъ (Olmütz). Всего пріятнѣе было для меня тамъ знакомство съ профессоромъ Чешской литературы Шемберою. Еще молодой человѣкъ, онъ отлично дѣятеленъ и даетъ прекрасное направленіе своей дѣятельности: какъ профессоръ, онъ имѣетъ сильное вліяніе на своихъ слушателей, возбуждая ихъ основательно изучать Чеш-

XXXII.

№ 21. Вратиславь (Бреслау) 1840. Іюля 25.

Видите, милая Маменька, гдѣ уже я. Не правда-ли, что вашъ сынокъ хоть-куда молодецъ? шляется, да и только. Одно худо: излѣнился писать къ Маменькѣ, забылъ свою акуратность, которою еще такъ недавно гордился. Впрочемъ, право, я достоинъ прощенія: въ дорогѣ, когда имѣешь при себѣ только бумажникъ съ карандашемъ, да нѣсколько клочковъ бумаги, писать и нѣчемъ и нѣ на чемъ; а воротишся къ портфейлю и чернилу, такъ спѣшишь записать въ дневникъ, что замѣтилъ на пути. Время же между тѣмъ летитъ, летитъ. Забыть, что у меня въ Харьковѣ есть Маменька я не забуду, потерять желаніе писать къ ней я не потеряю,—и только обстоятельства дѣлаютъ меня такимъ, что стоитъ подрать за уши.

И такъ я — во Вратислави, въ Пруссіи, чуть чуть не на границахъ Польши, по крайней мѣрѣ въ землѣ Поляковъ. Какъ мнѣ тутъ живется напишу тотчасъ; но прежде нѣсколько словъ о переѣздѣ сюда изъ незабвеннаго Оломоуца. Простившись въ Оломоуцѣ съ Моравanами (17 Іюля), я направилъ свой путь на сѣверъ въ Австрійскую Силезію, къ Опавѣ (Троппау). По дорогѣ изъ Оломоуца до Опавы живутъ большею частію Нѣмцы,—и поэтому я могъ спать очень покойно. Богъ съ ними, съ этими Нѣмцами! Не хотѣлъ бы ихъ ни ненавидѣть, ни презирать; но какъ вспомню о Славянахъ, о ихъ отношеніяхъ къ Нѣмцамъ, сердце надрывается невольно. Сонъ въ этомъ случаѣ лучшее лекарство. За то въ Опавѣ я совершенно проснулся. Распросивши въ господѣ объ окрестностяхъ города, я выбѣжалъ изъ него, и давай шляться, останавливая каждаго нищаго, каждаго пастуха, каждую дѣвку и дѣвочку, каждаго мужика и распрашивая ихъ о чемъ попало, а при случаѣ записывая пословицы и пѣсни, я шелъ до Големовицъ, деревни отстоящей отъ Опавы не болѣе какъ въ 3 верстахъ, болѣе 3 часовъ; часа три пробылъ тамъ, на возвратномъ пути повернулъ въ другую тропинку, попалъ цѣлое стадо пастуховъ, пѣвшихъ пѣсню, предложилъ имъ за каждую пѣсню по крейцеру,

---

скій языкъ, и самъ обращаетъ неусыпное вниманіе на изученіе Моравскихъ народностей. Съ нимъ вмѣстѣ мы обошли Гану, благословенную родину оригинальныхъ Ганаковъ, «Моравскую Палестину», какъ они называютъ ее, вникали въ ихъ нарѣчіе, собирали пѣсни, пословицы и преданія, и доходили до мѣстъ, гдѣ живутъ не менѣе оригинальные Валахи. Далѣе я поѣхалъ въ Опаву (Tropau); впрочемъ въ самомъ городѣ я не нашелъ для себя ничего особеннаго важнаго. Директоръ Музеума Энсъ написалъ нѣсколько любопытныхъ сочиненій объ Австрійской Силезіи; но ни Чешскаго языка, ни о Славянахъ Силезскихъ не знаетъ. Изъ Опавы я сдѣлалъ нѣсколько прогулокъ по Австрійской Силезіи, гдѣ живутъ Славяне, для ознакомленія себя съ ихъ нарѣчіемъ». См. въ Приложеніяхъ къ письмамъ отрывки изъ Путевыхъ Замѣтокъ.

и солнце еще не зашло, а у меня весь запасъ бумаги былъ истощенъ. На другой день (а это было воскресенье) я поднялся рано и вышелъ изъ города въ другую сторону съ намѣреніемъ цѣлый день бродить. Гдѣ я былъ, право не знаю, знаю, что недалеко отъ Прусскихъ границъ, и видѣлъ съ одной горы Опаву такъ, какъ видѣнъ Харьковъ съ Хорошевской горы. Мѣста прекрасныя, народъ какъ народъ, небогатый, но веселый и радушный, въ господахъ хорошее пиво и ни полу-слова Нѣмецкаго. Въ этотъ день я издержалъ болѣе 4 рублей, но за то знаю Слезаковъ довольно порядочно, и пѣсень, какъ обращиковъ ихъ нарѣчія, имѣю, кажется, не менѣе 50. О Русскихъ тутъ имѣютъ понятіе, какъ о какихъ-нибудь великанахъ и о богатствѣ ихъ разсказываютъ чудеса. На третій день утромъ я осматривалъ музеумъ, а послѣ обѣда поѣхалъ далѣе. Вечеромъ былъ уже въ Пруссіи, въ Нейштадтѣ, а на другой день въ 5 часовъ послѣ обѣда во Вратислави. Отъ Опавы до Нейштадта $7^1/_2$ миль, отъ Нейштадта до Вратислави $14^3/_4$, и того $22^1/_4$. До Нейштадта ѣдешь между горами, и еще болѣе видишь ихъ на лѣво къ западу; отъ Нейштадта равнина безконечно ровная и безконечно однообразная, и по обѣимъ сторонамъ дороги фруктовыя деревья, обыкновенно отдаваемыя казною въ аренду.

Пріѣзжаю во Вратиславь, занимаю № 15 въ «Силезіи», развертываю записную книгу, гдѣ каждый пріѣзжій долженъ записать свое имя и прочее, заглядываю въ предъидущую строку.—«Свиридовъ».—Онъ здѣсь? Въ какомъ номерѣ?—«№ 19».—Дома-ли?—«Кажется, дома. Позвольте я узнаю... дома».—Я къ нему и какъ старые знакомцы поцѣловались, засѣли, заболтались [1]). У каждаго было о чемъ говорить: скоро полгода какъ мы простились другъ съ другомъ въ Берлинѣ. Теперь уже ворочается онъ въ Россію и къ половинѣ Августа надѣется быть въ Харьковѣ. Счастливецъ! Съ нимъ ходили мы купаться, съ нимъ въ Вейсгартенъ ужинать.

На другое утро я пошелъ къ профессору Пуркинѣ [2]), къ которому былъ рекомендованъ Шафарикомъ и Ганкою. Онъ Чехъ и, какъ Чехъ, одинокъ, да и какъ Славянинъ не много имѣетъ знакомыхъ, потому что и Поляки тутъ все болѣе и болѣе нѣмечатся. Лишь только услышалъ отъ меня нѣсколько словъ по Чешски, какъ обнялъ меня по-отцовски... «Ну, вотъ такой гость, какъ ты—дорогой гость. Вонъ, вонъ изъ твоей Силезіи,—и ко мнѣ. Видишь

---

[1]) Ив. Алекс. Свиридовъ, впослѣдствіи проф. Харьковскаго университета по каѳедрѣ судебной медицины и медицинской полиціи. См. о немъ въ письмѣ XIV.

[2]) Purkyně, Jan (1867—1869 г.)—докторъ медицины, проф. физіологіи сначала въ Бреславльскомъ, потомъ въ Пражскомъ университетѣ (съ 1849 г.). Кромѣ сочиненій по своей спеціальности извѣстенъ произведеніями литературными, именно переводами изъ Шиллера и Тасса.

(онъ повелъ меня по комнатамъ и привелъ въ уютную отдѣльную комнату)? Если только нравится, такъ вещи твои немедленно сюда. А будетъ, право, хорошо и покойно. Мацѣевскій, когда былъ во Вратислави, былъ тутъ-же: ему было не дурно. Тебѣ тоже не будетъ. Я—тихой старикъ. Дѣти мои (два маленькихъ мальчика) послушны. Будемъ себѣ жить хорошо». И старикъ (ему 54 года) опять обнялъ меня. Отказываться было бы тоже что обидѣть.— Пришелъ Свиридовъ. Послѣ обѣда мы пошли въ «Силезію», гдѣ я расплатился, отправивши вещи домой, оттуда въ театръ, а изъ театра и самъ пошелъ домой.—Вчера цѣлый день не выходилъ изъ дому: было о чемъ и говорить, что и читать. Свиридовъ опять обѣдалъ вмѣстѣ съ нами, а вечеромъ пилъ чай. Сегодня въ 6 часовъ утра онъ долженъ былъ уѣхать изъ Вратислави въ Варшаву и Петербургъ. Я остаюсь—и самъ не знаю какъ на долго.—Время проходитъ такъ: — Утромъ въ 6 часовъ Эрнестина (одна изъ двухъ служанокъ) приноситъ мнѣ воду на умыванье. Въ половинѣ 7-го Пуркиня приходитъ самъ звать меня кофе пить. До 7-ми пьемъ кофе. Въ 7 Пуркиня идетъ въ Университетъ на лекцію, а я въ свою комнату заниматься. Воротившись изъ Университета, Пуркиня прямо ко мнѣ; болтаемъ, читаемъ. Потомъ расходимся и работаемъ до часу. Въ часъ иду въ кабинетъ его обѣдать. Послѣ обѣда кофе и болтовня до 4-хъ часовъ. Потомъ опять по угламъ. Вечеромъ, какъ придется, а чаще читаемъ что-нибудь вмѣстѣ. Въ 9 закусываемъ остатками отъ обѣда, еще нѣсколько читаемъ и расходимся спать. Доброму старику нравится мой домосѣдный образъ жизни, а мнѣ его. Дѣти премилые: сначала кажутся избалованными, но только сначала. Отецъ умѣлъ въ нихъ развить и умъ и нравственное чувство такъ, что они и умны и благородны не по лѣтамъ, и любятъ другъ друга по-ангельски. Въ старшемъ (ему уже около 9 лѣтъ) есть уже не мало и Славянскаго чувства и любви къ Чешскому языку [1]). Меньшой въ этомъ отношеніи смѣшонъ: говоритъ по Нѣмецки, знаетъ по Чешски только одно слово «ано» (да) и увѣряетъ, что этого довольно.

28 Іюля. Вторникъ.

Время идетъ прекрасно. Въ воскресенье однако иначе нежели въ будни: ни Пуркиня, ни я, ничѣмъ не занимались, а пересматривали новости, которыхъ набралось довольно много; а послѣ обѣда сѣли на лодку всей сѣмьей и поѣхали вверхъ по Одеру въ одинъ изъ садовъ, пили тамъ кофе, гуляли, веселились. Вечеромъ, воротившись домой, пѣли пѣсни.—

[1]) Вѣроятно Emanuel Purkyně, впослѣдствіи докторъ философіи, ботаникъ, профессоръ въ Белѣ.

30-е Іюля.

Ай! Уже тридцатое. Подлинно, время летитъ! Ну много ли я настранствовалъ,—Плзень, Клатовъ, Будейовицы, Линцъ, Дунай, Вѣна, желѣзная дорога до Брна, Брно и южная Моравія, Оломоуцъ и восточная Моравія, Опава и Силезія, Вратиславь — и только; а между тѣмъ вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ я въ дорогѣ. Въ Прагѣ уже меня ждутъ, потому что я обѣщался воротиться черезъ два мѣсяца, а между тѣмъ впереди еще остается порядочный кусокъ пути. Кусокъ пути—kausek cesty—Чехизмъ! Не по-русски! Да этого мало, Маменька. Иногда выбѣжитъ изъ памяти самое обыкновенное русское слово. Однажды напримѣръ я чуть не бился лбомъ о стѣну, что бы вспомнить слово «жесть». Мучился, мучился и не вспомнилъ.

Между тѣмъ надобно же сказать хоть нѣсколько словъ о Вратислави. Правда, я мало знаю ее, потому что сижу цѣлый день дома и только вечеромъ выхожу изъ дому гулять вмѣстѣ съ Пуркинею; впрочемъ на нѣсколько строкъ фактовъ наберется. Вратиславь стоитъ на Одерѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него впадаетъ Олава. Воды много, мѣсто ровное. Церквей чуть-ли не больше нежели воды, и все старыя, величавыя, съ башнями, почернѣвшія. Есть и между домами много напоминающихъ о прошедшихъ вѣкахъ: но тѣмъ страннѣе видѣть ихъ тутъ во Вратислави, гдѣ, наперекоръ обычаю, улицы довольно широки, ровны и пересѣкаютъ одна другую подъ прямыми углами, и гдѣ, рядомъ со стариной и скоро постарѣвшей, полуразвалившейся молодостію стоятъ домы, построенные въ современномъ вкусѣ, бѣленькіе, чистые, словомъ—красивые. Вокругъ нихъ (разумѣется не всюду) тополи и березы, липы и каштаны, а сами они подернуты кисеею винограда, вьющагося по стѣнамъ. Виноградъ вьется впрочемъ лучше по старымъ домамъ и рисуется на нихъ красивѣе; его ярко-темная зелень рисуется по бурымъ закоптѣлымъ стѣнамъ чудно и роскошно, вплетается въ рѣшетки оконъ, бѣжитъ къ кровлѣ, увивается вокругъ шпицовъ... Вокругъ Вратислави на мѣстѣ прежнихъ укрѣпленій, разрушенныхъ Наполеономъ, идутъ аллеи для прогулокъ; подъ ними вода; за нею предмѣстія. Жаль что мѣсто ровное: любоваться Вратиславью нѣ отъ куда—все кусочки да кусочки. Третьяго дни мы обошли съ Пуркинею кругомъ всего города по аллеямъ. Вчера ходили въ ботаническій садъ: не великъ, но богатъ и прекрасенъ.

Приготовляюсь къ путешествію по землѣ Горныхъ и Дольнихъ Виндовъ, и надѣюсь изъ Вратислави сдѣлать нѣсколько путешествій пѣшкомъ по Силезіи Прусской между Поляковъ. Долго ли пробуду во Вратислави—не знаю. А вы, Маменька, пишите по прежнему въ Прагу.

Пуркиня приказываетъ Вамъ кланяться. Я сижу на софѣ, онъ противъ меня на креслѣ, и читаетъ. Большею частію сидитъ у меня. Прекрасный старикъ.

Цѣлую Вашу ручку. Поклонъ и почтеніе всѣмъ.

Срезневскій.

Какъ бы хорошо было, Маменька, если бы Вы написали Пуркинѣ письмо и поблагодарили бы въ немъ за пріемъ меня. Пришлите ко мнѣ, а я перешлю.

31 Іюля. Вчера вечеромъ ходили мы гулять въ Маргаритен-ау, здѣшній Пратеръ; и ворочаясь видѣлъ прелестное зрѣлище: партія гулякъ ѣздила за городъ по Одеру и ворочалась, освѣтивъ глав. лодку разноцвѣтными огнями, а изъ другой пуская фейерверки. Народу зѣвающаго были десятки тысячь, а на водѣ множество лодокъ, и все это при свѣтѣ искуств. огней составляло чудную картину [1].)

Для Амвросія [2]).

Мораво-Силезскія пѣсни.

1.

дорожку [1]).

Og wjm gá cestičku, wjm, wjm!
Kole nj růže kwětli, kole nj lipy rostli
Wjm, wjm.
Po nj chodžila ma miła-ła,
Když mne kochała, když miłowała
Ma miła-ła.
Na nj rozmarganky sadžiła
Pjsničku spjwage, pro mne dumage
Ma miła-ła.
Rozmarganky wyrosili-li
да да
Ene zawadli, ene opadli
Opadli!
Rozmarganky opadli
лелѣялъ
Kdo bude sadžič, miłowně chowač?
Opadli!
Oj wjm ga cestičku wjm, wjm!
Kołe nj trnečky rostů, kole nj badgaky kwětů.
Bjda má!

---

[1]) Приписка на полѣ.

[2]) А. Л. Метлинскаго.

[3]) Напечатанныя надъ нѣкоторыми словами переводы принадлежать И. И. С-кому; они надписаны въ подлинникѣ письма карандашемъ.

Wydž gešče gednû, ma mi ,ła
Na mne pohledni, a mne posłucheg
Ma miła-ła!
Guž ne słyši ma miła-ła,
утѣшить
W hrobečku leži! Kdo mne učeši!
Bjda má!
Wogaci gedû, na mně wołagû
Šawličku dawagû, mně počešagû,
To ge los mûg!
Wogakem budu ga, budu
Na wognu pûgdu, we wogně umru!
To ge los mûg
Og wjm ga cestičku, wjm, wjm!
Po nj wogacy gedû, Towařiša wezû
Mne, mne! [1]).

2.

Štyri koně we dwoře—
ни одинъ
Žaden s nima ne oře.
Oře s nima synáček,
гвоздика
Červený gak řebiček.
Gedže s nima do rolě
Zaorowač kukole.
Dyž kukolě doorał,
Na swû miłu zawołał:
«Podž, ma miłá, počkeg mne,
Powjm ga ci co ge mně.

---

[1]) Ой знаю я дорожку, знаю, знаю!
Около нея цвѣли розы и росли липы.
Знаю, знаю.
По ней ходила моя милая,
Когда меня любила, когда миловала—
Моя милая
На ней сажала она розмарины,
Распѣвая пѣсни, про меня думая
Моя милая
Розмарины выросли
Да завяли, да осыпались
Осыпались!
Осыпались розмарины...
Кто жь будетъ ихъ сажать, лелѣять?...
Осыпались!
Ой, знаю я дорожку, знаю, знаю!
Около нея ростетъ репейникъ, около нея
цвѣтетъ будякъ.
Горе мое
Выдь еще разокъ, моя милая,
Погляди на меня, меня послушай,
Моя милая!
Не слышитъ больше моя милая,
Лежитъ она въ гробу! Кто-жь меня утѣшитъ
Бѣда мнѣ!
Ѣдутъ солдаты, меня зовутъ;
Саблю даютъ мнѣ, меня утѣшаютъ
Вотъ моя судьба!
Стану солдатомъ
Пойду на войну, на войнѣ умру
Вотъ моя судьба
Ой знаю я дорожку знаю, знаю
По ней солдаты ѣдутъ, везутъ товарища—
Меня, меня!

Boli mně ma hławička,
Pobila mne mačička;
Pobila mne pro tebe,
By ně milowal tebe».
«Nechč če pro mne bige,
Ty možeš gidč ku gíné».
«Ga ku gíné ně pûgdu,
Radšeg se dam na wognu».
«Na wognu se ně daweg,
Trudž rodžičům ně džełag.
«Na wognu se radšeg dám,
Trudž rodžičům udělam.
Když ga budu wogakem,
красивымъ
Budu šwarnym gonakem,
одежду
Dostanu šaty zeleny,
выпуски
A wyložky čerweny,
Wyložky čerweny...
To pro me potěšenj.
A konjčka wraného,
Wyskočim ga na něho.
Na konička wyskočim
завѣю или какъ иначе?
Běłym šatkem zatočjm
вѣжливо
Pěkne se ti, ma miła,
прощусь, скажу adieu
Porûčjm, porûčjm [1]).

Poručjm se pěkně.
Twûg Sr. [2]).

---

[1]) Четыре коня во дворѣ—
Никто на нихъ не пашетъ.
Одинъ на нихъ пашетъ молодчикъ,
Румяный, какъ гвоздика.
Ѣдетъ онъ съ ними на пашню
Запахивать куколь.
Когда куколь допахалъ,
Крикнулъ своей милой:
«Пойди, милая, подожди меня
Разскажу тебѣ, что со мной случилось.
Болитъ моя головушка,
Побила меня матушка,
Побила меня изъ за тебя,
Чтобъ не ухаживалъ я за тобой».
«Не хочешь, чтобъ изъ за меня тебя били
Такъ ступай къ другой».
«Я не пойду къ другой,
Лучше пойду на войну».
«Ты на войну не ходи,
Не огорчай родителей»
«Лучше я пойду на войну
Огорчу отца и мать.
Когда стану солдатомъ,
Буду я статнымъ молодцомъ;
Будетъ у меня зеленая куртка
Съ красными отворотами;
Красные отвороты—
Вотъ что меня утѣшитъ.
Будетъ у меня конь вороной—
Вскочу на него,
Вскочу я на коня
Махну бѣлымъ платкомъ
Вѣжливо прощусь съ тобой,
Прощусь съ тобой, моя милая».

[2]) Досвиданья. Твой Ср.

XXXIII.

№ 22. Вратиславь. 6 Августа 1840.

6-е Августа! Охъ и ахъ и ухъ! 6-е Августа! За 6-мъ и 7-е, а тамъ и послѣднее, а тамъ и Сентябрь — и годъ, какъ я выѣхалъ изъ Харькова. Вздумалъ было однажды ловить время за хвостъ и потомъ заставлять стоять тамъ, гдѣ я стою; а какъ одумался, такъ напрасно хотѣлъ: время всегда въ рукахъ, только не совладѣешь съ нимъ,—обманываетъ, отуманиваетъ, не движется и быстро летитъ, не даетъ и замѣтить, какъ поставитъ вверхъ ногами. Вотъ уже и двѣ недѣли какъ я во Вратислави, и скоро два мѣсяца, какъ я выѣхалъ изъ Праги; гулять не гуляю, то и дѣло пишу да читаю, иногда недосыпаю,—времени ушло много—а въ итогѣ пріобрѣтеній мало, и въ будущемъ работы, работы, а что всего хуже—времени ушло много.

Что-же до моихъ работъ, такъ вотъ онѣ каковы: переписалъ одну старую и рѣдкую грамматику Дольно-Лужицкаго нарѣчія, переписываю собраніе Дольно-Лужицкихъ пѣсенъ, обозрѣваю замѣчательности Библіотеки и Музеума древностей, по вечерамъ хожу на берегъ Одры болтать со сплавщиками лѣса изъ Ратибора по Слезски и т. п.

Гулялъ очень немного, и то вмѣстѣ съ Пуркиней. Перваго Августа—что-ли—ходили смотрѣть на красивый фейерверкъ; въ Воскресенье ходили въ Освицъ и Попловицъ (деревни близь Вратислави), гдѣ я нашелъ остатки двухъ старыхъ городищь. Два раза ходили слушать Люцерову, о которой уже писалъ изъ Брна; опять видѣлъ ее въ Elisire d'amore и въ Свадьбѣ Фигаро: голосъ очень мягкой, нѣжный, пріемъ же ее здѣшнею публикою былъ еще нѣжнѣе,—ее осыпали цвѣтами. Вчера ходили смотрѣть Лира, котораго игралъ Вѣнской актеръ Аншюцъ, знаменитый въ цѣлой Германіи трагикъ. Правда, что не легко понять актера; впрочемъ думаю, что нашъ Каратыгинъ выше сравненія съ Аншюцомъ. По городу ходилъ мало: заблудиться не заблужусь, лучшія строенія и улицы знаю; но тутъ и все.

Сегодня въ 10 часовъ ѣду въ Ополье (Oppelьнъ) на Юго-Востокъ отъ Вратислави, на Одерѣ, къ Слезакамъ; а теперь (7-го половина) иду завтракать. Пуркиня уже ждетъ.

Ополье. 6-е Августа. 9-ть вечера.

Вотъ я и въ Ополи: $11^1/_2$ миль отъ Вратислави; въ 10 выѣхалъ, въ $7^1/_2$ пріѣхалъ. Personenpost идетъ каждый день, и между тѣмъ я получилъ 19-й №меръ. Въ главномъ экипажѣ только 8 мѣстъ; слѣдовательно всѣ другіе помѣщены были въ бейвагенахъ, перемѣняющихся на каждой стан-

ціи. Это впрочемъ было для меня хорошо: почти на каждой станціи новые сосѣди, новый разговоръ. Для занимательности я принималъ на себя то ролю Чеха, то ролю Лапландца, то ролю Француза, и подъ разными формами разспрашивалъ о Слезакахъ, объ ихъ отношеніяхъ къ Нѣмцамъ, а иногда и о Россіи, которая тутъ всюду какъ бревно въ глазу, такъ что и полчаса разговора не пройдетъ безъ воспоминаній, безъ толковъ, безъ споровъ о ней. Велемудрая политика Нѣмецкихъ глубокомысленниковъ уже рѣшила, что Франція получитъ Египетъ, Англія—Сирію, а Россія—Константинополь,—и занялась уже рѣшеніемъ вопроса, что послѣдуетъ за онымъ вышепомянутымъ дѣленіемъ Турціи. Удивительные, или, просто, удивительно-глупые люди эти Нѣмцы. Не безъ добрыхъ, не безъ ученыхъ людей между ними; но что глупость просвѣчиваетъ всюду, это и слѣпой увидитъ. Я говорю о Нѣмецкихъ Нѣмцахъ.

Теперь спжу и пишу; а за минуту проводилъ отъ себя — двухъ дѣвушекъ: одна—штубен-мэдхенъ = горничная, поившая меня чаемъ и славшая постель — Нѣмка съ кисловатой харёнкой, другая кёльнерка, господствующая внизу при столѣ и въ буфетѣ—Полячка и премиленькая—въ родѣ Саши Робушевой, только съ карими глазами. Я изволилъ съ ними болтать и смѣшить ихъ своимъ неумѣньемъ говорить ни по Нѣмецки, ни по Польски. О ѣпались придти опять. Полька клялась душою, что придетъ и будетъ пѣть пѣсни. Едва-ли впрочемъ я буду ждать ихъ: мнѣ очень хочется спать.—

Ополье. 7-е Авг. Пятница.

День злосчастный, настоящая пятница Чешская (= Русскій понедѣльникъ). Ходилъ столько, что ноги устали, ходилъ и утромъ, и послѣ обѣда, и вечеромъ, и на Сѣверъ, и на Востокъ, и на Югъ, и на Западъ, и по «дрогѣ», и по «ходнику»; а домой принесъ очень мало. Причиною отчасти я самъ: и я худо понимаю, и меня худо понимаютъ,—меня потому что мѣшаю Чешскій съ Польскимъ, а я потому что Слезаки безбожно скоро говорятъ, такъ скоро, что случалось изъ цѣлой рѣчи не понять, т. е. не разслышать ни полусловечка. Другая причина моихъ неудачъ—работы полевыя: все жнетъ и сгребаетъ, не до болтанья съ такимъ даребакомъ, какъ я. Попалъ было нищаго, такъ—шепелявой, беззубой, и ничего не знаетъ; далъ ему грешель ($^1/_{180}$ талера) да и пошелъ прочь. Иду далѣе,—сидятъ дѣвки подъ липой, — я къ нимъ; заговорилъ, сѣлъ, сталъ закуривать трубку, — а они отъ меня; я упрашиваю ихъ остаться, а они бѣжать. Плюнулъ, да и далѣе. Иду далѣе... ну вотъ, думаю, наконецъ! Сидитъ мужикъ и пьетъ водку, и пьетъ, и разговариваетъ самъ съ собою, выдѣлывая какіе-то гіерог-

лифы и руками и глазами. Къ нему:—«Помгай пôнъ бугъ!»—Га-га, пôне! Джіенкуіемъ!—и вдругъ съ водкой ко мнѣ, упрашиваетъ и Іезусомъ, и маткой Марэей и всѣми швентыми, что бы я пилъ. Отказывался, отказывался; наконецъ попробовалъ эту Нѣмецкую, гадкую, вонючую, картофельную водку,—чуть тутъ же не освободился отъ бремени. До сихъ поръ еще головой кручу. Великодушіе мое однако не помогло мнѣ. Слезакъ увидѣлъ, что я пью и присталъ, что бы я пилъ какъ надлежитъ. Человѣкъ, думаю себѣ, веселой. Лишь-бы опустѣла бутылка, а тамъ и хорошо пойдетъ; а чтобы опустѣла безъ моего пособія, надобно подняться на хитрости. Ага! Вотъ камень; объ него эту канальскую бутылку, такъ и дѣлу конецъ. Взялъ, притворился пьющимъ,—и потомъ, какъ будто въ восторгѣ съ размаха руку въ сторону отъ себя—и хлопъ. Разумѣется, я долженъ былъ изумиться такой ожиданной нечаянности и приговорить: «Злэ, же јохъ ни вшецко допилъ»: Что-же!—«Тожъ то злэ, пôне: шкода фляжки; алэ гдо рôдъ піе горжаўку, про того мôмъ еще» [1])—и вслѣдъ за тѣмъ вытащилъ изъ кармана еще одну фляжку, такую же только полную. Не бѣдовщина ли? Оставалось заплатить за бутылку—и далѣе.—Словомъ, всѣ мои покушенія о чемъ-нибудь распросить, подслушать какую нибудь пословицу или новое слово, записать пѣсню—остались какъ раки на днѣ—у сѣти были, въ сѣть не попали. Уже вечеромъ только, зашедши къ какому то портному въ какой-то деревенькѣ, записалъ кое-что. Было бы и болѣе, да портной шелъ въ другую деревеньку на пиръ, и я долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что проводилъ его до той деревни. Хотѣлъ было вмѣстѣ съ портнымъ на пиръ; да вспомнилъ о водкѣ—и домой. Былъ 9-й часъ; усталые крестьяне ложились спать.

Вотъ и дома—и скучно. Хоть бы съ кѣльнеркой поговорить; такъ у нея дѣла много, развѣ позже придетъ. А вчера, бестія, не приходила, заставивши меня не гасить свѣчь до 11 часовъ. Сегодня утромъ пришла и извинялась: работы было по уши. Кстати, по случаю хорошенькой кѣльнерки: и въ Опольи и кругомъ народъ очень красивъ—особенно женщины. Прекрасныя, правильныя, нѣжныя и полныя огня лица, и станъ стройный, какъ у Ганачекъ [2]). Дѣти настоящіе ангельчики. Былъ-бы я живописецъ, такъ написалъ бы одну видѣнную мною дѣвочку: поднявши рубашонку, хлюпощется ногами въ лужѣ и улыбается, а каріе глазки изъ подъ разбросанныхъ бѣлыхъ волосъ такъ и сверкаютъ; въ двухъ шагахъ свинья спитъ въ грязи, а за нею мальчинка, лежа на травѣ, перебираетъ щетины ея хвоста Силезская аркадія!—

---

[1]) Экое горе: не допилъ всего.—Что за горе, поне: жаль бутылки; а кто любитъ выпить водки, про того есть у меня и еще.

[2]) О нихъ въ томъ письмѣ, которое пропало; Ганаки—одно изъ племенъ Моравскихъ.

10-ть вечера.

Наконецъ я утѣшенъ: кѣльнерка приходила съ другою дѣвушкой, прачкой,—и я записалъ 8 пѣсень. Двѣ изъ нихъ прелесть. И я—влюбился—только ни въ кѣльнерку, ни въ прачку, а—въ Силезское нарѣчіе. Когда имъ говоритъ такой голосъ, какъ прачкинъ, такъ это—музыка.—

Посылаю пѣсеньку, сочиненную Ганкою, имъ и писанную: содержаніе ея таково, что лучше всего не ворочаться съ нею въ Австрію. Сберегите ее, Маменька!

XXXIV.

№ 23. Ополье, 10-е Авг.

Два дни не былъ въ Ополи и вчера къ вечеру воротился опять сюда. Завтра буду во Вратислави и отправлю это письмо съ письмомъ къ брату; а потому и напишу немного.

Сначала о поѣздкѣ изъ Ополья: изъ Ополья въ Крашицъ въ дилижансѣ; оттуда въ Стрѣленъ пѣшкомъ верстъ 20, если не болѣе, съ проводникомъ за 5 сереб. грошей = 55 коп. асс.; изъ Стрелена съ фурманомъ въ Ополье. И утѣшенъ, веселъ, доволенъ самъ собою, даже не сержусь на того почтоваго приказнаго, который... впрочемъ объ этомъ послѣ. Кромѣ листка, на которомъ пишу, вся бумага исписана: тутъ и пѣсни, и пословицы, и сказки, и загадки, и описанія костюмовъ, и обычаи. Крашицъ преглупый городишка, въ которомъ говорятъ полу-Нѣмецкимъ языкомъ; но всетаки не по Слезки. Вмѣсто того чтобы идти въ гостинницу, я обѣгалъ городъ, и между тѣмъ спрашивалъ проводника до Стрелена. «Да тутъ дороги нѣтъ; заплатите дорого».—Проводника-фусгенгера—понимаете?— «Гаа»! И Нѣмецъ развѣсилъ уши и разставилъ носъ. «Да какого вамъ»?—Да простого мужика.—«До Стрелена?» отозвался какой то мужикъ. «Я изъ Стрелена пойдемъ-те со мною».—Ты Слезакъ?— «А то-жъ»!—Ну, такъ идемъ. Ночевать въ дорогѣ, гдѣ хочешь? «У зятя».—И пошли. Дорогою, пока стемнѣло, я то и дѣло садился и записывалъ, что мнѣ Слезакъ говорилъ. Въ девять пришли къ зятю. Избушка на курьихъ лапкахъ, передомъ на дворъ, коморкой на улицу, маленькая. Я расположился спать на соломѣ, на дворѣ, подлѣ коровы. Впрочемъ прежде нежели расположился, поужиналъ молока и хлѣба съ солью, за что зять ни крейцера не захотѣлъ взять, а очень радъ былъ, что принимаетъ дорогого гостя—„Чеха“ (я игралъ ролю Чеха) и видно, ученаго. «Пишите, пишите, пóне, да не забудьте написать, что молиться велятъ

а читать не учатъ. Дали намъ какого-то „затраценего Нѣмца“ учителемъ: мы его не разумѣемъ, а онъ насъ. Вотъ мой сынишка и твердитъ Фатеръ унзеръ вмѣсто Ойче нашъ. Ну что это за моленье. Этакъ больше согрѣшишь, Ну что это Фатеръ унзеръ?» До одиннадцати мы проболтали. Юзефа, жена зятя, легла спать, оставивши намъ огарокъ плошки, и подъ слабый свѣтъ ея я записалъ прекрасную думку о семилѣтней войнѣ и многое другое. Потомъ—въ сосѣди къ коровѣ. Выспался славно, всталъ рано. Стаканъ воды, стаканъ молока—сливокъ, кусокъ хлѣба—и въ путь. Черезъ три часа былъ въ Стреленѣ. Тутъ тоже нечего было дѣлать. Проводникъ отыскалъ мнѣ повозку съ кучеромъ Слезакомъ, который тоже дорогою пересказалъ мнѣ кое-что, особенно, когда останавливались кормить лошадей, и когда въ гостинницѣ онъ нашелъ себѣ соперниковъ. Разболтался, распѣлся такъ, что про лошадей забылъ.

Теперь о почтовомъ приказномъ. Мнѣ хотѣлось ѣхать въ Гуттентагъ, и я взялъ билетъ, гдѣ ясно стоитъ, что почта отходитъ въ $9^1/_2$ вечера. Прихожу въ $9^1/_4$, прямо въ Passagier-Stube, жду. Бьетъ половина. Жду. Потомъ выхожу, спрашиваю; отвѣчаютъ: Personenpost давно ушла».—Да я трубы не слышалъ; мнѣ никто не приходилъ сказать, что бы я садился. — «Да мы этого не знаемъ».—Дѣло въ томъ, что кондуктору не хотѣлось ѣхать, и онъ отправилъ экипажъ съ одними письмами и посылками и съ кучеромъ—не въ $^1/_2$ десятаго, а въ 9. А моихъ три рубли пропало. И къ тому же еще день въ Ополи.

Впрочемъ все къ лучшему. Сегодня цѣлый день сидѣлъ въ комнатѣ, переписывалъ на чисто дорожныя замѣтки, написалъ письмо Пассеку, которому еще не писалъ изъ за границы,—и не замѣтилъ какъ день прошолъ. Въ Гуттентагъ ужъ не поѣду; а прямо во Вратиславь. Довольно пошлялся по Силезіи. Что бы узнать подробно, надобно остаться хоть на мѣсяцъ и болѣе; а этого не могу. Лучше далѣе.

Цѣлую вашу ручку, милая Маменька!—Ба, кѣльнерка съ пѣснію...

Какія прекрасныя пѣсни знаетъ эта кѣльнерка: не даромъ плачу по 11 коп. за номеръ. Очень спасибо ей.

Темнѣетъ. Скоро 8. Въ 10 ѣду,—и цѣлую ночь въ дорогѣ, а въ 8 утра у Пуркини.

Прощайте, Маменька. Кланяйтесь всѣмъ, кто помнитъ странствующаго старика Вашего.

XXXV.

№ 24. Легницы (Лигницъ). 1840, 23-е Авг.

Наконецъ я простился съ Вратиславью—и прощался будто съ родиною. Незабвенный Пуркиня провожалъ меня до почты, Маркусъ (у котораго я бралъ уроки въ Дольно-Лужицкомъ нарѣчіи) то-же; Макерле и Шпакерле также не захотѣли остаться дома, одинъ понесъ портфейль, другой трубку и табакъ, оба рука въ руку со мною,—и Шпакерле даже шляпу свою забылъ надѣть на голову. Ни откуда, тутъ за границей, я не выѣзжалъ съ такимъ горестнымъ чувствомъ и не былъ провожаемъ съ такимъ сердечнымъ участіемъ. Не могу до сихъ поръ разогнать своей грусти: вотъ ужь вечеръ, а мы со старикомъ не ходили гулять, и дѣти нейдутъ пожелать мнѣ «доброу ноцъ»,—и я снова одинокій странникъ!

Путь мой въ Згорѣлецъ (Гёрлицъ), и я бы не остановился въ Легницахъ, если бы не услышалъ, что въ одной изъ здѣшнихъ церквей есть Славянскія рукописи. Надобно посмотрѣть, что это за вещи; а между тѣмъ познакомлюсь и съ городомъ.

Между тѣмъ—подъѣзжая къ какому нибудь городу (въ Германіи почти всюду такъ) прежде всего видишь кладбище: такъ и приближаясь къ какой нибудь Славянской землѣ не минуешь гробовъ Славянской народности... и разумѣется на землѣ болѣе могилъ нежели живыхъ людей. Тутъ то-же: еще я между Нѣмцами, еще Лужичане-Венды далеко,—а уже все напоминаетъ Славянщину — и физіогноміи, и одежды женщинъ, и архитектура домиковъ, и самые плетни, и самыя вербы и липы, идущія за Славянами всюду. Гляжу на эту страну какъ на поле: жатва уже снята, остаются сухіе корешки, а бурьянъ вылѣзъ всюду. Была-ли сжатая жатва зрѣла? уже-ли безъ паханья не выростетъ новая?—кто знаетъ!

Чѣмъ ближе къ Легницамъ, тѣмъ природа разнообразнѣе, веселѣе: лѣсу больше, есть уже и горки, и низменныя мѣста, и виды.

24-е.

Легницы лежатъ при втеченіи Черной воды въ Качу (Кацбахъ). Мѣсто довольно низко, по крайней мѣрѣ не скучное. До 7-и-лѣтней войны тутъ была крѣпость, теперь осталось только нѣсколько башень, а на мѣстахъ прежнихъ стѣнъ тянутся аллеи для гулянья. Въ серединѣ города площадь, и по срединѣ площади домъ ратуши съ разными приватными пристройками, какъ и во Вратислави, какъ и во многихъ другихъ городахъ. Улицы, расходящіяся въ разныя стороны кривыми углами, поворачиваютъ то вправо, то влѣво, то

расширяются, то съуживаются, то сходятся къ одному трехугольному междуулку, то, раскланявшись одна другой, поворачиваютъ каждая въ свою сторону. Церквей три, но всѣ хороши, а Фрауенкирхе, разбитая въ 1822 году молніей и вновь отстроенная, очень хороша. Видъ съ колокольни на окрестности: особенно къ Исполиновымъ горамъ, прекрасный. На поляхъ Лигницкихъ было 4 битвы, и самая знаменитая изъ нихъ—съ Татарами; до сюда доходили они, были разбиты, и поворотили назадъ. Легницы сдали лучше нежели сблизи, домы большею частію грязны, малы, некрасивой формы: есть пословица, что мертвымъ въ Легницахъ лучше, нежели живымъ (Die Todten leben in Liegnitz besser als die Lebendigen). Кладбища въ самомъ дѣлѣ милы: хорошенькіе памятники, окруженные цвѣтами и деревьями, разставлены рядами, а между ними тянутся дорожки, усыпанныя пескомъ, обшитыя лентами резеды. Легницы славятся своими огородами (Kräutergeien): вокругъ города и въ предмѣстьяхъ ихъ множество. Жителей въ Легницахъ 12.000, и между тѣмъ я весь городъ и въ серединѣ и вокругъ обходилъ не болѣе какъ $^3/_4$ часа.

25-е Августа. Кинастѣ.

По срединѣ террасы надъ крутымъ утесомъ, стоящимъ на горѣ, возвышающейся надъ моремъ на 1600 футовъ, т. е. почти 230 саженъ, разставлены столы и лавки, какъ всюду въ лѣтнихъ кофейныхъ домахъ, а за ними кто читаетъ, кто пьетъ кофе или пиво, кто любуется видами. Я пишу, и тоже пью кофе, и курю трубку, и любуюсь видами. Маменька! да пожалуйте сюда! Разсказать, право, не умѣю, а очень, очень хорошо. Направо, сквозь пихты и развалины замка, подъ стѣнами котораго я сижу, видны Исполиновы горы, лѣвѣе и далѣе кругомъ обширная равнина, покрытая горами, рощами, лѣсами, деревнями.... вонъ и Гернсдорфъ, изъ котораго я поднялся на Кинастъ, вонъ и Вармбрунъ, откуда я пришелъ въ Гернсдорфъ, вонъ и Гиршбергъ, откуда я пришелъ въ Вармбрунъ, вонъ чуть видна и дорога, по которой я ѣхалъ въ Гиршбергъ изъ Легницъ. Исполиновы горы, хоть и близко, но уже покрываются фіолетовою тѣнью, и солнце спускается къ нимъ, освѣщая дорожку, по которой я пойду въ горы. Проводникъ стоитъ сзади меня и ждетъ. Гдѣ ночевать буду, не знаю; а гдѣ буду ночевать, тамъ и раскажу болѣе. Теперь буду любоваться: окрестность горитъ, освѣщенная послѣдними лучами солнца, и глаза горятъ радостью, глядя на дивную картину. Кинастъ гора и замокъ. Замокъ построенъ въ XIII столѣтіи, разбитъ былъ молніей въ 1675 году и съ тѣхъ поръ остается развалиною. А вотъ пафъ... и эхо Исполиновыхъ горъ повторило выстрѣлъ семь разъ.

Маріенталь.

Маленькая комнатка, заваленная разнымъ хламомъ; по срединѣ столикъ, на столикѣ стаканъ со сливками, черный картофель и масло, пять букетовъ цвѣтовъ, подаренныхъ мнѣ дѣвочками, у которыхъ я купилъ малины и грушъ на зильбергрошъ, когда взбирался на Кинастъ, далѣе тоненькій огарочекъ, ближе портфейль и моя рука; подлѣ столика кровать только что внесенная и на которой я надѣюсь славно заснуть послѣ 2-хъ часовой ходьбы между горъ; вотъ гдѣ я. Съ одной стороны подъ бокомъ большая комната, гдѣ при свѣтѣ лучины десятка полтора мужиковъ пьютъ пиво и водку, а въ углу съ огаркомъ, подобнымъ моему, ужинаютъ путешественники, подобные мнѣ; съ другой стороны въ маленькой комнаткѣ куча путешествующихъ дамъ, болтовня и хохотня; подо мною музыка и танцы, потому что сюда зашли Тирольскіе музыканты, и поселянки хотятъ поплясать. Моя комнатка не остается пустою: то старикъ хозяинъ придетъ искать чего нибудь, то старуха хозяйка, то служанка, то всѣ вмѣстѣ. А между тѣмъ огарокъ догораетъ; придется объясненія отложить до завтра. Добрая ночь.

26-е Авг. Еще въ Маріенталѣ.

Шестаго половина. Я всталъ, выспавшись прекрасно. Свечера меня убаюкали говоръ, музыка и топотня танцующихъ; а проснувшись ночью, я слышалъ Тирольскія пѣсни и подъ ихъ оригинальныя мелодіи заснулъ опять.

Скажу же нѣсколько словъ о моемъ теперешнемъ путешествіи. И во Вратислави, и въ Легницахъ я то и дѣло слышалъ о путешествіи и путешественникахъ по Силезскимъ горамъ: Король Саксонскій прошелъ черезъ нихъ недавно въ роли ботаника; наша Императрица съ Ольгой Николаевной, Лейхтенбержскими и вся Прусская королевская фамилія также тамъ; ждутъ и Императора; и на водахъ Вармбрунскихъ гостей много, и отовсюду сходятся путешественники полюбоваться Исполиновыми горами. Какъ не пожертвовать парой дней, чтобы видѣть ихъ, когда я такъ близко. Оставивши въ Легницахъ у одного изъ знакомыхъ мой багажъ, вчера въ два часа утра я сѣлъ въ дилижансъ и къ 10 часамъ былъ уже въ Гиршбергѣ. Отсюда до Вармбруна, съ небольшимъ часъ ходьбы, а если бы ждать, то бы надобно было ждать до 2 часовъ пополудни и пропадать со скуки: я пошелъ пѣшкомъ, и въ четверть 12-го былъ въ Вармбрунѣ. Часть общества была въ концертѣ, другая гуляла. И я сталъ гулять. Центръ Вармбруна есть площадка передъ

гостинницей Чернаго Орла: у Чернаго Орла останавливаются лучшіе гости, у него же собираются обѣдать, а противъ него аллея ведущая къ театру и такъ называемой галлереѣ, и по бокамъ аллеи лавочки съ разными товарами, начиная отъ грошеваго куска мыла до Турецкой шали. Я гулялъ до часу, до звонка, скликающаго у Чернаго Орла къ обѣду; потомъ обѣдалъ. Гулянья и обѣда было достаточно, чтобы узнать хоть сколько нибудь Вармбрунское общество и городъ. Домики малы, но уютны и большею частью убраны внутри и снаружи очень мило. Гости, пріѣхавшіе на воды, составляютъ большую часть населенія, и живутъ тѣсно, впрочемъ болѣе на открытомъ воздухѣ: вотъ напр. домикъ въ 2 окошечка, окруженъ цвѣтникомъ, подъ окнами стулья и столикъ, вокругъ него цѣлая сѣмья, кто работаетъ, кто читаетъ газеты или книжку, дѣти играютъ подъ деревьями. Одѣты всѣ щеголевато. Болѣе всего слышенъ Нѣмецкій языкъ; нерѣдко слышенъ и Польскій; Французскій очень рѣдко. За столомъ было до 150 особъ, садятся по фамильно, всѣ вольны, но знакомства холодны.—Насмотрѣвшись на Вармбрунъ и Вармбрунцевъ, полюбовавшись Исполиновыми горами, поднимающимися за Вармбрунской долиной, я надѣлъ портфель черезъ плечо и пошелъ въ Гернсдорфъ, а оттуда въ Унтер-Кинастъ. У подошвы Кинаста и по дорожкѣ ведущей на Кинастъ, уже идешь не одинъ: проводники, которыхъ и тутъ и вообще въ горахъ много и отличены особенною одеждою идутъ съ вами, напрашиваясь вести васъ въ горы; путешественники попадаются на каждомъ шагу; дамъ, разумѣется не бѣдныхъ, несутъ носильщики на носилкахъ; а тутъ и мальчики и дѣвочки съ малиной, съ грушами. Выбравши проводника (ему платятъ обыкновенно около 2-хъ рублей въ сутки) я передалъ ему свой мекинтошъ и портфейль и пошелъ далѣе. Куда я дошелъ, вы уже знаете. На Кинастѣ я обходилъ развалины замка, всходилъ на башню и пр. Дорога отъ Кинаста до Маріенталя тяжела: идешь съ горы на гору по каменистымъ дорожкамъ, переходя ревущіе ручьи, лѣса... И все это еще цвѣтки.—Однако пора въ путь. Лучше отдыхать на пути когда устанешь, нежели тутъ тратить время. —

Цакенфаль.

Въ двухъ часахъ пути отъ Маріенталя; впрочемъ мой проводникъ такъ бѣжитъ впереди меня, что мы сдѣлали этотъ переходъ въ часъ. Я сижу теперь въ лубочной бесѣдкѣ; водопадъ гремитъ въ нѣсколькихъ шагахъ, падая съ вышины 120 футовъ, разбиваясь три раза о скалы. Онъ падаетъ въ ущелье, окруженное скалами какъ стѣнами и тамъ на днѣ бѣжитъ черезъ камни. Пихты надъ ущельемъ, пихты въ ущельи; природа дикая и прекрасная.

Я сходилъ на дно ущелья, чтобы лучше видѣть водопадъ и весь обрызганъ былъ пылью водопада... Обыкновенно потокъ бываетъ сверху запруженъ и воды падаетъ мало; но по желанію путешественника воду пускаютъ на волю, и водопадъ загремитъ, зареветъ, обольется пѣною. Это же стоитъ всего одинъ зильбергрошъ.

По дорогѣ изъ Маріенталя сюда я заходилъ на Рабенштеинъ. Это двѣ гранитныя стѣны, между которыми въ глуши лѣса бурчитъ потокъ Цакенъ. И этихъ видовъ было бы довольно, чтобы идти въ Исполиновы горы.

На память я купилъ у Цакенфаля табакерку изъ кингольца съ видомъ водопада.

Neu Schlesische Baude.

Это еще первая буда, которую встрѣчаю я на пути; но ихъ тутъ въ горахъ множество. Такъ называется отдѣльно стоящій горный домикъ, безъ двора, безъ пристроекъ. Остатокъ Славянства, по крайней мѣрѣ, по названію.

И я уже на высотѣ 3600 футовъ слишкомъ надъ моремъ. Переходъ отъ Цакенфаля былъ невеликъ, но въ это время я поднялся вверхъ почти на 300 сажень. Маріенталь лежитъ подъ ногами и за нею далеко, далеко равниною горы и долины, полуподернутые туманомъ. Небо какъ будто выросло надъ головою. — У дверей бесѣдки, гдѣ я сижу, пишу и пью молоко, играютъ 2 дѣвушки на арфахъ, разумѣется въ ожиданіи зильбергроша. Дамъ, дамъ, лишь бы перестали: играютъ порядочно, но мелодія такая прѣсная, Нѣмецкая, что смотрѣть на горы, любоваться природой и слушать ее просто непристойно... Ба... заиграли другое... польку... поютъ... по Чешски...—Чехи какъ будто родные мнѣ. Я выпрыгнулъ изъ бесѣдки, спрашиваю, какъ онѣ, эти дѣвушки, попали сюда. Отвѣтъ: живутъ здѣсь, тутъ и родились, отецъ умеръ, а Нѣмцы, у которыхъ онѣ живутъ, ихъ родныя. Вмѣсто одного зильбергроша я далъ два. Въ знакъ благодарности они все еще играютъ и поютъ Чешскія пѣсни. Буду же и я въ знакъ благодарности слушать ихъ.

Schneegrubenbaude. Полдень.

Все далѣе въ горы, все выше въ горы. Я вовсе не усталъ; но поднимаясь все выше и выше дышешь тяжело, сгибаешь колѣни и наконецъ падаешь или по крайней мѣрѣ садишься; впрочемъ я вовсе не усталъ.

Переходя черезъ Рейфенштеинъ, я былъ на высотѣ 4300 футовъ надъ моремъ. Немного далѣе Кваркштеинъ. Сѣвши тутъ отдохнуть на камнѣ, я

любовался видами въ одну сторону на Силезію, въ другую—на Богемію. Тутъ граница между ними. И какъ чудно я сидѣлъ: сидѣлъ на камнѣ, принадлежащемъ Императору, а ноги мои опирались на камень, принадлежащій королю. Далѣе я проходилъ мимо Тафельштейна, на которомъ, какъ говоритъ преданіе, колдунъ Рюбецаль, о которомъ тутъ ходитъ много сказокъ, обѣдывалъ съ своей почтеннѣйшей супругой.

Далѣе, идучи все по границѣ, я дошелъ до истока Эльбы. Въ обширной равнинѣ течетъ маленькій свѣтлый ручеекъ, выходя изъ колодца, подлѣ котораго стоитъ лачужка: вотъ истокъ Эльбы. Вода прекрасная, но болѣе ничего.

Въ четверти часа отсюда, ниже, Эльбскій водопадъ. Надъ водопадомъ лачужка. Чтобы видѣть водопадъ, надобно спуститься на дно оврага. Я спустился, сѣлъ, воду пустили на волю,—она взревѣла, широкимъ волнисто-снѣжнымъ платомъ рванулась внизъ и образовала вокругъ себя туманную атмосферу. Солнце выглянуло изъ-за облака, и эта пыль тумана покрылась радужнымъ блескомъ. Зрѣлище единственное. Природа у Цакенфаля дикая, но нѣтъ видовъ, и вотъ почему тамъ болѣе любуешься самимъ водопадомъ, а тутъ видами на дикія скалы, голыя, покрытыя мохомъ или влагой, и тянущіяся вѣтвеобразно далѣе и далѣе.

Оставивши Эльбу влѣво, я сталъ подниматься къ Гогенраду и послѣ тяжелаго перехода черезъ горы по темени ихъ, такъ что ни Богемія ни Силезія не скрывались ни на минуту, пришелъ сюда. Буда Шнеегрубенская—очень милый домикъ въ вкусѣ русскомъ. Обѣдъ былъ невеликъ, но хорошо приготовленъ. Послѣ обѣда я спускался въ глубокій оврагъ посмотрѣть на снѣгъ, остающійся тамъ цѣлый годъ, и самъ удивлялся своей смѣлости: стоило оступиться, чтобы навсегда пропасть. За то какъ смотришь на людей вверху снизу, такъ кажутся мухами. Эхо поетъ. Я закричалъ: «Маменька!»—и горы повторили: аинька.—Тутъ есть и телескопъ. О видахъ ни слова: чѣмъ выше на горы тѣмъ виды обширнѣе. Довольно сказать, что смотришь горизонтально, и видишь землю, а не небо; поднимаешь глаза еще выше, и все еще земля, а потомъ, гдѣ земля, гдѣ небо—не знаешь—слилось.

Снѣжка, т. е. по-Нѣмецку Schneekoppe.

Таки добрался, куда хотѣлъ. Я на Снѣжкѣ, на возвышеннѣйшемъ пунктѣ Исполиновыхъ горъ, въ 5000 футовъ надъ моремъ, или по русски безъ малаго въ полуторѣ верстѣ. И вотъ какъ я добрался сюда.

Прежде всего надобно было перейдти черезъ Гогенрадъ. Два раза отдыхалъ я пока взошелъ на эту вышину 4650 футовъ. Дорожка есть, но что это за дорожка! Обломки скалы, на которыхъ вмѣсто моха слѣды человѣче-

скихъ ногъ. Прыгаешь съ камня на камень то вправо, то влѣво, и съ каждымъ прыжкомъ на футъ выше. Похвастаюсь при этомъ случаѣ: обыкновенно дѣлаютъ тутъ путешествіе по горамъ съ помощью порядочнаго костыля, и почти въ каждой будѣ можно купить готовый,—и проводникъ мой еще вчера вырѣзалъ себѣ костыль и идетъ опираясь о него; я же положилъ себѣ вчера же начать путь, вести и кончить, не имѣя въ рукахъ ничего. Взбираясь на Гогенрадъ не разъ я чувствовалъ необходимость костыля и опирался на свои колѣни; но тотчасъ вспоминалъ, что это противъ условія,—и выпрямливался. Что-жъ, ничего! Все дѣло возможное. Гогенрадъ есть высшій пунктъ въ этихъ горахъ послѣ Снѣжки. Взобрался на Гогенрадъ, взобрался и на Снѣжку безъ палки.—Видъ съ Гогенрада—само собою разумѣется каковъ. Чудный да и только. Что до природы, она уже другая: хоть день и свѣтлый и слѣдовательно внизу жаркій, хоть потъ съ лица капалъ тяжелыми каплями, но вовсе не отъ жару; напротивъ—прохладно, и эта прохлада освѣжаетъ силы. Вчера и сегодня утромъ я былъ еще въ лѣсахъ пихтовыхъ, еловыхъ и т. п., въ странѣ, гдѣ сѣютъ и жнутъ; тутъ уже не то: собираютъ прекрасную траву, но хлѣбъ не ростетъ, а вмѣсто деревьевъ ползучій кустарникъ, жирной, низенькій, что-то въ родѣ гигантскаго моха. Кстати о мохѣ: и самъ не знаю какъ сталось, только моя шапка украшена пышнымъ вѣнцомъ изъ моха. Не знаю кто вздумалъ это сдѣлать въ Шнеегрубен. будѣ; впрочемъ не я одинъ несу на себѣ это горное украшеніе: каждый, кто прошелъ черезъ горы, ворочается съ нихъ въ вѣнцѣ. Милый обычай.—

Поднявшись нѣсколько разъ на гору и спустившись съ нея, я подошелъ къ Петерсъ Баудѣ. Еще я шагахъ во ста отъ нея, а уже слышу музыку, взглядываюсь, и вижу у буды—6 музыкантовъ, встрѣчая меня, играютъ привѣтственный маршъ. Очень хорошо; но тутъ не отдѣлаешься зильбергрошомъ. Почесалъ за затылокъ и далъ 5, да и далѣе.

Черезъ четверть часа пришли мы къ Штурмбаудѣ. Подхожу къ ней и опять слышу музыку и пѣніе. Вхожу—говорятъ по Чешски, поютъ по Чешски,—и тутъ старичокъ, двѣ дамы, нѣсколько человѣкъ простаго народа, а въ центрѣ мальчишка съ арфою играетъ польку и поетъ подъ нее Чешскую пѣсню, мнѣ знакомую. Я взошелъ и сталъ также пѣть. Дамы очень рады были встрѣчѣ съ человѣкомъ говорящимъ по Чешски. Въ двѣ минуты я былъ и съ ними и съ ихъ старичкомъ знакомъ какъ нельзя лучше. «Будемте же танцовать польку!» закричала одна дама, подбѣгая ко мнѣ. Будемъ! и начали: я съ одною дамою, старичекъ съ другою, мужики съ поселянками. Пыль подняли столбомъ, хохотъ къ небу. — Тѣмъ грустнѣе было разставанье: я шелъ на Снѣжку, дамы со Снѣжки. Пожелали другъ другу добраго пути и разстались.

XXXVI.

№ 25. Сгорѣлецъ (Görlilz) 6-е Сент. 1840.

Такъ я, какъ видите, душенька Маменька, въ Сгорѣльцѣ; живу тутъ уже недѣлю, и останусь еще недѣли на двѣ. Иначе нельзя: кандидатъ богословія Смоларь [1]), что въ Нѣмецкомъ переводѣ Шмалеръ, учитъ меня Горно-Лужицкому нарѣчію, а между тѣмъ я перечитываю и переписываю драгоцѣнныя рукописи библіотеки здѣшняго ученаго общества и, гуляя по окрестностямъ, знакомлюсь съ остатками древности—городищами и тѣмъ, что въ нихъ отрываю. На все это нужно время и я его не трачу. Вотъ какъ оно проходитъ:—Въ 6 часовъ стучится дѣвка и приноситъ кофе: этимъ начинается мое утро. Отъ 6 до часу я, безвыходно и безвизитно, самъ себѣ дома. Ничто не мѣшаетъ, и я занимаюсь прилежно: устанетъ-ли рука писать, я ложусь на софу и читаю; а отдохнула рука, снова за перо. Утро проходитъ незамѣтно. Въ часъ иду обѣдать къ Оленю, въ концѣ втораго ворочаюсь и опять за работу до 4-хъ. Въ 4-е или я къ Смоларю, или онъ ко мнѣ. Если онъ ко мнѣ, то занимаемся до 8; а потомъ, оставшись одинъ, я занимаюсь до 10. Въ 10 ложусь, и до 11-ти читаю. Если я иду къ Смоларю, то вечеръ погибаетъ. Смоларь живетъ у Гаупта [2]), и я въ сѣмействѣ Гаупта какъ свой. Болтовня, а иногда и пѣсни и танцы и Geselschaftsspiele=фанты продолжаются до половины 11-го. Вечерній картофельный завтракъ бываетъ обыкновенно въ 8, потомъ приходятъ гости, также отужинавши, приходятъ съ чулками и трубками, и мало по малу разыгриваются. Пляшу и я. Съ тѣхъ поръ какъ я тутъ, гости у Гаупта чаще, потому что Русской въ Згорѣльцѣ—чудо невиданное.

7-е Сент.

Вчера воротился въ 11-ть, и мокрый какъ губка. Подумаете, дождь измочилъ: ничуть не бывало—плясалъ. Вчера было воскресенье. Я пошелъ къ Гаупту въ 3. Къ 5 собралось много, въ 6 заплясали и плясали до нѣтъмочи. Кавалеровъ было только четыре: Шмалеръ, совѣтникъ полиціи Кёлеръ, еще нѣкто Тейслеръ да я, а дамъ чуть не вдвое—и мадамъ Гауптъ, и мад. Кёлеръ, и мад. Тейслеръ, и мад. Директорша, и фрейлейнъ Адель (племянница Гаупта), и фрейлейнъ Августа (племянница Тейслера) и еще нѣсколько

---

[1]) Янъ-Эрнестъ Смоляръ (Schmaler)—самый замѣчательный и одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ представителей Лужицкаго возрожденія 1830—1840-хъ гг., глубокій знатокъ Лужицкихъ нарѣчій и Лужицкой народности. Смоляромъ вмѣстѣ съ Гауптомъ при нѣкоторомъ участіи И. И. Срезневскаго издано обширное собраніе Лужицкихъ пѣсенъ (Pjesnički Hornych a Dolnych Lužickich Serbow wydate wot L. Hawpta a J. E. Smolerja. Grymi 1842—1843).

[2]) Гауптъ (L. Hawpt)—пасторъ, секретарь Сгорѣльскаго ученаго общества, издатель Лужицкаго Магазина—одинъ изъ дѣятелей Сербо-Лужицкаго возрожденія 1830—1840 гг.

маленькихъ. Время прошло, какъ обыкновенно, очень весело: всѣ дурачились, дурачился и я, какъ бывало дома. Не только галопировалъ и вальсировалъ, но даже съ Смоларёмъ дернулъ по Вендски, а потомъ и по Чешски польку и рейдовакъ, а потомъ и по Русски козачка.

8-е Сент.

Вчера цѣлое послѣ обѣда гулялъ: въ часъ пошелъ къ Гаупту и отъ него съ Смоларёмъ, Кёлеромъ, какимъ то докторомъ да Гауптомъ изъ города вонъ. Сначала въ деревню Эберсбахъ, гдѣ есть старинное городище, потомъ еще далѣе верстъ за 12 къ Кёнигсгайнскимъ горамъ. Какъ слоёное тѣсто выдвинулись тамъ изъ горъ гранитныя скалы и прекрасно обрисовались еловымъ лѣсомъ. Виды видали, а между тѣмъ не забыты были и поиски старыхъ вещей. Мы съ Кёлеромъ лазили по разнымъ трещинамъ, искали урнъ, и нашли много черепковъ, а я нашелъ и бронзовый браслетъ и нѣсколько кусочковъ сженыхъ человѣч. костей.

10 Сент.

Вчера опять послѣ обѣда не былъ дома, опять гулялъ. Все наше общество—до десятка дамъ, до десятка кавалеровъ, до десятка дѣтей—кто пѣшкомъ, кто въ Geselschaftswagen'ѣ, помѣщающемъ 14 особъ—отправились къ горамъ Яворницкимъ, и тамъ пили кофе, пиво, вино, ѣли хлѣбъ съ масломъ, калбасы, пироги, пѣли пѣсни, и т. д. Пили и за ваше здоровье, милая Маменька, и я былъ увѣнчанъ вѣнцомъ. Виды съ горы прекрасные. Тутъ есть и старинное городище. Туды я ѣхалъ; оттуда шелъ пѣшкомъ.

Сегодня за то ни шагу изъ дому. Утро занимался самъ, не увидѣлъ какъ прошло утро,—и обѣдъ прогулялъ—не замѣтилъ какъ ударило три часа. Что-же за бѣда. Напился кофе, да и дѣло съ концомъ. А вечеромъ со Смоларемъ напился чаю—и вовсе не голоденъ. Еще и лучше: четвертакъ въ карманѣ остался!!

12 Сентября.

Боже мой, сколько радости разомъ!—Что за радость? спросите Вы. Не опять-ли какая нибудь прогулка?—Нѣтъ, нѣтъ, лучше всякой прогулки, дороже всѣхъ мимолетныхъ знакомствъ, конечно пріятныхъ для одинокаго странника, но все таки мимолетныхъ.... Письма отъ Васъ, душенька Маменька, разомъ три (№ 6, 7, 8)—вотъ отъ чего моя радость. Такъ долго не получать (уже три мѣсяца какъ я выѣхалъ изъ Праги)—и вдругъ... Вы захотите знать, какъ я получилъ ихъ: очень легко и очень скоро: рѣшившись остаться въ Сгорѣльцѣ, я написалъ къ Доктору Станьку письмо, прося переслать все, что получено на мое имя хозяиномъ, Шафарикомъ и пр. Прошло дней пять-шесть и я все это получилъ—и письма отъ Васъ, и письма отъ моихъ старыхъ

друзей, и отъ разныхъ новыхъ знакомыхъ. Работы отвѣчать будетъ дня на полтора — и прежде всего вамъ:

Въ № 6 Вы повторяете, о чемъ писали прежде, что ноты получили всѣ кромѣ «Ave Maria»,—и между тѣмъ прежде писали, что получили 20 тетрадей: если получили по счету всѣ, то и «Ave Maria» тамъ, или можетъ быть вмѣсто Ave я взялъ что нибудь другое.—Такъ Листъ Вамъ не нравится? Жаль! Не потому жаль, что хорошо пишетъ (онъ и меня не восхищалъ, а только изумлялъ [1]), а потому что я могъ бы прислать другое. Лабицкаго вышло еще одно попурри: пришлю изъ Праги.—Если увидите незабвеннаго «бѣлобрысаго» Иванъ Васильевича [2]), то скажите ему, что онъ можетъ писать ко мнѣ на Шафарика въ Прагу, а я ему напишу можетъ быть изъ Др..., не скажу отъ куда, потому что мнѣ хотѣлось бы не говорить о томъ, куда ѣду, до самаго возвращенія въ Прагу: Вы, маменька, будете догадываться, а я воротясь въ Прагу буду любоваться Вашими догадками.—Къ брату я писалъ и надѣюсь получу отвѣтъ въ Прагѣ: письмо важное касательно высылки мнѣ денегъ изъ Министерства.

Въ № 7 Вы описываете Вашу переписку съ братомъ. Что я не могъ не плакать, что плакалъ и слезами радости и слезами гордости, имѣя такую мать, объ этомъ писать нечего; но не могу не повторить, что Вы, душенька Маменька, напрасно беспокоитесь обо мнѣ, о моихъ нуждахъ, о недостаткѣ денегъ въ моемъ карманѣ: не знаю, что будетъ далѣе, а до сихъ поръ, не отказывая себѣ ни въ чемъ, ни разу не грозилъ себѣ пальцемъ. Вина не пью и другихъ имъ не потчую, не наряжаюсь, въ карты не играю: только отъ этого и остерегаюсь (легко остерегаться отъ того, что для человѣка излишне). Все остальное—путешествіе, гулянье, концерты, театры, книги—стоитъ столько, что живу безъ всякаго разщету. Одно поставилъ себѣ за правило: что оставляетъ по себѣ менѣе слѣдовъ на то менѣе и денегъ.—Далѣе о издержкахъ на письма: меня удивляетъ, что Вы платите такъ дорого! я за полученіе письма плачу 14 крейцеровъ = около пяти-алтыннаго, а за отправку—20 = двугривенный. Поручите, Маменька, мнѣ отправлять Ваши письма,—и я буду платить несравненно дешевле. Впрочемъ безъ шутокъ: почта наша обманываетъ. Отправляя, платите только до границы, до Радзивилова, а остальное предоставьте мнѣ,—и увидите, что я не буду платить за полученіе болѣе пятиалтыннаго.—У васъ громы, а тутъ только дождички. За то урожай на фрукты—удивительный.

---

[1]) Въ подлинникѣ написано: «не изумлялъ, а только восхищалъ». Надстрочными цифрами порядокъ словъ измѣненъ, но по ошибкѣ всетаки невѣрно. Подъ этими словами приписано: !!?!!

[2]) Иванъ Васильевичь Росковшенко, товарищь И. И. Срезневскаго по университету; вмѣстѣ съ нимъ И. И. С-кій издалъ въ Харьковѣ въ 1831 г. «Украинскій Альманахъ».

Въ № 8—описаніе поѣздки въ Ахтырку. Очень радъ, что и она и ея окрестности Вамъ понравились. Какъ-бы я желалъ быть тамъ вмѣстѣ съ Вами. Одного уже тамъ нѣтъ: добраго, почтеннаго отца Іоанна! Если увидите Чудновскаго, кланяйтесь ему, и пусть онъ кланяется всѣмъ Ахтырскимъ знакомымъ моимъ, а милой сестрицѣ поцѣлуетъ ручку и поздравитъ ее! Дай Богъ ей счастія!—Прощайте, Маменька, до завтра или послѣ завтра.

Вашъ старикъ.

XXXVII.

№ 26. Сгорѣлецъ. 20 Сентября.

Работаю днемъ какъ должно; а придетъ вечеръ, прибѣжатъ дѣти Гаупта (дочь 12 лѣтъ Теодора, другая маленькая Матильда да 2 сынка Карлъ и Рудольфъ) и именемъ Маменьки говорятъ, что «картофель ждетъ». Черный картофель съ масломъ—это обыкновенный Гауптовскій ужинъ. Отужинавши садимся вокругъ стола, болтаемъ, читаемъ, играемъ въ фанты. Если соберется много, то столъ въ сѣни и начинаются танцы. О танцахъ я уже писалъ; о фантахъ еще нѣтъ. Болѣе другихъ любимы нами два:—является грифельная доска. Одинъ записываетъ на одной сторонѣ вопросъ, передаетъ кому хочетъ другому, тотъ, не зная вопроса, пишетъ на другой сторонѣ отвѣтъ,—и такъ доска ходитъ кругомъ стола. Соединеніе вопросовъ съ отвѣтами бываетъ чудное, подаетъ поводъ къ смѣху, къ другимъ вопросамъ и т. д. Другая игра: Одинъ изъ общества выходитъ вонъ изъ комнаты, остальные назначаютъ слово для разгадки, такое слово, которое не легко отгадать, то есть которое имѣетъ много значеній: напр. листъ, странникъ, перо, ручка, шея. Выходившій призывается и спрашиваетъ поочередно всякаго тремя вопросами: Гдѣ вы это любите? Какъ вы это любите? Почему вы это любите? Напр. Гдѣ вы это любите? Одинъ: подъ ногами, другой: подъ столомъ, третій: въ воздухѣ, 4-ый: въ вѣнкѣ, 5-ый: въ башнѣ, 6-й въ рукахъ и т. д. Какъ вы это любите?—1-й: желтый, 2-й: измятый, 3-й: летающій, 4-й зеленый, 5-й: старый, 6-й: большой. Почему вы это тамъ и такъ любите? 1-й: потому что люблю мечтать, 2-й: потому что мнѣ наскучило сидѣть за столомъ, 3-й: потому что напоминаетъ мнѣ о моей судьбѣ, 4-й: потому что безъ него пестрота была бы непріятна, 5-й: потому что мнѣ хотѣлось бы найдти гдѣ нибудь старое новое, 6-й: потому что люблю своихъ родныхъ и друзей. Спрашивающій угадываетъ, и при чьемъ отвѣтѣ угадаетъ, тотъ заступаетъ его мѣсто. Угадали ли Вы, милая Маменька, отвѣтъ? Это 1) листъ осенній, 2) листъ печатанный 3) листъ оторванный отъ вѣтки, 4) листъ травы, 5) листъ старой рукописи, 6) листъ письма. Эта игра очень мила.

23-е.

Работы мои въ Сторѣльцѣ приходятъ къ концу: съ рукописями почти со всѣми сладилъ; сколько можно было собрать для исторіи литературы Вендской—собрано; этимологическій словарь Горно-Лужицкаго нарѣчія почти оконченъ.—Завтра или послѣ завтра прощусь съ Сторѣльцемъ.

А между тѣмъ начинаются прощанья.—Третьяго дни сѣмейство Гаупта ходило встрѣчать сестру г-жи Гауптъ на почту—изъ Бреслау. Отобѣдавши пришелъ и я. Въ ожиданіи мы велѣли подать себѣ кофе. При этомъ были сухари. Каждый съѣлъ по два: остался еще одинъ. «Съѣдимъ Vielliebchen!» сказала Гауптова.—Радъ, отвѣчалъ я, но прежде скажите, что это Vielliebchen?—«Съѣвши съ другимъ Vielliebchen, надобно постараться сказать ему на другой день: «guten Morgen, Vielliebchen!» прежде нежели это онъ успѣетъ сдѣлать,—и кто прежде скажетъ, тотъ выиграетъ, т. е. получитъ что нибудь на память». Очень хорошо: потчую. И такъ я раздѣлился сухаремъ съ Гауптовой, Аделью, Теодорою, Шмалеромъ и діаконшею Генрихенъ. Вчера чуть свѣтъ вбѣгаетъ ко мнѣ Теодора и кричитъ: «Guten Morgen, Vielliebchen!» — Проигралъ. Въ 9 часовъ приходитъ Шмалеръ, говоритъ «Guten Morgen»—я въ отвѣтъ «Vielliebchen, guten Morgen!—выигралъ. Дамы ждали меня цѣлое утро, и все время держали дверь на замкѣ. Въ часъ, когда я обыкновенно обѣдаю, онѣ перестали ждать, а я какъ тутъ: влетѣлъ,—и выигралъ. Смѣху было до слезъ. Я подарилъ Теодорѣ коробочку, она меня отдарила тоже коробочкой, Гауптова подарила мнѣ тоже коробочку, Адель — видъ Герлица. Другихъ подарковъ еще не получилъ. Сегодня собралось у меня до полдесятка альбомовъ. —

24-е.

Сегоднишнюю ночь я почти не спалъ: легъ въ концѣ 2-го, а всталъ въ 6. Цѣлый день занимались съ Шмалеромъ. Подъ вечеръ пришелъ ко мнѣ Гауптъ, потомъ Тейслеръ, потомъ дѣти съ «картофель ждетъ». Пошли. Послѣ ужина собрались разныя разности. Болтали, я гадалъ и смѣшилъ, предсказывая Spektakel-Geschicht'ы. Читали, что я написалъ въ альбомы. Адель знаетъ по русски одно слово «прошу»,—и я написалъ ей:

Прошу
Своихъ друзей старинныхъ вспоминая,
И обо мнѣ, Срезневскомъ, вспомнить кой-когда—
Хоть такъ: «Изъ дальняго былъ странникъ края!»
Хоть такъ: «Бывалъ намъ странникъ страненъ иногда».
Изъ памяти жъ все злое выметая,
Забыть и обо мнѣ все злое навсегда
Прошу.

Теодорѣ я написалъ:

Теодора, Теодора!
Сохранишь-ли мой листокъ?
Иль, какъ дикаго для взора,
Изъ альбомнаго узора
Вырвешь вонъ ты мой листокъ?
Теодора, Теодора,
Мой листокъ?
Теодора!

Этотъ пустякъ понравился всѣмъ такъ, что Гауптъ сѣлъ за фортопьяно, сдѣлалъ для этого музыку,—и всѣ стали пѣть по Русски, приговаривая, что Русскій языкъ очень нѣженъ и звученъ. Я и забылъ сказать, что я былъ весь вечеръ въ цвѣточной гирляндѣ. Діаконша принесла мнѣ свой Vielliebchen. Это была кожаная подкладка подъ бумагу, что бы мягче было писать. Она была свернута въ трубку и обвита прекрасною цвѣточною гирляндою. Я снялъ ее съ кожи и надѣлъ на себя черезъ плечо. Гауптова надѣла мнѣ на шею шнурокъ, который носила нѣсколько лѣтъ, говоря, чтобы я помнилъ о ней по нему, Теодора привязала къ нему букетикъ незабудокъ,—и я выглядывалъ въ этомъ уборѣ такимъ селадончикомъ, особенно когда началъ строить рожи и гадать, что всѣ помирали со смѣху.

Въ десять часовъ вечера разошлись,—а мы съ Шмалеромъ отправились ко мнѣ оканчивать словарь и работали до половины втораго.

Завтра въ путь.—Всѣ жалѣютъ, что я уѣзжаю; я также жалѣю, что разстаюсь съ Сгорѣльцемъ: городъ не видный, но жилось мнѣ въ немъ хорошо.

Завтра ѣду. Прощайте, милая Маменька! Поклонитесь всѣмъ, кто меня не забылъ. Вотъ-вотъ дни черезъ четыре будетъ годъ какъ я выѣхалъ изъ Харькова: время слишкомъ большое для человѣческой памяти. Я не забылъ никого, но это другое дѣло: можетъ быть никто болѣе странника, одинокаго разумѣется, не живетъ въ прошедшемъ.

Гауптова приказала вамъ передать свой сердечный поклонъ.—

Скажите мнѣ, Маменька, что я долженъ дѣлать: просить-ли позволенія еще на полгода остаться за границей или нѣтъ? Какъ человѣкъ, какъ сынъ, я желалъ бы въ Харьковъ; но съ другой стороны въ годъ невозможно окончить путешествій, которыя мнѣ предстоятъ. Если я буду проситься и мнѣ не позволятъ, я буду радъ; но можетъ быть буду жалѣть что не получилъ позволенія.—Самъ не знаю что дѣлать.

Да не сердятся на меня, если я пришлю свой 2-й отчетъ позже, нежели слѣдуетъ. Въ дорогѣ писать невозможно, потому что много другихъ работъ.

Цѣлую ручку Вашу.

Дороговизна писемъ заставитъ, можетъ быть, меня писать рѣже. Не безпокойтесь: я здоровъ, слава Богу, какъ слѣдуетъ [1]).

XXXVIII.

№ 27 Саксонія. Будишинъ (Бауценъ). 26 Сент. 1840.

Итакъ я простился съ Сгорѣльцемъ.—Вчера утромъ въ половинѣ шестаго подъѣхала къ моей квартирѣ коляска, взяла меня съ вещами, поѣхала къ Гаупту, гдѣ то-же все было готово, усадила въ себѣ насъ трехъ съ Гауптомъ и Смоляромъ, и повезла насъ въ Будишинъ, столицу Горныхъ Лужичанъ или Сербовъ, какъ называютъ они сами себя, или Вендовъ, какъ называются они по Нѣмецки. Въ половинѣ 7-го мы выѣхали, въ часъ пополудни пріѣхали: всего 6 миль. Этимъ началось мое странствіе по Лузаціи или Сербскимъ Лужицамъ. Буду вести Вамъ дневникъ моего странствія, кратко, какъ позволитъ время, оставляя подробности для своей записной книжки и памяти. По дорогѣ видѣли мы Сербовъ и Сербокъ, но вскользь: я надѣюсь, что будетъ еще время присмотрѣться къ нимъ ближе; а то, что я узналъ о нихъ во Вратислави и Сгорѣльцѣ, дѣлаетъ меня нетерпѣливымъ скорѣе увидѣть ихъ.—

Въ Будишинѣ мы остановились у Молодаго мѣсяца, въ томъ самомъ домѣ гдѣ живетъ д-ръ Клинъ [2]), другъ Гаупта и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ Вендовъ. Мы съ Смоляромъ заняли комнату въ гостинницѣ; Гауптъ отправился къ Клину.

Послѣ обѣда всѣ четверо пошли гулять по окрестностямъ Будишина, замѣчательнымъ для меня по остаткамъ Славянской старины,—и обходили верстъ около 20, если не болѣе. Прежде всего побывали на одномъ школьномъ праздникѣ; потомъ пошли на городище Доброславское, прелестно рисующееся на скалахъ, стѣнами, опускающимися къ Спрее; потомъ пошли черезъ нѣсколько Сербскихъ деревень на гору Любенцъ, гдѣ также есть остатки городища, видѣли съ нея чуть не подъ ногами границу Богеміи; далѣе спустились въ Будишинскую равнину, гдѣ каждый уголокъ напоминаетъ о войнѣ Русскихъ съ Французами, ужинали въ Стрѣлѣ, минутахъ въ 10 отъ Будишина, и въ началѣ 10-го воротились домой. Прогулка была прекрасная. Клинъ былъ душою нашего общества: какъ юмористъ, заба-

---

[1]) Приписано съ края письма.

[2]) Фридрихъ Адольфъ Клинъ (1792—1855)—извѣстный Сербо-Лужицкій патріотъ, одинъ изъ основателей Сербской Матицы и первый ея предсѣдатель. Онъ служилъ по церковной и школьной администраціи, былъ адвокатомъ и членомъ земскаго сейма.

влялъ онъ насъ остротами; къ тому же онъ Сербъ. Болѣе всего утѣшало меня то, что онъ, хоть и докторъ и совѣтникъ Полиціи, обращался съ Сербами, какъ съ родными, говорилъ съ ними по Сербски, ласкалъ дѣтей, жалъ руки старымъ... Такихъ чиновниковъ въ Чехіи кажется нѣтъ. Сербы умный, добрый народъ, не бѣдны, довольно образованы—по крайней мѣрѣ всѣ умѣютъ читать, и между тѣмъ сохранили много старыхъ обычаевъ, обрядовъ, даже суевѣрій. Языкъ, занимая средину между Польскимъ и Великорусскимъ, очень пріятенъ, и несносно легокъ для выговора, такъ что мнѣ, знакомому съ нимъ до сихъ поръ книжно, трудно понимать, когда говорятъ,—такъ скоро и плавно можно говорить на немъ.

Вечеръ.

Сегодня опять цѣлый день мы странствовали—въ троихъ съ Гауптомъ и Смоляромъ. Сначала по городу; потомъ въ половинѣ 10-го вышли изъ города по дорожкѣ къ горамъ. На дорогѣ догнали дѣвушку, шедшую съ одноколкой домой изъ города. Гауптъ на привѣтствіе «Помгай Богъ» получилъ въ отвѣтъ обычное «Вершъ помози»; Смолярь заговорилъ съ нею; я присѣдился и помогалъ ей тащить тяжолую одноколку; потомъ когда дѣло дошло до записыванья пѣсенъ, я предоставилъ Смолярю свою книжку, а самъ чистилъ груши и подчивалъ ими ее и спутниковъ. Гауптъ присѣлъ и нарисовалъ эту сцену.— Обѣдали подъ горами, верстахъ въ 15 отъ Будишина, у лѣсничаго. Послѣ обѣда пошли съ нимъ на гору, освященную именемъ Чернобога. Чернобогъ очень высокъ и представляетъ далекіе виды на Лужицы, Саксонію, Саксонскую Швейцарію и Чехію. Лѣсничій, водя насъ со скалы на скалу, пересказывалъ преданія о нихъ: тутъ, говорилъ онъ, приносили въ жертву людей, тутъ было чортово окно, тутъ—адъ. Съ Чернобога видна другая гора— Бѣлобогъ. Жалѣю, что время не позволило намъ идти къ ней и на нее. Мы завернули на западъ, къ горѣ Прашицѣ, проходили мимо скалъ, наз. Громадникомъ, гдѣ, какъ говоритъ преданіе, собирались въ старину Сербы, еще язычники, на сеймы, заглянули въ котелъ, вѣчно наполненный водою, гдѣ они умывали руки передъ подачею ихъ другъ другу въ знакъ союза. Отдохнувши на Прашицѣ, мы спустились внизъ и къ вечеру пришли въ городъ, исходивши не менѣе 30 или 35 верстъ. Вечеръ провели всѣ вмѣстѣ съ Клиномъ въ нашей комнатѣ, пили чай, разсуждали о Сербахъ. Тутъ были и два гимназиста Серба, изъ членовъ Сербскаго Буд. общества. Этихъ обществъ нѣсколько: старшее въ Лейпцигѣ, другое въ Вратислави, третье здѣсь. Молодые Сербы собираются, читаютъ свои опыты, ведутъ журналъ трудамъ,—хлопочутъ о возрожденіи Сербской литературы, и, что всего важ-

нѣе, не забываютъ народа, изучаютъ его, описываютъ народность. Смоляръ имѣетъ на всѣ эти общества большое вліяніе.—

27-е.

Сегодня воскресенье. Въ Будишинѣ двѣ Сербскія церкви, одна евангелическая, другая католическая или подъянская, какъ называютъ Сербы: надобно было заглянуть въ каждую изъ нихъ, и мы съ Смоляромъ пошли. Въ первой слушали начало проповѣди и не дослушавши, а посмѣявшись надъ искуствомъ проповѣдника мѣшать Нѣмечину съ Славянщиной пошли въ другую, и слушали тамъ молитвы. Молящіеся тамъ и тамъ были большею частію изъ простаго народа, впрочемъ очень хорошо одѣты—въ коротенькія кофточки и юбки съ передникомъ и въ чепцахъ съ широкими фальбарами вокругъ шеи. Подъянки отличаются любовію къ черному цвѣту. Далѣе мы пошли въ соборъ. Чудное зданіе—кривое, искоробленное и къ тому еще раздѣленное желѣзной рѣшеткой на двѣ части: задній алтарь католическій, передній, съ боку, евангелическій.—Обѣдали у Клина.

Послѣ обѣда пошли за городъ, посѣтили два городища и скалу, называемую Пшибогомъ «идоломъ». Скала стѣною, на скалѣ стародавнія липы, подъ скалою Спрее и такъ глубоко, что дна еще не достали. Преданіе говоритъ, что на этой скалѣ стоялъ идолъ и сверженъ былъ въ воду. Скалисто-лѣсистыя окрестности превосходны.

Воротившись вечеромъ домой, мы съ Смоляромъ занимались. Теперь 11-ть. Пора спать. Желаю и Вамъ покойной ночи, милая Маменька. Вы вѣрно уже почиваете; а если нѣтъ, то вѣрно и обо мнѣ подумали хоть минутку.

29-е—17-е Сент.

Помните, милая Маменька—17-е Сентября?—Какъ Вамъ не помнить, когда Вы меня такъ нѣжно любите! Годъ тому назадъ Вы провожали меня, благословляли на дальній и долгій путь, плакали и благословляли. Господи, уже цѣлый годъ я не вижу Васъ! О, скоро-ли пройдетъ и все время разлуки!

Вчера я былъ въ двухъ библіотекахъ, и работалъ цѣлый день надъ перечитываніемъ и переписываніемъ рукописей, тамъ найденныхъ. Утромъ сегодня то-же.—А послѣ обѣда съ Гауптомъ и Смоляромъ ходили на Доброславское городище и копали тамъ. Найдти нашли только черепья, перекаленный гранитъ и множество угля. На утесѣ, опускающемся стѣною во 100 шаговъ къ Спрее, сидѣлъ я, смотрѣлъ на копанье нашихъ работниковъ и мечталъ о

давноминувшемъ, мечталъ, какъ на этомъ мѣстѣ, лѣтъ за 1000 назадъ, приносились жертвы богамъ, сожигались мертвые. Смотрѣлъ на окрестности, населялъ ихъ хижинами богомольныхъ язычниковъ, сзывалъ ихъ сюда къ молитвѣ; молился съ ними о васъ, — и такъ встрѣтилъ мой новый годъ.—Теперь сидимъ съ Смоляромъ за однимъ столикомъ и пишемъ— я письмо, а онъ — Сербскіе разговоры, которые приготовляетъ къ печати [1]). Мы живемъ съ нимъ по братски. Одно нехорошо: по Сербски я говорить еще не могу, а слѣд. дѣло ведется по Нѣмецки.

Еще два слова о Будишинѣ. Миленькій городокъ съ башнями и стѣнами, оставшимися отъ прежнихъ укрѣпленій. Съ запада онъ опускается амфитеатромъ и съ Дрезденской дороги рисуется амфитеатромъ. Жителей болѣе 10,000. Двѣ улицы прекрасны, широки и прямы. Сербскій языкъ слышится безпрестанно.

Добру ноцъ, моя люба мачи! Пшею вамъ (желаю) добрэ соны (сновидѣнія). То со вѣ (разумѣется), зо дыжь со вамъ джіе (что когда вамъ будетъ что сниться), со вамъ тэижъ вотэ мнѣ джѣчь будже (помечтаете и обо мнѣ). Добру ноцъ найлюбша!

Монастырь Маріенштернъ (Клёштеръ). Въ 4-хъ часахъ отъ Будишина.—1-е Октября 1840.

Вотъ гдѣ я, милая Маменька. Въ половинѣ 10-го вышли мы съ Смоляромъ изъ Будишина, до обѣда осмотрѣли три городища, послѣ обѣда четыре, и пришли сюда подъ вечеръ, исходивши не менѣе 30 верстъ. День прекрасный, путешествіе занимательное и веселое. Мнѣ бы хотѣлось пѣшкомъ пройдти по всѣмъ Лужицамъ, поближе познакомиться съ этимъ народомъ, сохранившимъ въ себѣ такъ много стариннаго и въ языкѣ, и въ жизни.—Сегодня я уже не говорилъ почти ни слова по Нѣмецки;—въ Лужицахъ хочу говорить не иначе, какъ по Сербски.—Земля богатая; деревни на каждомъ шагу; виды на горы очень милы. Въ поляхъ дѣятельность: пашутъ, сѣютъ и боронятъ, или собираютъ овощи и отаву.

Городъ Каменецъ. 2-е Окт.

Въ 7 часовъ утра мы вышли изъ Маріенштерна, заглянувши прежде въ церковь и на монастырь. Монастырь этотъ женскій, и, какъ всѣ католическіе монастыри, хорошо построенъ. Самое селеніе очень мило. Переходя

---

[1]) Были напечатаны въ 1841 г. подъ заглавіемъ: Mały serb aby serske Njemsce rozmłowenja.

съ одной тропинки на другую, мы осмотрѣли три городища, и пришли сюда отдохнуть и поѣсть. Бьетъ 11-ть. Мы завтракаемъ и черезъ четверть часа идемъ далѣе. Каменецъ стоитъ на скалахъ, годится для картины, но самъ не хорошъ.—Теперь мы въ 5-ти часахъ ходьбы отъ Дрездена; но идемъ не къ нему, а на востокъ.

Кёнигсварта (Ракецы). Вечеръ.

Сегодня мы сдѣлали препорядочный переходъ: никакъ не менѣе $4^1/_2$ миль, т. е. около 35 верстъ. До Ваза, родины Смоляря, остается два часа пути.—Сербы не только не бѣдны, но даже, кажется, богаче Чеховъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы проходили, всѣ говорятъ и по Нѣмецки. Это двуязычіе не можетъ не вредить чистотѣ Сербскаго языка, и Сербы точно довольно часто употребляютъ Нѣмецкія слова, впрочемъ въ проповѣдяхъ отъ пасторовъ желаютъ слышать чистый языкъ.—Мѣста прекрасныя: горы въ виду, лѣсу много, воды много, деревеньки въ зелени. Только уже осень, осень. Туманъ не поднимался цѣлый день; а теперь льетъ проливной дождь. Хорошо, что намъ остается небольшой переходъ до отдыха. Впрочемъ большой грязи тутъ быть не можетъ: почва усѣяна камнями.

Пруссія. Вазъ. 4-е Окт.

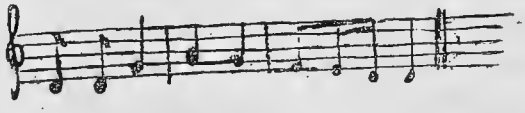
Вчера пока встали да осмотрѣлись, умылись да одѣлись, напились кофе, да выкурили по сигарѣ, ударило 9. Подъ туманомъ пошли мы къ Вазу или Лозѣ, родинѣ Смоляря, перешли изъ Саксоніи въ Пруссію и чарезъ $1^3/_4$ часа были тамъ. Изъ за густыхъ, высокихъ липъ и тополей выглядываетъ башня церкви. Рядомъ съ нею стоитъ домикъ, называемый школою, то-же заросшій деревьями; къ этому домику подошли мы. Изъ домика услышали наши голоса и вышли встрѣчать жданныхъ гостей: вышелъ лысенькій старичокъ въ тулупѣ и колпачкѣ—отецъ Смоляря—шульдереръ и ктиторъ цузаменъ; вышла веселенькая полустарушка въ крестьянскомъ платьѣ—мать Смоляря; вышли двѣ дѣвочки босикомъ—сестры. «Витай, сынку! витай брачику! Витайте, кнѣже!» говорили они и по Сербскому обычаю жали намъ руки, и повели въ домикъ. Въ этомъ домикѣ на право большая комната—школа, на лѣво комнатка со стряпильною печкой, лавками, тремя простыми стульями, чѣмъ-то въ родѣ софы и цимбалами, а по стѣнамъ полки и гвозди для посуды, за нею другая крошечная комнатка съ постелями. Въ сѣняхъ разные закоулки и кажется еще комнатка. На чердакѣ еще комнатка довольно длинная и очень, очень узкая. Эта послѣдняя была приготовлена для насъ. Хозяйка не знала, какъ насъ

угостить, подчивала и водкой, и пивомъ, и хлѣбомъ съ масломъ, и разными разностями. Послѣ обѣда пошли мы на верхъ, а въ школу подъ нами собрались мальчики и дѣвочки, и запѣли, зажужжали. Потомъ кофе; въ 7 часовъ ужинъ, въ 8-мъ пришелъ буръ съ буровкой (селянинъ съ селянкой) изъ родныхъ, потомъ пасторъ Зейлеръ [1]), знаменитый въ Сербской литературѣ сочинитель Горно-Лужицкой грамматики, — и пили шоколадъ. Говорили по Сербски; разговаривали весело, по просту, очень хорошо. Огарокъ горѣлъ на столѣ, а на печномъ уголкѣ горѣли лучины. Въ $10^1/_2$ подали другъ другу руки и, сказавши другъ другу «добру ноцъ! спиче дере!» (хорошо, пріятно), растались. Теперь 8. Намъ принесли кофе, Будемъ пить, потомъ заниматься, а потомъ и въ церковь.

5-е Окт.

Церковь была полна. На нижнихъ лавкахъ сидѣли женщины; а на хорахъ, которыми въ три яруса окружена церковь, мужчины. Мужчины не имѣютъ почти ничего національнаго въ своемъ костюмѣ: длинные сюртуки, жилеты, шляпы, все дѣлаетъ ихъ похожими на нашихъ мѣщанъ. Замужнія женщины почти всѣ имѣли на головѣ большую, широкую бѣлую «плахту», заколотую подъ горломъ и прикрывающую всю талью, а дѣвушки—что-то въ родѣ очипка съ лентами; жарующія, т. е. въ траурѣ, который продолжается тутъ 53 недѣли, были въ черныхъ юпкахъ и тоже плахтѣ но, такой длинной, что юбка видна снизу только на четверть. Зейлеръ говорилъ прекрасную проповѣдь.—Обѣдали у Зейлера. Между его домомъ и церковью кладбище. Потомъ глядѣли на обрядъ погребенія и крещенія. Вечеромъ опять были у Зейлера и просидѣли до 11 часовъ. Пили чай, а Зейлеръ съ двумя Смолярами пѣли Сербскія пѣсни. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ удивительное сходство съ Русскими. Напр.:

1. Онъ далъ ей перстень зо - ло - той, И ру - ку бѣ - лу - ю по - жалъ,



И въ ясны о-чи цѣ-ло-валъ.

---

[1]) Андр. Зейлеръ (1804—1872)—одинъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей Сербо-Лужицкаго возрожденія. Онъ извѣстенъ, какъ собиратель народныхъ пѣсенъ и пословицъ; какъ поэтъ—онъ занималъ выдающееся мѣсто въ литературѣ Сербо-Лужицкой; многія изъ его пѣсенъ получили большую популярность и стали народными.

2. «Прости и не забудь меня!»
Такъ молвилъ онъ,—и на коня,..
«Черезъ три года жди меня!»
3. Прошли три года, и домой
Всѣ Сербы молодцы идутъ,
И пѣсни весело поютъ.
4. И вышла Гальжа ихъ встрѣчать.
«Гдѣ жъ милый мой?»—Га, милый твой—
Въ землѣ остался онъ чужой.
5. Тамъ, Гальжа, весело ему:
Нашелъ другую Гальжу онъ
А Гальжѣ нашей шлетъ поклонъ...
6. Въ могилѣ Гальжа; розы кустъ
На той могилѣ тамъ цвѣтётъ
И соловей въ тѣни поётъ.

Опять Саксонія. Будишинъ. 6-е Окт.

Вчера въ Ракецахъ была ярмарка, и мы цѣлою группою отправились туда, кто для чего, а я что-бы видѣть сельскую ярмарку. Описывать ее долго, опишу когда-нибудь на словахъ. Оттуда мнѣ нужно было идти въ Будишинъ на аукціонъ Сербскихъ книгъ,—и я пошелъ, а что-бы и самую дорогу сдѣлать для себя занимательною, я пошелъ окольнымъ путемъ, мимо двухъ городищъ. Смоляръ подробно описалъ мнѣ, какъ я долженъ идти, а остальное не трудно было и самому сдѣлать съ помощію привѣтсвія «Пом'ай Бо!» и вопроса «дже пучь до» той или другой деревни «дже?» (идетъ). Вышедши изъ Ракецъ въ 4, я могъ бы вчера же придти въ Будишинъ, но запоздалъ на городищахъ, и ночевалъ на постояломъ дворѣ въ $1^1/_2$ часахъ отъ Будишина.—Сегодня и завтра пробуду тутъ, а потомъ опять въ Вазъ иною дорогою, что-бы посѣтить еще нѣсколько городищъ. Опять прощусь съ Саксоніей; ворочусь въ нее, но уже съ тѣмъ, что-бы проститься навсегда.

Будишинъ. 7-е Окт.

Дѣла мои тутъ окончены. Книги на аукціонѣ куплены, и дешево. Библія Горно-Лужицкая также. Завтра рано выхожу изъ Будишина вмѣстѣ съ Домашкомъ, гимназистомъ и Секретаремъ здѣшняго Серб. общества. Прощай, Саксонія!—Впрочемъ это письмо отправится къ Вамъ изъ Саксоніи. Вы будете ждать его долгенько. Не сердитесь на меня: мнѣ хочется въ немъ помѣстить

всѣ мои приключенія въ Лузаціи. «Странствуетъ мой Измайлуша!»—говорите Вы.—Да, странствую, Маменька. Забылъ сегодня отдать сапоги починить, да вотъ теперь, когда уже всѣ сапожники спятъ, и буду самъ чинить. Написалъ бы и болѣе; да сапоги ждутъ.

Опять Пруссія. Вазъ. 8 Окт.

Вотъ сегоднишнее странствіе такъ было подлинно странствіе по Лужицамъ: съ боковъ вѣтеръ, сверху дождь, подъ ногами болото,—и мы же еще съ Домашкомъ выбираемъ путь поближе отъ городища къ городищу, не по дорожкамъ, а какъ случится: поле такъ поле, лугъ такъ и лугъ. Я не промокъ, а продрогъ порядочно.—Теперь, отогрѣвшись ромомъ и чаемъ, пишу лежа: нѣжусь. Кажется и прошлый годъ я мокъ въ это время, по дорогѣ къ Москвѣ, и отогрѣвался у добраго почтеннаго Кучина [1]).—

11-е Окт.

Эрнестъ [2]) еще спитъ; а я уже давно всталъ. Мы поздоровались съ хозяйкой, которая приходила затопить печку и принесла воду для умыванья; пожали другъ другу руки и съ дочучькой ея, принесшей мнѣ сапоги.—Добрые, прекрасные люди. Я у нихъ, какъ родной, и въ нѣсколько дней такъ привыкъ, такъ обжился, что жаль разставаться. А между тѣмъ сегодня въ дорогу—продолжать странствіе по Лужицамъ.—Вчера цѣлый день я записывалъ разныя разности объ обычаяхъ Сербовъ. Вечеромъ, уже послѣ ужина, когда мы съ Эрнестомъ и старикомъ тихо занимались на нашемъ чердакѣ, зовутъ насъ внизъ. Идемъ. Вхожу въ комнату,—и вижу: столъ накрытъ скатертью; на столѣ 2 свѣчки, ромъ, двѣ рюмочки, бѣлый хлѣбъ, а за столомъ прехорошенькая дѣвушка въ сватебномъ костюмѣ. Это была племянница хозяйки, одѣвшаяся нарочно, чтобы показать мнѣ костюмъ. И мы съ нею повторили часть сватеб. обрядовъ: я игралъ ролю жениха, а она — дружки невѣстиной. Смѣху было довольно. Пришелъ Зейлеръ,—и мы просмѣялись до половины 12-го.—Тутъ, между прочимъ, я узналъ, что все селеніе полно говору обо мнѣ: «вишь ты! какой-то Русской пріѣхалъ къ намъ, да и хочетъ не токмо что по Сербски говорить выучиться, а еще все до ниточки записать, какъ что у насъ ведется.»—Зейлеръ говоритъ, что года черезъ два изъ этого составится цѣлая сказка. До сихъ поръ Сербы слыхали о Русскихъ и видали ихъ, какъ вои-

[1]) См. письмо IV.
[2]) Смоляръ.

новъ; а и вообще въ землицѣ Сербской еще не было путешественника, для котораго-бы народъ и его бытъ что нибудь значилъ. Какъ-бы то ни было, я радуюсь, что запасъ мой разныхъ разностей о Сербахъ уже довольно великъ и можетъ еще болѣе увеличиться. — Послѣ обѣда въ путь. До вечера прощайте.

Злой Коморовъ (Зенфтербергъ). 13-е Окт.

Думалъ написать третьяго дни, вечеромъ,—не могъ, думалъ вчера,—то-же было нельзя. Теперь, сидя на окнѣ Золотого Орла въ Зломъ Коморовѣ въ Дольной Лузаціи, перескажу Вамъ, какъ велось со мною все это время. Велось довольно чудно, какъ вы увидите.—

Третьяго дни послѣ обѣда вышли мы на странствіе. Старикъ Смоляръ провожалъ насъ до ближней деревни. Къ пяти часамъ мы пришли въ деревню Кочинъ. Тамъ праздновался кермушъ (праздникъ освященія церкви), и мы пришли сюда нарочно, чтобы видѣть, какъ празднуютъ Сербы. Смолярь всюду между селянами имѣетъ знакомыхъ,—и мимоходомъ зазваны были мы отпить пива и закусить тыканцемъ (пирогомъ). Тутъ я долженъ былъ рисовать мѣломъ на столѣ карту Европы и Азіи, и разсказывать о Россіи. Русскихъ тутъ знаютъ, и даже слова «водка» и «капуста» очень извѣстны. Потомъ пошли мы въ корчму, тоже къ знакомымъ, и остались тутъ на ночь. Въ 6 часовъ собрались селяне и засѣли пить пиво и водку и играть въ карты, а немного позже въ большомъ чуланѣ собрались дѣвушки и молодцы, и принялись танцовать подъ писк кларнета и скрыпъ гусли (трехъ струнной скрыпки) танцовали и пѣли—большую частью сербскіе танцы и пѣсни. Насмотрѣвшись и наслушавшись, я пошелъ спать. Намъ приготовлена была огромная постель—въ холодномъ чуланѣ, полномъ всякой всячины. Утромъ въ 11 часовъ, напившись кофею съ тыканцемъ, мы отправились далѣе — въ Куловъ (Витехенау), мѣстечко, гдѣ должна была быть ярмарка. И тутъ нашли мы знакомыхъ, сытно пообѣдали, побродили по ярмаркѣ, заходили въ корчму, гдѣ танцовали по Сербски, и потомъ отправились опять далѣе.

Злой Коморовъ отъ Кулова 5 часовъ ходьбы—и мы надѣялись придти сюда около половины 9-го вечеромъ. Судьба расположила иначе. Мнѣ захотѣлось ѣсть. На пути мы заходили въ корчму въ одной деревнѣ еще до захожденія солнца, но она была заперта. Пошли далѣе до Лутъ (Laute). Оттуда до З. Коморова $1^1/_2$ часа ходьбы. Мы пришли туда въ началѣ 7-го. Ѣдимъ хлѣбъ съ масломъ, запиваемъ пивомъ, болтаемъ съ хозяйкой, и уже располагаемся тутъ остаться ночевать; какъ вдругъ входитъ въ корчму какой-то краснолицый человѣкъ, садится за

одинъ столъ съ нами, пьетъ водку и пиво и заговариваетъ съ нами, а узнавши, кто мы, начинаетъ насъ упрекать, зачѣмъ не пошли мы прямо къ нему. Это былъ пасторъ. За упреками послѣдовало приглашеніе: «кушать сегодня я вамъ не могу ничего дать, но отдѣльная комната съ чистыми постелями и завтра завтракъ къ вашимъ услугамъ». Онъ купилъ себѣ водки, и мы отправились. Въ теплой комнатѣ около камина усѣлись мы, и давай болтать. Жена его, жирная Саксонка, потчивала насъ персиками, нарѣзала со стѣны свѣжаго винограда, а ктиторъ взялъ гитару и заставилъ насъ всѣхъ подпѣвать. Время прошло очень весело до половины 11-го; а потомъ пасторъ повелъ насъ на верхъ, указалъ на постели и пожелалъ покойной ночи. Сегодня утромъ въ 7 часовъ мы уже пили кофе и ѣли гренки, а въ 9 пасторъ насъ велъ по дорогѣ въ Куловъ, и разсказывалъ какъ идти. Теперь уже 12-й. Будемъ обѣдать, и потомъ пойдемъ къ пастору Либушу, а потомъ далѣе. Мы пробираемся къ Болоту (Spreewald), центру Дольнихъ Сербовъ. Жаль, что ужъ позднее время года: и прохладно, и грязновато. Ну, да все хорошо.

Ветешовъ (Вотшау). 14 октября.

И опять вышло не такъ, какъ предполагали. — Въ Зломъ Коморовѣ предполагали остаться до 2-хъ послѣ обѣда, а между тѣмъ пробыли и вчера весь вечеръ, и сегодня все утро. Пасторъ Либушь извѣстенъ сочиненіемъ о миѳологіи горныхъ народовъ, сочиненіемъ очень страннымъ, но тѣмъ не менѣе любопытнымъ. Разговорившись съ нимъ объ этомъ предметѣ, мы незамѣтно провели съ нимъ въ полу-спорѣ часа два; а потомъ онъ рѣшительно сказалъ намъ, что мы должны оставаться ночевать у него, что въ Прицонъ, куда мы хотѣли идти то-же къ пастору, мы не успѣемъ прійдти, что по дорогѣ не только не найдемъ покойнаго ночлега, но еще и заблудиться можемъ. Убѣжденія были очень убѣдительны; а къ тому же онъ самъ добрый старичекъ, и у него же премиленькая родная дочь и премиленькая пріемуша: въ кругу добраго сѣмейства провести вечеръ гораздо лучше, нежели тащиться въ потемкахъ Богъ знаетъ куда. Остались—и не жалѣли. Альвина (дочь) очень мило пѣла намъ разныя пѣсеньки, потчивала персиками и орѣхами; а вечеромъ пріѣхала не знаю откуда и пасторша,—и мы усѣлись вокругъ стола болтать, пить чай и закусывать. Я не зналъ, что и дѣлать съ доброю пасторшею: она чистила мнѣ орѣхи и яблоки, принудила пить 6 чашекъ чаю, кормила всѣмъ возможнымъ до того, что я уже по русски сталъ клясться «ей Богу не могу». На выраженія моей благодарности она отвѣчала, что я для нихъ рѣдкій, дорогой гость. Это же былъ и день рожденія Альвины. Сегодня утромъ пошло то-же:

и кофей, и завтракъ, и фрукты, все вмѣстѣ и безпрестанно до 11 часовъ. Едва въ 12 успѣли мы выбраться изъ Коморова.

Оттуда до Ветешова по прямой дорогѣ 4 мили; мы шли окольною дорогою черезъ Прицень, и слѣд. прошли едвали не 35 верстъ всѣ сполна. Переходъ этотъ былъ, впрочемъ, не очень пріятенъ. Въ Прицень мы шли къ пастору Бронишу, и Смолярь писалъ ему, что мы придемъ, еще недѣли за полторы. Пришли, встрѣчаемъ домоправительницу (онъ не женатъ), и узнаемъ, что его нѣтъ дома, что воротится вечеромъ, что письма не получалъ. Я оставилъ свою карточку, сказалъ ей, кто я; но она, бестія, не подумала, что мы голодны и устали, что въ Прицень уже не воротимся, — и очень хладнокровно позволила намъ идти изъ Прицена, куда намъ угодно. Мы прошли еще $^1/_2$ часа, и въ одной корчмѣ поѣли масла съ хлѣбомъ и запили рюмкой горькой водки: тутъ былъ и весь нашъ обѣдъ. Теперь 9-й часъ. Ноги устали; перо прегадкое; и небо въ облакахъ и не сулитъ намъ завтра хорошій день. По дорогѣ мы встрѣтили мало Сербскаго. Въ одной деревнѣ на нашъ вопросъ мужикъ отвѣчалъ, что старики еще говорятъ между собою по Сербски, а молодые люди всѣ уже говорятъ только по Нѣмецки. Ниже, въ Болотѣ, Сербское еще не гаснетъ: туда идемъ завтра. Тамъ многіе говорятъ только по Сербски, не разумѣя ни слова по Нѣмецки — и купцы въ Ветешовѣ и въ другихъ городахъ должны умѣть по Сербски.—Что до страны, то она по пути нашему измѣнялась, подобно нарѣчію, мало по малу: въ Куловѣ видны горы, воды немного, лѣсу то-же; въ Коморовѣ горизонтъ уже очень малъ, даль равнины скрыта за лѣсами, и воды уже много; по дорогѣ сюда идешь большею частію лѣсомъ, и изъ-за лѣса видишь то болото, то прудъ, то озеро. Черезъ нѣсколько часовъ ходьбы вступимъ въ область стоячихъ водъ.—Различіе и въ платьѣ женскомъ: до Вутъ юбки длинныя, тальи короткія, шнуровокъ не знаютъ; за Вутами юбки все короче и короче, и тальи длиннѣе, и всѣ въ шнуровкахъ.

Превозъ (Ферро). 15-е Окт.

День полный приключеній, чудный день. Въ Ветешовѣ мы узнали, что, желая пуститься въ Болото, мы должны сначала идти въ Люббенау. Такъ мы и сдѣлали. До Люббенау три часа, — и мы пришли туда въ $^1/_2$ двѣнадцатаго. Городокъ очень дурной, но странный по мѣстоположенію: со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ лугами, дорога къ нему вьется по этимъ лугамъ, между узкими канальцами, которыми они прорѣзаны. Въ «Венеціи», о которой точно напоминаетъ собою Люббенау, мы обѣдали наняли, лодку до деревни Строницы и запаслись и хлѣбомъ и горькой водкой на дорогу; а въ концѣ перваго мы уже сидѣли на нашемъ челнокѣ и медленно двигались впе-

редъ по каналу. Челнокъ сажени три длиною, аршина 2 шириною, плоскодонный, былъ уложенъ травою, и сидѣть, даже лежать было довольно покойно. Среди насъ стоялъ нашъ гондольеръ и весломъ пихалъ лодку впередъ. Болото или Спреевальдъ есть огромный лугъ, поросшій лѣсомъ ольховымъ и ясеневымъ; Спрее, протекая черезъ него, дѣлится на множество рукавовъ и образуетъ ими тысячи острововъ. Не только дороги тутъ нѣтъ, но и тропинки чрезвычайно рѣдки и большею частью идутъ отъ домика къ огороду, не далѣе. Все сообщеніе между хуторами и деревнями—по каналамъ на челнокахъ; сѣно, траву, дрова изъ лѣсу, хлѣбъ съ поля, купленное въ городѣ или гдѣ-нибудь на ярмаркѣ и товаръ на ярмарку, все везется на нихъ; одно семейство къ другому въ гости ѣдетъ на челнокѣ. По одному изъ этихъ каналовъ мы поѣхали и изъ одного въ другой, поворачивая то вправо, то влѣво, ѣхали 4 часа до 1-го мостика, откуда тропинка могла насъ въ $^1/_3$ часа довести до Строницъ. Тутъ мы встали, и продрогшіе, чтобъ отогрѣться, пошли пѣшкомъ. Чудной переѣздъ: каналъ узокъ, лугъ чуть не вровнѣ съ водою, ольхи и ясени, выходя старыми искривленными корнями изъ воды, обвитыя хмѣлемъ, высоко поднимаются надъ головою.

Въ Строницѣ думали остаться ночевать, но не нашли пристанища: сегодня день рожденія короля, и всюду пьютъ пиво и играютъ въ карты. Пошли; добрый часъ шли до Бѣлой горы. Пришли туда, стемнѣло и обложилось облаками. Пошли далѣе до Превоза. Темно, а тутъ еще и песокъ подъ ногами, и дождь сверху. Пришли къ лѣсу: двѣ дороги, одна туда, другая туда. Воротились къ хатѣ егеря (лѣсничаго), взяли женщину, чтобъ показала намъ дорогу, и пошли. Она довела до лѣсу, и воротилась. Темно хоть глаза выколи: вѣтеръ гудитъ, дождь льетъ,—идемъ,—и такъ прошло болѣе $^1/_2$ часа. Потомъ вышли въ поле и шли еще часъ. Наконецъ славу Богу: въ Превозѣ тоже пиво и карты, но есть постели, и мы могли кое что узнать объ обычаяхъ Дольнихъ Сербовъ.—Идемъ спать. Покойную ночь.—Всего этого довольно, чтобы назвать этотъ день днемъ приключеній.

17-е Окт. Хочебузъ (Котбусъ).

И вчерашній нашъ переходъ изъ Превоза сюда былъ по болоту и песку подъ дождемъ. Сначала мы отправились въ Борковъ, огромное промышленное селеніе въ Болотѣ, замѣчательное для насъ тѣмъ, что подлѣ него есть остатки Града, гдѣ, какъ говоритъ преданіе, жилъ Вендскій король. Осмотрѣвши это городище, мы пообѣдали въ гостинницѣ, напились кофе у пастора Матинка, ревностнаго Серба, и пошли далѣе—уже на югъ. До Кочебуза шли мы болѣе 3 часовъ, не думая о дождѣ, который не только не переставалъ,

но часто лилъ ливмя. Мы впрочемъ такъ привыкли къ дождю, что не переставали идти, и завертывали на городища, которыя сохранились въ этихъ мѣстахъ. За то и пришли сюда мокрые, какъ вареныя утки. Смѣючись шли, смѣючись и пришли. А пришли, велѣли себѣ подать воды для чая, рому для пунша, водки для ногъ,—и черезъ часъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Тутъ оканчивается наше пѣшеходство по Лужицамъ. Довольно; страну знаемъ, съ народомъ тоже довольно познакомились. Сегодня осмотрю городъ, запасусь Дольно-Сербскими книгами и уже въ дилижансѣ отправлюсь въ Гойерверду (Воерецъ), гдѣ ждутъ меня мои вещи, и потомъ далѣе. Куда путь мой далѣе,—Вы угадаете, если слѣдите насъ по картѣ. Я скажу только, что мое путешествіе уже приближается къ концу; осень въ полномъ цвѣтѣ, и въ Прагѣ ждутъ меня.

Полдень.

Хочебузъ довольно порядочный городокъ, живой, веселый, промышленный. Есть и старыя стѣны, и старыя ворота, и аллеи для гулянья вокругъ стѣнъ, и широкія улицы, и домики веселой наружности, а старыхъ домовъ очень мало. Жителей кажется 12,000. Спрее мутна и грязна и закрыта грязными фабриками.

Въ два часа ѣду. Письмо посылаю отсюда, а не изъ Саксоніи. На станціи во время ѣзды отдавать письмо будетъ невремя.

Прощайте, душенька Маменька. Недѣли черезъ три ждите слѣдующаго письма. Поклонъ всѣмъ незабывшимъ Вашего

Измаилуху.

XXXIX.

№ 28. Дрезденъ. 19-е Окт. 1840 г).

Угадали-ли Вы, милая Маменька, что здѣсь я начну мой № 28-й? Проѣхать мимо было-бы во всякомъ случаѣ непростительно: ворочаясь въ Прагу, я буду — можетъ быть навсегда,— прощаться съ сѣверо-западнымъ угломъ Славянской Европы, въ Саксонію уже не пріѣду, Дрездена не увижу; какъ-же не заѣхать въ него?—И я пріѣхалъ сюда и я останусь здѣсь по крайней мѣрѣ $^1/_2$ мѣсяца. Тутъ отдохну отъ моихъ странствій по Лузаціи, поживу въ мірѣ художествъ; а мое Славянское дѣло будетъ идти своимъ чередомъ: время не будетъ потеряно.

---

[1]) Письмо сохранилось въ двухъ варіантахъ; печатаемъ по болѣе полному; другой помѣщенъ въ приложеніи.

Вчера, пріѣхавши въ Дрезденъ въ 6 часовъ утра, и остановившись на время въ Hotel de Pologne, я таскался часовъ 5 по городу, посѣтилъ придворнаго капеллана Грабѣту, съ которымъ познакомился еще въ первый проѣздъ мой черезъ Дрезденъ, выслушалъ обѣдню въ католической церкви, а вечеромъ былъ въ театрѣ.—Прежде всего нѣсколько словъ о Дрезденѣ. На равнинѣ въ близи горъ и украшенной гористыми берегами Эльбы, на обоихъ берегахъ ея лежитъ онъ зеръ фрейндлихъ: на лѣвомъ берегу Старый городъ, на правомъ Новый, кругомъ нихъ предмѣстія, расходящіяся по разнымъ направленіямъ все далѣе и далѣе. Красивыя, впрочемъ черныя зданія перемѣшаны съ домами чисто Нѣмецкими, небольшія, но довольно широкія и полныя жизни улицы съ переулками, грязными и глухими. Площадей много, но всѣ, кромѣ Стараго рынка или малы, или неправильны: за то ихъ такъ много, что заблудиться невозможно. Садовъ и алей еще болѣе, болѣе нежели въ предмѣстіяхъ Вѣны,—и это составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній Дрездена. Лучшимъ украшеніемъ Дрездена разумѣется остается Эльба съ ея превосходнымъ мостомъ (длиною до 600 шаговъ), съ ея живописными берегами. Словомъ: будь Дрезденъ чище, бѣлѣе и опрятнѣе, его можно бы назвать милымъ городомъ. О жителяхъ не знаю что сказать. Вчера было Воскресенье, и я видѣлъ Дрезденцевъ въ ихъ лучшихъ одеждахъ, видѣлъ разнообразіе вкусовъ и еще болѣе безвкусія: о изяществѣ простоты тутъ кажется вовсе не имѣютъ понятія. Вчера-же, искавши себѣ квартиры, я заходилъ въ очень многіе домы, и не могъ не замѣтить, что входы въ дома, лестницы, сѣни, корридоры ужасно, жалостно нечисты. Развѣ въ одинъ изъ 20 домовъ не отвратительно войдти, а въ иномъ встрѣчаешь такую вонь, что поскорѣе направо кругомъ да подалѣе. Ужъ разумѣется причиною нечистоты не что другое какъ то-же безвкусіе жителей. Безвкусіе — внѣшность безхарактерности—неотъемлемое качество Дрезденцевъ.—Католическая церковь, лучшая въ Саксоніи, въ самомъ дѣлѣ хороша. По воскресеньямъ въ 11 часовъ бываетъ тутъ торжественная обѣдня въ присутствіи короля и королевской фамиліи и съ превосходной музыкой: побывать въ это время въ церкви точно стоитъ: пѣвчіе разумѣется не чета нашимъ, но музыканты — мастера, а органъ, послѣднее твореніе Зильбермана, удивителенъ. — Театръ новый отстраивается и будетъ великъ и хорошъ; старый же покамѣстъ отмѣнно тѣсенъ и грязенъ. Взявши мѣсто въ Cercle (что у насъ называется—въ кресла), я вошелъ: смотрю на указанную мнѣ скамью, — вся полна; пробираюсь, продираюсь, ищу, нахожу свой № между двумя дамами, говорю имъ — не отвѣчаютъ; что дѣлать! вспомнилъ, что я между Нѣмцами, сказалъ: «um Entschuldigung», и сѣлъ на моихъ сосѣдокъ какъ въ кресло. Вы хохочете, милая Маменька, и называете меня невѣжею; иначе нельзя: не сдѣлай я этого, я не получилъ бы

своего мѣста. Притомъ-же что страна то обычай: многое что въ Россіи показалось бы страшнымъ невѣжествомъ, тутъ не возбуждаетъ и мысли о невѣжествѣ. Еще не поднялся и занавѣсъ, а я уже былъ съ моими сосѣдками пріятелемъ... Я успѣлъ въ это время осмотрѣть публику: нарядовъ много на такъ называемыхъ дамахъ, но безвкусіе, рожи, а общество кавалеровъ не годилось бы и для Харьковскаго театра. Наконецъ занавѣсъ поднялся... раздалась скрипка Липинскаго, потомъ вышла Шрёдеръ-Девріанъ... было уже не до публики. Давали Монтекки и Капулетти, и Шрёдеръ играла роль Ромео. Ея альтъ не такъ чистъ и полонъ, какъ у незабвенной Брамбиллы, но изящество управленія голосомъ, удивительное sotto-voce, одушевленіе и притомъ драматизмъ игры, вѣрность тѣлодвиженій, тѣмъ болѣе поразительная, что въ роли мужчины не видишь женщины, восхитятъ хоть кого. Особенно превосходны сцена погребенія и весь конецъ: слышишь Липинскаго, видишь Шрёдеръ, вспоминаешь Шекспира — наслаждаешься. Жаль что Кортенъ въ роли Джульетты была слаба, если не отъ недостатка дарованія, то отъ трусости (это былъ ея дебютъ на Дрезденской сценѣ).—День окончился для меня совершенно неожиданно: выходя изъ театра, слышу русскіе голоса, оборачиваюсь—Калиновскій [1]), Берлинскій знакомецъ передо мною. «Давно вы здѣсь?»—Сегодня пріѣхалъ; таскался по Лузаціи. А вы?—«Недѣлю живу; былъ въ Саксонской Швейцаріи, и черезъ 2 недѣли ворочаюсь въ Берлинъ» [2]).—Пошли ко мнѣ, потомъ къ нему,—и проболтали до одинадцати.

20-е Окт.

Только что воротился изъ театра. Былъ въ немъ третьяго дня, былъ и вчера, былъ и сегодня. Вчера давали «Коварство и любовь», и дали превосходно: Девріенъ игралъ Карла, Аншюцъ—Луизу, Бауеръ—Мильфордъ,—и можно бы исчислить всѣхъ. Особенно удивительна была Бауеръ; кажется самъ Шиллеръ не могъ бы придумать лучшаго исполненія для характера леди. А Аншюцъ... глядя на нея, я вовсе забылъ, что она Аншюцъ... видѣлъ въ ней... угадаете-ли кого?—M. Fanny [3]): и физіономія, и ростъ, и походка, ну все, все какъ у Фанни, даже голосъ. Сегодня опять опера, но уже не на Итальянскомъ языкѣ, а на Нѣмецкомъ: Пуритане. Марксъ играла Эльвиру, а ея милаго—Тихачекъ. Опять чудесно, особенно музыка.—Утромъ и вчера и сегодня ходилъ въ картинную галерею. Что за галерея! Слишкомъ 2000 кар-

[1]) О немъ см. въ письмѣ XIV.
[2]) Во втор. варіантѣ: въ Лейпцигъ.
[3]) Ф. С. Питра.

тинъ, и какія есть!—Прежде всего о препрославленной Рафаелевой Мадоннѣ. Рафаеля такъ хвалятъ и Рафаель такъ мало удовлетворялъ моему ожиданію, что я прежде всего пошелъ отыскивать эту Мадонну, что-бы или увѣриться, что для живописи должна еще наступить эпоха, или пасть передъ доселѣ непонятымъ мною геніемъ Рафаеля. Отыскать было не трудно: около нея всегда много зрителей... Держа на правой рукѣ Спасителя, Она паритъ на облакахъ; св. Варвара на лѣво у ногъ ея опустила глаза въ землю, папа Сикстъ на право молится — оба тонутъ въ облакахъ; въ самомъ низу, облокотившись на доску, два ангельчика смотрятъ на публику; все освѣщено свѣтомъ, исходящимъ отъ Дѣвы и Спасителя; въ небѣ, вверху, какъ сквозь туманъ видны тысячи ангельскихъ головокъ. Я сѣлъ, и съ полчаса смотрѣлъ, не сводя глазъ. Божія Матерь не красавица, но очень мила, и физіономія не выражаетъ ничего кромѣ невинности, ликъ Спасителя напротивъ поразительно одушевленъ, а с. Варвара красавица полная жизни. Если для Богоматери довольно одной чистой невинности, то Рафаель достигъ своей цѣли: лучше выразить и оттѣнить невинность не возможно. Чѣмъ болѣе глядишь, тѣмъ болѣе понимаешь святость невинности, тѣмъ болѣе проникаешься чувствомъ, что никакая красота не можетъ быть сравнена съ невинностію... Но... и тутъ я вѣрно показался бы смѣшнымъ для многихъ живописцевъ. Между картинами Венеціанской школы я замѣтилъ одну—Петра Ротари—Ночь бѣгства св. сѣмейства: Б. Матерь держитъ на лѣвой рукѣ Спасителя, а правую приподняла немного, и мыслію несясь къ Богу, ему поручаетъ судьбу свою и Младенца. Сзади смотритъ Іосифъ на Младенца; въ одномъ углу оселъ пьетъ воду, въ другомъ какія-то двѣ женщины, на верху ангелы въ разныхъ положеніяхъ. Ночь; все освѣщено свѣтомъ, исходящимъ отъ Младенца. Объ обстановкѣ ни слова; но сколько величія въ выраженіи лика Б. Матери: таже невинность, и тутъ-же святое чувство преданности Богу и надежды на Его помощь. Б. Матерь Ротари мнѣ нравится болѣе нежели Рафаелева, болѣе меня одушевляетъ. Всѣ другія Мадонны мнѣ не нравятся, ни даже Мадонна моего стараго пріятеля Франчески Франчіи [1]).—О другихъ картинахъ послѣ. Теперь спать: бьетъ 11.

---

[1]) Франческо Франчія—герой одного изъ юношескихъ произведеній И. И. Срезневскаго «Rapsodia Sonatina» (Московскій наблюдатель, 1837, XI, 21—75).

XL.

№ 28. Дрезденъ. 1840. Окт. 28 [1])

И такъ я въ Дрезденѣ, — и Вы, милая Маменька, конечно, угадали, что я сюда направляю свой путь. Быть такъ близко отъ Дрездена и не завернуть въ него — это было бы по крайней мѣрѣ странно. Я же тутъ не только отдыхаю отъ Лужицкихъ приключеній и работъ, но и занимаюсь—занимаюсь, сколько позволяетъ время. Не подумайте, что я завелъ тутъ какія нибудь знакомства, отнимающія время: кромѣ дѣловыхъ никакихъ нѣтъ, да и нѣ къ чему; но картинная галлерея, но разные музеи и кабинеты... они отворены, а я хоть и плохой, но все же любитель художествъ. И день за днемъ проходятъ такъ, что и не видишь.

Впрочемъ прежде всего о моемъ жительствѣ. Зная, что въ отели нельзя издерживать въ день менѣе 2-хъ талеровъ, я остался въ Hôtel de Pologne только два дни. Въ Wilsdruffer Gasse, въ № 28, первый этажъ нанимаетъ вдова Мильднеръ, и, сама занимая крошечную горенку, другія отдаетъ въ помѣсячный наемъ пріѣзжимъ: у вдовы Мильднеръ живу и я. И я! Нѣтъ, живу я да еще одна молоденькая Польская графиня съ теткой да и только. Мои сосѣдки занимаютъ одну большую комнату и шляфъ-кабинетъ, я тоже шляфъ кабинетъ и комнату не такъ большую. Наши комнаты сходятся дверями, ничѣмъ незаставленными, и, что нельзя не замѣтить, мы, сосѣди, довольны другъ другомъ какъ нельзя болѣе: отъ меня не слышно ни одного слова, потому что я самъ съ собою не говорю; отъ сосѣдокъ же слышу только шопотъ. Молоденькая графиня отправляется каждый день куда-то учиться (ей только 14 лѣтъ), а г-жа тетушка пресмирная женщина. Только вечеромъ, въ 10-мъ часу, слышу я довольно внятно «Отче нашъ» и еще нѣкоторыя молитвы и потомъ все смолкаетъ. Мнѣ даже досадно, что не могу слышать болѣе. Я уже говорилъ объ этомъ моей хозяйкѣ. Хозяйка же передала мнѣ слова г-жи тетушки такъ: «Онъ долженъ быть прекрасный человѣкъ: съ вами говоритъ такъ вѣжливо и тихо, и все дѣлаетъ такъ тихо. Онъ долженъ быть литераторъ: я только и слышу отъ него, что или скрыпъ пера или шелестъ листковъ». Можете представить какъ у насъ тихо, когда и перо мое не плохой ораторъ. Въ прошлое воскресенье послѣ обѣда лежалъ

---

1) Этого письма два варіанта. Одинъ болѣе полный и болѣе отдѣланный печатается здѣсь; другой помѣщенъ въ приложеніи. Письмо это сходное и №-мъ, и отчасти содержаніемъ съ предъидущимъ, какъ отличающееся отъ него въ общемъ, печатается нами въ текстѣ. Весьма вѣроятно, что оба письма были посланы по назначенію.

я на софѣ и вздремнулъ; дремалъ, дремалъ,—и вотъ слышу—молоденькая графиня начинаетъ напѣвать какую-то пѣсенку громче и громче. Дремлю и слушаю. Это продолжалось бы вѣроятно долго, если бы моему носу не вздумалось подать голосъ одобренія. Я чхнулъ... пѣсня прервалась, — и вмѣсто пѣсни я услышалъ только шопотъ «видишь, я тебѣ говорила, что онъ дома». У графини есть дѣвушка служанка, Полька; но и это не разрушаетъ покоя: я только раза два говорилъ съ нею по Чешски, и то въ потьмахъ, а потому и не знаю даже ея физіогноміи. Хозяйка моя — старушка и предобрая, преуслужливая: она очень рада, что я вступаю съ нею въ разговоръ и сажаю на софу, и за это величаетъ меня всегда «милостивымъ господиномъ». Этого мало: она убрала и постель мою тюфякомъ и одѣяломъ—по Русски, и подлѣ постели разложила коверъ. Съ ея служанкой Каролиной, завѣдывающею чистотою и теплотою моей комнаты, сапогами, платьемъ, кофе и пр., мы также въ миру.—За комнату плачу $1^1/_2$ талера въ недѣлю.

День мой проходитъ такъ: въ 7-мъ часу встаю и пью кофе, и до 10-го занимаюсь. Потомъ вонъ изъ дому—въ галлерею, библіотеку и т. п., и обѣдать. Въ 2 домой и занимаюсь. Въ 6 — въ театръ — почти каждый день. Въ 9 домой, пью чай и занимаюсь до 11. Исключенія рѣдки. Придворный капелланъ Грабѣта—Чехъ, и библіотекарь Публичной библіотеки Клемъ [1])—единственные знакомые, меня посѣщающіе. Къ Тику [2]) собираюсь идти, но до сихъ поръ не собрался. У Липинскаго тоже еще не былъ. Съ нѣсколькими Русскими говорилъ въ театрѣ да и только. Былъ правда тутъ и Калиновскій изъ Берлина, но уже уѣхалъ.

Что же сказать Вамъ о Дрезденѣ. Онъ не больше Харькова, и Эльбою раздѣленъ на двѣ части: на лѣвомъ берегу Altstadt, на правомъ Neustadt-Neustadt чище, правильнѣе улицами, новѣе домами, но смиренъ какъ наша Залопань [3]); Altstadt шуменъ, какъ ярмарка. Отъ Эльбскаго моста идешь прямо къ Georgenthor, видишь на право католическую церковь и за нею театръ, на лѣво, изъ-за строеній Frauenkirche, прямо передъ собою старый шлоссъ, и черезъ Georgenthor входишь въ Schlossgasse, и въ три минуты доходишь по ней до прекрасной площади Altmarkt, заворачиваешь на право, и по Wilsdruffergasse доходишь въ 2 минуты до почты; оттуда на право до Цвингера не далѣе какъ до церкви Димитрія [3]) и оттуда до театра, какъ отъ церкви до острога; оттуда, мимо Католической церкви, Georgenthor и моста 200 шаговъ до Брюлевой террасы; оттуда до Neumarkt, гдѣ и картинная галлерея

---

[1]) Friedrich Gustav Klemm (1802—1867)—извѣстный историкъ и археологъ.
[2]) Christian Fridrich Tieck (1776—1851)—скульпторъ.
[3]) Въ Харьковѣ.

не далѣе какъ до церкви Рождества [1]), оттуда шаговъ 300 — 400 до Altmarkt: это центръ города и шума и дѣятельности. Въ Neustadt'ѣ отъ моста до Японскаго дворца, гдѣ и библіотека, не далѣе какъ отъ Лопанскаго моста до Коллегіума. Въ Neustadt'ѣ Hauptstrasse и Königsstrasse (улицы) широки и украшены деревьями; въ Altstadt'ѣ кругомъ главной части города идутъ аллеи. Лучшее украшеніе Дрездена — Эльба; не Нева, но всетаки роскошная рѣка. Мостъ черезъ нея 600 шаговъ длиною, прекрасный. Виды съ моста на Дрезденъ и окрестности очень милы. И самъ Дрезденъ былъ бы очень милымъ городомъ, если бы не этотъ мерзкій сѣрой цвѣтъ всего—отъ мостовой до постарѣлыхъ черепичныхъ крышъ. Магазины на Schlossgasse и Wilsdruffergasse богаты и красивы: такъ бы вотъ и купилъ то и другое. Толкотня на этихъ улицахъ, какъ и на мосту, безпрерывная—до 10 часовъ. Въ 10 всѣ ложатся спать. Разговоръ Англійскій, Французскій, Польскій слышишь почти такъ-же часто, какъ и Нѣмецкій; Русскій разговоръ также не рѣдкость. Пріѣзжіе каждый день сотнями. Вообще Дрезденъ кажется мнѣ городомъ на водахъ: коренные жители—слуги пріѣзжихъ. Столичнаго—ничего невидно. Я впрочемъ не понимаю, что привлекаетъ сюда пріѣзжихъ и особенно на зиму: я бы не промѣнялъ Вѣну на Дрезденъ.

Пора бриться, и въ библіотеку, а послѣ обѣда въ Porcellain-Sammlung: вчера вечеромъ былъ у меня Клемъ, и мы условились съ нимъ.

Вечеромъ.

Цѣлое послѣ обѣда не былъ дома, и только что воротился. Въ 2 часа пошелъ въ Porcellain-Sammlung, гдѣ меня дожидался Клемъ, и до четырехъ проходили съ нимъ по заламъ или лучше сказать погребамъ этого превосходнаго и оригинальнаго музея. Передъ глазами вашими цѣлая исторія глиняныхъ работъ, начиная отъ простаго горшка Индійскаго или Германо-Славянскаго до чудныхъ произведеній Мейссенской фабрики въ послѣднемъ вкусѣ. Вещи надобно считать не 1000-ми, а десятками тысячь. Особенно богаты собранія Китайскихъ и Саксонскихъ фарфоровъ. И чего тутъ нѣтъ: о вазахъ и говорить нѣчего; самыя скульптурныя произведенія, истинно прекрасныя, безъ сщету. Не знаю, какъ попался сюда и Монгольскій храмъ со всѣми принадлежностями. Клемъ самъ приводилъ въ порядокъ это собраніе, и потому ничто занимательное не было нами упущено безъ вниманія. Потомъ мы пошли за городъ въ Присницкую долину и, нашлявшись порядкомъ по этимъ прекраснымъ мѣстамъ,

[1]) Въ другомъ варіантѣ этого письма: «не далѣе какъ отъ Университета до церкви Рождества».

закусили въ Waldschlöschen, куда собираются Дрезденцы пить знаменитое пиво. Виды отсюда на Эльбу и Дрезденъ чудесны.

Завтра же начну другое письмо о Дрезденѣ, о галлереѣ и пр., а теперь покойную ночь.

Кланяйтесь, милая Маменька, всѣмъ нашимъ знакомымъ. Цѣлую ручку Вашу.

Срез.

XLI.

№ 29. Дрезденъ. Окт. послѣднее.

Баста! чего не довидѣлъ, не досмотрѣлъ, уже не довижу, не досмотрю. Баста! Всѣ собранія драгоцѣнностей заперты и отворятся только для того, кто захочетъ платить за каждый входъ по 2 талера. Теперь можно сказать: «прощай, Дрезденъ!»—Хоть нѣсколько словъ, но все же надобно Вамъ сказать, милая Маменька, о томъ что я видѣлъ и чего уже не увижу въ Дрезденѣ.

Начну съ картинной галлереи, этого солитера въ Дрезденскомъ фермуарѣ собраній рѣдкостей. Она помѣщается въ такъ называемомъ Stallgebäude, зданіи вовсе не красивомъ, на Neumarkt'ѣ, и занимаетъ весь бель-этажъ—14 залъ. Снизу до верху всѣ стѣны плотно увѣшаны картинами: ходи и любуйся, жаль только, что плохое освѣщеніе иногда не позволяетъ любоваться, тьмитъ картину такъ, что съ какой стороны ни подходи, не увидишь хорошо. Ну, какъ бы ни было, пойдемъ. Входя, я не забылъ, что тутъ же и знаменитая Рафаелева Madonna di san Sisto. Къ ней, къ ней! Къ сожалѣнію я не Франчія, ни художникъ, ни ремесленникъ въ дѣлѣ живописи, и хоть нашелъ ее безъ труда, но за то и глядѣлъ на нее какъ-то хладнокровно [1]). Извольте видѣть: картина большая—9 футовъ вышины, 7 ширины, фигуры въ естеств. величинѣ. Св. Дѣва съ Младенцемъ на правой рукѣ поднимается выспрь на свѣтломъ облакѣ; св. Варвара, на лѣво, ниже св. Дѣвы, глядитъ на двухъ ангельчиковъ, которые, опершись на что-то деревянное, разсматриваютъ—публику; на право Папа Сикстъ преклоняетъ колени передъ св. Дѣвой и грузнетъ въ облакѣ, на которомъ стоитъ; въ верхней части неба видно множество ангельскихъ головокъ; часть неба съ обѣихъ сторонъ закрыта занавѣсомъ. Лице св. Дѣвы—красота и невинность, тѣмъ болѣе поразительная, что ее не видишь ни на одномъ изъ другихъ лицъ: лице младенца выражаетъ какую то буйность, разумѣется, въ хорошемъ смыслѣ этого слова; св. Барбара немножко кокетка; Папа лице портретное; ангельчики—жирныя дѣти. Теперь спрашиваю васъ: понравились-ли бы вамъ такая Мадонна? И спрашиваю себя: ужели я не могу восхищаться

[1]) Ср. описаніе Сикстинской Мадонны въ письмѣ № 28.

только потому, что другіе восхищались, и что самъ я не могу написать ни такъ, ни въ тысячу разъ хуже? Я не говорю о такъ называемой правильности, о которой судить можетъ только тотъ, кто изучилъ анатомію и перспективу: но мысль... она всякому приступна. Мысли—я не вижу въ этой картинѣ. Папа молится, но св. Дѣва не обращаетъ на него никакого вниманія, а Младенецъ занятъ совершенно другимъ; ангельчики смотрятъ на публику, а св. Варвара на нихъ: что-же тутъ цѣлаго? Если бы я былъ Рафаелемъ и долженъ былъ писать картину въ такихъ предѣлахъ, я бы сдѣлалъ такъ: мѣсто ангельчиковъ поставилъ бы людей молящихся, лице Варвары выражало бы «молитесь», а ликъ св. Дѣвы долженъ былъ бы выражать не только невинность, но и упованіе на Бога и на того, кого матерію быть избрана Богомъ. Или, лучше сказать,—я бы вовсе не писалъ такой картины. Впрочемъ невинность св. Дѣвы—такая невинность, какая можетъ быть только у св. Дѣвы и какую написать могъ одинъ Рафаель. Еще два слова: мнѣ кажется или я гдѣ-то читалъ, что картина эта не до чиста отдѣлана, и думается, что, если-бы Рафаель совершенно докончилъ ее, то на лицѣ св. Дѣвы увидѣли бы не только невинность, но и вѣру. Невинность и вѣра—это все, что можетъ небесно утѣшать, возносить къ небу земное.—Въ той же комнатѣ есть три Мадонны Корреджіо и нѣсколько другихъ: глядя на нихъ понимаешь величіе Рафаеля, отворачиваешься отъ нихъ. Только въ св. ночи Корреджіо поражаетъ мысль: вся картина освѣщена свѣтомъ, исходящимъ отъ родившагося младенца, и одни пали передъ нимъ, другіе не могутъ сносить своими преступными глазами чистоты божественнаго свѣта. За то сама Богоматерь—обыкновенная женщина. Въ томъ же родѣ Ночлегъ бѣгства Ротари, и молящійся ликъ св. Дѣвы прекрасенъ... «Гдѣ Сальваторъ Роза? Тутъ есть Сальваторъ Роза: гдѣ онъ»?—Пожимаютъ плечами, не знаютъ. Перебираю поочередно картины всѣхъ Неаполитанцевъ,—и нѣтъ Розы. Наконецъ выхожу въ предположеніи, что его картина по какому нибудь случаю снята. Глядь на двери—это что за маракса? Ни неба, ни земли; въ уголку прижались люди, да ихъ почти не видно: просто—сѣрозеленая маракса... №?—№ 357. Ищу въ книгѣ... Ба, да это Сальваторъ Роза, его ночная буря! Ну, прошу покорно, куда его запрятали! Впрочемъ самъ виноватъ: размѣръ картины слишкомъ малъ для предмета. Займи онъ этой картиной стѣну, а не 7 футовъ,—и его картина пугала бы не на шутку.—О другихъ картинахъ внутренней, т. е. Итальянской галлереи умолчу: иначе конца бы не нашелъ письму. Внѣшняя галлерея начинается Французской школой,—и по дѣломъ: этой Французской школѣ лучшее мѣсто въ передней. Далѣе старые Нѣмцы: препочтенные люди съ своими Японскими физіогноміями и безтѣнностію тѣни, безсвѣтностію свѣта. Далѣе—Саксонцы, далѣе [1]) отъ нихъ. Далѣе—все еще Нѣмцы; однако тутъ есть Си-

[1]) Въ подл.: дѣлѣе.

вилла и Весталка Анжелики Кауфманъ, и тутъ же Зейбольда Старикъ и старуха. Спросить бы этого старика и старуху: «когда они умрутъ?» Старье,—а такъ вотъ и живетъ, и старуха еще хочетъ казаться молодою, а старикъ еще и смѣется. Въ слѣдующей залѣ Рембрандцы и другіе Нидерландцы. Войдешь въ залу, оглянешься,—и непремѣнно замѣтишь Снейдерсову Дичь: дичь какъ мертвая, а тутъ еще и собака съ костью и со щенками, и огрызается на другую, и во весь ростъ кухарка съ мужемъ цѣлуются во весь ротъ [1]). И какъ кстати: подлѣ этой картины Рембрантово Жертвоприношеніе Моноа и жены. А тамъ—что тамъ за картиночка, или лучше что это за 2 пятнушка на черномъ полѣ? Подхожу, присматриваюсь,—на силу увидѣлъ: дѣвушка у бочки, а подлѣ нея съ лампою хлопчикъ, и толкуютъ. Это произведеніе милаго Жерарда Dow. Люблю я эти темныя картины,—и ихъ есть въ галлереѣ нѣсколько: еще одна, того-же Дау—дѣвушка у окна, Шалькена бюстъ Венеры, разсматриваемый художникомъ, Рубенсова Старуха съ угольями, Эльстовъ Старикъ передъ угольями, Метцовы Мужъ съ женою, Дауова-же парочка Нѣмецкихъ или Голландскихъ любовниковъ. Нельзя не любоваться. Впрочемъ что-бы не сбиться съ толку, ворочаюсь въ ту залу, гдѣ Дичь. Тамъ же большая картина Гонторста: зубной лѣкарь вырываетъ мужику зубъ, другіе смотрятъ; и смѣшно, и жалко. А вотъ Рембрантовъ орелъ схватилъ дитя и летитъ: ай, ай, ай—поневолѣ у...ся. Тутъ же многія вещи Теньера, худо освѣщенныя. Въ слѣд. залѣ... ба! какой-то чудакъ съ обезьяною на плечѣ: Сальваторъ Роза «властною рукою». А вонъ и другой чудакъ, жена подъ рукой, вино на столѣ, и хоть свѣтъ пропади: «рукою властною» Рембрантъ. Въ слѣд. залѣ между прочимъ Дауовъ писарь съ очками на носу чинитъ перо: не мѣшайте, осердится,—вѣдь онъ перо чинитъ; очинитъ и потомъ—будетъ писать. Въ слѣд. залѣ Нѣмцы смѣшаны съ Испанцами и Итальянцами. Нѣмецкаго особенно замѣчательнаго ничего нѣтъ; за то тутъ же 5 видовъ Венеціи Каналетто, и Сегалова женщина—земная красавица, и Цурбаранова Магдалина—нельзя сказать, что не Магдалина. Тутъ-же Муриллова Мадонна—хорошенькая, болѣзненная и прехитрая: чудное понятіе о Мадоннѣ. Но довольно. Хорошо все это разсматривать, хорошо описывать подробно; а такъ, въ письмѣ—скучно и для васъ, и для меня. Въ Дрезденской галлереѣ слишкомъ 2000 картинъ: есть что выбрать. Я ходилъ въ нее почти каждый день, и каждый день находилъ новое, незамѣченное—и въ томъ, чего не видѣлъ, и въ томъ, что видѣлъ. Счастливцы Дрезденцы: они могутъ съ Мая до Ноября, съ 9 до 1 часу ходить. А мнѣ уже не видать какъ затылка своего!

Въ томъ же Stallgebäude въ низу... но нѣтъ. Право спать пора. Мои

---

[1]) Въ подл.: ростъ.

сосѣдки покоятся, и все уже покоится. Сегодня празднуютъ Реформацію: я знаю это потому, что хозяйка принесла къ кофе Reformationsbrödchen.

Вашъ Срз.

XLII.

№ 30. Дрезденъ. Ноября 1.

Продолжаю описаніе Дрезденскихъ заведеній.—Въ томъ же зданіи, гдѣ картинная галлерея, находится и Оружейная палата, со многими любопытными старыми вещами, и превосходная галлерея Менгсовыхъ отлитковъ (или какъ это называется?—Abgüsse) лучшихъ Итальянскихъ произведеній ваянія. Жаль (!), что ихъ черезъ чуръ много: глазу трудно уединиться, и онъ забываетъ цѣну того, на что смотритъ. Впрочемъ я и не охотникъ до ваянья.

Далѣе. Надъ Эльбою возвышается нѣчто въ родѣ бульвара и называется Брюлевскимъ садомъ; съ другой стороны этого возвышенія проходитъ уличка въ родѣ канала: Брюлевскій дворецъ перекинулся сводомъ черезъ эту уличку, и, одною стороною выходя къ саду, другою выходитъ, пересѣкая собою весь кварталъ, на другую улицу. Отличнаго въ зданіи впрочемъ ничего нѣтъ. Въ этомъ дворцѣ есть собраніе видовъ Саксоніи Каналетто и Тиле и 6 ковровъ съ картинами по Рафаелю. Кое-что видѣлъ, но не многое; потому что дворецъ поправляется. Ковры полиняли; а виды Каналетто прекрасны—особенно Дрезденскіе.

Во дворцѣ показывается только такъ назыв. Grüne Gewölbe. 8 небольшихъ залъ съ разными драгоцѣнностями: есть прекрасныя вещи изъ слоновой кости, янтаря, много брилльянтовъ, много старинной утвари; поразительнаго ничего. За входъ платится отъ 6 особъ 2 талера. Объясненія ведущаго довольно глупы, а заглядывать въ описаніе некогда.

Цвингеръ, дворъ для нестроеннаго и неимѣющаго строиться дворца, чудной архитектуры, но болѣе мелочной, нежели изящной, заключаетъ въ своихъ настѣнныхъ зданіяхъ натуральные кабинеты, физикоматематическій, моделей, историческій музеумъ и кабинетъ гравюръ. Я былъ только въ двухъ послѣднихъ: въ первомъ много старыхъ вещей, на которыя я и обращалъ особенное вниманіе, а во второмъ надобно прожить мѣсяцъ, чтобъ узнать что-нибудь, а я пробылъ три часа.

Въ Японскомъ дворцѣ, довольно большомъ и порядочномъ по архитектурѣ, кромѣ библіотеки, занимающей 2 верхніе яруса, и гдѣ кромѣ 300,000 книгъ и 150,000 диссертацій, находится около 3000 рукописей и болѣе 20,000 ландкартъ, помѣщается еще Мюнцкабинетъ и Собраніе древностей, а въ подвалахъ (иначе нельзя назвать этихъ подземныхъ корридоровъ)—собраніе фарфоровъ.

Въ собраніи древностей много статуй, много урнъ, есть и муміи: разставлено прекрасно, но собраніе не богато. Собраніе фарфоровъ за то и разставлено хорошо и очень богато. Я уже не говорю о фарфорахъ Европейскихъ: въ этомъ собраніи можно слѣдить исторію этого искуства въ Европѣ; самое собраніе фарфоровъ Китайскихъ и Японскихъ удивительно огромно. Не знаю съ какой стати тутъ же помѣщена и Монгольская молельня.

Во многія изъ сихъ собраній ходили мы съ Клеммомъ, библіотекаремъ Публ. Библіотеки. Онъ занимается Германскими древностями, и, поспоривши сначала со мною о германизмѣ многихъ старыхъ вещей, захотѣлъ потомъ знать, что я считаю не Германскимъ. По этому случаю я осмотрѣлъ и то, что не принадлежало къ нашему вопросу, обстоятельнѣе и подробнѣе. Клеммъ во многихъ кабинетахъ свой, и объяснялъ мнѣ самъ все, заслуживающее вниманіе.

Ну, о чемъ же теперь?—О театрѣ?—Очень хорошо. Вы уже знаете, гдѣ стоитъ онъ въ Дрезденѣ. Новый строится, и будетъ прекрасенъ, а старой плохъ, очень плохъ, и снаружи и внутри. За то оркестръ—чудо: всѣ до одного мастера, между которыми не стыдится сидѣть и Липинскій; исполненіе столь же одушевленное, сколько и отчетливое, и фиглярства нѣтъ. Между актерами есть также замѣчательные таланты, да и вообще вся труппа хороша, жаль, что иногда роли не по лицамъ. Девріану даютъ первое мѣсто. Глубины характера въ немъ нѣтъ; но въ драмахъ изъ обыкновенной жизни онъ очень хорошъ: естественъ и умѣетъ заставить Нѣмца поплакать и посмѣяться. Паули—комикъ, жаль, что для ролей однихъ стариковъ. О другихъ мужчинахъ молчу. Изъ женщинъ — несравненная дѣвица Бауеръ: женщина молодая, статная, прекрасная собою—и все, только не любовница и не мать семейства; леди Мильфордъ (въ Коварствѣ и Любви) — ея настоящая роль. Не могу не вспомнить и о дѣвицѣ Аншюцъ, хоть она тутъ и гостья: во первыхъ она напомнила мнѣ — о д. Фанни, на которую изумительно похожа и лицомъ, и голосомъ; а во вторыхъ прекрасно играетъ. Въ роли дѣвушки простаго званія, дѣвушки въ добромъ сѣмействѣ, дѣвушки наивно-влюбленной—она сама природа,—и всякую ролю умѣетъ такъ оттѣнить, что всюду видишь ее какъ будто въ первый разъ. Она играла даже Фенеллу—и ту не испортила, хоть эта роль принадлежала бы не ей, а танцовщицѣ: она была воодушевлена и понимала музыку, которую должна была выражать жестами, прекрасно. Въ иныхъ мѣстахъ я не могъ безъ слезъ глядѣть на ея заплаканные глаза. Я видѣлъ ее и въ роли Луизы (Коварство и любовь): она и Бауеръ вмѣстѣ; глядя на нихъ, можно было назвать театръ изящнымъ искуствомъ. О дѣвицѣ Гельвигъ скажу только, что ея талія—лучшая въ Дрезденѣ.—Въ операѣ отличаются Тихачекъ, г-жа Шредеръ-Девріанъ и д-ца Марксъ. Тихачекъ (Чехъ)—прекрасно поетъ (теноромъ), дурно жестикулируетъ. Шёр-

деръ—пьяница и развратница, погубившая свой превосходный контральтъ, но всетаки восхищаетъ и пѣніемъ и драматизмомъ игры: въ роли Ромео (Монтекки и Капулетти) она была превосходна. Маркезъ — сопрано, не то что Фрецполини, Унгарнъ, Люцеръ; но очень мила, хоть и вовсе не мила собою.— Балетъ... что балетъ безъ Тальони!—

28 Ноября.

Уже-ли Измайлуша все въ Дрезденѣ?—подумаетъ Маменька. Нѣтъ: я уже въ Прагѣ три недѣли. Изъ Дрездена сдѣлалъ 2 поѣздки-походки: одну къ городищамъ на Черный Эльстеръ, другую въ Саксонскую Швейцарію. Въ послѣдней велъ дневникъ и пришлю мѣсто слѣдующаго письма. А теперь о Прагѣ. Я пріѣхалъ сюда съ бывшимъ воспитанникомъ Военной Академіи, офицеромъ Свиты Милютинымъ [1]), милымъ молодымъ человѣкомъ, и первыхъ два дни провелъ съ нимъ вмѣстѣ. Проводивши его въ Вѣну, перебрался на частную квартиру, и сталъ заниматься. Я засталъ въ Прагѣ товарища по занятіямъ, Прейса. День проходитъ такъ: до 1 часу дома; въ концѣ 1-го приходитъ Прейсъ, идемъ обѣдать, потомъ въ кофейню Мельцера читать газеты; въ $^1|_2$ 3-го домой,—приходитъ Іорданъ—и занимаемся по Лужицки; вечеръ то дома, то гдѣ-нибудь. Этотъ мѣсяцъ я живу у одной штаб-лекарши. Дочка прекрасно играетъ на фортопьяно, и теперь учитъ тѣ самыя ноты, которыя когда-то вы играли: Тальберга № 5, да его же Русскія пѣсни. Можете представить, какъ это мнѣ пріятно; но вотъ бѣда: у васъ, подъ вашу игру я считалъ цифры—смертности и рождаемости [2]) теперь при нѣкоторыхъ пассажахъ тѣ-же цифры лѣзутъ въ голову и мѣшаютъ заниматься фразами.

Въ Прагѣ я не останусь уже долго—какой нибудь мѣсяцъ, не болѣе. Въ Вѣнѣ то-же не думаю остаться долго. Спѣшу на югъ. Въ Прагу уже не пишите, пишите въ Agram (in Ungarn; Agramer Comitat in Croatien), Herrn Doctor Ljudewit Gaj, a was prošu peredat'. Какъ пойдутъ мои дѣла, буду писать. Деньги на полгода получилъ вчера; а то было приходилось хоть занимать: оставалось не болѣе 150 рублей.

Ваши письма тоже получилъ. Буду мало по малу отвѣчать на нихъ—съ слѣдующаго письма. Теперь только, прося васъ передать мою искреннюю благодарность Маріи Ѳедоровнѣ [3]) и д. Фанни, скажу, что Альберту [4]) въ Россіи

---

[1]) Дм. Алексѣевичъ Милютинъ (?)—впослѣдствіи Военный Министръ, членъ Государственнаго Совѣта, авторъ сочиненія «Исторія войны Россіи съ Франціей... въ 1799 г.» (С.-Петербургъ 1852—1853).

[2]) И. И. Срезневскій въ то время читалъ въ Харьковскомъ университетѣ статистику.

[3]) М. Ѳ. Питра.

[4]) Альбертъ Самуиловичъ Питра, впослѣдствіи профессоръ Харьковскаго университета.

несравненно лучше, нежели тутъ: тамъ онъ только будь прилеженъ, а тутъ главное дѣло деньги. Что-же до процентовъ, то тутъ даютъ 6, 10 и даже болѣе; но подъ залогъ съ процентами менѣе 6 законъ не велитъ, а безъ залога очень опасно. Какъ въ Сѣв. Германіи, не знаю.

Цѣлую ручку вашу. Поцѣлуйте за меня брата, если онъ уже у васъ.

Срз.

XLIII [1]).

№ 30. 2 Ноября. Пирна.

Хочется немного прогуляться по Саксонской Швейцаріи,—и вотъ почему я здѣсь. Хотѣлъ было ѣхать до Шандау, и оттуда уже начать странствіе пѣшкомъ; но вчера забылъ записаться, а сегодня не засталъ уже мѣста. И такъ до Пирны. Это все равно, только планъ другой. Буду вести журналъ моего странствія,—въ письмѣ къ Вамъ; а когда, Богъ дастъ, ворочусь, перечтемъ его, и я доскажу, чего не запишу здѣсь.

Я пообѣдалъ, напьюсь кофе,—и въ путь. Проводникъ уже есть и кажется порядочный человѣкъ. Пирна—городъ съ 5000 жителей, мило расположенный на лѣв. берегу Эльбы. Пирна—имя Славянское, въ чемъ согласны сами Нѣмцы. Подлѣ самаго города къ востоку лежитъ Зонненштеинъ—замокъ на горѣ, болѣе красивый на картинкѣ, нежели въ природѣ. Теперь въ немъ домъ сумасшедшихъ, а прежде былъ онъ крѣпостью и темницей для государственныхъ преступниковъ. Въ 1705—7 содержался тутъ и несчастный Паткуль.

Bastey.

Переправившись на челнокѣ черезъ Эльбу, мы вошли въ деревню Пусту. Долина за деревней носитъ то-же названіе—жалкій остатокъ бывалой жизни Славянъ въ этихъ мѣстахъ. Ни деревня впрочемъ, ни долина вовсе не занимательны, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ ожидаешь многаго. «Позвольте васъ спросить—сказалъ мнѣ проводникъ: хотите-ли вы сегодня ночевать на Bastey, или далѣе»?—Да, да, на Bastey.—«Такъ не угодно ли вамъ ein Umweg machen, посѣтить Либеталь и нашъ Ломенъ?» А вы изъ Ломена? «Да, и мнѣ бы хотѣлось переодѣться въ дорожнее наше, проводничье платье: мы успѣемъ все сдѣлать, увидимъ и Liebethalergrund, и Ломенскій замокъ, и Ottowaltegrund съ его частями, и Bastey».—Очень хорошо. «Ну, такъ пойдемте на лѣво, мимо ступни великана». И мы поднялись на гору. Эта ступень великана—

---

[1]) Судя по предыдущему письму, это письмо не было послано Е. И. Срезневской, хотя и является важнымъ дополненіемъ путевого дневника; считаю не лишнимъ включить его въ печатающееся собраніе писемъ.

углубленіе въ камнѣ, напоминающее о ногѣ. «Была такая же и на той сторонѣ долины, но ломающіе камень и ее раздробили». Горою пошли мы далѣе. и черезъ полчаса были у Liebethal, то есть: Либеталь лежитъ на правомъ берегу рѣчки Везеницъ (опять Славянское названіе), а мы были на лѣвомъ, и далѣе спустились къ Lochmühle. Я только что хотѣлъ сказать «да тутъ нѣтъ ничего особеннаго», какъ смотрю: скалы сперлись, рѣчка безъ береговъ гремитъ между ними. Нельзя-ли сверху взглянуть на эту дичь? «О да! Пойдемте къ мосту». Пошли,—и въ самомъ дѣлѣ было чѣмъ любоваться.—Отсюда Ломенъ въ $^1/_4$ часа. Предлинная деревня. Проводникъ мой пошелъ переодѣваться, а я на такъ называемый альтанъ, примкнутый къ старому замку, построенному на скалѣ, стѣною спустившемуся къ Везеницу. «А знаете, что тутъ было?» спросила меня старушка, отворившая мнѣ альтанъ. А что? «Да вонъ читайте надпись. Былъ у старова господина слуга, Hausknecht; вотъ и пришелъ онъ сюда, а рѣшетки-то въ то время не было. Сѣлъ да и сидитъ; а потомъ и уснулъ. А потомъ вздумалось ему, что онъ у себя, у своей постели; раздѣлся да хотѣлъ видно спать лечь. Кровать-то его стояла вотъ-такъ, на право отъ скамейки. Онъ на право, перевалилъ ногу, другую, да и бухъ. Іисусъ, Марія! Вѣдь спасъ же его Богъ: упалъ въ Везеницъ, ногу расшибъ, а живъ остался». Проводникъ не замедлилъ явиться, переодѣтый, съ мѣднымъ Nомъ на лѣвой рукѣ, съ кожаной котомкой черезъ плечо, гдѣ улеглись пара моихъ дорожныхъ вещицъ, и мы отправились къ Ottowaldegrund. Дорога до него не занимательна, но и не продолжительна—полчаса, что-ли. Мы спустились въ него по каменной лестницѣ въ 144 ступени,—и остались какъ въ пещерѣ: только клочокъ неба видѣнъ сверху, по бокамъ скалы, поросшія пихтами и соснами, покрытыя мохомъ, разузоренныя различными травами, вырывающимися изъ разсѣлинъ. Въ иныхъ мѣстахъ скалы противолежащія такъ близко сошлись, что дровосѣки перекладываютъ мостики черезъ нихъ, и по нимъ перевозятъ дрова. Очень хорошо, и особенно хорошо теперь, осенью, когда листья такъ разноцвѣтно-одноцвѣтны, такъ пестро буры, какъ разъ подъ цвѣтъ скалъ. Очень многія мѣста имѣютъ особенныя названія: есть тутъ «каменный домикъ», построенный природою изъ массивныхъ плитъ; есть тутъ «чертова кухня», пещерка съ трубою, идущею вверхъ сквозь скалы; есть тутъ «театръ»; есть «зонтикъ»; есть «зала». Дорожка идетъ у потока, то по сю, то по ту сторону его; виды на каждомъ шагу. Гигантскаго ничего нѣтъ; но мило. Изъ Оттовальдегрунда мы завернули въ Гёлегрундъ, стали подниматься мало по малу на гору, поднялись и черезъ четверть часа были на Bastey. Пошли къ рѣшеткѣ, къ тому мѣсту, откуда обыкновенно любуются видомъ; но уже ничего не видно: Эльба лентою вьется, горы сѣрѣютъ кругомъ, да и только. До завтра. Въ гостинницѣ мнѣ отвели комнатку, гдѣ я поужиналъ и пишу. Завтра рано встану и

осмотрю; а теперь, хоть и не болѣе какъ 9, да на постель: въ комнаткѣ моей холодно, да и спать хочется. Проводникъ мой пошелъ между тѣмъ домой въ Ломенъ и обѣщалъ воротиться завтра къ 8-ми. Прощайте.

3-е Ноября. Bastey.

Хоть нѣсколько словъ, пока допью послѣднюю чашку кофе. Проводникъ пришелъ раньше обѣщаннаго, я одѣлся,—и мы пошли осматривать Bastey съ ея частями. Отъ гостинницы, построенной въ Швейцарскомъ вкусѣ и такъ, что

двумя нижними ярусами она совершенно примкнула къ горѣ и только третьимъ поднялась надъ нею, мы пошли на лѣво. Желѣзная рѣшетка вьется на два вершка отъ обрыва скалы: опершись на нее, можно видѣть прямо подъ собою Эльбу, и обрывъ главный имѣетъ почти такую форму (см. рис.), и вышиною чуть ли не 300 футовъ. Эльба какъ лента; тропинки, тянущіяся по луговымъ берегамъ, словно ниточки; а кругомъ горы, то покрытыя лѣсомъ, то сѣро-голубыя поднимаются со всѣхъ сторонъ, до половины довольно круто, а потомъ обрывами. Виды тянутся къ Богеміи и къ Дрездену. Превосходно; это не описывать, а видѣть нужно. Потомъ разными изворотами по ступенькамъ, черезъ мостики и т. п. спустились мы къ т. наз. Verbindungs-Brüke, мосту, прекрасно сдѣланному вновь по остаткамъ стариннаго. Отсюда видъ еще красивѣе, потому что видишь и Bastey, и глядишь на виды изъ за скалъ столбами поднимающихся надъ головою. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Можно часъ описывать и все не опишешь. Надобно видѣть. И я очень радъ, что вижу это осенью: хвойная зелень зеленѣетъ, а всѣ другія деревья уже то желты, то красны. то голы, луга совершенно бархатно зелены, и туманъ легокъ какъ дымка, какъ паутина. Ну, пойду далѣе.

Гонштеинъ.

Утренній нашъ переходъ конченъ. Онъ не представилъ ничего подобнаго Bastey, впрочемъ многое было, чѣмъ любоваться. Горы чудныхъ формъ около Bastey, Ziegenrücke, Наполеонова липа, груды скалъ, называемыя Гокштеиномъ, долина, по которой протекаетъ Поленцъ, и самъ Гонштеинъ. Тутъ я осматривалъ и старый замокъ, и съ башни любовался видомъ.

Шандау.

Изъ Шандау до Гонштеина почти также далеко, какъ Bastey, а между тѣмъ еще свѣтло. Бравской переходъ. Я посѣтилъ и два старыя городища: и тутъ есть они, и называются то Вендскими, то Шведскими. Далѣе Brandt, напомнившій мнѣ Бастей. Видъ даже лучше, огромнѣе, разнообразнѣе. Эльба какъ лента видна изъ за горъ, и кругомъ горы. Лѣтомъ тутъ можно пить прекрасный кофе; теперь все уже пусто. Спустившись въ долину, мы пошли ею по потоку къ Эльбѣ. Очаровательныя мѣста.—Кое-гдѣ встрѣчались домики. Архитектура ихъ совершенно такая, какъ въ Лужицахъ. Проводникъ мнѣ сказалъ, что это (во) всей Саксонской Швейцаріи. Въ Чехіи, я знаю, тоже такая. Бѣдный слѣдъ Славянства.

Подъ вечеръ ходилъ изъ Шандау на гору Острау (точно—Острую). Съ нея прекрасный видъ на Эльбу. Одно мѣсто на ней напоминаетъ о Вендскомъ королѣ: за нимъ гнались разбойники, а онъ бѣжалъ, хотѣлъ перескочить съ камня на камень, не смогъ перескочить, и упалъ—мертвый.

Но какое гадкое перо! Сколько ни чиню, нейдетъ. Просилъ, чтобъ принесли свѣжее, не несутъ. Придется не писать.—Сяду у окна и буду смотрѣть, какъ играютъ дѣти.

Въ Шандау, говорятъ, живетъ какой-то Русскій Генералъ—и уже нѣсколько лѣтъ.

Ноября 4-е.

Въ 6 часовъ пришелъ гаускнехтъ за сапогами и платьемъ, въ половинѣ 7-го мэдхенъ принесла кофе, въ 7 я былъ одѣтъ, готовъ, расплатился (за комнату, вчерашній вечерній чай съ хлѣбомъ и масломъ и сегодняшній кофе—16 грош.),—и въ путь.—Тепло, но вѣтеръ; небо то ясно, то сѣро.—Путь нашъ лежалъ на востокъ по долинѣ, узкой, обставленной живописными громадами скалъ, вверхъ по теченію Кирнича. Скоро дошли мы до такъ назыв. Bad, дома съ минеральными купальнями и гостинницы вмѣстѣ. Здѣшняя минеральная вода извѣстна была еще въ прошломъ вѣкѣ; въ 1803 нашли новый источникъ, изслѣдовали, прославили—и теперь лѣтній путешественникъ можетъ въ Саксонской Швейцаріи не только любоваться природою, но и лѣчиться. Купальни чисты, хозяинъ услужливъ, есть и танцовальная зала, и бильярдъ.—За Bad'омъ долина суживается, горы становятся выше, красивѣе,—идешь, задирая голову, то направо, то налѣво. Сначала проходишь Ostraumühle; потомъ видишь на право красивый Kroatenstein; потомъ проходишь мимо Mittelndorfermühle, которая лѣтомъ должна красиво рисоваться изъ за яблонь и грушъ, ее окружающихъ; за нею встрѣчаешь слѣды рудокопень, въ кото-

рыхъ до 30-лѣтней войны вырабатывали мѣдь; немного далѣе долина опять расширяется лугомъ, и потомъ между двухъ скалъ видишь дикую, черную, заросшую лѣсомъ Kroatenslüchte (не только тутъ, но и въ другихъ мѣстахъ Саксонской Швейцаріи имя Кроатовъ попадается, иногда вновь придѣланное, иногда и изстари извѣстное); далѣе идешь мимо обломковъ скалъ, черезъ которыя переливается водопадомъ Beuthenwasser, и селяне предлагаютъ спустить воду, чтобы показать водопадъ во всей красѣ; далѣе проходишь сквозь разсѣлину скалъ, ничтожную въ сравненіи съ Моравскими, но для Сакс. Швейцаріи все-таки годную, — и скоро доходишь до Heidemühle, уютно приклонившуюся подъ красивымъ обрывомъ скалы, наз. Heidemadstein; отъ Bad'a досюда часъ пути, и можно идти по шоссе, узкомъ, но очень покойномъ. Далѣе проходишь мимо Лихтенгейнскаго водопада, годнаго для картинки, заворачиваешь направо, поднимаешься въ лѣсъ на гору, — и, когда уже не ждешь ничего кромѣ темнаго лѣса, вѣчно зеленыхъ, вѣчно красивыхъ пихтъ, внезапно раскрывается передъ глазами сквозная пещера, извѣстная подъ именемъ коровьяго хлева—Kuhstall. Около 30 шаговъ шириною, около 20 вышиною, она хороша какъ бесѣдка въ паркѣ такого размѣра, какова Сакс. Швейцарія, но какъ произведеніе природы, кажется, не заслуживаетъ излишнихъ восклицаній. Видъ изъ нея лучше ея, а преданія, если-бы онѣ были расказаны художникомъ, были-бы еще лучше. Преданій множество. Всѣ, или почти всѣ относятся ко времени войнъ за вѣру и къ безвременному времени разбойничьихъ проказъ,—и каждый уголокъ напоминаетъ о чемъ-нибудь занимательномъ. Говорятъ, напр., что на горѣ надъ пещерою, куда можно забраться по довольно покойной лѣстницѣ, продѣланной въ разщелинѣ скалы, стоялъ замокъ «Neu Wildenstein», и владѣлецъ его, какой-то грозный баронъ, былъ страшилищемъ для окрестныхъ жителей. Задумали они отомстить ему, и придумали сказочное дѣло: однажды когда баронъ выѣхалъ изъ замка куда-то далеко и на долго, жители всѣ, сколько ихъ было, пришли въ замокъ, давай его ломать, разломали до основанія, сбросили все сломанное съ горы въ пропасть, лежащую подъ нею, и хворостомъ и разной дрянью покрыли мѣсто; самую дорогу, ведшую къ замку, завалили, а другую провели въ чащу лѣса. Ну, баронъ пріѣхалъ, искалъ, искалъ своего замка, не нашелъ и поѣхалъ назадъ, увѣренный, что это дѣло рукъ дьявольскихъ. Еще болѣе увѣрился онъ въ этомъ, когда, ворочаясь, слышалъ раздающееся по лѣсу и повторяемое эхомъ дикое ха-ха-ха: онъ крестился и молился, и спѣшилъ на чемъ свѣтъ стоитъ прочь да подалѣе отъ этихъ чудесъ. Я не знаю только, какъ могъ тутъ помѣститься замокъ: мѣсто небольшое; а впрочемъ есть примѣты, что тутъ жили люди: есть еще колодецъ, попадается кирпичь, видны въ самой скалѣ остатки старой работы. Направо отъ Kuhstall есть пещерка съ око-

шечкомъ въ пропасть, называемая Pfaffenklunst—и вотъ почему. Лихтенгайнскій попъ не хотѣлъ измѣнить католицизму, не внималъ убѣжденіямъ протестантовъ; а было это въ XV что-ли вѣкѣ, — и скрылся въ этихъ мѣстахъ въ одной пещеркѣ, называемой Pfaffenloch. Враги его однако нашли его и тутъ, перебросили въ Pfaffenklunst, да и вышвырнули въ пропасть сквозь окошко, или, какъ говорятъ другіе, оставили его умрѣть голодною смертію, заваливши камнями входъ въ пещерку. Недалеко отъ этой пещерки есть другая, и теперь не для всякаго доступная: называется Schneiderloch, по имени Шнейдера, атамана разбойничьей шайки, имѣвшаго въ ней свой кабинетъ. Съ другой стороны Коровни есть пещера, защищенная довольно порядочно отъ вѣтра и называемая Wochenbett: она была, какъ говоритъ преданіе, спальнею для какой-то знаменитой родильницы, спасавшейся тутъ во время войнъ за вѣру. Она умерла, а ребенокъ, выросши, былъ страшнымъ гонителемъ враговъ матери. И пр. и пр. Самое имя Kuhstall относится къ этимъ временамъ. Разсказывающіе преданія эти разногласятъ между собою только въ томъ, что касается до обитателей этихъ мѣстъ: одни говорятъ, что тутъ скрывались католики отъ протестантовъ, а по словамъ другихъ протестанты отъ католиковъ. Изъ одной изъ пещерокъ я снялъ видъ окрестныхъ скалъ, изъ за которыхъ вдали видѣнъ Лилієнштеинъ, и потомъ сквозь разсѣлину между скалами и далѣе по довольно крутой, хотя впрочемъ покойной, дорожкѣ спустился въ Habichsgrund, надъ которымъ скалы Kuhstall'и поднимаются на 500 футовъ, если не болѣе.

Направленіе нашего пути здѣсь перемѣнилось: мы пошли на югъ. И шли сначала по лѣсистой долинѣ, потомъ все выше и выше, все лѣсомъ, на kleine Winterberg. Дорожка прекрасная, какъ дорожка, очень покойна, но отъ самой подошвы до самого верху горы очень крутая: я хоть и взошелъ на самую гору безъ отдыха, однако, пришедши къ такъ наз. Jägerhaus'у, легъ, разлегся. Я еще такъ не уставалъ никогда. И стоило же взбираться! видъ правда хорошъ, но такихъ видовъ я видѣлъ уже много. Я снялъ видъ на Kuhstall, и выслушалъ слѣд. преданіе:—Домикъ стоитъ на обрывѣ. Курфирстъ Августъ въ 1558 году гонялся тутъ за оленемъ. Олень, преслѣдуемый на горѣ собаками, добѣжалъ до того мѣста, гдѣ теперь домикъ; а курфирстъ стоялъ подъ обрывомъ ниже и то-же надъ обрывомъ въ долину. Оленю оставалось одно:—броситься съ обрыва на курфирста и повалить его съ собою въ пропасть. «Или обоимъ, или одному», сказалъ курфирстъ,—выстрѣлилъ, и олень легъ на мѣстѣ. Сынъ Августа Христіанъ построилъ тутъ домикъ, поставивши на кровлѣ его скелетъ оленя. Въ 1818 построили новый съ Латинскою и Нѣмецкою надписью, напоминающей о смерти оленя и спасеніи курфирста. Я впрочемъ надписи не прочелъ.—На klein Winterberg уже видѣнъ базальтъ. По пути съ нея на grosse Winterberg тоже. На gr. Winterberg уже въ большомъ раз-

мѣрѣ. Хоть эта гора 1710 футовъ вышиною, но всходъ очень легокъ. На горѣ есть нѣсколько домиковъ для прихожихъ и строится большая гостинница съ башнею. Я взлѣзалъ на башню, но видомъ любоваться не могъ, потому что вѣтеръ слишкомъ пронзителенъ и силенъ. А видъ долженъ быть очень хорошъ,—видъ на Эльбу до Лиліенштеина и далѣе къ Дрездену и за Дрезденъ, а съ другой стороны видъ на Богемію къ Течину и далѣе. За то я тутъ прекрасно пообѣдалъ: супъ былъ на чудо, а кусокъ жареной кабанины заставилъ меня запить себя двумя рюмками горькой водки (что и стоило 8 грошей). Тутъ продаютъ различныя вещи изъ Богемскаго стекла и хрусталя съ видами Сакс. Швейцаріи. Лѣтомъ приходятъ сюда изъ Богеміи музыканты и пѣвцы и увеселяютъ публику. Гора вся покрыта лѣсомъ и не хвойнымъ, а потому вся завалена опавшимъ листьемъ; идешь и не хотя играешь предивный концертъ. Проводникъ мой, обращающій мое вниманіе на все романическое, замѣтилъ и романичность этого, не замѣчая того, что романистъ-проводникъ всего романичнѣе. Онъ уже надоѣлъ своими романическими напоминаніями: на какую скалу ни взглянетъ, видитъ или носъ, или ухо, или цѣлую голову какого нибудь животнаго, иногда цѣлаго быка или кабана, или замокъ, и приправляетъ все это сладкозвучнымъ носовымъ «гхе-гхе». Такого человѣка можно сравнить со скалою унизанную надписями перебывавшихъ подлѣ нея странниковъ: разница только та, что скала вѣрно сохраняетъ надписи и даетъ понятіе о писавшихъ, сама оставаясь неизмѣнною; у человѣка же такого умъ превращается въ уксусъ этихъ надписей, вонючій и кислый какъ это «гхе-гхе»!. Кстати: и Kuhstall покрыта тысячами надписей, между которыми есть преудивительныя. Напр: «Природа! я твой сынъ и—прости—любовникъ!» Этотъ сынъ природы, конечно, родился или воспитывался in einer Kuhstall.

— Здравствуй, здравствуй, Богемія! правда еще Богемія, а не Чехія, но всетаки здравствуй. О, я знаю красоты твоей природы—и надѣюсь.—Я надѣялся не напрасно. Сошедши съ gros. Winterberg, мы завернули на юго-востокъ, пошли по границѣ лѣсомъ, лѣсомъ долго пустымъ то съ горы, то на гору,—и вотъ онъ сталъ просвѣчивать, вотъ показались скамейки подъ деревьями, вотъ показалась закраина надъ пропастью... Богемія показалась передо мною очаровательнымъ ландшафтомъ. Подъ ногами пропасть, густо заросшая пихтами, отвсюду поднимаются скалы, однѣ изъ за другихъ, группами, рядами, столбами, стѣнами, изъ за нихъ видны луга, поля, деревни, холмы, и скалы, и далѣе поднимается прелестный Розембергъ какъ гигантская могила, покрытый лѣсами, оттѣняя собою далекую даль; а на право смѣлою рукою природы перекинутый сводъ Пребиштора. Этотъ видъ надъ Пребишгрундомъ. Видъ со скалы надъ Пребишторомъ и другой скалы, соединяющейся съ нею подъ прямымъ угломъ еще богаче: кажется, летишь на воздушномъ

шарѣ, такъ видъ открытъ; Розембергъ уже въ сторонѣ, на лѣво, и отъ него на право развертываются горы за горами, долины за долинами до Лилiенштейна, а отъ Эльбы видны только вершки побережныхъ скалъ. Ходить по этимъ скаламъ очень покойно: всюду закраины, на которыя, глядя подъ себя, можно безъ страха опереться, а гдѣ скалы разорвались, тамъ перекинуты мостики, гдѣ круто, продѣланы ступеньки. Къ Пребиштору спускаешься по лестницѣ. Пребишторъ, вышиною до 65, шириною до 80 футовъ, и точно изумителенъ, смѣлъ. Всѣ стѣны, всѣ уголки въ немъ испещрены надписями,—и право стоитъ повторить знакомому и незнакомому: «и я былъ тутъ». Подъ скалою домикъ, гдѣ лѣтомъ можно достать все что угодно для желудка, который не насыщается видами. Вообще въ Саксонской Швейцаріи этихъ гостинницъ много всюду; но теперь онѣ пусты. Налюбовавшись, мы спустились въ долину, и прямо къ Эльбѣ—вдоль по потоку Геернскреченскому (Горшанскому). Долина узкая, обставленная громадами скалъ, потокъ быстрый, — глушь—и тутъ-же человѣческая дѣятельность:—безпрестанно мельницы, набережныя, домики, люди, будто подлѣ большого города. Въ Гернскреченѣ я напился кофе,—и вдоль по берегу Эльбы пошелъ въ Шандау. Тропинка очень покойна, только подходя къ Шандау, вьется между каменоломень; но за то, что за виды! Вечерѣло, Лильгенштеинъ и окрестныя горы сѣдѣли радужною мглою, побережныя горы направо отражали солнце, на лѣво, покрытыя лѣсомъ чернѣли... И прочая. Выражая словами впечатлѣнiя, произведенныя природою, пародируешь и ее и себя; и потому лучше замолчу.—Наконецъ я въ Шандау—опять.

Половина 10-го.

Только что воротился изъ концерта. Дивный концертъ. Вечеромъ, часу въ 7-мъ, когда я только что хотѣлъ сѣсть за письмо, приходитъ мой проводникъ, и подавая мнѣ афишку говоритъ ученымъ тономъ: читайте. Читаю: «Die Geschwiester Gredler, Тирольцы, дадутъ National Concert, въ 3-хъ отдѣленiяхъ, и пр. Цѣна 1 мѣсту 4 гроша. Начало въ половинѣ 8-го». Прекрасно, иду. «Пожалуйста достаньте билетъ».—И въ началѣ 8-го я пошелъ. Пришелъ—никого нѣтъ, ни души. Воротился. Въ $^3/_4$ восьмаго опять пришелъ: двѣ души. Только въ половинѣ 9-го собралась достопочтенная публика. Чужой былъ я одинъ. Можете представить, какъ на меня глазѣли... Передъ 36 стульями, поставленными въ 3 ряда, поставили столъ длинный и передъ нимъ короткiй, на этомъ короткомъ угораздили другой короткiй, а на длинномъ два стула. Комната была освѣщена 6-ю сальными свѣчами. Пришли братъ съ сестрою, влезли, сѣли, начали—и кончили. Было и интро(ду)ціоне на цитрѣ, были и народныя пѣсни, былъ даже Maultrommelconcert на 12 варганахъ, перебираемыхъ попарно. Публика была очень довольна... Въ продолженіе кон-

церта она курила и пила пиво. Остался и я доволенъ, насмотрѣвшись на Шандавскую публику.

Шандау, городъ маленькій, съ одной стороны уперся въ горы, съ другой прилегъ къ Эльбѣ. На картинку—оченъ хорошъ.

Ноября 5-е. Пирна.

Ворочаюсь въ Дрезденъ. Изъ Шандау сюда пріѣхалъ. Дорога по лѣвому берегу Эльбы—очень мила. Проѣзжали мимо Кёнигсштеина (гора и знаменитый замокъ—крѣпость).—Теперь жду пока запрягутъ лошадей—и въ Дрезденъ.—Тамъ останусь не долго. Можетъ быть даже завтра—въ Прагу, т. е. опять въ Пирну, и потомъ не на лѣво, а на право.—

Прага. Декабря 15-е.

Я получилъ Ваше письмо за № 11. Тутъ же письмо Метлинскаго съ приписками Костомарова и Рославскаго.

И Вы, милая Маменька, и доброй Амвросій, хлопочите о моемъ здоровьи. Правда, что я не быкъ; но, благодаря Бога, не могу пожаловаться. Еще Вы пишете, что меня могутъ назвать хвастуномъ. Мнѣ и въ голову не приходило никогда считать чѣмъ-нибудь особенно важнымъ мое пѣшеходство. Это моя страсть, а страстью не хвастаются. Я забылъ, какъ выразился въ письмѣ къ Краевскому, и жалѣю если могу подать поводъ людямъ смѣяться надъ тѣмъ, что мнѣ вовсе не кажется смѣшнымъ [1]).—Еще вы пишете объ отсрочкѣ моего путешествія, позволяете мнѣ просить ее, и прибавляете слова Амвросія, что я могу пополнить и дома, чего не пріобрѣту на пути. Нѣтъ, это не возможно. Тутъ могу и похвастаться: теперь не Шафарикъ мнѣ, а я Шафарику поправляю карты Чехіи, Моравіи, Силезіи, Лужицъ, а Лужичанинъ Іорданъ, составляющій Лужицкій словарь, приходитъ ко мнѣ списывать изъ моего словаря слова. Безъ личнаго посѣщенія всѣхъ земель Славянскихъ, я не буду преподавателемъ, какимъ бы хотѣлъ быть. На другихъ плоха надежда. Книгами я занимаюсь только рѣдкими. Словомъ: воротившись я могу привести въ лучшій порядокъ собранное, но новаго уже не достану. А мнѣ остается цѣлая Иллирія, Венгрія, Галиція, Польша. Ужасно. Теперь заниматься началъ по Венгерски; для путешествія по Венгріи это необходимо.

---

[1]) Письмо И. И. Срезневскаго, напечатанное въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 г., т. XII, смѣсь, стр. 20—23; въ этомъ письмѣ трудно найти что-нибудь подобное хвастовству; Е. И. С—ая скорѣе только боялась, чтобы другіе не заподозрили ея сына въ хвастовствѣ, чѣмъ сама видѣла въ письмѣ этотъ недостатокъ.

Амвросій писалъ мнѣ о планѣ журнала [1]). Если онъ будетъ отъ Университета, то литература беллетристическая должна быть выброшена. Самая критика не можетъ быть ни смѣла, ни игрива. Если бы можно было издавать не отъ Университета, а съ пособіемъ Университета, какъ издавалъ Склабовскій [2]). Хлопочи о цензурѣ.—Ворочусь, поговоримъ подробнѣе, и затѣемъ. Ахъ, если бы я только могъ собрать и о другихъ Славянахъ столько, сколько собралъ о тѣхъ, которыхъ посѣтилъ. Въ Прагу изъ Дрездена я привезъ 65 фунтовъ бумагъ; матеріаловъ уже есть года на два.—Николаю Иван., Александр. Петровичу, Сем. Семен. [3]) и т. д. поклонъ.

Цѣлую васъ. Прощайте. Срз.

XLIV.

№ 32. Прага. 1841 годъ, Января 1-е

Наконецъ я одинъ и принимаюсь за перо, что-бы написать къ вамъ милая Маменька, хоть нѣсколько строчекъ.—Цѣлую вашу ручу и желаю что-бы вы начали и продолжали этотъ новый годъ, если не счастливо, то по крайней мѣрѣ мирно, безъ душевныхъ волненій и не безъ надежды на будущее. Богъ дастъ, вашъ странникъ воротится къ вамъ, и, научившись въ одиночествѣ дорожить сочувствіемъ съ родными, будетъ умѣть чувствовать огорченіе родныхъ какъ свое собственное, радоваться ихъ радости. Богъ дастъ, не напрасно я тоскую о счастливыхъ дняхъ, надѣюсь на нихъ и утѣшаю себя ими въ минуты грусти. Это правда, мнѣ приходитъ въ голову, что я, можетъ быть, во время путешествія такъ одичаю, что разучусь пользоваться сѣмейнымъ покоемъ, о которомъ теперь мечтаю; не забылъ я и тѣхъ огорченій, которыя вамъ дѣлалъ, и не могу не бояться за себя. Однако всетаки думаю,

---

1) Эти строки—отвѣтъ на письмо А. Л. Метлинскаго отъ 31 окт. 1840 г.; въ немъ Метлинскій пишетъ: «Недавно пригласилъ меня князь Цертелевъ (помощникъ попечителя харьковскаго учебнаго округа) и говорилъ о довольно важныхъ предположеніяхъ—журналѣ при университетѣ, обществѣ литературномъ изъ студентовъ, собраніяхъ студентовъ для чтенія сочиненій... Все это очень хорошо, но для дѣла надобно рукъ и головъ побольше. Журналъ, затѣя большая и, признаюсь, страшная! Если и выхлопотать позволеніе, то безъ пособія университета можно сѣсть на первой книжкѣ... Не осрамимся ли этимъ? Смѣты, расходы, приходы—это самая отвратительная часть человѣческой дѣятельности—и я даже своихъ не умѣлъ свести. Еслибъ эту часть можно отдѣлить? Дѣло за горами; но однако жь ему хочется программы. Напиши свое мнѣніе. Мнѣ кажется, кромѣ ученыхъ статей, какъ въ Запискахъ Московскаго университета, надобно непремѣнно литературу... Но гдѣ взять? Еще 3-й отдѣлъ—матеріалы мѣстности и народности округа, и запасу для нихъ требовать отъ гимназій учителей etc.»

2) Здѣсь идетъ рѣчь объ «Украинскомъ Журналѣ», издававшемся въ 1824 и 1825 гг. отъ Харьковскаго университета; это одинъ изъ лучшихъ журналовъ того времени.

3) Н. И. Костомаровъ, А. П. Рославскій, С. С. Лукьяновичъ.

что душа моя не очерствѣла, а опытность не напрасно давала и даетъ уроки разсудку. Богъ дастъ!.. И вотъ я уже переселился въ Харьковъ, я прилегъ съ братомъ къ вамъ, я душа въ душу разговариваемъ... Нѣтъ, я не могу писать; прилягу на софу, и помечтаю.

— Ale co ge to, Milost Páne! Swjčka gako by zhasla, a woni nebyto spégj (что-же это, сударь! Свѣчка будто погасла, а вы будто спите). Эти слова доброй дѣвѣчки, мнѣ прислуживающей, заставили меня вскочить и опуститься на землю.—На землѣ, тутъ, въ Прагѣ, я очень благодаренъ Прейсу. Товарищь по трудамъ, онъ сдѣлался моимъ товарищемъ и въ жизни. Не проходитъ дня, что-бы мы не видались другъ съ другомъ по крайней мѣрѣ однажды: всегда вмѣстѣ обѣдаемъ и послѣ обѣда идемъ въ кофейню. «Zwey Russen, dwa Russy»: это въ Прагѣ въ родѣ Сіамскихъ близнецовъ. Въ гостинницѣ вмѣстѣ, въ кофейнѣ вмѣстѣ, въ театрѣ вмѣстѣ, гуляютъ вмѣстѣ: zwey Russen, dwa Russy. И въ добавокъ смѣются, безпрестанно смѣются, хохочутъ. Что-бы не забыть ничего: и влюблены вмѣстѣ. Да, влюблены, въ одно и тоже существо, и въ отвѣтъ на невыгодное слово одного изъ нихъ объ этомъ существѣ, другой кричитъ «зарѣжу!» Даже хотѣли (да не успѣли) сдѣлать этому существу одинъ общій подарокъ [1]).—Шутки въ сторону: сближеніе съ Петр. Ив. Прейсомъ меня утѣшаетъ. Относительно способа занятій мы различны (онъ называетъ меня человѣкомъ жизни, наблюдателемъ,—я его человѣкомъ книги, изыскателемъ); но это не мѣшаетъ нашей связи, скрѣпляетъ ее еще болѣе. Шафарикъ сказалъ однажды Прейсу: «какъ бы хорошо вамъ вмѣстѣ путешествовать по Сербіи и Болгаріи: вы бы покопались въ библіотекахъ, онъ бы побродилъ между народомъ!» Я безъ сомнѣнія не прочь отъ этого; но едва ли это случится. Вчера, идучи въ книжную лавку, мы уговорились и новый годъ встрѣтить вмѣстѣ. Вечеромъ пришелъ онъ ко мнѣ, пили чай, пили и Черносѣцкое, чокнулись, когда ударило двѣнадцать, а потомъ, я на свою постель, Прейсъ на софу, и болтали еще долго. Сегодня утромъ онъ пошелъ за билетами въ театръ Чешскій, въ полдень зашелъ за мною идти обѣдать, потомъ въ кофейню, потомъ опять ко мнѣ, потомъ въ театръ. Въ 6-ть было разошлись, но онъ, пришедши домой, не засталъ никого дома, и ко мнѣ. Пришелъ Коубекъ [2]), мой сосѣдъ, профессоръ Чешской литературы въ Университетѣ,—и опять провели время вмѣстѣ.—Теперь спать.

2-е

Дѣлъ было такъ много, что я принужденъ былъ, проживши въ Прагѣ мѣсяцъ, остаться еще на мѣсяцъ. Обстоятельства заставили съ одной квартиры

---

[1]) Это существо, кажется,—Гроссерова, артистка Пражской оперы.

[2]) Jan Pravoslav Koubek (1805—1854).

перейдти на другую,—и я живу теперь на Большой площади въ 3-мъ этажѣ Крэнгауза. Видъ изъ оконъ на площадь, и прямо передъ глазами Тейнская церковь въ готическомъ вкусѣ, хоть и не чистомъ, но мнѣ очень нравящемся. На право отъ моей комнаты комната Коубка. И все бы хорошо, но на дняхъ морозы доходили до 18°, и у меня было такъ холодно, что я не зналъ, куда дѣваться: въ комнатѣ сидѣлъ въ шубѣ. У Коубка такой же холодъ; у Прейса— тоже; куда ни придешь — то-же. Меня упрашиваютъ остаться до 27-го; но нѣтъ: если бы и дѣла не гнали на югъ, одинъ холодъ заставилъ бы меня бѣжать изъ Праги. До 27-го упрашиваютъ остаться для того, что 27-го будетъ Чешскій балъ.

Чешскій балъ! Боже мой, что значитъ быть подвластнымъ народомъ! Позволеніе дать балъ получается отъ полиціи. Написали просьбу, подали; полицмейстеръ загремѣлъ въ отвѣтъ: «но такой балъ, какой былъ въ прошломъ году, не можетъ быть». Въ прошломъ году все было на этомъ балѣ по Чешски. Говорить на балѣ по Чешски, разумѣется, запретить нельзя; но ни пригласительныхъ билетовъ, ни списка танцевъ, ни кондиторскихъ и буфетныхъ листковъ по Чешски печатать не позволили. Полицмейстеръ не посовѣстился сказать, что онъ считаетъ покушеніе давать такой балъ революціонерами. Какъ будетъ, не знаю; а я бы, будучи Чехомъ, на пригласительномъ билетѣ написалъ бы только: Bal $18\frac{27}{I}41$ — и приложилъ бы печать. Безъ списка же танцевъ и кушаній обойтись легко.—Хуже всего тутъ то, что нѣтъ единодушія, нѣтъ открытости. Правительство не можетъ не подозрѣвать; а между тѣмъ тѣ, которыхъ подозрѣваетъ, всѣ до одного — невинные боязливцы, дѣти съ прихотями, но безъ злыхъ намѣреній. Они бы испугались сами себя, если-бы увидѣли въ въ себѣ злое намѣреніе.

Театръ въ Прагѣ идетъ своимъ чередомъ, и въ Чешскомъ число охотниковъ возростаетъ: за полгода число ихъ было замѣтно менѣе. Жаль, что выборъ пьесъ не соотвѣтствуетъ или силамъ актеровъ, или требованіямъ приличія. Недавно напримѣръ давали Валленштейна: окарнали, изщепили,—дали— курамъ на смѣхъ. Вчера давали «Возстаніе въ Серали», глупую поссу, гдѣ все, по самому намѣренію автора должно быть глупо,—и не поостереглись вставить туда пѣсню въ похвалу «отечества, Чешской власти»: этимъ соединеніемъ глупостей съ пѣснію объ отечествѣ можно отравить любовь къ отечеству, заставить презирать его, а не возбудить любви къ нему.

Больше писать не о чемъ. Жизнь моя въ Прагѣ такъ однообразна, что каждый день напередъ знаю, что будетъ. Занимаюсь теперь отчетомъ Университету. Претрудное дѣло: доносить есть о чемъ, но выбирать изъ многаго кое-что, очень тяжело. Надѣюсь кончить отчетъ прежде выѣзда изъ Праги.

Отвѣтъ на это письмо пишите въ Лайбахъ poste restante; въ Аграмъ пока не пишите.

Прощайте, милая маменька. Если братъ у васъ уже, то поцѣлуйте его за меня. Вашъ Срз.

2 Янв. 1841.

Таскаюсь да и только! Сегодня цѣлое послѣ обѣда не былъ дома. Заболтавшись въ кофейнѣ съ Челяковскимъ, пошли съ нимъ бродить и болтать. А между тѣмъ еще за обѣдомъ Прейсъ далъ мнѣ билетъ въ концертъ, сказавши, что Шафарикъ будетъ насъ ждать около половины 5-го. Зашедши домой за картою, которую мнѣ нужно было сообщить Шафарику, пошелъ къ нему. Пришелъ и Прейсъ. Пошли. Объявленіе о концертѣ было Чешское. Давалъ капельмейстеръ Неедли. Публики сошлось ни мало, ни много. Дѣло началось увертюрой Бетховена: сошла порядочно. Потомъ вышелъ Коляръ, диллеттантъ на Чешской сценѣ, и началъ читать одно стихотвореніе Рубеша, самое глупое изъ всѣхъ стихотвореній Рубеша, въ которомъ онъ восхваляетъ все Чешское общими мѣстами безъ жизни, будто по заказу: прочиталъ гадко. Далѣе молодой гобоистъ Бауръ игралъ дивертиссеманъ на Чешскую народную мелодію: вступленіе нѣсколько длинно, переходъ отъ Allegro къ Adagio какъ-то неприличенъ, неловокъ; но за то сама пѣсня, adagio, вальсъ и финалъ прекрасны. За этимъ слѣдовало предурное квартетто пѣвцовъ и хоръ пѣвцовъ, пѣвшихъ арію изъ Бетховенова Христа на Олив. горѣ, гдѣ особенно гадка была слечна Вейтова: хоть бѣжать, до того доходило. Наконецъ слава Богу вышелъ Прахнеръ съ віолончелемъ и подъ акомпанеманъ фортепьяно игралъ варіаціи Франшома,—игралъ прекрасно, съ чувствомъ, съ искусствомъ. Дѣло кончилось хоромъ изъ Бетховена.—Впечатлѣніе, произведенное на насъ слечною Вейтовою было такъ кисло, что намъ стоило съ Прейсомъ только переглянуться, чтобы рѣшиться идти въ театръ. Тамъ даютъ Ганса Геилинга, тамъ поетъ Гроссерова, наша милочка Гроссерова, пошли. Либретто написано Э. Девріаномъ, музыка Маршнеромъ,—и то, и другое прекрасно. Гансъ Геилингъ,— сынъ человѣка и царицы Кобольтовъ, подземныхъ духовъ,— задумалъ пожить на землѣ, сдѣлался ученымъ, хиромантикомъ, и пріобрелъ уваженіе. Увидѣлъ Аннушку, крестьянскую дѣвушку, влюбился, и его подарки, корыстолюбіе матери Анютиной сдѣлали его женихомъ. Но ни онъ не любилъ ея истинно, ни она его. Заблудившись однажды ночью въ лѣсу, она узнала отъ Кобольтовъ, кто Гансъ. Къ счастію егерь, ея давній знакомецъ, встрѣтилъ ее и привелъ домой. Этого милаго егеря полюбить Анютѣ было естественнѣе: онъ и моложе, и красивѣе, и вовсе не страшенъ, не такъ, какъ мистеръ Геилингъ. Гансъ узнаетъ это, закалываетъ егеря, но неудачно. Послѣ благо-

словенія священника старонѣмецкій обычай приказываетъ молодымъ играть въ жмурки, ей искать его между молодыми людьми, ему искать ее между дѣвушками. Гансъ является, Анюта попадаетъ его руку. Она сбрасываетъ повязку, она трепещетъ, умоляетъ его, чтобъ онъ мстилъ на ней, а не на егерѣ. Гансъ не хочетъ... Вдругъ раскрывается пещера,—дворецъ царицы Кобольтовъ. Мать приказываетъ Гансу оставить людей, оставить Анюту счастливою, ведетъ его во дворецъ свой, дворецъ горитъ бѣлымъ огнемъ... Крестьяне прижались другъ къ другу, Анюта прижалась къ своему егерю. Занавѣсъ опустился. Пѣсни Ганса, пѣсня Анюты въ лѣсу, пѣсня егеря о Кобольтахъ, пѣсни Кобольтовъ, и особенно увертюра—прекрасны [1]). — Такъ вашъ сынишка таскается.

Еще разъ прощайте. Письма не ждите скоро. Изъ Праги уже писать не буду.

Küsse die Hand.

XLV.

Вѣна. 23 Янв. 1841.

Ждалъ, ждалъ отъ васъ письма, милая маменька,—и поѣхалъ изъ Праги. Пора. Дорога моя на югъ, на югѣ весна раскрывается рано, а мнѣ еще надобно научиться болтать хоть какъ-нибудь хоть на какомъ-нибудь изъ Иллирійскихъ нарѣчій, что-бы съ пользою продолжать свое путешествіе. Я бы и прежде выѣхалъ изъ Праги, да зубная боль, которая прошлой зимою ѣхала со мною въ Петербургъ и въ Берлинъ, заставила меня побояться себя. Вы впрочемъ не беспокойтесь за меня, душенька маменька: зубная боль несносна, но только несносна; а впрочемъ я здоровъ, и зубы уже не болятъ.

15-го выѣхалъ изъ Праги. Ганка, Прейсъ и Іорданъ (Лужичанинъ, съ которымъ я сблизился еще въ Сгорѣльцѣ) провожали меня, какъ родные. До выѣзда я еще успѣлъ съ Ганкою побывать въ концертѣ, и тамъ еще разъ поговорить съ Томашкомъ и Челяковскимъ. Съ Томашкомъ я познакомился: глубоко ученой теоретикъ, превосходно знаетъ исторію музыки, большой пуристъ: но играетъ безъ большого чувства, хоть и фантазируетъ чудо-мастерски. Въ бумажникѣ случилась у меня одна силезская пѣсенка. Онъ взглянулъ на нее, сѣлъ, взялъ нѣсколько дюжихъ аккордовъ, сыгралъ два раза тему, потомъ опять нѣсколько аккордовъ,—и затянулъ маршъ, далѣе Польской, далѣе мазурку, далѣе казачка, далѣе Чешскій рейдовакъ, между ними нѣсколько варіацій простыхъ,—я думалъ конца не будетъ... онъ раскраснѣлся какъ ракъ... Выбившись изъ силъ, онъ перешелъ опять въ Польской, въ которомъ нельзя

[1]) Описаніе этого спектакля см. въ письмѣ И. И. Срезневскаго къ Краевскому (Отеч. Записки, 1841 г. XIV, 100—102).

было не слышать, какъ толпа расходится въ разныя стороны, тамъ болтаетъ, тутъ смѣется, уходитъ все далѣе, пѣсня слышна все менѣе,—и фантазія кончилась ауканьемъ. Черезъ четверть часа онъ принялся за другую. Видно, что подъ его рукою клавиши, что буквы подъ перомъ. Онъ уже старъ, за 60, но здоровъ, толстъ, жиренъ какъ быкъ, и ростомъ не менѣе быка. Веселой человѣкъ; очень милъ, когда слышитъ себѣ похвалы; бранитъ Листа за галиматью, гордится Дрейшокомъ, какъ ученикомъ, живетъ прекрасно.—Изъ Праги я поѣхалъ въ Крал. Градецъ, Лютомышль, и пр. до Брна. А сегодня, провожаемый Проф. Сушиломъ и студ. сѣлъ на паровозъ,—и по желѣзной дорогѣ, въ Вѣну. День былъ прекрасный, но холодно. Не разъ я сказалъ спасибо своей шубѣ: хоть лѣтомъ и причинлива, но за то зимою—чудо хороша. Бьетъ 1/4 седьмого. Быть сегодня ни у кого не успѣлъ. Завтра начну съ Копитара; а сегодня въ театръ. Поспѣшу, чтобъ не заблудиться. А идти тоже не близко: я остановился у Бѣлой Розы въ Леопольдъ Штадтѣ,—хоть и у воротъ въ городъ, но театръ на другой сторонѣ города. Прощайте.—

Не знаю гдѣ то въ Италіи, въ XIII вѣкѣ, стояли два замка—Салуццо и Савильяно. Лѣсъ и (подражая Тациту) взаимная вражда владѣвшихъ ими фамилій отдѣляли ихъ. У маркиза Салуццо была дочь Корона,—дѣвица-красавица, Итальянка духомъ, гордая, мстивая; отецъ былъ уже старъ. У графа Савильяно былъ сынъ,—молодецъ-красавецъ, рыцарь и трубадуръ; а отецъ былъ тоже старъ. Молодой графъ Гвидо долго странствовалъ, и наконецъ воротился домой, къ отцу. Вышедши однажды на охоту, онъ встрѣтилъ на охотѣ Корону, велѣлъ своимъ воинамъ напасть на свиту Короны, и всѣхъ, кто не умретъ, защищаясь, вести въ Савильяно; но взглянувши на Корону, очаровался ея красотою, готовъ былъ исполнить всѣ ея приказанія, и всѣмъ плѣннымъ далъ свободу, а, воротившись домой, не скрылъ отъ отца своей любви. Старикъ графъ былъ доброй старикъ, для счастія сына готовъ былъ забыть стародавнюю вражду, но зналъ Салуццо, и только жалѣлъ о сынѣ. Корона, не понимая любви, вздумала воспользоваться сердцемъ Гвидо, и послала ему сказать, что она будетъ его ждать къ себѣ вечеромъ, когда отецъ ея выѣдетъ на охоту. Заманивши къ себѣ въ замокъ, она хотѣла его или умертвить, или запереть въ темницу. Гвидо пошелъ, не смотря на предостереженія дѣвушки, служанки Короны. «Знаю, для чего ты призвала меня; но я все таки пришелъ,—и счастливъ, что хоть еще разъ увижу тебя. Вотъ тебѣ и мой мечь и мой кинжалъ; дѣлай со мною что хочешь: я умру, но счастливый.» Корона должна была повѣрить любви и—полюбила Гвидо. Отецъ вошелъ въ покой—и увидѣлъ ихъ въ объятіяхъ другъ друга. Месть въ немъ разгорѣлась; не смотря на мольбы дочери, велѣлъ бросить Гвидо въ темницу и, умертвивши его, послать къ отцу его сердце сына. Не ложилась еще въ постель Корона,

когда тюремщикъ пришелъ ей сказать, что Гвидо убитъ, что отецъ приказалъ ей взглянуть на его голову, а сердце завтра рано пошлется въ Савильяно. Корона рѣшилась отмстить своему отцу за смерть Гвидо, рѣшилась сама предаться Савильяну и сдѣлала это. Салуццо узналъ это и внѣ себя отъ страха, что и его дочь будетъ умерщвлена графомъ, какъ онъ умертвилъ сына его, поскакалъ въ Савильяно Онъ прискакалъ туда, когда графъ уже далъ приказаніе умертвить Корону. «Умерщвляй меня, но не дочь мою; бери мое имѣніе, заключи дочь въ монастырь, но оставь ей жизнь!»—Корона съ радостью готова была умерѣть, отмщая отцу за смерть Гвидо; теперь... она радовалась вдвое смерти, какъ преступница противъ любви отцовской. Графъ хотѣлъ бы ихъ оставить живыми: но передъ нимъ чаша съ сердцемъ сына. «умрете оба!» Вдругъ является — Гвидо; убитъ онъ не былъ, тюремщикъ никого не убивалъ, какъ приказывалъ ему маркизъ, а сажалъ въ погребъ и освобождалъ, когда обстоятельства позволяли; съ Гвидо сдѣлалъ то-же. Гвидо явился; старики не примирились, но дѣтямъ своимъ дали благословеніе.—Таково содержаніе драмы Раупаха, которую сегодня давали на Гоф-бургъ-театрѣ. Маркиза старика игралъ де-ля-Рошъ превосходно; Корону—Реттигова также очень хорошо, не дуренъ былъ и Лёве въ роли Гвидо. Слушалось съ большимъ удовольствіемъ.—Театръ невеликъ, но миленькій, освѣщенъ прекрасно. Публика хлопала мало, но со вкусомъ; многіе утирали слезы, скрывали ихъ другъ отъ друга, и въ антрактахъ заѣдали мороженнымъ.

27-е. Вечеръ.

Landstrasse, Untere Reisnere Strasse, № дома 481, на 4-мъ этажѣ, въ отдѣленіи 11-мъ. у...—не знаю самъ у кого, въ свѣтлой, чистой комнатѣ: вотъ гдѣ я теперь съ намѣреніемъ остаться на мѣсяцъ. Былъ у Вука Стефановича Караджича; онъ согласился мнѣ помогать въ изученіи Сербскаго языка, сверхъ того сыскалъ помощника себѣ, который будетъ ежедневно ходить ко мнѣ и знаетъ сверхъ Сербскаго и Хорватское нарѣчіе: нельзя не остаться въ Вѣнѣ. Былъ два раза и у Копитара: съ нимъ едва ли буду имѣть дѣло. . . . . Лучше не подходить, а то смотри и укуситъ. Довольно мнѣ и Вука: этотъ Волчокъ мнѣ нравится: вотъ почему я переселился въ сосѣдство къ нему, чуть не дворъ обо дворъ.—Сегодня уже обѣдалъ съ Сербами и Хорватами, и начинаю ломать свой языкъ по ихнему. Еще неидетъ: черезъ недѣлю пойдетъ.

Есть и другія знакомства у меня. Сижу однажды въ театрѣ, оглядываю публику, гляжу: идетъ... лице знакомое. «Заикинъ, здравствуйте!»—Ахъ здравствуйте! А я недѣлю ждалъ васъ въ Прагѣ.—Заикины, помните, жили

у слѣпой старухи—рядомъ съ нами на Сѣнной улицѣ [1]). Одинъ изъ нихъ путешествуетъ, узналъ обо мнѣ въ Прагѣ, когда я былъ въ Селезіи или Лужицахъ, думалъ, что я скоро ворочусь и ждалъ меня. Съ нимъ пришелъ въ театръ другой молодой Русской — Анненковъ, служившій въ канцеляріи Министровъ [2]). Познакомился и съ нимъ. Оба—милые люди; немножко только богаты для меня: ѣдятъ за обѣдомъ на 2, на 3 рубля, а я не позволяю себѣ выходить изъ предѣловъ трехъ гривенниковъ.—Другое знакомство было не менѣе пріятно. Пришелъ я къ Вуку; онъ и говоритъ мнѣ, что Княжевичъ [3]) и Надеждинъ тутъ. А они легки на поминѣ, какъ тутъ. Надеждинъ—землякъ [4]), еще дитятью зналъ объ Иванѣ Евсевьевичѣ [5]), и Осипѣ Евсевьевичѣ [6]); Княжевичъ самъ мнѣ сказалъ, что онъ Княжевичъ. Отъ Вука пошли вмѣстѣ, къ нимъ, тамъ я и завтракалъ, и обѣдалъ, и до вечера. Княжевичъ тутъ съ сѣмействомъ. Жена его Чешка, но забыла по Чешски, а съ сестрою ея мы рѣзались. Княжевичъ—прелестный человѣкъ. Онъ искалъ мнѣ квартиру по сосѣдству съ своей; но не нашлось. Да мнѣ и лучше поближе къ Вуку. Плачу 10 гульденовъ: безъ дровъ, но съ полною прислугой.

Въ театрѣ былъ два раза—на оперѣ. Разъ давали Роберта,—отличалась Люцерова: какой мягкій, нѣжный голосокъ! Другой разъ давали Вильгельма Теля Россини,—и отличалась Бартъ или Гассельтъ Бартъ: славной голосъ, только нижняя октава дишканта немного слишкомъ жидовская, въ носъ. Хоры прекрасны. Балеты мягки, но безъ чувства. Пріятныхъ личикъ также мало, какъ гадкихъ много.

Здрава будте мâ мила майка. Кушуючь васъ объимлемъ и остајемъ вашъ.

Срз.

XLVI.

№ 35. Вѣна, 26 февр. 1841.

Сегодня въ 7 часовъ вечера мы выѣхали изъ Вѣны; и тутъ, какъ и всюду, я нашелъ для себя провожатыхъ. Заикинъ и Анненковъ напоили меня чаемъ, и проводили на почту. Вошедши на почтовый дворъ, вижу запряжен-

---

[1]) Въ письмахъ изъ Петербурга о нихъ не упоминается; о Заикинѣ см. въ путевыхъ письмахъ П. В. Анненкова и въ письмахъ М. Н. Каткова къ Анненкову (П. В. Анненковъ и его друзья. С.-Пб. 1892).

[2]) П. В. Анненковъ; въ своихъ путевыхъ письмахъ онъ вспоминаетъ про знакомство съ И. И. (см. П. В. Анненковъ и его друзья. Спб. 1892, 138).

[3]) Дм. Макс. Княжевичъ—попечитель Одесскаго учебнаго округа.

[4]) И. И. Срезневскій называетъ Н. И. Надеждина земляком, такъ какъ они оба были родомъ изъ Рязанской губерніи.

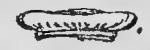
[5]) И. Е. Срезневскій—отецъ Изм. Ив. Срезневскаго.

[6]) Осипъ Евс. Срезневскій—дядя И. И. Срезневскаго, профессоръ Казанскаго университета.

ную маленькую карету, спрашиваю: эта ѣдетъ въ Градецъ? «Эта». Я одинъ? «Нѣтъ, еще есть дама». Очень хорошо, и мы начали высматривать даму, которая поѣдетъ со мною. Смотримъ—вонъ и дама бѣжитъ. Вглядываюсь... Боже мой! да это—Харьковская, это—мадамъ Гельмъ. Она останавливается: точно. Тутъ оказались и два Рославлевскіе. Они остаются въ Вѣнѣ; она ѣдетъ въ Голландію, пріѣзжала въ Вѣну покупать фортопьяна и экипажи. Слѣдовательно она не моя спутница. А вонъ и моя: садится въ карету. Почтальонъ трубитъ. Обнялись, поцѣловались. «Adieu, прощайте, добра шислива путъ, adieu». Я сѣлъ, пріутюжился въ свою шубу. Еще разъ «прощайте»,—и началъ разговоръ съ спутницей обычнымъ «pardonnez si je vous gène». Она отвѣчаетъ, но языкомъ, который какъ то не совсѣмъ разумѣется. Оказывается, что по Итальянски, Тирольскимъ выговоромъ. Она Тиролька, жила и живетъ въ Тріестѣ, и теперь ворочается туда изъ Вѣны, куда ѣздила къ сыну». «А вы Французъ»? Нѣтъ, я Русской. «Шинёро Рушшо! Брафо. Я люблю Русскихъ: они добры, они храбры, какъ Тирольцы. Они дали себя знать Наполію. Брафо». Словомъ еще мы не выѣхали изъ воротъ Вѣнскаго «штадта», а шинёро Рушшо и шинёра Тиролеша были друзьями. Разговоръ прерывался не чаще какъ черезъ 5 минутъ, когда она творила молитву.— Да нѣтъ, что ты болтаешь, Измайлуша! Ты ѣдешь изъ Вѣны! — Совершенная правда, ѣду изъ Вѣны и пишу изъ Вѣны, не выѣхавши еще изъ Вѣны. Я сижу теперь въ корчмѣ. Фурманы Краинцы наполняютъ столъ, потчуютъ и меня, и я ихъ потчую, а между тѣмъ записываю и пѣсню, которую они поютъ. Кстати арфистъ и скрипачь: я къ нимъ, прошу играть польку, прошу по Чешски, зная навѣрно, что арфистъ Чехъ. Полька заигралась, Краинцы изъ-за стола, и плясать: поняли, что заиграли родное, хоть и не Краинское.— Да гдѣ же дилижансъ, лошади, кучеръ, кондукторъ? Ихъ нѣтъ. — А компаньонка? Она тутъ-жо въ корчмѣ, сидитъ и тоже пьетъ вино. Вотъ въ чемъ дѣло: ѣхали мы, ѣхали, болтали, молились; вдругъ карета начинаетъ медленно склоняться на мою сторону, прежде немного, потомъ все болѣе, болѣе,— и я, не двигаясь, не пошевеля ни пальцемъ, изъ сидячаго положенія принялъ очень покойное лежачее; компаньонка моя тоже, но не на меня, а рядомъ. И лежимъ. Зачѣмъ лежимъ, зачѣмъ не двигаемся—сами не знаемъ. Наконецъ сверху, т. е. изъ окна, показывается рука и предлагаетъ помощь. Моя дама поднимается и вылѣзаетъ; я за нею. Вышло, что ось переломилась, карета опрокинулась. Выходить было неловко, будто изъ юрты; а лежать ничего. Вылѣзши, спрашиваю, нѣтъ ли по близости гастгофа, куда бы отвести мою испуганную даму: отвелъ, сбрызнулъ водою, положилъ на скамью,— и самъ къ Краинцамъ. Почтальонъ поскакалъ съ письмами впередъ; кондукторъ пошелъ за новымъ экипажемъ. Ждемъ, да и ждемъ. Краинцы уже

выбрались спать; а я за портфейль,—и вотъ записалъ знаменитый выѣздъ изъ Вѣны. «Не даромъ я говорила, что сегодня пятница», замѣтила моя шинёра. А я такъ все въ пятницу выѣзжаю: и изъ Праги въ пятницу, и изъ Брюна въ пятницу, и изъ Вѣны въ пятницу.

Штирія. Градецъ Нѣмецкій (Grätz) 28 февраля.

Вчера въ половинѣ 10-го вечеромъ пріѣхали мы сюда, надобно было бы пріѣхать къ 7, но третьегоднишнее паденіе помѣшало. Прошлую ночь я проспалъ; мы поднимались на горы, спускались съ горъ,—ничего не знаю. На утро гляжу: горы на лѣво, горы на право, горы у дороги, изъ за нихъ другія вдали, горы высокія, пирамидальныя. Теперь онѣ покрыты снѣгомъ, и подъ лучами солнца рисуются живописно. Утромъ дорога шла по берегу Мурицы, послѣ обѣда по берегу Муры: текутъ быстро, гремя по камнямъ, и зелены (водою), и уже текутъ. Сельскіе домики деревянные съ маленькими окошечками. Городки очень часто. Народъ малорослой. Горластыхъ, у которыхъ горло вдвое больше головы, много; не мало и кретиновъ. На головахъ женщинъ бархатныя шапки въ родѣ мужскихъ, такія  По горамъ видны развалины замковъ. Изъ видовъ всего чаще такіе:

Еще вчера я заказалъ лондинеру, что-бы онъ узналъ, гдѣ живетъ Славян. профессоръ Квасъ: онъ распрашивалъ и не узналъ. Пошелъ я самъ справиться въ Университетѣ. Что-же! два часа искалъ Университетъ,—не нашелъ: одного спрашиваю, гдѣ—не знаетъ; другого—проводилъ въ полицію, третьяго—завелъ въ театръ, четвертаго—указалъ на губернаторскій домъ; а Университета все нѣтъ. Къ счастію я самъ замѣтилъ какую-то латинскую надпись и на ней inventus или что-то такое. Пошелъ туда и нашелъ универ. библіотеку. Она была отперта, и библіотекарь былъ такъ добръ, что обѣщалъ мнѣ все Теперь я воротился изъ Іоаннеума, прекраснаго заведенія въ пользу просвѣщающихся; иду въ театръ, что-бы только познакомиться съ публикою.

Вотъ я и воротился. Играли Раупахова Мельника. Мельникъ—старикъ, богачь, скряга; у мельника дочь, влюбленная въ бѣдняка. Отецъ при смерти; но готовъ скорѣе проклясть дочь, нежели позволить ей выдти за бѣдняка. Тутъ начало, тутъ и конецъ: мельникъ умираетъ, дочь его—тоже. Для прикрасы вставлено преданіе, что въ Сильвестровъ вечеръ, въ полночь можно видѣть всѣхъ, кто умретъ въ будущій годъ. Пьеса безъ идеи, безъ значенія, безъ связи. Играли только что порядочно. Между актрисами есть одна по имени Варгафтская: это было бы по русски Справедливерова. Театръ—прекрасное зданіе, хоть для Вѣны. Кулисы—гадость. —

Самъ Градецъ—40.000 жит.; 4 предмѣстія. Кругомъ горы. Въ самомъ городѣ гора вышиною выше Хорошевской [1]), и круче. Изъ мостовъ черезъ Муру—одинъ цѣпной прекрасной. Улицы узкія, домовъ большихъ много, много и маленькихъ, даже отдѣльно стоящихъ. Лѣтомъ тутъ рай: окрестности безподобны, живописны, веселы, разнообразны. А теперь все подъ снѣгомъ, только что начинаетъ таять.

О руководствахъ для А. Л. М. [2]) я право ничего не могу сказать, новаго хорошаго ничего нѣтъ.

Марбургъ. 9 мар.

«Гдѣ это?»—Въ той же Штиріи. Вы сыщите его на картѣ, на рѣкѣ Дравѣ, ниже Градца. Я пріѣхалъ сюда третьяго дни вечеромъ. Ѣхалъ медленно—9 миль цѣлой день,—но очень полезно и пріятно провелъ я этотъ день. До того мѣста, гдѣ Мура поворачиваетъ на востокъ, ѣхалъ я по Нѣмеціи, но уже встрѣчалъ многихъ Славянъ. Переѣхавши черезъ Муру, я увидѣлъ передъ собою такъ наз. Виндскіе Бугры (Windische Büheln), холмы, покрытые виноградными садами. Тутъ живутъ Горчане. Одежда мужчинъ и женщинъ, какъ въ Чехіи; но языкъ совершенно другой: я говорилъ съ ними по Русски, ломая удареніе,—и они понимали меня лучше, нежели я ихъ.

---

[1]) Около Харькова.

[2]) Амвросій Лукьяновичъ Метлинскій.

Марбургъ маленькой, но лучшій городокъ послѣ Греца въ Штиріи. Положеніе прекрасное. Драва съ высокими гористыми берегами, горы кругомъ. Въ самомъ городкѣ есть хорошенькіе домики, но улицы теперь нечисты. Трактиры, судя по лучшему, въ которомъ я остановился, подъ вывѣскою Золотого Оленя, плохи: моя комната и прямо съ надворья, и мала, и даетъ банной теплоты на два часа, а потомъ похолодѣетъ. Время я провожу, впрочемъ, хорошо. Тутъ я нашелъ д-ра Пуфа, Нѣмца, до безумія влюбленнаго въ Славянъ, и познакомился съ нимъ сѣмейно. Вчера вмѣстѣ съ нимъ ѣздили мы въ селеніе Лембахъ, къ пастору Цвѣтку; а сегодня я у него провелъ почти цѣлой день: записывалъ отъ служанки его Штирійскія пѣсни, учился танцовать по Штирійски и т. д. Она премилая дѣвушка и хохочетъ отъ радости, что понимаетъ человѣка, пріѣхавшаго сюда изъ за 300 миль. Жена Пуфа плохо понимаетъ по Виндски, но поетъ пѣсни наизустъ, и записала мнѣ два мотива.—Какая досада, что еще не весна: нельзя пѣшкомъ ходить; а стоило бы.

Свѣтлое Воскресенье. 12-е.

(Gross Sontag, Velika nedelja)

Тутъ я у пастора Дайнка, одного изъ плодовитѣйшихъ писателей Штирскихъ: онъ тутъ священникъ благочинный (Деканъ). Принятъ я по Славянски, и собираю что можно въ свой портфейль. Изъ Марбурга поѣхалъ въ Птую (Pettau), тоже на Дравѣ, и потомъ сюда. Отсюда загляну на Венгер. границы, и потомъ въ Кроацію. Природа уже развивается: луга зелены, виноградъ обрѣзываютъ, солнце свѣтитъ жарко.

Странно мнѣ было въ первый разъ взглянуть на здѣшняго Штирца. Бородку бы ему да штаны въ сапоги, такъ и былъ бы Русскій мужичокъ; а рубаха по нашему спущена и перепоясана тонкимъ пояскомъ. Головы женщинъ, какъ и въ Малороссіи: замужнія въ очепкахъ, дѣвушки въ лентахъ. Курныхъ избъ довольно, какъ и между Нѣмцами въ сѣверн. Штиріи; впрочемъ разрисованы какъ въ Великороссіи и выбѣлены какъ въ Малороссіи. Мѣста чудесныя. Мы ходили съ Дайнкомъ на одну виноградную гору любоваться, и точно есть, чѣмъ любоваться. У ногъ широко разстилается Птуйское поле, вдали блещетъ Драва, а за Дравой бѣлѣютъ подъ снѣгомъ горы, далѣе и далѣе однѣ изъ за другихъ, и въ самой дали блещутъ снѣжные Каринтійскіе Альпы.

Вино ни почемъ: 10 коп. бутылка, и прекрасное. Меня поятъ; я впрочемъ остерегаюсь. Красной носъ: это чего нибудь стоитъ.

Я ничего не сказалъ о Птуѣ: маленькій, порядочной городъ. Много Римскихъ древностей. Гостепріимство тамошнихъ духовныхъ, съ которыми я

познакомился, перешло за границы: я пилъ кофе, я обѣдалъ, я пилъ вино, я курилъ цигары, я ужиналъ—все въ кофейняхъ,—и они не позволили мнѣ заплатить ни копейки.

Кроація. Загребъ (Agram). 17-е.

Сюда я пріѣхалъ изъ Вараздина, куда пріѣхалъ изъ Фридау. До Вараздина довезъ меня Дайнко; а тутъ я нанялъ гелегенгейтъ, т. е. извощика, за 8 двугривенныхъ. Не дорого: отъ Вараздина до Загреба 10 миль, 70 верстъ. Ѣхали цѣлый день до полночи, сначала по величественной Дравской долинѣ, потомъ по горамъ. Останавливались 3 раза кормить лошадей,—и я издержалъ еще двугривенный на вино: мужички его пили на мое здоровье, и пѣли мнѣ пѣсни, разсказывали разныя разности, и пр.—На другое утро, я отправился къ Гаю [1]): стоило мнѣ сказать, что я Русскій и Срезневскій, какъ меня и Гай, и другіе, бывшіе у него, давай цѣловать, обнимать. Они меня не ждали: Шафарикъ писалъ имъ, что я буду въ Загребъ изъ Далмаціи. Весь день провели вмѣстѣ. Гай предводитель здѣшняго Славянства, и въ 6 лѣтъ успѣлъ сдѣлать, что все и гражданство и дворянство стало говорить по Славянски. На другой день разболѣлись у меня зубы,—и я вотъ второй день не выхожу изъ дому. Не остаюсь однако одинъ: до сихъ поръ перебывало у меня новыхъ знакомыхъ человѣкъ до 15. Гай былъ прошлымъ лѣтомъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ, восхитился Россіей [2]) и теперь восхищаетъ другихъ. Вотъ почему такое вниманіе и ко мнѣ. Хотятъ даже дать для меня еще разъ оперу Гризельду, которую играли прошлый четвергъ и сыграли неожиданно хорошо. Я говорю тутъ по Русски, и меня понимаютъ очень хорошо. Ну, ученымъ людямъ, куда бы ни шло; а то вотъ что меня разсмѣшило: третьяго дни ходили мы за городъ. Идемъ, идетъ Хорватъ. Я къ нему—и по Русски: все понимаетъ. Сопутники мои хохочутъ, что мы такъ легко разговариваемъ другъ съ другомъ, и спрашиваютъ Хорвата, откуда бы могъ я быть?—Хорватъ.—Да развѣ я говорю по Хорватки?—Да, по Хорватски.—Можетъ быть по Краински (изъ корол. Иллиріи)? — Нѣтъ, не по Краински: Краньца самъ бѣсъ не разберетъ, какъ станетъ говорить; а этого господина я разумѣю.—И я же говорилъ, не ломая языка, а просто по Русски, по Московски.

Только, что я дописалъ это, какъ приходитъ Вразъ, и приноситъ ваше письмо отъ 10 февр. То-то была радость! Я вчера посылалъ на почту узнать, нѣтъ ли мнѣ письма: нѣтъ. Я не зналъ, что и думать. Зубы болятъ, а къ тому

---

1) Знаменитый д-ръ Людевитъ Гай (1809—1872).

2) Объ этомъ путешествіи Гая см. у Н. П. Барсукова: Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 444 и слѣд.

же грустно: я цѣлую ночь то и дѣло потушу свѣчу, да опять зажгу. Ну, слава Богу: вы здоровы, и братъ у васъ. Но скажите, душенька Маменька, ужели къ вамъ не доходили мои письма? Я, правда, сталъ рѣже писать, но все же каждый мѣсяцъ пишу, и если рѣже пишу, то вовсе не отъ лѣни. Куда мнѣ адресовать слѣд. письма? Въ Харьковъ или въ Кіевъ? Я такъ думаю сдѣлать: слѣдующее напишу кому нибудь изъ моихъ Харьковскихъ пріятелей; а когда получу отъ васъ вѣсть, то буду писать, куда назначите. Вы адресуйте Гаю: онъ будетъ мнѣ пересылать.

Какъ жизнь дешева въ Загребѣ: въ гостинницахъ обѣдаютъ за общимъ столомъ, подается 6—7 прекрасныхъ блюдъ, и платится 30 коп. сереб.

Темнѣетъ. Прилягу. Сегодня мнѣ лучше: но еще слабъ. Какъ я счастливъ, что пріѣхалъ лечиться сюда—къ роднымъ. А пріѣхалъ я случайно: я хотѣлъ прежде изъ Марбурга ѣхать въ Любляны (Лайбахъ). Все къ лучшему.

Прощайте, душенька Маменька.

Скажите Амвросію Лукіановичу, что-бы онъ на меня не сердился. Я люблю его, какъ любилъ, и не стою перемѣны *ты* на *вы*: скажи прямо, а не выкай [1]).

XLVII.

№ 37. 20-е марта. Омилье.

Помѣщичій домикъ на полугорѣ, за нимъ и кругомъ горы, подъ нимъ долина; всюду вокругъ виноградники, и тамъ и здѣсь разсѣяны сельскіе домики. Домикъ небольшой, но мило уютной; въ нижнемъ ярусѣ столовая, кабинетъ хозяина, кухня, чуланы; въ верхнемъ—небольшая гостинная, двѣ большихъ спальни по бокамъ и дѣвичья; въ сторонѣ отъ домика хозяйственныя пристройки. Прислуга большею частію мужеская. Небольшое сѣмейство хозяина увеличилось гостями: мы съ Вразомъ на одну ночь, другіе останутся на долѣе; между ними есть и одна дама, сосѣдняя помѣщица, захворавшая и живущая, какъ у себя дома. Мы съ Вразомъ ѣдемъ въ Загорье, и уже у горъ. Тотчасъ послѣ обѣда и въ путь.

Быстрица. 20—22.

Верхомъ на лошадяхъ или, лучше сказать, клячахъ тащились мы по горамъ въ Быстрицу. Дорога вьется, поднимается и опускается, то скроется въ лѣсу, то раскроетъ передъ нами широкій прекрасной видъ на горы и отдаленности, дорожка, а не дорога, то каменистая, то грязная. Мы тащимся; два Хорвата, въ широкополыхъ шляпахъ и кабаницахъ (свитахъ), изъ-за ко-

[1]) Приписка на полѣ (говорится объ А. Л. Метлинскомъ).

торыхъ видна рубаха, спущенная по Великорусски сверхъ широкихъ шароваръ, идутъ пѣшкомъ. Тащились мы, тащились, къ вечеру мелькнула намъ изъ за деревьевъ, съ горъ въ долину Быстрица; часу въ 8-мъ мы были тутъ.

Въ Быстрицѣ есть чудотворная статуя Божіей Матери и при церкви аббатство. Мы пошли къ аббату, прямо къ нему, остановились у него ночевать, быть у него въ гостяхъ все время, пока останемся въ Быстрицѣ. Добрый, почтенной старикъ принялъ насъ радушно, радовался, что принимаетъ Русскаго, надарилъ мнѣ разныхъ книжекъ, между прочимъ и вамъ, милая маменька, велѣлъ передать одинъ образокъ Божіей Матери Быстрицкой, оттиснутый на атласѣ. Быстрица знаменита тѣмъ, что сюда стекаются молельщики со всѣхъ Австрійско-Славянскихъ земель, и Римской, и Греческой вѣры, и аббатъ, хоть и самъ католикъ, но еще болѣе христіанинъ, и глядитъ на различіе между католицизмомъ и православіемъ, какъ на мелочь, желая отъ души соединенія ихъ вольнаго, безъ всякихъ папъ.

Крапина. 23-е.

Мнѣ снилась сегодня одна старушка, о которой я забылъ вамъ написать: это домоуправительница въ аббатствѣ. Предобрая старушка. Смотритъ на меня и смѣется: ей все кажется страннымъ, удивительнымъ, непонятнымъ, что я странникъ изъ за 250 миль, говоря съ нею на своемъ родномъ языкѣ, могу быть ей понятенъ. Еще не успѣетъ окончить своего вопроса мнѣ и уже смѣется, а потомъ промолвитъ про себя: «чудно! чудно!»—Такъ она мнѣ и снилась: стоитъ, сложа руки, передо мною, смотритъ на меня да смѣется.—Еще я забылъ сказать вамъ, что я въ Крапинѣ танцовалъ. «Съ кѣмъ?» Все своя братія: Вразъ, одинъ помѣщикъ, провожавшій меня до Быстрицы, мужъ больной дамы, да еще сыскался въ аббатствѣ нѣкій отставной майоръ, живущій то тутъ, то тамъ насчетъ правъ гостепріимства. И славно танцовали.

Плотно позавтракавши, мы сѣли на форшпангъ и далѣе въ Крапину. По дорогѣ заѣзжали къ одному помѣщику, застали не его, а его молодую жену, которая насъ угостила обѣдомъ, улыбками, выкрутасами въ родѣ «ничего-съ, помилуйте», впрочемъ, очень милыми.

А вотъ теперь мы въ Крапинѣ. Съ одной стороны гора и на ней развалины стараго замка Крапины, гдѣ когда-то живали, какъ говоритъ преданіе, Чехъ, Лехъ и Мехъ; съ другой стороны гора и на ней слѣды развалинъ другаго стараго замка Псари; между ними по узкой долинѣ улица съ домиками и двѣ церкви на пригоркахъ; въ одну сторону долина расширяется и выказываетъ горы за горами, въ другую сужается и пропадаетъ въ горахъ: вотъ это городокъ Крапина со своими окрестностями. Уединенное,

завидное мѣсто. Мы таскались по горамъ, по развалинамъ замковъ, слушали преданія, записывали пѣсни, и пр.

25-е. Корчма у Яковля.

Тутъ мы ночуемъ. Ждали, ждали форшпанга, и не дождались. Форшпангомъ называется во всей Венгріи нѣчто въ родѣ почты: телѣга, цугъ лошадей; на одной изъ нихъ сидитъ кучеръ, на козлахъ, сложивши руки, помощникъ его; каждую станцію телѣга и все перемѣняется; за станцію отъ лошади платится отъ 15 до 20 крейцеровъ серебра. Мужики поютъ, дѣвки кричатъ; дымъ изъ кухни за неимѣніемъ трубы валитъ въ сѣни и изъ сѣней въ поле; наша комната впрочемъ чиста.

27-е. Загребъ.

Сажусь сегодня за столъ обѣдать, снимаю салфетку съ прибора,—глядь—пакетъ, и на немъ женскою рукою «Izmaelju Ivanovicu Sreznjevskomu». Что это такое?—Вы не угадаете.—Это подарокъ сестры больной дамы, миленькой Загорки; это—каламанакъ Иллирскій, шапка въ родѣ калпака, красная суконная, серебромъ вышитая съ Иллирскимъ гербомъ (молодой мѣсяцъ и денница). Она (Драгоила Степановна) обѣщала мнѣ и исполнила обѣщаніе. —

Загребъ. Суббота

Сегодня я былъ въ Саборѣ, т. е. въ торжественномъ засѣданіи Читальницы Загребской. Къ пяти часамъ зала наполнилась: тутъ былъ между прочимъ графъ Янко Драшковичъ—Президентъ, Загреб. Жупанъ Зденчай, Вицебанъ, графъ Оршичъ и пр. и пр. Дѣло шло о покупкѣ дома для народ. Иллирскаго театра, гдѣ могла бы помѣщаться и библіотека Читальницы, зала для Ученаго Общества и т. д. Проэктъ прочтенъ, и всѣми одобренъ. Стали выбирать членовъ для непосредств. веденія этого дѣла. И тутъ обошлось безъ споровъ: Драшковичъ произносилъ имя, и все начинало кричать «Богъ да живи» (Да здравствуетъ). Изумительно, какъ Гай могъ и умѣлъ сосредоточить частныя, себялюбивыя воли въ одну общую «домородную» (патріотическую волю): проэктъ писалъ Гай, и все, что онъ предложитъ, считается святостію. Подумаешь, Гай старикъ; а онъ молодой, прекрасный собою человѣкъ.

Изъ Сабора—въ театръ: давали двѣ пьесы по Нѣмецки и одну по Иллирски. Зрителей было мало. Большіе актеры играли плохо; но за то дитя 6—7 лѣтъ Пепи Всисъ—превосходно.

Воскресенье.

Цѣлой день до вечера книги въ руки не бралъ. Въ 10-мъ часу пришолъ Бабукичь [1]),—и мы пошли съ нимъ къ Зденчаю. Почтенный старикъ, домородецъ, любитъ Русскихъ всею душою, читалъ и имѣетъ Карамзина, Пушкина и пр. Онъ пригласилъ меня обѣдать на сегодня.--Отъ него—къ Драшковичу. Опять почтенный старикъ, домородецъ, Славянинъ въ полномъ смыслѣ слова. Заговоривши со мною объ отношеніяхъ между Русскими и Поляками, онъ заплакалъ; «Боже мой! когда же наступитъ время, что всѣ мы—братья, Славяне,—подадимъ братскія руки другъ другу».—Вообще здѣсь всѣ домородцы бредятъ о соединеніи Славянъ,—и любимая пѣсня ихъ—

Боже, сложи све Славене,
Да имъ слава не повене.

Отъ Драшковича—въ Уніатскую церковь: богослуженіе на Славянскомъ языкѣ, какъ у насъ. Изъ Уніатской—въ Православную. Тутъ служба какъ у насъ, пѣсни какъ у старообрядцевъ нашихъ. Къ хору дьячковъ присоединяются и многіе мужчины. Женщины стоятъ сзади. Кругомъ церкви мѣста для стоянья, какъ въ монастыряхъ. Церковь маленькая, но чистенькая. При церкви училище въ родѣ Семинаріи. Далѣе пошли къ цензору. Потомъ—обѣдать въ Иллирскую народную кофейню, какъ обыкновенно. Сюда въ 2 часа пришолъ одинъ молодой священникъ и просилъ, что-бы я «удостоилъ» посѣтить Семинарію, гдѣ меня ждутъ съ нетерпѣніемъ семинаристы. Я пошелъ. Толпа молодыхъ людей меня окружила, глядя на меня во всѣ глаза. Одинъ сказалъ что-то въ родѣ поздравительной рѣчи,—и потомъ начали мнѣ хвалиться, что они учатся разнымъ Слав. языкамъ, одни—Чешскому, другіе—Русскому. По Русски учатся больше всего и съ удивительной ревностію. О домородствѣ ихъ нѣчего и говорить. И, хоть католики, настолько же уважаютъ православіе, какъ вообще всѣ домородцы здѣшніе. Оттуда—въ Соборъ: прекрасное зданіе (внутри), чистое, безъ излишнихъ католич. украшеній. Оттуда—на конецъ города къ церкви, не знаю какой по имени. Она окружена лугомъ и садомъ. Сюда имѣютъ обычай собираться гулять по воскресеньямъ въ продолженіе Великаго Поста. Передъ церковью лавки съ пряниками. Подалѣе нищіе. Народу всѣхъ сословій множество. Дамы Загребскія не отличаются вкусомъ: пестро, вычурно, дико. Оттуда—къ Гаю; онъ былъ эти дни боленъ; теперь ему лучше. Читали отрывки изъ описанія Босніи, составленнаго однимъ Босн. монахомъ. Превосходное описаніе.—Неуспѣлъ прійдти домой, какъ явились ко

[1]) Одинъ изъ дѣятелей иллирскаго возрожденія.

мнѣ студенты Академіи, которымъ я на дняхъ показывалъ правила Русскаго чтенія. Ревность въ изученіи Русскаго языка страшная. Нашего царя любятъ, какъ Бога, Русскихъ—не меньше. Если такъ пойдетъ дальше, то я не знаю, что будетъ черезъ 20 лѣтъ. Не только тутъ, но во всей Кроаціи, Славоніи, отчасти въ Далмаціи и далѣе все молодое поколѣніе за Русскихъ. Мадьяры напротивъ боятся и ненавидятъ насъ. Меня многіе увѣряютъ, что я составляю теперь въ Загребѣ одинъ изъ главныхъ предметовъ разговора: одни за меня, другіе противу меня. Никто только не воображалъ, что я такой маленькой ростомъ: всѣ тутъ воображаютъ Русскаго великаномъ, голова подъ потолокъ. Вечеръ мой обыкновенно оканчивается въ Иллирской кофейнѣ, гдѣ собираются литераторы.—

Вторникъ.

Воротился изъ Иллирскаго театра: давали Анджело Викторъ Гюго. Играли хорошо; страненъ только выборъ пьесы. Сначала я сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, а потомъ въ ложѣ знакомаго доктора, съ его молоденькими сестрицами: сами зазвали. Премиленькія и предобренькія Хорватки. Завтра въ путь.— Прощайте!

И. Срез.

XLVIII.

№ 38. Юрово на Краинской Границѣ. 2-е Апрѣля.

Я согласился съ Вразомъ путешествовать вмѣстѣ по Краинѣ и Каринтіи, и путешествіе наше началось. 31-го Марта мы выѣхали изъ Загреба въ Карловецъ (по Нѣм. Карлштадтъ—вы найдете его на югъ отъ Загреба). Въ Карловцѣ уже насъ ожидали,—и вечеромъ пито было шампанское за здоровье всѣхъ и каждаго, пѣты пѣсни патріотическія, народныя и т. п.; на другой день намъ показали библіотеку тамошней «Читальницы» (какъ тутъ называютъ кабинетъ для чтенія), и пр. И въ Карловцѣ, какъ въ Загребѣ, домородство цвѣтетъ и уважается: вотъ почему и мы были принимаемы такъ «уважительно». На другой день послѣ обѣда (то есть вчера) мы поѣхали въ Юрово. Это—имѣніе одного изъ Карловецкихъ домородцевъ, Враницара, имѣніе богатое, прекрасное, гдѣ управителю приказано было принять насъ, какъ слѣдуетъ. Безъ шампанскаго не обошлось и тутъ. Сегодня утромъ забрались мы въ хату одного изъ селянъ и съ помощію «свѣтлыхъ грошей» и кусочковъ сахара, успѣли записать много всякой всячины. Дѣтей, дѣвушекъ, старухъ набралась полная хата: одни изъ-за другихъ, прячась другъ за друга, глядѣли они на насъ, и много было съ ними возни, пока у нихъ развязались языки.

Народъ тутъ бѣденъ, живетъ не такъ чисто, какъ въ Украинѣ, но добръ, простодушенъ, и только потому боится одѣтыхъ по Нѣмецки, что считаетъ всѣхъ такихъ за Нѣмцевъ.—Послѣ обѣда мы ѣздили черезъ границу Краинскую въ городокъ Метлику (Metling). На горѣ, разбитой пополамъ оврагомъ, нанизаны домики каменные и деревянные, большею частью нечистые, между ними церковь, а подлѣ нея приходской домъ: вотъ и весь городокъ. Тутъ ходили мы къ Декану (благочинному), а развѣдавши отъ него все, что было можно объ окрестныхъ жителяхъ, пошли въ кофейню, и тутъ набрали всего съ три короба. Кафеджіа самъ любитель пѣсенъ, самъ Краинецъ, имѣетъ 70 лѣтнюю мать, простую, предобрую старушку, да назвалъ одѣтыхъ по праздничному дѣвушекъ и женщинъ, стариковъ, знающихъ преданія: отъ 4 до 9 то и дѣла было, что записывать да рисовать [1]). Нарѣчіе тутъ еще не чистое Краинское; какъ бы то ни было, я преспокойно говорю по Русски, т. е. по Великорусски, и меня понимаютъ. Личикъ хорошенькихъ много: карія глазенки, улыбка на лицѣ, что-то хитренькое въ минѣ,—все это идетъ къ бѣленькому лицу, остренькому носику, узенькому подбородку и губамъ à la Алёна Романовна [2]). И вотъ какъ такое дѣвичье личико украшаетъ себя: коса вся подобрана сзади подъ мѣдную иглу въ родѣ дощечки и вложена клубкомъ въ вѣнокъ изъ разноцвѣтныхъ лентъ, къ которому на затылкѣ привязанъ цѣлый пукъ широкихъ разноцвѣтныхъ лентъ длиною четверти въ полторы; вѣнокъ очень малъ, такъ что покрываетъ голову только сзади, а съ переди по лбу и вокругъ всей головы идетъ парта красная суконная, въ полтора пальца узенькая, искусно вышитая бисеромъ и выложенная разноцвѣтными камнями. Все это очень мило.

Новое мѣсто (Neustadt) 3-го Апрѣля.

Сегодня опять счастливый день, счастливый, потому что многое успѣлось записать въ путевую книжку. Пріѣхавши опять въ Метлику мы пересѣли на другую тележку и поѣхали въ горы. Эти пограничныя Краинскія горы между Самоборомъ и Метликой называются Ускоцкими, по имени Ускоковъ, въ нихъ живущихъ. Горы высокія, дикія, каменистыя, на вершинахъ заросшія непроходимымъ лѣсомъ, по отлогостямъ кое-гдѣ покрытыя травою, кое-гдѣ совершенно голыя; между ними увалы и долины; на нихъ кое-гдѣ нивы, еще рѣже виноградники; кое-гдѣ стоитъ церковка; тамъ и сямъ то разбросанно, то

---

[1]) Въ путевыхъ бумагахъ И. И. Срезневскаго сохранилось значительное количество рисунковъ, главнымъ образомъ относящихся до этнографіи славянскихъ земель.

[2]) Е. Р. Шидловская—Харьковская помѣщица.

стѣснившись стоятъ хижины; и тутъ и тамъ пасутся овцы, и пастушокъ, сидя гдѣ-нибудь высоко на камнѣ, уныло поетъ «юнацкую» пѣсню, воспоминая въ ней о Маркѣ Кралевичѣ, Матвѣѣ Корвинѣ или Іоаннѣ Гуніадѣ. А вонъ у ручья, спадающаго съ горъ, стоитъ съ ведрицею дѣвушка, красная шапочка (капа) на головѣ; двѣ переднія коски и большая коса сплетены сзади въ одну и падаютъ по спинѣ широкой лентой, къ которой съ конца привязанъ уплѣтакъ изъ костей и стекляруса; кошуля съ широкими рукавами вышита на груди красными и синими нитками; широкій красный поясъ обхватываетъ талью, и спереди внизъ отъ нея виситъ красная прегача въ родѣ передника, снизу отороченная широкою бахрамою; изъ-за нея видны красные чулки, а сверху «постолы» на высокихъ узенькихъ клобучкахъ. Глаза и волосы черны какъ смоль, лицо смугло какъ у Итальянки; выраженіе лица добро, но гордо. Къ ней подошелъ «юнакъ» въ бѣлыхъ узкихъ лачахъ, въ мествахъ (полусапожкахъ), въ голубомъ плащѣ, изъ-за котораго виднѣется бѣлый долманъ, и въ широкополой шляпѣ. Она улыбнулась, взнесла ведрицу на голову, и пошла къ своей кучѣ [1]). Въ этой кучѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, большія сѣни съ печью, изъ которой дымъ идетъ черезъ потолокъ и кровлю; на одну сторону ихъ чуланъ, на другую изба, маленькая, съ туловищемъ печи, около котораго какъ мухи, сидятъ однѣ надъ другими дѣти, съ лавками вокругъ, со столомъ на извѣстномъ мѣстѣ, съ тремя маленькими оконцами и т. д. Въ этой кучѣ вы увидите много женщинъ, много дѣтей, нѣсколько стариковъ, и рѣдко, рѣдко свѣжаго человѣка, потому что все не состарѣвшееся отправляетъ военную службу, потому что всѣ Ускоки принадлежатъ къ военнымъ поселеніямъ. Не мудрено, что они бѣдны: обработывать полей, и вообще промышлять нѣкому, а военный поселенецъ Австрійской кромѣ того, что лишаетъ свою сѣмью работника, да сверхъ того еще долженъ самъ себя кормить, и за то не получаетъ отъ царя ничего. Къ этимъ то Ускокамъ мы поѣхали сегодня. Доѣхавши до деревни Храстъ, мы пошли пѣшкомъ къ священнику въ другую деревню, не застали его дома и вошли въ ближнюю хату. Обдѣливши дѣтей леденцомъ, мы освободились отъ застѣнчивости этихъ добрыхъ людей. Они не знали, какъ насъ посадить, какъ насъ угостить. Тотчасъ явились яйцы въ смятку, вино; но всего дороже намъ было ихъ радушіе. Они—Грекороссіяне, или, какъ ихъ называютъ Краинцы, Влахи, и старухи чуть не плакали, когда услышали отъ меня «Отче нашъ» слово въ слово и буква въ букву, какъ сами его читаютъ. Пошли разсказы, пѣсни.—Священникъ между тѣмъ воротился домой, искалъ насъ, насилу нашелъ, позвалъ къ себѣ, угостилъ, опять разсказывалъ кое-что. Часу въ 3-мъ мы отправились назадъ въ

[1]) Серб. кућа—домъ.

Храстъ, и поѣхали далѣе по Ускоцкимъ горамъ, по дорогѣ къ Новому мѣсту. Дорога—сначала все вверхъ и раскрыла предъ нами дивный видъ на отдаленности; потомъ—все внизъ, извиваясь какъ змѣя между холмовъ и удолій.

Теперь мы сидимъ за однимъ столомъ въ гостинницѣ у Солнца и пишемъ. Уже поздно: 10-й въ исходѣ. Мы уморились, собираемся спать.—Добрую ночь и вамъ, милая маменька и милой братъ. Начинается страшная недѣля. Вы можетъ быть говѣете: поговѣйте и за меня.

Любляны (Laibach). 5-е Апрѣля.

Вотъ я и тутъ. До 3-хъ часовъ, пока раскроется почтовая канцелярія я напишу нѣсколько словъ о нашемъ переѣздѣ сюда; а потомъ пойду на почту, спросить, нѣтъ ли мнѣ письма отъ милой маменьки.—Дорога превосходная, очаровательная: горы да горы, виды да виды; по горамъ и въ долинахъ старые и новые замки, церкви, деревни; народъ одѣтъ чисто, опрятно, Мицки (Машеньки=дѣвушки) такія хорошенькія, и все, все такъ мило, что десять разъ можно проѣхать по этой дорогѣ съ одинакимъ удовольствіемъ. Одна досада: когда я читаю Краинскую книгу, понимаю почти все, развѣ какое нибудь слово заставитъ задуматься, а слушаю, когда говорятъ, какъ ни слушаю, какъ ни вслушиваюсь, такъ развѣ десятое слово разберу. Удареніе дивное, большая половина гласныхъ проглочены, другія измѣнены. Досада, да и только. А языкъ, особенно когда говоритъ имъ хорошенькая Мицка, очень пріятенъ для слуха. Такъ пойду же на почту.

Пошелъ и получилъ: только 5 дней лежало тутъ на почтѣ ваше письмо. Я читалъ его, и плакалъ, право плакалъ. Я чувствовалъ себя и счастливымъ, радуясь вашимъ счастіемъ,—и несчастнымъ, что не могу быть вмѣстѣ съ вами. Я вижу, братъ сдѣлался хозяйкою; мы бы не поссорились, дѣлясь съ нимъ этими трудами. Можетъ быть поспорили бы съ нимъ о Славянахъ; да ужъ потомъ бы навѣрно помирились. И ты, душа моя братъ, полюбилъ бы ихъ, какъ они того стоятъ; и ты бы принялъ сердечное участіе въ ихъ пробужденіи отъ сна. А говорить, разсказывать—это и по нашей части, милая маменька: мнѣ теперь кажется, что нашимъ взаимнымъ вопросамъ и отвѣтамъ и конца бы не было. Впрочемъ меня теперь занимаетъ и уже издавна—знаете ли что?—Надобно намъ всѣмъ тремъ прокатиться напримѣръ такъ: изъ Россіи въ Варшаву, оттуда въ Берлинъ, потомъ въ Дрезденъ, Прагу, Мюнхенъ, потомъ въ Вѣну, потомъ въ Пестъ, Лембергъ и домой. Будемъ объ этомъ думать, собираться, соберемся—и въ путь. На это не надобно много

денегъ: 1500 довольно на 3 мѣсяца, если ничего не покупать, для всѣхъ трехъ. Богъ дастъ года черезъ два-три мы успѣемъ это привести въ исполненіе. А какъ бы это хорошо было! Я бы повторялъ впечатлѣнія и былъ бы вашимъ проводникомъ.

Что же касается до теперешняго окончанія моего путешествія, то я еще ничего не знаю. Во всякомъ случаѣ, милая маменька, я пріѣду къ вамъ въ Кіевъ, и, если поѣду черезъ Петербургъ, то буду просить о переводѣ въ Кіев. Университетъ. Это было бы для меня лучше во многихъ отношеніяхъ. Что же до совѣтовъ съ моей стороны, то, душенька маменька и душенька братъ, вы были, кажется, всегда увѣрены, что я всегда душевно радовался всему, что вы найдете хорошимъ. Полученіе пенсіи только не откладывайте на долгое время: для нея существуетъ какая то давность: лучше брать хоть по немногу. Но ваши глаза, милая маменька! Меня это мучитъ. Пожалуйста, не читайте вечеромъ; братъ же такой доброй: онъ будетъ вамъ читать.

Гусситская пѣсня написана Листомъ. Я было купилъ, чтобы послать вамъ, но варіаціи такъ трудны, что я считалъ это напраснымъ (и Томашекъ не могъ ихъ играть) и подарилъ одной дѣвушкѣ въ Прагѣ, вмѣсто подарка на новый годъ. Вы не будете за это на меня сердиться!

Настья и Зиновья, какъ пишешь ты, чудо дѣвки. Только я имѣю право завидовать: тебѣ она вывязала 14 паръ; а мнѣ вѣрно ни одной.—А что если бы ихъ учить читать? Хоть по праздникамъ вмѣсто конфетъ!

Александру Петровичу [1]) скажи, братъ, что я теперь въ странѣ, гдѣ о Бернульи [2]) не имѣютъ никакого понятія ни книгопродавцы, ни ученые. Очень жалѣю, что не купилъ его книги въ Дрезденѣ; теперь бы могъ послать ему. По части Амвросія Лукіяновича [3]) ничего нѣтъ важнаго. Прощайте. Цѣлую васъ.

Вашъ И. Ср.

XLIX.

№ 39. Любляна. 1841 г., Апр. 9.

Пятой день уже я живу въ Люблянахъ,—и могу вамъ сказать слова два объ этомъ городѣ. Между рѣкой Савой и рѣкой Любляницей, гдѣ она впадаетъ въ Саву, разостлалась прекрасная долина. Недалеко отъ устья Любляницы возвышается въ долинѣ будто невзначай гора, вышиною въ Хорошевскую [4]) или немного ниже, у ея подошвы течетъ рѣчка Рагашница, по другую

---

[1]) Рославскій-Петровскій.
[2]) Вѣроятно Christophe Bernoulli—швейцарскій экономистъ и натуралистъ (1751—1834).
[3]) Метлинскій.
[4]) Около Харькова.

сторону рѣчки начинаются холмы, поднимаются все выше и грядами идутъ къ горамъ. На вышеупомянутой горѣ есть развалины стараго замка и нѣсколько новыхъ тюремныхъ домовъ. Подъ горою вокругъ нея городъ Любляна, по обѣ стороны рѣчки; главная часть города—между горой и рѣчкой, и такъ узка, что мѣсто, незанятое домами, едва достаточно для одной кривой улицы. Въ одномъ концѣ этой улицы соборъ, и потомъ начинается предмѣстіе; въ другомъ концѣ другая церковь, и за нею другое; за рѣчкою, черезъ которую проложено 5 довольно плохихъ мостковъ, большое предмѣстье, съ 4-мя или 5-ю церквами, прекрасными площадями, и пр. Все это не занимаетъ, впрочемъ, много мѣста, потому что въ Люблянѣ жителей около 13,000.—Городъ впрочемъ довольно оживленный: съ одной стороны много пріѣзжихъ, потому что онъ лежитъ на дорогѣ между Вѣной и Тріестомъ и сосредоточиваетъ въ себѣ торговлю цѣлой Краины; съ другой онъ привлекаетъ къ себѣ и простой Краинскій народъ съ разныхъ сторонъ. Особенно онъ оживленъ теперь въ послѣдніе дни великаго поста. (Народъ тутъ не только благочестивъ, но даже, кажется, ханжитъ; а духовенство старается это поддерживать). Сегодня базаръ. Главная улица уложилась рядами торговокъ, продающихъ сыръ, масло, картофли, писанки, «колачи и потíцы» (раз. рода пасхи) и т. п., не считая тѣхъ, кои постоянно продаютъ тутъ апельсины, яблоки, винныя ягоды, булки, сушеные плоды, губку, ленточки и всякую всячину. Шумъ, говоръ, какъ и у насъ. Мы съ Вразомъ нѣсколько разъ прошлись по базару, любуясь хорошенькими Мицками: право, удивительно, какъ ихъ тутъ много, этихъ Мицокъ, хорошенькихъ, миленькихъ.—Въ Люблянѣ есть прекрасное касино: каждый членъ платитъ 15—20 гульденовъ въ годъ и цѣлый годъ можетъ посѣщать кабинетъ для чтенія, балы и пр.—Есть и театръ; но онъ теперь, само собою разумѣется, запертъ. Полиція здѣшняя очень строга: и самыхъ малыхъ вечеринокъ, гдѣ танцуется подъ фортепьяно, нельзя дать безъ ея позволенія.—Окрестности Любляны прекрасны, и снѣжныя Каринтійскія альпы видны отвсюду.—Время провожу тутъ вотъ какимъ порядкомъ: одѣвшись, отправляемся пить кофе въ кофейню къ императору Австрійскому; оттуда въ библіотеку; потомъ домой обѣдать; послѣ обѣда я иду къ профессору Метелку [1]) и занимаюсь съ нимъ Краин. нарѣчіемъ,—и потомъ опять въ библіотеку; а вечеръ,—вы не повѣрите, милая маменька,—каждой вечеръ проходитъ въ томъ или другомъ кабакѣ, гдѣ собираются наши знакомые пить вино (я пью впрочемъ только по половинѣ зеглика т. е. по стакану и то съ водой). Знакомые

---

[1]) Метелко—профессоръ словѣнскаго языка и литературы въ Люблянскомъ лицеѣ; авторъ словѣнской грамматики; род. 1789, ум. 1861.

наши: д-ръ Прешернъ [1]) (онъ лучшій изъ живыхъ поэтовъ Краинскихъ), д-ръ Хорватъ—адвокатъ, библіотекарь, нѣсколько профессоровъ. Всѣ они пьютъ вино, какъ воду.

Крань (Krainburg). 11-е Апр.

Цѣлую васъ, маменька и братъ, и поздравляю васъ съ Свѣтлымъ Воскресеніемъ; оно и для васъ то-же

12-е Апр.

было вчера. А я его праздную довольно чудно. На дняхъ д-ръ Хорватъ сказалъ намъ: «въ субботу ѣду я въ Крань; поѣдемъ вмѣстѣ; увидимъ, какъ народъ нашъ празднуетъ этотъ праздникъ».—Почему нѣтъ! Пообѣдавши у Хорвата, мы сѣли и поѣхали, и черезъ 3 часа были въ Крани. Мы съ Вразомъ остановились въ гостинницѣ, а Хорватъ у декана. Вчера въ 8 часу пришелъ къ намъ Хорватъ, и повелъ въ церковь. Тутъ слышалъ я въ первый разъ Краинскую проповѣдь, и, благодаря Бога, хоть не все, но понялъ. Изъ церкви—гулять, потомъ обѣдать; послѣ обѣда—опять гулять изъ города вонъ подалѣе, зашли въ кабакъ, стали селянъ угощать виномъ, сдѣлали ихъ разговорчивыми, заставили ихъ разсказывать о ихъ житьѣ бытьѣ, сказки, пѣть пѣсни, и провели тамъ день до вечера. Это была для меня добрая школа: вслушиваясь въ рѣчь селянъ, особенно когда они хотятъ быть понятными, самъ чувствуешь, какъ успѣваешь. Краинскій языкъ очень пріятенъ: но большая часть гласныхъ выговаривается въ немъ вполовину, вскользь,—и притомъ удареніе престранное. Между женскими голосами есть превосходные; а между аріями, есть нѣкоторыя живо напоминающія о Тирольскихъ, хоть Тирольцы не могли имѣть никакого вліянія на Краинцевъ. На пасху пекутъ здѣсь колачи и потицы. Колачь—большой хлѣбъ съ изюмомъ и съ дырою въ серединѣ, а потицы (= повитицы) — булки, сдѣланныя изъ катаннаго тѣста такъ, что на каждой накатъ накладывается медъ съ макомъ. Съ писанками (пирхи) та-же исторія, что и у насъ. Все это освящается.

Крань—маленькій городокъ при впаденіи Кокры въ Саву. Въ средніе вѣка онъ былъ укрѣпленъ, и развалины стѣнъ и башень остаются. Исполинскія Каринтійскія альпы кажутся въ двухъ шагахъ, когда смотришь на ихъ вершины, облитыя сметаною снѣга; а посмотришь ниже,—и видишь тамъ церкви, стоящія по отлогостямъ, какъ свѣтлыя точки. Картина безподобная. Утромъ и вечеромъ горы видны до половины только: верхи обвились облаками. Вчера былъ прекрасный день, и мы видили вершину Триглава (Тргло̀у), высшей изъ горъ: какъ серебренное копье блестѣлъ онъ изъ за другихъ горъ.

[1]) Францъ Прешернъ (1800—1849); сборникъ его стихотвореній изданъ въ 1847 г. подъ заглавіемъ: Poezije doktora Franceta Prešerna.

12-е Апр.

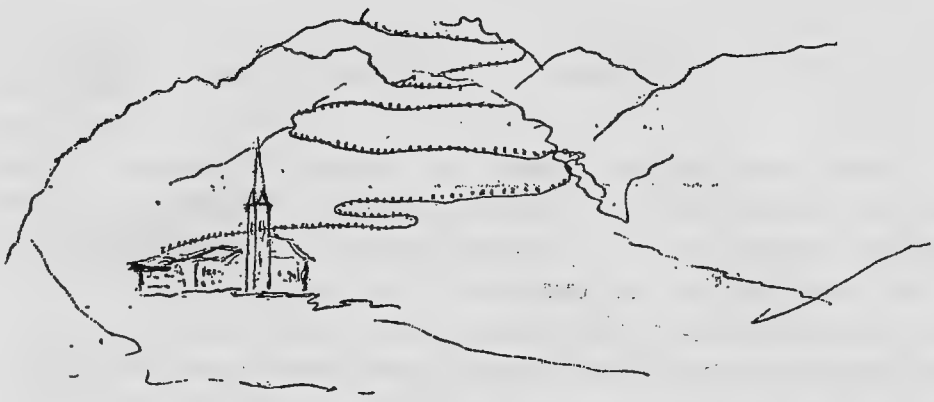
Вчера послѣ обѣда мы ходили, съ Хорватомъ и Вразомъ, въ село Накласъ, верстахъ въ 5 отъ Крани, къ тамошнему священнику, и все время провели за жегнаномъ. Такъ называется закуска Свѣтловоскресенская, гдѣ главное мѣсто занимаетъ все освященное. Кромѣ калачей и потицъ, подавали окорокъ, телячью голову, еще кое-что, и въ заключеніе кофе.

Разсказывали мнѣ между прочимъ многое о такъ называемыхъ Роковчарахъ. Это разбойники, живущіе въ Каринтійскихъ Альпахъ съ женами и дѣтьми. Они являются большею частью въ видѣ нищихъ, но не просятъ, а требуютъ милостыни, и такъ страшны, что никогда не получаютъ отказа, доходя до самой Любляны. Правительству доносили о нихъ, но оно будто и знать не хочетъ, что они существуютъ. Они такъ смѣлы, что на зиму переселяются изъ своихъ хижинъ въ домы поселянъ и живутъ на ихъ счетъ. Самая почта не безопасна, такъ что за нѣсколько лѣтъ дилижансы были провожаемы конвоемъ.

17 Апр. Целовецъ (Klagenfurt).

Сегодня я провелъ день неожиданно пріятно: я ѣхалъ сегодня изъ Любляны въ Целовецъ. Такой переѣздъ можно считать наслажденіемъ. За Кранью къ Торжцу дорога идетъ по долинѣ, и бѣлоголовыя горы поднимаются все выше надъ головою. Торжецъ—прекрасное мѣстечко, очень оживленное, но такъ сжатое между горами, что онѣ какъ привидѣнія высматриваютъ изъ-за домовъ. За Торжцемъ начинается горный переѣздъ. Дорога идетъ по долинѣ св. Анны, вдоль потока; и долина такъ узка, что остается на днѣ ея мѣста ровно только для потока, а дорогу вырубили въ камнѣ. Надъ головами громады скалъ, чуть не отвѣсныхъ, кое гдѣ покрытыхъ елями и буковьемъ, а болѣе голыхъ и до половины облитыхъ снѣгомъ. Еще недавно были такія страшныя лавины, что проѣзду не было; и теперь еще остаются слѣды ихъ. Долина расширяется при концѣ своемъ у подошвы Ибеля (Łoibl). Тамъ стоитъ церковь и постоялый дворъ. Проѣхавши мимо ихъ, начинаетъ круто подниматься, какъ на нашу Холодную гору [1]), и, не смотря на крутой взъѣздъ, дорога поднимается террасами сама надъ собою такъ:

[1]) Въ Харьковѣ.



Ползем, ползем, и вползаем на высоту 5000 футовъ, то есть 700 сажень отъ поверхности моря. Дорога сдѣлана превосходно: всюду, гдѣ нужно, мосты прочные, въ другихъ мѣстахъ плотины, что-бы потоки неразрушали дороги, и т. д. Чѣмъ выше поднимаешься, тѣмъ болѣе чувствуешь высоту окрестныхъ громадъ, и вдали все болѣе развертывается видъ на Краину къ Крани, Любляны и далѣе; видъ впрочемъ самой ландшафтный; только кусокъ картины въ рамахъ, такъ: взъѣхавши на высоту, поворачиваешь на право мимо постоялаго двора, прощаешься съ Краиной—и видишь передъ собою пограничные столбы. До сего мѣста, карета изъ Торжца ѣхала на 5 лошадяхъ; тутъ 2-хъ отпрягли, и мы начали спускаться внизъ между горами. Горы, горы и горы, лѣсъ, снѣгъ, потоки, глушь; такъ насъ встрѣтила Каринтія. Послѣ переѣзда чедезъ малый Ибель мы увидѣли изъ-за лѣса очаровательную Дравскую долину, длинную, довольно широкую, обставленную горами какъ стѣнами, усѣянную деревнями, замками, церквями, и спустились въ нее. Послѣдняя станція къ Целовцу черезъ горы, но уже умѣренныя,—и вотъ сама долина, на которой букетомъ улегся красивый Целовецъ. Изъ Люблянъ выѣхали въ 6, сюда пріѣхали вечеромъ въ 8.

L.

№ 40. Горѝца (Görz). 1841. Мая 2.

Какъ давно я не писалъ вамъ, милая маменька. Но не сердитесь: право, нѣкогда было. То переходы и переѣзды, то распросы и записыванье,—и время проходило, самъ не знаю, куда дѣвалось. Я успѣвалъ только на клочкахъ бумажки карандашомъ замѣчать, о чемъ писать вамъ. Нѣкоторые изъ этихъ клочковъ потерялись; приходится писать съ памяти. Въ это время я постран-

ствовалъ довольно, какъ увидите, и видѣлъ и узналъ много любопытнаго. Былъ и въ Италіи. Вы удивляетесь, какъ это такъ; глядя на карту видите, что Целовецъ на сѣверѣ отъ Горицы; но я всетаки былъ въ Италіи, сегодня изъ нея. Вотъ какъ все это было:

Вразъ въ Люблянѣ заболѣлъ, и я поѣхалъ въ Целовецъ одинъ. Въ Целовцѣ я нашелъ ех-профессора Жупана [1]). Толстой, какъ Авдотья Ѳедоровна, веселой, болтунъ ученой, любящій поѣсть и полакомиться сладкимъ, какъ нашъ Микола [2]), и, повторяю, очень ученой. Въ Мошбургѣ, въ 3 часахъ отъ Целовца живетъ другой ученой Словенецъ, Ярникъ [3]), тоже очень ученой и очень милой старикъ. 17-го я пріѣхалъ въ Целовецъ; 18-го пошелъ въ Мошбургъ, 19-е пробылъ у Ярника, 20-го воротился въ Целовецъ, заходя къ Герцогскому стулу, любопытному Славян. памятнику IX вѣка; 21-е провелъ съ Жупаномъ въ Целовцѣ; 22-го поѣхалъ въ штельвагенѣ по дорогѣ въ Бѣлякъ (Willach) до Вербы (Velden), и оттуда пѣшкомъ къ Фарѣ св. Михаила въ Рожнѣ (Rosenthal). Дорога до Вербы лежитъ по берегу прекраснаго Клагенфуртскаго озера, своей шириной и берегами напомнившаго мнѣ Оку и Днѣпръ. Въ Рожнѣ мнѣ надобно было быть, потому что жители сохранили тамъ болѣе народности, нежели въ другихъ мѣстахъ Хорутаніи (Каринтіи). Въ Фарѣ я познакомился съ капелланомъ Майеромъ, любителемъ и знатокомъ народности Хорутанской, и провелъ съ нимъ въ разговорахъ и прогулкахъ по очаровательному Рожню 23-е. По Рожню протекаетъ Драва, пологости береговъ покрыты зеленью луговъ, нивъ, лѣсовъ, вверху еще блеститъ ярко снѣгъ; всюду разсѣяны деревеньки. 24-го пошелъ я въ Зильскую долину, и шелъ цѣлой день. Проводникъ несетъ мою котомку и зонтикъ въ колпакѣ, что заставляетъ всѣхъ щитать его за геометрическій инструментъ, а меня за инженера; мы болтаемъ и идемъ. Какъ полезно такое странствіе съ проводникомъ! Въ день узнаешь болѣе, нежели въ иную цѣлую недѣлю. Поздно вечеромъ пришелъ я въ Быстрицу (Feistritz), одно изъ главныхъ селъ въ Зильской долинѣ. Не знаю, найдете ли вы ее на картѣ. Зильская долина получила свое названіе отъ рѣки Зили (Итал. Gilia, Нѣм. Geil, слѣд. на Рус. картѣ Гаиль или Геиль). Окруженные со всѣхъ сторонъ Нѣмцами, жители сохранили свою оригинальность, и знамениты ею во всей Иллиріи.

---

[1]) Т. е. экстраординарнаго профессора. Въ донесеніи министру народнаго просвѣщенія И. И. Срезневскій говоритъ: Въ Цѣловцѣ я имѣлъ удовольствіе сблизиться съ экстр. профессоромъ Жупаномъ, отличнымъ знатокомъ Иллирскихъ нарѣчій и вообще ученымъ человѣкомъ (стр. 18).

[2]) Николай Ивановичъ Срезневскій.

[3]) Патеръ Урбанъ Ярникъ (1784—1744)—поэтъ, знатокъ Хорутанскихъ нарѣчій (И. И. Срезневскій: Донесеніе министру народнаго просвѣщенія отъ 2 авг. 1841 г.).

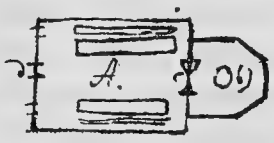
25-го долженъ былъ быть въ деревнѣ св. Георга приходской праздникъ, и, переночевавши въ Быстрицѣ, ранымъ рано я отправился туда. Когда нибудь я подробно опишу вамъ этотъ праздникъ; а теперь только нѣсколько словъ объ одеждѣ Зилянокъ. Дѣвушки—настоящія барышни, и всѣ одѣты всегда, какъ будто къ танцу: платьица коротенькія, почти до колѣнъ, чулки бѣлые, башмаки съ каблучками; на лифѣ платокъ, такъ что два угла пристегнуты у горла булавкой, а другіе два обхватываютъ талью и завязаны бантомъ сзади; на головѣ бѣлой платокъ, повязанной такъ, что 2 заднихъ угла подвернуты подъ косу, два другихъ легко повязаны сбоку, и одинъ долженъ быть непремѣнно на груди, а другой на спинѣ, а по лбу пришито къ платку 15 локтей кружева въ сборкахъ; наконецъ, рукава у рубашки (очень, очень коротенькой) не широкіе и съ кружевами, а на спинѣ отъ рубахи виситъ треугольная манишка, собранная густо и съ кружевами. Еще я забылъ сказать, что по тальи сверхъ платка идетъ черной кожаной поясъ, вышитой корѣшками павлиньихъ перьевъ, и на одномъ изъ концовъ, висящемъ до колѣнъ, пристегнутъ складной ножъ. Представьте себѣ такую чудачку, и непремѣнно одну руку подъ бокъ, а другую опустивши по офицерски, и вы вѣрно улыбнетесь. Изъ этихъ чудачекъ многія очень милы. Танцуютъ прекрасно: мужчина скачетъ, а дѣвушка, въ вышепомянутомъ положеніи, опустивши голову, идетъ кругомъ, оставаясь всегда спиною къ центру. Танцуютъ и поютъ; когда поютъ, то мужчина съ дѣвушкой идутъ à la polonaise, а потомъ начинаетъ играть музыка и начинается танцъ. Музыканты сидятъ подъ липой, и танцуютъ около липы. Весь этотъ праздникъ полонъ обрядовъ, и Богъ участвуетъ даже въ танцахъ: первой «высокой рай» (важной танецъ) начинается пѣснію:

Бугъ, дай нанъ (намъ) добэръ чесъ тэ (этотъ) первы рай зачэти;
Тэ кай (какъ) да смэ зачели, ше (еще) такъ га (его) не бмэ нели.

Я адресовался въ св. Георгѣ къ священнику, онъ познакомилъ меня съ сѣмействомъ бароновъ Эйхельбурговъ, и баронесса была такъ мила, что старалась меня познакомить со всѣми особенностями Зилянъ. Тутъ же было нѣсколько чиновниковъ изъ Блейберга, гдѣ находятся знаменитые свинцовые рудники. Главный изъ нихъ уговорилъ меня потерять одинъ день на осмотрѣніе шахтъ, и изъ св. Георга я поѣхалъ съ нимъ ночевать въ Блейбергъ. 26-е провелъ я весь день въ шахтахъ. Удивительныя пещеры продѣлалъ тамъ человѣкъ: глубиной въ 150 сажень, длиною по прямому направленію болѣе $1^1/_2$ версты. Какъ какіе нибудь духи работаютъ тамъ одни надъ другими рудокопы, вдали одни отъ другихъ, и 12 часовъ не видя свѣта. Въ тотъ же вечеръ я воротился въ Быстрицу въ сопровожденіи одного Зиляка, и на другой день пошелъ далѣе въ Тарфисъ съ другимъ Зилякомъ. Въ Тарфисѣ—Нѣмцы. Но мнѣ

нужно было пройти черезъ него чтобы пробраться къ Резіянамъ. Эти Резіяне — жители Резіянской долины (Vale della Resia) въ Венеціанской Италіи на границахъ Краинскихъ. Два слова о нихъ были сообщены Добровскому когда-то, и съ тѣхъ поръ никто не говорилъ ни слова, такъ что даже и тутъ хорошо не знаю[тъ], гдѣ собственно лежитъ эта долина. Отыскавши на картѣ селеніе Резіуту, я не могъ предположить, что эта долина недалеко отъ Резіуты, и отправился въ Тарфисъ, съ тѣмъ чтобы оттуда пробраться въ Резіуту и далѣе, какъ Богъ дастъ. Я хотѣлъ 27-го же идти или ѣхать въ Резіуту, но въ этотъ день должна была пріѣхать въ Тарфисъ императрица, и потому я не сыскалъ гелегенгейта. По неволѣ остался ночевать, видѣлъ императрицу, видѣлъ равнодушіе народа къ ней и на другой день поѣхалъ въ Резіуту. Дорога лежитъ по дикой долинѣ: горы голы съ обѣихъ сторонъ, потокъ занимаетъ десятую долю своего каменистаго ложа; кустарники кое-гдѣ, пыль страшная, жаръ ужасной. Въ Понтеббѣ, переѣхавши черезъ мостъ, я былъ въ Италіи,—и увидѣлъ все иное: домики, самые бѣдные, изъ камня, яруса въ два и три, крыши плоскія, около домиковъ деревья и виноградныя гардины, глаза черные, волосы черные и рыжіе, по Нѣмецки никто ни слова, по Славянски тоже, а всѣ по Фурлански (языкъ средній между Итальянскимъ и Французскимъ, прекрасной, но тѣмъ не менѣе досадно непонятной). Въ Дуньѣ я остановился обѣдать, все еще не зная, куда ѣду, и какъ найду Резію. Къ счастью хозяинъ зналъ два слова по Нѣмецки. Я спрашиваю его о Резіи, а онъ въ отвѣтъ указываетъ на молодого человѣка въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, говоря, что онъ капелланъ изъ Резіи. О счастіе! Недаромъ, подумалъ я, видѣлъ я молодой мѣсяцъ съ правой стороны. Къ нему—и по Нѣмецки. «No capisco» (не понимаю), отвѣчаетъ онъ мнѣ по Фурлански. Вотъ тѣ и счастіе! Что тутъ дѣлать! Надобно было рѣшиться въ первой разъ въ жизни начать говорить по Итальянски. Можете представить, какъ шло: однако шло. Къ тому же, капелланъ, хоть родомъ и Фурланъ, говоритъ однако по Резіянски; такимъ образомъ, чего я не могъ ему объяснить по Итальянски, то добавлялъ по Краински, и на оборотъ,—и сошелся. Капелланъ сказалъ мнѣ между прочимъ, что долженъ ѣхать сей же часъ по дѣламъ, но что въ Резіутѣ увидится со мною, и оттуда пойдемъ вмѣстѣ въ долину. Такимъ образомъ 28-го еще былъ я въ Резіи. Долина какъ котелъ, со всѣхъ сторонъ обнесенная дикими стремнинами, и только съ одной стороны дающая въ себя узкій проходъ. Отъ Резіуты $1^1/_2$ часа. Священникъ, старикъ 73 лѣтъ, но живой, веселой, и гордящійся тѣмъ, что Резія и Россія одно и тоже, обласкалъ меня какъ могъ и въ тотъ же вечеръ еще сообщилъ мнѣ много любопытныхъ извѣстій о жителяхъ. Русскіе были однако тутъ: нѣсколько солдатъ проходомъ изъ Италіи, да графъ Потоцкій (не бывшій у насъ попечителемъ,

а братъ его), случайно услышавши въ Резіутѣ нѣсколько Славянскихъ словъ. 29-е я провелъ весь день въ долинѣ, обходя деревни, распрашивая объ обычаяхъ, языкѣ и такъ далѣе. Капелланъ всюду со мною. Тутъ узналъ я и о другихъ Славянахъ Итальянскихъ, живущихъ въ горахъ на югъ отъ Резіи, взялъ одного Резіяна проводникомъ, и съ нимъ ходилъ 3 дни, дошедши до сюда. 30-го прошли черезъ Резіуту, Венцоне, Джемону въ Торченто. Городокъ Джемона лежитъ въ дивномъ мѣстоположеніи: кругомъ безконечные сады, въ серединѣ гора съ замкомъ, кругомъ кругомъ горы. Въ Тарченто надобно было ночевать. Спрашиваемъ, гдѣ можно достать комнату съ постелью. Тамъ-то. Идемъ. Оштерія какъ обыкновенно въ Италіи, вотъ какая:



А. Большая темная комната. a) столы съ лавками, c) большая дверь сводомъ въ маленькую комнату, кругомъ которой лавки, а въ серединѣ b) каменное наполье, на немъ разложенъ огонь, надъ огнемъ котелъ, сверху труба. Пока мы съ Тони Бобацомъ пили вино, мнѣ приготовили комнату; потомъ я пошелъ въ нее... и ужасъ! Огромная постелище, кирпичной полъ, двери съ галлереи со щелями, стекла въ окнахъ разбиты, стѣны испачканы, стулъ на трехъ ногахъ, столъ на двухъ и держится объ стѣну, бѣлье на постели солдатское. Страшно да и только! Однако выспался хорошо, а вечеромъ, когда ѣлъ яичницу, пришли два Славина, или, какъ тутъ ихъ называютъ, Стьява, и я ихъ распрашивалъ о ихъ горахъ, жилищахъ, и пр. 1-го Мая пошелъ въ горы. Дивная тропинка! Горы вотъ такъ \/ ; въ глубинѣ потокъ безъ береговъ; тропинка съ камня на камень по серединѣ горы, и ни травки. Такъ я дошелъ до Ложéваро, гдѣ, какъ вчера узналъ, капелланомъ—урожд. Стьявъ. Предобрый старикъ. Съ нимъ я провелъ часа четыре, распрашивая его и обходя домики. Домики хоть и каменные, но страшно бѣдные; а народъ чрезвычайно красивъ. Далѣе пошелъ я въ Нимисъ по подоб. тропинкамъ. У Тьельминиса открылся очаровательный и огромный видъ на долину, гдѣ Удине, Чивидаль, и такъ далѣе. Священникъ въ Нимисѣ тоже Стьявъ, и сообщилъ мнѣ тоже кое-что о Стьявахъ. Нимисъ уже въ долинѣ. Спускъ съ горъ страшной: два часа по камнямъ, и круто. Въ долинѣ начинаются сады: деревья оплетены виноградомъ, а между рядами деревьевъ полосы нивъ. Ночевать пришли въ городъ Чивидаль. Спрашиваемъ гостинницу—указываютъ. Спрашиваемъ комнату—показываютъ. Избалованный Нѣмецкими комнатами, я покапризился, пошелъ искать другой гостинницы, и не нашелъ. Таскались, таскались, и рады были постелѣ въ одной комнатѣ съ постелью сапожника, нечистой, гадкой. Ночью просыпаюсь,—и не могу дышать! сапожникъ напился вина, спитъ и рыгаетъ, и

комната наполнилась уксуснымъ запахомъ, пронзительнымъ, удушливымъ. Прекрасное наказаніе за капризы. И тутъ-то я вспомнилъ Германію! Многое въ ней дурно, но гостинницы, комнаты въ нихъ, постели, и вообще всѣ удобства для путешественника, не то что въ Италіи. Сегодня шли изъ Чивидаля въ Горицу и пришли въ 3-мъ часу. Сегодня воскресенье: Фурланы прекрасно одѣты, играютъ, поютъ, всѣ въ цвѣтахъ. Подходя къ Горицѣ, увидѣлъ Изонцо: бирюзоваго цвѣта она катится, какъ струистая лента. Въ Горицѣ жители Краинцы и Нѣмцы, но господствующій языкъ Фурлано-Итальянскій. Изъ окна моего я видѣлъ всю здѣшнюю публику; дамы одѣты прекрасно, со вкусомъ и богато.

Цѣлую вашу ручку, милая маменька, и поздравляю васъ съ ангеломъ. Дай Богъ вамъ здоровья и спокойствія. Цѣлую и тебя, милый братъ.

LI.

№ 41. Горица, 1841. Мая 3-е.

Что за веселой народъ эти Горичане! Крикъ, шумъ, ходня, пѣсни-музыка, безпрестанно; сегодня вовсе не праздникъ, простой рабочій понедѣль, никъ. Я стою al Cervo = у Оленя; съ одного боку главная площадь, съ другаго—одна изъ главныхъ улицъ, и покою нѣтъ, или, лучше сказать, заниматься не хочется: все бы смотрѣлъ въ окно, да слушалъ. То Неаполитанцы на скрипкѣ и на кларнетѣ играютъ прекрасное barcarollo; то Чехи съ арфами повторяютъ давно мнѣ знакомую польку; то соберется куча дѣтей, женщинъ и солдатъ около бродячаго органиста; а подъ ногами въ остеріи Фурланы собрались пить вино и поютъ. Горица, можно сказать, Фурлано-Итальянскій городъ. Господствующій языкъ народа Фурланскій, только приходящіе на базаръ Краинцы говорятъ по своему, а образованные говорятъ по Итальянски съ фурланизмами; на лавкахъ и на углахъ улицъ надписи Итальянскія, газеты въ кофейняхъ Итальянскія. Горица — порядочный городокъ. Лежитъ между Замковою горою и рѣкою Изонцо, ближе къ горѣ. Архитектура домовъ Итальянская.—Доброй вечеръ вамъ, маменька и братъ, кушайте на здоровье чай, а я буду пить воду съ виномъ и разбирать буквы.

LII.

№ 40 [1]). 11 Мая.

Нѣтъ, въ Венеціи пробыть 4 дня много! говорилъ одинъ Ивановичъ другому, а самъ легъ на софишку, между тѣмъ какъ другой сталъ (писать)

---

[1]) Вѣроятно описка вм. 42.

письмо къ роднымъ. Вотъ какъ все обстоитъ въ комнатѣ, гдѣ это важное происшествіе происходило: главную часть комнаты занимаетъ огромная трехспальная постель, выдающаяся своимъ корпусомъ на самую середину комнаты, и такъ высокая, что безъ помощи стула или даже стола и стула нѣтъ возможности возлечь на оную; у головъ по обѣ стороны постели по ночному столику; у стѣнъ три стула и софишка для $1^1/_2$ человѣкъ въ сидячемъ положеніи; далѣе съ одной стороны дверь, съ другой—окно; на четвертой стѣнѣ зеркало, рисующее человѣка въ разныхъ искривленныхъ положеніяхъ, и подъ нимъ комодъ; въ одномъ углу между комодомъ и окномъ треножникъ съ умывальней, въ которой мѣсто кувшина свинцовый чайникъ; въ другомъ углу между комодомъ и дверью кресло на случай болѣзни; остальное мѣсто середины комнаты занимаетъ круглой столъ, покрытой ковромъ; по стѣнамъ виды Венеціи. Это № 2-й della locanda alla Luna, находящійся въ 5 шагахъ отъ канальца-заливца, соединеннаго съ проливомъ della Guidecca, въ 15 шагахъ отъ галлереи или портика, окружающаго пьяццу di san Marco. Войдемъ подъ этотъ портикъ и сквозь арки его видимъ передъ собою соборъ св. Марка, великолѣпной Греческой архитектуры, далѣе съ боку башню Марковскую, изъ за нея кусочекъ del Palazzo dei Doggi и по обѣимъ сторонамъ во всю длину площади огромное зданіе въ три яруса надъ портикомъ. Площадь, какъ и вся Венеція, выложена правильно и красиво огромными квадратами камня, и на ней у портиковъ столы съ апельсинами, лимонами, яблоками, пряниками; а подъ портиками лавки, кофейни, канцеляріи адвокатовъ и т. п.,—и таскотня, шумъ по площади и подъ портиками безъ конца отъ ранняго рана до полуночи. На право отъ piazza за башней идетъ piazetta; съ одной стороны ея дожевъ palazzo, съ другой—продолженіе зданія съ портикомъ—королевскій дворецъ, съ третьей — canale della Guidecca, т. е. море и гавань съ кораблями, и по берегу лавочки, а у берега гондолы. Далѣе на лѣво мимо дожева palazzo идетъ Славянское побережье—Riva dei Schiavoni, широкое, широкошумное, съ лавками и лавочками разнаго рода, съ кофейнями для простаго народа, съ балаганами дикихъ звѣрей и т. д. На сѣверъ площади св. Марка глубь города Венеціи и въ серединѣ Ponte Rialto, обстроенный лавочками, чудо-прочной, но и ничѣмъ болѣе не замѣчательной самъ по себѣ. Онъ перекинутъ смѣлой дугою черезъ Canale Grande, перерѣзывающій весь городъ неправильною буквою s. Отъ этого канала идутъ въ городъ по всѣмъ направленіямъ канальцы, узкіе какъ Нѣмецкія улички. Улички и сухопутныя есть, и по нимъ можно выходить всю Венецію но въ трое медленнѣе; а кругомъ всей Венеціи все-таки вода. Однако, что же я! Разсказываю вамъ о Венеціи, какъ будто житель Венеціи, а вы еще не знаете, кто эти Ивановичи, которые на 4-й день послѣ пріѣзда въ этотъ городъ уже скучаютъ, не зная что дѣлать. Эти два

Ивановича—Петръ Ивановичъ Прейсъ и Измаилъ Ивановичъ—вашъ покорный слуга: не путешествовали вмѣстѣ по Славянскимъ землямъ, такъ поѣхали вмѣстѣ въ Венецію. Какъ случилось это, разсказать и трудно и легко. Трудно, потому что это соединено съ путешествіемъ Княжевича и Надеждина по Италіи и съ предположеніемъ ихъ и нашимъ путешествовать по Далмаціи; а легко, потому что—слушайте только: въ пятницу вечеромъ 8 мая пріѣзжаю я въ Тріестъ, останавливаюсь въ Locanda grande, спрашиваю книгу пріѣзжихъ, ищу именъ Прейса, Княжевича, Надеждина, нахожу Прейса подъ бокомъ, дверь обо дверь, лечу къ нему, болтаемъ за полночь, на другой день начинаемъ шляться по Тріесту, шляемся и наконецъ я подъѣзжаю къ Прейсу съ вопросикомъ: не прокатиться ли намъ въ Венецію? Онъ было туда-сюда; но побѣда осталась на моей сторонѣ; мы взяли мѣста на пароходѣ, въ половинѣ 10-го вечеромъ взошли на палубу, въ десять отчалили отъ берега, а въ 7 утра увидѣли передъ собою Венецію. Вотъ мы и въ Венеціи. Искали тутъ Княжевича и Надеждина, но не нашли, хоть они и пріѣхали за день прежде насъ, и выѣхали только въ понедѣльникъ. До вечера понедѣльника мы не успѣли распорядиться осмотрѣть Венецію, пароходъ ходитъ между Венеціей и Тріестомъ черезъ день, и мы остались въ Венеціи до сегодня, т. е. до середы. Письмо я началъ утромъ, и тогда мы сказали другъ другу: «четырехъ дней для Венеціи много». Теперь уже скоро пять, и я опять пишу, а Прейсъ, возлегши на нашу постелище, скукою лечится отъ скуки. «Изъ кожи лѣзу!» говоритъ, и вздыхаетъ. Двухъ дней для Венеціи довольно,—именно воскресенья и понедѣльника. Въ воскресенье прямо съ парохода въ церковь Марка, и, осмотрѣвши ее, взять гондолу и поѣхать по церквамъ изъ церкви въ церковь цѣлой день; на другой день въ дожевъ палаццо, академію художествъ, арсеналъ, нѣсколько частныхъ палацовъ, королев. дворецъ, и вечеромъ останется еще время для прогулки по Riva dei Schiavoni и въ садъ.

Пароходъ Софія.

Вотъ мы и на пароходѣ, и уже утро. Солнце играетъ, вѣтеръ дуетъ, море волнуется, пароходъ колышется, какъ дѣтская колыбель. Если такъ колышется и корабль въ морѣ, если даже вдвое болѣе, то я способенъ къ переѣздамъ морскимъ, по крайней мѣрѣ короткимъ. Я улегся въ свой ящикъ и выспался прекрасно.

Тріестъ. 15 Мая.

Мы думали, желали найдти Княжевича и Надеждина въ Венеціи, и они были въ ней въ одно время съ нами, но мы узнали объ этомъ уже тогда, когда они уѣхали,—пріѣхавши сюда, прямо къ нимъ. У насъ было намѣ-

реніе ѣхать по Далмаціи вмѣстѣ всѣмъ; но оно оказалось невозможнымъ: они спѣшатъ, а намъ лучше и не быть, нежели спѣшить. Они ждали насъ, и мы проводили ихъ. Въ Тріестѣ я получилъ деньги, но Прейсъ еще нѣтъ, а дѣла довольно у обоихъ,—и мы рѣшились остаться тутъ на недѣльку. Въ слѣдствіе этого пріискали себѣ квартиру, и живемъ братски, не отступая ни на шагъ отъ условій однообразной жизни: пьемъ и ѣдимъ одно и тоже, выходимъ и приходимъ вмѣстѣ, въ театрѣ вмѣстѣ, все вмѣстѣ, и постоянно веселы. Я предоброй человѣкъ, онъ тоже, безъ претензій оба, и даже еще не спорили. Прилежаніе наше немножко лѣниво по причинѣ желанія поболтать другъ съ другомъ; но это же болтаніе и возбуждаетъ прилежаніе. Квартира у насъ—2 прекрасныя комнаты на Contrada del Canale grande, съ видомъ на множество мачтъ, изъ-за которыхъ видно море; платимъ въ день 1 флоринъ, т. е. 66 2/3 коп. сереб.

Надобно же досказать о Венеціи. Площадь св. Марка съ тѣмъ, что на ней,—одно, а городъ—совершенно другое. Площадь сама чудесна; кругомъ—превосходныя зданія, и особенно церковь и дожевъ палаццо, въ виду—море; все одушевлено, кипитъ жизнію. Въ 20 шагахъ отъ площади тѣсныя улички, такъ тѣсныя, что изъ окна въ окно черезъ улицу можно пожимать другъ другу руку и что угодно, грязные канальцы, нечистые или запустѣлые домы. Глядя съ башни, видимъ подъ ногами площадь, и далѣе громаду крышъ—ничего болѣе,—плоскихъ, бѣло-красноватыхъ черепичныхъ, большею частію старыхъ, худо сложенныхъ съ огромными трубами въ родѣ вазъ. На площади Марка весело, а сойдешь съ нея—становится очень грустно. И такъ—на площадь. Въ церковь: она вся и снаружи и внутри выложена гранитомъ, мраморомъ и т. д.; на полу мраморъ узоромъ, на сводахъ превосходная мозаика, а гдѣ нѣтъ мрамора и мозаики, тамъ или золото или живопись лучшихъ художниковъ. Церковь велика, высока и величественна, еще болѣе оригинальна, особенно для того, кто не знаетъ или давно не видалъ нашихъ православныхъ церквей. Дожевъ палаццо стоитъ рядомъ съ нею ближе къ морю. Дивная архитектура: два яруса портика одинъ надъ другимъ и потомъ пять оконъ по фасаду съ одной и пять съ другой стороны, можете представить какихъ огромныхъ оконъ; портики темнаго цвѣта, верхній ярусъ желтовато розоваго, и камни расположены узоромъ. Что внутри—надобно своими глазами видѣть. Особенно изумительна большая зала—sala del maggior Consiglio, огромная и вся кругомъ въ картинахъ лучшихъ художниковъ, полъ—мозаика. Теперь въ ней библіотека. Всѣ другія залы также богаты, только меньше. Въ этомъ дворцѣ никогда никто не жилъ, а были правительств. мѣста. У каждаго дожа былъ свой собственный дворецъ. Этихъ дворцовъ и дворцовъ другихъ вельможъ по Венеціи всюду разсѣяно множество; но жалко взглянуть на нихъ: ободранные, испачканные,

одичавшіе. Стоятъ они, какъ нищіе по смерти богача, ихъ кормившаго.— Церквей въ Венеціи множество, и много прекрасныхъ. Особенно мнѣ понравилась іезуитская: внутри она выложена розоватымъ мраморомъ, и по этому мрамору вдѣланы всюду узоры другимъ черноватымъ мраморомъ, а у алтаря разосланъ мраморный зеленоватый коверъ съ желтыми цвѣтами; работа нѣжная, бархатная. Извнѣ церкви почти всѣ на нашъ образецъ, только безъ нашихъ золотыхъ главъ. Архитектура частныхъ домовъ въ Венеціи отличается множествомъ оконъ, отдѣленныхъ одно отъ другого узенькими колоннами, и украшенными каменною рѣзною работою. У многихъ домовъ нѣтъ другихъ подъѣздовъ, кромѣ какъ съ канала: гондола останавливается,—и шагъ съ гондолы, а другой уже въ сѣняхъ. Между дворцами я посѣтилъ Барбариго и Манфринъ; у Барбариго есть между прочимъ Магдалина Тиціана въ портрет. видѣ,—плачетъ и заставляетъ плакать. И вообще картинъ, картинъ страшное множество всюду. Академія художествъ въ этомъ отношеніи бѣднѣе всего. Были и въ Арсеналѣ, гдѣ между прочимъ хранится модель Бучинторо, на которомъ выѣзжалъ дожъ вѣнчаться съ моремъ: онъ весь былъ позолоченный. Въ Воскресенье мы были въ двухъ театрахъ: Малибранъ—народный театръ, начинается въ 5, оканчивается въ 8-мъ, слѣд. при свѣтѣ дня; народу было множество и крикъ до поднятія занавѣса и при вызовѣ актеровъ такъ былъ ужасенъ, что надобно его слышать, что-бы повѣрить; костюмы публики тоже чудо: кто въ жилетѣ, кто въ одной сорочкѣ съ растегнутою грудью, кто босой,—и разносятъ апельсины, яблоки, воду, водку—какъ въ кабакѣ. Другой театръ —Fenice; но въ немъ не играютъ. Третій—Apollo, и въ немъ давали Норму: примадонна Годжи играла прекрасно. Четвертый театръ—Gallo. Въ немъ мы были во вторникъ; давали Весталку Меркаданте: шумная крикливая опера, то усыплявшая, то будившая Прейса. Въ этихъ театрахъ занавѣсъ поднимается въ 10-мъ часу, и игра продолжается до $^1/_2$ 12-го. Понятно, что жизнь Венеціанская иначе, нежели у насъ: встаютъ поздно, завтракаютъ въ 11, обѣдаютъ въ 4—5, пьютъ кофе до 10 и долѣе, ложатся спать безъ ужина. Садовъ въ Венеціи не имѣется; есть кое-гдѣ аршинные садочки, есть такіе же кое-гдѣ на крышахъ; а публичной садъ, основанный Наполеономъ, вдвое меньше Робертинскаго [1]). —Что-же еще?—Право не вспомню, и перехожу къ отъѣзду (о Савѣ Шумѣ, православномъ христіанинѣ, о кралевичѣ-епископѣ разскажу дома).

Передъ отъѣздомъ спрашиваемъ conto—щетъ въ гостинницѣ: подаютъ. Мы жили 4 дня, три раза завтракали, два раза обѣдали, три раза ѣли котлеты,—и за это должны были заплатить,—какъ бы вы думали, сколько? 12 флориновъ = 30 руб. асс. У меня чуть не стали волосы дыбомъ; но все таки надо было расплатиться. Вышли изъ комнаты—и пошли подаванья

[1]) При пансіонѣ де-Роберти въ Харьковѣ.

рукъ: одинъ чистилъ платье, другой сапоги, третій мелъ комнату, четвертый ходилъ въ полицію съ паспортами, пятый прислуживалъ при столѣ, шестой подавалъ ключь, когда мы приходили домой. Осердясь на Венецію, мы сѣли на пароходъ. «Нѣтъ, матушка, не воротимся къ тебѣ»! повторяли мы. И конечно: каждому изъ насъ стоила поѣздка въ Венецію по 70 рублей. А какъ-бы то ни было, о Венеціи нельзя имѣть понятія, не бывши въ ней лично. Картины Каналетто, которыя видѣлъ я въ Дрезденѣ и Вѣнѣ, становятся справедливыми только тогда, когда глядишь на нихъ, уже видѣвши Венецію. Искали Славянскаго—ничего не нашли.

Теперь, какъ вы знаете, мы въ Тріестѣ. Консульство наше съ нами очень вѣжливо и мило, само размѣняло мнѣ деньги, дало визо на путешествіе въ Черногорію, даже пріискало барку, на которой можемъ ѣхать въ Ровиньо. Изъ сего усматриваете вы, милая маменька, что мы хотимъ въ Истрію, Далмацію и Черную гору. Хотѣлось бы; а какъ будетъ, Богъ знаетъ. Это письмо отправлю отсюда, а въ Рагузѣ надѣюсь получить отъ васъ письмо и пошлю вамъ слѣдующее.

17-го Мая.

Тріестъ—прекрасной городъ. Онъ стоитъ на маленьк. полуостровѣ внизу подъ горами. Подъѣзжая къ нему отъ Любляны, останавливаешься у памятника, и въ одно мгновеніе видишь передъ собою море, съ одной стороны берега твердой земли, съ другой берега Истріи, а внизу подъ ногами, какъ рисунокъ, какъ планъ, этотъ городъ. Картина ни съ чѣмъ несравнимая. Съ чѣмъ нельзя свыкнуться, свыкся и я съ моремъ; а всетаки не могу вспомнить безъ наслажденія о видѣ со святаго Петра (гостинница у памятника). Въѣхавши въ городъ, не знаешь, на чемъ остановиться глазами: улицы по струнѣ, домы огромные, прекрасной архитектуры, дѣятельность безъ конца, разнообразіе костюмовъ, прелестныя личики, богатые магазины, и т. д. и т. д. Какіе домы тутъ строятъ,—довольно вспомнить, что недавно отстроенное Locandajo для проѣзжающихъ стоило 600,000 флориновъ = 1.500,000 руб. ас. Языкъ господствующій—Итальянскій. Съ Нѣмецкимъ уѣдешь не далеко.—Мы живемъ такъ: встаемъ въ 7 и пьемъ кофе; потомъ занимаемся—отчетами, напишемъ страничку, да и читать одинъ другому; въ часъ идемъ обѣдать (супъ да жаркое—на 20 коп. сер. съ души); и опять домой; въ сумерки идемъ въ кофейню, изъ кофейни гулять, и опять домой или въ театръ Итальянскій. Тутъ труппа Вестри, и самъ Вестри изумительной комикъ, управляющій лицомъ, какъ живописецъ кистью. Театръ начинается въ $8^1/_2$, и слѣдовательно послѣ театра прямо спать, а если не идемъ въ театръ, то домой и занимаемся или болтаемъ до 11, 12 и позже.

Въ Харьковѣ ли вы, милая маменька, или въ Кіевѣ? Пишите ко мнѣ въ Аграмъ на имя Гая. Мнѣ уже грустно, что не получаю долго писемъ: самъ виноватъ, дурно распорядился.

Кланяйтесь знакомымъ и друзьямъ. Цѣлую васъ и брата.

И. Ср.

И здѣсь искалъ для Авросія Лукьяновича [1]) книгъ, но ничего не нашелъ.

LIII.

№ 43. Сень. 1841. 16 Іюня.

Мы пріѣхали сюда третьяго дни; а передъ этимъ три дни провели на островѣ Каркѣ (Веліи). На островъ мы переправились изъ Кралевицы (Porto Re) къ Возу—часа въ 2 или $2^1/_2$. Подъ говоръ весельщиковъ я заснулъ и проспалъ почти всю дорогу; подъ колыханье лодки съ волны на волну сонъ очень хорошъ. Возъ—двѣ хижины, гдѣ мы не нашли не только лошадей, но и человѣка, который бы насъ провелъ въ Омишаль (Castel Muschio). Мы думали уже, что придется самимъ тащить наши сумки; но весельщики были такъ добры, что предложили намъ свои услуги. Этотъ переходъ, все въ гору и по камнямъ, далъ намъ очень непріятное понятіе объ островѣ: жарко, ногамъ больно, а ни травки, ни тѣни. Въ Омишалѣ мы имѣли рекомендательное письмо къ попу, и остановились у него; съ нимъ ходили къ вечерни (Глаголической,—пѣніе очень похоже на наше монастырское), на развалины стараго замка, на бельведеръ (такъ называется скала, стѣною стоящая надъ маленькимъ заливомъ, съ которой прекрасной видъ на море и твердую землю) и пр. Омишаль—жалкой городокъ, гдѣ очень трудно отличить, что дворъ, а что улица, и все грязно, бѣдно. У попа домъ вотъ какъ расположенъ: прямо изъ узенькихъ воротъ поднимаемся на крыльцо, такъ что все нижнее отдѣленіе дома занято виннымъ погребомъ (вина тутъ чуть ли не больше нежели воды); въ серединѣ большаго крыльца цистерна; двери на право въ отдѣленіе тетки попа; двери прямо къ попу, и первая съ подворья комната — кухня съ Итальян, очагомъ и посудою по стѣнамъ; изъ нея на лѣво вновь пристроенная комната, гдѣ мы ужинали и чай пили, и гдѣ между прочимъ на столѣ и лошадиные приборы, и даже назначено мѣсто для печи; на право комната въ родѣ чулана съ сундуками, съ пшеничкою на потолкѣ, съ кроватью молоденькой кухарки, съ лестницею на верхъ; вверху три комнаты, изъ которыхъ въ одной спитъ попъ, въ другой спали мы, а

---

[1]) Мотлинскій.

въ третьей книги, кажется, вѣчно спящія. Домъ хоть и каменный (какъ и всѣ), но (какъ и всѣ) такъ легко построенный, что отъ вольныхъ шаговъ по комнатѣ все въ домѣ трясется. На другой день мы пошли въ городъ Кркъ по острову, и шли 5 часовъ. Дорога хоть и большая, но запущенная, твердокаменная, несносная. По дорогѣ деревень очень мало, полей и садовъ довольно, лѣсовъ также видно много, но молодыхъ. Если бы не виноградъ, смоквы, оливы, лавръ, то можно бы подумать, что идешь по какой нибудь Новой Землѣ. Кркъ—городокъ приморской, маленькой, съ тѣсными уличками, очень похожій на закоулокъ Венеціи, и Венец. льва встрѣчаешь довольно часто. Уѣздный судья (podestá) принялъ насъ ласково, далъ квартиру и сдѣлалъ все, что могъ. Не далеко отъ Крка въ заливѣ лежитъ островокъ Кошмонъ (Cassione), и на немъ монастырь, окруженный вѣчнозеленымъ лавровымъ садомъ. Видъ островка не дуренъ, но въ монастырѣ мы не нашли для себя ничего. Изъ Крка города мы пошли по острову на востокъ. Опять тяжелая дорога, особенно сначала, пока взобрались на гору Тресковецъ; а когда начали опускаться въ долину, по которой течетъ потокъ Рѣка,—грязь и вода, и все разрушеніе. Вчера передъ тѣмъ шелъ ужасный дождь, размылъ дорогу, поля, потопилъ воловъ и козъ, вырвалъ съ корнемъ нѣсколько осинъ, разломалъ мосты, словомъ представилъ намъ такое же зрѣлище предъ очи, какъ помните, въ Ундинѣ. Такой сильной воды не помнятъ и старики: два часа не было прохода. Къ вечеру пришли мы въ Башку (Besca) и по рекомендательному письму обратились къ уѣздному судьѣ (волост. голова), но его не могли найдти. Не зная, что дѣлать, мы стали спрашивать, гдѣ-бы могли переночевать. Идетъ попъ, мы къ нему,—и онъ повелъ насъ къ себѣ, далъ комнату, накормилъ, и пр. Онъ былъ когда-то стихотворцемъ, и, хоть старикъ, но съ такимъ жаромъ читалъ намъ наизусть свои творенія, что отъ смѣху едва было можно удерживаться. На другое утро въ 5 часовъ постучался онъ и сказалъ, что барка ждетъ. И мы поѣхали въ Сень. До Сени оттуда только 2 часа, но если море не спокойно, то можно и 5 часовъ остаться на морѣ. Такъ и случилось: отъѣхали съ полчаса, и море разыгралось; барка обернула на право, и пристала къ каменистому загорью. Барочники стали печь себѣ локарду (рыбу на золѣ). Мы думали, думали да и давай себѣ тоже варить кофе (мы съ запасомъ); воды насилу достали и то дурной, но кофе былъ не дуренъ. А потомъ поѣхали, и я—спать. Въ 11-ть пристали къ берегу.

Знакомства наши тутъ—православный попъ, и нѣсколько православ. купцовъ. Вчера обѣдали у епископа католическаго Ожеговича, и приняты имъ съ подобаемою честію. Онъ настоящій славянинъ, и хоть старъ, но свѣжъ, моложавъ, веселъ; а обѣдъ былъ чудесной.

Какъ пойдетъ нашъ путь далѣе, не знаемъ, а
съ-утра чемо преко Велебита.
(завтра хочемъ за Велебитъ-горы).

Carlopago. 21 Іюня.

По мѣстамъ этимъ путешествовать вовсе не дешево: за коляску отъ Сени до Берлога, 4 часа ѣзды, мы заплатили 7 гульденовъ (безъ малаго 4½ руб. сереб.), за переноску вещей отъ Берлога до Оточаца (2 часа или 3)—два двугривенныхъ, за телѣгу отъ Оточца до Госпича (7—8 часовъ)—4 гульдена, за такую же отъ Госпича сюда—тоже 4 гульдена (7 часовъ). Страна впрочемъ по ту сторону Велебита прекрасная; горы по одну, горы и по другую сторону, а въ серединѣ роскошныя долины; горы большею частію покрыты лѣсомъ; въ долинахъ поля, луга, рощи, разбросанные домики деревень всѣ подъ тѣнію ясеней, яворовъ, липъ; вдоль по дорогѣ тоже очень часто густая тѣнь. И вся эта земля—Военная Граница. Почти каждый изъ мужиковъ былъ солдатомъ; солдатъ встрѣчаешь на каждомъ шагу; а граница турецкая, хоть и далеко, верстахъ въ 70, но все заставляетъ думать, что она въ 5—6 верстахъ: по вершинамъ горъ и холмовъ стоятъ такъ называемые паноси, т. е. шесты, обвитые соломой, которая, если бы случилось на границѣ какое-нибудь беспокойство, зажигается, и вѣсть о безпокойствѣ переносится въ короткое время по цѣлой землѣ до моря; у каждаго хозяина есть свое клепало, въ которое бьютъ тревогу; кое-гдѣ по дорогамъ пикеты; по самой границѣ всегдашній кордонъ, и граничаръ, идущій на кордонъ беретъ запасъ хлѣбной съ собою. Народъ довольно бѣденъ; домики маленькіе, деревянные, курные, нечистые; только офицеры и сержанты живутъ хорошо. Въ Берлогѣ мы заѣхали къ православному попу: нельзя было не изумиться, глядя на его домашнюю одежду: синія военныя панталоны, опанки, синій прслукъ (куртка безъ рукавовъ), а на головѣ красная капа (въ родѣ колпака, какую тутъ носятъ и мужчины и женщины): онъ сидѣлъ у очага, и варилъ паленту. Въ Оточцѣ мы ночевали: это полковой городокъ, разметанной по долинѣ. Госпичь—тоже полковой городокъ, похожій на Оточацъ. Дорога изъ Госпича сюда, можно сказать, страшная: она идетъ черезъ Велебитъ. Эти горы тянутся черезъ всю Далмацію къ Балканамъ и, какъ въ Сени, такъ и здѣсь круто спускаются къ морю. Вчера мы опускались 2½ часа. Сторона горъ къ морю дика, безъ зелени, скалиста, а дорога иногда и очень крута, не смотря на то, что вьется сама подъ себя. О видѣ съ горы я не говорю: ко всему можно привыкнуть, равно и къ такимъ видамъ, какъ отъ св. Петра въ Тріестѣ, съ Учки въ Истріи, съ Велебита у

Сени, съ Велебита здѣсь, но все они прекрасны. Тутъ видишь подъ ногами чудной формы островъ Паго, далѣе море, по которому разсѣяно множество другихъ острововъ, большихъ и маленькихъ, и далѣе чистое море, отдѣляющееся отъ неба тоненькою, едва замѣтною голубоватою полоскою. Солнце шло къ закату, и покрыло часть моря золотомъ, на которое глядѣть также трудно, какъ на самое солнце.

Пагъ. 23-е.

Съ письмомъ къ протопопу Пажскому, сѣли мы вчера на барку (т. е. лодочку) и поѣхали на островъ Пагъ. Переѣзду черезъ проливъ Морлацкій—одинъ часъ по вѣтру (послѣ обѣда обыкновенно дуетъ tramontana съ З. на В.) и полтора часа по заливу, окружаемому островомъ Пагомъ. Пристали къ городу Пагу и пошла возня: сначала въ претуру—показать паспорты, потомъ въ таможню—показать вещи, потомъ къ священнику—просить ночлега. Священникъ не былъ дома, поѣхалъ куда-то на прогулку по морю, и его надобно было ждать до 10-ти часовъ вечера. Онъ пріѣхалъ и оказался предобрымъ, преласковымъ старикомъ. До этого времени мы осмотрѣли городокъ: онъ лучше Carlopago, весь окруженъ стѣною и имѣетъ богатые солины—единственную надежду жителей на нынѣшній годъ, потому что хлѣба сгорѣли, а виноградъ побитъ градомъ. Въ городѣ все напоминаетъ о Венеціи, какъ и всюду, гдѣ была власть Венеціянъ: Венеціянскій левъ на стѣнахъ, архитектура домовъ та же, что и въ Венеціи, и самое нарѣчіе господствующее не Нѣмецкое, а Итальянское.

Нинъ (Nona). 23-е Іюня.

Изъ Пага въ Павіано (Павляна). Попъ соверш. мужикъ, добр. человѣкъ. Прутна. Отсюда переправа съ острова Пага въ Далмацію. Ладжя: $^3/_4$ часа до Привлаки (Brevilaqua). До Нина $^5/_4$ часа пѣшкомъ. Епископъ. Знамена. Коло. Стрѣльба изъ ружей. Глупой разговоръ съ перохомъ: l'antiquità e maestro. Петръ Ивановичъ и воспоминаніе о Венеціи. Спальня съ разбитыми стеклами. Чай и коноплійка. Огни Ивановы... Спать хочется, или по крайней мѣрѣ нужно лечь.

Задръ (Zara). 24-е Іюня.

Прошлую ночь мы ночевали въ Нинѣ (Nona). Легли довольно рано усталые думали прекрасно заснуть,—не тутъ-то было: мы легли, а блохи встали и пошли таскаться по насъ. До полуночи я валялся; наконецъ не стало мочи, я вскочилъ, читалъ, писалъ, всѣми силами старался забыть о

блохахъ, но блохи не забывали меня и кусали безпощадно. Петръ Ивановичъ ворочался еще часа два, бился о перину, какъ рыба объ ледъ, и наконецъ тоже вскочилъ. И вотъ такъ мы провели ночь, такъ встрѣтили восхожденіе солнца,—и въ пять искусанные и все еще кусаемые блохами отправились въ Зару. Тутъ, кажется, немного лучше: мы спали отъ 11-ти до 2-хъ и не слышали блохъ, а теперь, наступилъ вечеръ и начинаются страсти. Петръ Ивановичъ объявилъ имъ открытую войну, бьетъ ихъ безъ пощады; но проклятыя не унимаются. Здѣшнихъ блохъ съ нашими блохами и сравнивать невозможно: кусаются мучительно больно,—и теперь все наше тѣло покрыто будто сыпью, будто ранами. Кромѣ замѣтныхъ блохъ должны быть тутъ еще какіе-нибудь звѣрки крошечные, едва ли замѣтные для человѣческаго глаза, и они, кажется, въѣдаются въ кожу. Прибавьте къ этому жаръ безъ вѣтра, душной, вялящій жаръ, и можете представить, что нашему брату, сѣверянину, тутъ доходитъ чуть не до слезъ. О Задрѣ завтра, а сегодня попробую заснуть.

28-е Іюня.

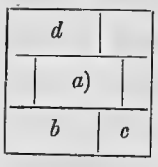
И мы все еще въ Задрѣ. Заняты? Лѣнивы. Захворали? И то нѣтъ хоть блохи мучатъ насъ, какъ преступниковъ. Сами не знаемъ, для чего живемъ. Пришедши въ Задръ мы встрѣтились съ православнымъ и богатымъ купцомъ Медовичемъ: это было наше первое знакомство; другое—православный попъ. Стали потомъ искать католическихъ знакомствъ: ходили къ одному, другому, третьему, разъ, два, четыре, пять разъ,—и никого не видали: то спятъ, то гуляютъ, то ѣдятъ, то Богъ знаетъ гдѣ. Стороной только узнали, что особенно любопытнаго ничего нѣтъ,—и потому ѣдемъ. Я одно только доброе дѣло и сдѣлалъ: съѣздилъ на островъ Углянъ, и провелъ тамъ, то есть въ пѣшествіи и въ корчмахъ цѣлой день.—Надобно сказать вамъ по крайней мѣрѣ о наружности Задра, котораго улицы и переулочки мы исходили порядкомъ. Задръ стоитъ на полуостровѣ, окруженъ со всѣхъ сторонъ крѣпостной стѣной, имѣетъ улички очень узенькія, но довольно прямыя и кое-гдѣ прекрасно выстланныя мраморомъ, архитектурою домовъ и львами на стѣнахъ и старыхъ зданіяхъ напоминаетъ о Венеціи, имѣетъ 11 церквей, много монастырей, много поповъ и монаховъ, много солдатъ, много неумѣющихъ, или нехотящихъ говорить иначе какъ по Итальянски Венец. нарѣчіемъ, и ни одной души, понимающей что нибудь о Славянствѣ, ни одного хорошенькаго личика, привлекаетъ къ себѣ множество Далматинцевъ изъ разныхъ сторонъ, одѣтыхъ въ красное съ синимъ, съ усами и косами, молодцовъ, составляющихъ противоположность съ истощалыми статурами собственныхъ Задрянъ.

(Углянъ: переѣздъ туда вечеромъ подъ луной—$2^1/_2$ часа по морю. Мо-

настырь и патеръ Гауденціо. Кућа Медовича, пѣсни, кофе, вино, сыръ. Переходъ въ Лукорано: —островъ зеленѣетъ и зимой. На гору св. Михаила: развалины стѣнъ и башни, на дворѣ церковь, гдѣ разъ въ году служба. Видъ. Корчма у Лукорано: пѣсни. Санто-Мишица; попа дома нѣтъ, мать его, сынокъ (?), пѣсни и пляски около церкви. Въ Задръ: 20 минутъ по маестро на 2-хъ веслахъ и подъ парусомъ, какъ по воздуху птица).

Монастырь Крка. 30-е.

Третьяго дни послѣ обѣда мы выѣхали изъ Задра (заплативши до Кистани 7 гульд.), ночевали въ Бенковцѣ, т. е. напились кофе и въ полночь поѣхали далѣе, такъ что къ 6 часамъ утра были въ Кистани. Жары почти не позволяютъ путешествовать днемъ: отъ жару я изъ поту почти не выхожу. Въ Кистани положили на коня нашу робу и пошли въ монастырь. Игуменъ встрѣтилъ насъ ласково и гостепріимно, поитъ, кормитъ, угождаетъ. Онъ молодой, образованной человѣкъ. Въ монастырѣ много Слав. рукописей, и Петръ Ивановичъ въ своей тарелкѣ. Монастырь лежитъ въ глубокой долинѣ, между стремнистыми горами, обросшими лѣсомъ. Около монастыря луга, по которымъ поросли деревья, въ нѣсколькихъ шагахъ рѣка Крка. Мѣстоположеніе оригинальное и прекрасное. Самъ монастырь очень малъ: монаховъ на лице только два: одинъ—старикъ, другой—молодой; другіе—священствуютъ въ разныхъ приходахъ.



a) дворъ устланный мраморомъ и окруженной галлереей. b) церковь. c) трапеза. d) игуменъ.

Дернишь. 2-е Іюля.

Тутъ мы приняты у куща Міовича, точно какъ дома. Сегодня послѣ обѣда мнѣ подвели коня и я поѣхалъ въ Коссово поле; до церкви (православной) Петра я ѣхалъ одинъ, только спереди меня бѣжалъ мальчишка; а тутъ, напившись у священника кофе, я поѣхалъ съ нимъ далѣе. Природа превосходная: горы, долины, зелень и все. Православныхъ тутъ въ Далмаціи 73,000; но церкви маленькія, бѣдненькія,—и вообще ихъ тутъ притѣсняютъ. Хотѣли и хотятъ обратить къ уніатству; сажаютъ даже въ темницы за твердость къ вѣрѣ. Отецъ Стефанъ Дернишскій, не смотря на все это, твердо стоитъ за свою вѣру, и убѣждаетъ народъ не колебаться.

Шебенико. 4 Іюля.

Вечеръ. Комната въ локандѣ довольно велика, но страшно нечиста, по Итальянскому обычаю. Одно хорошо: окна на такъ называемую большую площадь. Она невелика, но прекрасна: въ одну сторону соборъ отличной архитектуры, съ другой—большой домъ, занимаемый кофейнями и казино; полъ—точно полъ, а не мостовая—устлана большими квадратами желтаго мрамора. И теперь она кипитъ жизнію. Посереди ее пульпеты, и музыка играетъ довольно хорошо отрывки изъ оперъ; у кофеенъ разставлены стулья и столики,—пьютъ кофе, розоліо, лимонадъ, шербетъ; по площади ходятъ мужчины и женщины всѣхъ полковъ, болтаютъ, курятъ трубки. Вотъ взошла и луна и полупогасила свѣчи и лампы. Точно какъ въ Венеціи,—только въ маленькомъ размѣрѣ.

Сюда пріѣхали мы изъ Скрадина (Scardona), въ который вчера пріѣхали изъ Дерниша, и остановились по рекомендат. письму Міовича у Синьбада. Почтенный этотъ старикъ не зналъ, какъ угостить насъ: «Русскіе у меня въ домѣ!» говорилъ онъ, и принимался повторять поцѣлуи,—и поцѣлуи это[го] усача съ длинными волосами, покрытыми красной капой, толстаго и жирнаго, были для меня пріятнѣе поцѣлуевъ красной дѣвушки. Все его сѣмейство, мужское и женское, раздѣляло его радость. Пообѣдавши, мы сѣли на лодку, и по Каркѣ вверхъ къ водопаду. Чудесной водопадъ. Уже съ издали видишь его, какъ [1]) бу[дто] . . . . [колич]ество полотна разложено по горѣ между зеленью. . . . . не знаешь, какою частію любоваться, тутъ масса [воды перели]вается какъ будто изъ огромнаго чана въ другой. . . . . со скалы, падаетъ на камень, разбивается въ дробезги . . . . себя облачкомъ серебристой пыли, тамъ чуть видная . . . [изъ]за зелени. Всего водопада вдругъ и видѣть нельзя. Такъ . . . . [мел]ьницъ на немъ болѣе 60. Мы ходили вверхъ до того мѣста . . . . . течетъ еще ровно,—и тамъ видъ чудесной. Сегодня . . . . . снабдивши въ дорогу ветчиной, хлѣбомъ и виномъ, ... внизъ по Каркѣ въ Шебенико. И тутъ виды на [каждомъ] шагу. Мы ѣхали около 3 часовъ на 4-хъ веслахъ.

[Шебени]ко расположенъ по горѣ амфитеатромъ, и защищенъ крѣ . . . . Церквей болѣе 30. Есть двѣ и нашихъ.—Обѣдали у Павковича . . . . . въ Рус. службѣ и знавшаго о нашемъ пріѣздѣ еще напередъ [отъ К]няжевича. Еще мы сидѣли за столомъ, какъ вошли двѣ дамы—[ма]ть и дочь, отрекомендовались хозяину, и обратились къ намъ; онѣ знали, что мы

[1]) Край письма въ этомъ мѣстѣ оторванъ.

пріѣдемъ и узнавши о пріѣздѣ, пришли насъ видѣть. Чуднѣе всего было для меня то, что дама твердо знала мою фамилію. Она Дельфина Сировица, родственница Вучичевичамъ [1]), была въ Харьковѣ, знаетъ островокъ и Авксентьевыхъ и хочетъ воротиться. Обѣ съ дочерью хорошо говорятъ по Русски. Вечеромъ мы заходили къ нимъ и слышали, какъ дочь играетъ на флейтѣ.

Сплѣтъ (Spalatro). 6-е Іюля.

Вчера утромъ я ѣздилъ на островъ Первичъ, а Петръ Ив. оставался дома; а потомъ, воротившись въ Шебенико, вмѣстѣ ходили по церквамъ (православная невелика, но хороша, въ старомъ вкусѣ); были у протопопа нашего, и вечеромъ поѣхали въ Трогиръ (Trau). Ѣхали цѣлую ночь, за что и заплатили 10 флориновъ. Трогиръ построенъ на маленькомъ островку, между твердой землей и островомъ Буа, и очень мило рисуется и съ горъ, и съ моря: башни церквей, развалины старыхъ укрѣпленій, венеціанской архитектуры домики, все очень мило,—а о нечистотѣ ни слова: тутъ она всюду дома. Съ помощію доктора Такони мы обходили городъ скоро, были и въ библіотекѣ графа Гараньяни, познакомились съ нимъ, пообѣдали, выспались, сѣли на трагетто и по маестру на всѣхъ парусахъ помчались въ Сплѣтъ. Переѣзду 1—2 часа (заплачено 2 двугрив.). Три трагетто идутъ каждый день послѣ полудня, когда начинается маестро.

Сплѣтъ большой городъ, дѣятельный, со множествомъ остатковъ Римскихъ, множествомъ переулочковъ и т. д. Познакомились покамѣсть съ однимъ Каталиничемъ, [истори]комъ Далмаціи и съ его сѣмействомъ. Завтра... осматривать городъ.

А между тѣмъ прощайте. Съ нетерпѣніемъ [жду] пріѣзда въ Дубровникъ (Рагузу), гдѣ надѣюсь [полу]чить отъ васъ письмо. Грустно станов[ится]. Цѣлую вашу ручку, милая маме[нька]. Цѣлую тебя, милый братъ.

Кланяйтесь знакомымъ. Из. Ср.

LIV.

№ 44. Сплѣтъ. 7-го Іюля.

Письмо прѣдидущее лежитъ еще не отправленное на столѣ, потому что забылъ справиться, гдѣ почта; а вотъ я уже начинаю другое.

Въ Сплѣтъ мы пріѣхали вчера съ однимъ изъ трехъ трагетто, которые ежедневно ходятъ сюда изъ Трогира. Сначала были хлопотни съ полиціей, потомъ съ квартирой, далѣе съ перемѣной бѣлья, далѣе съ кофіемъ; такъ что

[1]) Семья Матв. Петр. Вучичевича, бывшаго въ то время почтмейстеромъ въ г. Харьковѣ.

выбрались изъ дому уже вечеромъ — и отправились къ майору Каталиничу, Далмат. историку [1]). Оказался предобрый, толстой старикъ. Сегодня вмѣстѣ съ нимъ мы осматривали древности Сплѣта — остатки Діоклетіанова дворца или, лучше сказать, замка, и что потомъ строено Венгерцами и Венеціанами. Отъ Діоклетіанова дворца осталось немногое, и то такъ перемѣшано съ новыми пристройками и конопатками, что жалость смотрѣть: между колоннами врѣзались домишки, огромныя окна замѣнены маленькими, изъ одного яруса кое-гдѣ стало два, кое-гдѣ полтора, гдѣ были языческіе храмы, тамъ теперь христіан. церкви. Понять ничего нельзя; видно только, что прежде было такъ величественно, какъ теперь гадко. Старый, такъ наз. Греческій храмикъ долженъ былъ быть прекрасенъ, а теперь воняетъ и снаружи и внутри; храмъ Діаны стоитъ безъ свода, и едва даетъ проходъ; изъ храма Юпитера сдѣлали соборъ. Къ нему приставлена прекрасная сквозная колокольня въ XIV в. Венграми. Изъ сѣней сдѣлали площадь; около нея остатки величеств. колоннады. Замокъ Венгерской съ тяжелыми башнями хорошъ для картины. Остатки Венец. укрѣпленій вовсе не живописны. Сплѣтъ довольно великъ, но улицы — лабиринтъ, и есть не шире шага или аршина. Тутъ не ѣздятъ, какъ и всюду въ Венец. городахъ. Жителей съ 4-мя предмѣстьями до 10,000. Дѣятельности торговой довольно; есть купцы и изъ Босніи. Есть 2 книжныя лавчонки. Есть продаватели старыхъ Римскихъ древностей, открываемыхъ неподалеку въ развалинахъ древней Салоны, гдѣ теперь село Салинъ. Портъ вѣликъ и малыхъ кораблей не мало. Съ набережной (marina) видишь острова Солту и Брачь и прекрасной разливъ моря. Говорятъ тутъ по-Итальянски испорченнымъ Венец. нарѣчіемъ. Народъ одѣвается или въ лохмотья, такъ что всѣ части тѣла видны, или (женщины) со вкусомъ (женщины особенно): напр. на головѣ платокъ такъ: на тальи кофточка сверхъ корсета, большею частію прямая, съ серебр. пуговицами, безъ рукавовъ, а рукава отъ рубахи бѣлыя широкія, сверхъ юпки передникъ перевязанной пояскомъ, за которой заткнутъ платокъ и серебр. цѣпь съ ключомъ, красные чулки на ногахъ.—Все это очень мило. — Другое знакомство наше, — учитель Стазичъ. Обѣдали въ кан. трактиріи: нечисто.

8-е Іюля.

Между Трогиромъ и Сплѣтомъ по берегу залива горы хоть и довольно высоки, но не очень круты, и къ морю опускаются полями. Эти поля за-

[1]) Авторъ „Storia della Dalmazia.“ Zara, 1834—1835.

сѣяны виноградомъ, маслинами, разными плодовыми деревьями, хлѣбами, цвѣтутъ и красуются. Въ прежнее время, когда владѣли еще Турки въ горахъ, были тутъ кое-гдѣ хуторки, и были построены какъ замки противъ нападенія Турокъ, и получили по этому названіе castelli. Это названіе сохранилось и доселѣ, хотя замки-хуторки превратились въ деревни. Всѣхъ 7. Почти всѣ, особенно три крайніе къ Трогиру, довольно чисто построены; есть домики премилые, и прекрасно опустились въ воду и окружены зеленью. Народъ богатъ и прекрасно одѣвается, и всего имѣетъ вдоволь. Въ эти castelli ѣздили мы сегодня на лодкѣ. Заѣзжали къ попу въ одинъ изъ нихъ, въ другомъ пили кофе у знакомой старухи, и т. д. Народъ весь на улицахъ: кто работаетъ, кто такъ сидитъ или лежитъ, кто спитъ, подъ тѣнію. Эти мѣста называются садомъ Далмаціи и стоятъ названія. Жаль только, что къ тѣни раинъ и кипарисовъ не прибавляется тѣни липъ или другихъ подобныхъ широкосѣнныхъ деревъ.

9-е. Пароходъ Митровскій у Курцолы.

Въ 7 часовъ утра вскочили мы сегодня на пароходъ и помчались отъ Сплѣта внизъ. Общество наше хоть и мало разнообразно, за то очень велико: 200 человѣкъ солдатъ, переправляемыхъ въ Рагузу, и нѣсколько офицеровъ. У городка Лесины остановились мы въ 11-мъ часу и простояли тамъ около 2-хъ часовъ; на берегъ мы не сходили. Въ 5 часовъ вечера пріѣхали сюда къ городку Курцолѣ и остановились тутъ на цѣлую ночь. Ѣдемъ быстро, но видѣть нечего: то одинъ, то другой островъ, то съ той, то съ этой стороны островъ гористой, сѣрой, такъ что зелень едва замѣтна. Въ Курцолѣ мы сошли на берегъ, чтобы немного осмотрѣться: городокъ, окруженной стѣнами, занимаетъ весь полуостровокъ, на которомъ построенъ; и страшно ходить по нему: домы надъ домами, много по архитектурѣ хорошихъ, но еще болѣе совершенно пустыхъ, безъ оконъ, безъ крышъ, отчасти потому что чума переморила жителей, отчасти потому что жители сами оставили дома и переселились кто въ предмѣстія, кто далеко. Мы бродили по городку до захода солнца, прячась отъ жару, потомъ вышли на набережную. Тутъ пристали къ намъ два медика, а между тѣмъ на лодкѣ ѣхалъ преторъ изъ Оребича (на Сабіончелло) домой. Онъ предлагаетъ намъ прокатиться съ нимъ, говоря что переѣздъ полчаса,—мы садимся и поѣхали. По дорогѣ онъ разсказывалъ намъ объ огромныхъ сомахъ, о семиручкахъ [1]), о ядовитыхъ змѣяхъ, о сѣрной пещерѣ въ горѣ Иліи, соединяющейся съ моремъ, и т. д. Подъѣзжаемъ,—видимъ прекрасные чистенькіе домики, кипарисы, пальмы и дивные костюмы. Женщины на головахъ носятъ шляпы (клобуки) изъ соломы съ лентами цвѣтами

[1]) Въ подлинномъ текстѣ рисунокъ.

и перначемъ и волосы прелестно завиты, юбка голубая съ красно-желтою каймою, на лифѣ корсетъ, рукавчики синенькіе (трауръ черной). Я не успѣлъ еще сказать, что нахожу сходство костюма съ Испанскимъ, какъ преторъ объявилъ мнѣ, что дѣйствительно сюда переселилась когда-то Испанская колонія. Говорятъ впрочемъ теперь всѣ по-Далматински. Поздно ворочались мы домой—на 4-хъ веслахъ: маестралъ дулъ противъ насъ, но по маестралу хорошо ѣхать и противъ вѣтра. И наконецъ мы опять на пароходѣ. Завтра намѣрены пуститься въ путь въ 8 утра и къ 5 послѣ обѣда быть въ Дубровникѣ (Рагуза). Теперь покойная ночь.

10-е. Пароходъ.

Въ 3 часа пристали къ Дубровнику, сами не зная, что сдѣлаемъ—поѣдемъ-ли далѣе въ Котаръ, или останемся тутъ. Пошли прямо къ нашему консулу Гагичу, съ его помощью достали вещи наши, посланныя нами изъ Рѣки, деньги, посланныя изъ Тріеста, и т. д., и рѣшились ѣхать въ Котаръ на пароходѣ. Оттуда до Черной горы уже не далеко, и къ ней-то мы приближаемся. Дубровникъ стоитъ на мысу, окруженъ крѣпкими стѣнами, опускающимися величественно въ море, съ двухъ сторонъ тянутся предмѣстья а на горѣ, круто опускающейся къ городу, стоитъ высоко-высоко крѣпость. Видъ чудесный. И внутри городъ тоже хорошъ; главныя улицы широки и прямы, домы всѣ хороши, а нѣкоторые прекрасны; всюду чисто. Всего пріятнѣе слышать всюду родные звуки: хоть и говорятъ по-Итальянски, какъ у насъ по-Французски, хоть и на Итальянск. языкѣ ведутся всѣ дѣла, по-Иллирски говорить не стыдится никто. Гагичь предобрый старикъ. Еще познакомились мы съ Казначичемъ [1]), адвокатомъ и писателемъ; характерный старикъ. Онъ проводилъ насъ къ берегу, гдѣ мы на лодочкѣ переправились на пароходъ. О пріѣздѣ нашемъ всюду знаютъ, знаютъ даже, гдѣ мы были, куда ѣдемъ.

Но Боже мой, что за жаръ! На 23° стоитъ, не сдвигаясь, и ни утромъ, ни вечеромъ, ни ночью нѣтъ утѣшенія. Нѣтъ, въ эти мѣсяцы плохо путешествовать по такимъ южнымъ странамъ, и въ такіе жары у насъ лучше.

11-е. Катаро.

Сегодня мы выѣхали изъ Рагузы въ 6 утра. Я еще спалъ; пароходъ, шумѣлъ колесами, югъ (scirocco) морщинилъ море и вылъ, но я ничего не слышалъ. Часа $3^1/_2$ мы ѣхали по открытому морю; потомъ завернули въ Восса

[1]) Ант. Казначичь—поэтъ и историкъ Далматинскій.

di Cattaro. Тутъ море все уже, горы все выше, но у моря внизу покрыты роскошною зеленью, и между зеленью у самого моря домики такіе миленькіе, веселенькіе, а надъ ними высоко стремнины скалъ. — Теперь въ Каттаро. Городокъ лежитъ какъ разъ подъ стѣнами скалъ, и въ этомъ мѣстѣ заливъ малъ и такъ окруженъ горами, что кажется озеромъ. На[дъ] городомъ высятся Черныя горы такъ, что надобно голову заламывать, глядя на нихъ, не только въ городѣ стоя, но и на набережной; горы дикія, стремнистыя, величественныя и страшныя. Въ Каттаро живетъ Чевкинъ [1]): съ чиновникомъ Австрійскимъ они хлопотали объ опредѣленіи границъ между Черногоріей и Австріей. Онъ былъ у насъ въ Тріестѣ; мы отплатили ему визитъ здѣсь. Все на насъ смотритъ и не одинъ Черногорецъ протягивалъ намъ сегодня руку, славя Московитовъ и Николая. Сегодня у Черногорцевъ большой праздникъ: Петра, а покойнаго митрополита Петра тѣло осталось нетлѣннымъ, и онъ считается ими святымъ. Очень жаль, что мы не успѣли быть на этомъ праздникѣ. Теперь прощайте до завтра.

12-е. Цетинь въ Черной горѣ.

Сегодня утромъ въ 5 часовъ стали мы подниматься на Черную гору. Поднимались часа два,—подъемъ тяжелой,—съ каждымъ шагомъ выше по крайнѣй мѣрѣ на поларшина, и кое-гдѣ, чуть не карабкаясь. Крѣпость Котарская снизу намъ казалась Богъ знаетъ какъ высоко; поднявшись на 6-ю долю высоты, она уже была подъ ногами, а заливъ Котарскій какъ озерцо. Далѣе раскрылась вся бокка, а потомъ и море. И тутъ насъ встрѣтилъ туманъ. До границы Черногорской тропинка пренесносная. Далѣе идетъ порядочная дорожка, стоившая большихъ трудовъ. Поднявшись совсѣмъ на гору, мы пошли по вершинѣ далѣе и далѣе и дошли до деревни Нѣгуши, откуда родомъ и владыка. Жалкая деревня. Тутъ мы сварили себѣ кофе, пили вино, ѣли колáчи. Далѣе я сѣлъ на мула и поѣхали въ Цетинь. Съ проходящими Черногорцами говорили мы часто. Многіе останавливали насъ вопросомъ, кто мы, но узнавши, что мы Русскіе, были очень дружелюбны. У одного колодца встрѣтили процессію: знамена, образъ, евангеліе, крестъ, — священникъ, одѣтый какъ и всѣ Черногорцы, только риза накинута сверху. Это очень странно, когда представите, что онъ въ опанкахъ, чулкахъ, коротк. шароварахъ куртκѣ и за поясомъ ганжаръ (кинжалъ) и пистолеты. Приближаясь къ Цетини мы увидѣли башню и на ней на шестахъ множество Турецкихъ головъ. Было уже около 4 часовъ, когда мы подошли къ Цетини; епископъ спалъ, мы пришли къ его брату, и потомъ къ секретарю. Между тѣмъ епископъ проснулся, насъ

[1]) Александръ Владимировичъ Чевкинъ.

позвали, — и можете представить мое новое изумленіе, когда я увидѣлъ епископа Петра Петровича Нѣгуша въ такомъ же Черногорскомъ костюмѣ только съ бородой. Гигант. роста, красавецъ, молодой, онъ говоритъ по Русски, Французски, Нѣмецки, Итальянски, очень обходителенъ, уменъ въ разговорѣ, и съ нами очень милъ. Въ главной комнатѣ его биліардъ, по стѣнамъ ружья отнятыя у Турокъ и портреты — Николая, Наполеона, Георгія Чернаго и Байрона. Николая тутъ всѣ чудно любятъ, называя своимъ императоромъ. Обѣдали вмѣстѣ. Далѣе кофе и трубки. Спать. Гулять. Вечерній разговоръ. Опять спать.—Все шумитъ, поетъ, оканчиваетъ вчерашнее празднество. Черногорцы—молодцы, и владыку любятъ, хоть онъ съ ними и не шутитъ. Цетинь — монастырь, возлѣ него господарева куча (дворецъ), обведенный стѣною, и нѣсколько корчемъ, а въ томъ числѣ и гостинница съ прекрасною комнатою. Камня много — нигдѣ столько, зелени мало; но не жарко, не душно и свѣжо.

13-е. Катаро.

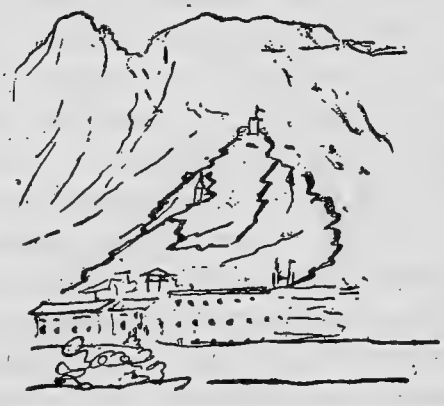
Мы просили владыку позволить намъ путешествовать по его владѣніямъ дня два-три; онъ, разумѣется, былъ согласенъ, но самъ же и отсовѣтовалъ. «Я не говорю уже о томъ, сказалъ онъ намъ, что вы вмѣсто хорошихъ ночлеговъ найдете только гостепріимство бѣдняка, душею любящаго Русскихъ, но тѣмъ не менѣе слишкомъ бѣднаго; я боюсь за ваше здоровье: пары Болота (Lago di Scutari, куда мы хотѣли идти), въ это время и сильны и вредны». Мы послушались его совѣта и рѣшились ѣхать изъ Черной горы вмѣстѣ съ нимъ въ Катаро, тѣмъ болѣе, что такое возвращеніе могло быть для насъ любопытнѣе и полезнѣе 10 дней одинокаго пути. Сегодня рано, часу въ 5-мъ стучатъ къ намъ въ двери. «Avanti» (=herein=войдите). Входитъ одинъ изъ перьяниковъ (гвардейцевъ), говоря, что господарь проситъ насъ. Мы одѣлись, пошли въ церковь (церковка) къ гробу Петра, оттуда къ владыкѣ, напились кофе, и на коней. Намъ, почитая насъ за трусовъ, дали лошаковъ (мезга). Петру Ив. лошакъ порвалъ вчера сюртукъ, и онъ пошелъ пѣшкомъ, а я сѣлъ и ѣхалъ половину дороги. Отъ самаго выѣзда начались выстрѣлы, и продолжались до Катаро, а гдѣ ѣхали мимо церкви начинался звонъ колоколовъ. Картина чудесная: колокола звонятъ, выстрѣлы гремятъ и по три, по четыре раза повторяются горами, караванъ вьется по тропинкѣ и шумитъ; встрѣчающіеся довѣрчиво глядятъ въ лице владыкѣ и привѣтствуютъ его поклономъ и поцѣлуемъ въ свою руку. И чуденъ караванъ: впереди перьяники пѣшкомъ, далѣе владыка, Австрійскій капитанъ Оремовичь, одинъ изъ сердарей, братъ владыки, два или три изъ сенаторовъ, мы, кто на конѣ, кто на мулѣ, кто пѣшкомъ, нашъ проводникъ, слуги владыки, — странная смѣсь. Мезга моя отстала и мы съ Петромъ Ив. потеряли караванъ

изъ виду, не доѣзжая до Нѣгушей. Какъ бѣжитъ Черногорецъ и говоритъ что владыка ждетъ насъ у своего дома (онъ изъ этой деревни). Я соскочилъ и пошелъ пѣшкомъ вдвое скорѣе нежели ѣхалъ. Домъ порядочной, но устроенъ по мужицки, только больше и чище. Въ комнатѣ собралось все, подали кофе, потомъ окорокъ, баранины, вина. «Sans cérémonie!» сказалъ владыка намъ, и усадилъ около себя. Отца его мы видѣли въ Цетини (почтен. 80 лѣт. старикъ); а тутъ живетъ его мать и сестра. Мать здоровая, добрая, простая женщина, глядящая на сына какъ на солнце; мы адресовались къ ней съ привѣтствіемъ и по христіански облобызались. Завтракъ скоро кончился и мы далѣе. Я пошелъ пѣшкомъ, не отставая отъ владыки, и говоря съ нимъ о чемъ на умъ всходило—большею частію по Французски. Такъ шло до границы. Тутъ сошли всѣ съ коней и муловъ и послѣ удалыхъ выстрѣловъ и криковъ пошли пѣшкомъ всѣ. Я сошелся съ однимъ изъ перьяниковъ, побратимился съ нимъ и отдался въ его волю, потому что безъ его помощи вѣрно упалъ бы не одинъ разъ. Взошедши на дорогу большую, владыка пересѣлъ на другого коня, котораго вели до сихъ поръ подъ уздцы, приказалъ мнѣ сѣсть на его перваго коня, и такимъ образомъ поѣхали мы къ городу.—Мы вошли на минуту въ его квартиру, поблагодарили и отправились къ себѣ. — А теперь спать.

14-е.

Сегодня мы были опять у владыки, потомъ пошли съ нимъ и съ Чевкинымъ гулять на марину. Чѣмъ болѣе съ нимъ говоришь, тѣмъ болѣе удивляешься ему какъ человѣку и какъ правителю Черногорцевъ. Говоритъ хорошо, умно, съ чувствомъ, съ достоинствомъ и безъ натяжки, и во всѣхъ словахъ видна любовь къ народу такъ-же, какъ въ обращеніи Черногорская простота.

Видъ съ марины на Катаро чудесной: внизу городъ, надъ городомъ крѣпость, надъ крѣпостію Черныя горы—градъ Пустинъ и Ловчинъ, почти такъ:

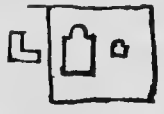


Но и страшно жарко въ Катарѣ: 28° и духота. Одно утѣшеніе на маринѣ. Я только что воротился. Тамъ все живо. На баркахъ огни, море отсвѣчиваетъ огни съ противуположнаго берега, а надъ Катаромъ горы какъ тучи.

(Въ Катарѣ 2 православ. церкви: Николая—большая и Луки—маленькая. Церковь, построенная Душаномъ, сдѣлалась теперь главною Римскою.

15-е Новый (Castelnuovo).

Наняли барку, простились съ владыкой, и поѣхали по Катарскому заливу. Заливъ очаровательный: вода какъ зеркало, по берегу прелестныя деревеньки, окруженныя виноградомъ, фигами, гранатами, оливами, кипарисами, орѣхами, черешнями; надъ ними скалы, упирающіяся въ небо. Особенно прекрасно то мѣсто залива, гдѣ море съузилось какъ рѣка, и которое называется Цѣпями (Вериги=Catene). Новый лежитъ амфитеатромъ на горѣ и окруженъ развалинами крѣпости; а на возвышеніи горы новая крѣпость. Городокъ бѣдной. Солдатъ множество. Верстахъ въ 2-хъ отъ города тоже на берегу моря лежитъ Савинъ монастырь. Въ надеждѣ найти тамъ старыя рукописи мы отправились туда. Дорожка, ведущая въ монастырь, поразила насъ: камня по ней мало, съ обѣихъ сторонъ надъ нею деревья и кустарники садовъ и лѣса, и сквозь вѣтвей видишь море. Монастырь почти со всѣхъ сторонъ окруженъ тоже лѣсомъ и садами. Середи главнаго двора стоитъ большая церковь, точно большая, прекрасно сложенная изъ большихъ камней, внутри высланная мраморомъ, чистая и очень хорошо украшенная. Подлѣ нея стоитъ другая крошечная церковка, а на другомъ дворѣ келіи, гдѣ та-же чистота, что и въ церкви. Игуменъ—прекрасной старикъ. Остальныхъ монаховъ четыре. Мы ворочались вечеромъ и старались продлить прогулку.



17-е. Дубровникъ.

Въ Новомъ наняли мы верховыхъ лошадей и поѣхали въ Старой Дубровникъ. Пути—съ небольшимъ 6 часовъ. (Заплочено за три лошади 5 фл. 40 кр.). Сначала ѣхали близь берега моря, дорога обворожительная. Далѣе у Суторины пришли на границу Турецкую. Тутъ намъ дали гвардіяна, и съ нимъ шли мы около часа по Турціи: населенія меньше, дорога гораздо хуже. Въ Дубровникъ Старый пришли мы въ концѣ 1-го. Жаръ былъ страшной. Переждавши его, мы сѣли на барку и поѣхали въ Дубровникъ. Пути съ хорошимъ вѣтромъ не болѣе 1-го часу.—Мы остановились въ Локандѣ al Vaporе, лучшей. Намъ отвели 2 комнаты. Часу въ 11-мъ мы разошлись по постелямъ, и я скоро заснулъ. Вдругъ слышу кто то стучится въ дверь. «Кто тамъ?»—Отворите, Измаилъ Иванычъ!» и вошелъ Петръ Ивановичъ со свѣчею: «Я тутъ боюсь, я спать не буду». Что такое? «Пойдемъ посмотримъ: моя комната полна блохъ, клоповъ, таракановъ, всякой дьявольщины, и я видѣлъ что-то черное, величиною въ палецъ, со множествомъ ногъ». Мы искали этого стонога, но не нашли, и Петръ Ивановичъ сѣлъ читать-писать, а я легъ на

свою постель такъ, чтобы осталось мѣсто и Петру Ив. Словомъ это была ночь въ родѣ Нинской ночи. Сегодня съ утра стали хлопотать о квартирѣ, и долго ничего не удавалось. Наконецъ (въ кофейнѣ) подходитъ къ намъ одинъ человѣкъ (Будмани), и предлагаетъ у себя квартиру. Мы было думали, что за деньги, и спросили есть ли у него двѣ комнаты. «Хоть десять» отвѣчаетъ онъ. «Мое семейство теперь въ Кампаньи, и вы можете быть у меня полными хозяевами, лишь бы вамъ понравилось. Можетъ быть развѣ далеко: вонъ на взгорьи». Мы не могли не принять его предложенія,—и вотъ у него въ домѣ. Домикъ прелестной, чистой. Намъ даны всѣ удобства, а изъ оконъ видъ на городъ и море. Словомъ, лучше ничего быть для насъ не можетъ. Одно горе: безъ платы.

Но что за жара! Страшно! Я весь облитъ потомъ, хоть вотъ уже $10^1/_2$ вечера.

18-е.

У кофейни sotto pile есть площадь, уросшая ивами и орѣхами, вѣчно въ тѣни. Сюда Дубровчане собираются гулять, пить кофе, ѣсть мороженное. Сегодня была и музыка. Владыка сегодня утромъ пріѣхалъ сюда, и мы тутъ съ нимъ видѣлись. На него все засматривается, и толпы ходятъ въ слѣдъ за нимъ. Мы слышали, какъ одинъ Австріецъ говорилъ «какъ можно позволить этимъ Черногорцамъ ходить тутъ по городу въ вооруженіи». Мнѣ хотѣлось спросить его, уже-ли и Австрійскій офицеръ могъ бы ходить безъ шпаги въ чужомъ государствѣ, какъ арестованный.

Стонъ (Stagno). 21-е.

Еще третьяго дня мы наняли мѣста на баркѣ (за 2 фл.), но до вчерашняго вечера вѣтеръ не выпускалъ насъ изъ Дубровника; наконецъ,—и выбравшись вчера въ 7-мь вечера и ѣхавши цѣлую ночь, едва, едва доѣхали сюда въ 1 послѣ обѣда. Тутъ отдыхаемъ, и потомъ далѣе въ путь. Благодаря Бога, комната порядочная. До Сплѣта мы хотимъ по суху, а далѣе, на пароходъ, если только успѣемъ, чего не дай, Боже. Дубровникъ оставляетъ въ насъ по себѣ пріятное воспоминаніе: Адвокатъ Казначичь (литераторъ) и православный священникъ отецъ Григорій Николаевичь (тоже литераторъ) доставили намъ много пріятныхъ минутъ, а нашъ добрый хозяинъ Будманъ выше описанія. Консулъ Гагичь насъ забылъ, но мы равно забыли о немъ. Стонъ—дрянной городишка съ дрян. крѣпостью и съ крѣпостными стѣнами, возвышающимися надъ городомъ по горѣ, какъ и въ Котарѣ.

Трагетто изъ Наренты въ море. 23-е.

Трагетто—корабликъ длиною сажня $2^1/_2$, шириною сажня $1^1/_2$, идетъ на парусахъ и на веслахъ; внутри его ямка съ покрышкою въ 1 квадр. сажень, гдѣ и дрова и боченки съ бивандой (вода съ виномъ), и наша поклажа, и мы, спасаясь отъ жара. Ѣдемъ по рѣкѣ Нарентѣ изъ Опузина (Fort Opus) въ море, чтобы пробраться въ Макарскую. Вчера ночью, выѣхавши вечеромъ изъ Стона, спали мы на маленькой барочкѣ, гдѣ едва могли помѣститься на ночлегъ 6 человѣкъ (мы и 4 весельщика) у берега моря при устьи Наренты. Спать было тѣсно, но спалось хорошо; а просыпавшись, я видѣлъ на морѣ огни рыболововъ, ловящихъ сарделли (крошеч. рыбенка въ родѣ снѣдковъ): огнями, разводимыми на лодкахъ, ихъ заманиваютъ, и огни эти всюду по морю, какъ иллюминація. Рано утромъ до солнца мы двинулись впередъ, и до 7-ми пріѣхали въ дрянной городишко Опузинъ, по рѣкѣ Неретвѣ или Нарентѣ. Тутъ природа другая: хоть скалистыя горы и видны кругомъ, но между ними широкая равнина низкая и влажная, и по ней, опоясанная тростниками течетъ раз. рукавами рѣка Неретва. Климатъ тутъ ужасно нездоровой: лихорадки не перестаютъ, и больные въ каждомъ сѣмействѣ, разомъ по 2, по 3. Тутъ мы пили кофе, обѣдали, сѣли на трагетто и далѣе. Мы ѣдемъ на веслахъ; я лежу и пишу; комары жужжатъ и кусаютъ безпощадно; тутъ ихъ пропасть. Мы было хотѣли по суху ѣхать, но намъ отсовѣтовали, сказавши, что и дологъ путь, и нѣтъ ночлеговъ; а ѣздить тутъ не дешево; вчера до Опузина—5 флор.; а сегодня до Макарской—6.

Макарска. 24-е.

Маленькій городокъ на берегу моря надъ стремнистой огромною горою Біоковомъ. Мы пріѣхали сюда часовъ въ 6, когда еще солнце, выходящее тутъ изъ за горъ, не свѣтило, и все дышало хоть и самой умѣренной, но всетаки прохладой. Ночевали на баркѣ; капитанъ (начальникъ барки) послалъ намъ коверъ, сдѣлалъ пологъ, и если бы еще могъ утишить волненіе своей барки, то далъ бы намъ сонъ, какого въ Далмаціи мы не имѣли; впрочемъ и качанье барки (вотъ такое ×) не много намъ мѣшало, а въ просонкахъ можно было любоваться огнями рыбаковъ и фосфорич. блескомъ моря. Передъ сномъ же ужинъ нашъ состоялъ изъ нѣсколькихъ яицъ и стакана чаю съ виномъ. Я уже не говорю о чистомъ винѣ: мы привыкли къ нему какъ къ чистой водѣ и даже болѣе, потому что чистую воду почти не пьемъ, остерегаясь нечистой.—Тутъ изъ нашей комнаты мы видѣли между прочимъ такую сцену: мясникъ покупалъ козъ у мужика, и давалъ за 7—8 двугривенныхъ, а мужикъ и отдалъ, думая что ихъ у него только шесть; отсюда споръ, и мы присовѣтовали мужику идти въ полицію (претуру) и оправдываться. Какой

чудесный видъ изъ нашей комнаты: сѣрыя горы въ небѣ, много зелени по отлогостямъ, море; это надобно видѣть.

Омишь (Almissa). 25-е.

Ну и ночь была! Въ Макарской вчера наняли мы лодку, чтобы ѣхать сюда еще утромъ, но цѣлой день до вечера былъ маестралъ. Вечеромъ рѣшились ѣхать. Подошли къ баркѣ: глядь на барочку: игрушечка, чтобы ѣздить по Лопани, а не по морю. Отъѣхали нѣсколько, и барочники сами сказали, что надобно воротиться, что на этой барочкѣ ѣхать невозможно, что они имѣютъ другую большую. Воротились, пересѣли въ большую барку, легли на матрацѣ подъ палубой, поѣхали и подъ качку заснули. Насъ было 5: старая баба, рулевой, парусной и насъ двое. Я спалъ долго и хорошо. Вдругъ слышу на палубѣ стукъ и строгій говоръ, чувствую, что барка качается такъ ×, вижу воду заливающуюся подъ матрацъ; высовываю голову на палубу,—свѣтаетъ, море страшно вздымается и пѣнится, а парусъ надулся такъ, что вотъ порвется; спрашиваю—гдѣ мы? Еще на полпути (12 миль) у Врули. Тутъ вытекаетъ изъ горъ потокъ, и море «вретъ» т. е. бушуетъ почти всегда. Рулевой сказалъ мнѣ, чтобы я спокойно легъ, что Архангелъ Михаилъ спасетъ насъ. Каково же мнѣ было лечь! Да и лежать развѣ крѣпко спящему, какъ Петръ Ивановичъ, было можно, когда приходилось стоять, лежа чуть не на головѣ. Я сѣлъ подъ мачтой, и думалъ о васъ, милая маменька! Это заставляло меня забывать качку, мало по малу забываться, такъ что я непримѣтно заснулъ. Проснувшись въ другой разъ, я уже слышалъ отъ матросовъ нашихъ благодарность Михаилу: вѣтеръ шумѣлъ, море волновалось, барка качалась, но неслась,—и мы скоро увидѣли Динаръ—планину подъ которой стоитъ Омишь. Пріѣхавши часовъ въ 5 утра сюда, отправились въ кофейню, свели тутъ знакомство съ какими то горожанами, спросили объ Иллирскомъ семинаріумѣ и переправились черезъ Цетинь туда. Мѣсто, на которомъ стоитъ Омишь, очаровательное диво: горы спускаются къ городу почти перпендикулярно, а между ними мчится Цетинь. Семинарій остался только при названіи: въ немъ живетъ одинъ старикъ (88 лѣтъ)—учитель, а прежде было учениковъ болѣе 50, которые учились по Иллирски. Старикъ привязанъ къ Русскимъ, и, чуть только мы пришли къ нему, какъ явился и шпіонъ слушать, что мы будемъ говорить. Смѣшно! Но старикъ имѣетъ многое, касающееся до республики Польицы, и намъ работа. Остаемся тутъ на нѣсколько дней.

28-е. Сплѣтъ.

Вотъ и опять Сплѣтъ, и мѣста на пароходѣ нами уже взяты. Третьяго дни, оставивши Петра Ивановича за писаньемъ, ѣздилъ я вверхъ по р. Цетини

къ водопаду Губавицѣ. Дорога идетъ два часа по берегу рѣки подъ скалами самой разнообразной формы, и всетаки перпендикулярными. Въ иныхъ мѣстахъ около рѣки расширяются луга, въ другихъ—рѣка съужается между скалами, такъ что едва остается мѣсто для искуственной тропинки. Другіе два часа ѣдешь (не иначе какъ верхомъ), не видя ни рѣки, ни мѣста, гдѣ она течетъ: по берегу рѣки дорожка тутъ и не могла быть проложена. Такъ ѣхалъ я до Задварья, и у него долженъ былъ подняться на большую гору, на которой остаются доселѣ крѣпкія развалины старой Турецкой крѣпости. Отъ маленькой этой деревеньки Задварья до того мѣста, съ котораго смотрятъ на водопадъ (въ част. саду) шаговъ сто. Рѣка течетъ тутъ глубоко между прорытыми ею скалами, и потомъ вдругъ бросается еще больше въ глубь сажень на 20 большимъ клубомъ воды, которая, еще не достигнувъ низу, разбивается въ пыль, и эта пыль какъ дымъ пожара поднимается опять вверхъ (передъ бурею за день дымъ этотъ такъ великъ, что и изъ Задварья кажется дымомъ пожара, такъ высоко поднимается). Зимою водопадъ вдвое полнѣе и блеститъ всѣми цвѣтами. Я зналъ, что сходить внизъ къ рѣкѣ трудно, но побывавши на Черной горѣ, рѣшился, и не раскаявался. Очень пріятно было подышать свѣжимъ воздухомъ и прохладой. Назадъ ѣхалъ я медленно, чтобы подолѣе насладиться видами, и пріѣхалъ поздно вечеромъ, когда Петръ Ивановичъ начиналъ уже бояться за меня, куда я дѣвался. Слѣдующій день пробыли въ Омишѣ, а потомъ черезъ Польицы въ Сплѣтъ, простившись съ добрымъ старикомъ (Кружичевичемъ), какъ съ роднымъ дядей.

31-е. Пароходъ Митровскій изъ Задра въ Рѣку.

Третьяго дни въ 11 часовъ утра выѣхали изъ Сплѣта и пріѣхали въ Шебеникъ въ 4 часа послѣ обѣда. Въ Шебеникѣ застали принца Моденскаго, а на площади множество простаго народа, пляшущаго коло и поскочницу, чтобы принца познакомить съ обычаями страны. На другой день въ 10 часовъ хотѣли было двинуться, но недоставало машиниста и двухъ пасажирокъ, ѣздившихъ на Скардонскій водопадъ, о которомъ я уже писалъ вамъ; двинулись въ 11 и пріѣхали опять въ 4; сегодня вышли въ путь въ 6 утра изъ Задра и ѣдемъ въ Рѣку. Общество наше безпрерывно уменьшается; въ Задрѣ остались многіе. Солдатъ нѣтъ. Чевкинъ тоже ѣдетъ съ нами до Рѣки и далѣе въ Тріестъ, чтобы оттуда въ Вѣну.— Ѣдемъ теперь мимо Паго, прощай Далмація!

31-е. Рѣка.

И мы въ Рѣкѣ. Пріѣхали въ 5 часовъ. Петръ Ив. легъ: ему немного дурно, а мнѣ безъ него тоже не хочется выходить.

Съ нетерпѣніемъ жду времени, когда пріѣду въ Загребъ: тамъ наконецъ надѣюсь получить ваши письма. Продолжайте писать туда. Цѣлую ручку вашу и брата. Вашъ Измаилуха.

LV.

№ 45. Рѣка. 1841. Августа 4.

Вотъ и Августъ! Если не получу позволенія остаться, то скоро и въ Россію, скоро и къ вамъ, милая маменька. Все къ лучшему. Хотѣлось бы познакомиться со Срѣмомъ, Сербіей, Галиціей, Венгріей, Польшей; но хочется и къ вамъ. Какъ сдѣлается, такъ и будетъ хорошо.

Теперь мы опять въ Рѣкѣ; вотъ уже четыре дня Петръ Ив. захворалъ, и сегодня только въ первой разъ выходилъ; а я между тѣмъ занимаюсь приведеніемъ въ порядокъ собраннаго на пути. Дѣла всегда много. Матеріалы на примѣръ для 3-го отчета приготовлены еще въ Тріестѣ, на пути думалъ переписать и послать, да не удалось, ни здѣсь не удастся.

Сегодня вечеромъ ходилъ я со здѣшнимъ правосл. попомъ на гору Трсатъ. На ней развалины стараго замка, принадлежавшаго графамъ Франгипанамъ, и монастырь. Въ монастырѣ образъ Божіей Матери чудотворной, писанный аки-бы евангел. Лукою; а прежде былъ тутъ тотъ образъ, который теперь въ Лоретто. Моряки очень уважаютъ Трсатскую икону: въ церкви виситъ множество вѣнцовъ, принесенныхъ отъ кораблей, спущенныхъ въ море, и также много картинокъ, съ изображеніемъ кораблекрушеній, гдѣ Трсатская Божія Матерь являлась спасительницей. Человѣкъ мирно живущій на мелководьи сухопутной жизни можетъ сдѣлаться равнодушнымъ ко всему, что выходитъ изъ круга его всепонятной жизни; но тамъ, гдѣ онъ подъ властію природы, въ глубинѣ ли рудника или надъ глубиною моря, гдѣ передъ ея силою ежеминутно видитъ онъ свою слабость, тамъ религіозное чувство необходимо, и переливается съ кровію по жиламъ. Услышишь отъ моряка, борющагося съ волнами и вѣтромъ, какъ онъ благочестиво скажетъ: «Богородица, помоги намъ!»—и невольно встрепенешься. Вотъ почему я не могу смотрѣть безъ чувства и на эти вѣнцы, принесенные моряками: это вѣнцы надежды на Провидѣніе.—Трсатъ производитъ и хорошее вино; мы спросили бутылку, попробовали, и бросили: хорошее выпито, а дурное всюду можно достать. Бутылка стоила 10 копеекъ мѣди; вотъ если бы можно было достать по 15 к. было бы хорошо. На Трсатъ входишь по сходцамъ въ 411 ступеней, очень хорошо сдѣланнымъ изъ камня съ очень частыми передышками.

Мрзлаводица. 6-е Августа на 5-й милѣ отъ Рѣки въ Карловацъ.

Четыре мили съ половиной (32 версты) поднимались мы на гору, и поднялись на 2936 футовъ=419 сажень, но за то и поднимались семь часовъ. Море съ островами и Истріей то показывалось, то скрывалось. Стали спускаться, оно скрылось. Прощай море! Три мѣсяца я былъ на берегахъ его, случалось и боялся его, чаще любовался, и теперь мнѣ жаль его, жаль. Будетъ можетъ быть, время, что пожалѣемъ и о Далмаціи, какъ ужъ жалѣли о Венеціи. Жить тамъ, быть тамъ долго—другое дѣло, наскучитъ; но еще разъ взглянуть, повторить впечатлѣнія, очень-бы хотѣлось. Теперь мы ѣдемъ въ Загребъ,—и оттуда—Богъ знаетъ, еще какъ случится. Наняли коляску до Карловца за 22 флорина=50 руб. 76 коп. Ѣзды два дни. Дорого, но все дешевле, нежели въ Далмаціи.

8-е Авгус. Карловацъ.

Вчера часу въ 10-мъ мы своротили съ большой дороги вправо, съ горы, къ рѣчкѣ Доброй Водѣ, и черезъ $^3/_4$ часа пріѣхали въ монастырь Гомирью. Маленькій древній монастырикъ полуразрушенный и теперь опять мало по малу обстраеваемый. Игуменъ Севастьянъ Іовичь зналъ о нашемъ путешествіи по Далмаціи изъ журналовъ, и очень обрадовался нашему пріѣзду. Къ часу былъ готовъ обѣдъ, сытный и прекрасный, а въ концѣ обѣда пили за здравіе, и монахи пѣли «многая лѣта», и колокола звонили. Монаховъ на лице 4 человѣка, да есть еще нѣсколько по сосѣд. приходамъ священниками. Игуменъ самъ образованной человѣкъ, любитель построекъ, и всякой годъ что-нибудь да и построитъ. Монастырь лежитъ невидимо между холмами, и ни видовъ около себя, ни вида на себя не имѣетъ. Въ четыре выѣхали мы, и вечеромъ пріѣхали въ Северинъ на Кулпѣ, на границѣ Краины. Переждавши тутъ часа три-четыре, сѣли опять и поѣхали на цѣлую ночь. Какая разница между ночами приморскими и здѣшними: тутъ ночи прохладны такъ, что мы надѣли на себя шинели, и даже призакутались.—Въ Карловацъ пріѣхали въ 6-мъ часу. Обѣдали у адв. Вакановича. Съ нимъ же, можетъ быть, проведемъ и вечеръ. Завтра надѣемся быть въ Загребѣ,—и я, наконецъ, долженъ получить отъ васъ вѣсточку. Такъ долго я еще никогда не ждалъ.

10-е. Загребъ.

И слава Богу получилъ—хоть и одно, но и то хорошо. Знаю по крайней мѣрѣ, что вы здоровы, что вы въ Харьковѣ. Не знаю только, что будетъ со мною. Душевно благодарю Федора Леонтьевича [1]) и не менѣе того

[1]) Тюринъ, инспекторъ казенныхъ училищъ въ Харьковѣ.

князя Цертелева [1]); но тутъ еще не конецъ: что скажетъ еще министръ и что царь. И ужъ бы такъ или не такъ, да знать; на мое письмо къ помощнику секретаря Вѣнскаго посольства онъ отвѣчалъ мнѣ, что еще ничего въ посольствѣ нѣтъ обо мнѣ. Это меня ставитъ въ затруднительное положеніе: самъ не знаю, какъ и что дѣлать.

16-е.

Сегодня было въ театрѣ чудное представленіе; давали «Осаду Сигета». Дѣйствующія лица Хорваты, которыми начальствуетъ графъ Зринскій, и Турки съ султаномъ Солиманомъ. Хорваты говорили всѣ по Хорватски, а Турки—вы подумаете, по Турецки?—нѣтъ, по Нѣмецки. Тутъ еще не все. Представленіе было въ пользу одного Нѣмецкаго актера Шмидта, штокъ-Нѣмца, не знающаго никакого языка кромѣ Нѣмецкаго,—и онъ штокъ-Нѣмецъ игралъ Зринскаго—подумаете по Нѣмецки? Нѣтъ. Какъ не придумать Нѣмцу, что только Нѣмецъ придумать можетъ! Онъ рѣшилъ дать свою ролю по Хорватски, и, рѣшившись, сдѣлалъ, на что рѣшился. Цѣлой мѣсяцъ онъ училъ свою Хорватскую ролю, ни мало не понимая Хорватскаго языка, выучилъ—и игралъ. Выговоръ, само собою разумѣется былъ жестокой: *п* и *б*, *ж* и *ш*, *з* и *с* и такъ далѣе мѣшались, иногда и понять было трудно, что говорилъ, но высказалъ все, что слѣдовало по роли. Не истинно-ли Нѣмецкое терпѣніе! Публика, не ожидая ничего, и тѣмъ была довольна, и осыпала его рукоплесканіями.

17-е.

Сегодня я перечитывалъ ваше письмо и отъ Амвросія Лукіановича [2]). И мнѣ стало грустно. Есть, конечно, люди, которые, должая постепенно другимъ, становятся имъ несносны: естественно; но уже-ли и я изъ такихъ людей? Никогда я не воображалъ, что мой доброй, мой всегда милой Амвросій Лукіановичъ измѣнится прежде нежели я къ нему. Я и теперь этому не вѣрю, не хочу вѣрить; но всетаки грустно. Амвросій Лукіановичъ! Вспомните наше знакомство отъ перваго дни свиданія до послѣдняго, подалъ ли я поводъ къ тому, чтобы вы меня могли считать подло-расчетливымъ относительно денегъ, и способнымъ вводить васъ въ издержки, вамъ не принадлежащія? По моему такія дѣла суть дѣла чести: безпечности я тутъ не понимаю, а забывчивость можетъ простираться только до того градуса, гдѣ начинаетъ занятая сумма быть важною болѣе или менѣе для того, у кого занято. Не надѣясь на свою память, я напоминалъ маменькѣ, что взялъ у того или другаго

---

[1]) Помощникъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа.
[2]) Метлинскій.

гривенникъ на извощика; но тутъ и все. Впрочемъ баста! Одного прошу у тебя, мой дорогой Амвросій: будь веселѣе, гляди равнодушнѣе на дѣла свѣта, и—«'оди по свијету, као 'чела по цвијету»—любуйся и собирай по немножку. И веселѣе! Ты когда-то жилъ такъ весело самъ въ себѣ! Маменьку мою прошу не забывать.

18-е.

Исторія, которую хочу вамъ разсказать, началась третьяго дни. Приходитъ въ нашу комнату кѣлнеръ (подхозяинъ гостинницы) и говоритъ, что мы должны искать гостинницу другую, что эта комната уже прежде нанята. «Я объ этомъ ничего не знаю», говорю я, «и останусь, сколько мнѣ угодно».— Вчера приходитъ онъ опять, приходитъ нѣсколько разъ, наконецъ даже съ рехнунгомъ, т. е. съ запиской о томъ, что мы платимъ, какъ это обыкновенно дѣлается при выѣздѣ. Я рву рехнунгъ, и говорю, что не знаю ничего о ихныхъ прежнихъ условіяхъ, и знать не хочу. Сегодня опять; но уже съ покорнѣйшею просьбою отъ хозяина, говоря, что онъ даетъ намъ другую комнату, и что только на три, четыре дни. «Очень хорошо!» Я хотѣлъ идти къ Зденчаю (о которомъ вамъ прежде писалъ), и, пришедши, распорядиться. Прихожу: мой Петръ Ивановичь уже переселился, и, не зная ничего (онъ притомъ нездоровъ лихорадкой), перешелъ въ первую комнату, которую ему указали. Комната треугольная, и одна изъ кроватей стоитъ такъ, что могла бы сбить съ ногъ и не въ потьмахъ. Нечего было дѣлать; надобно искать квартиры. Искали, искали,— нѣтъ. Тутъ наступаетъ ярмарка, и все, что было для найма, или обѣщано или безъ мебели. Раковцу [1]), съ которымъ я ходилъ, приходитъ на мысль, что въ Кригеровомъ саду есть цѣлой домъ пустой; идетъ туда— и отдаютъ. Я обѣдалъ у Зденчая; потомъ пошелъ къ Кригеровымъ, оттуда въ ихъ садъ, все съ Раковцемъ, устроили съ хозяйкой комнаты; далѣе за Прейсомъ и вещами,—перевезли ихъ и Прейса. Приходимъ назадъ, а тутъ насъ уже ждутъ дѣвушки (дочери Кригера), и тоже оканчиваютъ устроеніе нашихъ комнатъ.—Наконецъ, слава Богу, мы покойны. Только бѣдный Петръ Ивановичь нездоровъ: черезъ день лихорадка. Меня хранитъ Богъ: вчера бокъ болѣлъ, но не надолго; иногда болитъ голова, и то мало.—А Петръ Ивановичь уже нѣсколько разъ хворалъ! . . . . . [2]).

---

[1]) Раковецъ—Хорватскій писатель, поэтъ и народный дѣятель; былъ выдающимся сотрудникомъ Гая (ум. въ 1854 г. на 41-омъ г. жизни).

[2]) Въ этомъ мѣстѣ наклѣены образчики народныхъ Иллирійскихъ облатокъ при нихъ слѣд. приписка И. И. С—го: Это образчики народныхъ Иллирскихъ облатокъ, недавно вышедшихъ. Амвросій Лукіановичъ хочетъ вамъ ихъ перевести по Русски.

21-е.

Сегодня въ Загребѣ ярмарка—вàшаръ, сàямъ—и для горожанъ, и для селянъ. На площади передъ Иллирской народной кофейней рядами разставлены палатки, и въ нихъ продаютъ въ одномъ ряду бронзу и мѣдь, жен[скія] и мужскія готовыя платья, шляпы, шляпки и чепчики, посуду, въ другихъ народныя платья, кожи, узды, ремни и т. д. На другой площади,—новой—толпы народа—и главной торгъ лошадьми, коровами и пр. Послѣ обѣда былъ Иллирскій театръ подъ открытымъ небомъ. Потомъ пошелъ я съ Вразомъ на народную площадь. Народъ въ колибахъ—палаткахъ, пьетъ вино, ѣстъ пржолицу—печеное на огнѣ мясо,—пляшетъ и поетъ; передъ палатками на огнѣ печется мясо; кое-гдѣ продаютъ рыбу, сыръ. Танцуютъ больше всего поскочицу: молодецъ съ молодецъ другъ передъ другомъ поскакиваютъ, перебирая ногами, потомъ кружатся взявшись за руки на одну и на другую сторону, и опять принимаются прыгать. Въ двухъ изъ колибъ я нашелъ транспаранты, на которыхъ нарисованы бочка и винопродавцы. На одной изъ нихъ надпись:

Schenkt mir Eure Huld noch diesen Markt.
Sonst bleib'ich ein armer Theufel mein Lebelang.

На другомъ:

Bog žive!
Sanctus Paulus war ein Medicus,
Er sprach zu dem Thimotheus,
Um deines schwachen Magenswillen,
Must du den Durst mit Weinbrau stillen,
Drum freunde kehren bei mir ein,
Bei mir bekömt man guten Wein.

28 Августа.

На этихъ дняхъ я ѣздилъ изъ Загреба, и стоитъ сказать вамъ, душенька маменька, хоть нѣсколько словъ о томъ, гдѣ я былъ.—Однажды за обѣдомъ я получилъ билетъ пригласительный, на которомъ написано: «Mirko Franjo Šandor (и пр.) uzima si čest na dan 25. Kolovoza kao na godovni dan gosp. Dra Ljudevita Gaja k prijateljskomu ručku i narodnoj zabavi na imanje svoj Psarjevo preuljudno pozvati», т. е. Шандоръ имѣетъ честь звать на 25 Августа, какъ на день ангела Г. Д. Людевита Гаja къ пріятельскому обѣду и народному увеселенію въ свое имѣнье Псарево.—Съ Шандоромъ я еще не былъ знакомъ, познакомился позже; обѣщалъ быть, и вмѣстѣ съ Раковцемъ поѣхалъ 25-го, часовъ въ 9-ть. Псарево отъ Загреба въ 4 часахъ. Не смотря на дождливую погоду, гости собирались прилежно, и домикъ помѣщика, недавно

обдѣланной, наполнился гостями. Мы и Гай пріѣхали позже другихъ, и Гая встрѣтили выстрѣлами еще версты за три до дома. Обѣдъ долженъ былъ быть на чистомъ воздухѣ, но на всякій случай приготовлена была пивница (погребъ винной) вмѣсто залы. Погода заставила расположиться обѣдомъ тамъ. Пивница была впрочемъ убрана такъ, что ее трудно было не счесть залой: стѣны и сводъ выбѣлены, по стѣнамъ транспаранты и шкалики. Надъ главнымъ мѣстомъ висѣлъ портретъ Гая, украшенный цвѣтами. Подъ нимъ сидѣлъ Гай, съ одной стороны хозяйка, съ другой жена Штаудуара (мать вамъ знакомой душечки Габріелы), подлѣ нея я, за мною Вразъ и т. д. Я сѣлъ, снялъ салфетку, и вижу подъ приборомъ печатанные стихи въ честь Гаю: тоже нашелъ и всякій, и самъ Гай. Послѣ супа хозяинъ попросилъ гостей (насъ было 48) налить вино въ стаканы,—и пить за здоровье того, «чье имя въ сегоднишній день не для чего повторять». Все закричало «Богъ да живи Людевита Гая!» и стали пѣть стихи которые начинаются такъ:

Ljudevite! Ti si blago za nás pèrvi žértvovao,
Pèrvi sve, što ikad drago tebi biaše, rodu dao.

(Людевитъ! Ты первый пожертвовалъ за насъ своимъ имуществомъ, ты первой, все, что было тебѣ дорого, отдалъ своей родинѣ). Пѣло все, Гай чуть не плакалъ. За вторымъ блюдомъ былъ тостъ за всѣхъ Славянъ—Илліровъ, Русовъ, Чеховъ, Поляковъ,—и запѣли пѣсню, въ которой стоитъ между прочимъ: «Богъ да живи сви Славяне!» Тутъ и у меня слеза канула: пѣли сложно, а напѣвъ простъ и величественъ. За каждымъ кушаньемъ шли тосты безъ конца, и послѣ обѣда продолжались опять безъ конца. Хозяинъ еще въ началѣ обѣда, по старому Хорватскому обычаю, передалъ право управленія тостами и всѣмъ одному изъ гостей (такой называется кучегазда), Смедревцу, человѣку истинно для этого созданному, которой искусно и выбиралъ тосты, и назначалъ чиновниковъ стола (пѣвчихъ изъ тѣхъ, кто худо поетъ, толстыхъ сватовъ изъ худощавыхъ, церемонимейстеровъ изъ неловкихъ, и пр. и пр.), и заставлялъ смѣяться, и пить. Послѣ стола все пошло съ мѣстъ, веселое, можно сказать, счастливое, и въ эти минуты радости пошли побратимства. Это старой обычай, дающій обязанность говорить побратавшимся ты, съ посестримами цѣловаться въ губы, а не по Нѣмецки, и т д. Съ кѣмъ я побратимился я и счету не сведу: не знаю какъ и разговоръ начинать — съ ты или съ вы. Между прочимъ съ Гаемъ, съ графиней Чачковичъ, и прежде всего съ моей милой сосѣдкой, Драгоилой Степановной. Прекрасно; но мнѣ все какъ-то совѣстно говорить моимъ посестримамъ ты, и еще подставлять свои губы. Дождь между тѣмъ лилъ ливмя, и всѣмъ надобно было оставаться въ Псаревѣ. Пошла возня съ сѣномъ: всѣ комнаты обратились въ одну постель. Только дамы да Гай имѣли отдѣльныя кровати. На другой день

Драгоила Степановна разсказывала мнѣ съ хохотомъ, какъ она въ этомъ кладбищѣ искала, вставши рано, своего мужа: подойдетъ къ одному, тронетъ ногой, спроситъ: «Вѣкославъ, это ты?» Отвѣтъ: «нѣтъ!»—и къ другому, и къ третьему, и насилу нашла.—На другой день, по обѣщанію, я и Вразъ сѣли въ одну коляску съ нашими посестримами, и поѣхали прежде въ Омилье пить кофе,—а потомъ, пересѣвши въ возъ, запряженный двумя лошадьми и двумя волами, съ Драгоилой Степановной, Вразомъ и душечкой Габріелой, въ Быстрицу, тоже вамъ знакомую, къ аббату. Аббатъ обрадовался, увидя меня,—и я опять былъ чуть какъ не дома. Я нашелъ между прочимъ тамъ голубя, которому дали имя Измаила. Сестра моей посестримы, Паулина, подарившая мнѣ шапочку, теперь въ Вѣнѣ у родныхъ: это ее выдумка.—Вчера мы разстались—со слезами: я цѣловалъ Габріелицу въ глаза, и глоталъ ее слезы. Это ангелъ, а не дитя, моя Габріелица.

15-е Сентября.

Около 10-го я уже хотѣлъ выѣзжать изъ Загреба, какъ получается вѣсть, что сюда ѣдетъ Колларъ по пути въ Италію. Надобно было остаться. Онъ въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ 12-го рано. Превосходной человѣкъ, фанатикъ въ любви къ Славянству, и кротокъ, простъ въ обхожденіи какъ послушное дитя. Увидя его, нельзя не полюбить. Теперь начинается исторія: Гая не было когда онъ пріѣхалъ, 14-го назначили здѣшніе литераторы обѣдъ, а 13-го вечеромъ молодые люди хотѣли ему пропѣть серенаду. 13-го вечеромъ пріѣзжаетъ Гай, узнаетъ о серенадѣ, и запрещаетъ, потому-де, что онъ протестантъ, и каноники католическіе осердятся. Молодежь осердилась, но серенады не было. Какъ это горько было намъ съ Прейсомъ, можете посудить. Мы не спали долго, и нашли на мысль, что на обѣдъ намъ идти не слѣдуетъ: 1) чтобъ показать Гаю, что мы это замѣтили; 2) Колларъ могъ имѣть непріятность открытую на обѣдѣ,—и мы не могли ручиться за себя и свое хладнокровіе, 3) и притомъ мы вспомнили, что мы въ Венгріи, гдѣ Русскихъ Мадьяры ненавидятъ, и могутъ наше присутствіе перетолковать далеко не въ нашу пользу. Вчера былъ обѣдъ,—и все было хорошо. Пито было и за наше здоровье, и Гай объяснилъ публикѣ, что мы больны. Колларъ сегодня пришелъ къ намъ рано, и удивился, что мы здоровы. Чтобы не огорчить его мы скрыли первую причину и вторую. Во время обѣда имѣли тихую перестрѣлку съ Гаемъ: онъ сдѣлалъ все изъ эгоизма, и отлыгался дѣтски. За насъ всѣ, понявшіе дѣло. Какъ жаль, что Гай, такъ хорошо возбудившій Кроацію къ литературному соединенію съ другими единоязычными Славянами, вовсе не то, чѣмъ я себѣ представлялъ его: ищетъ только своего прославленія, и въ своемъ эгоизмѣ забываетъ нравственность. Дома разкажу подробно всѣ эти дѣла.

Сегодня послѣ обѣда мы гуляли около Загреба съ дамами очень милыми; а вечеромъ были въ театрѣ. Колларъ тоже былъ, и, кажется, начинаетъ понимать Гая.—Можетъ быть завтра ѣду изъ Загреба.—Цѣлую ручку вашу. И. С.

LVI.

№ 46. Градишка. 18-е Сент. 1841.

Третьяго дни послѣ обѣда я выѣхалъ изъ Загреба. Прейсъ и Вразъ съ Раковцемъ провожали меня до Максимира (епископскій садъ-лѣсъ въ $^1/_4$ часа отъ Загреба),—и потомъ оставили одного. Послѣ 5 мѣсячной привычки быть не однимъ на пути, одиночество не можетъ быть пріятно,—и мнѣ взгрустнулось. Мы же съ Прейсомъ жили истинно пріятельски, и, кажется, вовсе не потому, что онъ принужденъ былъ задолжать мнѣ 280 гульденовъ, слѣд. болѣе 600 руб.; также мы жили съ нимъ и въ Прагѣ, безъ обязательства другъ другу. Притомъ мнѣ жаль было разставаться и съ Загребомъ, и съ Кроаціей вообще: въ Загребѣ я оставилъ не только побратима, но и истиннаго друга—Враза, а въ Загорьи—трехъ милыхъ посестримъ, и душечку Габріелицу, и многихъ, кого не могу не любить. Вся прошедшая дѣйствительность сдѣлалась мечтою воспоминанія: по неволѣ взгрустнется.—Вчера вечеромъ я выѣхалъ въ Славонію, и сегодня около полудня пріѣхалъ въ Градишку, глав. городокъ Градишкаго пограничнаго полка въ Славонской Военной границѣ. (За путь въ телѣжкѣ заплатилъ 14 гульд. сереб.). Въ отвѣтъ на визитную карточку пришелъ ко мнѣ капелланъ Петекъ, молодой домородецъ, послѣ пришелъ отставной капитанъ 60 лѣтъ изъ православныхъ,—и послѣ обѣда мы отправились гулять. По городку нечего было ходить долго: во всемъ не болѣе 300 домиковъ. Улицы широки и ровны; въ серединѣ очень большая площадь, покрытая зеленью, и съ одной стороны ее ходникъ—аллея для гулянья. Церквей три: одна наша, двѣ римскихъ, изъ которыхъ одна сгорѣла. Зелени и въ городѣ, и около множество. Да и вся Славонія въ зелени: нѣтъ домика не подъ тѣнью липъ, тополей, яворовъ, и безъ садовъ сливовыхъ и яблочныхъ; а гдѣ отлогость, тамъ и виноградъ.—Мы пошли далѣе въ Капистранскій Францисканскій монастырь, минутахъ въ 10 отъ города. Тамъ около насъ въ трапезѣ (refectorium) собрались четыре монаха, между ними и игуменъ (guardianus),—и давай меня разспрашивать. Но у старика капитана была совсѣмъ другая мысль. Увидя черный хлѣбъ, онъ поднялся съ вопросомъ: «И у васъ лучшаго нѣтъ?»—«А, есть!» отвѣчали ему.—«Да принесите хоть воды!»—Принесли хлѣбъ, пошли за водой, а капитанъ продолжалъ: «Ну а вотъ господинъ Русскій профессоръ искалъ по цѣлому городу гроздья. Что, г. гвар-

діанъ, вашихъ виноградовъ не побилъ градъ?»—«А, есть гроздья вдоволь». —«Нука на столъ, святой отецъ,—вотъ г. профессору; да и я не прочь». Гвардіанъ пошелъ за виноградомъ, а между тѣмъ принесли вино. Гвардіанъ воротился съ корзиной, наполненной прекрасными грушами, предлагая попробовать ихъ, пока нарвутъ винограду; а у капитана было уже готово слово: «Знаете, святой отецъ, ваше вино что-то водянисто; въ прежнее время бывало святые отцы только захожимъ нищимъ давали такое вино.»—«Есть и лучшее.»—Гвардіанъ далъ ключь отъ пивницы, что бы принесли стараго краснаго.—Пришло и старое красное; принесли и кошикъ съ гроздіемъ,—и мы давай уплетать; а капитанъ, уплетая, приговаривать: «То-то всюду, и съ святыми отцами, нужна ловкость. А? није ли истина, свети отче?»—Словомъ заглянуть въ библіотеку было послѣднимъ дѣломъ; впрочемъ, тамъ не нашлось ничего добраго для меня. Рефекторіумъ понравился мнѣ болѣе: такое общество, какъ было наше, подъ старыми сводами, освѣщенными свѣтомъ изъ оконъ, обросшихъ виноградомъ, мнѣ все представляется сценой изъ романа.—Впрочемъ я лягу: отъ дороги я усталъ, а завтра опять въ путь, и я не знаю еще, какъ случится спать.

21-е. Бродъ.

Эти дни я былъ не одинъ,—и теперь опять одинъ. 19-го я и Петекъ поѣхали по пути въ Бродъ черезъ Пожегу. Въ Капистранскій монастырь заѣхали обѣдать; а на вечеръ пріѣхали въ селеніе Брестовацъ (въ провинц. Славоніи) къ приход. священнику Ферги чу. Его застали мы записывающимъ народныя пѣсни и кругомъ его толпу дѣвушекъ. Мы обрадовались его доброму дѣлу, онъ обрадовался намъ,—и вечеръ провели прекрасно. Между прочимъ дѣвушки пѣли пѣсни, танцовали коло. На другое утро послѣ завтрака рано поѣхали въ Пожегу, гдѣ Фергичу хотѣлось познакомить меня съ д-ромъ Павичемъ [1]). Пожега—маленькій городокъ на Пожежскомъ полѣ—стоитъ, прислонившись къ холмамъ, покрытымъ лѣсами и виноградами. Славонія—словно обѣтованная земля: все въ зелени, въ плодахъ,—и мирисъ (благовоніе) слѣдитъ за вами по дорогѣ. Въ одиннадцатомъ утра мы простились съ Павичемъ и Фергичемъ, осмотрѣвши прежде Орфанотрофіумъ и монастырь,—и поѣхали въ Бродъ. Ѣхали весело, а между тѣмъ дождь лилъ да лилъ, и вымочилъ насъ порядочно, не позволяя намъ притомъ и ѣхать скоро. Только въ 9 вечера пріѣхали мы въ Бродъ. Сегодня рано ходили мы въ монастырь, въ крѣпость и по городку. Городокъ маленькой и весь деревянной. Крѣпость тоже очень небольшая рядомъ съ нимъ. Оба на берегу Савы. По ту сторону Савы—Турція.

---

[1]) Арминъ Павичъ—авторъ «Исторіи дубровницкой драмы».

По берегу ходятъ сторожевые солдаты. Три раза въ недѣлю (среда и понед., пятница) бываютъ скелы, т. е. базары для подданныхъ Турецкихъ съ Австрійскими. По рѣкѣ довольно барокъ и плавающихъ мельницъ. Лазаретъ=21 день.—Далѣе пошли мы къ купцу Берличу, извѣстному своей Иллирской грамматикой [1]). Онъ приготовляетъ ее къ новому изданію, имѣетъ хорошее собраніе книгъ, а торгуетъ всѣмъ—и книгами, и желѣзомъ, и бумагой, и полотномъ, и мыломъ, и всѣмъ. Довольно образованной человѣкъ. Его библіотека и кабинетъ занимаютъ уголокъ въ его лавкѣ, отдѣленный отъ лавки стеклянною дверью; ждя покупщика, онъ читаетъ или пишетъ; а придетъ покупщикъ, онъ выбѣжитъ изъ уголка, продастъ, и потомъ опять въ свой уголокъ. Естественно, что отъ такого купца запросовъ ждать нельзя; цѣна опредѣлена, и всѣ къ ней привыкли, торговаться ему ни охоты, ни времени нѣтъ.

22-е.

Сегодня утромъ я ходилъ на скелу. Такъ называется базаръ между Турками и Граникарами. Турки привозятъ черезъ Саву кожи, медъ, коровъ и т. д. Мѣсто скелы загорожено оградой такъ, что Турокъ съ Граничаромъ говорить могутъ, но руки подать другъ другу не могутъ, потому что рѣшетка двойная. Деньги и товары переходятъ съ одной стороны на другую помощію чиновника, и товары продаваемые Турками, переходятъ черезъ чистилище, а деньги не иначе какъ выкупавшись въ уксусѣ. Все это ради чумы. Теперь карантинное время 10 дней, а недавно, за нѣсколько дней было 21 день; бываетъ иногда, что и вовсе нѣтъ карантина.—Въ 12-мъ часу мы поѣхали съ Берличемъ въ его виноградникъ, въ получасѣ отъ Брода,—и тамъ обѣдали. Время сборки винограда настало, и все собираетъ. Женщины собираютъ и поютъ; мужчины выжимаютъ сокъ и съ пѣснями развозятъ по домамъ. Все весело—Славонія была бы раемъ, если бы только не была такъ лихорадочна; отъ лихорадки страдаютъ не только чужіе, но и рожденные тутъ.

23-е. Винковцы.

Сегодня въ $^1|_2$ 9-го выѣхалъ я изъ Брода, и пріѣхалъ сюда въ Винковцы вечеромъ въ 8. Славонія всюду одна и та же, всюду прекрасно. Народъ одѣтъ не богато, но чисто, и между дѣвушками чуть ли не пятая красавица. Между сельскими домиками попадаются нерѣдко оштукатуренные, крытые черепицей. Сѣмьи, какъ и у насъ въ Великороссіи, очень велики.

---

[1]) Игнатій Берличъ (род. 1795, ум. 1855).

24-е. Вуковаръ.

Винковцы—маленькой военной городокъ. Нечаяннымъ образомъ я попалъ тутъ на ночлегъ къ почмейстеру и вмѣстѣ содержателю корчмы. На мой вопросъ, есть-ли особенная комната, онъ отвѣчалъ: «найдется, найдется». И между тѣмъ она не нашлась; а на другое утро я заплатилъ ему за дрянной его ночлегъ, соусъ вечеромъ и кофе утромъ—флоринъ серебромъ. Въ Винковцахъ я познакомился съ литераторомъ капеланомъ Топаловичемъ [1]),—и съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ въ Вуковаръ, важной торговой городокъ на Дунаѣ,—и прямо въ Францискан. монастырь Капистрановъ, гдѣ гвардіаномъ Гаджичь [2])—врлый домородецъ. Онъ оставилъ меня ночевать, и мы болтали съ нимъ до полночи.

25-е. Монастырь Ковешдинъ.

Сегодня я началъ странствіе по монастырямъ православнымъ Фрушкогорскимъ. Ихъ 13; всѣ менѣе или болѣе богаты, и основаны Сербскими царями во время Турскихъ первыхъ нападеній. Фрушка-гора не гора, а долгая пологость. Монастыри расположены по ней съ обѣихъ сторонъ. Мѣста богатыя всѣмъ—и полями, и лѣсами, и виноградами. Къ обѣду я пріѣхалъ въ монастырь Прибина глава; а ночевать—сюда. Ковешдинъ отлично построенъ. Игуменъ старой, доброй человѣкъ. Все теперь хлопочетъ здѣсь собирать виноградъ. Народъ веселъ, поетъ и пьянъ. Я видѣлъ какъ дѣлаютъ вино: глядѣть гадко.

26-е. Городъ Митровица.

Изъ Ковешдина я поѣхалъ въ Шишатовацъ сегодня утромъ въ 8 часовъ. Дорога идетъ по равнинѣ, влѣво Фрушкогорскія отлогости, а вправо и впереди простирается огромная равнина, извѣстная подъ именемъ ровнаго Срѣма,—и далеко вправо, за Савой видны Сербскія горы—Церъ и Вальево. Въ Шишатовцѣ—архимандритъ, принявшій меня очень ласково. До обѣдни мы ходили по саду и осмотрѣли церковь, ризницу и библіотеку. Въ церкви почиваютъ мощи царя Сербскаго Стефана Уроша; онѣ уже 300 лѣтъ тутъ, въ монастырѣ. Церковь довольно просторна и очень хороша. Драгоцѣнныхъ вещей и ризъ много. Обѣдня—какъ и у насъ, напѣвъ впрочемъ иной. Послѣ обѣдни обѣдъ—и далѣе, въ Бешетово. Это тоже монастырь. Церковь очень старая, но древностей особенныхъ нѣтъ. За-то настоятель монастыря протосингель—молодой красавецъ, немного похожій на Черногорскаго владыку, милой, обра-

---

[1]) Мато Топаловичь († 1861)—первый изъ Славонцевъ, принявшій участіе въ Иллирскомъ движеніи.

[2]) Вѣроятно Николай Гаджичь (Hadžić)—Хорватскій писатель.

зованной человѣкъ. Отъ Бешетова до Митровицы—съ небольшимъ часъ. И вотъ я опять на границѣ, на Савѣ. Сегодня воскресенье, и я засталъ Митровицу въ полномъ уборѣ; но меня не могло [не] поразить, что я увидѣлъ въ кофейномъ домѣ, гдѣ остановился: около бильярда офицеры и дѣвушки, по лицамъ которыхъ не трудно узнать, кто они. Митровица можетъ быть сравнена съ Чугуевымъ; ну что бы сказали у насъ, если бы въ Чугуевѣ офицеры въ публичныхъ мѣстахъ миловались съ продажными дѣвами. Я пошелъ гулять,— и на площади увидѣлъ то-же самое: тѣ же пары; а заходя къ одному офицеру на квартиру, я засталъ офицерскихъ супругъ десяткомъ на крыльцѣ съ дѣтьми. Какъ это мило!—Ворочаюсь къ монастырямъ: всѣ они въ оврагахъ, между деревьями, такъ что увидишь церковь только тогда, когда уже передъ носомъ. Келейные домы въ 2 яруса, и очень хороши. Комнаты для гостей особенно, и прекрасны. Кругомъ дома садъ, а далѣе или лѣсъ, или виноградники. Монахи живутъ, какъ коты въ маслѣ. Теперь виноберьба. По дорогѣ я встрѣчалъ бочки съ иконой: онѣ ставятся отъ церквей: желающіе бросаютъ въ нихъ гроздія въ пользу церкви. Винограда—ѣшь не хочу. Продаютъ не фунтами, а кистями: полная тарелка стоитъ копеекъ пять. Сливъ тутъ тоже множество; онѣ уже собраны; изъ нихъ дѣлается водка.

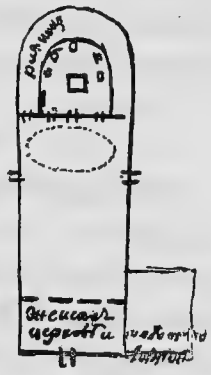
27-е. Крушедолъ.

Сегоднишній день начался для меня прогулкой по городу Митровицѣ: небольшой, но порядочной городокъ. По другую сторону Савы—Сербія, именно деревня Ганъ. Православная церковь просторна и хороша. Есть шелковая фабрика: на ней можно видѣть, какъ красивы Срѣмскія дѣвушки; пятая непремѣнно очень хороша. Изъ древностей есть нѣсколько Римскихъ саркофаговъ. Въ ½ 10-го я выѣхалъ, и къ обѣду поспѣлъ въ дрянной городокъ Руму. Черезъ часъ потомъ былъ въ городкѣ Ирегѣ, а черезъ полчаса потомъ въ монастырѣ Оповѣ (Хоповѣ). Игуменъ старичокъ; есть Кормчая XVI вѣка; церковь XVI вѣка; да больше и ничего. Оттуда поѣхалъ я въ монастырь Гергетекъ. Прекрасно лежитъ, окруженной садомъ; архимандрита не было дома, и потому я раздѣлался съ этимъ монастыремъ скоро. Въ получасѣ оттуда монастырь Крушедолъ, знаменитѣйшій изъ Фрушкогорскихъ монастырей. Архимандритъ—старичокъ, 79 лѣтъ и препочтеннѣйшій старичокъ. Въ 7 часовъ мы пошли ужинать, и теперь ½ 9-го, а я уже въ своей комнатѣ. За ужиномъ пили ваше здоровье, милая маменька.

28-е. Варадинъ (Petrowardein).

Это имя, т. е. Петровардеинъ, можете наконецъ найдти и на картѣ, на Дунаѣ между Пестомъ и Землиномъ,—а, зная, гдѣ Загребъ, приблизительно

узнать и путь мой. Между тѣмъ вотъ приключенія мои сегодня.—Утромъ, послѣ кофе, пошли мы въ библіотеку съ архимандритомъ, и тамъ провели часа два: есть любопытныя рукописи и разныя любопытныя вещи; между послѣдними есть сосуды, архіер. шапки, жезлы, ризы отъ 300 и болѣе лѣтъ. Русскія вещи цѣнятся и берегутся болѣе всѣхъ другихъ. Въ 10-мъ часу я сѣлъ на телѣгу и въ 11 пріѣхалъ въ Карловцы (Karlowitz). Дорога идетъ черезъ Фрушку-гору. Видъ съ верху нея чудесной: на право Срѣмъ, какъ на ладони, и вдали чуть виденъ Бѣлоградъ и Сербскія горы, между которыми особенно возвышается Авала; а на лѣво Банатъ и Венгрія съ Дунаемъ—безконечная равнина. Въ Карловцахъ я посѣтилъ директора гимназіи Геркича, и съ нимъ провелъ все время. Тутъ резиденція православнаго архіепископа, начальника всей православной паствы въ Австрійской имперіи. Послѣдній Станковичь умеръ, и еще никто не избранъ на его мѣсто. Комнаты, библіотека, даже погребъ—все заперто и запечатано, и ничего нельзя было видѣть. Православная соборная церковь очень, очень хороша и велика. Вотъ планъ: Полъ устланъ мраморомъ. Надъ переднею частью церкви овальный темный куполъ. Иконостасъ до верху. Что мы называемъ папертью, то тутъ называютъ женскою церковью, и женщины дѣйствительно стоятъ въ ней исключительно. Всѣ церкви болѣе или менѣе построены тутъ по этому образцу. Кромѣ этой соборной есть въ Карловцахъ еще 2 православныя церкви, и одна Римская. Самъ городокъ очень нечистъ. Съ выѣздомъ изъ Карловцовъ мнѣ не совсѣмъ посчастливилось. Обыкновенно платится 40 копѣекъ до Варадина, а я заплатилъ 160 коп., и то насилу сыскалъ телѣгу; а отъ Митровицы до Карловцовъ заплатилъ только 5 рублей, т. е. 2 гульдена серебромъ. Сюда пріѣхалъ я въ 6 часовъ, ѣзды $^3/_4$ часа, и дорога очень хороша. Варадинъ стоитъ на лѣвомъ берегу Дуная. Это—отлично обстроенная и вооруженная крѣпость. На правомъ берегу Дуная городъ Новый Садъ (Neusatz). Черезъ Дунай мостъ. Пошедши туда искать знакомыхъ, я нашелъ наконецъ сенатора Гаджича [1]), писавшаго для Сербіи законы и въ его сѣмействѣ провелъ весь вечеръ. Разговорчивый человѣкъ, имѣетъ милую жену. Живетъ прекрасно. Господствующій языкъ Сербскій, до того что дочька, вышедши мнѣ на встрѣчу, не умѣла отвѣчать мнѣ по Нѣмецки. Она—дитя еще, но въ другихъ домахъ и въ пеленкахъ дѣти говорятъ по Нѣмецки. Звали меня завтра



[1]) Іоаванъ Гаджичь—докторъ правъ, извѣстный своими трудами по филологіи и исторіи (род. 1799 г.).

обѣдать, но я едва ли могу, потому что долженъ ждать парохода. А завтра— Софія: мать Гаджича и дочушка—имянинницы. Завтра Софія. Гдѣ-то я буду завтра въ тотъ часъ, когда за два года разставался съ вами, душенька маменька! Сегодня въ это время я сидѣлъ съ вами на софѣ и мечталъ о пути. Теперь тогдашнія мечты—дѣйствительность, а мечтою, желаніемъ стало быть дома, сидѣть съ вами. Охъ, хочется.

30-е. Землинъ.

На другой день познакомился съ Іоанновичемъ, профессоромъ, издателемъ Бачкой Вилы [1]), съ д-ромъ Шафарикомъ. Обѣдалъ у Аджича, потому что пароходъ долженъ былъ прійдти къ вечеру. Аджичь и Шафарикъ провожали меня до берега, но парохода мы не дождались: онъ пришелъ вечеромъ и остался на ночь. Сегодня утромъ, въ 6-мъ часу онъ двинулся,—и въ 12-ть я вышелъ на берегъ въ Землинѣ. Дорога очень незанимательна. Съ Чевкинымъ опять встрѣтились: онъ ѣдетъ въ Россію. Землинъ порядочной городокъ. Бѣлградская крѣпость и Бѣлградъ рисуются вблизи. Есть развалины замка Гуніада.

Цѣлую ручку вашу, милая маменька. Боже мой, какъ давно не посылалъ я вамъ письма. Отъ Рѣки до Землина! Кланяйтесь знакомымъ.

Адресуйте письмо Ганкѣ въ Прагу: онъ лучше знаетъ, гдѣ я.

Из. Ср.

LVII.

№ 47. Бѣлградъ. 1-е Октября 1841.

Я «смѣшался» (ich bin gemischt), я въ Сербіи, я въ Бѣлградѣ. Помните-ли, когда-то въ косморамѣ глядѣли мы на Бѣлградъ и Саву, текущую подъ нимъ; въ то время было во мнѣ не столько надежды, сколько желанія быть въ немъ. Долго росла надежда—и исполнилась.—Еще вчера я визировалъ свой паспортъ въ Землинскомъ генералъ-командо и въ санитетѣ (карантинное начальство)—и меня записали въ число переѣзжающихъ въ Турцію съ тѣмъ, чтобы тамъ остаться и «смѣшаться». Такіе, ворочаясь назадъ, должны выдержать карантинъ. Это сидѣнье теперь ограничивается 10-ю днями; я не могъ не рѣшиться десятидневнымъ заключеніемъ заплатить за путешествіе по Сербіи, тѣмъ болѣе, что у меня теперь есть что дѣлать и десять дней заключенія мною потеряны быть не могутъ. Сегодня я пошелъ въ таможню,

[1]) Петръ Іовановичь (род. 1810).

потомъ въ корабельное начальство, которое должно было приготовить мнѣ лодку для переѣзда,—и на берегу простившись съ добрымъ Маріановичемъ, всюду меня водившимъ, вскочилъ въ лодку. Три солдата гребли, два чиновника—одинъ отъ санитета, другой отъ таможни меня провожали. За Землиномъ должно было показать паспортъ сторожевому офицеру, ведущему щетъ всѣмъ, приходящимъ изъ Сербіи и идущимъ въ Сербію. Мы ѣхали до Бѣлграда около $^1/_2$ часа — прежде вдоль по Дунаю, потомъ черезъ Саву у ея устья, и вверхъ по Савѣ подъ Бѣлградской крѣпостью къ пристани; можно бы и въ 10 минутъ пріѣхать, но былъ противный вѣтеръ. Приставши, солдаты вынесли мой багажъ (т. е. сумку, шляпную коробку и зонтикъ; остальное я оставилъ у Маріановича, взявши только самое необходимое), положили на пѣсокъ; чиновники простились со мною, и оставили меня одного. Они не смѣли «мѣшаться» т. е. прикасаться ни къ чему Бѣлградскому. Тотчасъ явился момакъ (хлопецъ), Сербъ, предложившій мнѣ свои услуги. Я велѣлъ ему вести меня и нести мои вещи въ домъ Русскаго консула. Тутъ Русскимъ генеральнымъ консуломъ Ващенко (Герасимъ Васильевичъ). Онъ принялъ меня ласково, послалъ искать квартиру, попотчивалъ по Турецкому обычаю табакомъ и кофеемъ и пригласилъ обѣдать. За обѣдомъ я познакомился съ его женою: премилая женщина, жаль, что безносая. Въ 5-мъ часу онъ зашелъ ко мнѣ, чтобы идти къ брату прежняго князя Сербскаго Милоша, Ефрему. Домъ прекрасно меблированъ и украшенъ. Его самого я однако не видалъ, а его жену. Женщина простая, но привѣтливая. Одѣта по-Сербски: на головѣ шапочка, обвязанная платочкомъ и волосами, и надѣваемая нѣсколько на бекрень. На юбку надѣвается кофточка съ рукавами безъ полъ, а сверхъ ее бархатная, опушенная соболемъ другая курточка безъ рукавовъ. Очень мило. Дѣвушки одѣты также, только на головѣ нѣтъ платочка.

Потомъ пошли къ Тиролю [1]), бывшему учителю княжеской фамиліи, котораго Ващенко рекомендовалъ мнѣ какъ человѣка, лучше другихъ могущаго мнѣ помогать въ моихъ изслѣдованіяхъ. Оттуда гулять, и далѣе къ Ващенку чай пить. Ужинать я не остался, да и ѣсть не хочется. О городѣ могу сказать немного: онъ стоитъ при впаденіи Савы въ Дунай; на стрѣлкѣ на возвышеніи стоитъ крѣпость, находящаяся, какъ и всѣ Сербскія крѣпости, въ рукахъ Турокъ, а далѣе городъ [2]). Въ крѣпости, гдѣ живетъ трехбунчужной паша, я еще не былъ; въ городѣ улицы кривыя, довольно узкія, домики довольно бѣдные, большею частію изъ дерева, есть впрочемъ и нѣсколько хорошихъ кирпичныхъ домовъ, и нѣсколько другихъ строится. Лавки

---

[1]) Дм. Тироль—литераторъ Сербо-хорватскій, издатель Банатскаго альманаха.

[2]) Здѣсь въ подлин. русунокъ.

всею передней стѣною открыты; въ лавкахъ портняжныхъ и сапожныхъ работники работаютъ открыто и зимой и лѣтомъ. Мечетей множество; церковь наша только одна, снаружности прекрасная. Сербы одѣты, почти какъ Черногорцы или Далматинцы, въ шароварахъ, поясахъ, за которыми пистолеты, и куртkахъ, съ красными шапками на головахъ и косами. Языка другого не слышно кромѣ Сербскаго. Высшее общество начинаетъ, впрочемъ, поговаривать по-Русски. У Ващенка люди понимаютъ и даже отчасти говорятъ по-Русски; а самъ онъ, жена и тетка хоть и говорятъ по-Сербски, но плохо, и чаще по-Русски. Мнѣ всѣ удивляются, что я въ короткое время научился говорить по-Сербски.—Комната моя довольно чиста, довольно хорошо меблирована. Да, чтобъ не забыть: переѣздъ изъ Землина въ Бѣлградъ сталъ мнѣ 3 гульд. 38 крейц. сереб., то есть 8 руб. асс. : 1 гульд. 18 кр. въ санитетѣ, 1 г. 30 въ корабельномъ заведеніи, остальное на водку солдатамъ и прочее.

3-е.

Вчера я былъ съ Тиролемъ у Ефрема, у нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ, въ типографіи и пр.—Сегодня утромъ были важные визиты. Сначала мы поѣхали съ Ващенкомъ къ пашѣ (въ крѣпости Бѣлградской сидитъ трехбунчужный паша). Въ сѣняхъ и передней множество прислужниковъ и офицеровъ. На право изъ передней довольно большая зала, прямо—двѣ комнаты кабинета. Паша встрѣтилъ насъ вѣжливымъ поклономъ, вышедши изъ другой комнаты. Ему лѣтъ 40; онъ очень красивъ собою, хоть и съ бородой; одѣтъ въ венгерскую àтилу, а на головѣ красная шапка, похожая на козацкую и съ большею шелковою кистію. Усадивши насъ на диваны, онъ началъ было говорить по Французски, но какъ ему это худо шло, то перешелъ въ Турецкій, и Ващенко былъ драгоманомъ, въ томъ что относилось ко мнѣ. Комната довольно небольшая на полуевропейскій манеръ: по одной стѣнѣ широкій Турецкій диванъ, по другой—креслы, у третьей—диванъ Европейскій; есть этажерка съ книгами; сама комната окрашена желтой нечистой краской, довольно высока, съ полусводомъ и довольно темна. Угощенье началось тѣмъ, что подали варенье съ водою. Далѣе подали трубки и черезъ нѣсколько минутъ кофе. Я курилъ, наконецъ мнѣ наскучило, я оставилъ; паша подумалъ, что у меня погасла трубка, и предложилъ другую; это свело разговоръ на куренье табаку. Я спросилъ, употребляется ли кальянъ, или, какъ Турки называютъ, наргиле́, и признался, что никогда еще не видалъ кальяна. Паша велѣлъ подать—и подали: графинъ съ водою до половины и съ трубкою, всаженною вмѣсто пробки, сталъ на полу, а мнѣ подали конецъ огромнаго трехсаженнаго кожанаго чубука; но съ куреньемъ разомъ не пошло: воздухъ изъ чубука надобно сильно втягивать въ себя, такъ что вода въ кальянѣ отъ этого бурлитъ. Паша

распрашивалъ, гдѣ я ѣздилъ, и даже сказалъ нѣсколько словъ о филологіи. Передъ уходомъ онъ велѣлъ подать портфель и попросилъ меня записать свое имя. — Отъ паши мы поѣхали къ князю Михаилу. Послѣ резигнаціи отца своего Милоша и смерти старшаго брата Милана, онъ остался владѣтелемъ Сербіи 16-ти лѣтъ. Довольно высокій, довольно хорошенькій, несовсѣмъ здоровый молодой человѣкъ, мало образованъ, но очень добръ. Съ нимъ разговоръ былъ о балахъ, которые онъ хочетъ составить зимою, и о театрѣ, который также хочетъ образовать. Я замѣтилъ ему, что лучше бы всего было начать съ театра дилетантовъ. —Отъ князя зашли къ княгинѣ Любицѣ, его матери. Умная старуха, хоть и простая. Одѣта по-Сербски. А князь имѣетъ Русскій военный мундиръ, который введенъ и въ войско Сербское.—Далѣе поѣхали къ митрополиту. Ученый, образованный человѣкъ, старающійся о просвѣщеніи духовенства. Тутъ трубокъ не курили, но безъ кофе дѣло не обошлось. Кофе подается здѣсь въ маленькихъ чашечкахъ, безъ блюдечекъ. Отсюда Ващенко поѣхалъ домой, а я далѣе къ Ефрему на обѣдъ. Тутъ познакомился со всѣмъ его сѣмействомъ, т. е. съ 4-мя дочками, изъ которыхъ одна замужемъ, а три дѣвушки, и одна—Анка—была недавно въ Вѣнѣ. Всѣ три одѣты по Европейски, а говоритъ одна Анка, и по-Сербски говоритъ прекрасно. Два часа прошло очень пріятно. Далѣе пріѣхалъ князь (Ефремъ ему дядя),—и я посидѣвши немного отправился во свояси. Вечеръ провелъ у Ващенка, чай пилъ, ужиналъ, болталъ.

5-е.

Вчера я обѣдалъ у министра народнаго просвѣщенія, а вечеръ провелъ съ Тиролемъ. Сегодня былъ въ Нормальной школѣ и въ Лицеѣ; а вечеромъ опять у министра. Завтра предполагаю выѣхать въ Сербію.—Правительство, слыша, что Надеждинъ стороною нѣсколько жаловался на свое путешествіе по Сербіи, и не желая, чтобы то-же самое повторилось со мною, отрядило одного изъ чиновниковъ провожатымъ мнѣ. Извощика я уже договорилъ: за все путешествіе, которое продолжится не менѣе 13 дней, плачу ему 36 гульденовъ, т. е. около 86 руб. асс. Лучшіе извощики въ Сербіи— Турки, т. е. тѣ-же Сербы изъ Босніи или Булгаріи, только магометанскаго закона: они держатъ слово и не пьютъ.

Въ Бѣлградѣ и вообще въ Сербіи дороже всего квартиры и слуги. За квартиру въ 3 — 4 комнаты, вовсе не отличныхъ, платятъ въ годъ отъ 800 до 1000 руб. Слугѣ въ мѣсяцъ платятъ до трехъ червонцевъ. Деньги считаются талерами (каждый 2 гульд. = около 4 р. 80 к.), цванцигерами (двугривенными), также дукатами (червонцами = 2 талера каждый), грошами (3 крейц. сереб. = піястръ); а мелочь Турецкая, о которой я еще не имѣю понятія.

8-е. Лужница ме'ана.

«На колјену ситну књигу пишем».

Вчера въ 10-мъ часу я выѣхалъ изъ Бѣлграда. Для сопровожденія моего по Сербіи назначенъ особый чиновникъ министерства Внутреннихъ дѣлъ С. Милодраговичъ, молодой человѣкъ родомъ изъ Эрцеговины, бывшій въ Далмаціи, Босніи и пр., довольно видѣвшій, довольно знающій Сербію. Данъ и особенный паспортъ... и, что всего чуднѣе, правительство — я еще не знаю кто именно—назначило даже издержки на мое путешествіе. Это мнѣ кажется не только страннымъ, но и неприличнымъ. Издержками завѣдываетъ мой проводникъ; я постараюсь однако заплатить за все и теперь записываю издержки. И такъ вчера мы выѣхали.—Прекрасная земля—Сербія: плодоносныя поля, лѣсу множество, виноградъ, рогатый скотъ, овцы, свиней, свиней и чудо жирныхъ, всего вдоволь, а по дорогѣ встрѣтишь однѣ ме'аны (постоялые дворы), селенія же въ разбродѣ: домикъ тамъ, а домикъ тамъ, два три видно во всей окрестности; можно бы подумать, что народу нѣтъ, а между тѣмъ въ Сербіи до милліона жителей. Эта невидимость жилищъ человѣческихъ безъ сомнѣнія слѣдствіе Турецкаго владѣнія. И въ ме'анахъ видно, что землей владѣли Турки: онѣ построены на Турецкій манеръ, безъ столовъ, почти безъ стульевъ, безъ ножей и почти безъ вилокъ, и совершенно безъ женщинъ. Отъ этого нечистота. Дороговизна изумительная.

Дорога въ Крагуевацъ какъ наша сельская; вратницы (околицы) попадаются очень часто; съ горы на гору безпрестанно, и съ каждой горы раскрывается новый видъ на окрестныя горы или долины и лѣса. Человѣкъ встрѣчается довольно рѣдко, особенно женщины. Въ ме'анахъ можно достать вино, курицу, хлѣбъ, яйца, кофе, рѣдко молоко и вдоволь сыру. Ночевали мы въ Сопунѣ: тутъ есть меана и господаревъ (княжескій) конакъ (ночлегъ); меана какъ меана, а конакъ немного лучше: это домикъ въ 4 комнаты совершенно пустыхъ, кромѣ одной, въ которой на полу сѣно покрыто ковромъ. Тутъ спали и мы. Такихъ конаковъ по дорогѣ до Крагуевца два, есть еще одинъ въ Жабрѣ. Сегодня думали мы дойдти до Крагуевца, но запоздали,— и ночуемъ — чудесно. Представьте себѣ чуланчикъ безъ оконца; половину заняло сѣно, покрытое ковромъ. Мѣсто стульевъ маленькія низенькія скамеечки, а вмѣсто стола—софра, т. е. толстая круглая доска на крошечныхъ, въ 1 четверть аршина вышиною ножкахъ. Мы поѣли сыра, попили вина и чаю,—и вотъ я пишу—по восточному обычаю, на колѣнѣ. Не дурно, особенно, когда все кругомъ сидитъ поджавши ноги, или на цыпочкахъ, въ широчайшихъ шальварахъ, съ длиннѣйшими усами. Народъ Сербскій очень красивъ, и, если не добръ, то по крайней мѣрѣ съ характеромъ. Теперь онъ начинаетъ отдыхать отъ прежнихъ бѣдъ. Недавно ѣздилъ князь по Сербіи; народъ

всюду встрѣчалъ его съ восторгомъ, и говорилъ ему: «мы ради платить не по 5 талеровъ отъ головы, а и по 8, и по 10, и по 12, лишь бы не было буны (возмущеній)». Теперь народъ платитъ такъ: всякій женатой по 5 талеровъ, а если отецъ имѣетъ два женатыхъ сына, то самъ ничего не платитъ, а если же имѣетъ 4 женатыхъ, то платятъ только 3 изъ нихъ. Народъ богатъ, хотя и живетъ чрезвычайно бѣдно; есть много мужиковъ, имѣющихъ по 1000 и по 2000 червонцевъ капитала. Свободны одинаково всѣ; по селеніямъ заводятся училища, и никому не преграждено ни учиться, ни переступать со степени на степень выше.

9-е. Радковачка ме'ана.

Сегодня у меня для писанья есть и столъ. Какой,—сейчасъ скажу; а прежде вотъ, какъ прошелъ мой день. До Крагуевца оставалось намъ 3 часа. Проснулись мы рано, но долго ждали молока, и въ Крагуевацъ пріѣхали въ 9 утра. Здѣсь нашли мы что-то въ родѣ комнаты съ кирпичнымъ поломъ и съ длиннымъ, во всю стѣну диваномъ, широкимъ и мягкимъ. Тутъ явился къ намъ помочникъ окружнаго начальника, предлагая услугу для «обозрѣнія достопримѣчательностей» города. Вы знаете, что Крагуевацъ былъ, еще и году нѣтъ, главнымъ городомъ Сербіи, въ которомъ князь Милошь царствовалъ какъ въ Царѣградѣ султанъ. И такъ въ Крагуевцѣ долженъ быть дворецъ, должны быть дома правительства, и т. д., и т. д. Мы пошли прежде всего на ча́ршію, т. е. главную базарную площадь. Сегодня суббота—базарной день (въ цѣлой Сербіи базаръ по субботамъ, только въ Бѣлградѣ въ субботу и понедѣльникъ—для жидовъ)—и чаршія полна народу. Женщины въ старинныхъ народныхъ костюмахъ; мужчины тоже въ длинныхъ рубахахъ сверхъ штановъ, но въ турецкихъ капахъ, и народъ, особенно мужчины, чудесной,—рослой, плечистой, усачи, юнаки. Дучаны (лавки), какъ въ Бѣлградѣ. Далѣе пошли мы по уличкамъ... Идя мимо одного свѣтленькаго домика, я похвалилъ его чистоту, а хозяинъ оказался нашъ проводникъ, и пригласилъ насъ зайдти. Вотъ планъ домика: 1) широкій крытый конкъ (галерея) 2) кабинетъ хозяина съ диванами, 3) кухня, 4) спальня, 5) гостинная. Садъ и дворъ въ чудесной чистотѣ; равно и въ домѣ все какъ будто (все) только что перемыто и перечищено. Угощеніе началось трубками. Далѣе вышла хозяйка въ опушенной соболями коротенькой шкуртелькѣ, и поднесла намъ варенье съ водой. Потомъ явилась со сливовицей. Наконецъ съ кофе. При всякомъ выпиваніи было пожеланіе здравія. Когда мы уходили, она уже была безъ шкуртельки, и проводила насъ за ворота. Хозяйственность Сербокъ мнѣ очень нра-

вится; но униженіе ихъ предъ мужчинами, чуть не Турецкое, приводитъ въ досаду. Далѣе пошли мы въ конакъ (дворецъ) господаревъ (княжескій). Зданіе въ два яруса съ огромнымъ конкомъ посрединѣ, а съ трехъ сторонъ комнаты. Пріемная не велика, украшена вся кругомъ диванами, и покрыта ковромъ, на стѣнахъ портреты большею частью Русскихъ царей, и портретъ Николая вмѣстѣ съ образами. Передъ домомъ древ. Римскій памятникъ; дворъ большой, и передъ дворомъ сарай съ 9 пушками; черезъ уличку еще нѣсколько домовъ принадлежащихъ къ конаку, и середи улицы кухня. По другую сторону рѣчки Лепеницы церковь—довольно бѣдненькая съ деревянной папертью. Пообѣдавши, мы переждали дождь и поѣхали. Дорога живописная и большею частью лѣсомъ. Въ лѣсу былъ страшный ураганъ, о которомъ я прежде зналъ только по романамъ. Нашъ кучеръ Мехмедъ-Мулла, едва-едва могъ отыскивать проходъ: дорогу завалило переломленными деревьями; мы замѣтили даже нѣсколько вырванныхъ съ корнемъ—и какихъ! Дубовъ сажень въ 8 вышиною. Вотъ почему мы и принуждены были ночевать, не доѣхавши до порядочной меаны. Эта, въ которую мы заѣхали, вотъ какова: большія сѣни и середи нихъ огонь; направо одинъ закоулокъ съ борошномъ, другой съ виномъ, третій съ лошадьми. Намъ послали мокраго сѣна въ винномъ закоулкѣ, а я за писанье: сыскалъ боченокъ съ капустой, покрылъ софрой, засвѣтилъ восковой огарокъ, по счастью случившійся въ моей сумкѣ,—и хорошо. На наши вопросы: что есть за ѣло, отвѣтъ былъ готовъ: ничего. Достали только кусокъ хлѣба изъ проса да горячей воды для чаю.

10-е. Залагоевацъ.

Лягли. Пошелъ дождь. Сквозь черепицы онъ идетъ свободно, и насъ промочило порядкомъ. Цѣлый день мы шли сегодня по грязи. Передъ вечеромъ попали сопутника, которой и довелъ насъ въ это село. Меаны тутъ нѣтъ, и мы остановились у одного селянина. Впереди сѣни съ огнищемъ; съ одного боку соба (комнатка) съ женскою кроватью, а съ другаго другая съ разными разностями. Эту намъ очистили, разослали соломы, покрыли ковромъ, накурили ладономъ. Ждемъ ужина. Я сижу на своей сумкѣ, и опять пишу на колѣнѣ; потому что ни стола, ни стула. Ужинать будемъ по Турецки, сложивши ноги подъ себя на постели. Народъ превѣжливой, прегостепріимный. *NB.* Не знавши, гдѣ живетъ кметъ (сельск. староста), мы взяли за проводника мальчика и дѣвочку. Когда они насъ довели, мы дали имъ по піастру; мальчикъ взялъ монету и сталъ разсматривать, а потомъ спросилъ: «шта је то». Онъ думалъ, что это пуговица: такъ тутъ знаютъ дѣти деньги. Да и вообще деньги мало извѣстны; а природное богатство изумительное.

13-е. Баня.

Ни вчера, ни третьяго дни не могъ взяться за перо. Третьяго дни къ обѣду пріѣхали мы въ городокъ Крушевацъ, дрянной, довольно разбросанный; но знаменитый тѣмъ, что въ немъ жилъ знаменитый князь Лазарь. До сихъ поръ сохранилась развалина башни отъ дворца, въ которомъ жила, какъ говоритъ преданіе, царица Милица, его жена; есть также и церковь, построенная Лазаремъ; послѣ битвы на Коссовомъ полѣ она была разрушена отчасти, и стояла такъ до недавняго времени, пока князь Милошъ не возобновилъ ее. Стѣны оставались цѣлы, а потому и теперь можно судить о вкусѣ времени Лазаря, и бранить его нельзя. Мы было заказали себѣ обѣдъ въ кафанѣ[1]), но курицы не нашлось, и насъ пригласилъ къ себѣ обѣдать секретарь суда. Онъ изъ Австрійскихъ Сербовъ, жена—тоже, и хоть одѣта по Сербски, но очень разговорчива, и чужихъ мужчинъ не стыдится, и въ домѣ хозяйка. Послѣ обѣда поѣхали далѣе, думали ночевать въ монастырѣ св. Романа, опоздали и принуждены были переночевать въ простомъ шалашѣ у перевоза черезъ рѣку Мораву. Шалашъ очень великъ, хорошо сдѣланъ, но вѣтеръ и холодъ пробиваетъ насквозь; а огонь на огнищѣ угасъ еще до полуночи. Въ шалашѣ мы нашли только кусокъ хлѣба да сѣно. Вчера пріѣхали часу въ 10-мъ въ Алексинацъ. Тоже дрянной городокъ, но важный по положенію: онъ стоитъ близь Турецкой Болгарской границы, и имѣетъ карантинъ; еще недавно былъ онъ дрянымъ селеніемъ. Въ Алексинцѣ мы остановились у помочника окружнаго начальника, и приняты имъ очень ласково. Тотъ часъ по пріѣздѣ намъ дали трубки, потомъ жена вышла съ вареньемъ, далѣе съ водкой, потомъ съ кофе, и угостивши насъ, хотѣла еще приложиться къ нашимъ рукамъ; это конечно не допущено было, и мы поцѣловались съ нею по Старорусски. Передъ обѣдомъ дочь, дѣвушка прехорошенькая, подавала намъ умыть руки, и за столъ не садились ни она, ни мать. Послѣ обѣда опять мытье рукъ. За ужиномъ тоже. За ужиномъ, какъ и за обѣдомъ, пили здоровье Покровителя Сербіи Николая. Послѣ ужина пришла дочь снимать съ насъ сапоги; а когда я предоставилъ трудъ этотъ самому себѣ, то она пришла съ водою, чтобы мыть ноги. Отказаться отъ этого было мнѣ всего труднѣе. Церемонія продолжалась до половины 10-го. Расположиться съ писаньемъ было негдѣ, и я просто легъ. Главная комната убрана совершенно по Турецки: на полу во всю комнату коверъ, на коврѣ по стѣнамъ подушки; на этомъ коврѣ были и намъ постланы постели. Сегодня рано утромъ, послѣ кофе, мы поѣхали далѣе,—и я въ знакъ моей благодарности поцѣловалъ руку хозяйки: это было такъ ново

[1]) Серб. кофана—кофейня.

для нея, что она покраснѣла. Въ Алексинцѣ мнѣ показывали карантинъ, прекрасно устроенный; онъ занимаетъ цѣлую улицу: съ одной стороны амбары для очищаемыхъ товаровъ, а съ другой—комнаты для людей; есть комната и для гостей не изъ простаго народа, есть и конюшни для лошадей; есть и парлаторіумъ, какъ въ Бродѣ или Митровицѣ. Въ Алексинцѣ я наслушался довольно о прежнемъ и теперешнемъ состояніи несчастныхъ Болгаровъ: Турки поступаютъ съ ними хуже нежели со звѣрями. Каждый день идутъ они толпами въ Сербію снискать кусокъ хлѣба. Недавно одинъ христіан. купецъ былъ пашою Нишкимъ ограбленъ, потому что онъ ворочался изъ Вѣны въ Турцію съ деньгами, полученными за проданный товаръ; другой купецъ былъ однимъ турецкимъ помѣщикомъ не только ограбленъ, но и убитъ.—Отъ Алексинца до Бани 5 часовъ; по дорогѣ мы не нашли ни одной меаны, и принуждены были голодать до Бани. Тутъ мы обѣдали и остались на ночь. Баня крошечной дрянной городишко и имѣетъ свое названіе отъ цѣлительныхъ сѣрныхъ водъ; еще Турки построили надъ водами баню, а Милошъ пристроилъ къ банѣ домикъ для себя и большой домъ для гостей, посѣщающихъ воды. Мы ночуемъ въ Милошевскомъ конакѣ; я купался, и потомъ лежалъ, отдыхая, съ полчаса; вода очень горяча, въ томъ мѣстѣ гдѣ она течетъ въ цистерну, яйцо варится въ 15 минутъ.

15-е. Чюпрія (то есть Мостъ).

Вчера сдѣлали мы малый переѣздъ въ Ражань, 6 часовъ отъ Бани, городокъ (или какъ тутъ называется паланка) въ нѣсколько домиковъ. Товарищъ мой захворалъ, а квартиру достали мы не лучше той, какую имѣли въ Колибѣ на Моравѣ. Удивительно, что во всей Сербіи стеклянныя окна чрезвычайно рѣдки и лѣтомъ до холодовъ окна стоятъ совсѣмъ раскрытыя, а зимою заставляются окончинами изъ бумаги. Въ нашей комнаткѣ окно не имѣло также стеколъ. Притворили ставень, но остались щели, а ночь была сырая и дулъ вѣтеръ; и надобно было заложить щели соломой. Въ комнатѣ и была печь, но не топилась цѣлые полгода, и слѣд., надобно было удовольствоваться горячими углями, которые принесли въ большой сковородѣ. На возвышеніи, занимающемъ большую часть горенки, разослали ковры, и мы разлеглись. Я напился чаю и согрѣлся. Отъ Раженя до Чюпріи 8 часовъ. Черезъ два часа пріѣхали мы въ село Шупелякъ; тутъ строится прекрасная мензуль'ана, т. е. станція для верховыхъ лошадей. Другихъ почтъ въ Сербіи нѣтъ; а за верховаго коня платится въ часъ по 2 гроша или піастра; кто хочетъ ѣхать скорѣе, тотъ беретъ едекъ, т. е. запасныхъ лошадей, потому что станціи велики,—отъ 4 до 6 и 8 лошадей. Въ городкѣ Парачинѣ по-

строенъ новый хорошій мостъ черезъ Црницу. И Парачинъ похожъ на Ражань, но чаршія богаче. За Парачиномъ видѣли мечкаря, т. е. водящаго медвѣдя. Въ 5 часовъ пріѣхали сюда, и съ помощью различныхъ начальниковъ нашли порядочную комнатку, чистую и полную мириса (благоуханія) отъ дунь (дуня или туня—плодъ въ родѣ яблока, только тверже и больше); онѣ рядомъ лежатъ на полочкѣ подъ потолкомъ вокругъ всей комнаты, а въ потолокъ воткнуты раз. цвѣты, особенно цмилы (immortella) и босилье (василекъ), также кадифе (бархатки), и пр.—Пишу опять на колѣнѣ. Погода опять разыгривается. Чюпрія стоитъ на правомъ берегу Моравы; кругомъ—обширное поле, а кругомъ его—далеко горы. Морава широка. Черезъ нее строится мостъ; онъ будетъ деревянный, но основанія на берегу кладутся такъ прочно, что въ послѣдствіе можетъ быть поставленъ и каменный.

17-е. Луковица.

Опять два дни не писалъ; а есть что записать для будущихъ воспоминаній. Вчера утромъ въ сопровожденіи начальника и эскадроннаго командира мы ходили осматривать Чупрійскія казармы. Онѣ порядочно построены и очень чисты; конюшня очень хороша. Вся кавалерія Сербская (260 челов.) состоитъ изъ улановъ, стоящихъ въ Бѣлградѣ, Крагуевцѣ и Чупріи. Офицеры учились въ Россіи, въ Новороссійскихъ военныхъ поселеніяхъ. Одежда совершенно Русская; ухватки тоже. На мѣстѣ, гдѣ стоятъ теперь казармы, была прежде крѣпость, и народъ вспоминаетъ о Латинскомъ царѣ Троянѣ; теперь отъ крѣпости остались кое-гдѣ камни въ землѣ. Изъ Чупріи мы намѣрены были посѣтить два монастыря, а дорогу къ нимъ не знали,—и потому и получили отъ начальника проводникомъ пандура (слугу въ начальствѣ). Пандуръ одѣтъ по Турецки, хорошо вооруженъ и на конѣ. Монастырь Раваница отстоитъ отъ Чюпріи 2 часа, и совершенно загребенъ въ узкой долинѣ между горами и лѣсомъ. Церковь строилъ князь Лазарь; подлѣ церкви развалины 2 башенъ: одна Лазаря, другая Милоша Обилича, была и третья—Вука Бранковича, но разрушена. Особенное чувство рождается, глядя на эти остатки древности, воспѣваемой народомъ въ пѣсняхъ. Въ монастырѣ игуменъ и 4 монаха. До послѣдняго времени послѣ Коссовской битвы всѣ монастыри Сербскіе были во власти Турокъ и употребляемы, какъ конюшни. Въ церкви сохранилась однако еще старинная живопись. Подлѣ есть пещера (печина), очень глубокая, по преданію идущая къ Черной Рѣкѣ. Монашеское угощеніе заставило насъ запоздать и остаться на ночь. Сегодня утромъ рано поѣхали мы въ другой монастырь—Манасію на р. Ресавѣ. Подъѣзжая къ нему, видишь только горы покрытыя лѣсомъ, а у подошвы скалы, и между ними узкое

ущелье, по которому течетъ Ресава. Далѣе долина расширяется, скалы увеличиваются, и вдругъ между ними и роскошной зеленью выказываются огромныя старинныя башни, соединенныя стѣною, желтыя, обросшія деревьями и мохомъ. Видъ поразительный. Вошедши въ ворота, изумляешься еще болѣе: если развалины такъ огромны и величественны, каково должно быть все это новымъ. Бо́льшая изъ башень — замокъ Стефана Деспота, сына Лазарева, строившаго все это. Церковь влѣво на дворѣ, — очень велика и величава; живопись еще видна; еще болѣе видны слѣды разоренія. Алтарь пустъ, иконостасъ изъ простыхъ досокъ съ 4 образами, священникъ въ отрепьяхъ; кельи жалки, да и монаховъ всего на все 2. Послѣ обѣда поѣхали мы далѣе, не успѣли доѣхать до городка Свилейнца, и ночуемъ тутъ у мужика: соба [1]) изрядная, сѣна вдоволь, ковровъ тоже, надѣюсь выспаться, какъ слѣдуетъ.

19-е. Смедерево.

Утромъ вчера оставалось намъ пути полчаса до городка Свилейнца, мы въѣхали тутъ на господарскій конакъ, хотѣли только отдохнуть, но Срезскій начальникъ не пустилъ насъ безъ завтрака, а завтракъ приготовлялся какъ обѣдъ, и мы выѣхали въ 11. Какъ вездѣ, такъ и тутъ пилось за здравіе Покровителя Сербіи Николая и Сербскаго князя, а я прибавлялъ: «и Сербскаго народа». Свилейнацъ имѣетъ очень хорошую чаршію. Ночевали во Влашкомъ долѣ—въ жалкой мужицкой кучѣ. Дорога изъ Свилейнца прекрасная, мѣстами какъ шоссе. Обѣдали сегодня въ городкѣ Пожаревцѣ. Въ немъ есть господарскіе конаки: тутъ жилъ князь Милошъ довольно часто. Кругомъ города—равнина. Ночевать пріѣхали сюда въ Смедерево (Семендрія). Довольно большая варошь [2]). Въ крѣпости, строенной Юріемъ Бранковичемъ и теперь населенной Турками, находится 19 башень; видъ ея очень хорошъ, но она вся въ развалинахъ, и домишки Турецкіе точно Волошскія. Кстати: отъ Манассіи и даже прежде мы видѣли довольно Волошскихъ селъ. Страшно взглянуть на домишки, въ которыхъ живутъ Волохи: точно хлѣвы, крошечные, безъ оконъ, безъ дверей, сквозятъ. Въ Смедереву дучановъ (лавокъ) множество, но домиковъ, хоть нѣсколько порядочныхъ мало. Благодаря начальнику, впрочемъ, мы имѣемъ маленькую комнатку. Дунай въ глазахъ.

22-е. Землинъ.

Знаете-ли вы, что это «контраманцъ?»—Это свѣтленькая комнатка, въ которой стоитъ столъ, два стула, кровать, вѣшалка для платья, печь и sonst

---

[1]) Серб. соба—комната.
[2]) Серб. варош—городъ.

nichts. Передъ окнами рѣшетка, за рѣшеткою дворъ; съ другой стороны двора такая-же рѣшетка, и за рѣшетками такія-же комнатки какъ и эта; изъ-за домиковъ видно 2 церкви—римская и наша. Рѣшетка передъ домикомъ всегда заперта на замокъ; ключь у опредѣленнаго слуги, который приходитъ, приноситъ все, что нужно и уходитъ, замкнувши крѣпко комнатку на замокъ. Ко мнѣ могутъ приходить посѣтители, но разговоръ идетъ черезъ рѣшетку подъ строгимъ присмотромъ чтобы разговаривающіе со мною «не помѣшались». Это вамъ Землинскій контраманцъ, то-есть контумацъ, т. е. карантинъ—и въ немъ я заключенъ на 10 дней. Какъ я попалъ въ этотъ контраманцъ, о томъ слѣдуетъ реляція. 20-го я выѣхалъ изъ Смедерева послѣ осмотра крѣпости. Цѣлой день ѣхалъ, и вечеромъ въ 7 часовъ пріѣхалъ въ Бѣлградъ, когда уже его джаміи (мечети) были всѣ освѣщены (что бываетъ каждую ночь въ Рамазанъ, недавно начавшійся). Тотчасъ къ Иващенку и до 11 проболталъ. На другой день визиты министру внутреннихъ дѣлъ, министру просвѣщенія, князю, митрополиту, Обреновичу, генералу Даниловичу (служившему въ русской службѣ болѣе 50 лѣтъ) и пр.; обѣдалъ и вечеръ провелъ у Ващенковыхъ. Сегодня опять визиты, обѣдъ у Ващенка—и на лодку. Тироль и Милодраговичь меня провожали до Землина и сдали въ контраманцъ. А путешествовалъ я по Сербіи точно даромъ: такъ желалъ князь, и, прощаясь со мною, сказалъ: «мы дорожимъ и должны дорожить такими путешественниками, какъ вы». Ну что еще сказать! И вчера, и сегодня Ващенковы кормили меня прекрасной кашей.— Этимъ, кажется, должна окончиться и каша моего письма. Что я буду писать изъ моего заключенія? Посмотримъ какъ-то пройдутъ эти 10 дней.

1-е. Землинъ.

Я еще въ карантинѣ, но вотъ вотъ скоро явится ревизоръ, осмотритъ вещи и пуститъ насъ на свободу. Многіе уже отпущены. Сегодня, надобно знать, отпускаются всѣ, безъ исключенія, и карантинъ растворяется. Если бы я все это время прожилъ въ Бѣлградѣ, то бы и въ карантинѣ не былъ. Впрочемъ, своимъ пребываніемъ въ карантинѣ я доволенъ: занимался безъ помѣхи. И скучно не было. Маріановичь посѣщалъ меня ежедневно. Нѣсколько разъ приходилъ ко мнѣ и генералъ Гауеръ. Онъ тутъ по какимъ то политическимъ цѣлямъ, а я, вы знаете, тоже политическое лице!

Я вышелъ изъ карантина, переселился на новую квартиру, а черезъ полчаса получилъ пакетъ отъ Гауера, который былъ сегодня въ Бѣлградѣ и взялъ его у Ващенка для передачи мнѣ: въ немъ Прейсъ прислалъ мнѣ разныя письма, между прочимъ и ваше письмо подъ № 47 (?) отъ сент. 15. Душевно радуюсь вашей поѣздкѣ въ Кіевъ; а брата жаль. Позволеніе остаться еще на годъ добылъ; нельзя ли вамъ, душенька маменька, спросить кого-ни-

удь въ университетѣ, посланы ли мнѣ деньги? Цѣлую вашу ручку; писалъ бы и болѣе, да нѣгдѣ. Поздравьте, хотѣлъ сказать кланяйтесь (по Сербски поздравьте) Рославскаго, Метлинскаго.

LVIII.

№ 48. Землинъ, 1-то Ноября.

И такъ еще на одинъ годъ остаюсь вдали отъ васъ, милая маменька Да сохранитъ Господь Богъ ваше здоровье; на свое я осмѣливаюсь надѣяться. Былъ въ карантинѣ мало боленъ лихорадкою, но она прошла и надѣюсь не воротится. Да и болѣть-то мнѣ некогда. Пройдетъ и этотъ годъ, какъ прошли два прежніе, и я ворочусь къ вамъ.

Пароходъ Зринскій. 15-е.

Моя лихорадка прошла не такъ скоро, какъ я вообразилъ. 1-го я вышелъ изъ карантина, а 2-го послѣ обѣда—въ постель. Къ счастію нашелся между моими добрыми знакомыми докторъ Пантеличь, который явился тотчасъ, велѣлъ лежать, на другой день прописалъ желудочныя пилюли, потомъ пилюли противу лихорадки,—и посѣщалъ меня каждый день по два и по три раза, просиживая по часу и по два. Маріановичь приходилъ также по нѣскольку разъ въ день. Жилъ я у учителя Сенчича, и со стороны хозяевъ мнѣ было прекрасно: хозяинъ и хозяйка ухаживали за мною, будто родные. Заходилъ и Гауеръ. А Марья Евстафьевна Ващенкова прислала мнѣ изъ Бѣлграда чаю. Такъ я провелъ 8 дней; и 9-го вмѣстѣ съ Загребскимъ литераторомъ Бабукичемъ поѣхалъ въ Новый Садъ черезъ Срѣмъ, т. е. черезъ Индію, Карловцы и Варадинъ. Тутъ не могши найдти квартиры ни у Зеленаго Вѣнца, ни у Фазана, я долженъ былъ отправиться ночевать къ Шафарику, а тотъ меня совсѣмъ не пустилъ,—и я прожилъ у него до вчера. Предоброй человѣкъ. Мы жили съ нимъ, какъ братья. На другой день послѣ пріѣзда я пошелъ къ Хаджичу, встрѣчаю мать его, далѣе сестру, далѣе жену,—никто мнѣ ни слова, просятъ впередъ; вхожу въ комнату спальную, у окна дама задомъ ко мнѣ толстая дама, очень знакомая, а кто не вижу. «Марья Евстафьевна!» закричалъ я, а она захохотала. Я пришелъ нечаянно, а то она хотѣла сыграть со мною цѣлую комедію: Хаджичь долженъ былъ меня позвать къ обѣду, и распрашивать о Бѣлградѣ, а тутъ бы послѣ перваго вопроса о Ващенковой,

и явилась бы она сама. Она осталась до субботы, и, разумѣется, я долженъ былъ и обѣдать вмѣстѣ у Хаджича, и на комедію ходить вмѣстѣ; и нахохотались вдоволь. Она пріѣхала въ Новый Садъ закупать разныя разности для Бѣлградскихъ дамъ для баловъ. Звала меня воротиться. А знаете ли какъ отозвалась обо мнѣ господична Анка (Обреновичъ): «есть люди, которые съ перваго взгляда противны; есть и такіе, къ которымъ и послѣ долгаго знакомства не чувствуешь ничего; а Срезневскій съ перваго разговора былъ для меня какъ будто роднымъ». Комедія Новосадская—конная: комедіянты дѣлаютъ разныя штуки на лошадяхъ, и нѣкоторыя изъ нихъ истинно превосходны. Публика собирается подъ огромный шатеръ, въ серединѣ котораго круглая большая арена, на которой скачутъ. Особенно мнѣ понравилась скачка утопающаго матроса: сначала онъ мчался съ весломъ, какъ будто гребя, потомъ весло поломалось и онъ началъ тонуть, т. е. скользиться по коню какъ утопающій по волнамъ, и стоя на лошади принималъ иногда положеніе почти горизонтальное; лошадь мчалась, а на ней не было не только сѣдла, но и узды. Это общество Чеховъ подъ начальствомъ Беранка.—Вчера (воскр.) я отправился къ пароходной канцеляріи въ 9 утра, а пароходъ пришелъ въ 5 послѣ обѣда; все это время я долженъ былъ ждать. Ѣхали цѣлую ночь: первая станція была въ Илокѣ, вторая въ Вуковарѣ, 3-я въ Даѣ—все ночью. Теперь ѣдемъ, а дождь ливмя льетъ; мы всѣ въ комнатѣ, одни играютъ въ карты, другіе читаютъ, нѣкоторые дремлютъ, а я вотъ писалъ. Пароходъ изрядной, но ночью комната превращается въ одну постель: отовсюду изъ диванова выдвигаются ящики, на которые кладутся подушки, обитыя сукномъ,—и все укладывается ногами къ печи, отопляющей комнату, а столы подлѣ нея громоздятся одинъ на другой; это нельзя назвать покойнымъ, особенно когда пассажировъ много. Вчера съ пароходомъ я получилъ отъ моей Землинской хозяйки подарокъ на память—вышитое бисеромъ для портфеля или я не знаю для чего.

16-е Ноября.

Цѣлый день вчера шелъ дождь; сегодня тоже идетъ, и вѣтрено; словомъ осень. Вчера ѣхали до 6 часовъ; потомъ стало темно, и мы стали. Утромъ сегодня около 5 часовъ подвинулись далѣе,—и черезъ часъ были подъ Могачемъ. Городокъ дрянной, а знаменитъ битвою, на которой Турки разбили Мадьяровъ. Здѣсь пароходъ запасся угольемъ. Между прочимъ явилась на палубу Мадьярка невѣста, цѣловала всякому руку, и за это отъ всякаго добыла по двугривенному. Одѣта изрядно, въ гладкомъ чепчикѣ на го-

ловѣ, къ которому сзади привязано множество лентъ красныхъ, зеленыхъ и бѣлыхъ; юпка и кофточка цвѣтныя, сапоги красные. На шляпѣ жениха дѣланые цвѣты; куртка, узкіе штаны въ сапоги.—Въ нашей комнаткѣ довольно прохладно: печичка крошечная, и топятъ мало.

17-е.

Вотъ уже 12-й часъ, а я еще не сплю, и многіе не спятъ. Въ одномъ углу играютъ въ банкъ, около играющихъ собралось много зрителей; другіе, лежа, разговариваютъ; я, пользуясь свѣтомъ, читалъ, и теперь сталъ писать. Наше общество сдѣлалось очень разнообразно: нѣсколько графовъ, нѣсколько простыхъ дворянъ, нѣсколько купцовъ, нѣсколько людей безъ оссбеннаго званія, нѣсколько дамъ, всего по нѣскольку. Говорятъ по Нѣмецки, Мадьярски (Венгерски), Французски, Итальянски, Англійски, Сербски. Мое любопытство узнать что нибудь о Мадьяр. языкѣ и литературѣ и о Венгріи привлекло ко мнѣ милость Мадьяровъ, и кавалеры и дамы учатъ меня по Мадьярски и въ восхищеніи, что нашли Русскаго, любопытствующаго узнать Мадьярскій языкъ. Вечеромъ сегодня маленькое общество наше собралось въ уголокъ противу банковаго угла,—и давай разсказывать сказки. Ирма Кишасонъ (мамзель Марія) получила первый жребій, и передала жребій мнѣ; я, разсказавши сказку о Бабѣ-Ягѣ передалъ жребій Етелкѣ Кишасонъ, и такъ далѣе. Хохоту было столько, что даже около банковаго стола мѣста опустѣли, и около насъ сгустились, а мы принимали въ свое общество только тѣхъ, кто соглашался разсказать сказку, если бы на него палъ жребій.—Теперь мы остановились подъ Пестомъ: огни всюду, видно нѣсколько прекрасныхъ фасадовъ, и болѣе ничего, потому что ночь темна. Тутъ уже снѣгъ, а давно-ли я былъ въ Сербіи, а тамъ еще не падали листья съ деревьевъ.

21-е Печь (Пештъ, Пестъ).

На другое утро рано я вышелъ на берегъ, и занялъ комнату въ отели Англійской королевы. Черезъ часъ я уже былъ у Коллара (онъ уже воротился изъ своего путешествія) и просидѣлъ цѣлое утро. Вечеромъ былъ въ Мадьярскомъ театрѣ. Давали оперу «Лукреція Борджія»; дѣвица Карлъ пѣла прекрасно; музыка изрядна. Театръ очень хорошъ и великъ. Зрителей много. Но Мадьярскій языкъ вовсе не приставалъ оперѣ.—19-го цѣлое утро—съ Колларомъ, и у него обѣдалъ. Послѣ обѣда съ издателемъ Серб. газеты Өед.

Павловичемъ [1]); съ нимъ и въ Нѣмецкій театръ. Давали драму Пряничница Рёсель, и г-жа Гринь играла очень хорошо. Театръ еще больше нежели Мадьярскій, и очень хорошъ. Вчера опять утро съ Колларомъ и съ Суботичемъ [2]), издателемъ Серб. Лѣтописи (журнала); и послѣ обѣда тоже съ нимъ. Вчера же былъ въ Университетской библіотекѣ, гдѣ 80,000 книгъ, есть кабинетъ для чтенія, и мало порядка; а рукописи подъ замками, и только показываются, но читать не даются.

Пестъ прекрасный городъ; послѣ Вѣны, Праги и Тріеста—лучшій изъ видѣнныхъ мною. Улицы широки и прямы, вымощены какъ и въ Вѣнѣ; домы прекрасной архитектуры, особенно у берега Дуная. Дунай величественнъ. Съ противной стороны его Оффенъ, что по Нѣмецки значитъ тоже Печь, а [по] Славянски наз[ываемый] Буда. На горѣ крѣпость, подъ горою тянется самъ городъ; онъ очень длиненъ. Между обоими городами черезъ рѣку мостъ на баркахъ, какъ и между Новымъ Садомъ и Варадиномъ. Къ сожалѣнію погода дурна и я не могу проходиться какъ бы слѣдовало.

24-е.

Сегодня я обѣдалъ у православнаго епископа. Онъ привезъ меня назадъ домой и зашелъ ко мнѣ. Человѣкъ довольно образованной и милой въ обращеніи.—Завтра ѣду.

28-е Вѣна.

Вчера пріѣхалъ рано въ 5-мъ часу. Изъ Печи проводилъ меня Павловичь. Я думалъ ѣхать до Бретислави (Пресбурга) съ пароходомъ; но мнѣ отсовѣтовали, говоря, что туманъ можетъ меня долго задержать на пути. А такъ какъ я не имѣлъ съ собою зимняго платья, то Павловичь снабдилъ меня своею бундой, т. е. смушковой претеплой шубой. Сегодня я былъ у Вука и въ библіотекѣ у Копитара.

Декабрь.

Въ посольствѣ я получилъ новый паспортъ и деньги, т. е. вексель на цѣлой годъ; нанялъ квартиру очень милую, недалеко отъ Вука и съ видомъ на гласисъ и городъ,—и остаюсь въ Вѣнѣ мѣсяца на два. По цѣлымъ днямъ остаюсь дома безвыходно, и занимаюсь. Въ томъ же домѣ есть трактиръ,—и обѣдать мнѣ приносятъ; утромъ пью кофе, а вечеромъ самъ себѣ варю чай. Сосѣди мои—люди очень для меня пріятные: во первыхъ тихи, во вторыхъ съ фортепьяно, на которомъ нерѣдко слышу то самое, что когда то слышалъ отъ васъ, душенька маменька. Это переноситъ меня въ Харьковъ.

[1]) Тодоръ Павловичъ—редакторъ «Сербскаго народнаго листа».
[2]) Іованъ Субботичъ (род. 1817).

Иногда я совершенно забываюсь, думая, что я не въ Вѣнѣ, а въ Харьковѣ; какъ же не забыться, когда я слышу и варіаціи на «Ѣхалъ козакъ», и «Боже царя храни», и Мазурку Шопена, и Тальберга № 16, и отрывки изъ «Жизни за царя». Тутъ мнѣ приходитъ въ голову, что я дурно сдѣлалъ, не упросивши васъ ѣхать вмѣстѣ со мною: лѣтомъ бы я прощался съ вами отъ станціи до станціи; а зимы цѣлыя проводили бы вмѣстѣ—неразлучно. Больше писать нечего. Цѣлую ручку вашу. Будьте здоровы и пишите мнѣ слѣд. письмо въ Вѣну: In Wien, Landstrasse, Am Glasis, № 498, 2-e Stock, Thür № 16. Herrn, Herrn von Sreznjewski,—или на имя Ганки въ Прагу.

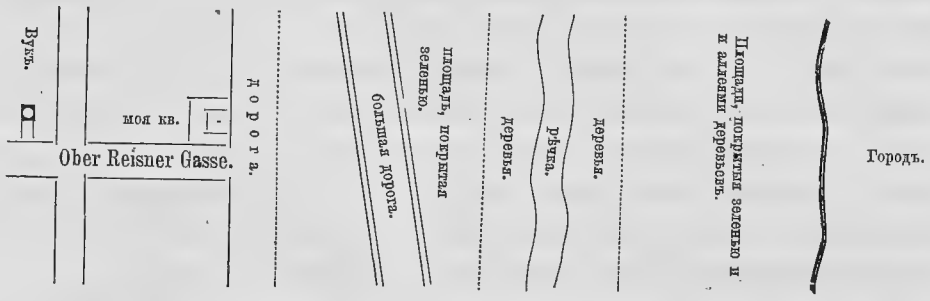
LIX.

№ 49. Копія (потому что подлинникъ написался такъ, что и мнѣ самому трудно читать... И такъ копія:)

Вѣна. Декабрь 1841.

Я не пишу числа, потому что дни у меня текутъ одинъ за другимъ безъ различія, и это съ малыми перемѣнами будетъ продолжаться, кажется, все время пока буду въ Вѣнѣ. Почти каждой и почти цѣлой день я дома: въ 8 часовъ пью кофе; потомъ занимаюсь до обѣда; потомъ въ $^3/_4$ перваго приносятъ мнѣ обѣдъ; послѣ обѣда лежа читаю пока свѣтло, иногда, впрочемъ иногда, и вздремну; далѣе зажгу свѣчку—и за работу до чаю, въ $^1/_8$ пью чай, и потомъ опять занимаюсь до 9; въ 9 ложусь на софу, и читаю что нибудь легкое для развлеченія (напр. теперь Ифланда драмы). Выхожу изъ дому, когда или что нужно купить или въ книжныя лавки расплачиваться (а книги присылаютъ мнѣ на домъ, и я выбираю, что нужно), или въ библіотеку, или къ Вуку, или наконецъ въ театръ (не болѣе разу въ недѣлю), или, что еще рѣже, на почту отдать письмо и спросить, нѣтъ-ли мнѣ. Меня посѣщаютъ рѣдко: раза два въ недѣлю молодой Сербской литераторъ—студентъ университета Петровичъ, иногда на вечеръ зайдетъ Вукъ. Мнѣ не скучно, а бываетъ грустно (вотъ почему и читаю драмы и повѣсти): не получивъ еще позволенія остаться за границей, я боялся, что мнѣ откажутъ въ просьбѣ; а теперь, получивши его, я бы полетѣлъ домой. Моя несносная сосѣдка заставляетъ меня каждой день повторять: «хорошо въ чужи, а дома лучше»; играетъ себѣ да играетъ то самое, что вы играли тогда, когда—фу! за два года слишкомъ. Если-бы уже скорѣе лѣто, т. е. весна: пошелъ бы бродить,—ужъ теперь побреду на востокъ, все ближе къ вамъ.

Моя квартира на углу той улицы, гдѣ я жилъ прошлую зиму, вотъ такъ:



Дорога въ городъ та же; та же старушонка счищаетъ грязь съ дороги, гдѣ люди переходятъ, и также получаетъ отъ меня по 2 крейцера въ недѣлю и за то зоветъ меня Милостью; та же шармантка подлѣ мостика и тѣ же яблоки и пирожки подлѣ шармантки, и та же нищая съ дитятью за мостикомъ.

Въ Стефановской церкви бываю довольно часто. Кстати: въ варварской Россіи ликъ Божіей Матери пересталъ лить слезы при Петрѣ, а въ образованной Германіи, въ Вѣнѣ—у деревянной статуи распятія въ церкви Стефана еще и до днесь борода растетъ и бороду стригутъ. Я приглядывался къ этой бородѣ: густая, черная; растетъ-ли, примѣтить мудрено, а всѣ ей молятся и говорятъ, что ей-Богу растетъ. Чудная борода. Да и Стефановская церковь чудна: кто ходитъ въ нее молиться, кто (какъ я грѣшной) проходитъ черезъ нее, чтобы не обходить ее; а кто ради свиданія—кавалеръ для свиданія съ дамой, дама съ кавалеромъ. Церковь огромна, угловъ множество, темно всегда: никто не знаетъ и не видитъ, кто молится, кто проходитъ мимо, кто «свидается».

22-е дек.

Вчерашній вечеръ я провелъ такъ, какъ давно уже, давно не проводилъ. Въ Hofburgtheater вчера разыгрывали Гайдново Сотвореніе міра. Сцена во всю длину претворилась въ амфитеатръ пульпетовъ, у которыхъ по скамьямъ сѣли около 150 музыкантовъ; передъ ними на возвышеніи режиссеръ, ниже ихъ, т. е. ближе къ публикѣ около 100 пѣвчихъ; еще ближе Штаудигль, Лосъ и г-жа Гассель-Бартъ, а между ними фортепіано. Театръ былъ довольно полонъ, хотя впрочемъ и были пустыя мѣста; былъ императоръ съ императрицей, нѣсколько принцевъ и принцессъ.—Впечатлѣній передать вамъ не могу; скажу только, что я плакалъ, не могъ удержаться, сколько ни старался.—А вотъ содержаніе ораторіи:—Вступленіе громовито; только иногда громы смолкаютъ, и нѣжный, стройной, тихій, но могущественный голосъ отъ

скрыпки къ скрыпкѣ, отъ віолончели къ флейтѣ, и—опять громъ и трескъ. Далѣе арх. Рафаилъ (Штаудигль—бассъ) поетъ: «въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю, и земля была безъ образа и пуста, и тьма лежала надъ глубиною». Хоръ ангеловъ: «И духъ Божій носился надъ водами, и Богъ молвилъ: Будь свѣтъ, и сталъ свѣтъ». Арх. Уріилъ (Лосъ—теноръ): «И Богъ отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы»,—и далѣе поетъ пѣсню о первомъ днѣ и паденіи демоновъ. Хоръ: «съ отчаяніемъ, яростью, ужасомъ пали они—и новый свѣтъ возсталъ по Божью слову». Арх. Рафаилъ: о сотвореніи тверди и пѣсню о воздушныхъ явленіяхъ. Арх. Гавріилъ (Гассель-Бартъ—дискантъ) пѣсню хвалы Творцу. Хоръ повторяетъ. Рафаилъ: объ отдѣленіи суши отъ водъ и пѣсню о морѣ и рожденіи скалъ, потоковъ, рѣкъ. Гавріилъ: «да будетъ зелень, деревья, плоды»—и пѣсня. Уріилъ съ хоромъ поетъ хвалу Богу, и потомъ: о звѣздахъ, солнцѣ и мѣсяцѣ. Далѣе тріо (три архангела): «день дню и ночь ночи повѣдаютъ славу его,—и слово Его идетъ по свѣту, звучное для всякаго слуха, и ничьему слуху не чуждое». Хоръ повторяетъ. Финалъ оканчиваетъ первое отдѣленіе. Вотъ мѣста, гдѣ я не могъ удержаться отъ слезъ: «И сталъ свѣтъ», «Колышется море», «И мѣсяцъ восходитъ» (это неподражаемо: начинаютъ низкіе инструменты—контрабасы, барабаны, но едва слышно, потомъ пристаютъ віолончели, далѣе альты, а между [тѣмъ] контрабасы и барабаны уже едва слышны, далѣе скрыпки—и все тихо, и медленно, и все скорѣе, все громче), послѣдній хоръ и конецъ тріо «ничьему голосу не чуждое, ничьему!.. ничьему?—ничьему». 2-ое отдѣленіе. Гавріилъ: «И Богъ молвилъ да будутъ живыя творенія и птицы», и пѣсню: «На могучемъ крылѣ паритъ гордо орелъ, и мчится къ солнцу; жаворонокъ веселой пѣснію встрѣчаетъ утро, и о любви коркуетъ (girrt) пара голубковъ, а по рощамъ раздаются соловьи—еще не тосковали они». Я опять въ слезы; а мѣсто о парѣ голубковъ было выше слезъ. Рафаилъ: о созданіи рыбъ. Тріо. Рафаилъ: «И Богъ рекъ: да будутъ звѣри», и потомъ пѣсню. Уріилъ: И Богъ создалъ человѣка по образу своему, и далъ ему душу. Общая пѣсня о человѣкѣ—простая, но достоиная человѣка. Тріо. Хоръ. Алелуя. Въ третьемъ отдѣленіи остается одинъ Уріилъ, и являются Адамъ и Ева (Штаудигль и Гассель-Бартъ). Они поютъ пѣсню хвалы Богу, и еще одинъ дуетъ (превосходной) о своей любви. Хоръ. Финалъ.—Музыка исполнила свое дѣло чудесно; пѣвчіе было мало чѣмъ хуже нашихъ (дишканты плохи—это были ученики). Штаудигль пѣлъ съ чувствомъ, но это не протодьяконской бассъ. Гассель-Бартъ была превосходна: ея партія чрезвычайно трудна и разнообразна; но слушатель не могъ замѣтить ни въ ея голосѣ, ни въ движеніяхъ, гдѣ ей трудно. О согласіи цѣлаго я не говорю.—Давно я не наслаждался такъ,—и никогда не жалѣлъ болѣе, что васъ нѣтъ: мы бы забрались въ уголокъ

ложи—и вдоволь бы наплакались. Въ одиночку меньше чувствуешь, да притомъ въ партерѣ что не разсѣетъ: впереди меня напр. сидѣлъ какой то провинціальный франтъ (Боже избави, если Русской), и то разваливался какъ пьяный (къ счастію его мѣсто подлѣ него было не занято, а то бы негдѣ было разваливаться), то любовался своею перчаткой. А сзади я не могъ не слышать по временамъ: ach, s'is' hübsch=ахъ, вишь ты какъ мило! Это проклятое hübsch: у Нѣмца все hübsch—и холстинковое платье въ ½ гульдена, и только не коровье лице, и—божественное произведеніе искуства.

26-е.

Сегодня утромъ я былъ съ Вукомъ у князя Милоша. Милошъ былъ въ 1839 изгнанъ изъ Сербіи, и какъ помѣщикъ жилъ въ Валахіи, между тѣмъ какъ его сынъ Миланъ (іюня 1839), а послѣ его смерти другой сынъ Михаилъ избранъ княземъ. Милошъ изгнанъ за жестокости. Онъ впрочемъ сдѣлалъ много для Сербіи. Я принятъ былъ имъ ласково и просто. Говорили большею частію о древностяхъ Сербіи: видно, что онъ знаетъ Сербію прекрасно. Онъ уже здѣсь лѣто и зиму. Не добивается ли чего черезъ Австрію? Не мудрено... а молодецъ: настоящій Запорожскій гетманъ.

30-е.

19-го я былъ въ театрѣ, когда давали Лира; а сегодня слушалъ Гамлета. Лиръ былъ данъ превосходно: Аншюцъ игралъ Лира, и точно, надобно его слушать, чтобы понять, какъ все въ этой роли естественно, даже самой монологъ: «Бушуйте вѣтры (Blow, winds). Лёве игралъ шута, Лёве—шута—и чудесно. Всѣ другіе играли хорошо.—Вчера было не то: пьесу окоротили, выбросивши много прекрасныхъ мѣстъ. Гамлета игралъ Лёве—очень хорошо; впрочемъ не въ монологѣ «Быть или не быть» и не въ отвѣтѣ Полонію «Слова, слова, слова». Реттигова играла Офелію: были мѣста прекрасныя, но вся Офелія мнѣ не понравилась. Аншюцъ въ роли духа-короля былъ тоже хорошъ. Остальные дрянь. Не ожидалъ я этого въ Вѣнѣ. Лучше бы было остаться дома и читать съ Вукомъ пѣсни: каждый вечеръ приходитъ онъ ко мнѣ, снимаетъ свою деревянную ногу, ложится,—пьемъ чай, а потомъ читаемъ пѣсни.

Finis copiae.

Вотъ на отвѣтъ письму № 18, которое получилъ я вчера—и мѣста нѣтъ. Слѣдующій листокъ начатъ; но онъ въ другое время пошлется, какъ

№ 50. Приходится тамъ отвѣчать. Не сердитесь, душенька маменька, если рѣдко буду писать: не о чемъ. Струве [1]) сейчасъ буду писать: надпишите на конвертѣ его имя и отчество.

LX.

№ 50. Вѣна. 4 января 1842.

Наконецъ зима: 1-го января былъ морозъ, 2-го и 3-го рѣчка Вѣна стала, сегодня снѣгъ, Русской снѣгъ,—и на душѣ у меня какъ-то весело—не потому что холодно на дворѣ, а потому что у меня тепло. До сихъ поръ я сижу дома въ легенькомъ холстинковомъ полу-халатѣ, и водятся даже мухи. Одна изъ этихъ мухъ очень любитъ скрыпъ моего пера, живетъ на моемъ столѣ, и прилетаетъ иногда на бумагу, на которой я пишу, ходитъ туда и сюда, осматриваетъ внимательно, что я написалъ или что пишу, суетится около пера, какъ будто желая помочь мнѣ,—предобрая муха. Время мое идетъ по прежнему: дома, а вечеромъ приходитъ Вукъ, пьемъ чай и читаемъ Черногорскія пѣсни. Эти чтенія и бесѣды съ нимъ мнѣ очень полезны, и со стороны глядя даже милы: старикъ сниметъ свою деревянную ногу, ляжетъ на софу, гдѣ я заранѣе приготовлю ему подушку; а я у столика съ книгой и карандашомъ въ рукѣ.

Третьяго дни былъ въ Kärntherthor театрѣ. Давали Роберта-дьявола. Прекрасная вещь. Къ тому же Люцерова. Эта дѣвушка вся изъ бархата, и весела, даже до досады, потому что часто неумѣстно; а голосъ—бархатное серебро. Другіе посредственны; а почтенный Робертъ-дьяволъ ниже посредственности: это теноръ въ родѣ нашихъ извощичьихъ, кричащихъ «падй».—Сегодня даютъ Гугенотовъ, т. е. Гвельфовъ и Джибеллиновъ, какъ ихъ въ Австріи перекрестили. Не знаю, идти или нѣтъ. И въ театрѣ хорошо, и съ Вукомъ то-же...

1/13 января 1842.

Вукъ ушолъ; я остался одинъ; читалъ сидя, читалъ лежа; погасилъ свѣчу, думалъ заснуть,—и черезъ часъ опять зажегъ свѣчу. А вотъ теперь бьетъ полночь: новый годъ нашъ. Три года тому назадъ мы были вмѣстѣ. Помню, какъ сидѣлъ я на вашей постели, какъ мы разговаривали съ вами о Маничкѣ (дай, Боже, ей счастья). Какъ бы я желалъ опять сидѣть на вашей постели, и разговаривать—о чемъ угодно, хоть молча сидѣть, лишь бы съ вами, лишь бы чувствовать, что я не одинъ на этомъ свѣтѣ. И знаете-ли, душенька маменька, я боюсь за себя: мнѣ все кажется, что странническая

[1]) Н. И. Струве—лекторъ англійскаго яз. въ Харьковскомъ университетѣ.

жизнь сдѣлала меня такимъ круглымъ сиротою, что я уже и чувствовать пересталъ, имѣю ли родныхъ; мнѣ все кажется, что я люблю васъ менѣе нежели прежде. Думаю объ этомъ и пугаюсь самъ себя. А утѣшаю себя въ минуты грусти тѣмъ, что не знаю грусти безъ воспоминанія о васъ, что чувствую грусть только потому, что васъ нѣтъ. И въ минуты радости опять радость моя не полна, потому что мнѣ бы хотѣлось раздѣлить ее съ вами. Я боюсь; впрочемъ и утѣшаю себя. Да и если бы,—три года привычки къ равнодушію изгладятся, какъ не бывали, въ одинъ мѣсяцъ, менѣе, когда буду каждый день, каждый часъ чувствовать вашу любовь ко мнѣ. Цѣлую вашу ручку, и молюсь, да сохранитъ Богъ ваше здоровье и покой.—Поклонитесь нашимъ знакомымъ, и поздравьте ихъ отъ меня съ новымъ годомъ,—по крайней мѣрѣ съ Крещенской [1]).

Все еще $^1/_{13}$.

Былъ сегодня у Милоша князя. Очень былъ радъ моему посѣщенію.—Послѣ обѣда лежу покойно на софѣ. Вдругъ кто-то стучится, по обычаю, въ дверь.—Hereiп, то есть милости просимъ, говорю я,—и входитъ дама, а съ нею дитя. «Не угодно ли вамъ пожаловать herüber (не знаю какъ, бы перевести: «на нашу сторону», что ли, или «напротивъ»), если угодно, какъ любителю и знатоку взглянуть на tableau, тамъ выставленные!» Мало по малу—по голосу, я узналъ, что это моя сосѣдка (голосъ мнѣ слышенъ черезъ двери, а ее я еще не видалъ). Прошу садиться, прошу объяснить дѣло. Далѣе я одѣлся и пошелъ. Сосѣдъ мой отставной офицеръ—калѣка, не старой человѣкъ (а что съ костылемъ, это я тоже слышалъ черезъ дверь); у него жена и дочь; у нихъ родственница,—кажется, дѣвушка, хоть я и назвалъ ее «gnädige Frau» (это та самая, которая была у меня). Впрочемъ вотъ картина или табло: изъ бумаги и дерева сдѣланъ аршина въ $2^1/_2$ шириною и вышиною дворецъ съ подъѣздомъ; передъ нимъ пѣшіе и конные, экипажи и возы, все небольшое, но сдѣлано такъ, что и колеса крутятся, и дверцы отворяются, и внутри сидятъ одѣтыя дамы и кавалеры. Потомъ поднялась передняя стѣна и я увидѣлъ большую залу съ зеркалами, съ люстрами, со множествомъ народа: одни идутъ польскій, другіе играютъ въ биліардъ, иные въ карты, и такъ далѣе, всего штукъ до 300. Это все дѣлалъ отъ скуки мой сосѣдъ. Но этимъ не все кончилось. Онъ повелъ меня къ столику и показалъ мнѣ точно чудеса: по желѣзной дорогѣ идетъ машина, тянетъ за собой экипажей 10, внутри наполненныхъ людьми, коровами, а на заднемъ возѣ

---

[1]) Т. е. съ Харьковской Крещенской ярмаркой.

коляска, и въ колескѣ лакей показываетъ барину на что-то рукою, а баринъ глядитъ въ подзорную трубу, —и все это приводится въ дѣйствіе, то есть тянется, одною блохою: можете представить, какъ все это велико. Различ. такихъ крошечныхъ экипажей съ колесами, дверцами, людьми внутри, у него множество. Есть и блохи, которыхъ онъ кормитъ своей кровью.—Каждая блоха въ платьи, то есть приклѣена спиною къ платью. Есть блохи, играющія на скрыпкѣ и флейтѣ, фехтующія шпагами и прочая. —Чудеса да и только! Вукъ идетъ.—

20-е.

Сегодня Вукъ пришелъ ко мнѣ съ такой исторіей: въ суботу шли дѣти изъ училища; между ними и сынъ живописца Галера съ другимъ. Подходитъ къ нему какой-то человѣкъ, приласкалъ, далъ ему что-то, и прибавилъ, что «иди вонъ къ тому человѣку,—онъ дастъ тебѣ кое-что». Дитя пошло.—На другое утро нашли дитя мертвое подъ стѣной городской, какъ будто бы оно упало со стѣны, и убилось. Взяли тѣло въ больницу или клинику—не знаю; оказалось, что оно было изнасиловано и удавлено. Полиція ищетъ преступника,—и, если въ этой ужасной исторіи замѣшанъ какой нибудь баринъ, то конечно не найдетъ.—А простыхъ убійствъ бываетъ довольно: такъ что по гласису (по алеямъ между мною и городомъ) ходить поздно не безопасно; иной подумаетъ, что у проходящаго деньги въ карманѣ, да отведетъ къ Харону. Это я уже знаю, и идя по гласису изъ театра всегда вооруженъ (!) горстью песку, который постоянно остается въ карманѣ сертука.

Сегодня балъ при дворѣ, и площадь передъ дворцомъ уложена соломой отъ стука экипажей, какъ будто для тяжело больнаго.

25-е.

Преступникъ найденъ: родной дядя дитяти и еще кто-то. Ужасно! Открылась и еще подобная исторія.

Вчера я былъ въ Греческой церкви, гдѣ славили день Савы; пѣли по Сербски. Оттуда къ Милошу.—А вечеромъ былъ въ театрѣ, въ которомъ еще никогда не былъ—въ Theater an der Wien. Это собственно Вѣнскій театръ. Все играется на Вѣнскомъ простомъ нарѣчіи; понимать очень трудно; а играютъ очень хорошо, по крайней мѣрѣ очень смѣшно. Вчера давали Цыганъ. Гдѣ-то на границѣ было помѣстье одного гутбезитцера (помѣщика), старика, который за двадцать лѣтъ имѣлъ жену, и въ нещастномъ случаѣ потерялъ ее въ лѣсу вмѣстѣ съ сыномъ малюткой, а черезъ 20 лѣтъ забылъ о всемъ и, хоть старъ, но думаетъ жениться. Не надѣясь на другую партію,

онъ хочетъ жениться на дочери каменотеса, живущаго въ его селѣ. Камердинеръ его находитъ себѣ невѣсту въ дочери угольщика. Между тѣмъ у каменотеса есть работникъ, любящій его дочь и ею любимый, славный парень, только безъ свидѣтельства о рожденіи, а потому и прозванный Цыганомъ. Помѣщикъ, узнавши объ этомъ, выгоняетъ его въ пограничный лѣсъ. Парень попадаетъ въ руки гусарамъ, а капралъ ихъ, узнавши эту исторію и вспомня, что онъ за 20 лѣтъ потерялъ сына, когда еще былъ самъ бродячимъ Цыганомъ, принимаетъ его за своего сына, и сдѣлавши его своимъ quasi рекрутомъ, ставитъ на квартиру къ каменотесу. Камердинеръ, получивши отъ своей невѣсты обручальное кольцо, читаетъ на немъ имя своего барина, въ припадкѣ ревности думаетъ, что баринъ соблазнилъ ее, отказывается отъ нее, и указываетъ барину кольцо. По этому кольцу тутъ дѣло раскрывается: и кольцо и другія разныя разности найдены въ лѣсу капраломъ, когда еще онъ былъ Цыганомъ, и даны угольщику за квартиру, когда онъ у него стоялъ, и принадлежали женѣ помѣщика; а молодой парень сынъ помѣщика.—Нестрой игралъ камердинера, Карлъ—помѣщика, Шульцъ— каменотеса. Это три знаменитости. Играли прекрасно. Театръ очень милъ; но публика совсѣмъ другая: смѣхъ во все горло, сидятъ въ шляпахъ, много нечистаго народу, и лицъ заранѣе отцвѣтшихъ.

1-е февр.

Въ прошлое воскресенье былъ я въ редутѣ, на маскарадѣ. Не танцуютъ, а ходятъ. Замѣчательныхъ масокъ не было, и то замаскированы были однѣ женщины—какія, легко распозналось къ полночи. Они сами заговаривали съ незнакомыми мужчинами, набивались на вниманіе, успѣвали его находить, если не тутъ, такъ и тамъ, и каждая счастливица ждала потомъ удобнаго случая улизнуть изъ залы со своимъ счастливцемъ. Мужчины со своей стороны были также свободны съ масками, отъ словъ доходило до объемовъ. И такой балъ могъ даваться въ императорской залѣ!

А между тѣмъ исторія о задавленномъ дитяти и другомъ, погибшемъ въ школѣ профессора педагогіи и тоже священника, гремитъ. Царь велѣлъ строго рѣшить, говоря—какъ носится въ публикѣ—что «иначе бы подумали, что въ мое царствованіе все идетъ на перекоръ (alles gehet umgekehrt)». Простодушіе, достойное его доброй души. Особенно кричатъ женщины, какъ о дѣлѣ до нихъ касающемся.

Къ ихъ большому сожалѣнію, нѣтъ для многихъ изъ нихъ и баловъ: Русскаго посланника нѣтъ, Англійскій—не имѣетъ жены, Французскій—еще не устроился, и т. далѣе, а въ царскомъ дворѣ больные. И между тѣмъ фашингъ

(масляница) скоро—черезъ 8 дней—кончится. Завтра будетъ балъ при дворѣ, но начнется въ 7 часовъ, и такъ какъ послѣ завтра середа, то и кончится до полночи.

Наши чтенія съ Вукомъ продолжаются; и потому въ театрѣ я не бываю; да и особеннаго ничего не даютъ.

6-е февр.

Вчера я воротился домой около полуночи. Опять былъ на балѣ, былъ въ Елизіумѣ. Такъ называется глубокій двух-ярусный погребъ (въ Johanesgasse), довольно большой и оригинально украшенной. Великъ онъ такъ, что можетъ помѣстить болѣе 1000 народу; а украшенъ вотъ какъ:—спустившись внизъ и прошедши на лѣво, мимо двухъ гардеробовъ, гдѣ отдаются подъ сохраненіе плащи и т. подоб., входишь въ длинную и узкую залу, поддерживаемую вмѣсто столбовъ слонами и разрисованную по стѣнамъ разными очень недурными картинами, на которыхъ видите африканцевъ; въ концѣ залы полупрозрачная картина съ изображеніемъ женщины на львѣ, имѣющей представлять Африку, и все освѣщеніе въ фонаряхъ зелено-желто-краснаго цвѣта. Эта зала называется Африка. Изъ нее, корридоромъ, въ которомъ находятся дамскіе туалеты и то, что бываетъ нужно и для мужчинъ и для женщинъ, приходите къ углу, въ которомъ на лѣво спускъ въ низъ, а прямо зала небольшая, называемая Мѣсяцъ, разрисованная изображеніями обитателей мѣсяца, съ двумя хорами, изъ которыхъ одни для зрителей съ кругловатыми окошками, а другіе для музыки, т. е. для пяти особъ, изъ которыхъ одна играетъ на скрипкѣ, другая—на гитарѣ, третья—на цитрѣ, четвертая дѣвушка, поющая въ обыкновенномъ костюмѣ, а пятая баба, поющая по Тирольски. (Я забылъ сказать, что въ Африкѣ музыка скрывается за полупрозрачной картиной). Въ залѣ вдоль стѣнъ, также какъ и въ Африкѣ, разставлены столы съ приборами. Вышедши изъ Мѣсяца и спустившись внизъ по двумъ лѣсницамъ, на право имѣете Европу, а на лѣво Азію. Европа есть зала, тоже болѣе узкая нежели большая, съ паркетированнымъ поломъ, съ колоннами на которыхъ поддерживаются хоры, идущіе вокругъ всей залы; по стѣнамъ вдоль залы диванчики и стулья. Азія раздѣляется на два отдѣленія: одно—Китайское съ Китайскими картинами и со сценой для Китайскихъ представленій, подъ которою богатая конфектная лавка (есть конфектная лавка и въ Африкѣ, но не такъ богатая); другое отдѣленіе—театръ обыкновенный, съ ложами для дамъ по обѣ стороны. Черезъ Азію проходишь въ корридоръ, и имъ доходишь въ Америку, которая также раздѣляется на два отдѣленія: одно съ музыкой и готовыми приборами, а другое въ родѣ лѣсу съ колеями желѣзной дороги. Тутъ къ услугамъ

вашимъ готовы экипажи, довольно уродливо-красивые, запряженные дрянными лошадьми; стоитъ купить билетъ, сѣсть въ экипажъ—и поѣдете въ Австралію. Подлѣ того мѣста, гдѣ садятся въ экипажи есть водопадъ смердящей воды (а въ Мѣсяцѣ запахъ напоминаетъ запахъ бани). Австралія вся въ гротахъ, а на небольшой площадкѣ сидятъ три дикихъ, изъ которыхъ одинъ играетъ на гитарѣ, другой на скрипкѣ, а третій на гармоникѣ. Во всѣхъ мѣстахъ хорошо освѣщено, а гдѣ стоятъ столы съ приборами тамъ на столахъ стоятъ стеариновыя свѣчи. По всѣмъ мѣстамъ, кромѣ людей, смотрящихъ за порядкомъ, ходятъ различные шуты, одѣтые кто арлекински, кто во Французскій кафтанъ прошлаго столѣтія, и т. д. Начало въ 7 часовъ вечера. Мы пришли рано, и должны были ждать съ цѣлой толпою другихъ, пока отопрутся ворота. Можете представить, что за публика сходится въ Елизіумъ, когда въ числѣ ожидающихъ было болѣе такъ называемыхъ дамъ, нежели такъ называемыхъ кавалеровъ. Въ 8 музыка начала играть, а въ 9 было уже такъ полно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя было продраться. Въ Африкѣ, Америкѣ и на Мѣсяцѣ пошли возиться кѣлнера съ виномъ и кушаньями; въ Европѣ начали вальсировать и галопировать, по Австраліи—ѣздить на клячахъ, въ Азіи—то Китайскія нѣмыя сцены, то театръ, шуты—всюду забавлять публику различными смѣшными предиками. Въ половинѣ 10-го былъ поѣздъ или лучше сказать походъ Геркулесовъ, котораго я не видалъ; а въ половинѣ 12-го походъ Фашинга (Масляницы), состоящій изъ различныхъ шутовъ и шутихъ. Однимъ словомъ пестрота занимательная. Различныхъ забавляющихъ и прислуживающихъ было конечно болѣе 100. Публики болѣе 1000. Между личиками встрѣчались и очень хорошенькія, но всѣ размалеваны какъ на театрѣ. За входъ платится 30 крейцеровъ серебр. т. е. 1 —20 коп. Согласитесь, что дешево.

8-е февр.

Сегодня я выѣзжалъ изъ Вѣны, чтобы взглянуть еще на одну забаву Вѣнцевъ. Завтра пепельная середа, начало поста великаго, а сегодня послѣдній день Фашинга; какъ не поплакать надъ окончаніемъ Фашинга, не повеселиться въ послѣдній разъ какъ можно веселѣе. Чтобы и поплакать и повеселиться вмѣстѣ, Вѣнцы выдумали обрядъ погребенія Фашинга и исполняютъ его въ различныхъ мѣстахъ около Вѣны. Мы поѣхали въ Дорнбахъ, гдѣ этотъ праздникъ въ рукахъ водовозовъ, полчаса отъ линіи Вѣнской. За санную коляску заплатили мы 4 двугривенныхъ,—и... не думайте, что помчались. Отъ самой Вѣны до самаго Дорнбаха тянулась тесьмою непрерывная толпа народа пѣшаго и сотни экипажей. Всюду, гдѣ было возможно я просилъ

кучера напомнить мнѣ о Россіи, о нашемъ катаньи; но ему рѣдко удавалось вольно ѣхать, еще рѣже обгонять. Когда же ворочались мы назадъ, то должны были каждую секунду ожидать, пробиваясь сквозь густую толпу народа.— Что же было тамъ?—спрашиваете вы, милая маменька. Это былъ народный маскерадъ въ огромномъ размѣрѣ. Я уже не говорю о различныхъ отдѣльныхъ группахъ и лицахъ въ различныхъ маскахъ, конныхъ и пѣшихъ; тутъ были цѣлые возы масокъ,—на одномъ, напримѣръ, паша съ гаремомъ, на другомъ— всякаго рода селянки съ масломъ, съ курятниками, съ овощами; на третьемъ— разнаго рода ремесленники; тамъ ѣдетъ карточная игра, или любители пива; тамъ ѣдетъ не возъ, а огромный пукъ хворосту, и на немъ дерутся маски, будто не въ шутку; на главномъ возѣ самъ Фашингъ—чучело съ раз. чучелами по бокамъ, и сзади высоко надъ нимъ еще одно чучело съ фонаремъ; кругомъ бѣгаютъ мальчишки маскированные уродливо и пестро, и, тряся ящичками, собираютъ деньги на этотъ обрядъ; прыгаютъ шуты, водятъ маску— медвѣдя, женщина, замаскированная въ осла ведется мужчиною въ маскѣ козы, и пр. и пр.—И тутъ же военная музыка—безъ масокъ! Весь этотъ поѣздъ выѣзжалъ изъ селенія, объѣхалъ тамъ по полямъ, и воротился. Мы поѣхали назадъ; но пляска и питье и пѣсни будутъ продолжатся до полночи. Ударитъ полночь,—посыплются пепломъ, и спать, чтобы проснуться съ горькою мыслью, что Фашингъ умеръ.

20 февр.

Сегодня я былъ въ Leopoldstadttheater. Театръ очень бѣдной, и построенъ такъ что бы болѣе было мѣста для простого народа, а ложь очень мало; публика очень, очень простая, за то много крику и вольности. Актеры тѣ же, что и въ Theater an der Wien, и господствующій діалектъ Вѣнскій, и играютъ фарсы, а слѣдовательно хохоту просторъ. У одного помѣщика есть дочка, есть надежда выдать ее за какого то графа, и есть егерь, который столько же нравится ей, т. е. не надеждѣ, а дочкѣ, сколько и самъ ее любитъ. Графъ у помѣщика въ замкѣ, получилъ отъ отца слово, а егерю со своей стороны дочка дала обѣщаніе бѣжать съ нимъ и, обвѣнчавшись, просить у отца прощенія. Помѣщикъ выѣзжаетъ на охоту, между тѣмъ какъ два ободранные Вѣнца шляпочникъ и сапожникъ, бѣдняки со сквозными карманами, голодные, встрѣтившись нечаянно въ лѣсу помѣщика близь рѣки и познакомившись другъ съ другомъ помощію голода, думаютъ идти въ деревню и промыслить себѣ хоть кусокъ хлѣба. Какъ дичь попадаются они охотникамъ, помѣщикъ велитъ имъ немедля выйдти изъ его имѣнія; но они мало объ этомъ думаютъ и, нашедши уды, давай пробовать счастья въ ловлѣ рыбы.

Тутъ попадаютъ ихъ мужики и, считая ихъ за воровъ, ведутъ къ сельскому судьѣ. У судьи есть племянница, молоденькая и прехорошенькая, и сколько она ни представляетъ ему, что она имѣетъ уже либгабера, что она готова и утопиться, и повѣсится, и изъ окна упасть, однако старикъ судья неумолимо хочетъ жениться на ней самъ. А тутъ и ведутъ шляпочника и сапожника, которые очень рады, если ихъ запрутъ на хлѣбъ и на воду, лишь бы не умереть съ голода... и на ихъ счастіе судья въ сапожникѣ находитъ своего сына, а Фанни въ шляпочникѣ—своего незабвеннаго либгабера.—Судья радъ сыну, а Фанни хитра, и обоимъ хорошо: оба не только сыты, но и добыли чистое платье. Фанни назначаетъ своему шляпочнику свиданіе въ лѣсу въ тѣ же 6 часовъ, когда и егерь дочери помѣщика и въ томъ же мѣстѣ. Между тѣмъ приходятъ въ деревню странствующіе актеры; а сапожникъ, провѣдавши какъ-то о назначенномъ свиданіи шляпочника съ Фанни, и сказавши объ этомъ отцу, предлагаетъ отцу запереть Фанни, а самъ, переодѣвшись въ женское платье, идти на свиданье. Въ лѣсу темно. Приходитъ шляпочникъ, приходитъ дочь помѣщика: псъ, псъ, какъ знакомые побѣжали далѣе. Приходитъ сапожникъ, переодѣтой въ женское платье, приходитъ егерь; псъ, псъ,—и тоже хотятъ идти. Но егерю показалась ручка любезной очень жесткою, онъ вглядывается, даетъ пощечину, и уходитъ искать предметъ своей любви. Сцена перемѣняется: дочь помѣщика въ слезахъ, что попалась въ руки шляпочника, а не егеря, а шляпочникъ сердится что попалъ на нее, а не на свою Фанни. Слышутся рога, шляпочникъ на дерево, а егерь съ охотниками отводятъ дочь помѣщика къ отцу. (Между тѣмъ директоръ труппы, искавши между селянками актрисы, нападаетъ на мамзель сапожника, уговариваетъ его—ее, и получаетъ согласіе). Шляпочникъ остается на деревѣ, какъ приходитъ кто-то, разговариваетъ самъ съ собою, изъ чего и открывается, что онъ, такъ названный графъ не графъ, а просто мошенникъ, и, укравши у помѣщика шкатулку съ деньгами и драгоцѣнностями, хочетъ дать драла. Шляпочникъ понялъ это, осторожно соскочилъ съ дерева къ нему, заворотъ его, и не пустилъ, пока не сошлись люди. Ихъ повели къ помѣщику; мошенникъ хотѣлъ было обвинить шляпочника въ покражѣ шкатулки, но это ему не удалось, а шляпочникъ въ награжденіе получилъ отъ помѣщика домикъ и Фанни, и егерь его дочку. Послѣдняя сцена въ театрѣ, гдѣ сапожникъ играетъ женскую ролю.—Смѣшныхъ сценъ безъ щету. Сапожника игралъ Нестрой, а шляпочника—Шульцъ превосходно.

23-е февр.

Жила была гдѣ-то у горъ, а впрочемъ въ землѣ гдѣ владычествуетъ еще Австрійское нарѣчіе, нѣкая молоденькая, столько же веселая, сколько

капризная виртинъ, т. е. содержательница постоялаго двора. Жилъ былъ гутбезицеръ, часто заѣзжавшій къ ней съ охоты—поѣсть и попить, и былъ очень богатъ. Жилъ былъ жидъ, отдававшій деньги взаймы, если ему давали 1000 на 100. Жилъ былъ молодой живописецъ, очень молодой, очень добрый и очень любившій снимать съ природы виды, а слѣдовательно и бродить по горамъ, между прочимъ и мечтать. Одного недоставало у него—денегъ. Онъ долженъ былъ виртинѣ чуть-ли не 100 флориновъ, не зналъ какъ ей заплатить. Она однако нашла средство: «Женись на мнѣ,—и долгъ твой заплаченъ». Подумалъ живописецъ и согласился, и переселился къ ней жить, и досталъ у нея слугу для ношенья по горамъ его живописныхъ инструментовъ. Бродя однажды по горамъ, онъ нашелъ на такое мѣсто, куда, какъ ему указалъ поселянинъ, слетаются иногда феи играться, и пришелъ тогда, когда онѣ готовы были прилетѣть. Онъ притаился подъ кустомъ. Смотритъ, и въ самомъ дѣлѣ слетаются феи, а между ними и молодая ихъ княжна. Чтобы веселиться свободнѣе, онѣ сняли свои покрывала, и княжна также, однако замѣтя имъ, что онѣ должны беречь ихъ, что кто изъ нихъ потеряетъ покрывало, та останется на землѣ, какъ женщина. Играли, прыгали; а между тѣмъ живописецъ схватилъ съ дерева покрывало княжны, и драла. Наступила буря; феи собрались улетѣть, и улетѣли, а княжна осталась на землѣ, плакала, и улетѣть не могла. Надобно было подумать о землѣ. Къ счастію нашла она пастушій плащь, и обернувшись въ него пошла искать пристанища... Случилось ей прежде всего придти къ виртинѣ, и та приняла ее какъ келнерку (трактирную служанку). Живописецъ узналъ въ ней свой идеалъ, упросилъ ее ввѣрить ему свою судьбу, взялъ у жида на два мѣсяца 100 флориновъ, съ тѣмъ чтобъ заплатить 1000, и пошелъ съ феей. Виртинъ бѣсилась, да нечего дѣлать; а гутбезицеръ перекупилъ у жида вексель, и пригласилъ виртину съ собою въ городъ, чтобы она была у него хозяйкой. Та согласилась. И пошло все хорошо. Живописецъ любилъ нѣжно свою фею, не зная, что она фея; а она и любила его и боялась любить. Однажды подслушалъ живописецъ ея разговоръ съ самой собою и съ сестрами, спросилъ что все это значитъ, и, узнавши, что она фея, что можетъ улетѣть на небо, если достанетъ свое покрывало, далъ ей его. Фея было обрадовалась, но, подумавши о томъ, что оставить должна на землѣ живописца, отдала ему назадъ. Было время виноберьбы. На праздникъ сошлось множество народа. Надобно было выбрать и королеву; а обычай требовалъ, чтобы та была ею, кому достанется бѣлая роза, изъ корзины, гдѣ множество красныхъ и только одна бѣлая. Выбралась бѣлая роза феѣ, а она выбрала королемъ живописца. Ее короновали, и пошли плясать. А тутъ гутбезицеръ и показалъ живописцу вексель. Живописецъ счастливо работалъ, но когда хотѣлъ заплатить, хвать—въ карманѣ нѣтъ бумажника: украли Цыгане.

Гутбезицеръ призвалъ полицію, чтобы схватить живописца. Тотъ выхватываетъ у одного изъ солдатъ ружье, хочетъ его, а тутъ прибѣгаетъ фея, и онъ ранитъ не солдата, а ее, ранитъ смертно, и его уводятъ въ тюрьму. Сидитъ онъ въ тюрьмѣ; а фея между тѣмъ выздоровѣла, и узнавши, за что посадили его въ тюрьму, стала работать и выплачивать долгъ. Ея покрывало украла у живописца виртина. Черезъ нѣкоторое время гутбезицеръ призвалъ живописца и фею, предлагая простить долгъ, если живописецъ уступитъ фею ему. Живописецъ не согласился, а виртина, зная уже тайну покрывала и думая, что этимъ избавитъ себя отъ феи, заставитъ живописца любить себя, и отомститъ невѣрному гутбезицеру, накинула на фею покрывало—и та улетѣла. Царица фей обрадовалась ея возврату, горюя о ея страданіяхъ на землѣ, и позволила ей пожелать, чего хочетъ. Фея пожелала воротиться на землю. Прискорбно было царицѣ; но исполнила ее желаніе, и обѣщалась всегда ей помогать, навсегда сохранить за нею сердце живописца. Выпроводили феи свою сестру. Летя надъ землей на облакахъ мимо разныхъ селъ и городовъ, онѣ остановились тамъ, гдѣ указала фея, передъ окномъ у котораго стоялъ живописецъ, и пала къ нему въ объятія.—Вотъ содержаніе пьесы, которую сегодня видѣлъ я въ Josefstadt-театрѣ. Мысль прекрасная; исполненіе, хоть и полное смѣшнаго, глупо. Декораціи прекрасны: особенно послѣдняя—въ облакахъ, на небѣ, и особенно вторая ея половина, когда земля шла мимо облаковъ, безпрестанно мѣняя виды. Музыка набрана изъ разныхъ оперъ. Піеса дѣлаетъ въ Вѣнѣ furore. Играютъ ее теперь почти каждой день, и всякой день биткомъ набито. Я не могъ достать Sperrsitz, и долженъ былъ простоять. Театръ не оченъ великъ, но хорошенькой. Главное достоинство его декораціи, рисуемыя однимъ живописцемъ Полякомъ, по имени Юшковичемъ или какъ то иначе.

26-е.

Сегодня получилъ письмо Алекс. Петр. съ прибавленіемъ отъ васъ и Амвросія [1]). А я было уже и грустить собирался. Слава Богу, вы здоровы; но Амвросій пишетъ, что вы рѣдко выходите изъ дому. Это не хорошо, душенька маменька! Вотъ настаетъ весна, надобно прогуливаться. А къ осени ждите меня. Изъ Вѣны уже скоро выѣду. Книги пошлю изъ Вѣны въ Броды; самъ же тамъ еще не скоро буду. Впрочемъ изъ будущихъ писемъ будете видѣть, куда поведетъ мой путь.—Цѣлую вашу ручку. Вашъ вѣрный сынъ.

Из. Срезневскій.

---

[1]) Ал. П. Рославскій и Амв. Л. Метлинскій.

LXI.

№ 51. Вѣна. 4-е мар. 1842.

Какая ужасная погода! Дождь и вѣтеръ. Дождь еще бы туда-сюда, но Вѣнской вѣтеръ—такой вѣтеръ, о которомъ имѣютъ понятіе только степняки наши. Зонтики ломаются, широкіе подолы надуваются какъ паруса, и дамы летятъ... и пр. Воды пошли. Кругомъ Вѣны черезъ воду проходу нѣтъ, а слѣдовательно въ Вѣнѣ должны постить по крайней мѣрѣ безъ молока: такъ мнѣ объявила моя Рези. .

5-е.

Сегодня ужъ совсѣмъ не то: солнце свѣтитъ, тепло, свѣжо; окно у меня отворено; Вѣнцы и Вѣнки встрѣчаютъ весну, гордо выступая, приглаженные, разряженные; травка начинаетъ зеленѣть.

У меня все «выглядываетъ» (говоря по Чешски) или «изгледа» (говоря по Сербски) походомъ: въ комнатѣ, гдѣ занимаюсь, тетради связываются въ связки, а въ другой сундукъ на сундукѣ съ книгами, и ждутъ времени, пока уляжутся на возъ и поѣдутъ въ Львовъ сирѣчь Лембергъ.

Я былъ сегодня въ Iosephinum'ѣ, въ анатомическомъ кабинетѣ, гдѣ всѣ части человѣческія и цѣлый человѣкъ представлены изъ воска—и какъ въ природѣ. Превосходно—и гадко, отвратительно гадко. Всѣ фигуры сдѣланы во Флоренціи и перевезены на ослахъ сюда.

6-е.

Сегодня я слышалъ такія новости: въ Петербургѣ появился старый пророкъ, какой-то священникъ, предрекшій смерть Екатеринѣ и Павлу, а Александру—войну 12-го года и пожаръ Москвы, теперь царю Николаю онъ предрекаетъ, что въ этомъ 1842 году Англія должна утонуть, Франція останется какъ корабль на морѣ, залита будетъ и Россія и не будетъ въ ней покойно.—Папу ожидаютъ въ Вѣну въ маѣ. Императоръ собирается въ Галицію объявить лично прощеніе заключеннымъ тамъ Полякамъ. Въ той же Галиціи захватили въ тюрьмы священниковъ, которые, ако-бы подъ вліяніемъ Русскимъ, обратились отъ уніятства къ православію.

Я былъ сегодня на представленіи Егмонта Гетева; Егмонта игралъ Лёве порядочно; Оранскаго — Аншюцъ порядочно; Маргариту — Реттигова превосходно, Альбу — Маркесъ очень, очень хорошо, Клэрхенъ—г-жа Пехе не

совсѣмъ ровно, но съ чувствомъ, писца Фанзена—де-ла-Рошъ чудесно. Пьеса была сокращена. Музыка къ ней небольшая, но очень хороша. А сосѣдкою моей была Люцерова. Полная, жирная дѣвка, лѣтъ двадцати пяти. Не знаю почему, но мнѣ подлѣ нея было тѣсно. Три антракта я ни слова; на четвертый я рѣшился, и то уже садясь опять на мѣсто, и сказалъ ей «prosjm za otpušténj». Она стала подбирать свое широкое черное платье, и отвѣчала: «to nic ne delá». Потомъ она спросила меня: Sind sie lange aus Böhmen?—Ein jahr, etwas mehr.—Sie sind ein Böhme? – Um Verzeihung, ich bin kein Böhme.—Und sie sprechen doch Böhmisch? Gefält ihnen diese Sprache?... O, sehr.—Ja, ja, ja—una bella lingua.—Si, signora, e veramente bella, come quella che potesse... Ich danke höflichst... и за этимъ сдѣлала такую мину, что я не зналъ что и отвѣчать. Кстати была начавшаяся сцена. Послѣ окончанія акта она вышла, оставивши мнѣ поклонъ въ родѣ той старухи, съ которою ушла. Сидѣла скромно и даже безъ лорнета, по моему.

$^1/_{13}$ марта.

Вукъ получилъ отъ нашего царя большую золотую медаль, и на радости давалъ вчера званый обѣдъ въ домѣ купца Тюрки. Надобно знать, что мать этого Тюрки была первая благодѣтельница Вука. Цѣлую недѣлю работая какъ прилежная хозяйка, воскресенья посвящала она книгамъ и литературѣ, особенно Сербской, была дружна съ Добровскимъ, со многими другими учеными, и когда Вукъ сталъ печатать свой Словарь, дала ему 2000 флор. серебр. (безъ малаго 5000 руб.). Сынъ уже не то что покойная мать, но всетаки добрый человѣкъ, и Вукъ по прежнему въ домѣ другъ. За обѣдомъ былъ Милошь, его секретарь и нѣкій Гоппе, человѣкъ въ родѣ Милошева хвоста, идеалъ раба, а впрочемъ корреспондентъ Аугсбурской Всеобщей Газеты. Обѣдъ былъ прекрасный, вина пили вдоволь, и веселы были всѣ. Милошь началъ здравицей царю, я отвѣчалъ ему на это здравицей его; далѣе пили за здоровье Вука, за память покойной хозяйки и пр. Передъ концомъ выпилъ Милошь за счастливое мое путешествіе и я отвѣчалъ ему опять его здоровьемъ. Разошлись въ 7 часу.

16-е Шопронь (Oedinburg) въ Венгріи.

Вы сыщете этотъ городокъ не далеко отъ Вѣны на югъ. Вотъ какимъ побытомъ я очутился въ немъ. По дорогѣ изъ Вѣны въ Тріестъ, близь Вѣны есть городокъ Wiener Neustadt; въ немъ есть кадетскій корпусъ, а въ немъ профессоромъ Чехъ Фіялка; Фіялка былъ у меня въ Вѣнѣ, и предложилъ мнѣ сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ прогулку къ Хорватамъ, живущимъ въ

Венгріи на границахъ Австріи вокругъ Желѣзнаго (Eisenstadt), Шопрони и близь Мутенскаго озера (Neusidler See). Такимъ образомъ я сѣлъ на желѣзную дорогу вчера послѣ обѣда, и черезъ два часа былъ въ Нейштатѣ; а сегодня сѣли мы съ Фіялкой въ коляску—и пріѣхали сюда. Съ нами вмѣстѣ ѣздилъ Древницкій, тоже профессоръ корпуса. Осмотрѣвши этотъ городокъ, мы пошли къ озеру ($1^1/_2$ часа отъ города) и полюбовались на него; воротившись, пошли къ попу изъ Хорватовъ и распрашивали его, а теперь, воротившись, собираемся спать. Завтра идемъ назадъ пѣшкомъ черезъ Хорват. деревни.

17. Нейштадтъ.

4 мили пути. Я не усталъ, но мои сапоги скривились, и ноги на пятахъ болятъ. Хорваты чудесной народъ: мужчины высоки ростомъ, женщины красавицы, и одежда прелестная. Нравственностью отличаются отъ всѣхъ сосѣдей. Домики большею частію каменные, свѣтленькіе, чистенькіе.

19. Нейштадтъ.

Вчерашній день я остался въ Нейштатѣ чтобы привести въ порядокъ то, что собралъ третьяго дни, и чтобы исполнить желаніе одного изъ профессоровъ, Бурьяна, позвавшаго меня на обѣдъ. Бурьянъ извѣстенъ въ литературѣ Чешской грамматикой. И жилъ я все это время въ корпусѣ у Фіалки: онъ не допустилъ меня остаться въ трактирѣ. Корпусъ или академія помѣщается въ замкѣ ерцгерцога, огромномъ домѣ съ огромнымъ садомъ. Учениковъ до 500, Между языками преподается и Чешскій.

19-е Вѣна.

Здравствуй, Вѣна.—Прощай, Вѣна!—

19-е Брѣтиславль (Presburg).

Я было написалъ 20-е вмѣсто 19-го, а между тѣмъ еще 19-е, и еще 6 часовъ, и уже я цѣлой часъ тутъ, да и въ Вѣнѣ пробылъ отъ 9-ти утра до 2-хъ послѣ обѣда, т. е. всего въ дорогѣ изъ Нейштата сюда 5 часовъ, благодаря парамъ. По желѣзной дорогѣ изъ Нейштата въ Вѣну нужно $1^3/_4$ часа, да изъ Вѣны въ Брѣтиславль или, какъ мы привыкли называть, Пресбургъ, 3 часа на пароходѣ. Въ Вѣнѣ мнѣ было хлопотъ по самое горло: пришелъ въ полицію за паспортомъ, стали распрашивать и сколько останусь въ Брѣтислави, и зачѣмъ тамъ останусь, и куда далѣе поѣду, и всетаки не дали паспорта, а послали въ посольство за цертификатомъ для проѣзда въ Венгрію; въ посольство пришелъ, не дали цертификата безъ паспорта; опять въ полицію за паспортомъ, опять въ посольство, и опять въ полицію,

прежде въ № 6, потомъ въ № 2-й. Вещи я оставлялъ у Вука. Вукъ хотѣлъ было меня проводить, но не могъ, потому что спѣшилъ къ Милошу (звалъ и меня, но въ такомъ случаѣ я бы долженъ былъ остаться въ Вѣнѣ на цѣлыя сутки, и слѣдовательно нанять квартиру), а проводилъ меня до парохода Курелацъ. Пароходъ Гермина (по имени покойной принцессы, племянницы нашего царя) устроенъ чудесно, роскошно, и вдоль по Дунаю мчится какъ пухъ.

И такъ я опять въ Венгріи. За спиною Карпаты, на сердцѣ Словаки,— и они то причиной всѣхъ распросовъ и цертификатовъ; они любятъ Русскихъ, а Мадьяры ихъ ненавидятъ, какъ и Русскихъ; Австрійцы же каждаго Рус. путешественника считаютъ эмиссаромъ, и очень не жалуютъ, что я такъ долго гуляю по Австріи, занимаясь одними Славянами.

Ходилъ къ одному изъ здѣшнихъ ревностныхъ Славянъ, Штуру [1]), съ которымъ познакомился еще въ Галле, не засталъ дома, оставилъ карту, и жду.

24-е.

Наконецъ я имѣю квартиру, и остаюсь тутъ на мѣсяцъ, а съ квартирою можно сказать что были хлопоты. Комнаты меблированныя тутъ чрезвычайно рѣдки, а если и дадутъ мебель, то такую гадкую, что взглянуть стыдно. Наконецъ удалось мнѣ найти чистую комнату на Зеленой площади, а мебель долженъ былъ взять у такъ называемаго Тендлера, т. е. продавца разныхъ разностей, между прочимъ и мебели. За комнату плачу въ мѣсяцъ 4 гульд. сереб.=$2^2/_3$ руб. сереб. да за мебель 4 руб. сереб.; женщинѣ прислуживающей надобно будетъ дать при отъѣздѣ съ небольшимъ гульденъ. Итого квартира обойдется 11 гульденовъ: все таки дешевле нежели въ Вѣнѣ, гдѣ я платилъ 18 гульд. за одну квартиру безъ услуги (не нашлось другой подлѣ Вука), и въ трое дешевле противу того, что бы стало у Солнца, гдѣ я было остановился.

Брѣтиславь имѣетъ жителей до 35,000, но гораздо меньше Харькова, и на мои глаза хуже. Онъ расположенъ по берегу Дуная и идетъ на гору, на которой стоятъ развалины замка.

Площадей довольно, домы не высоки. Жители большею частію Нѣмцы, а простой народъ на площадяхъ Словаки.

27-е. Модра.

Только что воротились изъ Словацкаго протестанскаго костела; сегодня здѣсь Свѣтлое воскресенье. Церковь велика, народу множество, все сидитъ

[1]) Людевитъ Штуръ (1815—1856)—одинъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей національнаго возрожденія Словаковъ.

въ порядкѣ, въ рукахъ каждаго и каждой книга молитвенная. Сначала пѣли всѣ вмѣстѣ подъ органъ, потомъ пасторъ говорилъ проповѣдь, за проповѣдью кратенькая обѣдня на Словац. языкѣ.—Модра есть маленькій городокъ, въ 3 часахъ ѣзды отъ Брѣтислави. Тутъ братъ Стура ректоромъ гимназіи [1]), и мы со Стуромъ пріѣхали сюда третьяго дни и останемся до завтра. Это первый мой выбѣгъ къ Словакамъ; я тутъ, какъ дома.

Апр. 2-е. Брѣтислава.

Сегодня былъ на лекціи въ лицеѣ. Лекцію читалъ Штуръ: онъ преподаетъ сравнител. Славян. грамматику на Словацкомъ нарѣчіи. Аудиторія была полная. И его слушаютъ изъ любви къ родному языку, и онъ читаетъ безъ платы. 2-й часъ была бесѣда: студенты декламировали и читали свои сочиненія. Благородное юношество.

Всюду въ Австр. имперіи все болѣе начинаютъ отпускать усы и бороды; но такихъ усовъ и бородъ какъ здѣсь я нигдѣ не видалъ: окладистыя, густыя, Великорусскія. Но это бы ничего: пусть бы носили и бороды и волоса въ кружокъ (что тоже въ модѣ); а то бѣда, что борода тутъ въ Венгріи почти безъ исключенія признакъ злодѣйской души: это люди, которые бы хотѣли помадьярить весь свѣтъ. И что тутъ должны терпѣть Словаки, бѣда да и только. Даже и на православныхъ Сербовъ хотятъ поднять руку и перевести и библію, и каноны, и всѣ церков. книги съ Старославянскаго на Мадьярскій, и заставить молиться по Мадьярски. Все это дѣлается по закону, который они сами утверждаютъ, а царь—по окошкамъ барабанитъ, и слова не смѣетъ сказать.

17-е. Воскресенье.

Сегодня я былъ въ дружескомъ обществѣ Сербовъ молодыхъ, учащихся тутъ въ Лицеѣ и Академіи; прежде ихъ общество было открытое, но когда общества въ Венгріи запрещены, то и имъ надобно было ограничиться приватными сходками. Эта сходка дѣлана была собственно для меня. Декламировали, читали сочиненія и переводы. Все было прекрасно.

18-е.

Сейчасъ только получилъ письмо отъ Гартенштейна, купца 1-й гильдіи въ Радзивиловѣ, берущагося переслать въ Харьковъ мои книги. Онъ пишетъ: деньги за пересылку могутъ быть уплочены по обстоятельствамъ или здѣсь или же и по присылкѣ изъ Харькова; издержки кромѣ провоза въ Харьковъ

[1]) Карлъ Штуръ—извѣстный Словенскій патріотъ и писатель.

могутъ простираться до 15 рубл. серебромъ; за провозъ книгъ въ Харьковъ слѣдуетъ полагательно считать по 1 руб. сереб., съ пуда. Прошу Амвросія узнать, что сдѣлалъ университетъ, и если еще не сдѣлалъ, то распорядиться, чтобы скорѣе было. А деньги за провозъ въ Харьковъ, я, милая маменька, прошу заплатить васъ: у меня и есть деньги, но боюсь, чтобы [не] недостало. Платить придется не мало: уже послано мною 745 фунтовъ, а вѣрно еще прибавится до 150.

19-е.

Наконецъ—отъ васъ письмо. Цѣлую вамъ за него ручку, милая маменька; цѣлую и Амвросія: спасибо, что онъ уже не сердится на меня. Сегодня же получилъ письмо отъ князя Милоша, въ отвѣтъ на слѣдующее мое:

Светлејши кнеже! На моју несрећу и жалост ни сам могао, при моме одлазку изъ Беча, барем још један пут видети вашу високу особу и особње засведочити предъ вама моје искрне уваженје. Оно је дуг свакога, за кога ни су туђе срећа и слава народа Србског; онда и мој,—и тиме за мене дражши што сам имао част познати особње вас и вашу дубоку љубав спрема вашег народа. Благослов је Божи на томе, ко љуби свој народ, и зна шта има радити, да за његова љубав разцвете добром неба у земном животу народа, и може то радити, и хоће. Ваша светлост је показала да то знате радити, и очете: путујућ по Србији видио сам томе доста примера, а шта ни сам сам видио, а томе чуо сам од народа, чуо сам доста пута топлу молбу за здравје господара Милоша. Не само Срби кнежества Србског, него и ти, што су у Мађарској и у Граница, и ти знаду вас и зову вас диком Србског рода. Вратећсе у Беч био сам већ далеко од крајева' Србских, але и ту готово сваки дан сам чуо, шта сам чуо тамо: свуда, гди је глас срдца Србског, је и глас о Милошу. Тако приповедао је мени о вашој светлости и незаборавлши Вукъ Стеф. Караджић, а особито как сам го роспитивао о његовом животу, о тих који су му помагали издавати у свет његове важне књиге, и поддрживали га, да може радити више и више за писменост Србску; овај пророк Србске изображености утврдио је у мојој души светлу мисао о заслугама ваше светлости.

Сад опет чујем о новој милости, којом ваша светлост саизволитћете удостоити писменост Србску, чујем да изволитћете опредѣлити капитал, на који издаватћедусе најважнијје књиге Србске, као што су Нови Рјечник Србски Вука, Пјесме народа Србског, а тако дале. Из тога сваки види, до ваша светлост дубоко познаје потребе Србског просвештења. Право имате: нек Срби познаду сами себе, шта су, и шта имаду, и што њим фали, нек се развије међу њима прави духъ народности, онда изображеност лахко ће к њима доћи народност

у народа је то само, што памет у човека: у сваког своја, а не има ли је — пропао је, за себе пропао, за других боље би било, кад би са свим пропао. Сознавајући дубокост ваше мисли и умољавајући Бога, да укрепи ваше здравје на славу и срећу Српског рода, узимам си смелост захвалити вашој светлости са стране тих саплеменника ваших, који би ради били познати народ Српски из књига, који ћете издавати под вашим светлим покровом; опет као ученик Вука захваљујем вама, светли кнеже, за вниманје к великом мајстору Српског језика, којега заслуге так кнежески показаћете свету. Подкрепијавајући Вука, указаћете пут и другим Србам да изучавају народ свој, и раде за његов напредак; а своје светло име ћете поставит у сјајном реду благодетеља Српске писмености, нека немрклом звездом гори на успомен будућих векова.

Целујући десницу ваше светлости, имам част и срећу остати на свакда почитујућим вашу светлост. Из. Ср. $^{1}/_{13}$ апр. 1842. У Пожуну. PS. Имам срећу засведочити моје дубоке уваженје благородном господину Живановићу, а њего молити да је преда од моје стране и не заборави Вуку.

На это письмо въ отвѣтѣ онъ пишетъ между прочимъ: «Землякъ мой, г. Вукъ,уживат'тье и отсад' при затруднителным' своим' литерарным' заниманіяма усердну подпору мою».—Спасибо Милошу. Сам Вукъ просилъ меня, чтобы я написалъ Милошу письмо въ этомъ родѣ, говоря, что онъ уважаетъ меня; не могу не радоваться, что мое письмо успѣло.

Поклонитесь Амвросію, и отдайте прилагаемыя у сего листочки: это отрывокъ изъ новаго альманаха «Нитра», который тутъ печатаютъ.

Прейса я тутъ ждалъ; а теперь получилъ письмо отъ Коллара, что онъ уѣхалъ изъ Пешти въ Краковъ. Удивляюсь, что самъ Прейсъ не написалъ мнѣ ни слова.

Цѣлую вашу ручку, душечка маменька.

Скоро, скоро я вашъ.

LXII.

№ 52. Брѣтислава. 22 апр. 1842.

Сегодня пятница, а въ пятницу собирается на моей Рыбной площади базаръ, продаютъ зелень, цвѣты, и т. д. Каждая баба приноситъ на плечахъ овальную кадушку, въ $^{1}/_{2}$ арш. и болѣе шириною и въ аршинъ длиною, полную всякой всячины, раскладываетъ свой товаръ на землѣ, обливши водою, и начинаетъ торгъ. Сходятся покупщики и покупщицы, барыни и служанки, жиды и жидовки (которыхъ тутъ множество).

Такъ и сегодня. Такого веселаго шума, какъ у насъ, тутъ нѣтъ, да и

базаръ-то не Харьковскій: такихъ огромныхъ базаровъ я еще заграницей не видалъ. А тутъ въ Брѣтиславѣ я вижу хромоногихъ и кривоногихъ въ такомъ множествѣ, что 9-й или 10-й вѣрно переваливается на ногахъ: у иного одна нога короче, у другого переломлена, у третьяго носки ищутъ одинъ другого, четвертый на костылѣ или костыляхъ, пятой какъ кошка выдвигаетъ ногу за ногой, какъ будто изъ чамодана, шестой раскачивается идучи, какъ будто бы его тащили то въ одну, то въ другую сторону. И эти люди не изъ бѣднаго званія, а часто хорошо одѣтыя дамы и хорошенькія дѣвушки.

23-е.

Сегодня я ходилъ со Словаками пить молоко на одну изъ горъ, окружающихъ Брѣтиславу съ сѣвера. Вечеръ былъ чудесный; луна по серединѣ неба, съ горы внизъ огромный видъ на Дунай и за-Дунайскую безконечную равнину. Человѣкъ до 40 молодыхъ людей стали кругомъ, и давай пѣть, а лѣса по горамъ вторили ихъ пѣсни. Что за пѣсни! Музыканту не знать ихъ грѣхъ; а я, не музыкантъ, слушая нѣкоторыя, не могъ удержаться отъ слезъ.

24-е. Дѣвинъ.

Такихъ развалинъ я еще не видалъ, или по крайней мѣрѣ давно уже не видалъ. Подо мною, саженяхъ можетъ быть въ 150, съ запада на востокъ течетъ Дунай, а съ сѣвера впадаетъ въ него Морава; воды Дуная чисто голубыя; воды Моравы желто-мутны; Дунай перерѣзываетъ ихъ, но онѣ, еще долго не мѣшаясь съ водами Дуная, текутъ у лѣваго берега сами собою. На стрѣлкѣ возвышается утесистая гранитная гора—первая ступень Карпатовъ—двумя вершинами, на нихъ развалины замка Дѣвина (что перековеркано Нѣмцами въ Tëben), а за горою на Дунаѣ мѣстечко того же имени. На самомъ верху—отъ зданія осталась тутъ одна терраса—сижу на камнѣ, пишу и любуюсь видомъ. Эта вершина вся одна скала, на которую трудно бы и взобраться, если бы не павшія стѣны; уцѣлѣло тутъ не многое: ниже террасы уцѣлѣли стѣны какой то залы; еще ниже на конической скалѣ стоитъ часовенька, готовая, кажется, каждую минуту упасть въ Мораву, и между тѣмъ сохранившая на себѣ остатки бѣлыхъ и красныхъ трехугольниковъ, которыми была раскрашена; съ другой стороны, ниже, стѣны двухъяруснаго дома, подлѣ нихъ колодезь, въ глубинѣ котораго видна дверь, безъ сомнѣнія имѣющая сообщеніе съ внутренностью скалы; посреди скалы дверь въ скалу и оттуду переходы подскальныя. На другой вершинѣ тоже группа развалинъ и ниже

ихъ по отлогости горы къ Дунаю опять развалины съ остатками двухъ башень. Все пространство, на которомъ видны развалины замка, занимаютъ въ длину не менѣе 500 или 600 шаговъ и въ ширину около 300. Тутъ жили Велико-Моравскіе князья Святополкъ и Растиславъ. Все показываетъ, что замокъ былъ не только крѣпко, но и довольно красиво строенъ; есть между камнями и известкой и кирпичъ, отлично выжженный, а окна и двери обложены вытесанными плитами гранита.

Печальные, угрюмые остатки
Бывалаго могущества Славянъ...
Что было тутъ, преданіе забыло;
Потомокъ рабъ страдаетъ подъ ярмомъ
Своихъ враговъ и ждетъ-неждетъ уныло,
Освѣтитъ-ли судьба своимъ лучомъ
Его удѣлъ. Надежда искрой тлѣетъ,
И вспыхнула, и вновь ужъ леденѣетъ...
Угаснетъ-ли несчастная, иль нѣтъ,—
На Сѣверѣ готовится отвѣтъ.

Мы обѣдали въ мѣстечкѣ подъ горой, и потомъ воротились въ Брѣтиславу: дорожка идетъ по берегу Дуная, то по горѣ и полугорѣ, то у самаго берега. Идти надобно болѣе 2 часовъ.—Деревья начинаютъ развертываться: черезъ недѣлю будетъ зелено все.

$\frac{\text{1-е мая}}{\text{19-е апрѣля.}}$ Свѣтлое воскресенье—въ Нитрѣ.

Еще третьяго дня взялъ я билетъ въ дилижансѣ, чтобы сегодня ѣхать въ Нитру. Вчера узнаю, что на дняхъ долженъ пріѣхать въ Брѣтиславу одинъ изъ почтеннѣйшихъ Словаковъ, Годжа [1]), и что слѣдовательно я не застану уже его въ его Липтовской столицѣ (уѣздѣ), и, если уѣду изъ Брѣтислави, не видавшись съ нимъ тутъ, то уже и совсѣмъ не увижу. Что дѣлать. Остаться—2 гульдена (почти 5 рубл.) пропадутъ, не остаться—еще хуже! Я придумалъ такъ: ѣхать въ Нитру и далѣе воротиться назадъ въ Брѣтиславу: за заплоч. 2 гульдена доѣду до Нитры, за другіе 2 ворочусь назадъ, и слѣдовательно потеряю только то, что измѣню планъ пути. Въ 6 рано меня выпроводили какъ брата, и вотъ уже я въ Нитрѣ: бьетъ $^1/_2$ 8 вечера. Былъ въ семинаріи, не засталъ кого искалъ, и жду. Дорога очень порядочная. За Діосекомъ, гдѣ обѣдали, горы все болѣе видны, и чѣмъ ближе къ Нитрѣ тѣмъ виды чудеснѣе. Нитра лежитъ у подножія огромной горы Зобора на большой равнинѣ, растилающейся вокругъ него. Старый замокъ стоитъ впро-

[1]) Михаилъ-Милославъ Годжа (род. 1811 г.)—евангелическій проповѣдникъ, одинъ изъ дѣятелей національнаго возрожденія Словаковъ.

чемъ на скалѣ, будто нечаянно выдавшейся или какъ-бы скатившейся съ Зобора. Съ горы, по которой мы спускались въ равнину видъ на нее, на Нитру, на Зоборъ—радость. Самую Нитру мало знаю, но могу сказать, что она мнѣ нравится своей оригинальностью: всюду видишь простой народъ, Словаковъ, простодушно веселящихся, заѣздныхъ дворовъ для нихъ цѣлый рядъ, необыкновенная живость на улицѣ, со стульями и столами выходятъ передъ ворота сидѣть и работать. Нѣмецкій языкъ слышенъ очень рѣдко, и даже въ семинаріи на мой вопросъ Нѣмецкій отвѣчали: nem tudom—не понимаю, прося объясниться по Мадьярски; я на это отвѣчалъ со своей стороны: nem értem madjarul, а кды хцете по Словенску, то пуйде. Домики есть очень милые; своей комнатой впрочемъ я недоволенъ: огромная и пустая.

2-е. Нитра.

Вицепребсидатъ Геромета, котораго я вчера ждалъ, пришелъ и отвелъ меня на островъ, гдѣ приготовлялся балъ. Садъ былъ освѣщенъ разноцвѣт. бумажными фонарями очень пестро, на площадкѣ передъ бесѣдкой памятники Гайдну, Моцарту, Бетховену и еще не знаю кому и надписи на Нѣмецкомъ, Словенскомъ и Мадьярскомъ, въ бесѣдкѣ музыка и танцы. (Танцуютъ—мазурку, польку, русскую кадриль: это любимые здѣшніе танцы). Мы ходили до 10 часовъ. Геромета милой молодой человѣкъ. Мимоходомъ познакомился я кое съ кѣмъ другимъ. Меня тутъ ждали, узнавши изъ газетъ, что я поѣду въ Татры (Карпаты). Жду, пока будутъ готовы мои вчерашнія попутницы: въ 8-мъ часу, онѣ хотятъ ѣхать въ Штявницу. Это двѣ сестры, съ которыми мы прохохотали всю дорогу.

3-е. Мадуницы.

Проводивши моихъ знакомыхъ, я съ Геромотой къ аптекарю Лангу, который былъ въ перепискѣ съ раз. нашими естествоиспытателями и имѣетъ богатое собраніе черепахъ и растеній. Послѣ обѣда ходили мы на гору Зоборъ. На полугорѣ есть развалины Камальдульс. монастыря, отдаваемыя теперь подъ аренду корчмарю. Гораздо выше есть пещера св. Андрея Зорарда. Видъ съ горы на передовое пасмо Карпатовъ, къ самой Брѣтислави, на Нитранскую долину, покрытую лугами и полями, уже зелеными, на множество селеній. Гора покрыта лѣсомъ, только вершина гола и камениста. На возвратномъ пути мы пили молоко въ монастырѣ, случайно сошедшись съ дамами, которыя туда же ходили гулять. На другое утро, т. е. 3-го, т. е. сегодня, по предложенію Ланга я сѣлъ въ одну коляску съ комитатскимъ докторомъ Питранскимъ и поѣхалъ до Фраштака (Freystädtel), чтобы оттуда перебраться въ Мадуницы.

Докторъ завезъ меня во Фраштакѣ къ Сербскому купцу, уединенно тутъ живущему въ дали отъ православія и родины. Онъ обрадовался, увидя православнаго Русса, оставилъ обѣдать и потомъ далъ проводника до Мадуницъ, стараго хожалаго Словака.—И вотъ я тутъ. Мадуницы—деревенька, небольшая, небогатая, съ крошечной церковью, съ бѣднымъ приходскимъ домикомъ; но знаменита у Словаковъ болѣе многихъ большихъ и богатыхъ городовъ. Тутъ священникомъ Иванъ Голый—великій поэтъ, Чехо-Словенскій Державинъ. Къ сожалѣнію я не засталъ его дома: онъ поѣхалъ въ городокъ Тернову сегодня утромъ, и воротится можетъ быть поздно вечеромъ. Сижу въ комнатѣ его кухарки и жду. Можетъ быть и еще придется ждать нѣсколько часовъ. А хотѣлось бы уже скорѣй увидѣть Голаго. Словакъ, ведшій меня сюда, разсказывалъ мнѣ о немъ многое: «Такого князя (священника) и между тысячами не найдешь, такого добраго человѣка и на цѣломъ свѣтѣ нѣтъ; ни отъ кого ничего не требуетъ—ни десятины, ни за погребеніе или вѣнчанье, что дадутъ то и возметъ, а самъ раздаетъ всѣмъ, отъ этого и бѣденъ. Впрочемъ онъ и [не] думаетъ объ этомъ: ему уже давали и лучшіе приходы, хотѣли сдѣлать и каноникомъ,—не хочетъ, хочетъ и умереть въ Мадуницахъ. А пѣсни-то какъ складываетъ, хей!..»

4-е. Тернава.

Сидя съ кухаркою, я распрашивалъ и ее о Голомъ, а къ ея расказамъ прибавляли свои замѣчанія дѣвочки служанки то же самое. О хозяйствѣ онъ не думаетъ, все оставляетъ на руки кухарки; и такъ бывало, что кухарка опьется, а онъ остается цѣлый день на одномъ хлѣбѣ, и съ досады, чтобъ не видѣть пьяной кухарки, уйдетъ въ свою рощу Млечь (=Мличь), и просидитъ тамъ до 10—11 вечера. Съ женщинами говоритъ только тогда, когда это необходимо, и говоривши никогда не взглянетъ. Даже съ самими мужчинами говоритъ, очень рѣдко глядя на нихъ. Все въ окрестности, и священники, и помѣщики, его любятъ, желали бы его видѣть чаще; но онъ не любитъ общества, и выѣдетъ изъ своихъ Мадуницъ только въ случаѣ крайней нужды. Далѣе Брѣтиславы еще не былъ.—Къ вечеру кухарка пошла перестилать ему постель и пригласила меня посмотрѣть на его комнаты: ихъ двѣ, одна довольно большая, довольно бѣдно меблированная съ постелью для гостя, а другая крошечная, съ полками для книгъ, съ письменнымъ столомъ, съ его постелью, нечистая; въ этой другой онъ сидитъ всегда, тутъ и обѣдаетъ (онъ только обѣдаетъ, а завтракъ и ужинъ не знаетъ). «Однако тутъ холодно», сказалъ я, и хотѣлъ идти на другую половину, къ кухаркѣ, какъ вдругъ отворяются двери, и въ нихъ уставляется высокая плотная фигура. «Имѣю ли счастье видѣть васъ, словутный пане Голый!» Давая распоряженіе кучеру,

чтобы онъ сносилъ съ воза вещи, фигура отвѣчала мнѣ какъ то не-хотя, и я самъ не знаю что. Ну, думаю, это какой нибудь фарарь сосѣдскій, странный человѣкъ, и говорю ему: «Вы вѣрно хотѣли тоже видѣть Голаго; но его нѣтъ, и можетъ быть воротится еще поздно изъ Тернавы». Фигура оборотилась ко мнѣ и спрашиваетъ: «а вы имѣете какую нибудь нужду къ Голому?» — «О да: я бы пошелъ на конецъ свѣта, чтобы только его увидѣть.» «А откуда вы?» — «Я Русскій путешественникъ.» — «Русской? Русской? О Боже мой!» — и мы обнялись, какъ родные, какъ отецъ съ сыномъ. Кухарка принесла свѣчу, и я увидѣлъ лице знакомаго незнакомца: бѣлое, довольно полное, покрытое свѣжимъ румянцемъ, съ голубыми глазами, съ длинными бѣлосѣдыми волосами, важное, можно сказать гордое, и между тѣмъ дѣтски, невинно доброе. Радость видѣть Русскаго одушевляла его. Голый обнималъ меня, цѣловалъ, жалъ руки. «Русской?! О вы, Русскіе, великій народъ, слава Славянъ! Русской!» Онъ утиралъ слезы. Мы перешли въ маленькую комнатку, закурили трубки и давай болтать о томъ о семъ. Моя фамилья была уже ему извѣстна; онъ впрочемъ не думалъ, чтобы я пришелъ къ нему. Весь вечеръ до $^1/_2$ перваго мы говорили о Россіи, о Русскомъ народѣ, о царѣ, о казакахъ. Онъ знаетъ прекрасно нашу исторію, помнитъ множество анекдотовъ, объясняющихъ Русскій характеръ, о Николаѣ говоритъ съ одушевленіемъ урожденнаго Русскаго. Вообще нигдѣ не видалъ я той глубокой любви къ намъ, нашей славѣ и нашему царю, какъ у Словаковъ: въ этомъ одинаковы и Словаки евангелисты, и Словаки католики. И тѣ и другіе уважаютъ даже наше православіе. Англичане же для нихъ—кровные враги. Утромъ я и не слышалъ, когда Голый всталъ и пошелъ въ церковь служить. Въ $^1/_2$ 9-го онъ воротился, и мы опять стали разговаривать о Россіи. Передъ обѣдомъ мы пошли въ рощу Млечь, гдѣ онъ написалъ большую часть своихъ сочиненій: шелъ дождь, я уговаривалъ его остаться дома, пустить меня одного, но онъ никакъ не соглашался. Роща довольно густая, но большія деревья всѣ вырублены, народъ оставилъ несрубленнымъ только тотъ дубъ, подъ которымъ Голый любитъ сидѣть. «Прежде онъ былъ вѣтвистѣе—говорилъ Голый—свѣжѣе, зеленѣе, а теперь, оставшись одинъ, долженъ бѣдный терпѣть отъ вѣтровъ и бурь». Подъ нимъ онъ сидитъ на травѣ, а когда мокро, то переходитъ на ближній пень и садится въ чащѣ на немъ. «Тутъ мнѣ никто не мѣшаетъ: никто не видитъ меня, никого я, и мысли ложатся вольно на бумагу». Воротившись, мы обѣдали. Потомъ я переждалъ дождь, и взявши проводника, собрался въ путь. Голый проводилъ меня до ближней деревни; прощаясь, онъ цѣловалъ меня въ губы и лобъ, благословилъ, приговаривая: «не забывай, милый другъ, въ твоей великой родинѣ на насъ, бѣдныхъ Словаковъ; скажи своимъ, что мы ихъ любимъ, какъ братьевъ, и молимся за нихъ Богу: сильному дѣло, слабому

молитва». Мы плакали, прощаясь, и прощались нѣсколько разъ.—Голый высокаго роста, довольно плотный мужчина, величественной осанки. Каждый, увидя его, сказалъ бы, что онъ рожденъ быть поэтомъ: о давно прошедшемъ онъ говоритъ какъ будто о томъ, что только что было передъ его глазами, все живо чувствуетъ, плачетъ, припоминая что-нибудь великое или прекрасное, или злое. Простодушенъ онъ, какъ дитя; о томъ, что такое двумыслiе, поддѣльность мысли или чувства, онъ, кажется, не имѣетъ и понятiя; скромность удивительная: онъ не можетъ не знать, какъ его уважаютъ, даже иностранцы (пріѣзжающіе въ Питуянскія минераль-[ныя] воды въ 2 миляхъ отъ Мадуницъ),—и между тѣмъ съ глубокимъ, искреннимъ чувствомъ говорилъ мнѣ: «Повѣрь, милый другъ, мнѣ тяжело, мнѣ горько, что я недостоинъ того вниманія, которое мнѣ оказываютъ. Я бы хотѣлъ сдѣлать и то, и другое, я чувствую недостатки въ моихъ сочиненіяхъ, и между тѣмъ силъ не достаетъ».

5-е. Тернава.

Отъ Мадуницъ до Тернавы я пришелъ въ 3 часа. Деревеньки Словаковъ, черезъ которыя шелъ, довольно чисты: домики выштукатурены снаружи, покрыты соломой, стоятъ ровными линiями. Въ поляхъ слышны пѣсни Украинскихъ напѣвовъ. Тернава маленькiй городокъ, но очень мило выстроенъ. Улицы ровны и широки, есть много большихъ домовъ, 9 церквей, почему и называется Тернава малымъ Римомъ. Отъ старыхъ стѣнъ еще остаются остатки; поповъ множество. Есть и нѣсколько сѣмей православныхъ, но священника не имѣютъ. Вокругъ Тернавы огромная равнина. Недалеко отъ Тернавы есть крѣпость Леопольдштадтъ (Опольдъ), построенная противу Турокъ; страшно подумать, что Турки были такъ сильны, что укрѣпляться противъ нихъ надобно было у самаго подножiя Карпатовъ, какъ будто они шли съ этихъ горъ. Черезъ 1/4 часа я ѣду въ Брѣтиславу: мѣсто въ штельваген (покойная карета) стоитъ 1 гульденъ серебра = 2,30 к.

7-е. Брѣтислава.

Годжу я нашелъ въ Брѣтиславѣ: молодой человѣкъ, очень образованный и пылкiй Словакъ. О, если бы такихъ болѣе въ этомъ угнѣтенномъ народѣ. У Штура очень много заботъ, и потому мы съ нимъ вдвоемъ проводимъ почти цѣлой день. На вечеръ сходимся всѣ вмѣстѣ.

8-е. Пароходъ Карлъ Францъ.

Вчера, узнавши, что я ѣду изъ Брѣтислави, и съ тѣмъ чтобы не воро-

титься, пришли ко мнѣ прощаться Сербы и Словаки, прежде одни, потомъ другіе, поручивши за всѣхъ говорить одному изъ товарищей, благодарили меня за посѣщеніе Брѣтислави, за дружбу, за совѣты, за братскую взаимность... Я бы желалъ, чтобы кто нибудь изъ Русскихъ, я самъ желалъ бы быть свидѣтелемъ подобной сцены. Отвѣчая имъ, сколько могъ выразить свои чувства на ихъ нарѣчіи, я плакалъ; видя въ цѣлой толпѣ нравственныхъ юношей одну мысль, одну надежду, одну молитву, и къ себѣ такое искренно-родственное чувство, заплакалъ бы на моемъ мѣстѣ всякій. Вечеръ провели мы вмѣстѣ съ Штуромъ Людевитомъ и Годжей Михаиломъ, и побратались на жизнь. Такими братьями гордиться могу. Сегодня въ 6-мъ часу у насъ (Годжа ѣдетъ вмѣстѣ со мною и ночевалъ у меня) уже комната была полна молодыми Сербами и Словаками, захотѣвшими насъ проводить до парохода. Мы толпою пришли къ берегу, простились, отдѣлились, поѣхали, но шляпы и шапки еще долго, долго мелькали надъ головами. Одного такого прощанья было бы довольно для того, въ комъ еще не пробудилось чувство Славянское. Прощай, Брѣтислава, разцвѣтай для будущей славы Славянъ!... Я ѣду въ Пешть...

Послѣ обѣда у Вацова (Wattzew)

Уже ½ 6-го послѣ обѣда. Передъ обѣдомъ останавливались мы на нѣсколько минутъ у Коморна: порядочной городокъ, а далѣе на берегу крѣпость, одна изъ сильнѣйшихъ во всей Венгріи. До Остригома (Grau) Дунай очень однообразенъ, равнина да лѣса, и то молодые, а равнина видна сажня на два отъ берега: скучно. У Остригома опять начинаются гористые берега. Въ самомъ Остригомѣ есть довольно большая гора, и на ней строится величественная церковь, жаль что поставленная къ Дунаю задомъ, но всетаки огромная и величественная; внутри уже многое сдѣлано; снаружи недостаетъ башень; вся обшита мраморомъ. Чѣмъ далѣе отъ Остригома, тѣмъ горы выше, между горами кое-гдѣ долинки, все блещетъ весенней зеленью. Только что теперь потерялся изъ виду Вышеградъ — развалины замка на горѣ вышиною до 300 сажень. Передъ Вышеградомъ горы такъ сперлись со всѣхъ сторонъ, что для плывущаго Дунай кажется озеромъ. Есть преданіе о Нѣмцахъ, въ первый разъ сюда приплывшихъ: думая что Дунай тутъ кончился, они пристали къ берегу, вышли на гору, увидѣли, что рѣка течетъ далѣе, и — перетащили черезъ гору свои лодки на плечахъ. А между тѣмъ и между этими горами Дунай широкъ очень довольно. Развалины Вышеграда огромны и занимаютъ не только верхушку горы, но спускаются и къ самому берегу: видны башни, видны стѣны, все огромныхъ размѣровъ. Теперь около Вышеграда живутъ Нѣмцы; а Славяне за ними; прежде Нѣмцевъ не было. У Вацова пристанемъ на нѣсколько минутъ. Об-

щество наше довольно незначительно. Занимательнѣйшія лица: а) графъ Батьяни, богачъ, цѣлой день лежавшій то на палубѣ, то въ камерѣ, отворотивши заднюю часть тѣла къ публикѣ b) баронъ Радецкій, съ которымъ я случайно познакомился, и объявившій мнѣ, что онъ имѣетъ пять материнскихъ языковъ, с) всеобщая жена, знающая понемногу каждый языкъ, между прочимъ и Русской, и искавшая себѣ прочнаго пріятеля. Изъ Вацова пристало къ намъ множество гостей; но общество отъ этого не одушевилось.

Пешть.

Въ $8^1/_4$ пристали мы къ берегу, и снесши багажъ къ Англійской королевѣ, тотчасъ пошли къ Колляру и просидѣли до 10.

9-е. Пешть.

Утромъ былъ у Павловича [1]), у Субботича [2]) и потомъ обѣдалъ у Коллара. Послѣ обѣда пошли въ 3-хъ съ Колларомъ къ Долежалку, съ которымъ встрѣтился вчера на пароходѣ, и оттуда поѣхали въ Ирму (1 часъ отъ Будима), гдѣ погребена Александра Павловна, покойная супруга палатина. Въ долинѣ между горами лежитъ это село. Въ сторонѣ отъ села, окруженная садами стоитъ часовня, очень маленькая, но прекрасно выстроенная изъ дикаго камня и мрамора; далѣе домъ для пѣвчихъ, а еще далѣе домъ священника отца Амфилохія. Онъ спалъ когда мы пріѣхали; насъ проводилъ въ часовню пѣвчій Марсовъ. Ризы, чаша и сосуды, евангеліе, покровы, все великолѣпно богато. Подъ часовнею погребъ, въ который спускаешься по витой лестницѣ. Тамъ въ мѣдномъ гробу, покрытомъ малиновымъ бархатомъ, лежитъ другой гробъ обитый парчею, и въ немъ покоится тѣло. Одинъ ключь отъ гроба у ерцгерцога, другой у священника, и гробъ отпирается для освидѣтельствованія только при перемѣнѣ священника. Обѣдня служится каждое воскресенье и въ великіе праздники. Если бы землѣ угрожала какая нибудь военная безопасность, то тѣло перевозится въ Будимскую крѣпость (это уже случалось два раза). Поклонившись праху и осмотрѣвши часовню, мы пошли къ священнику. Моя фамилья была ему извѣстна по газетамъ; а самъ онъ очень милый человѣкъ: мы провели у него съ часъ очень весело. Онъ уже тутъ 11 лѣтъ, и начинаетъ забывать Русской языкъ, выговариваетъ чисто, но забываетъ выраженія. Душою впрочемъ не только Русской, но и Славянинъ. Воротились мы назадъ къ половинѣ 7-го и въ театръ. Давали Роберта дьявола: принцессу Изабеллу играла Вѣнская Гассельбартъ, и играла безподобно: я еще не слышалъ, чтобъ она выдѣлывала всѣ пассажи съ такимъ искусствомъ и непринужденностью; Бертрамъ (Дракслеръ)

[1]) Тодоръ Павловичь—Сербо-хорватскій литераторъ, редакторъ «Сербскаго народнаго листа».

[2]) Іованъ Субботичь (род. 1817)—извѣстный Сербо-хорватскій писатель и литераторъ новаго времени. См. выше.

былъ также хорошъ. Остальные посредственны; оркестръ превосходенъ (оркестръ тутъ находится подъ дирекціей молодого Славика, брата знаменитаго Славика, извѣстнаго подъ именемъ Долче).

10-е.

По Венгріи, какъ мнѣ говорили въ книжной лавкѣ, распространено около 300 Англичанъ, распространяющихъ въ Мадьярахъ вражду къ Русскимъ. Такъ они боятся насъ.

11-е.

Былъ у почтеннаго издателя сочиненій Голаго М. Гамульяка. Не горько ли подумать, что эти безсмертныя творенья могли печататься только въ 300 экз. и что, такъ какъ подписная цѣна очень дешева (6 флор. сереб. = 4 руб. сер. за 4 большихъ тома), то Гамульякъ долженъ прибавить своихъ денегъ. Бѣдные Словаки: Мадьяры ихъ преслѣдуютъ, а публика ихъ мала, и помощи ни откуда!

Больше писать не буду въ этомъ письмѣ. Начну № 53, а этотъ пошлю сегодня.

Милая душенька маменька! Поздравляю васъ съ наступающимъ днемъ вашего ангела. Сохрани, Господь Богъ, ваше здоровье. Будьте веселы: скоро, ужь скоро я буду у васъ. Цѣлую вашу ручку. Поклонитесь всѣмъ знакомымъ нашимъ.

Богъ васъ опатруй. Вашъ сынъ Измаилъ Срезневскій.

LXII.

№ 53. Остригомъ (Gran). 12-е мая.

Въ семь часовъ утра я выѣхалъ сегодня изъ Пешти на пароходѣ и пріѣхалъ сюда въ началѣ третьяго послѣ обѣда. Сначала въ строющуюся церковь: огромная будетъ, великолѣпная, но покамѣстъ остается еще многое въ ожиданіи. Потомъ къ профессору Руми [1]). Онъ Мадьяръ родомъ, но умный человѣкъ, бранитъ Мадьяровъ за ихъ желаніе все омадьярить, знаетъ хорошо языкъ Сербскій, самъ выписываетъ Гаевы Иллирскія Новины и Денницу и пишетъ не только Мадьярски, но и Сербски. Онъ одинъ изъ ученѣйшихъ Мадьяровъ. Съ нимъ вмѣстѣ и съ однимъ Мадьярскимъ графомъ, спутникомъ по пароходу, мы пошли въ архіепископскую библіотеку, а потомъ въ церковь. Отдѣлана въ ней только Стефанова капелла, въ которой поставленъ до времени и алтарный огромный образъ, изображающій вѣнчаніе короля Стефана. Отдѣ-

[1]) Georg Karl Rumy—профессоръ Венгерскаго и Нѣмецкаго права въ Гранѣ (род. 1786, ум. 1847).

планы также погреба, и превосходны: онѣ опредѣлены для тѣлъ архіепископовъ и канониковъ, идутъ подъ всей церковью, высоки и величественны. Статуи, которыя будутъ стоять передъ церковью (Петръ и Павелъ), огромныхъ размѣровъ (сажени въ 3 вышиною каждый) дѣлаются Казаграндою; подъ его же смотрѣніемъ приготовляютъ и барельефы. Казагранда умный художникъ. Ходили мы на самый верхъ церькви, видѣли и модель цѣлаго зданія; впрочемъ планъ теперь измѣненъ. Подъ горою прямо къ Дунаю епископскій городъ, а далѣе собств. свобод. городъ. Немощенъ, нечистъ, дурно построенъ. Все Мадьярское. Есть впрочемъ и Сербская церковь. Мѣстоположеніе роскошно: кругомъ горы, покрытыя лѣсами и виноградниками. Особенно хорошъ видъ съ горы, гдѣ церковь; Дунай и Дунайская долина роскошно разстилаются въ обѣ стороны; приближающійся пароходъ виденъ въ одну сторону за 2, въ другую за 1 часъ до прихода.

Немци (Nemeti), $\frac{13}{1}$ мая.

Гранъ=Остригомъ стоитъ на правомъ берегу Дуная; на другой сторонѣ черезъ мостъ селеніе Паркань, чисто Мадьярское, очень чистое и промышленное. Тамъ всего легче найдти извощика изъ Грана въ любую сторону. Этотъ извощикъ запрягаетъ въ свой безконечно длинный возъ четыре лошади цугомъ, садится на одну изъ увозныхъ—и пошелъ. Возъ почти вдвое длиннѣе Русскаго воза, переложенъ во всю длину обручами, и по обручамъ покрытъ полотномъ. Внутри положатъ сѣна, сколько угодно, покроютъ чѣмъ нибудь, путешественникъ ляжетъ тамъ какъ убитой волъ, и пока сѣно не сляжется, можетъ спокойно спать, не чувствуя тряски. Первый переѣздъ великъ и проворенъ; далѣе, не смотря на три часа отдыха, лошади бѣжатъ уже не хотя; а наконецъ, не слушаясь ни понуканій, ни хлестанья бича, ни ударовъ, тащутся едва-едва. Вчера Парканцы приходили ко мнѣ одинъ за другимъ отъ 7 до 9 вечера; я не взялъ однако ни одного: одни просили много, другіе не понимали ни слова ни по Нѣмецки, ни по Словенски. Сегодня я договорилъ Нѣмецкій штейерльвагенъ (повозочку) о двухъ добрыхъ лошадяхъ за 10 гульд. серб., выѣхалъ въ 10, обѣдалъ въ Ипоти, а на ночь пріѣхалъ сюда. Кучеръ мой хоть и Мадьяръ, но говоритъ и по Словенски. До Ипоти и въ Ипоти все Мадьярское, однако съ хозяйкой я говорилъ по Словенски. Кучеръ говорилъ мнѣ что и во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ Словаковъ и вовсе нѣтъ, на постоялыхъ дворахъ всѣ понимаютъ Словенскій языкъ. За Ипольемъ начинаются Словаки. Мужчины одѣты бѣднѣе, женщины—чище, лица пріятнѣе. Въ селеніяхъ все приготовляется къ Турицамъ (Троицѣ—послѣ завтра): перины вывѣшены на заборы, домики бѣлятся... Въ поляхъ сѣютъ. За часъ до Нѣм-

цевъ проѣзжалъ я черезъ маленькую деревеньку, гдѣ домики всѣ до одного курные. Какъ она, такъ и другія селенія часа три отъ Немцевъ лежатъ въ узкой долинѣ, по которой течетъ рѣченка Штявница. Склоны съ обѣихъ сторонъ покрыты лѣсомъ; соловьевъ множество. Гостинница, гдѣ я остановился, очень порядочная: комната, которую мнѣ отвели, велика, чиста, съ готовыми постелями... Я выпилъ чашку чернаго кофію, и теперь велѣлъ подать себѣ молока съ бѣлымъ хлѣбомъ: и молоко и хлѣбъ прекрасны. Вообще во всей Венгріи хлѣбъ очень хорошъ, и бѣлой, и житной. Мясо тоже прекрасное... И тутъ былъ пожаръ: весна время пожаровъ въ Венгріи, выгораютъ цѣлыя села и городки; такъ нынѣшнею весною выгорѣла и Модра.

$\frac{2}{14}$ мая. Штявница (Schemnitz).

Сюда я пріѣхалъ въ началѣ 10-го. Хотѣлъ было идти къ суперинтенденту Себерини, спрашиваю о его квартирѣ; болтливый мальчикъ, хотѣвшій меня провести къ нему, объявляетъ мнѣ, что онъ бываетъ въ трактирѣ часто, что онъ посѣщаетъ тутъ больнаго. Кто онъ?—Не знаю.—Давно-ли?—Съ мѣсяцъ. Лечу—и не ошибся: Прейсъ еще тутъ, и бѣдный боленъ. Еще Годжа говорилъ мнѣ, что онъ видѣлся съ нимъ тутъ, но этому прошло уже почти двѣ недѣли, я воображалъ, что Прейсъ уже въ Варшавѣ. Онъ впрочемъ меня ждалъ со дня на день. Обрадовавшись встрѣчѣ, мы провели съ нимъ цѣлый день. Только передъ вечеромъ съ однимъ Сербомъ, приходившимъ къ Прейсу, я выходилъ на полчаса прогуляться, и съ одного возвышенія взглянулъ на городъ. Городъ маленькій, не дурно выстроенный, но весь на косогорѣ такъ, что нѣтъ ни одной улички неспускающейся внизъ; кругомъ поднимаются разомъ горы. Съ возвышенія видѣлъ я и бѣлоснѣжныя вершины Карпатовъ. Теперь уже спать пора, и глаза смыкаются, и потому я только скажу еще то, что Штявница извѣстна своими рудокопнями и что во вторникъ начинается ярмарка, а потому я и не могъ получить тутъ комнату, какую хотѣлъ.

16-е мая.

Сегодня разбудилъ меня горный практикантъ сдѣшній, родомъ Сербъ изъ княжества, Бранковичь, въ половинѣ втораго: такъ мы уговорились съ нимъ вчера, чтобъ идти на гору Сытно и встрѣтить тамъ восходъ солнца. Къ намъ пристали еще два практиканта Павловичъ Сербъ, и Фрндакъ, Словакъ. Мы шли до вершины горы часа два съ половиной, не останавливаясь.

Подъемы не круты, но прежде нежели достигнемъ вершины, надобно нѣсколько разъ спуститься въ долины, и слѣдовательно опять подниматься. Гора возвышается на 4,500 фут. надъ моремъ, и около 3,000 ф. надъ Штявницей. Главное ея возвышеніе почти всюду покрыто лѣсомъ; только на самой вершинѣ поднимаются огромныя, отвѣсистыя скалы. На нихъ стоитъ бесѣдка, немного ниже корчма, въ которой мы могли найдти вдоволь молока. Восходъ солнца былъ впрочемъ очень скученъ, изъ за облаковъ. Отъ этого нельзя было видѣть и всѣхъ горъ: всѣ окрестныя казались или холмами, или сливались въ одну равнину; отдаленныя, и особенно снѣжныя нельзя было и видѣть хорошо изъ за тумана; въ другое время видно до Коморна и Дунай и на сѣверѣ вершины Карпатовъ. Сытно значитъ адъ: Богъ знаетъ почему такое названіе могла получить гора. Говорятъ, что на немъ открывали клады, что видѣнъ иногда возъ на огненныхъ колесахъ быстро бѣгущій, что въ его пещерахъ живутъ чуть не безсмертные люди; поютъ впрочемъ о немъ и самыя невинныя пѣсни, напр.: na tom Sytně ruža kwitne, kdo ju bude trhati... Мы воротились назадъ къ 10 часамъ. По дорогѣ встрѣчались люди, идущіе изъ церкви: и мужчины, и женщины очень хорошо одѣты; но лица мужчинъ изможденны, иные хромы, другіе слѣпы или кривы, и т. д. Работниковъ въ здѣшнихъ рудокопняхъ до 4000. Чистаго дохода получаетъ правительство никогда болѣе 150,000 гульд. сереб. Плата работнику отъ 8 до 9 гульд. въ мѣсяцъ. Плата хороша, но всетаки жаль на такую работу употреблять честныхъ людей.

18-е мая.

Вчера вечеромъ въ началѣ 9-го пришли за мною Бранковичъ и Фрндакъ съ лампами и съ горнымъ платьемъ (штаны и куртка изъ толстой крашенины, кожа на задъ и шапка высокая валеная зеленая), и мы пошли въ рудокопни. Около трехъ часовъ оставался я подъ землею, и вышелъ изъ подъ земли въ Виндшахтѣ, за $^3/_4$ часа отъ Штявницы. Не смотря на то, что мы опускались въ одномъ мѣстѣ слишкомъ на 50 лѣстницъ, и потомъ поднялись на 106 лѣстницъ вверхъ (каждая около и болѣе сажня и назыв. фартъ), однако работающихъ еще не видали: такъ они глубоко подъ землею. Особенное чувство рождается когда бродишь подъ землею, по проходамъ, прорытымъ самимъ человѣкомъ... Каждая [лѣстница] пригвождена сверху, и снизу укрѣплена на узенькомъ полу, работникъ опускаясь или поднимаясь, держитъ въ одной рукѣ лампу, а въ зубахъ трубку. Около лѣстницъ машина, поднимающая воду и руду. Главная у Виндшахты машина занимаетъ въ глубь 1,250 футовъ. Въ Виндшахтѣ пришли мы къ бергману Добрянскому, Русину изъ Спижской столицы: и онъ

русистъ, надъ постелью у него Петръ Великій, а со всѣхъ сторонъ карты частей свѣта, гдѣ Россія имѣетъ свои владѣнія; портретъ Николая на другой сторонѣ; о Россіи говоритъ онъ съ какою то чудной гордостью и любовью. Мы воротились домой въ половинѣ 1-го.

19-е. Лиготка.

Сегодня въ 10-мъ часу я простился со Штявницей и Прейсомъ. Болѣзнь удержитъ его тамъ еще съ недѣлю, а потомъ онъ проѣдетъ въ Краковъ скорымъ маршемъ; а я хочу обойдти Словаковъ порядочно, и слѣдовательно не смѣю терять времени. До Скленной Топлицы провожалъ меня Бранковичь (2 часа хода отъ Штявницы): тамъ мы зашли въ баню минераль[ныхъ] горячихъ водъ, выкупались и потомъ пообѣдали. Дорога шла сначала тяжело на гору, потомъ горою внизъ и вверхъ по лѣсамъ и далѣе долиной. Купалень пять, хорошо обстроены, но кажется всѣ для мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ. Далѣе пошелъ я съ проводникомъ одинъ въ деревню Крестъ (Крижъ, Kreutz, Керстъ) черезъ гору, которой вершина называется Золотой столъ, и потомъ спустился въ долину къ Грону. Въ Крестѣ есть замокъ, гдѣ живетъ епископъ Бѣлянскій, покровительствующій Голому. Онъ боленъ, и я не рѣшился безпокоить его посѣщеніемъ, а пошелъ далѣе и пришелъ сюда: постоялой дворъ у дороги въ Кремницъ, за нею потокъ Руница, за Руницей на холмѣ деревня Лиготка.

20-е мая. Кремница (Kremnitz).

Въ 10-мъ часу сегодня я пришелъ сюда, при самомъ входѣ въ городъ встрѣтилъ г. Ивачковича, къ которому адресовалъ меня Бранковичь, и съ нимъ пошелъ въ топильни, гдѣ руда топится, металъ очищается и добывается. Кромѣ множества олова, и довольно порядочнаго количества серебра, получается и до 6 пудовъ золота. Не смотря однако на это, правительство питается надеждами на будущее и теряетъ ежегодно до 60,000 гульд. серебромъ. Въ топильняхъ (Hütten) все показывалъ и объяснялъ мнѣ директоръ топилень, молодой, бойкой человѣкъ. Кремница лежитъ у истоковъ Руницы, такъ же какъ Штявница между горами; обстроена хуже.

21-е.

Послѣ обѣда мы отправились вчера на монетный дворъ. Это единственный для цѣлой Венгріи: на немъ чеканится ежегодно около 250,000 червонцевъ и на 1.200,000 гульд. серебра ежегодно. Серебро и золото поступаютъ сюда еще въ смѣси, отдѣляется, тянется въ ленты, изъ которыхъ вы-

рѣзываются монетные кружки, потомъ кружки подпиливаются по должному вѣсу, серебренные для цванцигеровъ (двугривенныхъ), оксидируются, чтобы получили бѣлый серебренный цвѣтъ (а до этого серебро кажется оловомъ, такъ нечисто), правильно округляются гладко и наконецъ чеканятся. Мы застали чеканенье и серебра и золота и я даже самъ отчеканилъ себѣ нѣсколько цванцигеровъ. Далѣе пошли мы къ евангелическому Словенскому пастору, и ходили съ нимъ вмѣстѣ въ такъ назыв. замокъ, гдѣ старая церковь, и на фарфоровую фабрику. Глина выжигается изъ кремнозема. Выжигать впрочемъ тутъ не умѣютъ. Назадъ шли мы мимо домовъ, гдѣ прежде жили храмовые рыцари, или какъ народъ ихъ называетъ Красные монахи. Они были и въ Штявницѣ. Нѣмцы пришли впрочемъ сюда прежде нихъ, и Нѣмецкій языкъ тутъ очень силенъ, особенно въ классѣ горныхъ и монетныхъ работниковъ.

Сегодня мы ходили съ пасторомъ Главачемъ къ фискалу-архиваріусу городского архива. Онъ мадьяроманъ, а я Русской, и потому отвѣтомъ было, что въ архивѣ ничего нѣтъ примѣчательнаго. Хоть онъ потомъ склонился показать, но въ данное время въ архивъ не пришелъ, а оставилъ только реестръ: огромная книга, на просмотръ которой надобно по крайней мѣрѣ два или три дня. Я могъ только замѣтить, что есть вещи изъ перв. половины XIII вѣка Напишу Палацкому, пускай пріѣзжаетъ самъ.

21-е. Теплица у Гая.

Опять въ Теплицѣ,—и въ добавокъ въ Турчанской столицѣ, откуда приходятъ къ намъ Словаки съ лекарствами, что тутъ зовутся олейкари. Большая часть этой столицы представляетъ долину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами, на которыхъ кое гдѣ еще до сихъ поръ остался снѣгъ. Дорога изъ Кремницы идетъ на гору, между лѣсами еловыми, и мимо Нѣмецкихъ деревень; потомъ постепенно спускается и наконецъ за Alt Stuben къ Neu Stuben идетъ по долинѣ. Долина очень велика, покрыта лугами, полями, лѣсами, тоже большею частью еловыми. Природа вообще здѣсь прекрасна. Бани тутъ теплыя. Я купался сегодня въ самой холодной, и та довольно тепла. Со мною еще купались мужъ съ женою, не знаю кто. Гостей еще кажется мало. Комнаты очень дурны: мебель мужицкая и полы нечисты. Я впрочемъ останусь тутъ до вторника (сегодня суббота): обѣщалъ прицти Главачь, чтобы вмѣстѣ идти къ какимъ то развалинамъ. Время не потеряю, я между тѣмъ и покупаюсь. Отъ Кремницы сюда четыре часа ходьбы: я заплатилъ 2 двугривенныхъ вожатому, несшему мое добро; а отъ Штявницы до Кремницы 4 двугривенныхъ. Около Кремницы есть много кретиновъ, людей низкихъ, глупыхъ, едва понятно выговаривающихъ,—и всѣ они изъ Нѣмцевъ.

22. Воскресенье.

Сегодня послѣ купанья пошелъ я къ евангелическому князю (священнику) Мартини въ Гай, за 1/4 часа отъ Теплицы, и съ нимъ въ церковь. Церковь по обычаю покрыта лавками, каждый приходитъ съ молитвенникомъ и кладетъ передъ собою. Надъ лавками довольно высоко, почти надъ цѣлой половиной церкви хоры: на хорахъ стоятъ мужчины, особенно молодые, внизу жены, а спереди дѣвушки. Передъ обѣдней и послѣ обѣдни сверху внизъ кидаются такъ называемыя вонячки, т. е. букетики цвѣтовъ: каждый бросаетъ своей милой; впрочемъ не переглядываются. Турчанки славятся красотою, и въ самомъ дѣлѣ есть много хорошенькихъ. Одѣты всѣ очень чисто. Обыкновенный цвѣтъ синій.

24-е.

Сегодня вмѣстѣ съ Мартини ходили мы на Градки (1 часъ отъ Гая), гору, на которой былъ когда то замокъ. Теперь уже все заросло деревьями. Остаются только камни и кирпичи, и преданіе, которое между прочимъ говоритъ, что погребъ въ глубинѣ горы открывается самъ собою каждые три года въ неизвѣстный день, и что кто попадетъ въ это время въ погребъ, тотъ можетъ набрать золота въ волю. Нѣкоторые думаютъ, что тутъ было Eborum. Видъ съ горы роскошной: съ одной стороны на Турчанскую долину и горы, а съ другой въ глубокое удолье, въ глубинѣ котораго стремится горный потокъ, а на одной изъ отлогостей стоитъ пастушій салашь, и вокругъ пасутся между густымъ лѣсомъ на полянахъ овцы и козы.

Мошовцы, 27 мая.

Третьяго дня рано я вышелъ изъ Теплицы въ мѣстечко Мошовцы и остановился было въ постояломъ дворѣ; но священникъ Кубовичь, котораго я тотчасъ посѣтилъ, заставилъ меня перейдти къ себѣ. День прошелъ въ разговорѣ, а на вечеръ съ учителемъ Чипкаемъ отправились въ Блатницу къ священнику Месу, съ тѣмъ чтобы на другой день сдѣлать прогулку въ горы. Вчера рано пристала къ намъ и жена Кубовича съ двумя дѣвушками и жена Меса съ сестрой да различнаго съѣдомаго плечей 5. Мимо стараго Блатницкаго замка долиной пошли мы къ горѣ Толстой, и потомъ по ней, къ Махарной пещерѣ: къ ней карабкались, съ нее скатились; а тамъ и варили, и пекли, и жарили, и пѣли пѣсни, а между тѣмъ въ мою записную книжку перепадало и то другое любопытное, что мнѣ разсказывали. Теперь мы опять въ Мошовцахъ и собираемся въ новый путь. Блатница знаменита тѣмъ, что имѣетъ много Руссовъ,

т. е. олейкарей, ходившихъ по Россіи; они богатые люди; говорятъ языкомъ смѣшаннымъ, ни Словенски, ни Русски, имѣютъ самовары и чашки, и пьютъ чай, приняли разные Русскіе обычаи, и нѣкоторые по Русски говорятъ довольно хорошо, даже самъ священникъ выучился.

Блатница. 29.

Я все еще тутъ, въ Турчанской столицѣ. Третьяго дни ѣздили мы въ четырехъ въ село Шклабиню, къ развалинамъ стараго замка. Вчера цѣлый день остался въ Блатницѣ и разспрашивалъ объ обычаяхъ, а сегодня хочу присутствовать на сватьбѣ. Третьяго дни вечеромъ мы пили чай у одного изъ Москвалей (какъ тутъ называютъ ходящихъ въ Россію): чай былъ хорошъ когда то, но потерялъ запахъ и отзывается разными маслами. Онъ мнѣ сказалъ, что Блатничане, не ходя въ Россію, не могли бы жить.

Иванчина. 1-е Іюня.

Со мною случилась исторія. Жаль, что подробно разсказать ее не могу въ письмѣ. 29-го (воскресенье) я былъ въ Блатницѣ на сватебномъ обрядѣ и послѣ обѣда вмѣстѣ съ священникомъ и его женою пошли въ Мошовцы. Пришедши, мы пили чай, пѣли, плясали. Въ 12-мъ часу вечера пришелъ присяжный, который, узнавши обо мнѣ, захотѣлъ меня видѣть. Сначала было хорошо, но, опившись вина и чаю съ ромомъ, онъ захотѣлъ показать себя какъ чиновника важнаго на мнѣ; я ему замѣтилъ, что мы теперь въ приватномъ обществѣ, и всѣ равно приватные люди. Ich, ich bin ein privat? взревѣлъ онъ и напустился на меня, говоря что въ столицѣ и самъ Kaiser von Oesterreich зависитъ отъ него, что меня онъ можетъ взять въ арестъ, можетъ повѣсить. Я показалъ ему часы (было ½ 2-го за полночь) и, сказавши, что могу разговоромъ ввести его еще въ большее искушеніе, пожелалъ ему покойной ночи. Aber der Pass?—Паспортъ покажу завтра, а сегодня хочу спать. Съ этимъ я ушелъ въ другую комнату. Еще сильнѣе взбурился мой присяжной, кричалъ, грозилъ, и все это продолжалось до ½ 4-го. Меша стоялъ за меня, говорилъ, что такимъ обхожденіемъ со мною онъ подаетъ мнѣ худое мнѣніе не только о себѣ, но и о невѣ[же]ствѣ цѣлой столицы. Мало по малу онъ усмирѣлъ. Меша пришелъ ко мнѣ, прося, чтобы я ему показалъ паспортъ и отвязался отъ него. Я отвѣчалъ: пожалуй, пусть придетъ ко мнѣ ex officio съ вопросомъ, кто я и имѣю ли паспортъ. Онъ пришелъ, я принялъ его, какъ новое, совершенно незнакомое лице, показалъ паспортъ; онъ сталъ просить прощенія, и въ пылу желанія благодѣтельствовать мнѣ сказалъ, что дастъ форспангъ (почтов. лошадей, которыя тутъ даются только безъ денегъ, по казенной надобности),

Впрочемъ примиреніемъ дѣло не окончилось: онъ ушелъ уже въ 6-мъ часу, напившись кофію. Тогда только лягли мы спать. Послѣ обѣда всѣ мы пошли вмѣстѣ въ Иванчину, гдѣ священникомъ Солтисъ, одинъ изъ извѣст. писателей: меня хотѣли проводить. День прошелъ пріятно, я остался ночевать у Солтиса, на другой день думая далѣе. Вчера пошли мы прогуливаться съ Солтисомъ къ р. Турцу, какъ вдругъ намъ даютъ знать что пріѣхалъ служный (Stullrichter, земскій судья) и хочетъ меня видѣть. Онъ просилъ меня показать паспортъ, разспрашивая о моихъ путешествіяхъ и разговаривая довольно вѣжливо; а потомъ сказалъ, что мой паспортъ недостаточенъ, что теперь въ Венгріи владычествуетъ національнизмъ (т. е. мадьяризмъ), что Славяне вооружаются противъ него, хотѣли бы имѣть царемъ Русскаго царя и что поэтому всякой Русскій подозрителенъ (verdächtig). Далѣе далъ мнѣ совѣтъ идти къ вице-ишпану столицы и просить его визировать паспортъ. Вице-ишпанъ чортъ знаетъ гдѣ, и потому я рѣшился прямо къ обер-ишпану, живущему въ Мошовцахъ, какъ въ помѣстьи. Съ Солтисомъ я воротился въ Мошовцы, былъ у обер-ишпана, очень хорошо имъ принятъ, и получилъ отъ него своеручное визо. На мое удивленіе, какъ могъ мнѣ служный сказать, что всякой Русскій подозрителенъ въ Венгріи и что паспортъ данный правительствомъ Русскимъ и утвержденный правительствомъ Австрійскимъ, недостаточенъ, баронъ Ревай отвѣчалъ мнѣ: простите невѣжеству сказавшаго, и чтобы не имѣть впередъ дѣла съ невѣжами, представляйте всюду свой паспортъ вице-ишпану сами. Онъ оставлялъ меня на вечеръ, но мнѣ хотѣлось еще посѣтить домъ, гдѣ родился Колляръ, и католическую церковь. Братъ Коллярa—скорнякъ, очень бѣдной. Въ церкви я видѣлъ дерев. статуи Кирилла и Мефодія, безъ всякихъ римскихъ признаковъ, вставленныя въ коробъ или шкафъ съ дверями, похожій на наши складни, и на дверяхъ образа греческой школы въ золотомъ полѣ. Ночевалъ въ Мошовцахъ, а сегодня воротился въ Иванчину и по дорогѣ смокъ, а потому и долженъ былъ остаться на ночь. Не я первый остановленъ былъ въ Турчанской столицѣ: и у короля Саксонскаго, шедшаго по Карпатамъ, спросили тутъ паспортъ, и онъ отдѣлался подарками. Турчанскіе дворяне чрезвычайно бѣдны, иные бѣднѣе бѣднѣйшихъ мужиковъ, и ихъ множество; а между тѣмъ они хотятъ казаться богатыми.

Угровцы. 2-е іюня.

Сегодня изъ Иванчины я переѣхалъ въ мѣстечко Словенское Правно, похожее на деревушку, къ священнику Бѣлогорскому, и пообѣдавши у него, отправился далѣе, нанявши тутъ «прилежитость» до Тренчина за 18 гульденовъ, т. е. за 16 рублей. Переѣхавши черезъ горы Жары или по здѣшнему выговору Жьяры, мы спустились въ Нитрачскую столицу. Чудесная долина, плодо-

родіе удивительное, земля прекрасно вздѣлана, бѣдныхъ земановъ (помѣщиковъ) очень мало, а мужики богаты, хоть и гораздо хуже одѣты. По дорогѣ встрѣчались господскіе домы очень милые, окруженные садами, а замокъ Пальфи графа, близь мѣстечка Привидзы, въ другомъ мѣстечкѣ Бановцахъ, огроменъ и великолѣпенъ. Угровцы крошечное селеніе въ $^3/_4$ часа за другимъ мѣстечкомъ Осланомъ.

Тренчинъ. 6-е.

Взглянувши на карту вы увидите, что я подвинулся довольно далеко на западъ къ Вагу. Тренчинъ—главный городъ Тренчанской столицы, крошечной городокъ, въ которомъ болѣе половины жителей Жиды. По широкой долинѣ, между лугами течетъ Вагъ, надъ долиною слѣва возвышается стѣною огромная скала, на скалѣ огромныя развалины замка, подъ самой скалой прижался городъ, не имѣющій ни одной улицы, а только нѣсколько переулковъ и длинную площадь, оканчивающуюся съ обѣихъ сторонъ воротами, за которыми съ южной стороны тянется въ сторону и около города предмѣстіе. Въ самомъ городѣ есть порядочные домики; въ предмѣстіи дрянныя какъ за Лопанью по Рождеств. улицѣ, и хуже. Монастырь піаристовъ большое зданіе. Но лучше всего развалины и видъ съ нихъ на окрестность, равно и вербовыя аллеи по долинѣ. 4-го я былъ у вице-ишпана и показалъ ему свой паспортъ, ходилъ на развалины (колодезь въ скалѣ чрезвычайно глубокой, страшно глубокая яма, гдѣ когда-то умирали голодомъ протестанты гонимые католиками, башня Матвея Корвина, тройная стѣна), и съ башни піаристовъ снималъ видъ развалинъ. Вчера ѣздилъ въ Теплицы ($^5/_4$ часа отъ Тренчина) вмѣстѣ съ протест. священникомъ Долежаломъ, его женою и крошечнымъ миленькимъ сынкомъ Самуиломъ: тамъ мы купались, гуляли. Близь Теплицъ село, кругомъ горы, покрытыя лѣсомъ, на площади около церкви лавки съ разными товарами большею частью изъ Пресбурга. Гостей еще не много, но уже съѣзжаются (тутъ бываетъ много и изъ Польши); вчера было воскресенье, и потому много съѣхалось изъ Тренчина особенно дворянъ, пріѣхавшихъ въ Тренчинъ по дѣламъ. Теплицы вмѣстѣ съ мѣстечкомъ Дубницы принадлежатъ Вѣнскому банкиру барону Синѣ.

Жилина. 7-е.

Это тоже городокъ въ Тренчанской столицѣ. Вчера въ 2 часа пополудни выѣхалъ я изъ Тренчина, ночевалъ въ Быстрицѣ, и сюда пріѣхалъ въ концѣ 11-го. Дорога по лѣвому берегу Вага; виды очаровательны, но къ сожалѣнію видѣть ихъ мѣшалъ дождь. Лишь только начинается дождь тутъ, горы тотчасъ застилаются облаками и видны только кусочками. Долина между

горами—садъ. У Быстрицы есть развалины замка на неприступной скалѣ. Вообще тутъ замковъ въ развалинахъ по горамъ очень много. За Быстрицей начинаются небѣленыя курныя избенки. Народъ тутъ чрезвычайно бѣденъ: полей мало, а народу много; единств[енный] промыслъ сплавъ деревъ по Вагу въ Дунай, плти т. е. плоты идутъ во множествѣ, но такъ какъ отъ нихъ доходу мало, то Тренчане должны ходить въ другія столицы промышлять хлѣбъ и ходятъ не только въ другія столицы, но и далеко по свѣту. Турчане ходятъ, какъ олейкари, а Тренчане, какъ дротари, продаютъ дротъ, дротятъ разбитые горшки, продаютъ также простые ножи, губку деревянную (grachno) и пр. Они заходятъ даже въ Америку. Разсказываютъ, что однажды два Тренчана сошлись въ Америкѣ и не мало тому удивились: одинъ былъ попъ, а другой дротарь; дротарь пришелъ исповѣдываться къ попу, и попъ не узналъ своего земляка до тѣхъ поръ пока дротарь не сталъ молиться по Словенски. Хоть избенки и дурны, но глядѣть на нихъ пріятно: домика за зеленью деревьевъ почти не видно, весь дворъ какъ садъ, покрытъ яблонями, черешнями, вишнями, липами, тополями, дикими каштанами и т. п.

За обѣдомъ я слышалъ, что народъ тутъ хлѣба не ѣстъ, а ѣстъ картофель; хлѣбъ продаетъ и имъ платитъ дань. Страшно подумать, что дань вырываетъ послѣдній кусокъ изо рту.

Сегодня послѣ обѣда я ѣздилъ въ деревню Лѣтаву (1 1/4 отъ Жилины), въ горы. Мѣстоположенія очень похожи на Фріульскія, гдѣ я былъ за 13 мѣсяцевъ: тѣ же скалистыя горы, потоки по камнямъ, только зелени больше и деревеньки хоть и столь же нечистыя, но не изъ камня, а изъ дерева. Надъ Лѣтавою возвышается на огромной, крутой горѣ замокъ, знаменитый въ преданіяхъ угнѣтеній иновѣрцевъ—чуть ли не православныхъ. Далѣе на югъ есть гора Жибридъ, въ долинѣ подъ горою, говоритъ народъ, былъ монастырь черныхъ бородатыхъ монаховъ, а теперь ему слѣдовъ нѣтъ. Лѣтавскіе паны сожгли его, а монаха взяли въ замокъ, мучили, и потомъ сбросили со скалы замковой; гдѣ онъ палъ, тамъ камни растворились, и опять лягли какъ будто ничего не бывало. Онъ впрочемъ, говоритъ народъ, былъ кациръ (еретикъ). Въ Лѣтавѣ священникомъ почтенный старикъ Горецкій, хоть и католикъ, но хорошій Словакъ. Въ церквѣ, въ постройкѣ которой замѣтно что-то православное (раздѣлена она на три части: алтарь, церковь и паперть), есть старый образъ, составлявшій часть складня, изображающій множество голыхъ, пронзенныхъ кольями, на которые были кинуты съ горы, гдѣ стоятъ люди въ Татарскихъ долгополыхъ кафтанахъ, и одного, какъ будто Нѣмца въ костюмѣ XVII—XVIII вѣка, толкающаго одного голаго съ горы внизъ ногою. Между многими очень много бородатыхъ, а одинъ и въ Римской митрѣ, тоже голый. Поле образа—золотое въ узорѣ.

Сучаны. 8-е.

Я опять въ Турчанской столицѣ; старые мои знакомые отъ меня вблизи, часахъ въ 4-хъ, въ 5-ти. Изъ Жилины я продолжалъ путь далѣе все берегомъ Вага. До Стрѣчна продолжались прежніе виды—широкая долина, въ серединѣ Вагъ, далѣе горы. За Стрѣчномъ горы сходятся; Вагъ течетъ узко и бурливо, а съ обѣихъ сторонъ поднимаются скалы, почти отвѣсно. Онѣ только что прикрыты лѣсомъ. Дорога прорублена по лѣвому берегу, и хоть исправляется арестантами безпрерывно, однако вода обваливаетъ клочки ея въ воду и дѣлаетъ ее непроходимою. У Стрѣчна тутъ есть чудесныя развалины, далѣе въ горахъ другія, потомъ нѣтъ ни жилья, ни человѣка. Эта дичь продолжается и въ Турчанскую столицу, но тамъ мало по малу горы раздвигаются, и потомъ опять передъ глазами долина—и горы видны до вершины.

Ясенова. 10-е.

Вчера рано утромъ выѣхалъ изъ Сучанъ на сѣверъ въ Оравскую столицу, изъ долины опять въ горы, опять по берегу Вага между скалами, потомъ оставилъ Вагъ на право и вверхъ по берегу Оравы пріѣхалъ въ Истѣбно къ священнику евангел. Матўшкѣ. Предоброй молодой человѣкъ, жена прелестная молодая дама изъ богатаго дома и проста, какъ сестра. Церковь тутъ деревянная, бѣдная. Сегодня съ Матўшкой поѣхалъ я въ Оравскій замокъ, принадлежавшій Турзу, а теперь многимъ. Смѣло поставленъ онъ на узкой, торчащей сахар[ной] головою скалѣ, и сохранилъ многое отъ стараго времени. Тамъ обѣдали, потомъ поѣхали въ городокъ Кубинъ, главной въ Оравской столицѣ. Тутъ переѣхали черезъ деревянный, сдѣланный сводомъ мостъ съ крышей чудной архитектуры. Кубинъ дрянной городишка. Тутъ мы останавливались у стараго евангел. священника, и къ вечеру пріѣхали въ Ясеново, гдѣ священникомъ Цохіусъ, молодой чел., приготовляющійся жениться и для меня очень полезный. Тутъ я остаюсь на завтра. У этихъ людей я, какъ дома. Орава вся въ горахъ. Сегодня видѣлъ съ замка и собств. Татры. Снѣгу на нихъ еще довольно. Эта столица также знаменита полотняниками, какъ Турчанская шафранниками и олейкарями, а Тренчанская дротарами: полотно возятъ они въ Турцію, Грецію и т. д.

Св. Микулашъ. 13-е.

Вчера пріѣхалъ я сюда подъ вечеръ: это главный городокъ Липтовской столицы. Изъ Ясеновой надобно было подняться на основаніе огромной горы Хоча и потомъ спуститься къ Вагу. Тутъ у входа въ Липтовскую долину

стоитъ городокъ Ружемберкъ, дрянной, но годится для картинки, потому что кругомъ огромныя живописныя горы. Микулашъ и Врбица два мѣстечка, соединенныя улицами. Есть нѣсколько порядочныхъ домовъ, но всѣхъ мало, и все безъ порядка. Тутъ пасторомъ Годжа [1]). Онъ только что воротился изъ Вѣны и ужиналъ у тестя; я пошелъ туда и познакомился съ тестемъ и съ молодой Годжевой женою. Пріятно глядѣть на эту пару голубковъ. Годжа былъ въ Вѣнѣ съ другими и съ суперинтендентомъ Іозефи просить правительство защиты противу Мадьяровъ. Меттерниха и Коловратъ приняли ихъ прекрасно; Людвигъ взялъ просьбу и можно надѣяться, что просьба подана не напрасно. Сегодня утромъ я провелъ время отчасти дома, отчасти съ Фейерпатаки, здѣшнимъ книгопродавцемъ, обѣдалъ у Годжи, а послѣ обѣда ѣздилъ съ капелланомъ Носакомъ въ Демановскую пещеру, въ 2 часахъ отъ Микулаша. Въ пещерѣ мы были два часа. Она въ родѣ Аделсберской, но стара. уже не родитъ капельника, и спускъ въ нее чрезвычайно крутъ, несносенъ, Одна часть его—Ледова дира очень занимательна: тамъ всѣ фигуры изъ леду, страшны, красивы, оригинальны. Ледъ никогда не таетъ.

16-е.

Третьяго дни утромъ я съ Носакомъ и мѣщаниномъ Бѣлою поѣхалъ изъ Микулаша на прогулку къ Татрамъ. Цѣлая Липтовская столица окружена горами, до сихъ поръ покрытыми снѣгомъ, собственныя Татры на сѣверо-востокѣ, съ тремя своими главными шпицами, Криванью, Герлашскимъ шпицемъ и Ломницей. Мы не надѣялись взойти ни на одинъ изъ шпицовъ, потому что снѣга совершенно покрываютъ ихъ, однако рѣшились ѣхать—взглянуть хоть на плеса (горныя озера), если не на что другое. По дорогѣ заѣзжали мы въ св. Янъ (село). Тутъ есть замѣчательное эхо: оно повторяетъ 14 слоговъ очень внятно. Мы закричали: да здравствуетъ царь Русскій Николай! и эхо повторило все это до буковки. Оно впрочемъ не громко, хоть и внятно. Чтобы слышать эхо, надобно стоять въ извѣстномъ мѣстѣ среди поля; сзади тянется поле далеко подъ гору и оканчивается лѣсистой горой, а спереди тоже ровный лугъ и потомъ горка длинная (она то повторяетъ голосъ), на право горы сгущаются, на лѣво расширяется Липтовская долина. Тутъ же близь церкви есть источникъ соленой воды: раннимъ утромъ пролетающая надъ нимъ птица падаетъ и умираетъ. Въ Гибахъ мы уговорили сопутствовать намъ доктора Гвота и кандидата Крауса, и, взявши проводникомъ ловца Гакеля, рѣшились попытаться взойти на Кривань, и поѣхали ночевать подъ самую гору въ лѣсъ. Тамъ въ лѣсу стоятъ халупы, хорошо выстроенныя изъ дерева, не хуже Сербскихъ хижинъ. Едва мы успѣли

[1]) См. выше, стр. 287.

добраться до нихъ (въ ½ 11-го), какъ собрались тучи и начались раскаты грома. Мы разложили огонь въ халупѣ, набрали на ночь сухихъ вѣтвей и коры; Носакъ наварилъ намъ супу и говядины, Гвотъ напекъ солонины, окорока; вина, хлѣба, сыра было у насъ вдоволь; были всѣ веселы. А Гакель придавалъ на[мъ] еще болѣе бодрости, увѣряя, что къ утру небо очистится И въ самомъ дѣлѣ, послѣ трехъ бурь, грозно раздававшихся между горами, солнце встало ясно, остались только густые туманы по горамъ. Мы съѣли по куску сыра и хлѣба, запили виномъ, и отправились въ путь въ половинѣ шестаго. Съ часъ шли мы лѣсомъ, потомъ голой отлогостью очень удобно, и такъ дошли подъ кончуръ (верхушку), мимо трехъ прегибъ. Съ послѣдней взглянулъ я опять на кончуръ, и повторилъ по крайней мѣрѣ въ 10-й разъ, что я не понимаю, какъ бы можно было добраться до верха. Онъ такъ крутъ, какъ только можетъ быть круто поставлена лѣстница,—и ничего кромѣ камня и снѣга. «Э, пойдемъ», сказали мнѣ товарищи, и мы начали карабкаться. Гакель шелъ впереди и указывалъ путь: это настоящая коза, бѣгаетъ, прыгаетъ съ камня на камень надъ пропастями, какъ со стула на стулъ, прокладываетъ дорогу по снѣгу, и одинъ только обремененъ ношею (онъ имѣлъ въ сумкѣ хлѣбъ, вино, сыръ, порохъ, пули) и ружьемъ. Мнѣ непривычному было тяжелѣе всѣхъ; въ иныхъ мѣстахъ я не зналъ какъ и ступить слѣдующій шагъ, за какой камень взяться рукой, куда переставить ногу, а ползти по снѣгу было и страшно и досадно: я того и ждалъ что скачусь въ пропасть. Эта исторія продолжалась болѣе часу, и я самъ не знаю, какъ я наконецъ очутился у памятника Саксонскому королю, бывшему тутъ за нѣсколько лѣтъ. Верхушка совершенно завалена снѣгомъ; только около памятника оттаялъ онъ, и еще намъ было мѣстечко въ квадратную сажень. Мы тутъ сѣли. Все вокругъ было закрыто густыми облаками тумана: мы были какъ будто въ небѣ, и такъ продолжалось отъ 10 до 11. Мы закусили, стали пить за здравіе всѣхъ кто намъ дорогъ, пѣть пѣсни. Между прочимъ мы пѣли одну патріотическую пѣсню Словенскую. При стихѣ «Мы стоиме стале певнѣ» мы встали и не успѣли пропѣть куплета, какъ подулъ сильный вѣтеръ, разогналъ туманы и мы увидѣли Татры подъ ногами, и далѣе Липтовскую столицу, Спишскую, часть Зволенской, Шаришской, Оравской, часть Галиціи до Кракова. Видъ великолѣпной. Татры покрыты еще всюду глубокимъ снѣгомъ. Снѣгъ этотъ стекаетъ въ долины и образуетъ плеса; ихъ видѣли мы съ Кривани 7. До полудня (2 часа) мы остались на вершинѣ, потомъ стали спускаться. Гакель выбралъ другую дорогу, съ другой стороны кончура, говоря, что тамъ будетъ легче спускаться. Я впрочемъ всетаки не понималъ, какъ спустимся, и признаюсь думалъ не воротиться живымъ. Все окончилось однако счастливо. Съ полчаса было мучительно, а потомъ, хоть и не легко, но я уже

привыкъ прыгать и дѣло пошло весело. Въ три часа мы были уже опять въ колибахъ. Краусъ не ходилъ на Кривань, а варилъ намъ мясо. Къ вечеру мы были въ Гибахъ, и тамъ остались на ночь. Намъ не хотѣли вѣрить, что мы были на Кривани, и самъ Гакель утверждаетъ, что мы первые, рѣшившіеся до Ивана (24 іюня) идти на Кривань; обыкновенно всходятъ въ августѣ и въ сентябрѣ, когда снѣгъ сойдетъ; тогда и дорожка на вершину открывается, и хоть тяжела, но далеко не то, что испытали мы. Усталости я не чувствую, но ноги выше колѣнъ болятъ. Кривань вышиною 7,600 футовъ. Только въ самомъ низу покрыта она лѣсомъ, далѣе до самаго кончура пологости покрыты травою, и послѣ косодревиной (Krumholz), на кончурѣ голый камень и мохъ.

20-е. Банская Быстрица.

Вчера былъ на Годжевой проповѣди: говорилъ о томъ, что значитъ человѣкъ строгій къ самому себѣ и другимъ, и говорилъ превосходно. Я и не думалъ, что онъ, мой милый Мишко, такой чудесный проповѣдникъ. Послѣ обѣда я сѣлъ и поѣхалъ далѣе. Жаль мнѣ было разставаться съ этою доброю милою парою. Онъ меланхоликъ, она веселая, онъ съ характеромъ твердымъ, она краснѣетъ съ каждымъ словомъ, и оба добры, милы, какъ нельзя болѣе.

Тутъ оканчиваю свое письмо и начинаю слѣдующее. Цѣлую ручку, милая маменька.

Вашъ вѣрный сынъ Измаилъ.

LXIV.

№ 54. Банская Быстрица, сирѣчь Neusohl. $\frac{8}{20}$ іюня 1842.

Вчера послѣ обѣда выѣхалъ изъ св. Микулаша, ночевалъ въ Осадѣ, а сегодня въ 4 часа былъ тутъ. Дорога отъ Ружомберка на югъ идетъ къ Осадѣ и далѣе до горы Штурца узкой долиной, по которой течетъ рѣчка Ревучанка; горы поросли смрѣками и елями, и отчасти бучиной, а кое гдѣ выдаются красивыми скалами. Штурецъ очень крутъ и довольно высокъ, но дорога прорублена очень хорошо кьярами (поворотами, зикзаками), такъ что переходъ черезъ нее съ экипажемъ продолжается два часа, между тѣмъ какъ пѣшкомъ по тропинкѣ легко можно пройдти въ часъ. Между деревьями поляны на нихъ пасутся овцы и козы, каждая съ звонкомъ; пастухи, кто сидитъ, кто ходитъ, кто поетъ, кто играетъ на флейточкѣ, кто хлопаетъ бичемъ, прислушиваетъ къ раскатамъ эхо. Передъ Осадой я видѣлъ вечернюю музыку, т. е. танцы, а сегодня въ Ревуцѣ сватьбу. Спустившись съ Турца, снова входишь въ узкую долину, подобную прежней, и ею доходишь почти до самой Быстрицы. Долина почти вся занята жилищами рудокоповъ и различными рудными домами. Въ лѣвѣ осталась Herrngrund, гдѣ есть цементная вода, претворяющая желѣзо въ мѣдь. Быстрица довольно хорошенькій городокъ съ 5—6000 жителей, центръ промышленности края. Площадь очень велика: на ней въ каждомъ домѣ корчма. Жители были прежде Нѣмцы, а теперь все ославянилось. Въ Быстрицѣ въ предмѣстіяхъ множество садовъ.—Тутъ я познакомился съ еванг. священникомъ Кузмани [1]), издателемъ журнала Гронки, ревностнымъ Славяниномъ, но боящимся Мадьяровъ. Съ нимъ посѣтилъ я доктора Ципсера [2]), члена нашей Академіи: болтунъ и едва-ли ученый человѣкъ, впрочемъ очень прилежный.

Полгора. 24-е іюня (Сахар. фабрика, гребли деревъ, Hütten).

21-го выѣхалъ я изъ Быстрицы въ Черною Леготу, гдѣ священникомъ

---

[1]) Карлъ Кузмани (1806—1866)—одинъ изъ наиболѣе почтенныхъ словенскихъ патріотовъ; впослѣдствіе проф. теологіи въ Вѣнскомъ университетѣ и супер-интендентъ Пресбургскаго округа; Кузмани много писалъ для народа и принималъ ревностное участіе въ его политическихъ дѣлахъ.

[2]) Christian Andreas Zipser 1783—1864)—естествоиспытатель, минералогъ и географъ.

Самко Халупка [1]), молодой, образованный человѣкъ, занимающійся собираніемъ народныхъ словъ и выраженій. Желая воспользоваться его собраніемъ, я остался на два дни и списалъ что мнѣ нужно было. Легота лежитъ въ сторонѣ отъ дороги, въ крошечной долинкѣ, такъ что ея не видно, пока не подойдешь очень близко. Кругомъ нагорныя поля и лѣса, а далѣе голы или голи, т. е. горы голыя, очень высокія, еще покрытыя кое-гдѣ снѣгомъ. Вчера намъ пѣли дѣвки Ивановскія пѣсни: «Ой Яне, Яне, ой Яне!» и «Дай, Боже, дай!» Сегодня утромъ мы поѣхали вмѣстѣ въ городъ Брезно, гдѣ священникомъ его братъ. Его не было дома; насъ приняла его жена, и я всетаки успѣлъ просмотрѣть его лексикальныя записки. Брезнянскій Халупка—извѣстный Слов. писатель-сатирикъ [2]). Онъ между прочимъ написалъ нѣсколько комедій о Коцурковѣ, вымышленномъ мѣстечкѣ, представивши въ нихъ со смѣшной стороны нравы шляхты и мѣщанства Словацкаго; а недавно кто-то выдалъ въ Лейпцигѣ его нѣмецкій романъ, въ которомъ осмѣяны Турчанскіе нравы и Мадьяризмъ. Онъ же былъ въ числѣ депутатовъ съ репрезентаціей въ Вѣнѣ. Брезно—небольшой городокъ съ большою площадью; послѣ пожара онъ хорошо выстраивается. Зволенцы — чипкари, т. е. дѣлаютъ и продаютъ чипки (кружева деревен.). Такъ всякая столица имѣетъ свой особенный промыселъ, иначе не могла бы и выжить.

29-е. Хижно въ Муранской долинѣ.

Изъ Полгоры я пріѣхалъ въ Тисовецъ, мѣстечко Гёмер. столицы въ Мал. Гонтѣ. Дорога идетъ черезъ гору въ долину, очень романическая и премерзкая: мѣста принадлежатъ коморѣ (казнѣ), но она не хочетъ поправлять ее, а столица тоже не хочетъ. Тисовецъ лежитъ между огромными горами—Градовой и Черемошной; очень крошечное мѣстечко, но по малу обстраивается. Тутъ священникомъ суперинтендентъ (епископъ евангелическій) Іозефи [3]), ходившій вмѣстѣ съ Годжею [4]), Халупкой и Ференчикомъ [5]) съ репрезентаціей въ Вѣну, старикъ почтенной. Я сложилъ свои вещи въ постояломъ дворѣ, но, пошедши къ нему, остался тамъ и ночевать и все время проводилъ у него.

---

[1]) Само Халупка (род. 1812)—одинъ изъ патріотическихъ поэтовъ словенскихъ; собраніе стихотвореній его (Spevy Sama Chalúpky) было издано въ Банской Быстрицѣ въ 1868 г.

[2]) Янъ Халупка (род. 1791).

[3]) Павелъ Іозефи.

[4]) См. выше. стр. 287.

[5]) Сам. Ферьенчикъ (1793—1855)—почтенный словенскій патріотъ, другъ Коллара.

Онъ и старушка жена приняли меня какъ сына. Къ ужину пріѣхалъ и Брезнянскій Халупка, и мы болтали съ нимъ до часу по полночи. Разговоръ его блещетъ остроуміемъ. На другой день я былъ на екзаменѣ въ сельской школѣ и потомъ поѣхалъ съ капеланомъ Іозефи Скультетымъ (съ которымъ познакомился еще въ Моравіи) въ Римавскую долину къ Брезновскому свящ. Босому, человѣку ученому, сдѣлавшемуся на старость поэтомъ [1]). Онъ переводитъ Шекспира (Гамлета, Макбета, Веронскихъ господъ и т. д.) и пишетъ оригинальную поэму «Волоской Орѣхъ». Къ сожалѣнію, какъ стилистъ, онъ большой педантъ и безъ нужды мѣшаетъ нарѣчія. На ночь опять къ Іозефи. На другой день былъ въ обѣдни; церковь очень большая и прекрасно, хоть и просто, украшенная; это лучшая изъ евангелич. церквей, мною видѣнныхъ въ Венгріи. Послѣ обѣда пошелъ съ Скультетымъ въ Пилу къ свящ. Лучеку, собирающему старыя книги, и тамъ остался на ночь. На утро заѣзжали мы въ Тисовецъ къ Іозефи, собиравшемуся въ Пештъ съ женою, простились съ ними и поѣхали въ Муранскую долину. Она начинается у подножія Муранскаго замка. Изъ Подмурани до него на верхъ горы два часа ходьбы и довольно круто. Замокъ былъ очень великъ, но развалины уже очень развалились; видъ на окрестныя скалы и Муранскую долину очаровательный; она видна вся до двухъ послѣднихъ горъ, наз. Сестрами, за мѣстечкомъ Ельшавой (на каждой былъ замокъ, и съ одного въ другой протянутъ былъ, говоритъ преданіе, ременной мостъ; теперь и развалинъ нѣтъ). Въ тотъ же день мы поѣхали далѣе по Муранской долинѣ сначала въ мѣстечко Ревуцу, гдѣ я познакомился со свящ. Рейсомъ [2]), ученымъ человѣкомъ, сообщившимъ мнѣ любопытныя извѣстія о древностяхъ края, а потомъ въ деревню Хижно къ свящ. Томашику, хорошо знающему Гемерскіе обычаи [3]). Переночевавши, Лучекъ поѣхалъ вчера домой, а я послѣ обѣда ѣздилъ съ Томашикомъ въ Ельшаву къ свящ. Ференчику. Въ Ельшавѣ была когда-то православная церковь, и вообще въ этомъ краѣ были можетъ быть еще за 150 лѣтъ (православные); но теперь остается одно преданіе. Сегодня остаюсь на цѣлой день въ Хижномъ распрашивать Томашика.

30-е. Тельгартъ.

Деревня горная на высотѣ какихъ нибудь 4,000 футовъ, у подножія Краловой голы (голами въ Татрахъ называются горы голыя, покрытыя

---

1) Михаилъ Босый (Bosy).
2) Самуилъ Рейсъ (Reisz).
3) Самуилъ Томашикъ (род. 1813)—одинъ изъ патріотовъ словенскихъ, авторъ многихъ пѣсенъ (между прочимъ «Hej Slovácі»), стихотвореній и повѣстей.

на вершинѣ травою; другія называются горами и покрыты лѣсомъ, такъ что гора=лѣсъ на горѣ, а гора вообще=верхъ). Истокъ Грона очень близко: Тутъ живутъ Словаки, но Греко-Уніатской вѣры, равно какъ и въ Шумящей и Вернгрѣ (всего въ этихъ трехъ приходахъ около 4,700). Прежде были протестантами. Служба на старо-Славянскомъ. Рожь уже тутъ не ростетъ: жители питаются картофлями и овсянымъ хлѣбомъ. Всѣ они у верховій Грона по преимуществу называются Гронцами и считаются молодцами. Есть между ними и удальцы—збойники, особенно (или исключительно) изъ Валаховъ, т. е. горныхъ пастуховъ. Дорога изъ Муранской долины сюда черезъ лѣсъ (4 часа) черезъ гору Яворину: на гору высоко, съ горы мало. Со священникомъ здѣшнимъ ходилъ въ церковь: все какъ у насъ, впрочемъ скамьи по цѣлой церкви и подъ ризой у священника альба длинная, да кромѣ того въ церковной службѣ простой народъ весь постъ молитвы, даже «Иже херувимы».

Іюля 1-е. Грановница.

Это уже въ Спишской столицѣ (Zipser Comitat). Я остановился тутъ кормить лошадей и себя. Отъ Тельгарта до Вернара 2 часа черезъ гору и лѣсъ. Мѣсто страшное въ преданіи; впрочемъ, мы прошли благополучно, не видавши никого, кто бы похожъ былъ хоть сколько нибудь на разбойника. По дорогѣ встрѣчались только угольщики съ углями, возы съ рудою и фурманы. Какъ бы то ни было, захолустье захолустьемъ, лѣса еще не видавшіе топора, скалы, знакомыя только медвѣдямъ и волкамъ. За Вернаромъ спустились въ долину, по которой течетъ потокъ, впадающій въ Попрадь. То же запустѣнье, та же дичь природы, впрочемъ, уже какъ-то веселѣе.

Іюля 1-е же. Шмекъ.

Изъ Грановницы я выѣхалъ въ полдень, сюда пріѣхалъ въ 4. Ну, какъ-же напр. было не подумать о васъ, милая маменька, и о моихъ друзьяхъ, когда Татры отъ Кривани до Ломницы раскрылись передъ глазами со своими сѣро-бѣлыми скало-снѣжными вершинами. Внизу долина, по которой течетъ Попрадь, широкая, холмистая безлѣсная, но покрытая вся ралями; прямо передъ глазами Татры, кругомъ другія горы, какъ дѣти вокругъ гигантовъ. До ихъ подножія по ширинѣ долины добрыхъ три часа ѣзды; а онѣ кажутся въ полуверстѣ. Я любовался и звалъ въ душѣ къ себѣ всѣхъ, которые провожали меня изъ Харькова. Долина Попрадская почти вся, исключая

концовъ, населена Нѣмцами. На половинѣ моего пути лежалъ городокъ Попрадь съ 2 церквами, небольшой и нечистой; за нимъ еще два и потомъ еще одна деревня. Дорога очень дурная. Шмексъ—купель съ желѣз. водами; нѣсколько дрянныхъ домиковъ по опушкѣ лѣса, а надъ ними возвышается Плѣшивая и Ломница (на востокъ). Поѣвши земляники и взявши проводника, я пошелъ—куда—скажу завтра, а сегодня спать.

Іюля 2-е, 3-е. Левоча (Leutschau).

Вчера не случилось писать; а сегодня уже опять я далеко отъ вершинъ Татранскихъ. Шпицъ Ломницкій считается высшимъ, но теперь онъ за снѣгами еще неприступенъ. Подлѣ него къ западу другой шпицъ, наз. Плѣшивая или Ширая, почти такой же высокой, но пологой, по крайней мѣрѣ не такъ крутой, какъ Ломница, Кривань или Стрѣла (на западъ отъ Плѣшивой,—до самой вершины всегда неприступный). Я рѣшился взойдти на Плѣшивую. 3 1/2 часа взбирались мы на верхъ, пришли туда передъ захожденіемъ солнца, полюбовались картиной, и еще до 11-ти были дома. Солнце зашло чудесно: оно разбилось объ остріе не знаю какой-то далекой Липтовской вершины, покрывъ всѣ другія розовымъ блескомъ, а по долинамъ лягли тяжелыя полосы тѣни, отрисовавъ собою каждую гору, каждый холмикъ. По вершинѣ Плѣшивой ходить можно свободно, съ одной только стороны утесъ и пропасть. Надъ нею сѣли мы, оборотившись къ солнцу задомъ и глядѣли на Ломницу и пропасти вокругъ нея. Проводникъ держалъ меня крѣпко: я не боялся. Вчера утромъ я поднялся въ 4 часа и снова въ путь къ подножію Ломницы, къ водопадамъ, образуемыхъ Кольбахомъ. Водопады хороши, красивы, но не высоки: самой большой не выше 11—12 саженъ; впрочемъ весь Кнольбахъ (s.), пока стекаетъ со скалъ, можно назвать однимъ водопадомъ; вся эта прогулка, продолжалась съ небольшимъ три часа. Воротившись, я сѣлъ въ свою кибитку, и поѣхалъ внизъ, въ Кежмарокъ—Нѣмецкой городокъ съ лицеемъ. Я ожидалъ отъ него болѣе: малъ и такъ-сякъ. Тутъ я посѣтилъ профессора Бенедикта, бывшаго когда-то пріятелемъ Шафарика и Колара и теперь совершенно омадьяреннаго. Оттуда въ Левочу.

Левоча—порядочной городокъ; стоитъ на горкѣ, какъ наша Холодная или немного выше, кругомъ долинка и за нею горы выше и выше. Площадь очень велика и хорошо обстроена, столичный домъ очень великъ и недурно выстроенъ. На площади стоятъ двѣ церкви: католическая и евангелическая. Первая велика и оригинально украшена алтарями въ родѣ нашихъ

складней, только огромными съ готическими верхушками; все красиво вырѣзано изъ дерева. Евангелическая также велика, построена въ 1837, и красива, впрочемъ, Нѣмецкая (вообще Левоча болѣе Нѣмецкой городъ). На площади же стоитъ и ратуша, построенная въ старо-Нѣмецкомъ вкусѣ. Въ Спишской столицѣ Нѣмцевъ много; однихъ городовъ 16. Вчера еще я былъ у Томашика, ректора здѣшняго Евангелич. лицея [1]). Сегодня были вмѣстѣ у Главачка [2]), профессора и вмѣстѣ пастора, который извѣстенъ въ цѣлой Венгріи какъ опаснѣйшій Руссоманъ. Обѣдали у Томашика. Потомъ были въ такъ называемомъ Volksgarten, небольшомъ саду подъ городомъ, гдѣ собралось почти все Левочское общество. Вечеромъ въ Касино, гдѣ можно читать журналы, играть въ карты и на бильярдѣ, курить и ѣсть; мебель очень дурная. Вчера и сегодня по обычаю католическому были дни отпущенія; народъ со знаменами ходилъ процессіей на одну изъ горъ (Кальварію); вмѣстѣ съ образами несено было множество разукрашенныхъ статуй Маріи и разныхъ святыхъ. Дѣвушки носятъ тутъ красивые порты (вѣнцы) и вѣнцы (діадемы изъ стекляруса и блестокъ), а младенцы—шляпы со множествомъ цвѣтовъ и перьями.

7-е. Прешовъ (Eperies).

Это главный городъ въ Шаришской столицѣ. Сюда пріѣхалъ я вчера вечеромъ вмѣстѣ съ Томашикомъ. Дорога лежитъ черезъ городокъ Kirchdrauf, довольно порядочный, принадлежащій также къ 16 Спишскимъ городамъ. За Корытной мы поднялись на гору и потомъ спустились въ Шаришскую столицу. Въ этой есть замѣчательный ручей: съ шумомъ втекаетъ онъ въ гору, течетъ подъ нею и, вытекая изъ подъ нея недалеко отъ Корытной, уже такъ великъ, что приводитъ въ движеніе мельницу. Въ Епеpіесѣ мы остановились у профессора Фукса: онъ братъ жены Томашика и въ отвѣтъ на мою просьбу отыскать мнѣ квартиру убѣдилъ меня остаться у него, и уступилъ мнѣ свой кабинетъ. Миленькая жена его—дочь ректора академіи Муняя, къ которому изъ св. Микулаша посланы были мои вещи. Они уже ждали меня. Фуксъ—Нѣмецъ; тѣмъ для меня изумительнѣе его обязательный пріемъ. Вчера собрались тучи, а сегодня съ утра пошелъ обложной дождь; поэтому я городъ еще мало видѣлъ. Сколько видѣлъ, думаю, что онъ гораздо лучше Левочи. Онъ расположенъ въ прекрасной большой долинѣ, по которой течетъ

---

[1]) Янъ-Павелъ Томашикъ (род. 1820)—братъ Самуила Томашика.
[2]) Мих. Главачекъ (Hlavaček).

Ториса. Площадь очень велика и длинна, хорошо обстроена. Вчера мы видѣли передъ каждымъ домомъ на лавочкахъ сидящихъ дамъ съ работою: это обычай не только тутъ, но и въ Левочѣ и особенно въ Кожмаркѣ; день работаютъ дома, а на вечеръ на улицу. Это мнѣ очень нравится.

8-е.

Уже давно говорятъ, т. е. говорили о затмѣніи солнца, ожидая его съ нетерпѣніемъ. Наконецъ 8-е іюля наступило. Я проснулся рано, и прямо къ окошку, чтобы посмотрѣть, свѣтло ли, пасмурно ли небо. Было пасмурно. Послѣ 6-ти стало темнѣть. Я вышелъ въ корридоръ посмотрѣть на солнце: половина была за мѣсяцемъ. Мы завтракали, потомъ пошли въ библіотеку: къ 7-ми солнце покрылось совершенно мѣсяцемъ и ушло совершенно въ тучи; было такъ темно, что можно было подумать, что солнце взойдетъ еще часа черезъ три. На площади былъ базаръ, люди испугались, стали падать на колѣни, а иные побѣжали въ церковь, говоря: что это сталося, что солнце такъ захворало. Быстро но постепенно свѣтлѣло и къ 8 было совершенно свѣтло. Надъ звѣрями я ничего не замѣтилъ: лошади спокойно везли или стояли, собаки не подали ни малѣйшаго голоса.—Обѣдалъ сегодня у Муняя.

10-е. Еиральтовца.

Вчера, пообѣдавши, я простился съ добрымъ Фуксомъ и поѣхалъ далѣе по Шаришской столицѣ. Она вся, какъ и южная часть Спишской, покрыта небольшими горами, между которыми разлегаются долины. Лѣсовъ уже не такъ много, какъ на западѣ, деревни меньше и бѣднѣе. Протестантовъ также меньше; я впрочемъ все еще нахожу знакомыхъ пасторовъ. Въ $1^1/_2$ часа отъ Пряшова я заѣхалъ въ Комлошъ. Бѣдненькая фара (домъ священника) похожа на избушку. Фарарь, молодой человѣкъ, живетъ съ маленькимъ братомъ и сестрою почти въ одной комнатѣ. Къ вечеру пріѣхалъ я сюда: здѣшній фарарь, Гловикъ, есть вмѣстѣ и сеніоръ. Фара тоже бѣдная и полна народу: у него три сына, три дочери, еще чужой ученикъ, двѣ няньки, жена. Все это помѣщается въ двухъ комнаткахъ. Мы поужинали супу, яичницы и галушекъ; и послѣ ужина весь полъ покрылся постелями. Днемъ эти постели поддвигаются подъ другія постели, и становится нѣсколько просторнѣе. Пасторъ—человѣкъ въ лѣтахъ, довольно образованный и очень доброй. Жена его—простая, но добрая женщина. Мы встали сегодня въ 5 часовъ и гуляли;

потомъ завтракали жинчицу (овечная молочная вода, остающаяся отъ сыра) и хлѣбъ съ масломъ. Кофій у меня есть, но я не смѣлъ предложить, чтобъ не обидѣть.

Унгваръ. 13-е іюля.

Третьяго дни рано возъ былъ готовъ, вещи уложены, я сѣлъ и поѣхалъ въ Земянскую или Земплинскую столицу. Вмѣстѣ со мною выпросился ѣхать садовникъ, родомъ Мадьяръ, молодой, очень добрый человѣкъ. Первая станція была въ Кладзанахъ. Тутъ священникомъ братъ Гловика. Онъ былъ въ полѣ; меня приняла его жена, прекрасная, довольно образованная женщина, послала за мужемъ, и между тѣмъ накормила меня кислымъ молокомъ и чернымъ кофіемъ. Къ 5 часамъ воротился и мужъ и упросилъ меня остаться на ночь, говоря что на дорогѣ я не достану хорошей квартиры въ жидовской корчмѣ. Передъ ужиномъ мы ходили въ ближній лѣсъ поглядѣть на могилы. Тутъ ихъ вообще не мало, и чѣмъ дальше къ Галиціи, тѣмъ больше. Съ горы видѣли мы вершину горы Вигорляца или Вихорлата, на которой находится очень большое озеро. Это самая высокая гора въ Земплинской столицѣ. Горы тутъ уже примѣтно унизились, съ холмовъ видна уже обширная равнина, идущая къ самой Сербіи и Кроаціи. Лѣсу гораздо меньше, ручьи текутъ тихо, попадаются и болота и пески. Рожь уже жнутъ, между тѣмъ какъ за 2 часа выше въ горахъ она еще совершенно зелена. Не только деревни, но и мѣстечки совершенно закрыты деревьями, между которыми часто попадается грѣцкій орѣхъ. Вчера мы ѣхали цѣлый день отъ половины 6-го до половины 9-го. Въ Поздишовцахъ я хотѣлъ было посѣтить священника, но не засталъ дома. За Михайловцами, жидовскимъ мѣстечкомъ, мы переѣхали изъ Земянской столицы въ Унгварскую. Въ Лучкахъ я заходилъ къ кальвинскому попу и съ большимъ трудомъ выпросилъ у него, т. е. купилъ молитвенную Словацкую кальвинскую книгу. Если бы не мадьяризмъ, которому привержены кальвинскіе священники, то я бы конечно не досталъ: Словацкихъ книгъ кальвинскихъ печатать уже не позволено; бѣдный народъ, незнающій ни слова по Мадьярски, долженъ пѣть въ церкви Мадьярскія пѣсни; не мудрено, что онъ ненавидитъ школу и не посылаетъ въ нее дѣтей. Домъ священника—бѣдная хижина. Я заходилъ и въ церковь. Внутри она похожа болѣе на школу нежели на храмъ. Кругомъ a) лавки; съ боку кафедра; въ серединѣ c) столъ покрытый сукномъ и на немъ крестильная чаша, закрытая платкомъ. Тайны освящаются только, когда кто хочетъ причаститься, и то все разомъ готово. Служба бываетъ каждый день два раза; то-есть поютъ

пѣсни; а по воскресеньямъ бываютъ проповѣди. Въ церкви нѣтъ ни образка, ни креста, ни свѣчки, ни органа.—По дорогѣ къ Унгвару мы спускались и поднимались по холмамъ, и болѣе спускались; видѣли довольно сжатыхъ полей, и нѣсколько виноградниковъ. Унгваръ порядочный городокъ весь закрытъ садами. Постоялой дворъ у Короны очень порядочной; комнаты въ чистотѣ и все въ порядкѣ.

Вечеръ. Утромъ, не заставши уніатскаго епископа Василія Поповича дома, просидѣлъ дома. Послѣ обѣда въ 4-ъ часу опять пошелъ къ нему и только что воротился. Человѣкъ довольно молодой, прекрасный въ обращеніи, довольно просвѣщенный, и, какъ я уже давно слышалъ, очень добрый. Показавши свою домашнюю библіотеку, онъ повелъ меня въ епископскую, гдѣ есть довольно старопечатныхъ книгъ, а потомъ въ замокъ, гдѣ помѣщается семинарія. Тутъ онъ меня познакомилъ съ ректоромъ, профессорами, студентами-клериками, когда они ужинали, и съ библіотекой, гдѣ нашлась и пергаминовая рукопись. Вообще онъ большой Славолюбъ, и не хотѣлъ со мною иначе говорить, какъ по Русски. Одѣтъ онъ и всѣ его окружающіе по католически, въ реверендахъ съ крошечными скуфеечками на головахъ; бородъ не носятъ. Это впрочемъ стало уже въ недавнее время, а прежде все носило бороды. Въ семинаріи живетъ 60 учениковъ, а еще нѣсколько по домамъ. Есть и сиротскій домъ за священническихъ сиротъ.—Я хотѣлъ-было завтра ѣхать изъ Унгвара, но епископъ убѣдилъ меня остаться, пригласивши завтра на обѣдъ. Унгваръ (Унг-Варъ, варъ значитъ по Венгерски крѣпость) называется по рѣкѣ Унгу или Угу, текущему мимо его и по всей столицѣ.

14-е.

Унгваръ вовсе не порядочной, а обыкновенной нашъ уѣздный городъ, впрочемъ не малъ. Обѣдалъ я у епископа. За обѣдомъ была и старушка мать его, говорящая только по Русняцки, т. е. по Малорусски; а потому и все говорило по Малорусски. Уже и въ Земянской столицѣ есть Русняки, а тутъ въ Унгварской, они составляютъ главную часть народонаселенія, равно какъ и въ Угочской, Берегской и Мармарошской. Послѣ обѣда мнѣ показывали сакристію и въ ней епископскія одежды: очень богатыхъ нѣтъ. Далѣе ходилъ я къ Лучкаю [1]), издателю Русняцкой грамматики, приходскому священнику. Онъ теперь пишетъ исторію Мукачевской епархіи. Настоящій хохолъ.

---

[1]) Mich. Lutckay (ум. 1843 г.) извѣстенъ, какъ первый издатель народныхъ русняцкихъ пѣсень (въ его грамматикѣ въ 1830 г. напечатаны четыре пѣсни).

Нѣсколько лѣтъ онъ былъ священникомъ у герцога Лукскаго, въ то время когда герцогъ, питая надежду сдѣлаться королемъ Греческимъ, хотѣлъ познакомиться съ религіей Греческой.

15-е. Мукачовъ.

Въ 5 часовъ утра я выѣхалъ изъ Унгвара и пріѣхалъ сюда въ половинѣ 12. Мукачовъ или Мункачь лежитъ уже въ Бережской столицѣ; маленькой городокъ. Жиды на каждомъ шагу; простой народъ говоритъ по Русняцки и отчасти по Венгерски. На сѣверо-западѣ отъ города въ 1/4 часа, на полугорѣ окруженный виноградниками и садами лежитъ Русняцкій монастырь, прекрасно, можно сказать, богато построенный; далѣе за нимъ тянутся горы выше и выше, сливаясь съ небомъ. Монахи носятъ бороды, но не усы, и узкія рясы съ францисканскими видлогами. На юго-западъ отъ Мукачова въ 1/2 часѣ, на отдѣльной горѣ, возвышающейся середи безконечной равнины, стоитъ замокъ, обращенный теперь въ тюремный, гдѣ содержатся важнѣйшіе преступники государственные. Есть колодезь чрезвычайно глубокой. Видъ съ замка на равнину очень хорошъ. Я стою тутъ у жида въ постояломъ дворѣ и имѣю превосходную комнату, очень чистую, мило меблированную. Между украшеніями есть и самоваръ. Хозяйка замѣтила, что я утомленъ, и предложила напиться чаю (а не тее, какъ тутъ обыкновенно называютъ), еще и Русскаго чаю. Не знаю, каковъ то будетъ.

16-е. Верецка.

Чай былъ не дуренъ, приготовленъ съ ромомъ, за то и заплатилъ за стаканъ 36 крейцоровъ, сирѣчь 54 коп. Теперь жду опять чаю, т. е. воды, и самъ хочу себѣ приготовить чаю, но вода что-то нейдетъ. Комната моя ужасно нечиста; постели не получу, а буду спать на сѣнѣ, еще самъ не знаю, чѣмъ покроюсь и какъ буду сражаться съ блохами. Я уже близъ границъ Галиціи, и оставляю Венгрію. Пора. Остается два мѣсяца путешествовать, а надобно побывать и въ Галиціи и въ Польшѣ. Впрочемъ скорѣе бы домой. Ужъ такъ хочется къ вамъ, что иногда, какъ напр. и сегодня, становится такъ грустно, что хоть плакать.

ГАЛИЦІЯ.

17 іюля. Сколе.

Я тутъ остаюсь ночевать, потому что до Стрыя еще пять миль, лошади утомлены и пришлось бы ночевать на одной постели съ жидомъ, если не подъ лавкой. Изъ Верецкой выбрался я сегодня нѣсколько поздо, въ 6 часовъ, заснулъ передъ утромъ, потому что въ жидовской подушкѣ было по крайней мѣрѣ 10000 блохъ, а изъ жидовской комнаты слышалось пѣнье молитвы. Вчера у нихъ былъ шабашъ, а сегодня праздникъ и постъ Тишебафъ (9-й день) мѣсяца Офа, къ которому жиды имѣютъ обыкновеніе приготовляться строгою молитвою. Блохи меня мучили, а пѣнье было очень печально. Какъ сравнишь это пѣнье съ христіанскимъ сельскимъ, то станешь слушать съ непріятнымъ чувствомъ, и притомъ благочестіе, лишь бы было искреннимъ, хорошо во всякой формѣ; но эти блохи жидовскія, эта подушка, пропахнувшая саломъ разныхъ столѣтій, вонявшимъ изъ подъ двухъ полотенецъ, которыми я закуталъ ее, и притомъ ихъ безнравственное обхожденіе съ христіянами, безжалостные обманы надъ бѣдными мужиками.... Думалъ я, думалъ, вертѣлся, вертѣлся и заснулъ когда уже пастухъ затрубилъ въ рогъ. Вереска считается мѣстечкомъ, а сама по себѣ предрянная деревня съ деревянной церковью. Тутъ Венгерская таможня: въ ней визировали мой паспортъ. Далѣе подниматься мы стали на гору, и поднимались часа два. Я шелъ пѣшкомъ и собиралъ землянику. Тутъ ея еще пропасть, а въ Мункачовѣ уже давно нѣтъ. Дорога дурна: въ иныхъ мѣстахъ очень крута, въ другихъ идетъ ненужными поворотами; впрочемъ дѣлается уже новая. За 7 лѣтъ была несравненно худшая. На границѣ жидовской домъ. Тутъ видны во всѣ стороны Бескиды или Бещадъ. Такъ называются въ народѣ восточные Карпаты. Вершины ихъ голы, скалы видны рѣдко. Несчастные Русняки должны тутъ подниматься не только съ плугомъ, но и съ жилищами очень высоко, и озимины вовсе не сѣютъ. Деревеньки ихъ состоятъ изъ разбросанныхъ маленькихъ немазанныхъ домовъ. Отъ границы спускъ съ горы уже по Галицкой дорогѣ, прекрасно сдѣланной съ мильными и четверть-мильными столбами. Эта гора называется Перекатъ великій. Подъ горою крошечная деревенька Клинецъ и въ ней Галицкая таможня. Паспортъ мой былъ опять визированъ, но вещей не осматривали. Уходя въ канцелярію, я оставилъ дозорщику ключи отъ чамодана и мѣшка, а онъ передалъ ихъ кучеру говоря: «вѣрно ничего нѣтъ запрещеннаго, другой бы не былъ такъ унженирть». Воротившись къ повозкѣ, я получилъ отъ него титулы Милости и Доктора и счастливый путь.

Жидъ, собиравшій дорожныя деньги (это цольны госьцинѣць), взявши съ меня 12 крейц. серебр., повторилъ тоже. Отъ границы до Сколе 6 миль, и я заплатилъ уже за дорогу 33 кр. сереб. за три лошади, около 1,20 коп., слѣд. почти по копѣйкѣ съ лошади за версту. Въ Тухолкѣ мы кормили, и я накормился яицами въ смятку и кислымъ молокомъ. Жиды не даютъ ничего больше, потому что сами постятъ. По дорогѣ встрѣчалось много Русняковъ и Руснячекъ; сегодня воскресенье, но одѣты всѣ бѣдно; лица очень красивыя. Одной Русняцкой дѣвушкѣ я далъ кольцо за нѣсколько пѣсенъ, которыя она мнѣ продиктовала. Она полюбовалась, вздѣвши на палецъ, а потомъ спросила, что онъ стоитъ. Пять дудо̀къ (грошей) чишто, отвѣчалъ я. «Такъ озьмить перстень, та дайте мини гроши, бо у мене мати стара́, хлі̂ба нема́: пі̂йду до мі̂ста, куплю і̂й хлиба». Я далъ ей серебр. грошъ (три крейц.) и оставилъ кольцо. «Панъ Бигъ вамъ воздай! Отъ такъ быхъ мушила вамъ, милостивый панцику, ці̂лый день спі̂вати», и насильно поцѣловала мнѣ руку. Потомъ улыбнулась, пригладила волосы и стала диктовать еще одну пѣсню. «Мати моя, мати, колижъ бы си знала, где то я ходила, зъ кимъ я розмовляла» etc. — Сколе дрянной городишко, полный Жидовъ. Лежитъ въ долинѣ между горами.

18-е. Стрый.

Главный городокъ Стрыйскаго края. Горы уже чуть-чуть видны вдали; а тутъ кругомъ равнина, какъ за Мункачевымъ на югъ. Часть дороги сюда шла по берегу рѣки Стрыя, текущаго и тутъ у города: рѣка не глубокая, не широкая, но шумная и быстрая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она бѣжитъ по камнямъ, въ другихъ обливаетъ собою островки. Стрый городъ жидовской. Лишь только я въѣхалъ, меня окружили они, и давай распрашивать, куда я ѣду, нужна ли Gelegenheit, нужна ли квартира; рвутъ и вправо, рвутъ и влѣво, и дерутся между собою. Простой народъ одѣтъ уже лучше, чище, красивѣе. Въ городѣ 2 церкви; улицы широкія, есть между домами очень хорошенькіе, нѣсколько новыхъ каменныхъ. Впрочемъ Жидовъ такъ мало, что уже скучно. Жиды носятъ тутъ пейсики и длинные кафтаны; между тѣмъ какъ въ Венгріи ихъ надобно отличать по физіономіямъ.

Хламберхъ: корчма въ $7^1/_4$ миляхъ отъ Стрыя,
въ $1^3/_4$ мили отъ Львова.

Мои исторіи съ Жидами кончились благополучно: я нанялъ одного изъ фурмановъ за 10 гульд. . . . . =4 серб. (около 10 руб.) на 9 миль,

т. е. до Львова. Могъ бы и желалъ быть еще сегодня тамъ, но не случилось: сначала остановили безконечныя «кхебнси мир нох ствас» (дайте еще что-нибудь), потомъ градъ, потомъ дождь. Жидъ, или лучше сказать Жиды (потому что ихъ 2 кромѣ присѣдающихъ) везутъ, впрочемъ, хорошо: лошади здоровыя, большія, будка (такъ тутъ и называется), хоть и велика, такъ что я въ ней лежу, но легка на ходу. За 7 съ небольшимъ часовъ 7 съ небольшимъ миль, т. е. около 45 верстъ съ тремя большими остановками и множествомъ малыхъ: куда ни шло. Первый разъ мы останавливались въ корчмѣ на 4-ой милѣ, у берега Днѣстра. Тутъ кругомъ его луга, есть мѣсто, гдѣ ему разливаться; впрочемъ онъ тутъ еще не годенъ въ братья Днѣпру и Дону. Въ Миколаевѣ есть два прекрасныхъ заѣздныхъ дома. Далѣе дорога идетъ съ холма на холмъ, и въ лѣсъ. Ѣхавши имъ, я любовался на свѣтящихся жучковъ: во множествѣ они лежали по дорогѣ и между кустарниками, какъ звѣздочки. А теперь я слушаю завыванья Жидовъ, вышедшихъ на середину дороги молиться. Каждый поетъ своимъ голосомъ, а одинъ жужжитъ, жужжитъ да такъ вдругъ завоетъ, что, кажется, его рѣжутъ, и опять зажужжитъ. Слушаю и съ ужасомъ думаю о постели: я еще не легъ, а уже меня обдали блохи какъ варомъ. Комната что казывается экстра циммеръ, но скорѣе похожа на хлѣвъ.

Львовъ.

Пріѣхавши въ Лембергъ, я остановился въ Hôtel de Russie и пошелъ искать Зана [1]), литератора Чешскаго, здѣсь служащаго, и, отыскавши его, пошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ одному изъ южно-русскихъ литераторовъ, а потомъ къ нему и далѣе гулять. Городъ Лембергъ не можетъ не понравиться, особенно послѣ городковъ, которые до сихъ поръ видѣлъ такъ долго. Онъ прекрасно и чисто построенъ, архитектурою похожъ на Пештъ и Тріестъ: улицы широкія прямыя, множество церквей... На мѣстѣ, гдѣ былъ прежде валъ, теперь сдѣланы гульбища, усаженныя тѣнистыми деревьями. Польскій языкъ есть господствующій: по Нѣмецки говорятъ Жиды и Нѣмецкіе чиновники; по южно-Русски простой народъ, приходящій изъ селъ. Жидовъ впрочемъ множество. При самомъ въѣздѣ въ Hôtel они облепили меня, поминутно заходили въ мою комнату съ различными предложеніями и продолжаютъ свои посѣщенія ежедневно. На другой день я былъ въ театрѣ: играли 2 комедійки на Польскомъ языкѣ, и играли прекрасно, особенно Новаковскій. Самое театральное зданіе, построенное графомъ Скарбкомъ, есть одно изъ лучшихъ въ цѣлой Австрійской имперіи:

---

[1]) Карлъ-Владиславъ Занъ (1812—1870).

театръ въ серединѣ, кругомъ огромный четвероуголъ въ 3 этажа для лавокъ и приватныхъ квартиръ. Скарбекъ построилъ съ тѣмъ, чтобы 50 лѣтъ пользоваться самому, а потомъ передать городу. Зданіе библіотеки Оссолинскихъ также отстраивается. Въ ней я былъ съ Росцишевскимъ изъ Росцишева, галицкимъ дворяниномъ, Полякомъ, старикомъ и чудакомъ, который, узнавши, что я его хочу посѣтить, самъ пришелъ ко мнѣ, и никакъ не позволяетъ мнѣ прійдти къ себѣ. Посѣщаетъ онъ меня каждодневно, и, признаюсь, ужъ наскучилъ: мѣшаетъ работать и болтаетъ безтолково и безъ конца. Изъ литераторовъ польскихъ я познакомился съ старикомъ Коминскимъ [1]), образователемъ Львовскаго театра, написавшимъ въ послѣднее время комедію Krakowiacy, Górule (2-ая часть), на которой я былъ въ театрѣ. Комедія не дурна, но пѣсни, но музыка—ужасныя: Итальянскіе мотивы Татранскому горцу также пристали, какъ коровѣ сѣдло. Другой литераторъ Польскій, съ которымъ я познакомился есть Бѣлевскій [2]), редакторъ журнала модъ; занимается и исторіей. Поля [3]), издавшаго чужое собраніе пѣсень, нѣтъ. Залѣсскій [4]), издавшій также пѣсни, сдѣлался совершеннымъ чиновникомъ, и о пѣсняхъ и литературѣ, о Славянизмѣ и народности и слушать не хочетъ. Изъ русскихъ литераторовъ познакомился съ Вагилевичемъ [5]), Головацкимъ [6]), Зубрицкимъ [7]) и Левицкимъ [8]). Вагилевичъ помѣшался на томъ, что въ него влюбляются. Головацкій много путешествовалъ. Зубрицкій много сбиралъ историческихъ матеріаловъ, Левицкій плохой грамотѣй, хоть и написалъ граматику. Познакомился и съ другимъ Левицкимъ, каноникомъ, цензоромъ книгъ. Видалъ и Русскія книги, видалъ и Снѣпъ. Ну ужъ правописаніе. Основьяненка читаютъ съ восторгомъ. Видалъ и Москвитянина. Условился съ Миликовскимъ о пересылкѣ книгъ.—Былъ на высокомъ замкѣ съ котораго прекрасный видъ на Львовъ, растилающійся подъ нимъ: теперь нѣтъ почти слѣдовъ замка князей Львовскихъ. Былъ въ Ставропигіальномъ архивѣ: есть любопытныя рукописи. Кое-что нашелъ и въ уніатскомъ монастырѣ. Каждый день имѣлъ что нибудь для работы — и такъ прожилось 10 дней.

---

[1]) Янъ-Непомукъ Каминьскій (1778—1855)—директоръ львовскаго театра.

[2]) Августъ Бѣлевскій (1806—1876), извѣстный своимъ изданіемъ Historica Poloniae monumenta.

[3]) Żegota Pauli (Род. въ 1814).

[4]) Вацлавъ Залѣсскій, извѣстный подъ именеиъ Wacław z Olecka (род. 1800 † 1849).

[5]) Иванъ Вагилевичъ (1811—1866)—одинъ изъ дѣятелей галицко-русскаго возрожденія.

[6]) Я. Ѳ. Головацкій (род. 1814)—извѣстный дѣятель по сближенію русскихъ Галичанъ съ Россіей.

[7]) Денисъ Зубрицкій (1777—1862)—извѣстный изслѣдователь галицко-русской старины.

[8]) Іосифъ Левицкій (1801—1860)—составитель первой Галицко-русской грамматики (Grammatik der klein-russischen Sprache in Galizien), переводчикъ Шиллера.

Тутъ окончу мое письмо. Цѣлую вашу ручку, милая маменька. Поклонитесь нашимъ знакомымъ.

Вашъ И. Срезневскій.

Если бы мои книги пришли еще до меня въ университетъ, то прошу Амвросія Лукьяновича и Александра Петровича принять ихъ, а вы, маменька, заплатите, что будетъ стоить, и помѣстите ихъ, гдѣ найдете мѣсто.

LXV.

№ 55. 1-е августа. Краковъ.

Въ концѣ 1-го пополудни Eilwagen нашъ пріѣхалъ въ Подгорье (Podgórze) и сбросилъ съ себя насъ и наши вещи. Я отправился въ полицію визировать паспортъ, вещи мои перевезли черезъ Вислу по мосту (Висла тутъ не шире нашей Лопани, мостъ даже короче и хуже) въ тачкахъ и на другомъ берегу переложили въ коляску (фыякръ), паспортъ мой тутъ у меня взяли и дали билетъ, и я поѣхалъ къ Розѣ въ Краковъ черезъ Жидовское предмѣстье Казимирь въ другое—Страдомъ. Послѣ обѣда я искалъ профессора Вишневскаго [1]) и библіотекаря Мучковскаго [2]); но этого не засталъ дома, а тотъ живетъ за городомъ. За то я нагулялся вдоволь, къ сожалѣнію безъ проводника, а потому не многое понялъ. Польскій языкъ какъ у насъ Русской, безъ него нельзя двинуться. Народъ миловидной; но народу мало, и въ городѣ какъ то жалко пусто. Въ этомъ отношеніи можно сравнить Краковъ съ Венеціей, но и въ Венеціи, не говоря ужъ о Марковской площади, несравненно больше жизни. Правильнѣе сравнить съ Дубровникомъ (Рагузой): какъ и тамъ сквозь мостовую пробивается трава, много старины, напоминающей о жизни, но уже не живущей. Безжизненность Кракова еще страшнѣе нежели въ Дубровникѣ: тутъ нѣтъ моря, нѣтъ пристани и притомъ городъ пребольшой, старины—множество. Въ серединѣ города огромной рынокъ, кругомъ его собственный городъ; кругомъ него на мѣстѣ валовъ аллеи; за ними во всѣ стороны предмѣстья и сады. Церквей и прекрасныхъ домовъ очень много, но рядомъ съ ними стоятъ и бѣдныя лачужки, какъ и у насъ за Лопанью. Конфетныхъ лавокъ множество; кофеень не замѣтилъ ни одной хоро-

---

[1]) Михаилъ Вишневскій (1794—1865)—авторъ исторіи польской литературы.
[2]) Іосифъ Мучковскій (1795—1858)—польскій историкъ.

шей. Русской табакъ, Русскія деньги, на Русской манеръ одежда солдатъ; Краковячкамъ пристали очень длинные полузавитые распущенные по плечамъ волосы; этимъ отличаются дѣвушки, замужнія носятъ платки на головахъ очень странно широко распустивши ихъ по головѣ. Миленькихъ очень много, какъ и между мужчинами, самыми бѣдными мужиками, много благородныхъ лицъ. Вотъ примѣръ честности: у одной торговки купилъ я вишень связку, далъ денегъ, получилъ сдачу, положилъ, не считая въ карманъ, и пошелъ далѣе. Иду, за мною торговка бѣжитъ и кричитъ: «проше пана ту јешче (јещче) пјенць грошув, јам нје додала, запомнјала». Я не понялъ, думалъ, что она передала, что хочетъ отъ меня еще, вынулъ сдачу, отдалъ ей, она снова считать: «видзиш, панје, пјенць грошув бракује, ту со пјенць грошув, дзјękује». Еще и «дзјękује» (благодарю)! а могла бы удержать у себя, и я бы и не догадался. Славяне—всюду Славяне.

2-е августа.

Съ однимъ изъ моихъ вчерашнихъ сосѣдей въ Eilwagen'ѣ, я нанялъ сегодня коляску и поѣхалъ въ Величку, чтобы посмотрѣть солеломни. Онѣ открываются въ 10, а мы пріѣхали въ 9 (это только миля, т. е. 1 часъ отъ Кракова), и потому ждали. Между тѣмъ собрались и другіе посѣтители: два англичанина, возвращающіеся изъ Египта, одна Польская дама изъ Познани съ 2 дочерьми и 3-мя молодыми людьми, еще одинъ Полякъ. Маленькое общество, а между тѣмъ слышны были рѣчи Польскія, Русскія, Нѣмецкія, Французскія, Итальянскія, Англійскія. По Польски я начинаю рѣшаться говорить, но робко. Какъ Русскому, мнѣ какъ-то стыдно, что я не говорю по Польски. Въ глубину солеломни можно спуститься на 30 саженъ по веревкѣ въ двѣ минуты, но дамы не рѣшились, а мы не хотѣли отдѣлиться, и пошли по ступенямъ внизъ. Шли очень долго и довольно глубоко. Ступени сдѣланы очень хорошо и покойно. Ходы очень широки и правильны. Залы велики и высоки. Въ одномъ мѣстѣ на плотѣ переѣзжали черезъ воду; тутъ намъ освѣтили залу бенгальскимъ (разноцвѣтнымъ) огнемъ. Впрочемъ и безъ него мы видѣли все хорошо, потому что съ нами было довольно и лампъ и вѣниковъ. Капелла св. Антонія сдѣлана вся изъ соли, особенно хорошо распятіе. Соль конечно по малу таетъ, формы стираются, но всетаки хорошо. Капелла была для насъ освѣщена какъ будто для службы. Провожалъ насъ одинъ изъ практикантовъ и разсказывалъ все подробно. При входѣ дали намъ широкіе длинные холстинные халаты,—и мы всѣ стали похожи, особенно дамы на мертвецовъ въ Робертѣ Дьяволѣ. Мы были подъ землею только три часа, и потому видѣли немного. Чтобы видѣть все надобно

провести тамъ нѣсколько дней. При выходѣ мы заплатили по 1 гульдену съ человѣка, не считая дамъ. За фьякръ заплатили мы 2 гульд. 50 кр. сереб. по 1—25 съ человѣка. Вообще фьякры тутъ дешевы. Но бѣда съ деньгами: идутъ и Австрійскія, и Польскія, и Русскія, и Прусскія; считается все на Польскіе злотые, и потому непривыкшему кажется все безтолковымъ.

Вечеромъ.

Былъ на Замкѣ, обошелъ вокругъ его стѣнъ, любуясь на городъ и окрестности, потомъ спустился и обошелъ по аллеямъ вокругъ всего города. Замокъ стоитъ на горѣ надъ Вислою; въ замкѣ пусто: тамъ казармы, тюрьмы, старики и дѣти. Все показываетъ, что было что-то знатное, богатое прежде и вымерло. Аллеи вокругъ города чудесныя, и чѣмъ дальше шелъ, тѣмъ больше встрѣчалъ людей, особенно дамъ: иные сидятъ подъ орѣхами, акаціями, липами, другіе гуляютъ подъ рядами тополей. Болѣе 1½ часа ходилъ я тамъ, правда тихо, но всетаки шелъ впередъ. Думается мнѣ поэтому, что городъ Краковскій мало меньше Вѣнскаго.

Августа 3-го.

Сегодня утромъ въ третій разъ былъ у Мучковскаго и не засталъ, а воротившись вечеромъ домой, вижу по билету, что и онъ не засталъ меня. Я цѣлый день былъ не дома, даже не въ городѣ. Не заставши Мучковскаго, я взялъ фіакръ и поѣхалъ въ Лобзовъ къ Вишневскому: тамъ онъ на лѣто занялъ весь верхній этажъ замка, гдѣ еще на всѣхъ дверяхъ видны гербы Сигизмунда 3-го. Предобрый человѣкъ. Сначала мы говорили по Русски, потомъ по Польски. Онъ меня угостилъ чаемъ, потомъ оставилъ и обѣдать. Между чаемъ и обѣдомъ мы ходили по саду, всходили на могилу, извѣстную въ преданіи подъ именемъ гроба Жидовки Естерки, любовницы Казимира (вы знаете повѣсть). Послѣ обѣда пошли въ Волю, гдѣ встрѣтились съ вчерашними дамами и вмѣстѣ ходили по саду. Оттуда на гору Брониславы, на которой возвышается величественная могила Косцюшки, и на ней выждали захожденіе солнца. Что за видъ: на югъ Висла и за нею до Татровъ, къ Бабьей горѣ, величайшей изъ горъ Татранскихъ въ Галиціи; за нею вдали видны и верхи собств. Татровъ бѣлоголовыхъ. На востокъ Краковъ и за нимъ лѣса, гдѣ когда то охотились короли. На сѣверъ холмистая равнина до границы Польской, на западъ Висла и различные деревни и замки. Пѣсни раздаются вокругъ. Могила огромна, не ниже 18—17 саженъ въ вышину. Подъ нею часовня св. Брониславы. Вишневскій съ сыномъ, 15 лѣтнимъ

милымъ молодымъ человѣкомъ, проводилъ меня до города, и вотъ теперь уже бьетъ 10. Вишневскій благородный человѣкъ по своимъ мыслямъ. О, если бы такъ думали всѣ Поляки. Съ нимъ вспоминали мы и о Корженевскомъ,—это его товарищъ. (Амвросій Лукіановичъ, поклонися отъ него Корженевскому и скажи, что онъ съ его вновь печатанными драмами еще совершенно незнакомъ).

Вечеромъ. 4-е августа.

Сегодня пришелъ ко мнѣ Вишневскій, и вмѣстѣ мы пошли въ соборъ, находящійся въ замкѣ: это Архангельскій соборъ Польскихъ королей. Церковь не очень велика, но кругомъ ея множество часовень, и въ нихъ памятники королей, а подъ церковью погреба съ гробами. На право отъ главныхъ дверей, при входѣ въ церковь, часовня св. Креста: тутъ по бокамъ гробовцы королей Владислава Ягеллона и сына его Казимира (XVI вѣка) изъ краснаго мрамора (какъ и почти всѣ другіе съ сохраненіемъ физіономій и одеждъ), а въ серединѣ, гробовецъ епископа Краковскаго Каетана Солтыка, на которомъ есть рельефное изображеніе, какъ козаки въ каретѣ везли его въ Сибирь (бѣлымъ мраморомъ по черному). Подъ этой часовней лежитъ король Михаилъ Вишневецкій. Эта часовня называлась когда то Русскою: прежде можно было видѣть на потолкѣ между греческою живописью и надписи старо-славянскія. За нею, угломъ къ ней часовня Маріи дѣвы, принадлежащая фамиліи Потоцкихъ, вся выложенная красиво мраморомъ. Въ ней есть бюсты работы Торвальдсена и его же статуя Спасителя превосходной работы. Въ слѣдующей за нею часовнѣ Шафранцевъ или Doctorum, погребенъ въ погребѣ историкъ Польскій Матвѣй Мѣховита, лекарь Сигизмунта 1-го. Далѣе часовня Вазитовъ съ гробовцами Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казимира, запропастившихъ Польшу: вся выложена чернымъ мраморомъ, и мрачна. За нею слѣдуетъ боковой входъ въ церковь и потомъ часовня Сигизмундовская, по Сигизмунду 1; и снаружи она превосходно выложена огромными камнями и покрыта позолоченною мѣдью; и внутри украшена богато и со вкусомъ. Тутъ на лѣво есть огромный складень, или походн. олтарь съ живописью по серебру, изъ котораго онъ вылитъ. Надъ часовней въ церкви висятъ соврем. портреты Сигизмунда 1-го и его жены (онъ съ часами въ рукахъ: въ такой чести были въ то время часы). Противу слѣд. часовни Богоматери стоитъ статуя Владимира Потоцкаго изъ бѣлаго мрамора чудесной работы Торвальдсена. За часовней Іоанна Крестителя (гдѣ Іоаннъ сдѣланъ съ лицемъ Мицкевича) слѣдуетъ часовня св. Андрея съ гробовцемъ короля Яна Альбрехта. Напротивъ нея гробъ Казимира Великаго изъ краснаго

мрамора, современной, но чудесной работы. Далѣе подъ часовней Невинныхъ младенцевъ погребенъ епископъ Янъ Павелъ Вороничь, знаменитый какъ писатель: она угольная. За нею—св. Ѳомы, и потомъ на срединѣ задней стѣны часовня Ciborium, бывшая въ связи съ дворцомъ. Тутъ молились короли; тутъ гробовецъ Стефана Баторія. Противъ нея, задомъ къ серединѣ церкви памятникъ королю Яну Собіескому, изъ чернаго мрамора, и другой тоже изъ чернаго мрамора короля Михаила Вишневецкаго. Далѣе вдоль церкви слѣдуетъ еще по стѣнѣ 7 часовень. Противу одной изъ нихъ гробовецъ Владислава Локетка, XIV вѣка, изъ бѣлаго камня. Послѣдняя на лѣво отъ входа главнаго обдѣлывается вновь. Въ серединѣ церкви есть еще одна часовня св. Станислава съ серебряною богатою ракой, гдѣ почиваетъ прахъ святаго. За этой часовней главный алтарь, съ гробомъ (на право) королевы Гедвиги, а главный образъ прекрасной работы Донабелли. На право у входа въ церковь, противу часовни св. Креста, есть входъ въ погребъ, гдѣ лежатъ между прочимъ тѣла короля Яна III и двухъ знаменитыхъ Поляковъ, Костюшки и Понятовскаго (по волѣ Александра императора). Въ лѣвой стѣнѣ церкви есть входъ въ ризницу (sacristie=skarbec): много богатства, много воспоминаній для poczciwych Polaków, между прочимъ и старый крестъ изъ золота съ камнями старой Русской работы, и голова св. Станислава, вложенная въ сосудъ или ящикъ изъ чистаго золота. На главной колокольнѣ (ихъ двѣ) есть колоколъ, наз. Сигизмундомъ, въ который ударяютъ только въ большіе праздники: чтобы раскачать его надобно 8 человѣкъ. Изъ собора мы спустились съ горы Замковой въ городъ, и, прошедши черезъ старинный суконный рядъ (sukiennice), пришли къ церкви Богородицы. Это красивѣйшая изъ Краковскихъ церквей съ двумя прекрасными башнями, и очень высока. Далѣе заходили мы въ книжную лавку Чеха, въ кондитерскую, и потомъ пошли обѣдать въ Hotel de Russie. Потомъ къ Мучковскому. Наконецъ я увидѣлъ этого ученаго старика, старика, впрочемъ, очень занятаго собою и съ стараніемъ приглаживающаго свои бѣлые волосы. Мы пошли въ библіотеку, а тутъ пришли и мои дамы Познанскія. Библіотека передѣлывается, и книги стоятъ и лежатъ громадами: книгъ до 80.000; однихъ рукописей 12,000. Есть много любопытнаго, но не Польскаго. Идя сегодня по рынку, Вишневскій показалъ мнѣ въ одномъ изъ оконъ сѣдую, важную голову смотрящую на разводъ полицейскихъ солдатъ: «знаете кто это?»—Не знаю, но я третьяго дни обѣдалъ съ этимъ генераломъ у Розы.—«Этотъ генералъ Хлопицкій» [1]). Въ Краковѣ жителей 45.000, изъ нихъ 15.000 Жидовъ.

---

[1]) Іосифъ Хлопицкій (р. 1772 г.)—сподвижникъ Костюшки, участникъ въ походахъ Наполеона въ Испанію и въ Россію, диктаторъ въ Варшавѣ въ 1831 г.

8-е. Вратиславъ.

Третьяго дни въ 9 часовъ вечера выѣхалъ изъ Кракова, а сегодня въ половинѣ 5-го утромъ пріѣхалъ сюда. Къ Пуркинѣ—его нѣтъ дома, но старушка служанка тотчасъ узнала меня, и бросилась цѣловать руки. «Ah, ah, ah, der lustige Herr; а дѣти такъ часто васъ поминаютъ. И чемоданъ вашъ уже долго ждетъ, и профессоръ боялся, не заболѣли ли вы». Обѣщавшись воротиться, я пошелъ къ Челяковскому (онъ тутъ профессоромъ Славянскихъ нарѣчій), и просидѣлъ у него часа два. Жалуется на своихъ учениковъ; но, благодаря Бога, теперь уже не въ такой нуждѣ, какъ прежде. Вратиславъ въ сравненіи съ Краковомъ живой городъ. Отъ двухъ ночей спанья въ экипажѣ у меня болитъ голова.

14=2 августа. Познань.

Третьяго дни вечеромъ пріѣхали мы сюда, мы, т. е. я и Бодянскій. Третьяго же дни мы и увидѣлись съ нимъ въ первый разъ совершенно нечаянно. Прихожу къ Челяковскому, а онъ тамъ, только что пріѣхалъ, и остановился въ той же Силезіи, дверь обо дверь, такъ что даже слышалъ, какъ мы разговаривали съ Пуркиней, хоть и не узналъ ни языка Чешскаго, ни голоса Пуркини. Онъ хотѣлъ ѣхать прямо въ Варшаву, но потомъ рѣшился вмѣстѣ со мною въ Познань. И вотъ мы тутъ. Вчера были у Лукашевича [1]) и въ библіотекѣ Рачинскихъ, а сегодня у профессора Поплинскаго [2]) и бродили по городу. Городъ менѣе Вратислави, вообще хуже его, но есть и превосходные домы новой архитектуры. По Польски слышно, но и по Нѣмецки говорятъ много, даже самый простой народъ понимать начинаетъ. Поляки тутъ хвастаются, что пользуются большими свободами, а постепенное онѣмеченіе народа замѣчаютъ не многіе: на свободѣ Поляки тутъ со временемъ забудутъ любовь къ языку и онѣмечатся. Театръ Нѣмецкій; Польская труппа изъ Кракова была и поѣхала. Польщизну надобно тутъ поддерживать искуств. средствами.—Бодянскій по физіономіи и характеру занимаетъ середину между Шпигоцкимъ и Иноземцевымъ [3]) Харьковскимъ. Человѣкъ добрый,

---

[1]) Іосифъ Лукашевичъ (род. 1800)—польскій историкъ; былъ библіотекаремъ въ библіотекѣ Рачинскихъ.

[2]) Антонинъ Поплинскій—польскій писатель, библіотекарь въ библіотекѣ Рачинскихъ.

[3]) Пав. И. Иноземцевъ—одинъ изъ харьковскихъ литераторовъ 1830-хъ гг.

но очень любитъ свое я, и словомъ «я знаю: это хорошо, чрезвычайно хорошо» подкрѣпляетъ все; къ тому же очень спѣшитъ заключеніемъ. Прейса ставлю я несравненно выше его; ему же, кажется, не нравится, что я хвалю Прейса. Впрочемъ, у кого нѣтъ своихъ грѣховъ. По Чешски онъ говоритъ хорошо, по Сербски не забылъ, говоритъ и по Лужицки; мы говоримъ съ нимъ то по Русски, то по Польски, то по Сербски, то по Чешски; по Лужицки я не могу уже почти ни слова. И то хорошо еще, что по Чешски привыкъ опять кое какъ. По Нѣмецки онъ говоритъ плохо. Бѣдной, съ ногами все еще возится: каждый вечеръ мочитъ ихъ водою.

16-е.

Сегодня утромъ ходили мы съ проф. Поплинскимъ въ главную церковь соборную. Она довольно велика; особеннаго ничего нѣтъ, исключая одной часовни Мечислава I и Болеслава Храбраго, украшенной недавно стараніемъ графа Рачинскаго и народа (собрано 24,000 злотыхъ, а прочее прибавлено Рачинскимъ). Круглая, довольно большая, и очень богато украшенная: полъ— мраморная мозаика; стѣны и сводъ въ золотѣ и различныхъ краскахъ вкуса рококо, сдающагося на Греческій; много изображеній святыхъ на сводѣ. На лѣвой сторонѣ отъ входа бронзовыя статуи двухъ князей (работы Рауха), и Болеславъ, какъ говорятъ, сдѣланъ похожимъ на нашего императора. (Странно: на мечѣ, шлемѣ и поясѣ вставлены въ бронзу разноцвѣтные камни). По правую сторону гробы князей. Олтарная картина еще [не] вставлена.—Подлѣ этой церкви есть маленькая XIII вѣка старой готической архитектуры, стоитъ уже впустѣ и лопнула.

Бѣда со здѣшними литераторами: хочешь говорить о литературѣ, а они свертываютъ на политику. Безъ политическаго разговора ни на шагъ. И къ чему ведетъ это?

Вечеромъ купался съ Поплинскимъ въ Вартѣ, и потомъ пилъ у него чай.

День мы проводимъ такъ: рано я пью кофе, а Бодянскому приносятъ воду для купанья, и потомъ онъ идетъ въ садъ пить молоко и заниматься. Я остаюсь одинъ въ комнатѣ и тоже занимаюсь. Въ 1 1/2 идемъ въ Базаръ (такъ наз. нов. трактиръ, лучшій въ Познани, гдѣ есть и прекрасныя комнаты, и лучшій столъ по 1/2 талера съ человѣка); оттуда домой и до 5 дома или гдѣ-нибудь. Въ 5 въ библіотеку. Вечеромъ болтаемъ.

Иногда бываю у д-ра Цегельскаго, молодого Поляка, много обѣщающаго. Миленькая женочка его меня снабжаетъ мазурками и краковяками.

25-е. Варшава.

Наконецъ я вотъ съ 3-го дня и тутъ, въ Варшавѣ, милая маменька. Прекрасный городъ, большой городъ, широко разложившійся городъ, шумный городъ. Мы пріѣхали въ него третьяго дни около полудня; одѣвшись, пошли къ Дубровскому, издателю Русско-Польской Денницы [1]), съ нимъ къ Евецкому [2]), и такъ прошло до вечера. Вчера утро дома (ко мнѣ приходилъ Андружскій), потомъ обѣдъ, далѣе къ Ивану Николаевичу [3]). Онъ живетъ довольно далеко отъ насъ. Принялъ меня, какъ родного, приглашалъ къ себѣ жить, но я не могъ принять, потому что живу въ одной комнатѣ съ Бодянскимъ. Мы и поплакали и посмѣялись. Онъ женатъ, и уже имѣетъ дочку Машиньку, съ которою мы начинаемъ уже дружиться. Жена его Француженка, молодая и пріятная женщина. Квартира у нихъ прекрасная: кажется, комнаты 4 или 5, двѣ служанки. Жалованье получаетъ, кажется, болѣе 7,000 злотыхъ, любимъ, уважаемъ. По Польски не говоритъ. Сегодня пойду къ нему послѣ обѣда. А вчера отъ него къ Дубровскому, и вечеромъ съ нимъ и Бодянскимъ были въ засѣданіи Варшавскихъ литераторовъ, издающихъ Варшавскую Библіотеку. Они читаютъ свои сочиненія и одобренныя печатаютъ въ журналѣ. Собраніе впрочемъ безжизненное.

28-е.

Каждой день то туда, то сюда, и не находишь времени, чтобъ записать хоть слово въ это письмо. У Ивана Николаевича обѣдалъ 3-го дня: жена его Марья Фердинандовна добрая женщина; Машинька премилая дѣвочка. Живутъ хорошо. Въ театрѣ былъ нѣсколько разъ, и въ большомъ, и въ маломъ. Зданіе театра огромное; кулисы очень хороши. Актеры порядочные: Жулковскій лучшій,—болѣе смѣшитъ, но играетъ и серьозныя роли прекрасно; Гальпертъ стара, но недурна. Опера только-что сносная. Лучше всего балетъ: 2 главныя танцовщицы—Травна и Вендтъ. Мнѣ нравится Травна, особенно, когда танцуетъ мазурку соло: нѣжность и характерность тѣлодвиженій, выразительность положеній восхитительны. Балетная труппа огромна, заходитъ за сотни, и все свѣжее, молоденькое. Вчера были въ Лазенкахъ: это садъ съ дворцомъ и амфитеатромъ, у котораго сцена на островкѣ пруда. Играли бѣд-

---

[1]) П. П. Дубровскій (1812—1882)—впослѣдствіи экстр. академикъ Спб. Имп. Академіи Наукъ.

[2]) О. С. Евецкій—товарищъ И. И. Срезневскаго по университету; онъ служилъ въ канцеляріи намѣстника царства Польскаго.

[3]) Вѣроятно, Ив. Н. Соколовъ—одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей Ив. Евс. и Е. И. Срезневскихъ.

наго рыбака и балотъ пажей. Былъ и Паскевичъ. Передъ дворцомъ играло 2 полков. музыки: прекрасно. Было и освѣщеніе (illumination). Народу пропасть: въ одномъ театрѣ было 1200, а всего тысячъ до 10. Третьяго дни были тутъ во дворцѣ съ Ив. Ник. и женой; дворецъ маленькой, но хорошенькой. Вчера ходилъ въ Русскую церковь: не велика, но хороша, и пѣвчіе хороши. Главная католич. церковь св. Яна также хороша и не мала. Сегодня ѣздили съ Евецкимъ по городу: много прекрасныхъ зданій и площадей. Лучшее украшеніе Варшавы открытые сады въ серединѣ города, а лучшій изъ нихъ Саксонскій. Были у Окунева, министра народ. просвѣщенія, у сенатора Стороженки, у Бентковскаго, писателя [1]), у Кухарскаго [2]). Русскій языкъ тутъ свой, безпрестанно слышишь. Есть много и Русскихъ лавокъ. Много козаковъ и всякихъ солдатъ Русскихъ.

3 сентября. Воскресенье.

Въ четвергъ было получено телеграфическое извѣстіе о рожденіи дочери у Александра Николаевича. Былъ театръ безденежный: кто прежде приходилъ, тотъ и впускался. Вечеромъ освѣщеніе. Вчера коронація. Торжественный молебенъ въ Рус. церкви. Гулянье и вольный театръ въ Лазенкахъ. Въ городѣ освѣщеніе. На домѣ ратуши горѣлъ богатый вензель Н. А.

На этихъ дняхъ видался съ Герасимомъ Николаевичемъ: повидимому ищетъ въ Варшавѣ учительскаго мѣста и нуждается.

Прибавлю только этотъ кусочекъ [3]), чтобы поспѣшить отослать письмо. Я въ Вильнѣ, и дней черезъ 15, много черезъ 20 буду у васъ. Сердце бьется, летѣлъ бы птицей и, если бы летѣлъ, то былъ бы скорѣе 4 дней. Сдѣлайте одолженіе, душенька маменька, пріищите или квартиру для насъ вмѣстѣ, недорогую, но помѣстительную, комнаты три, четыре, или комнату для меня подлѣ вашей квартиры. Все, что сдѣлаете, будетъ къ лучшему, лишь бы я, пріѣхавши, могъ начать заниматься, то есть расположиться съ книгами и тетрадями. Съ дороги буду писать чаще, по крайней мѣрѣ 2 раза напишу.

LXVI.

С[тараго] с[тиля]. 30 августа 1842. Ковно.

Около половины 12-го было, когда мы спустились къ Нѣмню и уви-

[1]) Феникъ Бентковскій (1781—1852)—польскій библіографъ, проф. исторіи въ Варшавскомъ университетѣ.

[2]) Андрей Кухарскій († 1862)—польскій писатель и путешественникъ по славянскимъ землямъ.

[3]) Писано на отдѣльномъ листкѣ.

дѣли Ковно. Этотъ городокъ лежитъ на правомъ берегу Нѣмня; съ другой стороны течетъ Вилія и впадаетъ въ Нѣмень подъ холмомъ, гдѣ былъ когда то Ковенскій замокъ. Нѣмень тутъ очень широкъ, мало чѣмъ уже Дуная у Новаго сада, но очень мелокъ; черезъ Нѣмень мостъ. Переѣхавши черезъ него, дилижансъ остановился у таможни, и началась осмотрка вещей. Таможенный начальникъ, впрочемъ, очень вѣжливой человѣкъ: онъ переглядывалъ только вскользь, а до рукописей даже и не дотронулся. Въ 1/4 часа все было готово, и мы поѣхали на почту, оставили тамъ вещи наши, и обѣдать. Послѣ обѣда въ полицію, казначейство, и къ 4 часамъ была у меня готова подорожная. Теперь мы пьемъ чай (я, Бодянскій и еще одинъ помѣщикъ), а между тѣмъ лошадей мнѣ запрягаютъ.

31-е авг. Вильна.

Ковно очень небольшой городокъ. Жаль такого прекраснаго мѣстоположенія для такого дряннаго городка: у стока двухъ судоходныхъ рѣкъ, изъ которыхъ одна идетъ въ море, могъ бы быть торговый большой городъ; но что дѣлать съ лѣнью Литовцевъ и съ Жидами: Литовецъ пропиваетъ свою послѣднюю копѣйку, Жидъ обманываетъ Литовца, тутъ и вся промышленность. На Нѣмнѣ есть впрочемъ нѣсколько барокъ. У города за Вилiей милая Виленская=Ковенская долина, воспѣтая Мицкевичемъ. Надъ нею и городомъ между рѣками, впрочемъ, ближе къ Вилiи возвышается Зеленая гора, бывшая укрѣпленною въ 1812 и 1830. Съ противной стороны берегъ Нѣмня горной (лѣвой) покрытъ красивымъ лѣсомъ.

Я выѣхалъ въ 6 часовъ вечера изъ Ковна и пріѣхалъ въ Вильну сегодня въ 10: 138 верстъ. За лошадь плотится по 2 1/2 к. сер. отъ версты, и отдѣльно за повозку: всего едва ли не болѣе 8 р. сер. Дорога до Волкомиря (Wiłkomirz) прекрасная, шоссе; потомъ песчаная. Задержки нигдѣ не было, и запрягали проворно; но за то тележонки прекрошечныя. Почтальоны съ трубами. Почти всю ночь лилъ дождь. Станціонные смотрители вѣжливы. Одинъ только будто не хотѣлъ со мною говорить. Я уже сидѣлъ въ повозкѣ, когда онъ спросилъ меня: вы ѣдете прямо въ Харьковъ?—Да, отвѣчалъ я. «Тамъ теперь много малёновъ и кавоновъ», прибавилъ онъ, и обтеръ рукою губы. Тѣмъ разговоръ и кончился, и я уже дорогой отгадалъ, что дѣло шло объ арбузахъ и дыняхъ. Изъ ямщиковъ одинъ разсказывалъ мнѣ о состояніи мужиковъ, и особенно хвалилъ Государ. палату. Странно, что тутъ государя императора зовутъ королемъ.—Чѣмъ ближе къ Вильнѣ, тѣмъ мѣстоположеніе красивѣе, лѣсовъ вообще довольно. Избенки немазанныя и

курныя—дурны. Корчемъ чортова пропасть. Жидовъ по дорогѣ попадается почти въ четверо болѣе Литовцевъ.

1 сентября.

8 сентября. Минскъ.

Прожилъ въ Вильнѣ почти недѣлю, и не имѣлъ времени писать. Даю теперь отчетъ о моемъ Виленскомъ житьѣ-бытьѣ. Въ первый вечеръ я ходилъ къ инспектору гимназіи Кергичановичу, и отъ него узналъ что Леоновы еще въ Вильнѣ [1]). Пошелъ къ нимъ. Иванъ Ѳедор. и Марья Яковлевна ѣздили гулять, Катинька, ставшая теперь чуть не вполнѣ Катериной Андреевной, узнала меня тотчасъ и пригласила подождать. Я ждалъ до 8 часовъ и потомъ, боясь не найдти моей квартиры, ушелъ. На другое утро Иванъ Ѳед. искалъ меня, встрѣтился на улицѣ и повелъ къ себѣ. Я непремѣнно долженъ былъ перейти къ нимъ жить. Въ маленькомъ кабинетикѣ сложены были мои вещи, а на ночь кровать для меня вносилась въ гостинную. И вотъ, какъ пошли наши дни: утромъ около 8-ми пили чай, и потомъ я или ходилъ по дѣламъ или сидѣлъ съ Марьей Яковлевной. Между 12 и 1 обѣдъ. Послѣ обѣда—какъ и до обѣда; вечеромъ большею частію—всѣ вмѣстѣ. Марья Яковлевна прежде была больна, но теперь ей, слава Богу, лучше, только кашель, особенно ночью. Иванъ Ѳед. здоровъ, только въ хлопотахъ по случаю сдачи и упаковки вещей академическихъ. Они надѣются переѣхать въ Кіевъ, и до переѣзда поѣхать заграницу. Катинька здорова и милочка. Лошадей не держатъ. Марья Яковлевна стала хозяйкой. Меня приняли, какъ роднаго, да и я съ своей стороны располагался, какъ у себя дома. Былъ нѣсколько разъ у попечителя округа Бѣлорусскаго, Грубера [2]), и разъ обѣдали у него вмѣстѣ съ Иваномъ Ѳедор. Еще познакомился съ типографомъ Марциновскимъ, съ Эдуардомъ Одыньцемъ [3]), поэтомъ (онъ теперь издаетъ губернскую газету Wilnski Dziennik), съ Гербуртомъ, занимающимся древностями каноникомъ, съ отцемъ игуменомъ Троицкаго монастыря Арсеніемъ, съ почтъ-инспекторомъ Имбергомъ, съ его помощникомъ Евреиновымъ. Иванъ Ѳед. и Марциновскій водили меня по Вильнѣ, а съ Марьей Яковл. и Ив. Ѳед. ѣздилъ однажды въ окрестности Антоколь и Леонишки. Окрестности Вильны прелесть: всѣ изрыты холмами и долинами, покрыты рощами; на каждомъ шагу новый видъ. Самъ го-

[1]) См. выше, стр. 24.

[2]) Еварестъ Андр. Груберъ.

[3]) Э. Одынецъ (род. 1804, ум. 1884)—другъ Мицкевича, извѣстный польскій писатель.

родъ былъ бы очень хорошъ, если бы былъ чище: улицы тѣсны, площадей почти нѣтъ (исключая одной, гдѣ католическій соборъ, прекрасной, но худо обстроенной); дома на Нѣмецкій манеръ; Жидовъ тьма тьмущая; церквей (католич.) множество: особенно хорошъ соборъ. Нашъ соборъ сдѣланъ изъ католич. церкви. Прежде было нашихъ 16 церквей, но всѣ исчезли, и въ митрополичьемъ соборѣ помѣщался анатомическій кабинетъ. Замковая гора укрѣплена валами и пушками. Очень хорошъ домъ генералъ-губернатора. Третьяго дни мы были въ обѣдни, потомъ обѣдали, и часу въ 6-мъ, напоивши меня чаемъ, и снабдивши меня на дорогу и булкой, и пирогами, и масломъ, и цыпленкомъ, и грушами, проводили— Марья Яковлевна и Марциновскій изъ дому, а Иванъ Ѳедор. за заставу. (Кладбище ..... очень красивое, и ..... катакомбы, какъ улеи, съ обѣихъ сторонъ каплицъ. Бекетова башня надъ утесомъ, туда готовая обрушиться и пр..... Книжная лавка ..... [1]).

До Минска я ѣхалъ около 27 часовъ—186 верстъ. Много песку, и при перемѣнѣ лошадей возятся долго; я ожидалъ только въ одномъ мѣстѣ, въ 1-й станціи отъ Вильна. Минскъ порядочный, широко расположенный городъ; домовъ мало: пожаровъ было много. Сегодня праздникъ (Пречистая что-ли) и дѣятельности не видно. Жиды празднуютъ вчера и сегодня и цѣлую недѣлю свои кучки—странствіе 7 лѣтъ по пустынѣ (на этотъ случай строятъ они по деревнямъ при домахъ шалаши, покрываютъ сосновымъ игольемъ и тамъ ѣдятъ). Познакомился съ инспекторомъ гимназіи Григ. Вас. Смирновымъ, сообщившимъ 6 изъ Бѣлорусскихъ пѣсень (его и въ трудахъ Бѣлор. учениковъ). Были съ нимъ у Кобылинскаго въ его кабинетѣ рѣдкостей: есть вещи любопытныя. Останавливался въ трактирѣ Лукашевича: нечистая комната, а 5 злотыхъ въ сутки. И въ Минскѣ нашъ соборъ—изъ католической церкви.

14-е сент. Кіевъ. Понедѣльникъ.

Вотъ ужъ 3-й день, какъ я въ Кіевѣ. Изъ Минска я ѣхалъ на Бобруйскъ и Черниговъ, все на перекладныхъ, обывательскихъ (почтовыхъ не давали отъ самаго Бобруйска: онѣ были оставляемы для великаго князя Михаила Павловича, который долженъ былъ ѣхать въ Кіевъ и сегодня пріѣхалъ). Дорога большею частію песчаная; Бобруйскъ чудесная крѣпость, но городъ пустъ и довольно дуренъ. Черниговъ лучше, но мало лучше, и опять пустъ; зданій хорошихъ мало, исключая гимназіи, лавокъ тоже мало. Есть остатки старыхъ укрѣпленій.— Кіевъ я увидѣлъ изъ Броварей (послѣдней станціи до Кіева), и потомъ съ

[1]) Нѣсколько словъ, замѣненныхъ точками, не разобрано.

шоссе, идущаго отъ Броварей до Днѣпра; лавра и часть Кіева были постоянно передъ глазами. На рогаткѣ Кіевской спросили паспортъ, и опять отдали. Я поѣхалъ прямо къ брату въ канцелярію, и у него остановился. Немного тѣсно и неловко (у него живетъ товарищъ Крафусъ); но какъ нибудь перебьюсь. Братъ принялъ меня по братски: добрѣйшій человѣкъ, но неаккуратенъ. Расчетливымъ ему нельзя быть; много издержекъ бесполезныхъ и вмѣстѣ необходимыхъ. Жизнь болѣе уединенная (т. е. подалѣе отъ товарищей) была бы ему очень полезна. Третьяго дни я ѣздилъ вечеромъ съ нимъ въ баню; въ дорогѣ я очень простудился, и это мнѣ помогло. Вчера былъ утромъ и вечеромъ у ректора Неволина, гдѣ нечаянно увидѣлся съ Надеждинымъ, ѣдущимъ въ Петербургъ служить, и на дорогѣ заболѣвшимъ ревматизмомъ. Сегодня заѣзжалъ за мною Мариновскій, мой прежній ученикъ, а теперь саперный офицеръ, и возилъ меня въ лавру, гдѣ служилъ митрополитъ, и въ Андреевскую церковь; а вчера мы съ нимъ ходили въ Царскій садъ гулять, и тамъ я увидался съ моею прежней ученицей Кошелевой. Кіевъ не городъ, а собраніе хуторовъ и дачъ около церквей. Печерскъ—цѣховой городъ, Липки—лучшаго общества, Крещатикъ—ни то ни се, Кіевъ старый—мѣщанскій, Подолъ— купеческій. Центра въ городѣ нѣтъ, и это ему очень вредитъ. Какъ жаль, что Днѣпръ мелѣетъ. Какъ богатъ Кіевъ видами, это городъ для живописца; другого подобнаго я не видалъ. Но за то и горы непослѣднее неудобство для жителей. Что вамъ лучше нравится, Кіевъ или Харьковъ? По мнѣ Харьковъ лучше. И въ Кіевѣ много хорошихъ зданій, но они всѣ такъ разсѣяны.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Варіантъ письма XXXV.

Легницы (Лигницъ). 1840, 23 августа.

№ 24.

Наконецъ я простился съ Вратиславью, простился со слезами, будто съ родиною. Незабвенный Пуркиня провожалъ меня до почты, Маркусъ, у котораго я бралъ уроки въ Дольно-Лужицкомъ нарѣчіи, тоже; Макерле и Шпакерле не захотѣли тоже остаться дома,—одинъ несъ портфейль, другой —трубку и табакъ,—и Шпакерле даже шляпу свою забылъ дома, а когда почтальонъ затрубилъ и я долженъ былъ садиться въ карету, Шпакерле обвился около меня, заплакалъ и, стыдясь слезъ, сталъ кусать меня въ плечо. Не говорю о старикѣ: онъ принимаетъ во мнѣ, въ моемъ путешествіи участіе,

какъ родной отецъ, и не скрылъ, что скучно ему будетъ безъ меня. Мое чувство не слабѣе: я такъ свыкся съ семействомъ Пуркини, что считалъ себя членомъ его, былъ сыномъ старика, братомъ малютокъ, и цѣлую дорогу до Легницъ скучалъ, грустилъ, молчалъ, досадовалъ, что другіе говорятъ. Теперь сижу одинъ, не дождусь, какъ дѣти придутъ звать меня ужинать и, сѣвши ко мнѣ на руки и обнявши меня, запоютъ: «поливка чекà» (супъ ждетъ) или что нибудь подобное, не увижу почтеннаго лица старика,—и съ грусти сѣлъ за письмо къ вамъ, милая маменька. Авось легче станетъ.

Путь мой—въ Згорѣлецъ (Гёрлицъ), и я бы не остановился въ Легницахъ, если бы не услышалъ, что въ одной изъ здѣшнихъ церквей есть Славянскія рукописи. Надобно по крайней мѣрѣ посмотрѣть, что это за маранье, а между тѣмъ познакомлюсь и съ городомъ, который хоть и не великъ, но старъ и любопытенъ.

Подъѣзжая къ городу, видишь прежде всего кладбище (въ Германіи почти всюду такъ): такъ и приближаясь къ какой нибудь Славянской землѣ не минуешь гробовъ, и, разумѣется, на землѣ болѣе могилъ нежели живыхъ людей. Такъ и тутъ: еще я между Нѣмцами, еще Лужичане, Венды далеко,— а уже все напоминаетъ Славянщину,—и физіономіи, и одежды женщинъ, и расположеніе огородовъ, и самые плетни. Гляжу на эту страну, какъ на поле, на которомъ жатва уже снята, остаются сухіе корешки, а бурьянъ уже вылѣзаетъ всюду. Была ли снятая жатва зрѣла? Уже ли безъ паханья не выростетъ новая?—Кто знаетъ.

Впрочемъ страна, по которой ѣхалъ я, не такъ скучна, какъ Силезія: лѣсу больше, есть виды, и даже вдали видны очень Исполиновы горы. Чѣмъ ближе къ Саксоніи, тѣмъ болѣе надеждъ на возможность любоваться природою. Увижу, какъ будетъ далѣе, и напишу... а теперь спать.

24-е.

Лигницъ лежитъ при втеченіи Черной Воды въ Качу (Кацбахъ). Мѣсто довольно низкое, по крайней мѣрѣ не скучное. До семилѣтней войны тутъ была крѣпость, теперь остались только башни, а на мѣстахъ прежнихъ стѣнъ тянутся аллеи для гулянья. Въ серединѣ города площадь, а по срединѣ площади домъ ратуши съ разными частными пристройками, какъ и въ Вратислави, и во всѣхъ Силезскихъ городахъ и во многихъ Нѣмецкихъ. Улицы, расходящіяся во всѣ стороны кривыми углами, поворачиваютъ то вправо, то влѣво, то расширятся, то съузятся, то сойдутся къ одному трехъугольному междоулку, то, раскланявшись, поворачиваютъ каждая въ свою сторону. Церквей не много—три или четыре, но всѣ хороши, а лучшая Фрауен-

кирхе, въ 1822 году разбитая молніей и вновь исправленная, очень хороша. Съ дали городокъ лучше нежели сблизи: домы грязны, малы, некрасивой формы, такъ что есть пословица «die Todten leben in Liegnitz besser als die Lebendigen»— мертвымъ въ Лигницѣ лучше нежели живымъ. Кладбища въ самомъ дѣлѣ прелестны: памятники, довольно милые, окружены цвѣтами и деревьями, разставлены правильно, а между ними дорожки, усыпанныя пескомъ и обшитыя лентами резеды. Лигницъ славится своими огородами «Kräutereien»: вокругъ города и въ предмѣстьяхъ ихъ множество. Жителей 12.000, а между тѣмъ я весь городъ и въ серединѣ и вокругъ обходилъ въ $^3/_4$ часа.

25-е. Кинастъ въ 1600 фут. надъ площадью моря.

По срединѣ террасы надъ крутымъ утесомъ разставлены столы, а за ними кто читаетъ, кто пьетъ кофе или пиво, кто любуется видами: я пишу, и тоже пью кофе, и курю трубку, и любуюсь. Маменька, да пожалуйте же сюда! Разсказать право не умѣю; а очень, очень хорошо. На право отъ себя сквозь пихты и развалины замка я вижу знаменитую Снѣжку, лѣвѣе и влѣво и далѣе кругомъ обширная долина, покрытая горами, рощами, деревнями... Вонъ и Вармбрунъ, изъ котораго я пришелъ сюда, вотъ и Гиршбергъ, откуда я пришелъ въ Вармбрунъ, и т. д. Словомъ видъ какъ съ Бездеса, и Исполиновы горы ввиду... За нихъ заходитъ солнце, туда и я иду. Проводникъ стоитъ сзади меня и ждетъ. Гдѣ ночевать буду, не знаю; а гдѣ буду ночевать, тамъ и разскажу болѣе. Теперь буду любоваться; окрестность горитъ, и глаза горятъ радостью.

Маріенталь.

Маленькая комнатка, заваленная разнымъ добромъ; по срединѣ столикъ подлѣ него народно внесенная кровать: вотъ гдѣ я. Тоненькій огарочекъ горитъ быстро и заставляетъ меня спѣшить ложиться спать. Какъ уснется, не знаю: съ одной стороны подъ бокомъ большая комната, гдѣ при свѣтѣ лучины десятка полтора мужиковъ пьютъ пиво и водку, а въ одномъ углу тамъ же съ огаркомъ, подобнымъ моему, ужинаютъ; съ другой стороны въ маленькой комнаткѣ куча дамъ, и болтовня и хохотня; подо мною—музыка и танцы поселянъ и поселянокъ; да и моя комнатка не остается пустою: то старикъ хозяинъ придетъ искать чего нибудь, то старуха хозяйка, то какая нибудь изъ служанокъ, то всѣ вмѣстѣ сѣмьей. Къ тому же, утомившись трехчасовою ходьбою изъ Кинайса въ Маріенталь и проголодавши, я наѣлся на пропало

картофля и сливокъ... Вотъ мое положеніе! И даже нѣкому со мною или надо мною посмѣяться. Приходится разныя объясненія отложить до завтра. Можетъ быть завтра будетъ счастливѣе въ отношеніи покоя и освѣщенія.

26-е.

Я уже всталъ, и выспался прекрасно. Свечера говоръ и музыка меня убаюкали, а, проснувшись ночью, услышалъ тирольскія пѣсни и подъ нихъ опять заснулъ.

Скажу же нѣсколько словъ о моемъ теперешнемъ путешествіи.—Въ Лигницѣ я то и дѣло слышалъ о путешествіи и путешественникахъ по Силезскимъ горамъ; король Саксонскій недавно въ роли ботаника прошелъ чрезъ нихъ; наша императрица съ Ольгой Ник. и Лейхтенбергскими и вся Прусская корол. фамилія тоже тутъ въ Фишбахѣ и Эрмансдорфѣ; на водахъ Вармбрунскихъ также много гостей. И горы же такъ занимательны: какъ не пожертвовать парой дней, чтобы видѣть ихъ, когда я такъ близко отъ нихъ. Оставивши въ Лигницѣ свой багажъ, въ два часа утра я сѣлъ въ дилижансъ и къ 10 часамъ былъ уже въ Гиршбергѣ. Оттуда до Вармбруна съ небольшимъ часъ ходьбы, а, если бы ждать, то надобно бы было ждать до 2-хъ часовъ пополудни и пропадать со скуки; я пошелъ пѣшкомъ и въ половинѣ 12-го былъ въ Вармбрунѣ. Часть общества была въ концертѣ, другая гуляла. И я сталъ гулять. Центръ Вармбруна есть площадка передъ гостинницей Чернаго Орла: у Чернаго Орла останавливаются лучшіе гости, у него же собираются обѣдать, а противъ него аллея ведущая къ театру и залѣ танцовально-концертной, и по бокамъ этой аллеи, лавочки съ разными товарами, начиная отъ дѣтской игрушки и грошеваго куска мыла до турецкой шали. Я гулялъ тутъ и по городу до часу, до звонка, скликающаго у Чернаго Орла къ обѣду; потомъ пошолъ къ нему обѣдать. Гулянья и обѣда было достаточно, чтобы узнать общество: оно поселено въ гостинницахъ и приватныхъ домикахъ, живетъ тѣсно, но мило, уютно, большею частью на открытомъ воздухѣ, весело, безпечно; языкъ Нѣмецкій слышенъ больше всего: кромѣ Нѣмецкаго Польскій и рѣдко Французскій; одѣты всѣ, какъ можно лучше.—И потомъ пошелъ я въ Гернсдорфъ, оттуда въ Унтере-Кинастъ, гдѣ нанялъ проводника на все путешествіе по горамъ, и сталъ взбираться на Кинастъ. Я шелъ туда не одинъ; три дамы сидѣли на носилкахъ и несены были туда же, за ними партія ремесленниковъ и т. д.—Видъ съ Кинаста превосходенъ.—Дорога отъ Кинаста до Маріенталя очень тяжела: идетъ съ горы на гору по каменистымъ дорожкамъ, переходя черезъ ревущіе ручьи, черезъ лѣса и т. д.

Цакен-фаль.

2 часа пути отъ Маріенталя; впрочемъ, проводникъ мой такъ бѣжитъ впереди меня, что мы сдѣлали этотъ переходъ въ часъ. Я сижу теперь въ лубочной бесѣдкѣ и, какъ видите, пишу, а потокъ и водопадъ гремитъ... Отойдите шаговъ 15 отсюда, и вы его увидите, какъ падаетъ онъ съ вышины 120 футовъ, т. е. 17 саженъ, разбиваясь три раза о скалы. Я сходилъ и на самый [берегъ] и обрызганъ былъ пылью потока.

Скалы стѣною стоятъ тамъ у водопада, и покрыты вѣчною влагою. Кругомъ дикой еловый боръ. Обыкновенно потокъ сверху бываетъ нѣсколько запружонъ, но его можно пустить на волю, что и сдѣлали для меня,—и водопадъ загремѣлъ. заревѣлъ, облился пѣною. Какъ бы прекрасно напиться здѣсь чаю вмѣстѣ съ вами!

Новосилезская Буда.

Все выше на горы, все далѣе въ горы,—и вотъ уже я на высотѣ 3638 футовъ; гдѣ ночевалъ, Маріенталь лежитъ подъ ногами и за нею далеко-далеко равниною горы и долины, полуподернутыя туманомъ. Небо какъ будто выросло надъ головою. Я сижу въ бесѣдкѣ, а у дверей играетъ дѣвушка на арфѣ, а старикъ слѣпой на кларинетѣ, и, разумѣется, ждутъ отъ меня зильбергроша. Дамъ, дамъ, лишь бы перестали: играютъ не совсѣмъ дурно, но мелодія такая Нѣмецкая, однообразно кисло-сладкая, что смотрѣть на горы и слушать ее просто непристойно.

Schneegrubenbaude. Полдень.

Я вовсе не усталъ, но, поднимаясь все выше и выше, дышешь тяжело, сгибаешь колѣни и наконецъ падаешь: вотъ и исторія, и статистика моего странствія.

За Ново-Силезской будою, гдѣ наконецъ открылъ я и двухъ Чешекъ, очень не далеко тянется граница между Богеміей и Пруссіей. Сѣвши на кверштейнѣ, я видѣлъ въ одну сторону порядочный кусокъ Силезіи, а въ другую еще большій кусокъ Богеміи: и Бездѣсъ, и за Бездѣсъ, и Торнаву, и Ичинъ, и, если бы телескопъ, я видѣлъ бы чуть не до самой Праги. Можете представить себѣ, что это за видъ.

Эльбы истокъ, называемый Бѣлою Водою, колодезь и лачужка въ открытомъ полѣ.

Эльбфаль. Спустившись внизъ, чтобы лучше видѣть водопадъ, я приказалъ спустить воду, и закурилъ трубку. Вода взревѣла, широкою, волнисто-снѣжною дорогою рванулась внизъ и образовала вокругъ себя туманную атмосферу. Солнце выглянуло изъ-за облака, и эта пыль покрылась радужнымъ блескомъ. Зрѣлище единственное!

Дорога оттуда до Шнеегрубенъ-буды тяжела; за то видъ отсюда чудо. Тутъ есть уже и телескопъ и очень хорошій: я навелъ его на Гиршбергъ и увидѣлъ улицы, людей... Буда или домикъ, въ которомъ сижу и гдѣ уже пообѣдалъ, очень милъ, и напоминаетъ Русскіе домики. Тутъ они называются Швейцарскими. Гуляющихъ по горамъ много. Много и дамъ. Ихъ несутъ носильщики на носилкахъ, и за это платится въ день 3 талера=10 рублей! Согласитесь, что это не дорого. Довольно; пойду любоваться.

Schnee Koppe (Снѣжка).

Таки добрался; хоть не видѣлъ захожденія солнца, однако только потому, что тучи были на западѣ. Что увижу завтра, о томъ напишу, а теперь объ обществѣ, собравшемся на Снѣжку: всего на все человѣкъ около 20 съ проводниками и изъ нихъ Славянъ до 15. До моего прихода все говорило по Нѣмецки,—я, нашедши между ними знакомыхъ по Брну и по Вратислави, заговорилъ по Чешски, и теперь, хоть и молчу, однако всѣ говорятъ по Чешски.—Представьте себѣ маленькую часовню, раздѣленную на двѣ части, и надъ одной изъ нихъ полати: тамъ лягло 11 человѣкъ, въ томъ числѣ и мое мѣсто. Другіе располагаются внизу на полу; остаются два Чеха, играютъ въ марьяжъ, да я пишу. Становится страшно жарко; однако весело.—Знаете ли, маменька, сколько я сегодня прошелъ? Не менѣе $7^1/_2$ миль, поболѣе 50 верстъ, и право не усталъ, не хотѣлъ бы идти далѣе, но могъ бы, особенно по равнинѣ. Можете представить, какъ тяжело было идти, когда я уже въ 5000 футовъ, т. е. чуть не $1^1/_2$ верстѣ надъ поверхностью моря. Добрая ночь, милая маменька! Какъ бы я желалъ, чтобъ [вы] увидѣли, разумѣется, на картинѣ эту каплицу, превращенную въ гостинницу, въ ея теперешнемъ положеніи. Насмѣялись бы порядкомъ. Ахъ, если бы завтра солнце взошло порядочно. Пойду, посмотрю на окрестности, покрытыя мглою. Небо слилось съ землею, и все темно. Чудное чувство рождается, когда глядишь съ такой высоты на такое пространство. Глядя внизъ, считаешь все человѣческое такимъ малымъ, такимъ блошинымъ, а вспомнишь, что и самъ такая же блоха самъ не знаешь, что думать. Однако, прощайте до завтра.

27-е. Гампель-Бауде.

7-мь часовъ. Спускаюсь прямо съ горъ внизъ, и уже чуть не до половины спустился. Ночью вовсе худо спалось... Потомъ слышу голосъ: «А что не пора-ли на солнце глядѣть? У кого есть часы? Пане професcоре!» Всталъ, сталъ всматриваться въ часы, ничего не увидѣлъ. «Должно быть еще рано!» И уляглись опять. Черезъ какіе нибудь полчаса опять тоже, и потомъ опять тоже. Это продолжалось до 4-хъ. Въ четыре всѣ вскочили, и изъ часовни. Розово-туманная полоса на востокѣ, а все небо и земля кругомъ какъ одна туча. Да и холодъ такой, что возможности не было простоять болѣе 5-ти минутъ на открытомъ воздухѣ. Такъ мы то выходили, то входили въ часовню. Видѣли впрочемъ все. Розовая полоса расширялась, туманъ бѣлѣлъ, потомъ потянулись розовато-оранжевыя нити. Потомъ показалось...

Варіантъ письма XXXVII.

№ 27. Будишинъ (=Бауценъ). 26 сент. 1840. Саксонія.

И такъ я простился со Сгорѣльцемъ. Вчера въ половинѣ шестаго подъѣхала къ моей квартирѣ коляска: сѣвши въ нея съ вещами, я поѣхалъ къ Гаупту; тамъ тоже все было готово; вещи уложили, простились и поѣхали— я, Гауптъ, Шмалеръ—въ Будишинъ, столицу горныхъ Лужичанъ. Въ половинѣ 7-го мы выѣхали, въ часъ пріѣхали: всего 6 миль. По дорогѣ видѣли мы Вендовъ и Вендокъ, но вскользь. Въ Будишинѣ мы остановились у Молодаго Мѣсяца, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ живетъ д-ръ Клинъ, другъ Гаупта. Мы съ Смолярёмъ заняли комнату въ гостинницѣ, Гауптъ отправился къ Клину. Послѣ обѣда всѣ четверо отправились пѣшкомъ гулять по окрестностямъ Будишина и сдѣлали прогулку верстъ въ 25: были на одномъ школьномъ праздникѣ, посѣтили городище Доброшавское, прелестно рисующееся на скалахъ, стѣнами опускающихся къ Спрее; проходили черезъ нѣсколько Вендскихъ деревень, взбирались на гору Любенцъ, видѣли съ нея чуть не подъ ногами границу Богеміи, далѣе спустились въ Будишинскую равнину, гдѣ всякій уголокъ напоминаетъ о войнѣ Русскихъ съ Французами, ужинали въ какой-то гостинницѣ, минутахъ въ 10 отъ Будишина, и въ началѣ 10-го воротились домой. Прогулка прекрасная. Д-ръ Клинъ былъ душою нашего общества: какъ юмористъ, забавлялъ онъ насъ остротами; къ тому же онъ очень образованный человѣкъ, и Вендъ. Болѣе всего утѣшало меня то, что онъ, не

смотря на то, что онъ и докторъ, и совѣтникъ полиціи, обращался съ Вендами, какъ со своими родными или друзьями, ласкалъ дѣтей, жалъ руку старымъ... Такихъ чиновниковъ нѣтъ въ Чехіи. Венды—добрый, умный, милый народъ, не бѣдны, и между тѣмъ сохранили много старыхъ обычаевъ, а языкъ занимаетъ средину между Польскимъ и Великорусскимъ. Выговоръ мягкаго *е* чисто Московскій; да и вообще мнѣ кажется, никто лучше Московца не можетъ выговаривать по Вендски.

Вечеръ.

Сегодня опять цѣлый день мы бродили въ троихъ съ Гауптомъ и Смоларемъ, сначала по городу, потомъ въ половинѣ 10-го вышли изъ города по дорожкѣ къ горамъ. Обѣдали у лѣсничаго верстахъ въ 15 отъ Будишина, съ нимъ пошли на гору Чернобогъ, оттуда на Прашицу,—и къ 6 часамъ были дома, ни мало не утомившись. По дорогѣ мы заходили къ одному городищу. Чернобогъ очень высокъ и представляетъ прекрасные виды во всѣ стороны, на Лаузицъ, на Чехію, на Саксонію и Саксонскую Швейцарію. Многія мѣста на Чернобогѣ освящены преданіемъ: тутъ приносили въ жертву людей, тутъ была кафедра, тутъ Чертово окно, тутъ адъ. На Прашицѣ скалы красивѣе, но воспоминаній нѣтъ. Между ними Громадицъ — мѣсто собраній старыхъ язычниковъ Вендовъ, а неподалеку и котелъ, пробитый въ камнѣ, всегда наполненный водою, и въ немъ умывали они руки. Прогулка прекрасная и не малая, навѣрно верстъ 35 или тридцать. Вечеръ провели всѣ вмѣстѣ съ Клиномъ въ нашей комнатѣ. Тутъ были и два гимназиста Венда, изъ членовъ Вендскаго Будишинскаго общества.

27-го.

Воскресенье. Въ девять часовъ пошли мы съ Шмалеромъ въ Евангелическую Вендскую церковь и слушали проповѣдь, слушали и смѣялись искусству проповѣдника мѣшать нѣмщину со славянщиной. Не дослушавши, пошли мы въ католическую Вендскую церковь, но проповѣди уже не застали. Потомъ пошли въ соборъ. Чудное зданіе—кривое, искоробленное, и къ тому же еще раздѣленное на двѣ части: задній олтарь—католическій, а передній евангелическій. Обѣдали у Клина. Послѣ обѣда пошли за городъ, посѣтили два городища и скалу, называемую Пшибоомъ «идоломъ». Скала стѣною; на скалѣ стародавнія липы, подъ скалою Спрее, и такъ глубока, что дна еще не достали. Преданіе говоритъ, что на этомъ мѣстѣ стоялъ идолъ, и сверженъ былъ въ воду. Скалисто-лѣсистыя окрестности превосходны. Въ 7 часовъ мы

воротились домой, и съ Шмалеромъ цѣлый вечеръ занимались. Теперь уже скоро одинадцать. Пора спать. Желаю и вамъ покойной ночи. Вы вѣрно уже почиваете, милая маменька; а если нѣтъ, то вѣрно и обо мнѣ подумали хоть минутку. Прощайте.

29-е сент., т. е. 17-е.

Помните, милая маменька, 17-е сентября? Какъ не помнить вамъ когда вы меня такъ нѣжно любите!—Годъ тому назадъ вы провожали меня, плакали, благословляли и плакали. Господи, уже цѣлый годъ я не вижу васъ! Время это такъ быстро шло, что я самъ себя спрашиваю: ужели годъ? И слезы навертываются на глаза. Да, годъ! И я же могу хоть полужелать еще года полтора остаться не дома! Впрочемъ, милая маменька, право, я только полужелаю. Родные и знакомые, дома и не дома—большая разница.

Вчера я былъ въ двухъ библіотекахъ и работалъ цѣлый день надъ перечитываніемъ рукописей, тамъ найденныхъ. Сегодня утромъ то же. Послѣ обѣда съ Гауптомъ и Шмалеромъ ходили опять на Доброшовское городище и копали тамъ. Найдти ничего не нашли кромѣ черепьевъ перекаленнаго гранита и множество угля. На утесѣ, опускающемся стѣною въ 100 шаговъ къ Спрее, сидѣлъ я, смотрѣлъ на работы нашихъ работниковъ и мечталъ о давно минувшемъ, мечталъ, какъ на этомъ мѣстѣ приносились жертвы богамъ, сожигались мертвые, пѣлись пѣсни... Смотрѣлъ на окрестности, населялъ ихъ хижинами богомольныхъ язычниковъ, сзывалъ ихъ сюда къ молитвѣ. Вотъ какъ я встрѣтилъ новый годъ. Потомъ воротился домой и съ Шмалеромъ пилъ чай. Теперь сидимъ съ нимъ за однимъ столикомъ и оба пишемъ, я письмо, а онъ Вендскіе разговоры, которые приготовляетъ къ печати. Мы живемъ съ Шмалеромъ по братски. Доброй человѣкъ. Одно не хорошо: по Лужицки я говорить не могу, а слѣдовательно долженъ говорить по Нѣмецки.

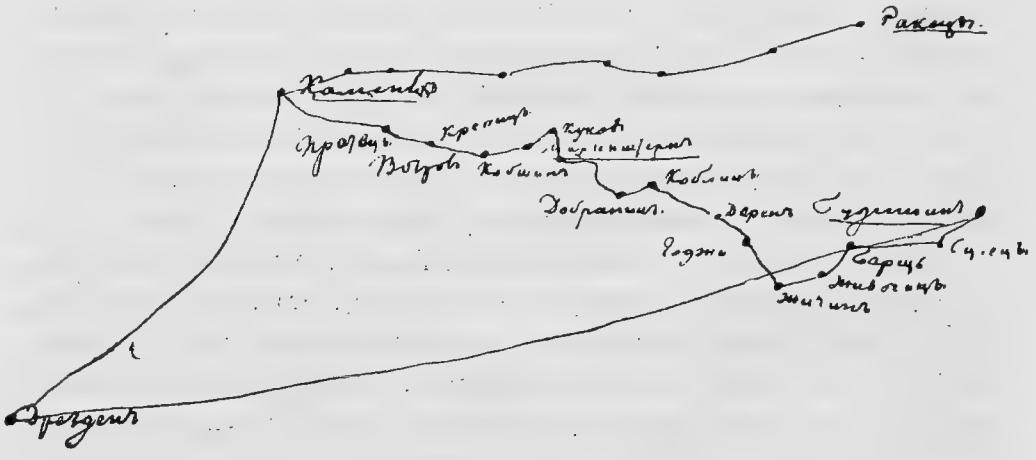
Еще два слова о Будишинѣ. Миленькій городокъ съ башнями и стѣнами, оставшимися отъ старыхъ укрѣпленій. Съ запада онъ опускается къ Спрее, и съ Дрезденской дороги рисуется амфитеатромъ. Жителей болѣе 10.000. Двѣ улицы прекрасны, широки и прямы. Лужицкое парѣчіе слышится безпрестанно. Оно очень пріятно. Ну вотъ напримѣръ: Добру ноцъ, моя люба мачи! Я пшею (желаю) вамъ добре соны. То со вѣ, зо дыжъ со вамъ джіѣ со вамъ тей жъ воте мнѣ донѣчь будже (разумѣется, что во снѣ помечтаете вы и обо мнѣ). Кнѣзъ Смолярь дава вамъ велѣ добрево праичь (приказываетъ отъ себя сказать вамъ все хорошее, т. е. кланяется вамъ). Добру ноцъ, моя наилюбша!—NB. Читайте это совершенно по Русски.

Монастырь Маріенштернъ (Клоштеръ святеи Марьи зъвездички) въ 4 часахъ отъ Будишина. 1-е октября 1840.

Вотъ гдѣ я, милая маменька. И прошолъ уже первый день нашего пѣшеходнаго путешествія по Лужицамъ. Въ половинѣ 10-го вышли мы съ Смолярёмъ изъ Будишина, до обѣда осмотрѣли три городища, послѣ обѣда четыре, и пришли сюда въ половинѣ 7-го, исходивши не менѣе $3^1/_2$ миль, если не болѣе. День прекрасный. Путешествіе занимательное и веселое. Вы увидите, какъ далеко пойду я. Сегодня я не говорилъ ни слова по Нѣмецки: все по Горно-Лужицки, и въ Лужицахъ не хочу говорить иначе. Лужичане хорошо живутъ, и народъ радушный, гостепріимный, довольно просвѣщенный, веселый. Что меня болѣе всего радуетъ, это пѣсни: какъ въ Россіи, онѣ раздаются тутъ всюду, и даже многіе напѣвы напоминаютъ о Русскихъ. Какъ жаль, что этотъ народъ такъ малъ! Земля богата; виды на горы очень милы; деревни на каждомъ шагу. Въ поляхъ дѣятельность: сѣютъ и боронятъ или собираютъ отаву.

Каменцъ. 2 окт.

Въ 7 часовъ утра мы вышли изъ Маріенштерна, заглянувши прежде въ самый монастырь и въ церковь. Монастырь этотъ женскій, и, какъ всѣ католическіе монастыри, хорошо построенъ. Самое селеніе очень мило. Всего милѣе сестра хозяйки постоялаго двора, гдѣ мы останавливались. Простившись съ Маріенштерномъ, мы пошли искать городищъ, и до сихъ поръ осмотрѣли три. Теперь одинадцать часовъ; мы завтракаемъ и черезъ четверть часа идемъ далѣе. Каменцъ стоитъ на скалахъ, хорошо рисуется, но самъ очень не хорошъ.



И посмотрите, какъ мы странствуемъ, само собою разумѣется, по тропинкамъ—«счежкамъ», а гдѣ не по «счежчѣ» такъ черезъ поле или черезъ лугъ.

Теперь мы въ 5 часахъ ходьбы отъ Дрездена,—и идемъ вовсе не въ Дрезденъ, а на сѣверъ и потомъ на востокъ. Сегодня ночуемъ, не знаю гдѣ еще придется, а завтра у родныхъ Смоляря. Прощайте до вечера.

Вечеръ. Ракецы.

Сегодня сдѣлали мы препорядочной переходъ: никакъ не менѣе 4½ миль, т. е. около 35 верстъ. До Ваза, родины Смоляря остается два часа пути.—Что же сказать вамъ? Не могъ не замѣтить, что Венды народъ не только не бѣдный, но даже, кажется, богаче Чеховъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы проходили, всѣ говорятъ и по Нѣмецки. Это двуязычіе не можетъ не вредить чистотѣ Вендскаго языка, и Венды точно довольно часто употребляютъ Нѣмецкія слова; впрочемъ, изъ устъ пасторовъ въ проповѣдяхъ желаютъ слышать чисто Вендскій языкъ и смѣются надъ тѣми, которые не наблюдаютъ чистоты языка. Мѣста прекрасныя: горы въ виду, лѣсу много, воды много, деревеньки премилыя, въ зелени, и каждый домикъ обвитъ виноградомъ, поляны роскошны. Только уже осень, осень. Туманъ насъ велъ по пути, а теперь льетъ проливной дождь. Хорошо, что намъ остается небольшой переходъ до отдыха. Впрочемъ, грязи большой тутъ быть не можетъ: почва усѣяна камнями.

Пруссія. Вазъ. 4 окт.

Вчера пока встали да осмотрѣлись, умылись да одѣлись, напились кофе да выкурили по сигарѣ, ударило девять. Подъ туманомъ пошли мы къ первой цѣли нашего странствія—къ Вазу или Лазу, родинѣ Смоляря, перешли изъ Саксоніи въ Пруссію, и черезъ 1¾ часа были въ Вазѣ. Изъ за густыхъ высокихъ липъ и тополей выглядываетъ башня церкви. Рядомъ съ нею стоитъ домикъ, называемый школою, тоже заросшій деревьями; къ этому домику подошли мы. Изъ домика услышали наши голоса и вышли встрѣчать жданныхъ гостей: вышелъ лысенькій старичокъ въ тулупѣ, вышла веселенькая полустарушка въ крестьянскомъ платьѣ, вышли двѣ босыя дѣвочки. «Витай сынку! Витай, брачику! Витайче кнѣже» говорили они и по Вендскому обычаю жали намъ руки. Потомъ вошли мы въ домикъ. Въ этомъ домикѣ на право большая комната—школа, на лѣво комнатка съ стряпальною печью и за нею другая крошечная съ постелями. Въ сѣняхъ разные закоулки и, кажется, еще комнатка. На чердакѣ еще комнатка довольно длинная и очень, очень узкая. Эта послѣдняя была приготовлена для насъ. Мать Смоляря сама

не знала, какъ насъ угостить. Сначала былъ завтракъ, потомъ обѣдъ; послѣ обѣда мы пошли на верхъ, а въ школу подъ нами собрались мальчики и дѣвочки и подъ предводительствомъ старика Смоляря запѣли, зажужжали; потомъ кофе, въ 7 часовъ ужинъ; въ 8 пришелъ буръ съ буровкой (селянинъ съ селянкой), родные хозяйки, потомъ пасторъ Зейлеръ, знаменитый въ Вендской литературѣ сочинитель Горно-Лужицкой грамматики,—и пили шоколадъ. Говорили по Горно-Лужицки, и я тутъ же,—разговаривали весело, по просту, очень хорошо. Въ $10^1/_2$ опять подали другъ другу руки и, сказавши другъ другу: «добру ноцъ! спиче дере (хорошо)», разстались. Зейлеръ съ фонарикомъ пошелъ домой, буръ съ буровкой тоже, мы съ Эрнестомъ на верхъ.

Теперь 8 часовъ. Намъ принесли кофе. Будемъ пить, потомъ заниматься, а потомъ въ церковь.

5 окт.

Въ церковь мы пошли въ половинѣ 10-го. Церковь была полна. На нижнихъ лавкахъ сидѣли женщины. На хорахъ, которые въ три яруса идутъ около церкви, были мужчины. Мужчины не имѣютъ почти ничего національнаго въ своемъ костюмѣ: длинные сюртуки, жилеты, шляпы дѣлаютъ ихъ похожими на нашихъ мѣщанъ. За то нарядъ женщинъ оригиналенъ: почти всѣ замужнія имѣли на головѣ большой широкій бѣлый платъ, заколотый подъ горломъ и прикрывающій всю талію, а дѣвушки имѣли на головѣ что-то въ родѣ очипка съ лентами; жарующія, т. е. въ траурѣ, который продолжается тутъ 53 недѣли, были въ черныхъ юпкахъ и тоже въ платѣ, но такъ длинномъ, что юбка видна снизу только на четверть. Зейлеръ говорилъ прекрасную проповѣдь, прекрасную по содержанію, прекрасную и по чистотѣ языка. Въ часъ мы пошли обѣдать къ Зейлеру. Потомъ глядѣли на обрядъ погребенія и крещенія. Вечеромъ опять были у Зейлера и просидѣли до 11 часовъ. Пили чай, а Зейлеръ съ Эрнестомъ и отцомъ его пѣли Лужицкія пѣсни, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ удивительное сходство по мелодіи съ Русскими.

Сегодня идемъ обратно въ Ракецы, гдѣ ярмарка.

Варіантъ письма XXXIX.

Дрезденъ. 19 окт. 1840.

Вы конечно угадали, милая маменька, что здѣсь начну я мой № 28. Проѣхать мимо было бы во всякомъ случаѣ непростительно: проѣзжая черезъ Дрезденъ въ первый разъ, я оставался въ немъ только на полтора дня, съ городомъ познакомился мало, собраній рѣдкостей и галлереи не видалъ, спѣ-

шилъ въ Прагу и надѣялся видѣть Дрезденъ еще разъ. Теперь я тутъ, и останусь на нѣсколько времени. Послѣ обѣда буду заниматься моимъ дѣломъ, а утрами осматривать галлереи, музеи, библіотеку. И вотъ, какъ провелъ я вчерашній день.

Вы уже знаете, что третьяго дня въ Котбусѣ я сѣлъ въ дилижансъ и поѣхалъ въ Госреверду, гдѣ меня ждали мои вещи. Получивши ихъ, я пересѣлъ въ Саксонскій дилижансъ—и въ Дрезденъ. Не могу не вспомнить о послѣдней Прусской станціи—отъ Госреверды до границы: дожди такъ испортили дорогу, что лошади не только не думали спѣшить, но даже и шагомъ идти. Большею частью мы шли пѣшкомъ. Шли пѣшкомъ и вязли. И такую дорогу называютъ шоссе! Въ 6 часовъ утра мы пріѣхали наконецъ въ Дрезденъ.—Я перебрался въ Hotel de Pologne, очистился, одѣлся, пошелъ къ придворному капеллану Грабѣтѣ, потомъ по городу таскаться, потомъ въ 11-ть въ католическую церковь, гдѣ былъ король и королева и гдѣ играла превосходная музыка, потомъ обѣдать, потомъ опять давай таскаться по городу, въ 6 часовъ въ театръ... Два слова о Дрезденѣ: на равнинѣ вблизи горъ и украшенной гористыми берегами Эльбы, на обоихъ берегахъ лежитъ онъ зеръ фрайндлихъ, на правомъ берегу новый городъ, чисто, правильно выстроенный, на лѣвомъ старый городъ—главная часть Дрездена, и предмѣстія, расходящіяся по разнымъ направленіямъ все далѣе и далѣе. Красивыя, впрочемъ черныя зданія, перемѣшаны съ домами чисто Нѣмецкими, грязные, глухіе переулки съ улицами, не большими, но правильными. Площадей много, но всѣ, кромѣ Стараго рынка, или малы или неправильны; за то ихъ такъ много, что заблудиться невозможно. Зелени очень много,—и это составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній Дрездена: садовъ и аллей болѣе нежели въ предмѣстьяхъ Вѣны. Потомъ Эльба, ея живописныя берега, превосходный (600 шаговъ длины) мостъ, съ котораго нельзя не любоваться и Дрезденомъ, и рѣкою, и ея берегами. О самыхъ жителяхъ не знаю что сказать: вчера было воскресенье, и я видѣлъ Дрезденцовъ въ лучшемъ одѣяніи, видѣлъ разнообразіе вкусовъ и еще болѣе безвкусія; вчера же я заходилъ и въ очень многіе домы, и не могъ не замѣтить, что входы, лѣстницы, сѣни, корридоры ужасно нечисты; можетъ быть, въ одинъ изъ ста домовъ не отвратительно войти, а иногда встрѣчаешь такую вонь, что поскорѣе направо кругомъ да подалѣе. Театръ новый отстраивается и будетъ великъ и хорошъ; старый же театръ отмѣнно грязенъ и тѣсенъ. Взявши мѣсто въ Cercle, я вошелъ; мнѣ указали на скамью, смотрю—вся полна, пробираюсь, продираюсь, ищу, нахожу свой №, между двумя дамами, говорю имъ,—не отвѣчаютъ; что дѣлать? вспомнилъ, что я между Нѣмцами, сказалъ «Um Endschuldigung» и сѣлъ на моихъ со-

сѣдокъ, какъ въ кресло. Вы хохочете, и говорите, какой я невѣжа; иначе, маменька, нельзя; не сдѣлай я этого, я не получилъ бы своего мѣста,—и при томъ это обычай. Занявши мѣсто, я оглядѣлъ публику: мѣщанство, безвкусіе, рожи. Наконецъ занавѣсъ поднялся, раздалась скрыпка Липинскаго, потомъ вышла Шредеръ-Девріанъ... Давали Монтекки и Капулетти; Шредеръ играла роль Ромео, Кортинъ ролю Джульетты. На Кортинъ, выступавшую въ первый разъ на сцену, жаль было смотрѣть: миленькая съ пріятнымъ голоскомъ, но трусъ. За то Ромео! Алтъ не такой чистой и полной, какъ у незабвенной Брамбиллы, но мягкость управленія голосомъ, удивительное sotto-voce, и притомъ драматизмъ игры, вѣрность тѣлодвиженій, тѣмъ болѣе поразительная, что въ роли мужчины не видишь женщины, восхитятъ хоть кого. Сцена погребенія и весь конецъ превосходны: вспоминаешь Шекспира, слышишь Липинскаго, видишь Шрёдеръ,—наслаждаешься. День окончился для меня совершенно нечаяннымъ образомъ: выходя изъ театра, слышу Русскіе голоса, оборачиваюсь... Калиновскій, Берлинскій знакомецъ, передо мною. Посмотрѣли съ изумленіемъ другъ другу въ глаза и обнялись. «Давно вы здѣсь?»—Сегодня пріѣхалъ. А Вы?—«Недѣлю живу, былъ въ Саксонской Швейцаріи, и черезъ двѣ недѣли отправляюсь въ Лейпцигъ.»—Такъ стало быть вмѣстѣ?—«И прекрасно!» Пошли ко мнѣ, оттуда къ нему, и до одиннадцати проболтали.—Впрочемъ уже 1/2 9-го: пора въ галлерею. До вечера.

Второй варіантъ письма XXXIX.

Дрезденъ. 1840. окт. 27.

И такъ я въ Дрезденѣ, и вы, конечно, милая маменька, угадали, что я сюда направляю свой путь. Быть такъ близко отъ Дрездена, и не завернуть въ него—это было бы по крайней мѣрѣ странно. Я же тутъ не только отдыхаю отъ Лужицкихъ приключеній и работъ, но и занимаюсь—занимаюсь, сколько позволяетъ время. Не подумайте, что я завелъ тутъ какія нибудь знакомства, отнимающія время: кромѣ дѣловыхъ никакихъ нѣтъ да и не къ чему; но картинная галлерея, но разные музеи, кабинеты... они отворены, а я хоть и плохой, но все же любитель художествъ. И день за днемъ проходятъ такъ, что и не видишь.

Впрочемъ сначала о моемъ жительствѣ. Зная, что въ отели нельзя издерживать въ день менѣе двухъ талеровъ, я остался въ Hôtel de Pologne только два дни, сыскалъ квартиру и переселился. Въ Wilsdruffer-Gasse (NB. одной изъ лучшихъ въ Дрезденѣ) въ № 28 первый этажъ занимаетъ вдова Мильднеръ, и, сама занимая крошечную комнатку, другія отдаетъ въ

наемъ пріѣзжимъ; у вдовы Мильднеръ живу и я. И я! Нѣтъ, живу я да еще одна Польская графиня съ теткой, да и только. Мои сосѣдки занимаютъ одну большую комнату и шлафъ-кабинетъ, я тоже шлафъ-кабинетъ и не такъ большую комнату. Наши комнаты сходятся дверями, ничѣмъ не заставленными, и, что нельзя не замѣтить, мы—сосѣди, довольны другъ другомъ какъ нельзя болѣе: отъ меня не слышно ни одного слова, потому что я самъ съ собою не говорю; отъ сосѣдокъ я также слышу только шопотъ. Г-жа тетушка должна быть пресмирная женщина, а графиня 14 лѣтъ отправляется каждый день куда-то учиться. Только вечеромъ въ 10 часу слышу я «Отче нашъ» и «Вѣрую», читаемыя молоденькой графиней, и потомъ все смолкаетъ. Мнѣ даже досадно, что не могу слышать болѣе. Я уже говорилъ объ этомъ моей хозяйкѣ. Хозяйка же передала мнѣ слова г-жи тетушки такъ: «Онъ (то есть я) долженъ быть литераторъ: я только и слышу отъ него, что или скрыпъ пера или ворочанье листковъ». Можете представить, какъ у насъ тихо, когда и скрыпъ пера слышенъ. У графини есть дѣвушка служанка Полька, но это не разрушаетъ тишины: я только раза два говорилъ съ нею по Польски, и то въ потьмахъ, а потому и не знаю даже ея физіогноміи. Надобно сказать слова два и о моей хозяйкѣ: старушка предобрая и преуслужливая: я ей вѣрю, а она очень рада, что я ей вѣрю, и еще болѣе рада, что я съ ней говорю и сажаю на софу. Въ знакъ благодарности она убрала мою постель тюфякомъ и одѣяломъ—по Русски, и подлѣ постели разложила коверъ. Съ ея служанкой Каролиной мы тоже въ миру. Плачу же я 3 талера за 2 недѣли.

День мой проходитъ такъ: въ 7-мъ часу встаю и пью кофе. Потомъ до 10 или 9 занимаюсь. Потомъ вонъ—въ картинную галлерею, библіотеку и т. п. Въ 2 домой и занимаюсь. Въ 6-ть въ театръ. Въ 9 домой и занимаюсь до 11. Исключенія рѣдки: капеланъ Грабѣта и библіотекарь Клемъ единственные мои знакомые, да и тѣ были у меня раза по два. Къ Тику собираюсь идти, но до сихъ поръ не собрался. У Липинскаго тоже еще не былъ. Съ нѣсколькими Русскими говорилъ въ театрѣ, да и только. Былъ тутъ и Калиновскій изъ Берлина, да уже уѣхалъ.

Теперь о Дрезденѣ. Дрезденъ не больше Харькова, и Эльбою раздѣленъ на двѣ части: на лѣвомъ берегу Altstadt, на лѣвомъ [1]) Neustadt. Neustadt чище, правильнѣе улицами, новѣе домами, но смиренъ какъ наша Залопань; Altstadt шуменъ какъ ярмарка. Отъ Эльбскаго моста идешь прямо къ Georgenthor, видишь на право католическую церковь и за нею театръ, на лѣво изъ за строеній Frauenkirche, прямо передъ собою старый шлоссъ,

[1]) Чит.: на правомъ.

и черезъ Georgenthor входишь въ шлоссъ-гассе; идешь прямо по ней и доходишь до Altmarkt, сворачиваешь на право, т. е. на лѣво (ошибся) нѣтъ, нѣтъ,—на право (не смѣйтесь: я не забылъ, гдѣ право, а гдѣ лѣво, а такъ, ошибся) и по Wilsdruffer-Gasse доходишь до почты, оттуда до глупаго Цвингера не далѣе какъ до церкви Дмитрія, оттуда до католической церкви не далѣе какъ до Острога отъ церкви, оттуда мимо Georgenthor и моста 100 шаговъ до Брюлевой террасы, оттуда до Neumarkt, гдѣ и картинная галлерея не далѣе какъ отъ Университета до церкви Рождества, оттуда шаговъ триста до Altmarkt Grüne Gevölbe въ 5 шагахъ отъ Цвингера. Японскій дворецъ, гдѣ и библіотека, за мостомъ, не далѣе какъ отъ Лопанскаго моста до монастыря. Нагородилъ!

Ну, да Семенъ Семеновичъ [1]) вамъ объяснитъ. Лучшее украшеніе Дрездена—Эльба. Это не Нева, но всетаки роскошная рѣка. Мостъ черезъ нее въ 600 шаговъ длины—прекрасный. Виды съ моста на Дрезденъ и окрестности очень милы. Дрезденъ такъ малъ, что, идя по любой большой улицѣ, увидишь поле. И Дрезденъ былъ бы очень милымъ городомъ, еслибъ не этотъ проклятой сѣрой цвѣтъ, которымъ покрыты всѣ домы. Магазины на Шлоссъ-Гассе и Wilsdruffer-Gasse очень богаты. Такъ бы вотъ и купилъ и то другое! Толкотня на этихъ улицахъ и на мосту безпрерывная до 10 часовъ; а въ 10 всѣ ложатся спать. Разговоръ Англійскій, Французскій, Польскій слышишь почти также часто какъ и Нѣмецкій; Русскій разговоръ тоже не рѣдкость. Вообще Дрезденъ кажется мнѣ городомъ на водахъ: коренные жители—слуги пріѣзжихъ. Столичнаго ничего нѣтъ.

Завтра буду говорить вамъ о церквяхъ, о театрѣ, о галлереѣ и т. д., а теперь спать. Мои сосѣдки давно уже почиваютъ; да и ночной сторожъ протрубилъ уже въ рогъ и пожелалъ покойной ночи. Пожелаю и я вамъ и себѣ той же покойной ночи. Сегодня былъ у меня вечеромъ Клемъ: завтра будемъ съ нимъ разсматривать рукописи въ библіотекѣ, а послѣ обѣда пойдемъ вмѣстѣ въ Porcellanen Sammlung. Послѣ завтра въ Staats Archiv; а сегодня утромъ осматривалъ разныя разности въ Цвингерѣ.—Покойная ночь.

XLV a [2]).

11 февраля.

Можно ли такъ? Полмѣсяца ни строки! Вы уже ждете моего письма,

---

[1]) С. С. Лукьяновичъ.

[2]) По ошибкѣ это письмо было пропущено въ своемъ мѣстѣ; оно относится къ февралю 1841 г.

милая маменька, вы уже начинаете думать обо мнѣ, что со мною,—а со мною ничего. Живу однообразно какъ въ деревнѣ: утромъ приходитъ Хорватъ, и до 10 занимаемся; далѣе я самъ, или къ Вуку. Въ концѣ 1-го приходитъ опять Хорватъ, и идемъ обѣдать; послѣ обѣда опять занимаюсь, иногда вмѣстѣ съ Хорватомъ; вечеромъ то къ Вуку, то къ Княжевичу, то въ театръ (очень рѣдко), то дома. Занимался между прочимъ отчетомъ, и на дняхъ посылаю. Княжевичу и Надеждину онъ понравился, не знаю что-то скажутъ о немъ у насъ въ Харьковѣ. Да узнаетъ о семъ Амвросій, и увѣдомитъ меня. Я было захворалъ: щека опухла. Надобно было сидѣть дома нѣсколько дней. Знакомые не забываютъ меня: Хорватъ, Заикинъ и Анненковъ, Вукъ, былъ и Надеждинъ съ Княжевичемъ. Что за человѣкъ этотъ Княжевичъ! О если бы у насъ было такихъ болѣе!

Въ театрѣ былъ въ это время два раза. Разъ въ Гоффбургѣ, разъ въ Каринтійскомъ. Въ первомъ давали Корреджьо Эленшлегерга. Лёве въ роли Кореджьо былъ прекрасенъ; а Аншюцъ въ роли Микель Анджело еще лучше.— Въ оперѣ былъ вчера. Давали Фигаро Моцарта. Что за музыка! И Люцерова играла Сюзанну прелестно. Къ ней такъ пристало въ этой роли ея папочное, полненькое, мякенькое личико, ея медовой голосокъ! Тучекъ играла пажа также прекрасно. Пѣсню пажа и письмо графини (дуэтъ ея съ Сузанной) заставили повторить: стоило.

Въ этотъ разъ я познакомился въ театрѣ съ Русскимъ, гр. Ламбертомъ [1]), и узналъ отъ него, что Бодянскій во Фрейвадау лечится водою — 19 мѣсяцевъ, и помощи не видать. Это ужасно! Жаль его и какъ человѣка и какъ одного изъ насъ.

Сегодня съ Заикинымъ, Анненковымъ и двумя Датскими путешественниками ходили въ картинную галлерею гр. Лихтенштеина. Цѣлый домъ, цѣлый дворецъ: 25 комнатъ. Есть прекрасныя картины—Гвидо Рени, Рубенса, Корреджьо, Луки Джіордано, Каналетто и т. д. 1400 картинъ. Есть превосходныя; Іоаннъ Креститель Корреджьо чудо милъ; виды Каналетто—какъ обыкновенно; Рафаэль дуренъ.—Изъ галлереи пошли въ зимній садъ; это огромная оранжерея, а при ней огромный погребъ, усаженный елками, — дорожки, ручеекъ, мостики, цвѣтныя стекла въ окнахъ, статуи, и т. д.—игрушка, похожая немного на дѣтскую. Впрочемъ освѣщеніе деревьевъ сквозь разноцвѣтныя стекла очень красиво.

Сегодня даютъ «Вѣрность дѣвушки» Моцарта—хочется идти. Не полѣнюсь, такъ и пойду.

---

[1]) К. О. Ламбертъ (ум. 1843)—французскій эмигрантъ, генералъ отъ кавалеріи русской службы.

14-е.

Полѣнился, и не пошелъ; а на другой день былъ въ картинной галереѣ царской, въ Бельведерѣ. Большая, но куда не такъ богата какъ Дрезденская. Въ бель-этажѣ на право Итальянская школа. Тутъ мнѣ особенно понравились Архангелъ Михаилъ, повергающій отпадшихъ духовъ, Маратты смерть Іосифа, Рафаэля Мадонна въ зелени и т. д. На лѣво школа Нидерландская: Рембрандтъ, Фанъ-Дейкъ, Рубенсъ, Теньеръ и т. д. Рубенсовъ Лойола—17 футовъ (2½ сажни) вышиною. Мать Рембрандта, имъ самимъ нарисованная, чудо что за старушка. Внизу и вверху разныя разности разныхъ школъ. Тутъ между прочимъ портретъ Купецкаго, имъ самимъ написанный—удивителенъ. Венера Лампи—чудо красота. Возвратъ солдата на родину Крафта тронулъ меня до слезъ, особенно когда взглянешь на нее, взглянувши на Уходъ этого солдата изъ родины. На этой—старикъ, жена, заплаканная съ дитятью на рукѣ и съ дитятью въ рукѣ, собака — провожаютъ солдата. Года черезъ три-четыре, онъ воротился: малютка его уже бѣгаетъ, другая стала большою дѣвочкой, жена отъ радости не знаетъ, что дѣлать, старикъ тоже рванулся, а вдали идутъ солдаты, и у самыхъ рядовъ жена бросилась къ одному изъ солдатъ и обнимаетъ его. Можно бы и лучше сдѣлать; но спасибо Крафту и за мысль. Дѣлать людей выше людей, ниже людей—хорошо; но дѣлать людей людьми—это выше всего. Вальдмюллеровъ Инвалидъ съ дѣтьми также милъ. Странны Арчимбольдовы Осень, Зима, Вода и Огонь: у Осени и носъ, и глаза, и волосы и все изъ плодовъ, у Воды все изъ рыбъ и черепахъ. Тамъ же Сальватора Битва, Казановы Битва, виды Каналетто. Много Менгса: нѣжно, безчувственно.

Вчера я получилъ письмо изъ Праги отъ Прейса. Пишетъ о Чешскомъ балѣ (былъ таки и блестящій) и о Чешскомъ театрѣ. Письмо превосходное. Когда нибудь прочту его вамъ [1]).

Вчера же вечеромъ былъ у Княжевича. Сегодня у него обѣдаю. Пора одѣваться.

15-е.

У Княжевича обѣдалъ, а вечеръ—въ театрѣ: давали Гугенотовъ или, какъ здѣсь передѣлали, Гвельфовъ и Джибеллиновъ, Майербеера. Изабеллу

---

[1]) См. Живая Стар., 1891, № 3, стр. 13—21.

играла Люцерова. Голосъ не громокъ, кричать не можетъ; но что за мягкость, что за нѣжность, что за выдержка, что за арпеджьо, что за тремоло, что за sotto-voce! Во второмъ дѣйствіи она въ своихъ садахъ,—и поетъ пѣснь, весело самодовольную: это ея характеръ. Я не зналъ, куда мнѣ дѣваться съ моей головой, съ сердцемъ, со всѣмъ тѣломъ,—чуть не метался какъ угорѣлой. Готовъ былъ вспрыгнуть, и по головамъ—къ Люцеровой... Разумѣется я остался на мѣстѣ и очень покойно; но до сихъ поръ слышу, вижу, чувствую ее. Четвертое дѣйствіе (заговоръ) исполнено было музыкою превосходно. Гейнсфеттеръ была бы хороша, но стара; Эрль просто гадокъ. За то музыка... хоръ дающихъ клятву—страшно превосходенъ.

Сегодня играютъ Монтекки и Капулетти—иду.

И былъ—и, ворочаясь, заблудился. Ни на что не похоже. Дорога черезъ гласисъ ровная, видная, широкая. Задумался—и заблудился. Джюльетту играла полуносая Леманъ; ну можно-ли пускать полуносыхъ на сцену! За то Гейнсфеттеръ въ роли Ромео была прекрасна, кажется не хуже Дрезденской Девріанъ. А бѣдная Брамбилла—помните?—потеряла голосъ, и пріѣдетъ въ Вѣну давать уроки. Жаль! То былъ альтъ. Этому то я задумался и заблудился.

Въ Вѣнѣ зима. Снѣгу вдоволь, вѣтры, иногда и мятель; доходило до 20 градусовъ. Ожидаютъ большой воды, и боятся. У насъ рѣки разливаются тихо, покойно; тутъ быстро.

Скоро, скоро оставлю Вѣну. На югъ. Какъ поѣду, еще самъ не знаю. Отвѣтъ на это письмо пишите въ Каттаро въ Далмаціи, poste restante. Когда буду въ Каттаро не знаю, но буду.

Кланяйтесь знакомымъ и друзьямъ. Здоровы ли вы, милая маменька? Или вы написали уже въ Аграмъ? Тамъ буду кажется не такъ скоро. Ну, я надѣюсь получить письмо въ Лайбахѣ. Такъ-ли?

Цѣлую ручку вашу. Срез.

(конецъ).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Перечень мѣстъ, посѣщенныхъ И. И. Срезневскимъ во время путешествія 1839—1842 [1]).

1839, сент. 17. Липцы.
18. Курскъ.
20. Коренная пустынь.
Курскъ.
22. Орелъ.
23. Мценскъ.
24. Тула.
26. Вѣневъ монастырь.
Чертовая, им. Кучина.
30. Подольскъ.
окт. 1—17. Москва.
22—ноябр. 21. Петербургъ.
Ямбургъ.
Нарва.
Дерптъ.
Валкъ.
Вольмаръ.
ноябр. 25. Рига.
30. Таурогенъ.
Тильзитъ.
дек. 13—17 (н. с.) Кенигсбергъ.
20. Берлинъ.
1840. февр. 7. Галле.
11. Лейпцигъ.
15. Дрезденъ.
16. Прага.
мая 10. Сланый.
Дер. Ярпица.
11. Прага.
29. Бенатки=Венеція.
Ст.Болеславь(Stara Boleslav, н. Alt Bunzlau).
29—31. Ковань.
іюня 1. Болеславь (ч. Mlada Boleslav, н. Jung Bunzlau).
1. Соботки (ч. Sobotka).

1810. іюнь 1. Ичинъ (ч. Jičin, н. Gitschin).
2. Либунь (ч. Libáň, н. Lieben).
3. Турновъ (ч. Turnov, н. Turnau).
4. Либунь (ч. Libáň, н. Lieben).
Ичинъ (ч. Jičin, н. Gitschin).
5. Соботки (ч. Sobotka).
Градиште (Hradiště nad Labem, н. Gradlitz).
Болеславь (ч. Mlada Boleslav, н. Jung Bunzlau).
Старая Болеславь (ч. Stara Boleslav, н. Alt Bunzlau).
Прага.
10. Бероунъ=Верона (ч. Beroun, н. Beraun).
11. Ползень (ч. Plzeň Nový, н. Pilsen).
14. Клатовы (ч. Klatovy, н. Klattau).
Страконицы (ч. Strakonice, н. Strakonitz).
15. Воднянъ (ч. Vodňany, н. Wodnan).
Будейвицы (ч. Budějovice, н. Budweis).
17. Липцъ (ч. Linec, н. Linz).
Вѣна.
23. Баденъ.
Вѣна.
28—іюл. 5. Брно (ч. Brno, н. Brünn)

---

[1]) Считаемъ долгомъ выразить признательность П. А. Сырку за его указанія при составленіи этого перечня.

1840.—іюль. Западная Моравія (письмо не сохранилось).
17. Оломоуцъ (ч. Olomouc, н. Ollmütz).
19. Опава (ч. Opava, н. Troppau).
21. Нейштадтъ.
22. Вратиславь (ч. Vratislav, н. Breslau).
авг. 6. Ополье (ч. Opole, н. Oppeln).
7. Краппицъ (н. Krappitz).
Стрѣленъ (ч. Střelin, н. Strehlen).
9. Ополье (ч. Opole, н. Oppeln).
11. Вратиславь (ч. Vratislav, н. Breslau).
23. Легницы (ч. Legnica, н. Liegnitz).
Гиршбергъ.
Вармбруннъ.
Гернсдорфъ.
25. Гора Кинастъ.
Маріенталь.
Гора Гогенрадъ.
Вершина Снѣжка (н. Schneekoppe).
30. Сгорѣлецъ (луж. Zhorelc, н. Görlitz).
сент. 25. Будишинъ (серб.-луж. Budyšin, н. Bautzen).
окт. 1. Мон. Маріенштернъ.
2. Каменецъ (серб.-луж. Kamenc).
Кенигсварта=Ракецы.
3. Вазъ=Лоза.
5. Ракецы.
6. Будишинъ (серб. - луж. Budyšin, н. Bautzen).
8. Вазъ.
11. Кочинъ.
12. Куловъ (ч. Kulov, н. Wittichenau).
Злой Коморовъ (н. Senftenberg).
14. Приценъ.
Ветешовъ=Ветшау.
15. Люббенау (ч. Lubněv, н. Lübbenau).
Стропицы.
Бѣлая гора.
Шревозъ.
1840. окт. 15. Борковъ.
Хочебузъ (ч. Chotěbuz, н. Kottbus).
Воерецъ = Гойерсверда, (серб.-луж. Vojercy, н. Hohenswerda).
18. Дрезденъ.
нояб. 2. Пирна (ч. Perno, н. Pirna).
Пуста.
Либеталь.
Ломенъ.
Оттовальдсгрундъ.
Гёлегрундъ.
3. Бастей.
Гоништейнъ.
4. Шандау.
5. Пирна (ч. Perno, н. Pirna).
6. Дрезденъ.
7 нояб. 15 янв. Прага.
1841. янв. 15. Градецъ Крал. (н. Koenigsgrätz).
Лютомышль (н. Leutemischl).
Брно (ч. Berno).
янв. 23—26 февр. Вѣна.
февр. 28. Градецъ (сл. Nemski Gradec, н. Grätz).
март. 7. Марбургъ (сл. Maribor, н. Marburg).
10. Птуя (Ptuja, н. Pettau).
11. Велика Недѣля (Gross Sontag).
Фридау.
12. Вараждинъ (хр. Varaždin. н. Warasdin).
14. Загребъ (ср. Загреб, н. Agram).
19. Омилье=Омишье.
20. Быстрица (долина).
22. Крапина.
26. Загребъ (срб. Загреб, н. Agram).
31. Карловецъ (срб. Карловац Горњи, н. Karlstadt).
апр. 1. Юрово (имѣнье).
2. Метлика (сл. Metlika, н. Metling)
Юрово.
3. Метлика (сл. Metlika, н. Metling).
Храстъ (

1841. апр. 3. Новое Мѣсто (сл. Nove Mesto, н. Neustadt).
5. Любляны (сл. Ljubljana, н. Laibach).
10. Крань (сл. Krajnj, н. Krainburg).
11. Накласъ.
14. Любляны (сл. Ljubljana, н. Laibach).
Торжецъ (сл. Teržič, н. Neumarktl).
17. Целовецъ (сл. Celovec, н. Klagenfurt).
18. Мошбургъ.
20. Целовецъ (сл. Celovec, н. Klagenfurt).
22. Верба (Velden).
Роженъ (Rosenthal).
24. Быстрица (Feistritz).
25. Дер. св. Георга.
Блейбергъ.
26. Быстрица (село въ Зильской долинѣ).
27. Тарфисъ.
Резіута.
Венцоне.
Джемона.
Тарченто.
май 1. Ложѐваро.
Чивидаль.
2. Горица (сл. Gorica, н. Görz).
4. Липава (сл. Vipava, н. Wippach).
Постоина (сл. Postojna, н. Adelsberg).
Любляны (сл. Ljubljana, н. Laibach).
7. Тріестъ (срб. Трст).
11. Венеція (срб. Млетци).
13—27. Тріестъ.
28. Копръ (срб. Копар, нт. Capo d'Istria).
30. Corte d'Isola.
31. S. Lorenzo.
іюнь 1. Валле.
2. Перой (срб. Перој).
Пола.
4 Перой.
Dignano.
Barbano.
Pisino.
5. Рѣка (срб. Рјека, нт. Fiume).

1841. іюнь. 11. Кралевица (срб. Краљевица, нт. Porto Re).
Возъ.
Омишаль (Castel Muschio).
12. Кркъ (сл. Kérk, нт. Veglia).
13. Башка (Beska).
14. Сень (ср. Сењ).
18. Берлогъ.
19. Оточацъ (хр. Otočac, н. Otoschatz).
20. Госпичь (хр. Gospić).
Карловъ Пагъ (хр. Karlov Bag, нт. Carlopago).
22. Ост. Пагъ (хр. Pag, нт. Pago).
Павіано, Павляна.
Прутна.
Привлака (Brevilaqua).
23. Нинъ (хр. Nin, нт. Nona).
24. Задръ (хрв. Zader, срб. Задар, нт. Zara).
26. Ост. Углянъ (хрв. Uljan).
27. Задръ (срб. Задар, нт. Zara).
28. Бенковацъ (н. Benkovatz).
29. Кистань (срб. Кистање).
Мон. Крка.
іюль. 1. Дернишь (хрв. Drniš).
Коссово поле.
Дернишь (нт. Dernis).
3. Скрадинъ (нт. Scardona, Шебенико (хр. Sibenjik, нт. Sebeniko).
5. Ост. Первичь (срб. Првић), Шебенико (хр. Sibenjik, нт. Sebenico).
6. Трогиръ (хр. Trogir, нт. Trau).
Сплѣтъ (срб. Сплет, хрв. Split, нт. Spalato).
8. Castelli.
9. Курцола, ост. (нт. Curzola, срб. Корчул).
10. Дубровникъ (срб. Дубровник, нт. Ragusa).
11. Которъ (срб. хрв. Kotor, нт. Cattaro).
12. Цетинь (срб. Цетиње).

1841. іюль. 13. Которъ (срб. хрв. Kotor, ит. Cattaro).
15. Новый (Castelnuovo, с. Ерцегнови).
16. Старый Дубровникъ (Ragusa vecchia, срб. Цавтат).
17. Дубровникъ (срб. Дубровник, ит. Ragusa).
21. Стонъ (хр. Ston, ит. Stagno).
23. Опузинъ (срб. Опузен, ит. Narenta).
24. Макарска.
25. Омишь (срб. Омиш, ит. Almissa).
26. Губавица (водопадъ на Цетини).
27. Омишь (срб. Омиш, ит. Almissa).
28. Сплѣтъ (срб. Сплит, ит. Spalato).
29. Шебеникъ (хр. Šibenjik, ит. Sebenico).
30. Задръ (срб. Задар, ит. Zara).
31. Рѣка (срб. Рјека, ит. Fiume).

авг. 8. Карловецъ (срб. Карловац, н. Karlstadt).
10. Загребъ (срб. Загреб, н. Agram).
25. Псарево (имѣнье).
26. Омилье.
Быстрица.
27. Загребъ (срб. Загреб, н. Agram).

сент. 18. Градишка (х. Gradiška, н. Neu Gradiska).
19. Брестовацъ.
20. Пожега (срб. Пожега, н. Posega).
21. Бродъ Славонскій (срб. Брод, н. Brood).
23. Винковцы (срб. Винковцы, н. Vinkowitz).
24. Вуковаръ (мад. Ó и Uj-Vukovàr, н. Alt und Neu Vukovar).
25. Мон. Прибина Глава.
Мон. Ковеждинъ.
Мон. Шишатовацъ.
Мон. Бешетово.

1841. сент. 26. Митровица (срб. Митровица).
27. Рума.
27. Иргъ (Irig).
Мон. Опово.
27. Мон. Гергетекъ.
Мон. Крушедолъ.
28. Карловцы (мад. Karlocza, н. Karlowitz).
Варадинъ (хр. Petrovaradin, мад. Petervar, н. Peterwardein).
Новый Садъ (хрв. Novi Sad, н. Neusatz).
30. Землинъ (срб. Земун, н. Semlin).

окт. 1—7. Бѣлградъ (срб. Београд, н. Belgrad).
9. Крагуевацъ (срб. Крагуевац, н. Kraguiewatz).
11. Крушевацъ (срб. Крушевац).
12. Алексинацъ (срб. Алексинац).
13. Баня (срб. Бања, н. Banja).
14. Ражань.
Парачинъ (срб. Параћин).
15. Чупрія или Тюпрія (срб. ћуприја).
Мон. Раваница (срб. Раваница).
Мон. Манасія.
17. Свилейнацъ (срб. Свилајнац).
19. Пожаревацъ (срб. Пожаревац, н. Passarowitz).
Смедерево (лат. Semendria).
20. Бѣлградъ (срб. Београд, н. Belgrad).
22. Землинъ (срб. Земун, н. Semlin).

нояб. 9. Карловцы (хрв. серб. Karlovci, н. Karlowitz).
Варадинъ (хр. Petrovaradin, н. Peterwardein).
10. Новый Садъ (хрв. Novi Sad, н. Neusatz).
17. Пештъ (слц. Pešť, н. Pesth).
27. Вѣна.

1842 мартъ. 15. Нейштадтъ.

1842. март. 16. Шопронь (сл. Šoprоň, н. Oedinburg).
17. Нейштадтъ.
19. Вѣна.
Брѣтислава (слц. Bretislav, н. Pressburg).
25. Модра (сл. Modra, н. Modern).
28. Брѣтислава (слц. Bretislav, н. Pressburg).
апр. 24. Дѣвинъ (сл. Děven, н. Theben).
Брѣтислава (слц. Bretislav, н. Presburg).
май. 1. Нитра (сл. Nitra, н. Neutra).
3. Фраштакъ = Глоговецъ, (н. Freistädtel).
Мадуницы.
4. Терпава (сл. Trnava, н. Turnau).
5. Брѣтислава (слц. Bretislav, н. Presburg).
8. Коморнъ (сл. Kamarno, н. Komorn).
Остригомъ (слц. Ostrigom, н. Gran).
Вышеградъ (сл. Vyšegrad, н. Plintenburg).
Вацовъ (слц. Vacov, н. Waitzen).
Пештъ (слц. Pešt, н. Pesth).
12. Остригомъ (слц. Ostrigom, н. Gran).
село Паркань (ч. Parkan).
13. Иполи (мад. Jpoly-Sagh).
Немци (мад. Nemeti).
14. Штявница (сл. Stavnica, н. Schemnitz).
19. Склепная Топлица.
Крестъ (сл. Svatý Kříž, н. Kreutz).
Лиготка.
20. Кремница (сл. Křemnice, н. Kremnitz).
21. Теплица.
25. Мошовцы (сл. Mošovce).
26. Блатница.

1842. май. 30. Иванчина.
Мошовцы.
июнь. 1. Иванчина.
2. Правно (сл. Pravno Slovanske, н. Windisch Proben).
Угровцы.
Тренчинъ (слц. Trenčin, н. Trentschin).
5. Теплицы.
6. Тренчинъ (слц. Trenčin, н. Trentschin).
7. Жилина (слц. Zilina, н. Silein).
8. Сучаны.
9. Кубинъ Нижній (сл. Dolni Kubin, н. Unter-Kubin).
10. Ясенова.
Ружемберкъ (слц. Ružomberk, н. Rosenberg).
12. Микулашь (сл. Svatỳ Mikulaš).
14. Село св. Янъ.
Гибы (сл. Hyby, н. Geib).
Гора Кривань.
15. Гибы (сл. Hyby, н. Geib).
Микулашь (сл. Svatỳ Mikulaš).
20. Банская Быстрица (слц. Banska Bystrica, н. Neusohl).
21. Черная Легота.
24. Брезно (мад. Brezno-Banya, н. Bries, Briesen).
Тисовецъ (мад. Tiszolcz, н. Theisholz).
27. Ревуца (мад. Nagy-Rötze, н. Gross-Rauschenbach).
28. Хижно.
30. Тельгартъ.
іюль. 1. Попрадь.
Гора Плѣшивая.
2. Кежмарокъ.
Левоча (мад. Löcse, н. Leutschau).
6. Подградье (мад. Szepes-Váralia, н. Kirchdorf).
Пряшовъ (сл. Prešov, н. Eperies).

1842. іюль. 9. Комлошъ—Хмѣлевъ(мад. Komlos).
10. Епральтовца.
11. Кладзаны.
12. Лучки (мад. Nagy Lucska).
13. Унгваръ = Ужгородъ (мад. Unghvar).
15. Мукачовъ (мад. Munkácz, н. Munkatsch).
16. Верецка.
17. Сколе (пол. Skole).
18. Стрый (пол. Stryj, н. Stry).
19. Львовъ (пол. Lwów, н. Lemberg).
авг. 1—6. Краковъ (пол. Kraków, н. Krakau).
8. Вратиславъ (ч. Vratislav, н. Breslau).
12. Познань (пол. Posnań, н. Posen).
11 (ст. стиля). Варшава.
30. Ковно.
31— 6. Вильна.
сент. 8. Минскъ.
Бобруйскъ.
Черниговъ.
12. Кіевъ.

Указатель личныхъ именъ.

Августъ—курфюрстъ саксонскій († 1586). 177.

Авксентьевы. 224.

Аджичь—см. **Гаджичь**.

Александра Павловна—великая княгиня († 1801). 293.

Александръ I—имп. всероссійскій. 279.

Алябьевъ, А. А.—композиторъ (1802 † 1852). 15.

Амерлингъ, Карлъ—директоръ главной чешской школы въ Прагѣ (род. 1807 г.). 74, 75.

Анастасевичъ, Вас. Григорьевичъ—библіографъ (род. 1775 † 1845). 25, 26, 38.

Андросовъ, Вас. Петр.—редакторъ журн. «Московскій наблюдатель» († 1841). 15, 16, 17.

Андружскій (изъ Варшавы). 330.

Аничкова, К. А. 77.

Аничкова, М. Андр. 12. 74. 96. 105. 269.

Анна—имп. австрійская. 115. 209.

Анненковъ, П. В.—литераторъ (р. 1813 † 1887). 188, 351.

Аншюцъ—вѣнскій трагикъ († 1855). 129, 161, 170, 268, 279, 351.

Арсеній—игуменъ Троицкаго монастыря (въ Вильнѣ). 333.

Артемовскій-Гулакъ, П. П.—профессоръ русской исторіи и ректоръ харьковскаго унив. (род. 1790 † 1865). 14.

Арчимбольдъ—живописецъ (около 1590). 352.

Асенкова, Варвара Ив.—драматическая актриса (род. 1817 † 1844). 35, 36.

Ахенбахъ—дюссельдорфскій художникъ (р. 1815). 86.

Бабукичь, Вѣкославъ—одинъ изъ дѣятелей иллирскаго возрожденія, хорватскій писатель. 197, 261.

Барковскій, Андрей Лавр. († 1880 гг.). 21, 23, 24, 26, 33, 36, 37, 48.

Барду=Барту, Алекс.—берлинскій художникъ. 55, 57.

Барду=Барту, Карлъ—берлинскій живописецъ. 55, 57, 58.

Барду=Барту—дочь К. Барду. 55, 57, 58.

Барду=Барту—жена К. Барду. 55, 57, 58, 59.

Бартъ—см. **Гассель Бартъ**.

Батьяни, графъ. 293.

Бауеръ, Каролина—драм. актриса (род. 1808). 161, 170.

Бауръ—гобоистъ (въ Прагѣ). 184.

Башуцкій, Ал. Павл. литераторъ (р. 1805 † 1876). 28.

Безхадарный—домовладѣлецъ въ Харьковѣ. 111.

Бейеръ—пражскій драм. актеръ. 76.

Бекъ—чешскій пѣвецъ. 63.

Бенардаки, Дм. Ег.—откупщикъ († 1870) 29, 44.

Бенедиктъ—проф. лицея въ Кежмаркѣ. 313.

Бентковскій, Фениксъ — польскій писатель (р. 1781 † 1852). 331.

Беранекъ—чешскій гимнастъ. 262.

Берличъ, Игнатій — писатель хорватскій (р. 1795 † 1855). 245.

Бернульи — швейцарскій экономистъ и натуралистъ (р. 1751 † 1834). 202.

Бессель—директоръ астрономической обсерваторіи въ Кенигсбергѣ (род. 1784 † 1846). 51.

Бецкій, Ив. Егоровичъ—редакторъ Молодика († 1892). 19.
Богдановичъ, Ип. Ѳед.(р. 1743 † 1802). 3.
Бодянскій, О. М. (1808 † 1877). 328, 329, 332, 351.
Болеславъ Храбрый—кор. польскій (р. 967 † 1026). 328.
Боппъ, Францъ (р. 1791 † 1867). 55.
Бочекъ, Ант.—историкъ Моравіи, проф. чешскаго языка въ Оломуцѣ и въ Брнѣ (р. 1802 † 1847). 121.
Брамбилла—пѣвица вѣнской оперы. 115, 116, 118, 161, 348, 353.
Бранковичъ—горный практикантъ (въ Штавницѣ). 296, 298.
Бронишъ—пасторъ въ Приценѣ. 157.
Брянскій, Як. Гр.—артистъ Спб. драматическаго театра († 1853). 35.
Будмани (Дубровчанинъ). 232.
Булычевъ, Иванъ Демьяновичъ — путешественникъ по Сибири. 33.
Бурьянъ, Т.—проф. кадетскаго корпуса въ Нейштадтѣ (р. 1802). 281.
Бѣла—мѣщанинъ изъ Микулаша. 306.
Бѣлогорскій — свящ. въ Словенскомъ Правнѣ. 302.
Бѣлевскій, Августъ—польскій литераторъ и ученый (р. 1806 † 1876). 322.
Бѣлянскій, Іос.—епископъ Банско-Быстрицкій (1769 † 1843). 298.
Вагилевичъ, Иванъ—одинъ изъ дѣятелей галицко-русскаго возрожденія (р. 1811 † 1866). 322.
Ваковичъ,Свевладъ—адвокатъ въ Карловацѣ. 237.
Вальдмюллеръ—живописецъ. 352.
Вандейкъ — живописецъ (род. 1680 † 1752). 352.
Ваннотти, М. Андр. 78, 79.
Варгафтская — драматическая актриса (въ Градцѣ Штирійскомъ). 191.
Василій Поповичъ—епископъ уніат. въ Унгварѣ. 317.
Ваффей, Катерина —ученица И. И. С-го. 30, 44.
Ващенко, Герасимъ Вас.,—генеральный русскій консулъ въ Бѣлградѣ. 250, 251, 252, 260.
Ващенко, М. Е.—жена Г. В. Ващенка. 250, 251, 260, 261, 262.
Веберъ,А.—пейзажистъ (р. 1817 † 1873). 87.
Вейсъ, Пепин — актеръ-мальчикъ (въ Загребѣ). 196.
Вейтъ—пражская пѣвица. 184.
Вельтманъ, Алекс. Ѳомичъ — литераторъ (р. 1800 † 1870). 14, 15, 18, 19, 52, 71.
Вендтъ — танцовщица (въ Варшавѣ). 330.
Верстовскій, А. Н.—композиторъ (р. 1799 † 1866). 12.
Вестри—актеръ (въ Тріестѣ). 216.
Ветешникъ, Фр.—чешскій писатель, священникъ (р. 1784 † 1850). 101, 102, 103, 104.
Винаржицкая—сестра Карла Винаржицкаго. 99.
Винаржицкій, Карлъ— чешскій литераторъ и ученый, фарарь ковапскаго прихода (р. 1802 † 1869). 92, 97, 98, 99, 100, 101.
Винаржицкій—отецъ Карла Винаржицкаго. 90, 100, 101.
Виснеръ,—чехъ изъ Ползня. 108.
Вишневскій, Михаилъ — польскій писатель (р. 1794 † 1865). 323, 325, 326.
Вишневскій— сынъ М. Вишневскаго. 325.
Владиславъ Ягеллонъ — король польскій (р. 1350 † 1434). 326.
Владиславъ Локетокъ—кор. польскій (р. 1260 † 1333). 327.
Владиславъ IV—кор. польскій (р. 1595 † 1648). 326.
Вороничъ, Янъ Павелъ— еп. варшавскій и примасъ польскаго королевства (р. 1757 † 1829). 327.
Вразъ, Станко — хорватскій писатель (р. 1810 † 1851). 193, 194, 195, 198, 203—205, 240—243.
Враницаръ—домородецъ карловецкій (въ Крайнѣ). 198.
Вучичевичъ, М. П.—почтмейстеръ въ Харьковѣ. 224.
Вячеславъ св.—король чешскій. 94.
Гагичъ, Іеремія,—русскій консулъ въ Дубровникѣ (р. 1783 † 1859). 227, 232.
Гаджичъ, Іованъ—филологъ и историкъ хорватскій (р. 1799). 248, 249, 261, 262.
Гаджичъ Н.—гвардіанъ въ монастырѣ капистрановъ въ Вуковарѣ. 246.
Гаджичъ, Софія—дочь І. Гаджича. 248, 249.

Гаджичь, Софія—мать І. Гаджича. 248, 249.
Гаджичь—жена І. Гаджича. 248.
Газенпфлугъ, Карлъ — пейзажистъ (р. 1802 † 1858). 87.
Гай, Людевитъ (р. 1809†1872). 93, 171, 193, 194, 196, 197, 217, 240—243, 294.
Гакель — охотникъ, проводникъ. 306, 307, 308.
Галеръ, Іоганнъ—художникъ (р. 1792). 271.
Галка, Іеремія—псевд. Н. И. Костомарова. 19.
Галчинковъ — домовладѣлецъ въ Спб. 21.
Гальпертъ—актриса варшавскаго театра. 330.
Гамалѣя. 30.
Гамульякъ, М.—издатель сочиненій Яна Голаго. 294.
Ганка, В. В. (р. 1791 † 1861). 74, 75, 81, 83, 84, 92, 93, 94, 95, 106, 123, 132, 185, 249, 265.
Ганъ, В. Н.—ученикъ И. И. Срез—го по пансіону. 70.
Гараньяни, графъ (въ Сплѣтѣ). 224.
Гардинскій, Егоръ Петр. († 1853). 26, 38.
Гартенштейнъ, Даніилъ — купецъ въ Радзивиловѣ. 77, 78, 86, 283.
Гассель-Бартъ—пѣвица вѣнской оперы. 188, 266, 267, 293.
Гауденціо—патеръ. 222.
Гауеръ генералъ русской службы. 260, 261.
Гауптъ, А.—жена Л. Гаупта. 141, 145.
Гауптъ, Карлъ—сынъ Л. Гаупта. 144.
Гауптъ, Л.—одинъ изъ дѣятелей серболужицкаго возрожденія 1830—1840 гг. 141, 142, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 341, 342, 343.
Гауптъ, Матильда—дочь Л. Гаупта. 144.
Гауптъ, Рудольфъ—сынъ Л Гаупта. 144.
Гауптъ, Теодора—дочь Л. Гаупта. 144, 145, 146.
Гвидо Рени—итал. живописецъ (род. 1574 † 1642). 351.
Гвотъ, І.—докторъ, словенскій писатель. 306, 307.
Гебель—актеръ (въ Москвѣ). 17.
Гейнрихенъ—жена діакона въ Сгорѣльцѣ. 145, 146.
Гейнсфеттеръ—пѣвица. 353.
Гельвигъ—драм. актриса (въ Дрезденѣ). 170.
Гельмъ. 189.
Гельфрейхъ—товарищъ И. И. С—го по пансіону Коваленскаго въ Харьковѣ. 25.
Гербуртъ—каноникъ (въ Вильнѣ). 333.
Геркичь—директоръ гимназіи въ Карловцахъ. 248.
Геромета, Евг.—фарарь нитранскій (р. 1819). 288.
Геснеръ—чешская пѣвица. 63.
Главачекъ, Мих.—проф. лицея въ Левочѣ. 314.
Главачь—пасторъ (въ Кремницѣ). 299.
Гловикъ—свящ. въ Кладзанахъ 316.
Гловикъ—фарарь въ Комлошѣ. 315.
Гловикъ—жена Гловика, фараря въ Комлошѣ. 315.
Гловикъ—жена Гловика, свящ. въ Кладзанахъ. 316.
Гоголь, Ник. Вас. (р. 1809 † 1852). 14, 15, 16, 20.
Годжа, Михаилъ—пасторъ, дѣятель словенскаго возрожденія 1840-хъ гг. (род. 1811). 287, 291, 292, 296, 306, 308, 310.
Годжи — актриса театра въ Венеціи. 215.
Головацкій, Я. Ѳ. (р. 1814) галицко-русскій дѣятель. 322.
Головкинъ, Ю. А., графъ — попечитель харьк. учебн. округа (р. 1749 † 1846) 43.
Голый, Янъ—поэтъ словенскій (р. 1785 † 1849). 289—291, 294, 298.
Гольпеинъ — дюссельдорфскій художникъ. 87.
Гонторстъ — живописецъ (род. 1592 † 1660). 168.
Гоппе—корреспондентъ Аугсбургской газеты (въ Вѣнѣ). 280.
Горецкій —свящ. въ Лѣтавѣ. 304.
Гофбауеръ — чешскій живописецъ. 87.
Грабѣта — придворный капелланъ въ Дрезденѣ. 160, 164, 347, 349.
Григорій XVI — папа римскій (1830—1846). 279.
Гринь — драматическая актриса (въ Пештѣ). 264.
Гроссеръ — артистка пражской оперы. 182, 184.

Груберъ—попечитель бѣлорусскаго уч. округа. 333.
Гульманъ (чехъ). 103.
Дайнко, Петръ — пасторъ и писатель штирійскій (р. 1787 г.). 192, 193.
Далицъ, Адель—племянница Л. Гаупта. 141, 145.
Даниловичь, Игнатій Николаевичь—проф. харьковскаго, кіевскаго и московскаго унив. (р. 1789 † 1843). 13, 15, 17.
Даниловичь—генералъ. рус. служб. 260.
Девріенъ, Карлъ—драматическій актеръ (род. 1798). 161, 170.
Демидовъ, Пав. Ник. (р. 1798†1841). 3.
Джіордано, Лука — итал. живописецъ (род. 1629 † 1704). 351.
Джунковскій, Іос. Абр.—товарищъ И. И. С-го по харьковскому унив. 23, 26, 31, 33.
Джонсенъ. 55.
Добровскій, Іосифъ (р. 1753 † 1829). 85, 209, 280.
Довъ (Dow), Жерардъ — живописецъ (род. 1613 †1674). 168.
Долежалекъ (изъ Пешта). 293.
Долежалъ—свящ. въ Тренчинѣ. 303.
Долче—см. **Славикъ**.
Домашекъ. 153.
Донабелли—живописецъ. 327.
Дракслеръ—пѣвецъ (въ Пештѣ). 293
Драшковичь, Янко, графъ—президентъ читальницы загребской (р. 1770 † 1856). 196, 197.
Древницкій—проф. кадетскаго корпуса въ Нейштадтѣ. 281.
Дрейшокъ — чешскій музыкантъ (р. 1818 † 1869). 70, 186.
Држка—пѣвецъ пражской оперы. 84.
Дубровскій, П. П.—издатель-редакторъ «Денницы» (р. 1812 † 1882). 330.
Дункеръ, Максъ—нѣмецкій историкъ (р. 1811 † 1886). 60.
Дьяченко, Никита Андр.—проф. кіевскаго унив. 77.
Евецкій, Ор. Ст. 330, 331.
Евреиновъ—помощникъ почтъ-директора въ Вильнѣ. 333.
Екатерина II—имп. всероссійская. 279.
Ермоловъ, А. П. (р. 1776 † 1861). 10.
Жегота Паули (р. 1814). 322.
Жиго—швейцарскій купецъ. 22.
Жулковскій—актеръ варшавскаго театра. 330.
Жупанъ — проф. въ Цѣловцѣ, знатокъ иллирскихъ нарѣчій. 207.
Заикинъ. 187, 188, 351.
Залѣскій, Вацл. (Waclaw z Olecka)—польскій поэтъ (р. 1800 † 1849).
Запъ, Карлъ - Владиславъ—чешскій литераторъ (р. 1812 †1870). 321.
Захъ—содержатель гостинницы «Черный орелъ» въ Брнѣ. 119.
Зденчай—загребскій жупанъ. 196, 197, 239.
Зейбольтъ—нѣмецкій живописецъ. 168.
Зейлеръ — одинъ изъ дѣятелей серболужицкаго возрожденія (р. 1804†1872). 152, 154, 346.
Зубрицкій, Денисъ—писатель галицко-русскій (р. 1777 † 1862). 322.
Ивачковичь (изъ Кремницы). 298.
Изборскій, Болеміръ—псевдонимъ Антонина Марека. 102.
Имбергъ—почтъ-инспекторъ въ Вильнѣ. 333.
Инозомцевъ П. И.—харьковскій литераторъ. 328.
Іоаннъ—свящ. въ Ахтыркѣ. 144.
Іовановичь, Петръ — митр. сербскій (р. 1800 † 1859). 252, 260.
Іовановичь, П.—сербскій писатель (р. 1801). 249.
Іодль — писатель моравскій. 121.
Іозефи, Павелъ — суперинтендентъ въ Тисовцѣ. 310, 311.
Іозефи, жена суперинтендента. 311.
Іорданъ—лужичанинъ, составитель лужицкаго словаря. 171, 180, 185.
Іосифъ II—имп. австрійскій (р. 1741 † 1790). 92.
Казагранда—скульпторъ. 294.
Казанова—живописецъ (род. 1732). 352.
Казимиръ III Великій—кор. Польскій (р. 1310 † 1370). 326.
Казимиръ IV—король польскій (род. 1427—1492). 326.
Казначичь, Ант.—историкъ и поэтъ далматинскій. 227, 232.
Калиновскій—проф. сельскаго хоз. и лѣсоводства въ моск. унив. (р. 1814). 55, 58, 161, 164, 348, 349.
Каналетто—венец. живописецъ (1697—1780). 168, 169, 216, 351, 352

Кантъ—философъ (р. 1724 † 1804). 51.
Караджичь, Вукъ (р. 1787 † 1864). 187, 188, 264, 265, 268, 269, 271, 273, 280, 282, 284, 285.
Каратыгина, А. М.—актриса Спб. драматическаго театра (род. 1802 † 1880). 35.
Каратыгинъ, В. А.—трагикъ (р. 1802 † 1853). 35, 129.
Карлъ—драматическій актеръ въ Вѣнѣ (р. 1787). 272.
Карлъ—пѣвица пештской оперы. 263.
Касторскій, Мих. Ив.—проф. спб. унив. (р. 1809 † 1866). 56, 84.
Каталиничь — далматинскій историкъ (р. 1779 † 1847). 224, 225.
Кауфманъ Анжелика—живописица (р. 1742 † 1807). 168.
Каченовскій, Мих. Троф. (р. 1775 †1842). 13, 14, 19.
Каубекъ, Янъ—проф. чешск. языка и литературы въ пражскомъ унив. (р. 1805† 1854). 75, 182, 183.
Квасъ, Коломанъ—проф. университета въ Градцѣ Штирійскомъ. 191.
Кёлеръ—совѣтникъ полиціи въ Сгорѣльцѣ. 141, 142.
Кёлеръ—жена пред. 141.
Кергичановичь, — инсп. гимназіи въ Вильнѣ. 333.
Кинскіе, князья. 91.
Кишасонъ, Етелка. 263.
Кишасонъ, Ирма, 263.
Клацель, Франтишекъ—чешскій писатель, библіотекарь августинскаго мон. въ Брнѣ (род. 1808). 121.
Клемъ, Ф. Г.—нѣмецкій историкъ и археологъ (р. 1802 † 1867). 164, 165, 170, 349, 350.
Клинкачекъ—купецъ пражскій. 64.
Клинъ, Фридрихъ Адольфъ — серболужицкій патріотъ (1792 † 1855). 147, 148, 149, 341, 342.
Княжевичь, Дм. Макс.—попечитель одесскаго учебн. округа (р. 1788 † 1844). 188, 213, 223, 351, 352.
Княжевичь—жена Дм. М. Княжевича. 188.
Колларъ — чешскій поэтъ (р. 1793 † 1852). 242, 243, 263, 264, 285, 293, 302, 310, 313.
Колларъ—братъ поэта. 302.
Коловратъ, Фр. А. (р. 1778 † 1861). 306.
Коляръ—чешскій актеръ (дилеттантъ). 184.
Кометова—дѣвичья фамилія Подгорской. 83.
Коминскій, Янъ Непомукъ—директоръ театра въ Львовѣ, галицко-русскій писатель (р. 1778 † 1855). 322.
Коперникъ—астрономъ. 54.
Копитаръ (р. 1780 † 1844). 186, 187, 264.
Корреджіо—живописецъ (р. 1490†1534). 167, 351.
Корсунъ, А. А.—малорусскій литераторъ. 19.
Корфъ, Ѳ. К., баронъ (р. 1779 † 1823). 4.
Корсини, Іеронимъ Доминикович — академикъ архитектуры (р. 1811†1886). 46, 47, 48, 49.
Кортенъ—пѣвица (въ Дрезденѣ). 161, 348.
Костомаровъ, Ник. Ив. (р. 1817 † 1885). 19, 20, 71, 86, 88, 104, 180, 181.
Костромина—домовладѣлица въ Москвѣ. 19.
Костюшко (род. 1756 † 1817). 325, 327.
Котляревскій, Ив. Петр.—малорусскій писатель (р. 1769 † 1838). 20.
Кошелева—ученица И. И. Срезневскаго 335.
Краевскій, А. А. († 1882). 83, 87, 92, 121, 180, 185.
Краусъ—кандидатъ (въ Гибахъ). 306, 307.
Крафусъ—офицеръ (въ Кіевѣ). 335.
Кригеръ, Евгенія. 239.
Кригеръ, Софія. 239.
Крольмусъ, Вацлавъ—чешскій ученый и священникъ (р. 1787 † 1861). 106.
Кружичевичь — учитель семинаріи въ Омшѣ. 234, 235.
Крыловъ, Дм. Серг.—предсѣдатель казенной палаты въ Харьковѣ. 45.
Кубовичь—свящ. въ Мошовцахъ. 300.
Кузинъ—харьковскій купецъ († 1844). 88.
Кузмани, Карлъ—народн. словен. дѣятель и писатель (р. 1806 † 1866). 309.
Купецкій — живописецъ (род. 1667 † 1740). 352.

Кухарскій, Андр. — польскій писатель († 1862). 331.
Кучинъ, Александръ Ивановичъ — герой Аустерлица, командиръ драгунскаго полка (въ Москвѣ). 8, 9, 154.
Кучинъ, Алексѣй Петр. — братъ Т. П. Пассекъ. 20.
Лабицкій, Іос.—композиторъ (р 1802 † 1881). 143.
Лазарь—князь сербскій († 1389). 256, 258.
Ламбертъ, гр.—французскій эмигрантъ, генералъ русской военной службы. († 1843). 351.
Лампи—живописецъ (род. 1751 † 1830). 352.
Лангъ—аптекарь въ Нитрѣ. 288.
Ланнеръ—композиторъ и капельмейстеръ (р. 1802 † 1843). 114, 115, 117, 118.
Ларошь—драм. актеръ (р. 1794 † 1884). 106, 187, 280.
Леве, Людв.—драматическій актеръ (род. 1795). 187, 268, 279, 351.
Левенштейнъ—дюссельдорфскій художникъ. 87.
Левицкій, Іосифъ (р. 1801 † 1860). 322.
Левицкій,—каноникъ и цензоръ въ Львовѣ. 322.
Леманъ—пѣвица вѣнской оперы. 353.
Леонова, Ек. Андр. 333.
Леонова, М. Андр. 24, 79.
Леонова, М. Як —жена И. Ѳ. Леонова. 24, 78, 79, 333, 334.
Леоновъ, Ив. Ѳедоровичъ—проф. унив. св. Владимира по каѳ. государственнаго врачебновѣдѣнія (р. 1809 † 1854). 22, 24, 40, 78, 333, 334.
Либушь, Альвина — дочь пастора Либуша. 156.
Либушь, Юрій—пасторъ, писатель лужицкій. 156.
Липинскій, Карлъ — скрипачь (р. 1790 † 1861). 161, 170, 348, 349.
Листъ, Фр.—композиторъ (р. 1811 † 1886). 70, 75, 78, 143, 186, 202.
Лихтенштейнъ, гр.—владѣлецъ картинной галлереи (въ Вѣнѣ). 351.
Лосъ — пѣвецъ вѣнской оперы. 266, 267.
Лукашевичь, Іос. — польскій историкъ (р. 1797 † 1872). 328.
Лукьяновичь, Семенъ Семеновичь,—проф. харьковскаго унив. 10, 18, 37, 57, 71, 88, 181, 350.
Лучекъ.—свящ. въ Пилѣ. 311.
Лучкай, Мих. († 1843). 317.
Лыгинъ—товарищъ И. И. С-го по харьковскому унив. 31.
Лызловъ, Н.—московскій литераторъ. 17.
Лѣшковъ, Вас. Пик.—проф. московскаго унив. (р. 1810 † 1881). 10, 13, 20, 22.
Любовичь, Н.—авторъ замѣтки о посѣщеніи И. И. С-имъ Реннеля въ Галле. 60.
Люцеръ—пѣвица (р. 1816). 120, 129, 171, 188, 269, 280, 353.
Майеръ—капелланъ въ Фарѣ, знатокъ хорутанской народности (р. 1809 г.). 207.
Макаровъ, Мих. Ник. — литераторъ и археологъ-любитель († 1847). 17.
Малеинъ, Александръ—канд. юрид. фак. Спб. унив. 55, 114, 115, 116, 119.
Малеинъ, Вас.—канд. юрид. фак. Спб. унив. 55, 58, 114, 115, 116.
Маратти—живописецъ (р. 1625 † 1713). 352.
Марекъ, Антонинъ—чешскій писатель-богословъ (р. 1785 † 1877). 102, 103 104.
Марекъ, Янъ—священникъ, одинъ изъ лучшихъ чешскихъ романистовъ (р. 1801 † 1853). 108, 109.
Мариновскій—ученикъ И. И Срезневскаго. 335.
Маріановичь. 250, 260, 261.
Марксъ—драмат. актеръ (въ Вѣнѣ). 279.
Марксъ—пѣвица дрезд. оперы. 161, 170, 171.
Маркусъ (лужичанинъ). 134, 335.
Мартини—свящ. въ Гаѣ. 300.
Мартыновъ, Арк. Ив. 48.
Марциновскій, Антоній — публицистъ (р. 1781 † 1855). 333, 334.
Маршнеръ—композиторъ (род. 1795 † 1861). 184.
Масловъ, Степанъ Александровичь—изв. въ Москвѣ дѣятель по сельскому хозяйству (р. 1793 † 1879). 16.
Матинекъ—пасторъ въ Борковѣ. 158.
Матушка—евангелическій свящ. въ Истебнѣ. 305.
Махачекъ, Сим. Карлъ—чешскій писатель-переводчикъ (1799 † 1846). 102, 103, 104.
Махачекъ—жена Махачка. 104.
Мацѣевскій, Вацлавъ, (р. 1793 † 1883). 124.

Медовичь—купецъ въ Задрѣ. 221, 222.
Мейерберъ—композиторъ (р. 1794 † 1864). 352.
Мейснеръ—каноникъ въ Ползни (въ Чехіи). 107.
Мелетій—арх. харьковскій († 1840). 88.
Менгсъ, Антонъ—живописецъ (р. 1728 † 1779). 169, 352.
Меса—свящ. въ Блатницѣ. 300, 301.
Метелко—проф. славянскаго яз. и литературы въ люблянскомъ лицеѣ (род. 1789 † 1861). 203.
Меттернихъ (р. 1773 † 1859). 306.
Метлинскій, Амвросій Лукіановичь — проф. харьковскаго, потомъ кіевскаго унив. по каѳедрѣ русской словесности († 1870). 8, 14, 18, 19, 20, 26, 37, 40, 71, 72, 77, 80, 81, 86, 88, 96, 106, 126, 180, 181, 191, 194, 202, 217, 238, 239, 261, 278, 284, 285, 323, 326.
Мечиславъ I—король польскій (р. 931 † 992). 329.
Мещерскій, Алекс. Павл.—путешественникъ († 1858). 10.
Милица—жена Лазаря, кн. сербскаго. 256.
Мильднеръ—содержательница меблированныхъ комнатъ (въ Дрезденѣ). 163, 349.
Милодраговичь, С. 253, 260.
Милютинъ, Д. А.—военный министръ (р. 1816). 171.
Михаилъ Корибутъ Вишневецкій—кор. польскій (р. 1638 † 1673). 326, 327.
Михаилъ Павловичь — великій князь († 1849). 334.
Мицкевичь — поэтъ (р. 1798 † 1855). 326, 332, 333.
Міовичь—дерншскій купецъ. 222, 223.
Млатковскій—харьк. антрепренеръ. 51.
Мозеръ, Люд. Ферд.—проф. физики въ кенигсбергскомъ унив. (р. 1805). 52.
Морелли—вѣнскій капельмейстеръ. 114.
Моріани—пѣвецъ вѣнской оперы. 115, 116, 117, 118.
Морошкинъ, Ѳед. Лукичь—проф. московскаго унив. по каѳ. гражданскаго права (р. 1804 † 1857). 13, 16.
Мотузко — харьковскій домовладѣлецъ. 111.
Моцартъ (р. 1756 † 1791). 84, 351.
Муняй—ректоръ академіи въ Прѣшовѣ. 314, 315.
Мурильо—живописецъ (р. 1613 † 1682). 168.
Мучковскій, Іосифъ — польскій историкъ (р. 1795 † 1858). 323, 325, 327.
Мѣховита, Матвѣй—польскій историкъ (р. 1456 † 1523). 326.
Нагель—содержательница пансіона въ Харьковѣ. 44.
Надеждинъ, Н. И. (р. 1803 † 1856). 188, 213, 252, 335, 351.
Наполеонъ I. 229, 327.
Неволинъ, Конст. Ал. (р. 1806 † 1855). 335.
Неедли—капельмейстеръ въ Прагѣ. 184.
Нестрой, Янъ—драматическій актеръ и писатель (р. 1801 † 1862). 272, 276.
Николай I—имп. всероссійскій. 103, 110, 198, 228, 229, 255, 256, 259, 279, 290, 306, 329.
Новаковскій,—драм. актеръ (въ Львовѣ). 321.
Носакъ—капелланъ въ св. Микулашѣ. 306, 357.
Нѣгушь, Петръ I—митр. черногорскій (род. 1754 † 1830). 228.
Нѣгушь, Петръ II—владыка черногорскій (р. 1812 † 1851). 228, 229, 230, 231, 232.
Нѣгушь, Ѳома — отецъ Петра Нѣгуша, черногорскаго владыки. 230.
Нѣгушь—мать владыки черногорскаго. 230.
Нѣгушь—сестра владыки черногорскаго. 230.
Ободовскій, Пл. Гр.—драматургъ († 1864). 34.
Обреновичь, Анка. 252, 262.
Обреновичь, Ефремъ — братъ сербскаго короля Милоша. 250, 251, 252, 260.
Обреновичь, Любица—княгиня сербская, мать кн. Михаила (р. 1788 † 1843). 252.
Обреновичь, Миланъ—князь сербскій, сынъ Милоша (р. 1819 † 1839). 268.
Обреновичь, Милошь — король сербскій (р. 1780 † 1860). 250, 252, 254, 256, 257, 259, 268, 270, 271, 280, 282, 284, 285.
Обреновичь, Михаилъ—князь сербскій (р. 1823 † 1868). 252, 259, 260, 268.
Огераль, Янъ—моравскій литераторъ (р. 1810). 119, 120.
Одоевскій, Вл. Ѳед., князь (р. 1803 † 1869). 28, 29.

Одынецъ, Эд.—польскій писатель (р. 1804 † 1884). 333.
Окуневъ. 331.
Ольбергъ—переводчикъ А. С. Пушкина на нѣмецкій языкъ. 55.
Оршичъ, графъ (въ Загребѣ). 196.
Павелъ I — имп. всероссійскій 279.
Павичъ, Антонъ—югославянскій естествоиспытатель, медикъ и этнографъ (р. 1802 † 1853). 244.
Павковичъ. 223.
Павловичъ, Тодоръ—сербо-хорватскій литераторъ (р. 1804). 264. 293.
Павловичъ—горный практикантъ (въ Штявницѣ). 296.
Палацкій, Фр. (р. 1798†1876). 74, 75, 299.
Пальфи, графъ—землевладѣлецъ въ Нитранской столицѣ (въ Венгріи). 303.
Пантеличъ— докторъ (въ Землинѣ). 261.
Паскевичъ, Ив. Ѳед., гр. Эриванскій, кн. Варшавскій (р. 1782 † 1857). 331.
Пассекъ, Вад. Вас.—издатель «Очерковъ Россіи» (род. 1807 † 1842). 5, 9, 17, 20, 22, 133.
Пассекъ, Діомидъ Васильевичъ—генералъ-майоръ, герой Кавказа († 1845). 17, 18, 21.
Пассекъ, Татьяна Петровна—авторъ воспоминаній «Изъ дальнихъ лѣтъ» (род. 1810 † 1889). 5, 6, 9, 17, 20, 22.
Паткуль, Іог. Рейнгольдъ († 1707). 172.
Паули—комикъ дрезденскаго театра. 170.
Петекъ, капелланъ (въ Градишкѣ на Славонской военной границѣ). 243.
Петровичъ—студ. вѣнскаго унив. 265.
Петръ Великій. 298.
Петръ—см. **Іовановичъ**.
Пехе (Pechè, выгов. Пешѐ)—драм. актриса (р. 1806). 279.
Пешика, Вацлавъ— чешскій проповѣдникъ и писатель-богословъ (р. 1782 † 1859). 95.
Питра, Фанни Самойловна. 12, 37, 74, 78, 96, 104, 105, 161, 170, 171.
Питра, Адольфъ Самойл. — проф. ботаники и ректоръ харьк. унив. 1, 105.
Питра, Альбертъ Самойловичъ—проф. судебной медицины въ харьк. унив. 1, 105, 171.
Питра, Марья Ѳедоровна. 1, 7, 12, 18, 78, 79, 80, 96, 104, 105, 171.
Питра С.,—лаборантъ харьк. универс. 1.
Піонковичъ, Варвара Вильгельм. 26.
Погодинъ, Мих. Петр. (р. 1800 † 1875). 14, 15, 16, 29, 92.
Подгорская, Екатерина (рожд. Кометова) —чешская пѣвица (р. 1807). 63, 70, 83, 84, 93, 120.
Покорскій, Ал. Ив. 56.
Полевой, Ник. Ал. (р. 1796 † 1846). 28.
Понятовскій. 327.
Поплинскій, Антонинъ—польскій писатель. 328. 329.
Поповичъ—см. **Василій**.
Поповичъ—мать уніатскаго епископа въ Унгварѣ. 317.
Порошинъ, Викторъ Степ.—проф. спб. унив. (р. 1809 † 1868). 21.
Порцель, Августъ Давидовичъ. 14, 18.
Потоцкіе—польскій именитый родъ. 326.
Потоцкій, Владиміръ. 326.
Потоцкій, графъ. 209, 210.
Поттъ, Авг. (р. 1802). 60.
Прахнеръ—віолончелистъ (въ Прагѣ). 184.
Прейсъ, Петръ Ив.—проф. славянскихъ нарѣчій въ спб. унив. (р. 1810 † 1846). 52, 53, 171, 182, 183, 184, 185, 211—239, 242, 243, 260, 285, 296, 298, 329.
Прешернъ, Фр.—поэтъ краинскій (р. 1800 † 1849). 204.
Протасовъ, Николай Алекс., графъ (р. 1799 † 1855). 23, 24, 25.
Прюмъ—скрипачъ (въ Берлинѣ). 55.
Пуркине, Ем.—натуралистъ, старшій сынъ Яна Пуркине (р. 1832). 124, 134. 335.
Пуркине, Карлъ —живописецъ, младшій сынъ Яна Пуркине (р. 1834). 124, 134, 335.
Пуркине, Янъ—проф. физіологіи сначала въ бреславльскомъ, потомъ въ пражскомъ унив. (р. 1787 † 1869). 123, 126, 129, 134, 328, 335, 336.
Пуфъ, Рудольфъ—докторъ (въ Марбургѣ). 192.
Пушкинъ, А. С. 55.
Радецкій, баронъ. 293.
Раичъ, Семенъ Егоровичъ—переводчикъ Тасса, Аріоста, Виргилія († 1855). 14, 15, 20, 38.
Раковецъ—хорватскій писатель и народный дѣятель († 1854). 239, 240, 243.

Раупахъ, Эрнстъ — драматургъ (род. 1784). 187, 191.
Рачинскіе; ихъ библіотека (въ Познани). 328.
Рачинскій, графъ—основатель библіотеки въ Познани (р. 1787). 329.
Рафаэль Санціо (р. 1483†1520). 162, 166, 167, 169, 351, 352.
Ревай, баронъ—оберъ-шпанъ Турчанской столицы (въ Венгріи). 302.
Реза—проф. кенигсбергскаго унив. 53.
Рейская, Антонія Богуслава. 89, 92.
Рейсъ, Самуилъ—священникъ въ Ревуцѣ. 311.
Рембрандтъ (р. 1606†1674). 168, 169, 352.
Реппель—профессоръ исторіи въ Галле и Бреславлѣ. 60.
Реттигъ—драматическая актриса. 187, 268, 279.
Де-Роберти, Александръ Альбертовичъ. 40, 45.
Де-Роберти — содержатель пансіона въ Харьковѣ. 215.
Робушь, А. 130.
Роза, Сальваторъ (р. 1614 † 1673). 167, 168, 352.
Розенкранцъ, Карлъ—проф. философіи въ Галле и Кенигсбергѣ (р. 1799 † 1868). 52.
Ронкони—пѣвецъ вѣнской оперы. 115, 116, 118.
Росковшенко, Ив. Вас. († 1889). 143.
Рославскій-Петровскій, Ал. Петр.—профессоръ и ректоръ харьковскаго унив. (р. 1816 † 1871). 18, 21, 37, 71, 80, 88, 180, 181, 202, 261, 278, 322.
Рославневскіе. 189.
Ростиславъ — князь велико-моравскій. 287.
Росцишевскій (галичанинъ). 322.
Ротари, П.—живописецъ (р. 1707†1762). 162, 167.
Роттъ — драматическій актеръ (род. 1795). 87.
Рубенсъ—живописецъ (р. 1577 † 1640). 168, 351, 352.
Рубешь—чешскій поэтъ (р. 1814†1853). 184.
Руми, Георгъ—проф. въ Гранѣ (р. 1786† 1847). 294.
Рыльскій, Григорій Ивановичъ—преподаватель Тамбовской гимназіи и Александринскаго института благородныхъ дѣвицъ. 2, 3.
Рѣдкинъ, Петръ Григорьевичъ — проф. московскаго и спб. унив. (р. 1808 † 1891). 13.
Сахарова—мать Ив. Петровича Сахарова. 7.
Свиридовъ, Ив. Алекс.—проф. харьковскаго унив. по каѳ. судебной медицины и медицинской полиціи. 55, 56, 58, 123, 124.
Святополкъ — князь велико-моравскій. 287.
Себерини—суперинтендентъ въ Штявницѣ. 296.
Севастьянъ Іовичь—игуменъ мон. Гомирьи. 237.
Сегала—живописецъ (р. 1663 † 1720). 168.
Семеновъ, Ѳ. А.—астрономъ (р. 1794 † 1860). 3.
Сенковскій, Ос. Ив. (р. 1800 † 1858). 43.
Сенчичь—учитель въ Землинѣ. 261.
Сербиновичь, Конст. Степ. († 1875). 24, 28, 32, 38.
Сигизмундъ I — король польскій (род. 1467 † 1548). 326.
Сигизмундъ III — король польскій (род. 1566 † 1632). 326.
Сикора, Янъ Непом.—чешскій писатель (р. 1780 † 1845). 107, 108, 109.
Сина—вѣнскій банкиръ. 303.
Сировица, Дельфина. 223, 224.
Скарбекъ, графъ. 321, 322.
Склабовскій, Ал. Вас.—издатель «Украинскаго Журнала» († 1831). 181.
Скультетый — капелланъ въ Тисовцѣ. 311.
Славикъ (Долче), Іоспфъ — капельмейстеръ (р. 1806 † 1833). 294.
Славикъ, Рудольфъ—капельмейстеръ (р. 1823). 294.
Смедревецъ (хорватъ). 241.
Сметана, Іос. Франт.—чешскій естествоиспытатель, математикъ, историкъ и богословъ (р. 1801†1861). 107—109.
Смирдинъ, Ал. Фпл. — книгопродавецъ (р. 1795 † 1857). 25, 28.
Смоляръ (I. E. Schmaler)—одинъ изъ представителей сербо-лужицкаго возрожденія 1830—1840 гг. (р. 1816 г.). 141, 142, 145, 152, 154, 155, 157, 341—346.

Смоляръ — мать І. Е. Смоляра. 151, 345.
Смоляръ—отецъ І. Е. Смоляра. 151, 155, 345, 346.
Снегиревъ, Иванъ Михайловичъ—проф. московскаго унив. (р. 1793 † 1838). 10, 13, 14, 16.
Снейдерсъ—живописецъ (р. 1579†1657). 168.
Соймоновъ, Ник. Ив.—поручикъ артиллеріи. 46, 47.
Соколова, А. С.—жена русскаго свящ. въ Берлинѣ. 55, 57, 58, 59, 64.
Соколова, М.—дочь И. Н. Соколова. 330.
Соколова, М. Ф.—жена И. Н. Соколова. 330, 331.
Соколовскій. 17.
Соколовъ, Д. В.—свящ. русской посольской церкви въ Берлинѣ († 1853). 55, 56, 57, 58.
Соколовъ, Ив. Н. 330, 331.
Солтисъ—свящ. въ Иванчинѣ. 302.
Солтыкъ, Каетанъ Игнатій—еп. краковскій (р. 1705 † 1788). 326.
Спасскій, Мих. Фед.—проф. физики въ московскомъ унив. (род. 1809 † 1859). 10, 20.
Срезневскій, Ив. Евсеевичъ—проф. харьковскаго унив. († 1819). 10, 52, 188.
Срезневскій, Іос. Евс.—проф. казанскаго унив. 188.
Срезневскій, Ник. Ив.—подполковникъ генеральнаго штаба († 1863). 21, 22, 23, 24, 26, 32, 33, 36, 37, 38, 40, 45, 55, 57, 81, 104. 132, 172, 201, 202, 207, 211, 217, 335.
Стазичъ—учитель въ Сплѣтѣ. 225.
Станекъ, Божена—дочь В. Станька. 96.
Станекъ, Вацлавъ—чешскій литераторъ, по профессіи врачъ (р. 1804). 63, 64, 66, 68, 72, 74, 75, 82, 89, 92, 93, 96, 97, 100.
Станекъ—жена В. Станька. 89, 92.
Станиславъ, св. 327.
Станковичъ,—арх. правосл. въ австрійской имперіи. 248.
Станьковицъ, Антонія Богуслава—см. **Рейская**.
Стефанъ—король венгерскій. 294.
Стефанъ—свящ. дернишскій. 222.
Стефанъ Баторій—король польскій (р. 1533 † 1586). 327.
Стефанъ Деспотъ. 259.
Стефанъ Урошъ—царь сербскій. 24.
Стороженко — сенаторъ (въ Варшавѣ). 331.
Стракатый—чешскій пѣвецъ (р. 1804 † 1868). 63, 70.
Строевъ, Павелъ Мих. (р. 1796 † 1876). 14, 16, 17.
Струве, Н. И.—лекторъ англійскаго языка въ харьковскомъ унив. 269.
Стуръ—см. **Штуръ**.
Субботичъ, Іованъ—сербо-хорватскій литераторъ (род. 1817). 264, 293.
Сумароковъ, Петръ Панкр.—литераторъ (р. 1800). 9.
Сушилъ, Франт. — моравскій этнографъ, богословъ, поэтъ (р. 1804†1868). 120, 186.
Такони, докторъ (въ Сплѣтѣ). 224.
Тальбергъ, Сигизм.—композиторъ (р. 1812). 70.
Тальони —танцовщица (р. 1804). 31. 35, 40, 43, 171.
Тейслеръ (лужичанинъ). 141, 145.
Тейслеръ, А.—племянница Тейслера. 141.
Тейслеръ—жена Тейслера. 141.
Теньеръ—живописецъ (р. 1618 † 1691). 168, 352.
Тикъ, Людвигъ—писатель (р. 1773 † 1853). 164, 349.
Тиле—живописецъ. 169.
Тиль—чешскій литераторъ. 83.
Тихановичъ, Поликарпъ Васильевичъ — проф. харьковскаго унив. 18.
Тироль, Дм. — литераторъ сербо-хорватскій (р. 1793 † 1857). 250, 251, 252, 260.
Тихачекъ — пѣвецъ (р. 1807). 161, 170.
Томашекъ, Вацлавъ—чешскій композиторъ (р. 1774 † 1850). 92, 93, 185, 202.
Томашикъ, Самуилъ—свящ. въ Хижнѣ, патріотъ писатель словенскій (р. 1813). 311.
Томашикъ, Янъ Павелъ—ректоръ еванг. лицея въ Левочѣ (р. 1820). 314.
Томашикъ—жена Яна Томашика. 314.
Топаловичъ, Мато—литераторъ хорватскій († 1861). 246.
Топчіева, Н. Е. 77, 96.
Торвальдсенъ — скульпторъ (р. 1770 † 1844). 326.
Травна — танцовщица (въ Варшавѣ). 330.

Боянъ—имп. Римскій. 258.
Бюринъ, Ѳед. Леонтьевичъ—инспекторъ казенныхъ училищъ въ Харьковѣ († 1871). 237.
Бюрки—купцы (въ Вѣнѣ). 280.
Уваровъ, гр. С. С.—министръ народнаго просвѣщенія (р. 1786 † 1855). 13, 26, 44.
Унгаръ, Каролина — пѣвица вѣнской оперы (р. 1800). 115, 116, 117, 118, 120, 171.
Фанъ-Дейкъ—см. **Вандейкъ**.
Фейерпатаки, Каспаръ—книгопродавецъ въ Микулашѣ, писатель (р. 1794 г.). 306.
Фейтъ—чешскій землевладѣлецъ. 121.
Фергичь—свящ. въ Брестованѣ. 244.
Фердинандъ I—имп. австрійскій (род. 1793, царст. 1835—1848). 92, 115, 272, 279, 283.
Ферьенчикъ, Сам.—словен. народный дѣятель (р. 1795 † 1855). 310, 311.
Фидлеръ, Гр. Гр.—аптекарь въ Харьковѣ. 1, 12, 18, 78, 79, 96, 105.
Фидлеръ, Марѳа Ивановна — жена Гр. Гр. Фидлера. 1, 7, 12, 18, 37, 78, 79, 96, 104, 105.
Фишеръ — нѣмецкій драматическій актеръ. 87, 106.
Фіялка—проф. кадетскаго корпуса въ Нейштадтѣ, чешскій писатель (род. 1809). 280, 281.
Фохтъ, Іоганъ—проф. исторіи и директоръ кенигсбергскаго архива (р. 1786 † 1863). 52, 53.
Франчипаны, графская фамилія. 236.
Франчіа, Ф.—живописецъ (р. 1450 † 1518). 162, 166.
Фрейндъ—русскій техникъ (въ Прагѣ). 87, 106.
Фреццолини—пѣвица. 120, 171.
Фридрихъ Вильгельмъ—король прусскій († 1840). 109.
Фричь, Іос.—адвокатъ и проф. юридическихъ наукъ въ Прагѣ (р. 1804). 93.
Фрндакъ — горный практикантъ (въ Штявницѣ). 296.
Фуксъ—проф. акад. въ Прешовѣ. 314, 315.
Фуксъ—жена проф. Фукса. 314.
Хаджичь—см. **Гаджичь**.
Халупка, Само—словенскій поэтъ (род. 1812). 310.
Халупка, Янъ—писатель-сатирикъ словенскій (р. 1791). 310, 311.
Хлопицкій, Іос. (р. 1772). 327.
Хомяковъ, А. С. (р. 1804 † 1860). 43.
Хорватъ—адвокатъ и библіотекарь въ Люблянѣ. 204, 205.
Христіанъ—сынъ Августа курф. сакс. 177.
Цвѣтаевъ, Андрей Львовичь — сынъ слѣд. 10, 64.
Цвѣтаевъ, Левъ Алексѣевичь — проф. московскаго унив. († 1835). 10, 12, 13.
Цвѣтокъ—пасторъ въ сел. Лембахъ (въ Штиріи). 192.
Цегельская—жена Цегельскаго. 328.
Цегельскій, докторъ (въ Познани). 329.
Цертелевъ, Н. А. князь — помощникъ попечителя харьк. уч. округа († 1867). 181, 238.
Ципсеръ, Христіанъ—естествоиспытатель (р. 1783 † 1864). 309.
Цохіусъ—свящ. въ Ясеновѣ. 305.
Цурбаранъ—испанскій живописецъ (р. 1596 † 1662). 168.
Чачковичь, Анна Ив., графиня (въ Загребѣ). 241.
Чевкинъ, Алексѣй Вл. 228, 230, 249.
Челяковскій, Фр.—чешскій поэтъ, литераторъ и филологъ (р. 1799 † 1852). 74, 75, 80, 83, 85, 92, 93, 95, 96, 184, 185, 328.
Челяковскій — сынъ Франца Челяковскаго. 85.
Черткова—жена Ал. Дм. Черткова. 16
Чертковъ, Александръ Дмитріевичь (р. 1789 † 1879). 15, 16, 17.
Чивилевъ, Алекс. Ивановичь — проф. московскаго унив. († 1867). 13, 15.
Чипкай—учитель въ Мошовцахъ. 300.
Чудновскій. 144.
Шабельскій, Петръ. 26.
Шалькенъ—скульпторъ. 168.
Шандоръ—помѣщикъ загребскій. 240.
Шафарикъ, Павелъ Іосифъ (р. 1795 † 1861). 27, 28, 63, 64, 66, 68, 74, 75, 76, 78, 79, 81, 83, 87, 92, 93, 94, 96, 142, 143, 180, 182, 184. 193, 313.
Шафарикъ, Янко (р. 1812 † 1876). 249, 261.
Шафарикъ—жена Павла Шафарика 63.
Швейкартъ, Ферд. Карлъ—проф. харь-

ковскаго, марбургскаго и кенигсбергскаго унив. 52.
Шембера. Алоизій—чешскій ученый и писатель (р. 1807). 121.
Шидловская, Е. Р.—екатеринославская помѣщица. 199.
Ширинскій-Шихматовъ, Пл. Алекс.—министръ народн. просв. (род. 1790 † 1853). 24.
Ширъ, Фр.—профессоръ и директоръ ишинской гимназіи въ Чехіи (1796—1867). 102, 103.
Ширъ — жена Фр. Шира. 102, 104.
Шмалеръ—см. **Смоляръ.**
Шмидтъ—актеръ въ Загребѣ. 238.
Шпигоцкій, Аѳанасій Григ.—товарищъ И. И. С-го по харьковскому унив. 23, 31, 33, 328.
Шредеръ-Девріанъ, Вильгельмина—пѣвица (род. 1805). 161, 170, 171, 348.
Штаудигль—пѣвецъ вѣнской оперы (р. 1807 † 1861). 266, 267.
Штаудуаръ, Вѣкославъ. 241, 242.
Штаудуаръ, Габріела. 241—243.
Штаудуаръ, Драгоила Степ. 196, 241, 242.
Штепанекъ, Янъ Неп. — директоръ чешскаго театра въ Прагѣ, драматургъ (р. 1783 † 1844). 87.
Штраусъ, Іоганнъ — композиторъ (род. 1804 † 1849). 114, 115, 117.
Штуръ, Карлъ—словенскій писатель (р. 1811 † 1856). 283.
Штуръ, Людевитъ— одинъ изъ дѣятелей словенскаговозрожденія (р. 1815† 1856). 282, 283, 291, 292.
Шубертъ, Фр. Вильг.—проф. кенигсбергскаго унив. (р. 1799). 52, 53, 54.
Шульце—берлинская пѣвица. 55.
Шульцъ—драматич. актеръ (въ Вѣнѣ.) 272, 276.
Шумавскій, І. Ф.—чешскій филологъ и литераторъ (р. 1796†1857). 66.
Щепкинъ, Мих. Семеновичь—актеръ московскаго театра (р. 1788 † 1864). 20.
Эйхельбургъ, бароны (въ Зильской долинѣ). 208
Энсъ — директоръ музеума въ Опавѣ (Troppau). 122.
Фонъ - **Эренталь,** баронъ — владѣлецъ Грубоскальскаго замка. 103.
Эрль—пѣвецъ (въ Дрезденѣ). 353.
Эстерка—любовница Казимира Великаго кор. польскаго. 325.
Юнгманъ, Іосифъ (р. 1773). 75, 86.
Юни—полковникъ. 55, 57.
Юнкертъ, Г. Ѳ.—харьковская домовладѣлица. 54, 58, 79, 80, 88, 105.
Юшковичь—польскій живописецъ. 278.
Ядвига—королева польская (род. 1372 † 1399). 327.
Янъ Альбрехтъ—король польскій, (р. 1459 † 1499). 326.
Янъ Казимиръ—кор. польскій (р. 1609 † 1672). 326.
Янъ III Собѣскій—кор. польскій (род. 1624 † 1696). 327.
Янъ съ Гвѣзды—псевдонимъ Яна Марека. 108.
Ярникъ — поэтъ хорутанскій (1784 † 1844). 207.

Московская Центральная Публичная библиотека

Центральное
КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Мос. Обл. Б-ка

X7

Московская Центральная
Публичная Библиотека